ob. ob. ob. ob. ob. ob. ob. ob.

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

1852

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕНОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

ИЗЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И УЧЕНЫХЪ ТРУДОВЪ

К. И. Арсеньева. Е. А. Баратынскаго. Барона Брамбеуса. Ѳ. В. Булгарина. А. Ѳ. Воейкова. Кн. П. А. Вяземскаго. Ѳ. Н. Глинки. Н. И. Греча. В. И. Григоровича. Д. В. Давыдова. И. И. Давыдова. В. А. Жуковскаго. М. Н. Загоскина. И. Т. Калашникова. М. Т. Каченовскаго. И. В. Кирѣевскаго. Казака Луганскаго. И. И. Козлова. И. А. Крылова. Н. В. Кукольника. М. Е. Лобанова. А. М. Максимовича. А. П. Максимовича. Марлинскаго. К. П. Масальскаго. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. А. С. Норова. Кн. В. Ѳ. Одоевскаго. А. Н. Очкина. В. И. Панаева. П. А. Плетнева. М. П. Погодина. А. Погорѣльскаго. Н. А. Полеваго. А. С. Пушкина. С. Е. Раича. А. Г. Ротчева. Рудаго-Панько. П. П. Свиньина. О. И. Сенковскаго. И. Н. Скобелева. И. М. Снигирева. Н. Г. Устрялова. В. А. Ушакова. Б. М. Федорова. Гр. Д. И. Хвостова. А. С. Хомякова. Кн. А, А. Шаховскаго. С. П. Шевырева. А. В. Шидловскаго. А. С. Шишкова. В. Н. Щастнаго. Д. И. Языкова. Н. М. Языкова. П. Л. Яковлева. И. М. Ястребцева. Г. М. Яценкова, и другихъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОМЪ.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ, 1833 года Декабря 31 дня.

Ценсоръ *Никитенко.*

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОЭЗІЯ.

МОЯ МОЛИТВА.

О Ты, Кого хвалить не смѣю,
Творецъ всего, Спаситель мой!
Но Ты, къ Кому я пламенѣю
Моимъ всемъ сердцемъ, всей душой, —

Кто по Своей небесной волѣ
Грѣхи любовью превозмогъ,
Приникъ страдальцевъ къ бѣдной долѣ,
Какъ другъ и братъ, отецъ и Богъ.

Кто солнца яркими лучами
Сіяетъ мнѣ въ красѣ денной,
И огнезвѣздными зарями
Всегда горитъ въ тиши ночной;
Крушитель зла, Судья верховный, —
Кто насъ спасаетъ отъ сѣтей,
И ставитъ противъ тмы грѣховной
Всю бездну благости Своей.

Услышь, Христосъ, мое моленье,
Мой духъ Собою озари,
И сердца бурнаго волненье,
Какъ зыбь морскую усмири;
Прими меня въ Свою обитель,
Я блудный сынъ, — Ты отче мой;
И, какъ надъ Лазаремъ, Спаситель,
О, прослезися надо мной!

Меня не крестъ мой ужасаетъ:
Страданье вѣрою цвѣтётъ;
Самъ Богъ кресты намъ посылаетъ,
А крестъ нашъ Бога намъ даётъ.
Тебѣ во слѣдъ итти готовый,
Молю, чтобъ духъ мой подкрѣпилъ;
Хочу носить вѣнецъ терновый,
Ты Самъ, Христосъ, его носилъ.

Но въ мрачномъ, горестномъ удѣлѣ,
Хоть я безъ ногъ и безъ очей,
Еще горитъ въ убитомъ тѣлѣ
Пожаръ бунтующихъ страстей.

Въ Тебѣ одномъ моя надежда,
Ты радость, свѣтъ и тишина,
Да будетъ брачная одежда
Рабу строптивому дана.

Тревожной совѣсти угрозы,
О Милосердый, успокой;
Ты видишь покаянья слёзы,
Молю, не вниди въ судъ со мной;
Ты всемогущъ, а я безсильный;
Ты Царь міровъ, а я убогъ;
Безсмертенъ Ты, — я прахъ могильный,
Я быстрый мигъ, — Ты вѣчный Богъ!

О! дай, чтобъ вѣрою святою
Разсѣялъ я туманъ страстей,
И чтобъ безоблачной душою
Прощалъ врагамъ, любилъ друзей;
Чтобъ лучъ отрадный упованья
Всегда мнѣ въ сердце проникалъ,
Чтобъ помнилъ я благодѣянья,
Чтобъ оскорбленья забывалъ.

И на Тебя я уповаю:
Какъ сладко мнѣ любить Тебя!
Твоей я благости ввѣряю
Жену, дѣтей, всего себя!
О, искупя невинной кровью
Виновный, грѣшный міръ земной,
Пребудь божественной любовью
Вездѣ, всегда, во мнѣ, со мной!

И. КОЗЛОВЪ.

*

НОРМАНСКІЙ ОБЫЧАЙ.

РЫБАЧЬЯ ХИЖИНА НА БЕРЕГАХЪ НОРМАНДІИ.

БАЛЬДЕРЪ, мореходецъ.
РИХАРДЪ, рыбакъ.
ТОРИЛЬДА.

Бальдеръ.

Твое здоровье, мой хозяинъ добрый!
Признаться ли? Я благодаренъ бурѣ,
Занесшей насъ въ спокойный твой заливъ:
Давно такимъ радушнымъ угощеньемъ,
У свѣтлаго огня, въ пріютѣ мирномъ,
Порадованъ я не былъ.

Рихардъ.

Въ добрый часъ;
Доволенъ ты, и мы довольны; въ нашихъ
Рыбачьихъ хижинахъ какая роскошь?
Но вдвое намъ по сердцу гость такой,
Какъ ты, рожденный въ сѣверныхъ странахъ,
Изъ коихъ въ старину приплыли наши
Отцы, о коихъ намъ изъ древнихъ лѣтъ
Такъ много славнаго сохранено
Въ преданіяхъ и пѣсняхъ сладкозвучныхъ.
Но долженъ я тебѣ, мой благородный

Гость, объявить, что есть у насъ обычай,
По коему здѣсь каждый иноземецъ,
Кто бъ ни былъ онъ, богатый иль убогій,
За угощенье платитъ.

Бальдеръ.

Радъ исполнить
Я вашъ обычай; мой корабль, стоящій
На якорѣ въ заливѣ, полонъ рѣдкихъ
Товаровъ, собранныхъ по берегамъ
Земель полуденныхъ: есть золотые
Плоды, есть вина сладкія, есть птицы,
Плѣняющія взоръ блистаньемъ перьевъ;
И кузницъ сѣверныхъ издѣлья есть:
Двуострые мечи, кольчуги, шлемы.

Рихардъ.

Меня не понялъ ты, мой гость почтенный!
Норманскій нашъ обычай не таковъ:
Здѣсь всякій, кто ночлегъ далъ иноземцу,
Имѣетъ право требовать, чтобъ гость
Иль сказку разсказалъ, иль пѣсню спѣлъ,
И въ свой чередъ ему онъ тѣмъ же платитъ.
На старости держусь я старины,
Люблю я пѣсни, сказки и преданья.
Исполни жъ нашъ обычай, добрый гость!

Бальдеръ.

Иная сказка сладостнѣй вина,
Душистѣе плода, пестрѣе птицы;
И часто звукъ старинной бранной пѣсни,
Какъ звукъ мечей, какъ громъ щитовъ плѣняетъ
Нашъ слухъ: и такъ не вовсе я ошибся.
Хоть въ памяти не много у меня

Разсказовъ, но почтить такой похвальный
Обычай я готовъ. Вотъ что недавно
На палубѣ, въ морскую тишину
Намъ при лунѣ одинъ изъ корабельныхъ
Товарищей разсказывалъ.

Рихардъ.

Но прежде
Еще по кубку выпьемъ. *(Пьютъ)* Начинай.

Бальдеръ.

Два сѣверныхъ породы славной Графа,
Друзья изъ младости, переплывали
Моря на корабляхъ своихъ союзныхъ;
И много битвъ на сушѣ и водахъ,
И много бурь они видали вмѣстѣ;
И много разъ, на Югѣ и Востокѣ,
У береговъ цвѣтущихъ бросивъ якорь,
Другъ съ другомъ отдыхъ сладостный дѣлили.
Вотъ наконецъ они въ старинныхъ замкахъ,
Наслѣдіи отцовскомъ, поселились,
И имъ одну печаль послало Небо:
Они супругъ любимыхъ схоронили,
Почти въ одно лишась ихъ время; горе
Тѣснѣй сдружило ихъ, но и отрада
Осталась имъ въ печали ихъ глубокой:
У одного былъ сынъ, ребенокъ бодрый,
Другой имѣлъ младенца дочь. Чтобъ новымъ
Союзомъ утвердить святую дружбу,
Чтобъ вѣчная осталась память ей,
Отцы дѣтей рѣшились сочетать,
И ихъ они тогда же обручили.
И дѣвочкѣ и мальчику на шею,
На легкихъ золотыхъ цѣпочкахъ были,
Повѣшены два перстня дорогихъ:

Въ одномъ изъ перстней былъ сапфиръ, какъ очи
Невѣстины лазурный, а въ другомъ
Былъ камень, розовый, какъ молодыя
Румяныя ланиты жениха.

Рихардъ.

Былъ камень розовый, ты говоришь,
Въ кольцѣ невѣсты?

Бальдеръ.

Да, большой рубинъ.
Но слушай далѣе. Тогда ужъ мальчикъ
Былъ лѣтъ пятнадцати; былъ силенъ, ловко
Владѣлъ мечемъ, и могъ ужъ обуздать
Коня; не для тревогъ морскихъ отецъ
Его готовилъ: онъ былъ долженъ зàмки
И области наслѣдственныя предковъ
Могучею рукою защищать.
Невѣста же была еще младенецъ
Лѣтъ четырехъ; еще не покидала
Она своей пріютной колыбели;
Усердная за ней смотрѣла няня.
Но что жъ случилось? Былъ прекрасный день
Весенній; на берегъ морской изъ замка
Съ малюткой вышла няня, вслѣдъ за нею
Толпа прислужницъ молодыхъ; цвѣты
И камышки блестящіе сбирали
Онѣ на берегу; малютка ими
Играла; море было тихо; свѣжій
Весенній вѣтерокъ едва касался
Прозрачныхъ водъ, и солнце въ нихъ сверкало,
И отблескъ волнъ пріятно трепеталъ
На свѣжей зелени. Челнокъ рыбачій
Привязанъ былъ у берега; цвѣтами

Душистыми наполнивши его,
Прислужницы малютку положили
Въ цвѣты, и отвязавъ веревку, тихо
На плещущихъ кругомъ волнахъ качали
Челнокъ; младенецъ веселился; вдругъ
Веревка непримѣтно изъ руки,
Ее державшей, ускользнула въ воду,
И легкою волною откачнуло
Челнокъ отъ берега; хотятъ его
Схватить, но до него уже не можетъ
Достать рука; и море, сколь ни тихимъ
Казалося оно дотолѣ, тянетъ
Какою то невидимою силой
Его впередъ; дитя, въ цвѣтахъ играя,
Смѣется, слышенъ крикъ его веселый;
А женщины на берегу подъемлютъ
Отчаянные вопли. Въ это время
Женихъ, пріѣхавшій съ своей малюткой
Невѣстой повидаться, на конѣ
По ближнему береговому лугу
Скакалъ и прыгалъ; онъ на крикъ примчался,
И свѣдавъ, что случилось, смѣло въ воду
Погналъ коня, дабы поймать челнокъ.
Но холодъ волнъ почувствовавши, конь
Сталъ на дыбы и бросился назадъ,
И сѣдока умчалъ съ собой обратно.
А между тѣмъ челнокъ все далѣ, далѣ;
Вотъ наконецъ изъ тихаго залива
Онъ выплылъ; вдругъ повѣялъ свѣжій вѣтеръ,
И скоро онъ совсѣмъ исчезъ изъ глазъ
Въ открытомъ морѣ.

Рихардъ.

Бѣдное дитя,
Спаси тебя хранитель Ангелъ твой!

Бальдеръ.

Услышавъ вѣсть ужасную, отецъ
Немедленно всѣмъ кораблямъ своимъ
Велѣлъ пуститься въ море; на быстрѣйшемъ
Онъ поплылъ самъ. Но въ морѣ нѣтъ слѣдовъ;
А къ вечеру перемѣнился вѣтеръ,
И всю ту ночь свирѣпствовала буря.
Вотъ наконецъ по долгомъ и напрасномъ,
Исканіи, нашли пустой рыбачій
Челнокъ и въ немъ увядшіе цвѣты.

Рихардъ.

Что сдѣлалось съ тобою, добрый гость?
Ты дышишь тяжело, ты весь въ лицѣ
Перемѣнился!

Бальдеръ.

Нѣтъ. Послушай далѣ:
Съ той бѣдственной поры покинулъ отрокъ
Женихъ коня и прилѣпился къ тяжкимъ
Морскимъ трудамъ; сталъ плавать; въ холодъ, въ бурю,
Бросался въ волны и боролся съ моремъ,
И руку пріучалъ владѣть кормиломъ;
И наконецъ, ставъ юношей могучимъ,
Онъ корабли вооружилъ и въ море
Пустился..... на землѣ его надеждѣ
Уже ничто не льстило; ни одна
Красавица окрестныхъ замковъ сердца
Его не трогала; онъ обрученъ
Былъ морю дикому, волнамъ свирѣпымъ,
Пожравшимъ все его земное счастье.
Тамъ въ глубинѣ была его невѣста,
Тамъ былъ и обручальный перстень. Главный

Корабль свой онъ украсилъ парусами
Пурпурными и рѣзьбой золотою,
Какъ брачному прилично кораблю.

Рихардъ.

Не такъ ли этотъ былъ корабль украшенъ,
Какъ твой, на якорѣ стоящій въ нашемъ
Заливѣ?

Бальдеръ.

Можетъ быть. На этомъ брачномъ,
Могучемъ кораблѣ онъ претерпѣлъ
Не мало бурь, и волны, громы, вихри
Не разъ ему привѣтственныя пѣсни,
Въ ужасный хоръ совокупясь, гремѣли.
Не мало битвъ морскихъ онъ совершилъ,
И знаютъ всѣ на Сѣверѣ его
Подъ страшнымъ именемъ: когда въ бою,
Сцѣпивъ корабль свой съ кораблемъ врага,
На палубу его съ мечемъ подъятымъ
Взбѣгаетъ онъ, народъ кричитъ: бѣда!
Пропали мы! *Женихъ морской*, помилуй!
Я кончилъ свой разсказъ.

Рихардъ.

Благодарю;
Мнѣ старику разшевелилъ онъ душу.
Но, кажется, не достаетъ конца
Разсказу твоему. Кто можетъ знать,
Погибло ли дитя въ волнахъ, иль нѣтъ?
Попасться могъ на встрѣчу челноку
Корабль и взять дитя, оставивъ въ морѣ
Челнокъ; иль быть могло принесено
Дитя на островъ, моему подобный,

И люди добрые могли его
Найти; и можетъ быть, подъ ихъ надзоромъ
Малютка выросла, и можетъ быть,
Она теперь цвѣтущей дѣвой стала.

Бальдеръ.

Искусно ты досказываешь сказки.
Но твой теперь чередъ; готовъ я слушать.

Рихардъ.

Я въ старину знавалъ преданій много
О Рыцаряхъ, о Герцогахъ Норманскихъ;
Любимецъ мой былъ нашъ Рихардъ *безстрашный*,
Который ночью видѣлъ такъ, какъ днемъ,
И по лѣсу гулялъ въ глухую полночь,
Сражаяся съ нечистыми духами.
Но память у меня теперь плоха,
И въ головѣ отъ старости все смутно;
И такъ не взыщешь ты, когда намѣсто
Меня, мой долгъ теперь тебѣ заплатитъ
Питомица моя, та молодая
Красавица, которая сидитъ
Въ углу такъ тихо, къ намъ спиной, и сѣти
Мои чинитъ при свѣтѣ ночника.
Она поетъ, какъ соловей, и много
Прекрасныхъ пѣсень знаетъ. Не дичись,
Торильда, гостя; спой ему ту пѣсню
Про дѣвицу красавицу и перстень,
Что для тебя сложилъ пѣвецъ прохожій;
Я знаю, ты ее поешь охотно.

Торильда *поетъ*.

Тихой утренней порою,
Надъ прозрачною водою,

Дѣва съ удочкой сидитъ
И на удочку глядитъ.
Ждетъ.... но удочка не гнется,
Волосокъ не шевельнется,
Неподвиженъ поплавокъ,
Не беретъ въ водѣ крючокъ.
И она, прождавъ напрасно,
Надѣваетъ свой прекрасной
Съ камнемъ алымъ перстенекъ
На приманчивый крючокъ.
Вдругъ вода зашевелилась,
И на удочкѣ явилась
У драгаго перстенька
Бѣлоснѣжная рука;
И съ рукою бѣлоснѣжной,
Видомъ бодрый, взглядомъ нѣжный,
Надъ равниной водяной
Всплылъ красавецъ молодой.
Дѣва очи опустила:
«Не тебя въ волнахъ ловила
«Я, красавецъ молодой;
«Возврати мнѣ перстень мой».
— Дѣва съ ясными очами!
Рыбу ловятъ не перстнями;
Въ морѣ перстнемъ пойманъ я;
Буду твой, ты будь моя. —

Бальдеръ.

Что слышу? Чудный, таинственный голосъ!
Какое тамъ небесное лице,
Горящее застѣнчивымъ румянцемъ,
Сквозь волны золотыхъ кудрей сіяетъ,
И предо мной опять животворитъ
Минувшіе, младенческіе годы?
Что вижу? Розовый знакомый камень

Въ златомъ кольцѣ на пальцѣ у нее?
Такъ, это ты, погибшая невѣста!
А я... я твой женихъ, женихъ морей;
Вотъ мой сапфиръ, твоимъ очамъ подобный;
А тамъ насъ ждетъ и брачный нашъ корабль.

Рихардъ.

Я угадалъ развязку, добрый витязь!
Она твоя; возьми свою невѣсту,
Сокровище, мнѣ посланное небомъ.
Держи ее могучею рукою:
Ты вѣрное прижмешь ко груди сердце.
Но что? Смотри, мой рыцарь, ты совсѣмъ
Запутался въ сѣтяхъ моей Торильды.

В. ЖУКОВСКІЙ.

8 Ноября, 1832.
Вернѐ, на берегу Женевскаго озера.

ГУСАРЪ.

Скребницей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
«Занесъ-же вражій духъ меня
На распроклятую квартеру!

Здѣсь человѣка берегутъ,
Какъ на Турецкой перестрѣлкѣ,
Насилу щей пустыхъ дадутъ,
И ужъ не думай о горѣлкѣ.

Здѣсь на тебя какъ лютый звѣрь
Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой....
Не бось, не выманишь за дверь
Ея ни честью, ни нагайкой.

То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валятся сами въ ротъ голушки,
Виномъ хоть пару поддавай,
А молодицы — молодушки!

Ей ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки *чернобривой*.
Однимъ, однимъ не хороши.....»
— А чѣмъ же? разскажи, служивой.

Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: «Молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.

Вотъ съ ней и подружился я;
Живемъ согласно, такъ что любо:
Прибью — Марусинька моя
Словечка не промолвитъ грубо;

Напьюсь — уложитъ, и сама
Опохмѣлиться приготовитъ;

Мигну бывало: Эй, кума! —
Кума ни въ чемъ не прекословитъ.

Кажись, о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? врагъ попуталъ видно.

За чѣмъ бы ей, сталъ думать я,
Вставать до пѣтуховъ? Кто проситъ?
Шалитъ Марусинька моя;
Куда ее лукавый носитъ?

Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря,
(А ночь была тюрьмы чернѣй
И на дворѣ шумѣла буря)

И слышу: кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,

И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой,
Тамъ съ полки скляночку взяла,
И сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,

Раздѣлась донага; потомъ
Изъ склянки три раза хлѣбнула,
И вдругъ на вѣникѣ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.

Эге! смекнулъ въ минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!....
И съ печи слѣзъ — и вижу: склянка.

Понюхалъ: кисло! что за дрянь!
Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лахань,,
И оба въ печь. Я вижу: худо!

Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
И на него я брызнулъ склянкой —
Какъ фыркнетъ онъ! я: брысь!... И вотъ
И онъ туда же за лоханкой.

Я ну кропить во всѣ углы
Съ плеча, во что ужъ ни попало;
И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ! маршъ! все въ печку поскакало.

Кой чортъ! подумалъ я: теперь
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю склянку выпилъ; вѣрь не вѣрь —
Но къ верху вдругъ взвился я пухомъ.

Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!..... и на земь упадаю.

Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
Свистятъ, и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

Я плюнулъ и сказать хотѣлъ.....
И вдругъ бѣжитъ моя Маруся:
Домой! Кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Тебя съѣдятъ! Но я, не струся:

Домой? да! чорта съ два! почемъ
Мнѣ знать дорогу! — Ахъ, онъ странный!

Вотъ кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаянный.

— Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
Гусаръ присяжный! Ахъ ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! — На, дурень, вотъ и конь.
И точно: конь передо мною,
Скребетъ копытомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою.

Садись. — Вотъ сѣлъ я на коня,
Ищу уздечки, — нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: все также; самъ же я
Сижу верхомъ и подо мною
Не конь — а старая скамья:
Вотъ что случается порою.

И сталъ крутить онъ длинный усъ,
Прибавя: молвить безъ обиды,
Ты хлопецъ, можетъ быть, не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.

А. ПУШКИНЪ.

СВѢЖАНА и РУСЛАНЪ.

=

БАЛЛАДА.

=

«О какой судьбой ужасной,
«Грозный мой отецъ,
«Наказалъ ты пламень страстной
«Нашихъ двухъ сердецъ!
«Годъ, какъ здѣсь, во тмѣ унылой,
«Я не вижу дня,
«И не знаетъ другъ мой милой,
«Гдѣ найти меня!»

Такъ изъ башни одинокой,
Надъ Днѣпромъ рѣкой,
Слышенъ былъ въ ночи глубокой
Плачъ красы младой.
Кто же узница младая,
Смутныхъ думъ полна?
Дочь надменнаго Рогдая,
Ленская Княжна.

Ахъ! Свѣжана всѣхъ милѣе
Межъ Княженъ цвѣла,
И не такъ бѣла лилея,
Какъ она бѣла.
Очи томныя горѣли
Голубымъ огнёмъ,
Кудри мягкія темнѣли
На челѣ младомъ.

И Князья къ отцу съѣзжались
Изъ далёкихъ странъ,
Всѣ прекрасною плѣнялись,
Но ни царскій санъ,
Ни Князь Пронскій, ни Князь Бѣльскій,
И весь сонмъ Князей,
Всё ничто! Русланъ Гомельскій
Былъ по сердцу ей.

Онъ отваженъ, онъ прелестенъ,
Онъ былъ честь дружинъ,
Но убогъ и неизвѣстенъ,
Не боярскій сынъ.
И родитель раздраженный
Гонитъ жалость прочь,
Тайно въ башнѣ отдаленной
Заключилъ онъ дочь.

И сквозь ставни роковые
Не проходитъ день;
Всё тамъ призраки ночные,
Всё нѣмая тѣнь;
Лишь порой она внимаетъ,
Какъ волна кипитъ,
Пташка робкая порхаетъ
И тростникъ шумитъ.

И вотъ къ башнѣ той высокой
Въ челнокѣ рыбакъ
Путь стремитъ свой одинокой,
Лишь настанетъ мракъ.
Въ волны неводъ онъ бросаетъ,
Къ башнѣ взоръ стремя,
И прохожихъ увѣряетъ,
Что тутъ рыбы тма.

Но не въ пользу трудъ упорный,
Мало рыбъ бѣжитъ,
И онъ часто съ думой черной
Вкругъ себя глядитъ;
На лицѣ слѣды печали
И въ очахъ туманъ;
Вы давно всѣ отгадали,
Что рыбакъ Русланъ.

И онъ сторожа ласкаетъ,
Въ свой пріютъ зоветъ,
Сладкимъ медомъ угощаетъ,
Только самъ не пьетъ;
И случись послѣ раздолья
Бѣдный сторожъ спалъ:
Онъ ключи изъ подголовья
У хмѣльнаго взялъ.

Бьется сердце у Руслана,
Къ башнѣ онъ стрѣлой:
«Другъ мой милый, о Свѣжана,
«Я опять съ тобой.
«Ахъ, не медли! надъ холмами
«Лишь заря блеснётъ,
«Въ церковь сельскую съ вѣнцами
«Духовникъ прійдётъ.»

И она, то замираетъ,
    То въ ней кровь кипитъ,
И вѣнецъ святой сіяетъ,
    И любовь манитъ.
Какъ же быть! Перекрестилась,
    И не тратя словъ,
Ужъ на пристани явилась,
    Гдѣ челнокъ готовъ.

И невинная Свѣжана,
    Отъ препонъ нѣжнѣй,
Видитъ небо и Руслана,
    Все, что мило ей.
Дерзко волны разсѣкая,
    Сталъ нырять челнокъ,
Но ужасна мгла ночная
    И шумящій токъ.

И вотъ молнія блеснула,
    Съ трескомъ грянулъ громъ,
Роща сонная вздрогнула
    Надъ рѣкой Днѣпромъ;
Вихри бурные несутся,
    И реветъ волна.
Ахъ! иль звѣзды не зажгутся,
    Не взойдетъ луна?

И страшнѣй грозы тревога
    Двухъ младыхъ сердецъ;
Другъ за друга молятъ Бога:
    Но судилъ Творецъ
Имъ, обманутымъ мечтою,
    Свѣтлыхъ дней не знать,
И съ молитвой начатою
    Въ небеса предстать.

Гдѣ каменья угрожали
И разбился челнъ,
Тамъ страдальцевъ отыскали
У прибрежныхъ волнъ,
И священникъ посѣдѣлый
Къ нимъ пришелъ съ зарёй;
Но удѣлъ ихъ саванъ бѣлый,
Не вѣнецъ златой.

Сокрушенный самъ бѣдами,
Онъ ихъ прахъ любилъ,
Паннихиду со слезами
Каждый день служилъ.
И быть въ башнѣ одинокой
Удалося мнѣ,
И читать разсказъ жестокой
На ея стѣнѣ.

И надъ тихою могилой
Я не разъ мечталъ,
И въ туманѣ призракъ милой
Надо мной леталъ.
Непонятное волненье
Мнѣ тѣснило грудь;
Видя чудное явленье,
Я не смѣлъ дохнуть.

И. КОЗЛОВЪ.

БЕРИТСКОЕ ЧУДОВИЩЕ.

ЛЕГЕНДА.

Въ землѣ Финикійской, на брегѣ морскомъ,
Беритъ, осѣненный холмистымъ вѣнцомъ,
Въ роскошномъ саду, на пестрѣющей ткани,
Раскинулся гордо любимцемъ боговъ!
Вотъ Княжескій теремъ, межъ капищъ и зданій,
Вотъ пристань съ ватагой гостиныхъ судовъ;
Торговлею движется площадь градская;
Народъ благоденствуетъ, горя не зная!

Но долго ли счастіе въ дружбѣ съ людьми?
Боговъ попущенье — огромнѣйшій змій,
Въ заливѣ морскомъ поселившись, выходитъ —
И ловитъ и душитъ и губитъ людей,
И ужасъ смертельный на городъ наводитъ,
И ядъ навѣваетъ изъ пасти своей,
И нѣтъ ни какого надъ нимъ одолѣнья,
И нѣтъ никому ни житья, ни спасенья!

И въ праздномъ уныньѣ на площадь идетъ,
На площади къ Князю взываетъ народъ:
«О Княже! спаси: погибаемъ отъ змія!»
А Князь: — «Ахъ, помочь бы мнѣ дѣтямъ моимъ!

Боговъ мы дознаемся воли святыя,
И чѣмъ мы ужасную страсть отвратимъ!» —
Жрецамъ повелѣлъ онъ провѣдать объ этомъ;
Жрецы уже идутъ изъ храма съ отвѣтомъ:

«Чтобъ весь не погибъ нашъ страдальческій градъ,
Беритскіе люди! вамъ боги велятъ:
День каждый, по жребію, дочерь иль сына
Чудовищу грозному въ жертву давать;
Доколѣ не минетъ насъ бѣдствій година!
Всѣмъ чадоимѣющимъ жребій бросать —
Отъ Князя до нищаго — нѣтъ исключенья!
Другіе сподобятся тѣмъ лишь спасенья!»

Какъ смерть, многолюдная площадь молчитъ,
И люди, какъ тѣни; а Князь говоритъ:
«Лишь дочерь единую боги мнѣ дали,
Какъ душу одну! Но я первый готовъ
Во слезные дни всенародной печали
Смиренно покорствовать волѣ боговъ!»
Послышались вопли: «Да будетъ, да будетъ!
По волѣ боговъ пусть насъ жеребій судитъ!»

И жребій бросаютъ — и жребій рѣшенъ....
Плѣнительный отрокъ на смерть обреченъ!
И мать возрыдала по дѣтищѣ миломъ,
И дѣтище въ бѣлый покровъ облекла;
Съ толпой, въ торжествѣ погребально-уныломъ,
На берегъ залива его отвела —
И жертву цѣлуетъ самъ Князь на прощаньѣ;
Стонъ матери слышится въ общемъ стенаньѣ....

Самъ Князь ее крѣпко подъ руку беретъ,
И въ городъ отводитъ; за ними народъ;
Взлѣзаютъ на крыши и стѣны градскія,
И башню собой полвѣнкомъ обвели,

И ждутъ появленія страшнаго змія....
Глядятъ, какъ бѣлѣется отрокъ вдали,
Что жертвенный агнецъ на пастбищѣ дикомъ —
Вдругъ воздухъ потрясся пронзительнымъ крикомъ...

Заливъ разступился — и змій роковой,
Изъ водъ исторгаясь чешуйной главой,
Поднялся, свился и развился широко
Единымъ размахомъ и, жертву схвативъ,
Въ пучину несетъ горделиво, высоко —
И шумно закрылся надъ ними заливъ....
На день лишь единый Бериту пощада,
И горькое *завтра* настанетъ для града!

И сколько настало ужаснѣйшихъ дней!
Беритъ отдаетъ на снѣденье дѣтей —
И воютъ и вопятъ и бьются о груди,
И сродники жертву на берегъ ведутъ.
До смерти прискорбны Беритскіе люди;
У Князя кровавыя слезы текутъ —
И пасть отверзаетъ на градъ беззащитный
Боговъ попущеніе, змій ненасытный!

И Княжеской дочери выпала смерть!
Князь грустно воззрѣлъ на небесную твердь
И только промолвилъ: «Ей жеребій выпалъ!»
И, очи потупя, отшелъ во дворецъ.
Беритскій народъ себя пепломъ осыпалъ:
«Теперь-то послѣдней отрадѣ конецъ!
О боги! зачѣмъ насъ казнить такъ жестоко!
Зачѣмъ у насъ вырвать и свѣтлое око!»

Лежитъ на Беритѣ безсонная ночь;
Бесѣдуетъ съ Княземъ прекрасная дочь:
«Зачѣмъ не могу я, какъ дщерь Іефѳая,
При дѣвичьихъ пѣсняхъ о прожитыхъ дняхъ,

И медленно къ смерти своей привыкая,
Оплакивать дѣвство на вольныхъ горахъ!
Заутра мнѣ смерть, и — родитель — какая!
Зачѣмъ не умру я, какъ дочь Іефѳая?»

— «Подумай, Сидона! Коль смерть рѣшена,
Что жъ медлить? ужъ смертью душа сражена!
Все милое, свѣтлое мигомъ пропало;
Осталася красная жизнь назади!
А жреческій ножъ иль змiиное жало —
Не жертва ль такая жъ богамъ? Разсуди!
Ты свято умрешь, за народъ умирая,
Какъ дочь Агамѐмнона, дочь Іефѳая.

— «Такая жъ о смерти твоей возгремитъ
Немолчная слава! Несчастный Беритъ —
Быть можетъ — собою искупишь... Сидона!
Отыдешь къ богамъ — такъ боговъ умоли!
Въ тебѣ я отдамъ мое сердце изъ лона....
Отдамъ ожерелье Беритской земли —
Будь жертвой послѣдней, единое чадо!
Ахъ, болѣе вѣрно богамъ и не надо!» —

«Я до-свѣту слезы съ рѣсницы сотру;
Какъ Княжеской дѣвѣ достоитъ, умру....
Но только молю объ одномъ, мой родитель:
Ты съ башни гляди на погибель мою!
Ты издали дочери будь утѣшитель
Въ предсмертныхъ скорбяхъ! Какъ на брегѣ стою —
Все буду глядѣтъ на тебя — и тобою
На смерть ободряться съ покорной душою!»

Другъ къ другу упали въ объятія.... тѣнь
Съ Ливана слетаетъ — и тронулся день.
Нѣжна и блѣдна, какъ лилея Сарона,
Въ сребристой одеждѣ, въ жемчугахъ, въ цвѣтахъ,

Воздвиглася къ смерти младая Сидона,
И съ нею весь городъ... весь городъ въ слезахъ,
И воютъ и вопятъ, и бьются о груди,
И волосъ терзаютъ Беритскіе люди.

Народъ на стѣнахъ, а на башнѣ *одинъ!*
Сидона на брегѣ ужасныхъ пучинъ,
Какъ бѣлая лебедь; покровы, что крылья,
И вѣтръ порывается дѣву спасти,
Отвѣять отчаянье, слезы безсилья —
Нельзя улетѣть и не должно уйти!
И въ грусти смертельной — какъ лебедь Стримона
Съ разбитымъ крыломъ — остается Сидона!

Вдругъ топотъ. Вотъ витязь, въ мѣди, какъ въ огнѣ,
Съ могучимъ копьемъ и на бѣломъ конѣ —
Привѣтствовалъ дѣву, спросилъ и увѣдалъ,
О чемъ она плачетъ, зачѣмъ тутъ одна;
И рѣчи печальной онъ кончить ей не далъ:
«О мнѣ не страшися: я ратникъ, Княжна!
Я агницы бѣдной въ нуждѣ не оставлю;
Я горнюю силу на змiѣ прославлю!»

— «Нѣтъ, юноша добрый! меня не спасешь,
А самъ понапрасну со мной пропадешь!
И тысячи бъ витязей мало для змія!
Коль жертвою боги меня обрекли,
Такъ что же возмогутъ всѣ силы людскія?
Не медли, спасися, бѣги сей земли!
Чтобъ ради меня ты погибъ, не хочу я;
Богами молю тебя, смерть твою чуя!» —

«Напрасенъ твой страхъ — я останусь съ тобой!
Безмолвно, Княжна, безбоязненно стой
Подъ знаменемъ крестнымъ (и витязь прекрасный
Сидону трикратно крестомъ осѣнилъ)

Тебя не дотронется змій твой ужасный!
Копье — что Господняя молнія! силъ
У Господа много: свершиться же чуду...
Гляди, какъ сражаться съ чудовищемъ буду!»

Заливъ разступился.... Какъ столпъ водяной,
Изъ безднъ исторгается змій роковой —
И поплылъ огромными кольцами, хлеща
Хвостомъ, водометомъ бія изъ ноздрей,
И желточешуйной громадою блеща
На солнцѣ, въ дождѣ серебристыхъ зыбей....
Онъ выплылъ, поднялся на лапы — и жало
Мечемъ изъ разинутой пасти торчало!

Онъ ядомъ дохнулъ и шипучей стрѣлой
На витязя кинулся.... Витязь младой
Ударилъ въ копье, и чудовище мигомъ
Въ гортань поразилъ и къ землѣ прикололъ;
Съ конемъ полетѣлъ чрезъ него перепрыгомъ
И къ дѣвѣ воззвалъ: «Я его поборолъ!»
Змій бьется отчаянно, кровью облитый;
У дѣвы восторгомъ вспылали ланиты.

Изъ города высыпалъ съ шумомъ народъ,
Спасенную дѣву на руки беретъ;
И рѣзкими кликами славятъ героя;
Чудовище тащутъ за нимъ, веселясь;
А онъ на конѣ, разъяренномъ отъ боя,
Въѣзжаетъ во градъ — и во срѣтенье Князь:
«Божественный юноша, града спаситель!
Повѣдай намъ: кто ты, отважный воитель!»

На площади грозное тѣло лежитъ;
На змія-губителя смотритъ Беритъ;
Тогда громогласно отвѣтствуетъ витязь:
«Васъ боги губили — спасаетъ васъ *Богъ!*

Не мнѣ, а *Единому Богу* дивитесь:
Господь повелѣлъ — я дерзнулъ и возмогъ!
Я силенъ водою и духомъ Закона —
Я есмь Христіанинъ, поклонникъ Сіона!...»

— «Поклонимся Господу, спасшему насъ!» —
Раздался Берита торжественный гласъ,
И Князь продолжалъ: «Научи же насъ Слову,
И все, чего хочешь, въ награду бери
За подвигъ великій во славу Христову!
Мы чѣмъ тебѣ можемъ воздать? говори!
Все наше твое, святолѣпный воитель,
Берита и Княжеской дщери спаситель!»

— «Прійдетъ къ тебѣ пастырь; со всѣми людьми
Ты тотчасъ святое Крещенье пріими;
Святитесь во имя Христова закона!
Не нужно отъ васъ для меня ничего:
Я сѣнь мою ставлю подъ пальмой Сіона,
И царство мое не отъ міра сего!» —
Конь вспыхнулъ подъ силой владѣтельскихъ чреселъ,
И витязь помчался, о Господѣ веселъ.

Беритъ отродился святою водой —
И вновь благоденствуетъ. «Что же съ тобой,
Сидона?» — «Молюся.» — «Выдь замужъ, Сидона:
Князь нуженъ по мнѣ для Беритской земли!»
— «Я Божія дѣва подъ пальмой Сіона!
Докучныхъ моихъ жениховъ удали:
Мой бракъ — не земной! а женихъ мнѣ, Спаситель,
Единственный другъ — святолѣпный воитель!» —

БАРОНЪ РОЗЕНЪ.

Стихотворенія

Г. Р. ДЕРЖАВИНА,

нигдѣ ненапечатанныя.

I.

ОКОВЫ.

Лиза голову чесала
Скромно гребнемъ золотымъ;
Вырвавъ волосъ, привязала
Къ красотамъ меня своимъ;
Ставъ сей скованъ цѣпью нѣжной,
Я прервать ее хотѣлъ,
Но, чрезъ опытъ, и желѣзной
Тверже цѣпи я нашелъ.

Съ самой той поры я въ скукѣ,
Въ тяжкомъ плѣнѣ нахожусь,
Не могу съ ней быть въ разлукѣ,
Волосомъ за ней влекусь.
Тѣмъ лишь только облегчаюсь,
Что къ ней ближе приближаюсь
И касаюсь сладкихъ устъ.

II.

СИНИЧКА.

=

Синичка весення,
Тиликать престань!
То время осення
Зяблику дань
Ты платишь, и таешь,
    Вздыхаешь.

Любить всѣмъ въ Природѣ
Судьбой суждено,
Но въ птичьемъ народѣ
Ахъ! нужно одно,
Что если пылаешь,
    Вздыхаешъ.

То помни, что лѣто
Тотчасъ протечетъ,
Что сердце нагрѣто
Лишь страстью поетъ.
Но хладъ какъ встрѣчаешь,
    Вздыхаешь.

Такъ выбери жъ птичку
Такую себѣ,
И въ осень синичку,
Чтобъ жала къ себѣ
И хладу не знала,
    Вздыхала, вздыхала, вздыхала!

III.

НЕЗАБУДОЧКА.

Милый незабудка цвѣтикъ,
Видишь, другъ мой, я стеня
Ѣду отъ тебя, мой свѣтикъ:
Не забудь меня!

Встрѣтишься ль гдѣ съ розой нѣжной,
Иль лилеей взоръ плѣня,
Въ самой страсти неизбѣжной
Не забудь меня!

Ручейкомъ ли гдѣ журчащимъ
Зной омоешь лѣтня дня,
И въ жемчугѣ водъ шумящихъ
Не забудь меня!

Вѣтерокъ ли гдѣ порханьемъ
Кликнетъ, въ тѣнь тебя маня,
И подъ устъ его дыханьемъ
Не забудь меня!

ПРОЗА.

=

ВСЯ ЖЕНСКАЯ ЖИЗНЬ

ВЪ НѢСКОЛЬКИХЪ ЧАСАХЪ.

=

ПОВѢСТЬ, ИСПОЛНЕННАЯ ФИЛОСОФІИ.

=

Скажите мнѣ, какъ раждается женщина?..... Откуда берется въ ней, въ самомъ началѣ ея существованія, въ самой почкѣ ея жизни, эта душа женскаго пола, душа сладкая, мягкая, благовонная, легкая, прозрачная, хрустальная; рдѣющая разноцвѣтными искрами, быстро играющими по мелкой ея грани, налитая эѳирною нѣгою, безпрерывно вспыхивающая пламенемъ молнійныхъ ощущеній; насыщенная любовію, втягивающая въ себя любовь отвсюду, изъ вещественной атмосферы, изъ умственнаго міра, изъ вымысла, изъ надеждъ, изъ обманчивыхъ видѣній, подобно тому, какъ игла громоваго отвода втягиваетъ въ себя разлитое вокругъ нея въ воздухѣ и облакахъ электричество; блестящая любовію, дышащая любовію и испаряющаяся изъ тѣла въ горячій туманъ любви?..... душа, съ розовыми понятіями, съ свѣтлыми чувствами, съ лучезарнымъ воображеніемъ, съ отраднымъ началомъ вѣры

и горькими сѣменами земнаго счастія; чистая, какъ само счастіе, и робкая, какъ добродѣтель; кроткая, стыдливая, слабая, и безпечная; страшащаяся ядовитаго жала опытности, и какъ опытность проницательная?.....

Не есть ли это только блистательная, но неосязаемая радуга, производимая отраженіемъ лучей нѣжности, красоты и прелестей ея тѣла?.....

Но любовь!..... но непреложное, неизгладимое желаніе любить?..... Нѣтъ! эта душа должна быть частицею безконечнаго объема божества, наполняющаго міръ, имъ созданный; но частицею отторгнутою отъ него съ другаго боку, не съ того, откуда взята душа мужеская.

Скажите мнѣ еще и то, почему, при всегдашнемъ замѣшательствѣ, господствующемъ въ дѣлахъ рода человѣческаго, никогда такая душа, во время рожденія, не попадется въ жесткое, мѣдное мужское тѣло, ни душа мужская, душа смѣлая, гордая, сильная, брыкливая, жадная крови, увлаженная началами всѣхъ высокихъ добродѣтелей и всѣхъ нечистыхъ страстей, душа безъ страха, безъ врожденнаго стыда, безъ состраданія, не завалится случайно въ тихое, роскошное, пуховое тѣльце дѣвушки? По крайней мѣрѣ, всѣ Члены Общества Испытателей Природы утверждаютъ, что этого никогда не бываетъ. По положенію, оно можетъ быть такъ въ самомъ дѣлѣ; но въ практикѣ, я думаю, случаются въ этомъ отношеніи большія, ужасныя, непростительныя ошибки.

Какъ бы то ни было, я очень сожалѣю, что не родился дѣвушкою. И, наблюдая со вниманіемъ не-

земную красоту женской души, я не понимаю даже, какъ можно въ нашемъ просвѣщенномъ вѣкѣ согласиться быть мужчиною; какъ всѣ люди давно уже не переродились въ женщинъ; какъ вся Природа не оборотилась, напримѣръ, молодою, прекрасною, чувствительною Графинею?..... Какъ тогда было бы весело на свѣтѣ! Мы не знали бъ ни пушекъ, ни сраженій, ни революцій. Вся земля была бы одною огромною модною лавкою, вся наша солнечная планетная система однимъ необъятнымъ Англійскимъ магазиномъ.

Словомъ, я въ отчаяніи, что я не дѣвушка. И вы тоже, не правда ли?..... И, сказать по совѣсти, изъ чего бьемся мы на свѣтѣ, служимъ, кланяемся, хлопочемъ?..... То ли дѣло, если бъ я и вы, благосклонные подписчики этого Журнала – да умножится число ваше до безконечности! – были миленькими, пригожими дѣвушками, въ коротенькихъ розовыхъ юбочкахъ, съ пестрыми шелковыми передничками! Насъ тотчасъ отдали бъ, всѣхъ вмѣстѣ, въ дѣвичій пансіонъ.

А въ пансіонѣ другой свѣтъ, другое житье! Сто, двѣсти, триста существъ, хорошенькихъ, смазливыхъ, обворожительныхъ, невинныхъ, и худыхъ и жирныхъ, и бѣлыхъ и черныхъ, и прямыхъ и кривыхъ, учатся для виду, на дѣлѣ беззаботно порхаютъ мыслію за потѣхами, за игрушками, за наслажденіями; то вяжутъ дружбы на тѣхъ же прутикахъ, какъ и шелковыя сѣтки, то порютъ сѣтки и дружбы, то ищутъ отрады въ примиреніяхъ, то шепчутся, то перемигиваются, то дуются, то передразниваютъ, то заглядываютъ на улицу, то заводятъ глубокія тайны, то исподтишка высовываютъ языки гувернанткамъ, то слегка упражняются въ любезномъ лице-

мѣрствѣ, то мечтаютъ о балахъ и любви, и, за недостаткомъ лучшаго, пробуютъ свои сердца на блѣдныхъ, угрюмыхъ, педагогическихъ лицахъ учителей. Ленты и мѣстоименія, сплетни и причастія, злословіе и таблица умноженія, прелести нѣжной страсти и эпохи Древней Исторіи, моды и Катихизисъ, антреша и добродѣтели Нравоученія, локоны, косы, рѣки, моря, Олимпъ, Парижъ, Каменный Островъ, кружатся омутомъ въ этихъ быстрыхъ, вѣтреныхъ, игривыхъ воображеніяхъ, образуя въ нихъ, какъ кусочки цвѣтнаго стекла въ калейдоскопѣ, всякой разъ новые, всякой разъ болѣе и болѣе любопытные, но всегда блестящіе, но всегда веселые, стройные, пестрые, причудные, сжатые, распрыснутые фантасмагорическіе узоры, которые забавляютъ ихъ, смѣшатъ, радуютъ, развлекаютъ мгновенно, – потомъ вдругъ исчезаютъ, не оставляя послѣ себя ни какого слѣда, ни какого воспоминанія, кромѣ чувства минувшаго удовольствія и жажды новаго наслажденія. Прелесть, вѣдь, быть дѣвушкою, и образовать свой умъ и свое сердце въ пансіонѣ!.....

И до какого совершенства можно довести ихъ такимъ образомъ! Пансіонъ есть свѣтъ въ уменьшенномъ видѣ, полный свѣтъ въ маломъ размѣрѣ, свѣтъ сжатый, сокращенный, который удобно можно было бы положить въ табакерку; но тамъ есть все, – все, что ни задумаете!..... Какъ вы никогда не бывали дѣвушками, то вѣрно и не знаете, – а я знаю изъ весьма достовѣрныхъ источниковъ, знаю офиціяльнымъ образомъ, – что тамъ, въ пансіонахъ, между дѣвушками иногда есть даже тайныя Общества, о которыхъ полиція по сю пору и понятія не имѣетъ; общества гибельныя, разрушительныя, ужасныя, настоящіе Тугендбунды въ корсетѣ. Они, подобно Нѣмецкимъ и Италіянскимъ революціоннымъ союзамъ,

раздѣляются на степени, имѣютъ свои установленные обряды и стремятся къ опредѣленной, имъ только извѣстной, цѣли. Степеней, – вѣдь я все знаю! – степеней обыкновенно бываетъ три: крошки, подростки и дѣвицы. Къ первой принадлежатъ дѣвушки моложе двѣнадцати лѣтъ: тѣ не смѣютъ ни о чемъ знать, ни говорить, и чувства свои могутъ только изливать передъ куклами. Во второй разрядъ поступаютъ на тринадцатомъ году жизни: здѣсь уставъ Общества позволяетъ уже разсуждать, тихонько и понемножку, о любви и мужчинахъ, даже избирать себѣ почетныхъ любовниковъ. Третья и самая высокая степень, обладающая великою тайною Общества, состоитъ исключительно изъ розовыхъ существъ лѣтъ четырнадцати и болѣе, у которыхъ платье на груди начинаетъ прелестно вздуваться: онѣ шепчутъ только между собою, и ежели признаютъ полезнымъ присоединить къ своему кругу которую нибудь изъ подростковъ, то напередъ избираютъ одну изъ среды своихъ сестеръ, для предварительнаго изложенія ей правилъ и тайны союза. Просвѣщенная такимъ образомъ дѣвушка въ цѣломъ пансіонѣ уже именуется дѣвицею, и участвуетъ во всѣхъ совѣщаніяхъ и забавахъ новыхъ своихъ пріятельницъ. Хотите ли, чтобъ я сказалъ вамъ эту завѣтную, ужасную тайну?..... Такъ и быть: зажмурьте глаза, заткните уши, трепещите и слушайте: слушайте со вниманіемъ, ибо это важное дѣло! – эта тайна есть знаніе того, что и какъ будетъ..... Нѣтъ, не скажу!

Я не либералъ, не революціонеръ, – это всѣмъ извѣстно! – и терпѣть не могу тайныхъ Обществъ; но, признаюсь, не смотря на данную мною подписку не принадлежать ни къ какимъ непозволительнымъ союзамъ, крайне желалъ бы быть принятымъ въ члены этой третьей степени. Сколько узналъ бы

я тамъ любопытныхъ вещей, опасныхъ для спокойствія всякаго благонамѣреннаго человѣка, которыхъ ни Майнцская, ни Франкфуртская Слѣдственныя Коммиссіи не привели въ ясность и не обнаружили!..... Но полно разсуждать о томъ, какъ развертываются дѣвичьи понятія въ нѣкоторыхъ дѣвичьихъ пансіонахъ. Не надо попустому стращать тѣхъ, которыхъ невѣсты еще обучаются въ нихъ нравственности и танцамъ. Увы! – почему знать? – можетъ-статься, въ эту минуту и моя суженая гдѣ нибудь поступаетъ въ члены третьей степени!.....

Олинька Р*** воспитывалась также въ многочисленномъ кругу своихъ сверстницъ, только не въ пансіонѣ. Она имѣла счастіе быть отданною родителями въ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ Институтовъ, гдѣ нравственность, невинность и добродѣтель господствуютъ не только во всѣхъ уголкахъ сердца и воображенія дѣвушекъ, но и по всѣмъ угламъ дома; гдѣ частныя уваженія не руководствуютъ мѣрою общаго присмотра; гдѣ воспитанницы не повелѣваютъ своими начальницами. Я, будучи дѣвушкою, ни за какое благо не согласился бы образоваться въ такомъ заведеніи; но если бъ у меня была дочь, немедленно отдалъ бы ее туда, – и отдалъ бы только туда. Я человѣкъ со странными понятіями: хочу, чтобъ дѣвушка до шестнадцатилѣтняго возраста была безъ мысли и безъ чувства, какъ Всеобщая Географія; чтобъ ея сердце говорило отнюдь не внятнѣе и не умнѣе фортепіана; чтобъ она не жила, но только существовала, подобно златницѣ, заключенной въ своей плевѣ; чтобъ она была настоящею монастыркою, и, особенно, чтобъ не принадлежала ни къ какому въ свѣтѣ тайному Обществу. Я аристократъ спальни, и боюсь вліянія тайныхъ Обществъ на безопасность завоеванныхъ моимъ поломъ правъ

и преимуществъ мужчины. Словомъ, я требую, чтобъ дѣвушка была мертвою, холодною статуею до тѣхъ поръ, пока не прійдетъ ей время выйти замужъ, и чтобъ она одушевилась, когда начну я на ней свататься.

Олинька Р*** совершенно соотвѣтствовала моимъ понятіямъ о воспитаніи женщинъ и о лицахъ, долженствующихъ входить въ составъ женскаго пола. Ея сердце спало шестнадцать лѣтъ сряду; душа ея, чистая, свѣтлая какъ зеркало, никогда не отражала другихъ предметовъ, кромѣ учебныхъ. Она не знала, ни для чего она создана, ни что будетъ дѣлать на свѣтѣ; она не имѣла ни какого понятія о счастіи, никогда не думала о любви; полагала, что свѣтъ и существованіе оканчиваются за стѣною институтскаго сада, и мужчинъ считала людьми другой націи, иностранцами на землѣ, Нѣмцами царства Природы, существами гораздо ниже, грубѣе женщинъ, выдуманными единственно для того, чтобъ быть учителями, дьячками и инвалидами. Если бъ ей не сказали, что послѣ экзамена надо покинуть Институтъ, она безъ сожалѣнія согласилась бы остаться въ немъ навѣки, и даже часто размышляла о томъ, какъ скучно ей будетъ жить въ городѣ безъ классныхъ дамъ, и сидѣть въ креслахъ въ гостиной между незнакомыми лицами, а не на скамейкѣ, со школьными подругами. Безъ ощущеній, безъ удовольствій, безъ непріятности, она такъ же безчувственно дождалась роковаго дня выпуска воспитанницъ, какъ за шестнадцать лѣтъ передъ тѣмъ минуты перваго пришествія своего на свѣтъ послѣ девятимѣсячнаго заключенія въ чревѣ своей матери. И сказать по справедливости, она родилась только въ день своего выпуска изъ Института: все предшествовавшее время была она улиткою, – но улиткою Чермнаго

Моря, красивою, блистательною, прелестною улиткою, устроенною такъ правильно, такъ ровно, легко, искусно, чудесно, что почти нельзя вѣрить, чтобъ это было добровольное и случайное произведеніе животнаго организма, а не игрушка, нарочно сдѣланная для обвороженія глазъ и потѣхи человѣка; расписанною такими нѣжными, роскошными цвѣтами, что чуть-чуть не согрѣшишь, сказавъ въ восторгѣ: ей ей это обманъ! тутъ непремѣнно рука художника пособила Природѣ!..... Словомъ, Олинька была нова душею, какъ дитя, и полная, взрослая красавица тѣломъ, — ибо въ число моихъ понятій о воспитаніи женскаго пола входитъ и то, что дѣвушка должна выпускаться изъ учебнаго заведенія, между прочимъ, совершенною красавицею. По моей системѣ, это условіе sine qua non хорошаго женскаго образованія. Я уже сказалъ вамъ, что я странный человѣкъ!

Простясь самымъ трогательнымъ образомъ съ своими пріятельницами, вся въ слезахъ, исполненная глубокой печали, грусти, даже отчаянія, Олинька Р*** сѣла съ маменькою въ карету, и уѣхала изъ Института. Первый разъ въ жизни ощутила она въ сердцѣ горечь, — и въ ту минуту дѣйствительно, безвозвратно родилась на свѣтъ, — на свѣтъ человѣческій. И при этомъ рожденіи испытала она надъ собою всѣ ощущенія младенца, впервые появляющагося въ ликѣ живущихъ созданій: блескъ этого великаго, вызолоченнаго, отполированнаго, движущагося, суетящагося свѣта ослѣпилъ ея зрѣніе. Воздухъ, потрясаемый безчисленными страстями, безчисленными сплетнями, раздорами, тщеславіемъ, гордостью и жадностью огромнаго сборища людей, мутный отъ происковъ, сырой отъ глупости, больно раздиралъ нѣжный тимпанъ ея уха, угне-

талъ ея безмятежную грудь, душилъ ее, производилъ круженіе въ головѣ. Она опять стала плакать, сожалѣя о тишинѣ своего Института; маменька тщетно ее утѣшала; она все плакала, – плакала горько, сама не зная о чемъ, – какъ вдругъ карета поворотила на Невскій Проспектъ, и длинный рядъ искусно развѣшенныхъ за стекломъ газовыхъ эшарповъ, шелковыхъ тканей, пышныхъ лентъ, вуалей, шляпокъ и блестящихъ игрушекъ бросился ей въ глаза и отразился огненнымъ пучкомъ розовыхъ, голубыхъ и желтыхъ лучей въ крупной, алмазной слезѣ, висѣвшей на ея рѣсницахъ; и сіяющая ими слеза упала на ея ланиты, и распрыснулась въ яркія, радужныя искры улыбки, озарившія своимъ свѣтомъ все ея лице и душу. Олинька вскликнула: – Ахъ, маменька! какъ это мило!..... – и съ того времени начала жить полною жизнію женщины. Она почувствовала въ себѣ желаніе нравиться, прельщать, казаться краше самой себя. – Маменька, какія безподобныя вещи! – Она хотѣла бы тотчасъ нарядиться во все, что только видѣла, чтобъ быть красивою и счастливою. – Маменька, ты купишь мнѣ эти наряды?..... Не правда ли? – Она съ жадностью ловила взоромъ быстро мелькающія украшенія, не слушая отвѣта маменьки, и восхищалась ихъ видомъ. Олинька Р*** была уже счастлива. Несчастная Олинька!.....

=

У Олиньки Р*** были отецъ и мать: отецъ, – какъ обыкновенно водится, – Иванъ Ивановичъ; мать, Анна Петровна.

У отца были двѣ тысячи душъ крестьянъ, прекрасный домъ съ колоннами на Фонтанкѣ, и сто пятьдесятъ тысячъ дохода, безъ долговъ. Въ молодости, онъ служилъ по разнымъ департаментамъ: онъ и теперь вѣроятно числится гдѣ нибудь на службѣ, хотя о томъ не говоритъ ни слова. Но повсюду испыталъ онъ «неудачи»: по его словамъ, испыталъ ихъ потому, что не умѣлъ кланяться; по словамъ его пріятелей, потому, что не умѣлъ ничего дѣлать. Онъ нѣкогда былъ высокомѣренъ, хотѣлъ непремѣнно вскарабкаться на высокое, очень высокое званіе, дослужиться чиновъ, лентъ, почестей, – и всѣми мѣрами, всѣми средствами, дослужился только 6-го класса. Онъ нѣкогда дышалъ честолюбіемъ, потѣлъ честолюбіемъ, былъ весь покрытъ прыщами честолюбія; но на длинномъ пути къ 6-му классу простудился, и честолюбіе вошло у него въ тѣло, по которому разлилось подобно подагрѣ. Теперь, вогнанное въ кровь чиновное начало производитъ въ немъ ломоту въ костяхъ, боль въ спинѣ, колотье въ боку. Духъ его окисъ. Онъ страждетъ скрытымъ Превосходительствомъ. Онъ недоволенъ всѣмъ, и особенно возстаетъ противъ чиновъ, противъ страсти служить и дослуживаться. Однако жъ, я знаю, что онъ и теперь гдѣ-то служитъ, исподтишка. Жена всякое утро говоритъ ему, что онъ дуракъ, ни къ чему не способенъ. Годовой докторъ всякое утро прописываетъ ему лекарство отъ спазмовъ. Но, послѣ каждаго повышенія чинами его пріятелей и знакомцевъ, онъ долженъ, для здоровья, принять слабительное, и держать весь день ноги на кувшинѣ съ кипяткомъ.

Въ вистъ играетъ онъ по маленькой; чорта страхъ боится, а ходитъ всегда съ послѣдней въ масти.

Однажды, рѣшился онъ быть дѣятельнымъ и у-

сердным, и передъ Новымъ годомъ, когда заготовлялись представленія къ чинамъ и знакамъ отличія, поѣхалъ къ своему начальнику играть въ вистъ по пяти сотъ рублей. Онъ проигралъ двѣ тысячи. Воротившись домой, онъ выбранилъ жену за напрасную трату денегъ на наряды, и приколотилъ всѣхъ лакеевъ за нерадѣніе объ его пользахъ.

Вотъ Иванъ Ивановичъ!

А что касается до Анны Петровны, то она румянилась, наряжалась, ѣздила съ визитами, днемъ развозила сплетни, ввечеру разливала чай. Объ ней сказать нечего: она была настоящій женскій – 0, нуль.

Развѣ то, что нѣкогда была она красавица, и имѣла многихъ обожателей?..... что, пока мужъ коптѣлъ въ одномъ и томъ же классѣ, она нерѣдко успѣвала перемѣнить десятерыхъ домашнихъ друзей?..... что она не обращала ни какого вниманія на мужа, ни на его скупость, и дѣлала все, что хотѣла?..... Въ самомъ дѣлѣ, было время, когда Иванъ Ивановичъ не смѣлъ и пикнуть передъ своею женою. И тогда ея знакомки въ цѣломъ Петербургѣ, всякое божіе утро браня своихъ супруговъ, говорили имъ: – Анна Петровна, вотъ умная женщина!

Или то, что нѣкогда у нея была дочь, которая росла, росла, росла, и выросла до десяти лѣтъ, а Анна Петровна ничего объ этомъ не знала?.... Но, однажды, она какъ-то примѣтила это по короткости ея юбки, и стала серіозно думать о дочери. Въ этомъ возрастѣ дочери обыкновенно начинаютъ быть помѣхою для матерей – красавицъ, желающихъ еще утѣшать людей своей чувствительностью. Люди постигли эту истину, и, для облегченія матерей,

мигомъ выдумали дѣвичьи пансіоны: таково было начало женскихъ учебныхъ заведеній. Анна Петровна оцѣнила всю пользу этой вѣжливой выдумки, и рѣшилась отдать дочь въ какой нибудь пансіонъ. Посчастію, она случайно отдала ее въ одинъ Институтъ, и Олинька была спасена случайно.

Анна Петровна говаривала своему мужу: – Что жъ?... ты служишь, служишь, и ничего не видно: я все Высокоблагородная!..... Надобно давать балы.

Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ ей: – Ну вотъ!..... вздумала!.....

Иванъ Ивановичъ говаривалъ въ свою очередь:

– Когда жъ увидимъ мы Олиньку? Я люблю ее; она похожа на меня, какъ двѣ капли воды; она моя дочь.

И Анна Петровна отвѣчала: – Ну, вотъ!..... вздумалъ!.....

Вотъ Анна Петровна!

Наконецъ Анна Петровна состарѣлась, Иванъ Ивановичъ ничего не дослужился, Олинька окончила свое воспитаніе. Они взяли ее къ себѣ, привезли домой, и расцѣловали. Бѣдная Олинька!.....

Теорія супружеской жизни основана вся на противоположностяхъ: когда мужъ вспыльчивъ, жена должна быть кротка, и обратно когда мужъ мотъ, жена должна быть скупа, и обратно; когда мужъ проигрываетъ въ карты, жена должна выигрывать, причемъ позволяется ей даже немножко плутовать, и такъ далѣе. Въ этомъ состоитъ домашнее счастіе. И такъ, когда простуженное честолюбіе пошло у Ивана Ивановича въ кости, у Анны Петровны оно высыпало пятнами по всей кожѣ. Оставленная красотою и ея любителями, она непремѣнно пожелала

быть Превосходительною. Но на мужа нечего уже было надѣяться: онъ повсюду встрѣчалъ «неудачи». Анна Петровна задумала дѣйствовать сама, и добраться до 4-го класса посредствомъ своей дочери. Иванъ Ивановичъ согласился съ нею, что это тоже очень хорошее средство.

— Твой начальникъ, я слышала, ищетъ богатой невѣсты? сказала она.

— Да! ищетъ; онъ теперь въ большой силѣ, сказалъ онъ.

— Наша Олинька была бы ему какъ разъ въ пору, сказала она.

— Да! мы могли бъ, покамѣстъ, дать за нею пятьдесятъ тысячъ дохода, сказалъ онъ.

— Но дочь была бы Превосходительная, а мать нѣтъ: это нейдетъ!..... сказала она.

— Да! это нейдетъ!..... сказалъ онъ.

— Но, ежели онъ въ большой силѣ, то ему не многаго стоило бъ вывести насъ тоже въ Превосходительные?..... сказала она.

— Да! конечно; на то есть разныя законныя средства, сказалъ онъ.

— Зачѣмъ же ты по сю пору не употребилъ ихъ? сказала она.

— Были, душенька, законныя препятствія къ моимъ успѣхамъ по службѣ, именно, «неудачи», сказалъ онъ.

— Предоставь же это мнѣ! воскликнула Анна Петровна съ жаромъ. Ты ни къ чему неспособенъ. Я покажу тебѣ, какъ надо служить. Я слажу это дѣло.

И она сладила. При пособіи двухъ тетушекъ, четырехъ свояченицъ, трехъ двоюродныхъ сестеръ и одной кумы, заключенъ былъ съ начальникомъ Ивана Ивановича формальный трактатъ на слѣдующихъ условіяхъ, изображенныхъ яснымъ, прочнымъ, чистымъ канцелярскимъ слогомъ, ибо Его Превосходительство не вѣритъ ни какому другому слогу, «нынѣ учеными употребляемому».

ТРАКТАТЪ.

I.

«Начальникъ его, Ивана Ивановича, сочетается «бракомъ съ дочерью ея, Анны Петровны, по имени Олинькою, немедленно послѣ выпуска оной изъ «Института, и получитъ отъ родителей ея, Олиньки, въ счетъ приданаго, шестьдесятъ тысячъ рублей годоваго дохода тотчасъ, остальную же часть «онаго – дастъ Богъ! – по кончинѣ реченныхъ родителей оной Олиньки.

II.

«Оная Анна Петровна обязуется заставитъ ее, «Олиньку, любить онаго Начальника его, Ивана «Ивановича, какъ своего собственнаго.»

III.

«До благополучнаго совершенія на сихъ и оныхъ «вышеупомянутыхъ условіяхъ брачнаго обряда, оный «Начальникъ имѣетъ представить его, Ивана Ивановича, къ чину Статскаго Совѣтника, и чрезъ два «года пріискать законныя причины къ произведенію «его же въ Превосходительные.»

IV.

«Отвѣтственность за всѣ могущія случиться неуда-«чи – отъ чего Боже сохрани! – лежитъ исключитель-«но на ономъ Начальникѣ, яко человѣкѣ въ боль-«шой силѣ, ищущемъ невѣсты, супружескаго сча-«стія и онаго приданаго.»

Иванъ Ивановичъ утвердилъ этотъ трактатъ своею верховною мужниною властью, и размѣнъ ратификацій совершился торжественнымъ образомъ въ серединѣ гостиной: подчиненный предложилъ зятю-начальнику понюхать его табаку, и взаимно начальникъ поподчивалъ подчиненнаго тестя щепоткою изъ своей табакерки; оба они въ одно время важно втянули въ себя носами отрадный, душистый порошекъ, съ длиннымъ, длиннымъ наслажденіемъ; оба вмѣстѣ нѣжно посмотрѣли другъ на друга подернутыми слезною влагою, сверкающими глазами, и оба вмѣстѣ воскликнули съ удивленіемъ: – А!!! славный вашъ табакъ!.....

И судьба Олиньки рѣшилась!

При всякомъ трактатѣ бываютъ секретныя статьи: онѣ находились и въ договорѣ, заключенномъ уполномоченными тетушками, свояченицами и кузинами между начальникомъ и его подчиненнымъ, но были условлены прямо отъ имени Анны Петровны и утверждены ею, безо всякаго участія и вѣдома Ивана Ивановича: потому-то онѣ и назывались секретными.

СЕКРЕТНЫЯ СТАТЬИ.

I.

«Анна Петровна обязуется одержать верхъ надъ «скупостью мужа своего, Ивана Ивановича, путемъ

«убѣжденія, а въ потребномъ случаѣ и дѣйствитель-«нѣйшими средствами, и довести его до того, дабы «реченный мужъ, Иванъ Ивановичъ, далъ велико-«лѣпный балъ вскорѣ послѣ выпуска Олиньки изъ «Института.»

II.

«Въ началѣ означеннаго бала Олинька имѣетъ «равнодушно танцовать съ молодыми людьми въ за-«лѣ, а договаривающійся начальникъ его, Ивана «Ивановича, будетъ, по положенію, играть въ вистъ «въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ. Оная Анна «Петровна не упуститъ сдѣлать оному мужу своему «надлежащее предложеніе о составленіи приличной «партіи для него, начальника и будущаго зятя.»

III.

«Въ промежуткахъ между робберами, оный началь-«никъ его, Ивана Ивановича, будетъ любезничать «съ Олинькою.«

IV.

«Анна Петровна отвѣчаетъ за благопріятное дѣй-«ствіе начальническихъ его впечатлѣній надъ не-«виннымъ сердцемъ ея дочери.»

Начальникъ исполнилъ безъ отлагательства III-й пунктъ трактата, — зри выше — но приведеніе въ дѣйствіе 1-й секретной статьи со стороны Анны Петровны не обошлось безъ крика, слезъ и бури. Она принуждена была прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ: топнуть ногою и закричать: — Я такъ хочу!...

Иванъ Ивановичъ долженъ былъ заткнуть уши и сказать:

— Согласенъ, согласенъ, душенька!..... Пусть будетъ по твоему: только я боюсь «неудачи».....

=

Ахъ, если бъ вы знали Олиньку! Если бъ видѣли ея плѣнительное, овальное лице, чистое, гладкое, нѣжное, свѣтлое, какъ снѣгъ, и розовое, какъ заря, исполненное жизни и стыда, покоя и темнаго предчувствія бурныхъ движеній страсти; ея большіе голубые глаза, въ которые беззаботно смотрѣла душа ея на свѣтъ, какъ на цвѣтникъ институтскаго сада; по которымъ роскошно плавали два бѣлыя, свѣжія, атласныя вѣка съ длинными, черными рѣсницами; ея багряныя, пурпуровыя, маленькія уста, созданныя только для улыбки, поцѣлуя, пламенныхъ клятвъ и выраженія сердечнаго счастія; ея зубки, ея волосы, ея ручку, ея ножку, тонкую, мелкую, застѣнчивую ножку!..... Если бъ еще взглянули вы украдкою на полное, круглое, сахарное, на бѣлое и прозрачное какъ слоновая кость, плечо ея, когда наколдованная сладострастіемъ коварной модистки эполетка газоваго платья тихонько обнаруживала его, скользя таинственно по зеркальной кожѣ, и, зажегши кровь зрителя, опять быстро взбѣгала на гладкое возвышеніе и закрывала его легкою, стыдливою тканью: вы навѣрное сошли бъ съ ума, или заплакали объ Олинькѣ!.....

Я зналъ ее, то есть, зналъ такъ, какъ можно знать молнію, которая гаснетъ въ минуту своего рожденія, ослѣпивъ глаза любопытнаго. Олинька промелькнула въ туманной атмосферѣ земной жиз-

ни, подобно громовой искрѣ, которая съ быстротою мысли выливаетъ изъ яркаго сѣрнаго огня длинную, зубчатую, изломанную линію, и величественно нарисовавшись на черномъ грунтѣ тучи, исчезаетъ навсегда съ быстротою обманутой надежды. Надобно было завидѣть ее въ это мгновеніе ока: теперь уже никто изъ насъ ея не увидитъ!.....

Привезенная домой маменькою послѣ обѣда, она провела остатокъ перваго дня въ сладостномъ смятеніи незнакомой свободы и давно забытыхъ ласкъ родителей, которые чрезвычайно разнѣжились съ нею, и, наигравшись съ своимъ образомъ, отраженнымъ въ дочери и долженствовавшимъ продолжать ихъ жизнь послѣ кончины, съ неизъяснимымъ удовольствіемъ цѣловали въ ней, нюхали, прижимали къ сердцу Превосходительство. Измученная ихъ любовію, Олинька легла спать рано, и спала, спокойно какъ ангелъ, до девяти часовъ утра. Мухи разбудили ее. Она раскрыла глаза, сама не помня, гдѣ находится, и была пріятно изумлена неожиданнымъ видомъ двухъ бальныхъ платьевъ, висящихъ передъ кроватью, и множества пышныхъ матерій, блондъ, лентъ, платковъ, платочковъ, золотыхъ украшеній и миленькихъ игрушекъ, разложенныхъ со вкусомъ и кокетствомъ на двухъ столикахъ. Всѣ чувства заиграли въ Олинькѣ. Олинька соскочила съ постели, какъ-бы вытолкнутая пружиною, и босая, полунагая, поддерживая рукою валящуюся съ плечъ рубашку, побѣжала къ розовому платью; потомъ побѣжала къ бѣлому; потомъ опять къ розовому; потомъ къ столикамъ; потомъ снова къ платьямъ. — Ахъ, какія они милыя!..... Прелесть!..... Чудо!..... Маменька!..... гдѣ ты?..... Какія вещи!..... Какъ здѣсь весело!.... Сегодня мое рожденіе: это все подарки маменьки!.... Ка-

кая она добрая!..... Какая она добрая!..... Какое чудесное платье!..... – Олинька подходила ко всякой вещи, и разсматривала ее съ восхищеніемъ; отступала нѣсколько шаговъ, и смотрѣла на нее издали съ новымъ восхищеніемъ; садилась на постели, и съ восхищеніемъ развертывала на колѣнахъ куски изящныхъ разноцвѣтныхъ тканей; и опять вставала, и опять смотрѣла, и опять садилась, и при всякомъ новомъ положеніи тѣла испытывала новое ощущеніе счастія.

Дверь отворилась, и маменька важно вошла въ ея спальню. Она опять прыгнула съ мѣста, какъ стрѣла, нечаянно тронутая тетивою, и бросилась къ маменькѣ на шею. – Маменька!..... какая ты добрая!..... какія платья!..... какія ленты!..... Это все для меня, маменька?..... – Она цѣловала маменьку, жала ея шею своими полными, алебастровыми руками, душила ее отъ всего сердца и не допускала отвѣчать.

– Для тебя, другъ мой!..... для тебя!..... говорила Анна Петровна, цѣлуя дочь и задыхаясь въ ея объятіяхъ. Для тебя, мой ангелъ!..... Сегодня твое рожденіе, и у насъ будетъ балъ.

– Балъ!!..... вскричала Олинька, отскочивъ назадъ. Сегодня у насъ балъ?..... Ахъ, маменька!..... ахъ!..... у меня голова кружится..... Сегодня балъ!

– Душенька, ты танцуешь въ одной рубашкѣ....

– Маменька, – балъ!..... Я не знаю, что со мною дѣлается!.....

– Ты простудишься, мой другъ!..... Лягъ въ постель, или пріодѣнься немножко.

Олинька поспѣшно надѣла зеленыя шитыя золотомъ туфли на бѣлую босую ножку, накинула на себя черный платокъ, собрала свои волосы, свернула ихъ и утвердила гребнемъ на головѣ; и въ этомъ простомъ, фантастическомъ нарядѣ она могла поспорить о красотѣ и изящности съ самою блистательною мечтою сладострастной Греческой Миѳологіи. Мелькомъ заглянувъ въ зеркало, она увидѣла въ немъ себя, и улыбнулась отъ удовольствія. Мать поцѣловала ее съ умиленіемъ, и подумала: — Она такъ же хороша, какъ была я, двадцать лѣтъ тому назадъ.

Въ эту минуту, горничная вошла въ комнату, съ горшкомъ розъ на рукахъ, говоря, что Прасковья Петровна прислала поздравить Олиньку этимъ подаркомъ.

– Вели благодарить тетушку! разсѣянно отвѣчала Олинька, не смотря на розы, и съ жадною радостью перебирая ленты и матеріи, разложенныя на столикахъ, которыя десять разъ брала она въ руки, и десять разъ бросала, бѣгая съ ними къ зеркалу, примѣняя къ лицу, и повторяя: – Очень мило!..... Очень мило!.....

Мать таинственно взяла ее за руку, и повела къ великолѣпному новому шкафу, который, въ одинъ поворотъ ключика, отворился настежь, обнаруживъ рядъ прекрасныхъ капотовъ и платьевъ. Олинька вскричала: – И это тоже для меня?..... Ахъ, маменька, этого ужъ слишкомъ много!..... Бѣлое платье!..... Какое оно нарядное!!.....

Тогда, какъ Олинька, взявшись пальчиками за край платья, раскинула его и разсматривала съ восхищеніемъ, Анна Петровна, у которой сердце сильно

билось въ ту минуту, обняла ее дрожащими руками, приклонила къ себѣ, и поцѣловала въ лобъ.

– Знаешь ли, Олинька, что это за платье?

Олинька посмотрѣла ей въ глаза съ недоумѣніемъ.

– Это, маменька, кажется?..... Это не бальное платье.....

– Это твое подвѣнечное платье.

Олинька покраснѣла.

– Мы уже пріискали для тебя жениха, прекраснаго, степеннаго человѣка..... въ генеральскомъ чинѣ!..... со звѣздою!.....

Олинька, чтобъ скрыть свое смущеніе, забила голову въ шкафъ, и съ притворнымъ вниманіемъ разглядывала поочередно платья и капоты, трепеща со страху.

– Ты, мой другъ, сегодня познакомишься съ нимъ на балѣ. Онъ тебѣ непремѣнно понравится.....

Олинька хотѣла сказать: – маменька!..... вѣдь онъ мужчина!..... Я мужчинъ боюсь! – и, покраснѣвъ ужасно при одной мысли о мужчинѣ, она придвинула глаза къ гроденаплевому капоту, который безпрерывно ворочала передъ свѣтомъ, повторяя: – Не правда ли, маменька, что это очень милый цвѣтъ?.....

– Если ты меня любишь, то будешь съ нимъ сегодня вѣжлива и любезна.....

Олинька побѣжала отъ шкафа къ столику, и отвѣчала ей: – Какой прелестный фермуаръ!..... Это все бриллiанты, маменька?

Изумленная равнодушіемъ дочери къ подобному извѣстію, Анна Петровна пошла за нею къ столику

съ недовольнымъ лицемъ, продолжая свое увѣщаніе.

— Олинька!..... ты дурачишься!..... Оставь, прошу, свою институтскую скромность.... Я говорю съ тобой серіозно. Ты уже въ свѣтѣ, и мы заботимся о твоемъ счастіи. Другъ мой!..... когда представляется хорошая партія, никогда не надо пропускать случая..... Иная, потому, что искала мужа по своему вкусу, навѣкъ осталась въ дѣвкахъ..... На что долго выбирать жениха?..... Ахъ, душенька!..... мужчины всѣ одинаковы!!.....

Олинька, во время этой поучительной бесѣды, разсѣянно копалась въ тканяхъ, примѣряла браслетки, мяла ленты, пытаясь складывать ихъ въ причудливые банты, и слушала наставленіе нѣжной родительницы; но ея руки и ноги были холодны, какъ ледъ, ея розовые ногти обливались синимъ, гробовымъ цвѣтомъ; она дрожала и часто отворачивала голову, чтобъ перевести духъ. Что жъ ей такъ не понравилось въ этомъ предложеніи?..... Многое: Во-первыхъ, звѣзда; во-вторыхъ тонъ разсужденія маменьки. Сверхъ того, Олинька никогда въ жизни не думала о мужѣ, ни о замужествѣ, и испугалась, какъ громоваго удара, внезапнаго объявленія о скорой свадьбѣ и о сдѣланномъ уже выборѣ друга. Она отнюдь не знала, какимъ порядкомъ должно это происходить въ Природѣ; но ея сердце чувствовало, независимо отъ нея самой, что его лишаютъ врожденныхъ правъ, что у него отнимаютъ свободу, единственную свободу, предоставленную женщинѣ человѣкомъ. О! въ этомъ отношеніи сердца дѣвушекъ удивительно какъ проницательны: они не требуютъ предварительныхъ наставленій, чтобъ постигнуть всю важность наносимой имъ чужею волею

обиды. Анна Петровна сѣла въ кресла, и продолжала свои жестокія разсужденія. Она доказывала Олинькѣ, что всѣ мужчины дураки, тираны и измѣнники; что они не заслуживаютъ того, чтобъ женщины ихъ любили; что женщины, выходя замужъ, должны думать только о своихъ выгодахъ, и не жертвовать собою для любви, и прочая, и прочая.

Это — знаете! — философія опытныхъ женщинъ.

Анна Петровна доказывала еще много другихъ вещей, но Олинька уже ихъ не слышала. Олинька стояла передъ нею, какъ оклеветанная невинность передъ судомъ нечестивыхъ, и, ворочая въ пальцахъ машинально взятую со столика готическую пряжку, безчувственными глазами смотрѣла на розу, присланную ей отъ тетушки. Лучи солнца падали на растеніе, и согрѣтая ими почка начинала раскрываться, образуя первые очерки юнаго цвѣтка. Взоръ Олиньки невольно слѣдовалъ за тихими движеніями красивой жизни нѣжнаго растительнаго младенца, и взволнованная душа дѣвушки пріятно опочила на мягкихъ розовыхъ членахъ раждающагося цвѣта. Какое-то магнитное сочувствіе связывало этого новаго пришельца на свѣтъ съ ея опечаленнымъ сердцемъ, и послѣднее какъ-будто постигало все существующее между ними сходство, какъ-будто знало по опыту, что въ этой комнатѣ, въ этомъ домѣ, въ этомъ развращенномъ мірѣ, нѣтъ ему другаго безкорыстнаго друга, кромѣ этого добраго, веселаго, беззащитнаго цвѣточка.

Анна Петровна слегка описывала лице и широкою кистью чертила великолѣпную картину чина и звѣзды припасеннаго ею жениха, но ея слова отражались отъ омертвѣлой дочери, какъ отъ мрамо-

ра. Олинька, болѣе всего ужасавшаяся этой звѣзды, упорно молчала и не сводила неподвижныхъ глазъ съ цвѣтка, который, сквозь вьющуюся по нимъ слезу, измѣнялся въ ея взорахъ въ разные фантастическіе виды, и, наконецъ, вдругъ какъ-то представился ей огромною, страшною серебряною звѣздою. Она затрепетала. Во время молебствій и испытаній въ Институтѣ, видѣла она многихъ важныхъ, почтенныхъ особъ со звѣздами, которыхъ называютъ тамъ родителями и начальниками, и въ ея понятіи звѣзда, плѣшина и сѣдые волосы такъ странно были перемѣшаны, такъ тѣсно соединялись между собою, что она почти не различала ихъ мыслію, почти не помнила, гдѣ которая изъ нихъ носится по настоящему: плѣшина ли на груди, а звѣзда на маковкѣ, или обратно?..... Мать спросила съ безпокойствомъ, что съ нею, зачѣмъ она молчитъ, зачѣмъ не говоритъ того, что думаетъ. Она хотѣла что-то сказать,.... стряхнула слезу съ рѣсницъ, и.... увидѣвъ опять на кустѣ цвѣтокъ, а не звѣзду, опрометью бросилась къ нему, начала около него прыгать, начала осматривать его со всѣхъ сторонъ, восхищаться его красотою, дотрогиваться до него пальцемъ, нюхать его, ласкать, и кричать: — Посмотри, маменька!..... посмотри!..... какой онъ миленькой!..... Ты не знаешь? — я все время смотрѣла на него!.... хотѣла видѣть, какъ онъ раскрывается. Какой чудесный запахъ!..... Понюхай, маменька!..... Ты ничего въ свѣтѣ не видала занимательнѣе этого цвѣточка!..... Что, развѣ ты не любишь молодыхъ розъ?..... Я страхъ люблю ихъ! Ахъ, какая прелесть!.....

Анна Петровна надулась и, съ досады, сказала ей, что она глупа, какъ институтка.

Олинька отвѣчала ей, что поцѣлуетъ у тетушки ручку за этотъ безподобный подарокъ.

Анна Петровна разсердилась, и пошла. Куда же она пошла?..... Вотъ, теперь не помню! Мнѣ однако жъ сказывали..... Да! точно! пошла бранить мужа.

Олинька уже не смотрѣла ни на матеріи, ни на ленты, ни на платья; они ей опротивѣли, казались звѣздообразными, холодными, какъ присутствіе старика, гадкими какъ морщины. Взоръ ея невольно избѣгалъ встрѣчи со шкафомъ, въ которомъ висѣло бѣлое атласное платье съ букетомъ и широкою блондою. Если бъ это было ночью, она была бы въ состояніи вообразить себѣ, что тамъ сидитъ мертвецъ, домовой, лѣшій, и съ крикомъ ушла бъ изъ комнаты. Чтобъ не думать о предложеніи матери, она все свое вниманіе, всѣ чувства, всю душу излила на образующійся при ея глазахъ розанъ. Она не могла разстаться съ нимъ ни на минуту; любила его, какъ брата, забавлялась съ нимъ, какъ съ куклою, и радовалась его успѣхамъ въ жизни, красотѣ и силѣ. Онъ весь день былъ единственнымъ ея пріятелемъ: если бъ маменька опять заговорила съ нею о звѣздѣ, она неминуемо влюбилась бы въ него, какъ въ любовника. Дѣвушекъ дразнить не надобно.

═

Когда родился я на свѣтъ, пытки уже были уничтожены во всѣхъ Европейскихъ государствахъ,

исключая Турцію и Римъ. Я получилъ первое объ нихъ понятіе изъ выносокъ разныхъ историческихъ сочиненій; но выноски, какъ бы часто ни были набиты острыми учеными гвоздями, не могутъ еще изобразить въ точности всѣхъ ужасовъ пытанія. Я съѣздилъ нарочно въ Константинополь и въ Римъ, чтобъ увидѣть, какъ терзаютъ человѣческое тѣло, какъ растягиваютъ члены, вывертываютъ суставы, загоняютъ тросточки подъ ногти, сжимаютъ ноги въ желѣзной обуви, гладятъ кожу раскаленными утюгами и сдираютъ ее тонкими полосами; чтобъ быть свидѣтелемъ, какъ твердыя души, великія, непоколебимыя въ добродѣтели, неустрашимо переносятъ всѣ подобныя мученія и еще находятъ въ нихъ сладость, — сладость въ иготи столченной невинности. По несчастью, — ужъ подлинно я долженъ быть несчастливъ! — я не успѣлъ обратить на себя вниманія ни Бостанджи-баши, ни Предсѣдателя Св. Инквизиціи, и ничего не видалъ ни въ Царѣградѣ, ни въ Римѣ. Пришлось читать неистовые Романы, творенія, предназначенныя для легкаго и пріятнаго чтенія, котораго впрочемъ не могу терпѣть, чтобъ составить себѣ ясное понятіе объ этихъ предметахъ. Я долго составлялъ его, составлялъ на разные манеры, и никакъ не составилъ. Я уже завидовалъ рѣдкой проницательности одного великаго писателя, который, Богъ — вѣсть какъ, мигомъ однако жъ постигъ возможность быть безвинно посаженнымъ на колъ, и душевно радоваться этому случаю, сидя очень неудобно на колѣ, ловко совершать для Исторіи великіе подвиги, достойные удивленія потомства. Мнѣ казалось, что я никогда этого не постигну. Но однажды, случайно, невзначай, я подстерегъ, какъ одѣваютъ дѣвицъ на балъ, и тутъ постигъ всѣ тайны пытки. Точно! можно быть терзаемымъ, мучимымъ жестоко, ужасно, без-

человѣчно, и находить удовольствіе въ терзаніяхъ, и благословлять терзающую васъ руку, и не проболтаться ни однимъ лишнимъ словечкомъ, — лишь бы напередъ вы знали, что послѣ всѣхъ этихъ страданій будетъ балъ.

Теперь я понимаю все дѣло. Удостовѣрьте меня, что люди будутъ мнѣ удивляться, я сейчасъ позволю вамъ посадить меня на колъ, и съ кола буду писать мои повѣсти; но вы должны находить ихъ несравненными, и пріискать для меня Исторіографа, который провозгласилъ бы меня первымъ писателемъ въ мірѣ. Даромъ не стану я дѣлать великихъ подвиговъ: никто не дѣлаетъ ихъ даромъ.

Однако жъ, когда бъ даже вы мнѣ сказали, что я буду первою красавицею на вашемъ балѣ, я, право, не выдержалъ бы той пытки, какой, съ двухъ часовъ по-полудни до десяти часовъ вечера, была подвержена невинная Олинька: я бы завизжалъ, какъ поросенокъ, искусалъ бы всѣхъ служанокъ и парикмахеровъ, высказалъ бы всю свою подноготную, — и кого люблю, — и кому хочу вскружить голову моимъ кокетствомъ, — и въ комъ желаю произвести впечатлѣніе, — и которую изъ моихъ пріятельницъ имѣю въ виду взбѣсить изящностью моего наряда, — и за кого надѣюсь выйти замужъ: я даже признался бы и въ томъ, что всякій вечеръ, ложась спать, мечтаю о нѣкоемъ Принцѣ, прекрасномъ какъ Бельведерскій Аполлонъ, храбромъ, любезномъ и щедромъ, который пріѣдетъ, увидитъ меня въ театрѣ, влюбится въ меня безъ памяти, женится на мнѣ, и я буду владѣтельною Герцогинею, и буду имѣть своихъ Статсъ-дамъ, и свою гвардію, и своихъ пажей. Словомъ, я пересказалъ бы всѣ тайны, всѣ затѣи и мысли

барышень, если бъ мнѣ стали такъ драть волосы, напрягать ихъ вмѣстѣ съ кожею, накрѣпко затягивать снурочками, какъ Олинькѣ; если бъ такъ начали увертываться около меня съ раскаленными цыркулями, приклеивать мнѣ къ лицу согнутые кольцемъ клочки волосъ, шпиговать голову черными шпильками, колоть меня повсюду булавками, запирать въ тѣсный желѣзный корсетъ, и вбивать мои ножки въ узкіе и короткіе башмачки!.....

Олинька, по видимому, была гораздо храбрѣе меня. Она вынесла эту пытку съ удивительнымъ мужествомъ: ее скребли, жгли, кололи, напрягали, брали въ тиски, терзали и мучили восемь часовъ сряду, – и не исторгли у нея ни одного стона. Она безчувственно позволяла дѣлать съ собою все, что ни вздумали ея мучители, и объ одномъ лишь молила Бога, – чтобъ выйти изъ рукъ ихъ такою гадкою, – но такою гадкою, чтобъ господинъ со звѣздою испугался ея, какъ самого чорта!.....

Но, какъ-будто въ досаду, когда кончились терзанія, всѣ горничныя воскликнули въ одно слово: Ахъ, какъ чудесно наша барышня одѣта!!

И когда кончились восклицанія, маменька шепнула ей на ухо: – Смотри же, Олинька, старайся понравиться этому господину!

Она отворотилась, – и заплакала!

=

Чай, мороженый пуншъ, оржатъ, лимонадъ, конфеты, бисквиты, варенья, фрукты, уже во второй

разъ совершаютъ на великолѣпныхъ подносахъ вкусное и благовонное путешествіе свое по заламъ. Волны золотаго свѣта быстро несутся по комнатамъ, по движенію безчисленныхъ толпъ гостей. Радужные лучи плавающихъ въ пахучемъ воздухѣ огней играютъ въ пышныхъ люстрахъ, въ огромныхъ зеркалахъ, въ позолотѣ, серебрѣ, шелку, хрусталѣ и алебастрѣ; играютъ въ бриллiантахъ, изумрудахъ и яхонтахъ; играютъ въ свѣтлой, похотливой кожѣ преданныхъ на жертву жаднымъ взорамъ пухленькихъ, роскошныхъ грудей и плечъ; и, ярче нежели въ зеркалахъ, играютъ въ гладкихъ челахъ и ланитахъ женщинъ и, волшебнѣе, чѣмъ въ бриллiантахъ, играютъ въ ихъ глазахъ. Воздухъ кипитъ блескомъ, удовольствiемъ и веселыми звуками музыки. Стѣны потрясаются гуломъ радости. Домъ пылаетъ пожаромъ потѣхи. Всѣ уста волнуются улыбками, всѣ сердца бьются забавою, всѣ самолюбiя заведены тугими пружинами. Балъ пошелъ горой.

Молодежь танцуетъ, маменьки сидятъ и восхищаются, старыя барышни вздыхаютъ и злословятъ, франты вертятся, пролазы кланяются въ зачетъ завтрашнихъ подлостей, старики разсуждаютъ о временахъ Великой Екатерины, помѣщики жалуются на дурное лѣто; дѣловые, за недостаткомъ бумагъ, по навыку къ очисткѣ, тихомолкомъ очищаютъ стаканы; важные люди думаютъ и играютъ въ вистъ; причисленные къ Герольдiи порицаютъ нынѣшнiй ходъ дѣлъ и вистъ, и играютъ въ бостонъ. Но всѣ спрашиваютъ съ любопытствомъ: — Кто это?..... Кто это?..... — Это дочь хозяина, Ольга Ивановна. — Ахъ, какая красавица!

Отдыхая послѣ первыхъ кадрилей, Олинька расхаживаетъ по покоямъ съ тремя или четырьмя но-

выми своими пріятельницами, сплетенными съ нею подъ руки. Онѣ, подобно легкимъ и пугливымъ сернамъ, ловко минуютъ безчисленныя группы гостей, удивляющихся вкусу и роскоши, съ какими Анна Петровна убрала свой домъ для ихъ пріема; шепчутъ, улыбаются, стрѣляютъ взорами по моднымъ фракамъ, и опять шепчутъ, и опять улыбаются, и несутся далѣе. Вы теперь не узнали бъ Олиньки: она уже не то, что была поутру. Въ одинъ часъ времени она подвинулась на пути жизни цѣлымъ високоснымъ годомъ. Гуляющія съ нею кадрильныя пріятельницы, всѣ старѣе ея нѣсколькими годами, всѣ удивительно опытныя въ бальныхъ эволюціяхъ, дали ей примѣтить множество прекрасныхъ усиковъ, чудесныхъ глазъ, ловкихъ мужскихъ талій; онѣ разсказали ей, кто въ кого влюбленъ, кто на комъ сватается, которая изъ ихъ знакомокъ крѣпко любезничаетъ съ которымъ, кто изъ мужчинъ хорошъ собою, но несносенъ, и кто изъ нихъ по справедливости можетъ нравиться всякой. Свѣтскія барышни любятъ учить институтокъ и монастырокъ: это ихъ страсть! Олинька, слушая ихъ разсужденія, сперва краснѣетъ и потупляетъ взоры; потомъ ощущаетъ въ сердцѣ пріятное смятеніе, потомъ любопытство, потомъ досаду на свое невѣжество, потомъ желаніе быть столь же умною, какъ и ея наставницы. Она тоже начинаетъ потихоньку дѣлать свои замѣчанія, хотя еще не имѣетъ довольно смѣлости, чтобъ сообщить ихъ другимъ. Уже одни глаза показались ей прекрасными, двѣ пары устъ пріятными, три носа довольно правильными: только она еще не можетъ составить изъ нихъ ничего цѣлаго, ничего полнаго, хорошаго во всѣхъ частяхъ и непоражающаго ни какими недостатками, потому, что усы и бакенбарды мѣшаютъ ей въ ея соображеніяхъ. Она еще

не понимала пользы и поэзіи бѣлыхъ усовъ и страшныхъ романтическихъ бакенбардовъ; усиливалась открыть въ нихъ красоту, и открывала только образъ щетокъ. Олинька, Олинька!..... Искра порчи уже заброшена въ твою душу неосторожными пріятельницами: ты сама о томъ не знаешь!.....

Шепча, смѣясь, разсуждая съ ними, она украдкою, бѣгло, равнодушно, единственно изъ любопытства, искала взоромъ въ толпѣ гостей миловиднаго лица безъ усовъ и бакенбардовъ, когда какой-то молодой мужчина, статный, ловкій, одѣтый по послѣдней модѣ, неожиданно попался имъ на встрѣчу. Онъ привѣтствовалъ вѣжливымъ поклономъ одну изъ ея подругъ, спросилъ о здоровьѣ ея маменьки, сказалъ нѣсколько словъ о великолѣпіи бала Анны Петровны, окинулъ Олиньку пылкимъ взглядомъ, отъ котораго она затрепетала, уронилъ нѣсколько остроумныхъ и скромныхъ комплиментовъ въ честь цѣлому гуляющему кругу Грацій, и пошелъ далѣе. Олинька хотѣла спросить: – Кто это? – но уста ея были спаяны стыдомъ, пламенѣвшимъ въ цѣломъ ея лицѣ во время и послѣ этой встрѣчи: она никогда еще не была такъ близко къ мужчинѣ, и вся дрожала со страху, вся горѣла огнемъ непонятнаго, но не совсѣмъ противнаго ей смятенія. Одна изъ пріятельницъ пособила скрытному ея любопытству произнесеніемъ того же вопроса, который испарился на устахъ институтки, и знакомка разставшагося съ ними господина тотчасъ воскликнула вполголоса: – Какъ?..... вы его не знаете? Да это онъ!..... Знаете ли, Олинька, кто это?..... Графъ Александръ П***!..... Идолъ всего высшаго общества! Онъ въ большой модѣ; въ него всѣ влюблены, всѣ!..... Какой онъ богатый! какой умный! да какъ онъ танцуетъ!..... Чудо! Не правда ли,

Олинька, что онъ удивительный красавецъ!..... Если бъ онъ не былъ такой вѣтреникъ, въ него можно было бы..... Какъ онъ тебѣ кажется?

Олинька ничего, то есть, почти ничего не отвѣчала; но ея сердце, усиленнымъ біеніемъ, утверждало всѣ похвалы, воздаваемыя ему легкомысленною подругою. И, какъ-будто озаренная внезапнымъ свѣтомъ, душа ея однимъ разомъ постигла красоту мужескаго лица: всѣ ея понятія мгновенно слились въ одну, плотную, вѣчную, гранитную, неразрушимую мысль, — что лице мужчины, чтобъ быть прекраснымъ, должно быть точно такимъ, какъ у него. Съ тѣхъ поръ, сама того не чувствуя, она уже носила въ себѣ образъ его, облеченный въ понятіе прекраснаго, нечаянно въ ней создавшееся. Такъ всегда раждается первая любовь; и потому она очаровательна, и потому остается въ душѣ на всю жизнь, что предметъ ея и первое понятіе о прекрасномъ нераздѣльны, и вмѣстѣ дѣйствуютъ на чувства и на воображеніе. Брось это понятіе въ новую, чистую душу, въ какомъ бы то ни было видѣ, оно тотчасъ жадно соединится съ нею, какъ щелочь съ кислотою; оно приведетъ ее въ броженіе; оно проникнетъ въ сердце, разойдется съ кровію, пережжетъ кровь, чувства и воображеніе, исзернуется въ твердый кристаллъ, свѣтлый, алмазный, мерцающій волшебными огнями вожделѣнія, надежды и счастія. Теперь понимаете ли теорію происхожденія первой любви?..... Она довольно проста и ясна. Вторая любовь есть только подражаніе первой. Потомъ сердце привыкаетъ къ любви, какъ носъ къ табаку, и она обращается въ привычку.

Его уже не было передъ нею, а она все-еще видѣла его пылкіе глаза, его сильныя, смѣлыя,

красивыя черты, его высокое и гордое чело, его пурпуровыя, исполненныя огня и нѣги, уста, — думала она: — Онъ долженъ быть одинъ такой прекрасный на свѣтѣ!..... — и, ища средства, какъ бы представить его себѣ существомъ выше и совершеннѣе прочихъ, въ своемъ любезномъ невѣжествѣ она еще говорила съ самой собою: «Какой онъ счастливецъ, что у него нѣтъ усовъ!..... Онъ носитъ бакенбарды,..... но они отмѣнно идутъ ему къ лицу: Не то, что этимъ господамъ!.....

Онѣ поворотили назадъ, и очутились передъ какимъ-то пожилымъ господиномъ въ парикѣ и со звѣздою, который важно нюхалъ табакъ. Олинька поблѣднѣла: ей вообразилось, что это женихъ, о которомъ маменька поутру ей говорила, и, на зло пожилому господину въ парикѣ и со звѣздою, погналась мыслію за Графомъ П***.

— Ахъ, если бъ мой женихъ былъ такой, какъ онъ!..... подумала она, вздыхая.

Есть на свѣтѣ люди, которые не вѣруютъ въ внезапную любовь, въ любовь съ перваго взгляда, въ сильныя, высокія и великія страсти. Но чувствительныя сердца, которыя читаютъ повѣсти или мечтаютъ о счастіи, не должны обращать на нихъ вниманія. Недовѣрчивость этихъ господъ ни сколько не измѣняетъ существа дѣла. Вѣдь есть люди, которые не вѣрятъ и въ чорта?.....

=

— Домъ прелестный!..... Все въ порядкѣ!..... Надо отдать справедливость хозяину, что онъ че-

ловѣкъ со вкусомъ. И картины не дурны!..... Эта готическая комната нравится мнѣ чрезвычайно: только слѣдовало бы въ ней быть поменьше бронзы... Эти господа утрируютъ все, даже самую роскошь, и дѣлаютъ изъ своихъ покоевъ настоящіе магазины. Надо, однако жъ, сказать хозяйкѣ нѣсколько словъ на счетъ ея кабинета: голубой атласъ съ серебромъ, и болѣе ничего..... Просто и очень мило!.... Какая великолѣпная камелія!..... А!!..... вотъ хорошенькое личико!..... Но оно все-таки не стоитъ того, которое встрѣтилъ я въ той комнатѣ, въ числѣ тѣхъ четырехъ дѣвицъ.....

Такъ разсуждалъ про себя Графъ Александръ П***, расхаживая по комнатамъ отдѣльно отъ прочихъ гостей, и равнодушно направляя свое стекло на разные предметы, на стѣны, на мебель и на лица. Осмотрѣвъ все и всѣхъ, онъ опять сталъ думать.

– Да!..... богато и прекрасно!..... Только самый балъ не слишкомъ мнѣ нравится. Здѣсь скучно! Почти не увидишь знакомаго лица. Но сколько звѣздъ!..... какъ на небѣ. Гдѣ мой пріятель, Иванъ Ивановичъ, открылъ такой богатый рудникъ Превосходительства, что назвалъ къ себѣ столько кавалеровъ первой и второй степени?..... Я никогда не думалъ, чтобы за предѣлами большаго свѣта водилось такое множество звѣздъ. Все новыя лица, которыхъ не видалъ я ни на одномъ извѣстномъ балу въ столицѣ. Это ни-какъ древніе и новѣйшіе начальники разныхъ канцелярій, народъ дѣловой, который я почитаю, но съ которымъ пріятнѣе встрѣтиться въ департаментѣ, чѣмъ на балѣ. Они что-то слишкомъ молчаливы, слишкомъ высокостепенны, и принесли сюда съ собою въ карманѣ всю

свою офиціяльную важность. Лица холодны и безъ улыбки, какъ докладъ. Я готовъ держать пари, что они обдумываютъ бумаги, глядя, какъ дочери ихъ танцуютъ! Нельзя мнѣ было не сдѣлать удовольствія хозяевамъ и не явиться къ нимъ на балъ, но!.... но здѣсь я буду скучать всю ночь. Я далъ слово быть сегодня у Княгини Надежды Ивановны..... Ахъ, право, эта женщина мучитъ меня несноснымъ образомъ!.... самъ не знаю, какъ бы разойтись съ нею безъ шуму. Если бъ она не была мнѣ такъ необходима..... Завтра будетъ она пересмѣивать меня со всею своей ѣдкостью, когда узнаетъ, что я не былъ у ней потому, что былъ на балѣ у человѣка, котораго и фамилія ей неизвѣстна, о долгахъ котораго никогда не было рѣчи въ ея гостиной, даже супруги котораго ни однажды не злословила она съ своими пріятельницами..... Я долженъ буду вынести ужасную грозу. Между-тѣмъ моя Машинька и мамзель Алинъ безъ-сомнѣнія ожидаютъ меня теперь съ теплымъ сердцемъ и простылымъ чаемъ: я обѣщался той и другой навѣстить ихъ сегодня послѣ театра, и забылъ совершенно..... Машинька, однако жъ, миленькая дѣвушка!..... я куплю ей завтра за то хорошій платокъ, хотя теперь у меня нѣтъ денегъ..... Ничего!..... деньги найдутся..... За всѣмъ тѣмъ, не худо было бы нѣсколько привести дѣла мои въ порядокъ: я запутался въ многосложныя предпріятія, и у меня уже не достаетъ ни времени, чтобъ помнить обо всѣхъ ихъ, ни средствъ, чтобъ вести ихъ успѣшно. Теперь именно время великихъ преобразованій: я подамъ примѣръ собою..... Во-первыхъ, мамзель Алинъ оставлю я за штатомъ: я уступлю ее Князь-Ивану. Во-вторыхъ.....

Но зачѣмъ прописывать все то, что думалъ про

себя праздный молодой повѣса, не зная, что съ собою дѣлать въ шумной толпѣ незнакомыхъ лицъ, въ кругу людей, гдѣ чувствовалъ себя какъ бы не на своемъ мѣстѣ! – Можетъ быть, онъ этого и не думалъ; быть можетъ, я все это выдумалъ: въ такомъ случаѣ, извините, простите, пощадите меня великодушно! Я виноватъ, я пустой человѣкъ, я грѣшенъ!..... Да и вы тоже! – не правда ли?..... Однако жъ, согласитесь, что сколько одинъ счастливый, любезный, испорченный благосклонностью женщинъ и судьбы, вертопрахъ передумаетъ, пересмѣетъ, перецыганитъ мысленно въ полчаса времени, того не написать и на бычачей шкурѣ!..... Но вы изволите говорить, что подобныхъ вещей и повторять не стоитъ, даже изъ уваженія къ предметамъ, которые переходятъ сквозь пустую его голову. И то правда!.... И такъ, я отказываюсь отъ всего, что написалъ на счетъ почтенныхъ дѣловыхъ людей, Княгини Надежды Ивановны и мамзель Алинъ; перемарываю все это большимъ цензорскимъ крестомъ, оставляю вамъ бѣлую страницу: предполагайте себѣ касательно думъ моего героя, что вамъ угодно; пишите на ней, что угодно: я на все согласенъ, я ничего не знаю, какъ о комъ думалъ тогда Графъ Александръ П***, прекраснѣйшій любезнѣйшій, обворожительнѣйшій, предпріимчивѣйшій, вѣжливѣйшій и наглѣйшій изъ волокитъ столицы. Но, если оставлю вамъ большой пробѣлъ въ моемъ сочиненіи, вы еще захотите имъ воспользоваться; вы тотчасъ упишете въ немъ отъ моего имени все, что знаете дурнаго, смѣшнаго, мерзкаго о вашихъ друзьяхъ и сосѣдяхъ. Еще выйдутъ личности: я этого не хочу!..... Лучше оставить, какъ оно есть, и объявить вамъ, что все вздоръ, неправда; что ничего этого не бывало, и быть не можетъ; что Графъ П***, какъ самъ онъ признался передо мною, зѣвая

въ уголъ, сказалъ про себя только нижеслѣдующія слова на Французскомъ діалектѣ:

– Ахъ, какъ они скучны, эти господа втораго яруса, когда вздумаютъ корчить знатныхъ баръ!....

А хозяйка подошла къ нему, и сказала:

– Ахъ, Графъ Александръ Сергѣевичъ?.... Вы у насъ скучаете! Вы не танцуете?.....

И онъ вдругъ отвѣчалъ ей:

– Напротивъ, сударыня: я никогда въ жизни не проводилъ вечера веселѣе и пріятнѣе. Вашъ балъ очарователенъ. Я съ восхищеніемъ удивляюсь вкусу, съ какимъ убранъ вашъ прекрасный домъ. Въ особенности плѣнилъ меня вашъ кабинетъ, сударыня: я желалъ бы быть заколдованнымъ, и остаться въ немъ навѣки.

– Вы слишкомъ добры, Графъ!

– Если вы понимаете это слово въ смыслѣ «чистосердечный», то я принимаю отъ васъ наименованіе.

– Вы не хотите сдѣлать намъ удовольствія потанцовать у насъ? Вы танцуете такъ прелестно!....

– Сударыня! я только ожидалъ вашего приказанія.

– Такъ не угодно ли съ моею дочерью?....

– Какъ, не угодно ли!..... Напротивъ, я долженъ просить васъ на колѣняхъ позволить мнѣ имѣть эту честь.....

Анна Петровна вѣжливо улыбнулась; Графъ П*** вѣжливо поклонился, и они пошли въ залу. Она привела его къ Олинькѣ, которая робко, со стыдомъ, подала ему кончики своихъ пальцевъ.

Первое прикосновеніе! Священная, великая тайна Природы! Кто дерзнетъ изобразить на грязномъ лоскуткѣ онучи, превращенномъ въ писчую бумагу, твои неземныя электрическія свойства?..... Олинька содрогнулась отъ этого прикосновенія, и дрожала всѣмъ тѣломъ, но отнюдь не со страху, – дрожала нѣжно, таинственно, сладостно, какъ дрожитъ струна подъ смычкомъ артиста, исполненная небесной гармоніи, испаряющейся изъ нея звонкимъ, незримымъ туманомъ. Она смотрѣла въ землю; онъ смотрѣлъ на нее, и говорилъ про себя: – Такъ это дочь Анны Петровны!..... Это другое дѣло! Съ ней готовъ я танцовать цѣлый годъ, ежели не влюблюсь въ нее при первой кадрили. Вѣдь я теперь не занятъ!.....

А знаете ли, какъ это случилось, что Анна Петровна, весь вечеръ соображая средства, какъ бы скорѣе промѣнять дочь на чинъ, сама предала ее въ руки врагу своихъ соображеній?..... Вы никогда не угадаете этого сами собою: лучше спросите у вашихъ супругъ. – Вѣрно Олинька, скажутъ онѣ вамъ, сама пришла предостеречь маменьку, что Графъ П*** уединенно расхаживаетъ по покоямъ; что онъ, видно, скучаетъ; что надобно заставить его танцовать?..... – Точно такъ. Олинька съ удивительнымъ искусствомъ употребила саму же мать въ этомъ дѣлѣ. Простодушная, невинная Олинька уже сдѣлалась хитрою. Кто же выучилъ ее хитростямъ?..... Право, учить имъ не нужно! Онѣ дѣлаются сами собою, какъ скоро власть угрожаетъ сердцу насиліемъ.

Что говорилъ милый, ловкій и блистательный повѣса съ Олинькою во время кадрили, что отвѣчала Олинька милому повѣсѣ, о чемъ они смѣялись,

почему краснѣли, сколько маловажныхъ вещей пересказывается въ такихъ случаяхъ на словахъ, сколько важныхъ обстоятельствъ приводится въ ясность безъ словъ, того въ Журналахъ повторять не слѣдуетъ. Это секретъ кадрилей, и онъ не долженъ выходить за предѣлы послѣдней ноты танца. Я только видѣлъ, что лице Олиньки, при всякой фигурѣ, одушевлялось новою жизнію; что ея красота постепенно усиливалась всѣми прелестями удовольствія; что всѣ, разсѣянные по залѣ, взоры слетались къ ней стаями, всѣ глаза вдругъ засверкали, всѣ мужскія сердца забились, всѣ женскія самолюбія принуждены были поневолѣ признать ее царицею своего пола. И когда кадриль кончилась, когда всякій изъ насъ ласкалъ себя, что теперь съ Олинькою будетъ танцовать онъ, раздались веселые звуки вальса, институтка и повѣса въ одно слово вскочили со стульевъ, и пустились вальсировать, попирая, ломая, дребезжа ногами всѣ наши надежды.

Если бъ я былъ Магометъ, я написалъ бы въ моемъ Алкоранѣ, что мои блаженные, въ награду за ихъ добродѣтели, будутъ вѣчно вальсировать въ раю съ Хуріями, одѣтыми въ бальное вырѣзное платье. Если бъ я былъ законодатель ума человѣческаго, я отмѣнилъ бы всѣ неблагодарныя мечтанія о земномъ счастіи, и оставилъ бы на свѣтѣ одно только понятіе о вальсѣ: его, я увѣренъ, было бы достаточно для услажденія всего нашего горя. Когда два налитыя теплою кровію тѣла сблизятся на такое дружеское разстояніе; когда свяжутся они однимъ и тѣмъ же объятіемъ; когда руки ихъ сплетутся, ноги перемѣшаютъ свои движенія, сердца запрыгаютъ подъ ладонями, головы встрѣтятся на рубежѣ заколдованной области поцѣлуя, и умы подернутся

мглою затмѣнія, кружась вмѣстѣ съ тѣломъ, кружась вмѣстѣ съ предметами и цѣлымъ свѣтомъ, качаясь на длинной зыби потѣхи, бренча звуками музыки, наполняясь видомъ горящихъ ланитъ и устъ, и снѣговыхъ волнъ обуреваемой роскошію груди и бѣлаго плеча, сладострастно вырывающагося къ вашимъ взорамъ изъ тайниковъ рукава, – въ этомъ сліяніи всѣхъ началъ чувства, въ этомъ сцѣпленіи двухъ существованій, гдѣ мысли и страсти огненными искрами быстро перелетаютъ изъ однихъ глазъ въ другіе, – въ этомъ раскаленномъ сложнымъ дыханіемъ воздухѣ, должны непремѣнно жить любовь, упоеніе и счастіе. И кто, вальсируя съ прелестною женщиною, въ нее не влюбился, и которая изъ дѣвицъ, несясь вихремъ въ объятіяхъ миловиднаго юноши, ничего къ нему не почувствовала, тѣ, послѣ бала, смѣло могутъ записаться въ холодный Чухонскій приходъ. Наши танцоры не принадлежали къ этому десятку. Графъ П*** уже обожалъ Олиньку: у него знакомство съ хорошенькимъ личикомъ начиналось прямо обожаніемъ. Олинька уже потеряла умъ и сердце. Онъ казался ей краше, свѣтлѣе, торжественнѣе ангела, появляющагося на небѣ въ вѣнцѣ безсмертныхъ лучей. Пламя быстро распростиралось по всѣмъ ея чувствамъ. Она горѣла, она любила, – любила сильно, страстно, безпредѣльно, всѣмъ неизмѣримымъ объемомъ души юной своей.

Говорятъ, что этотъ повѣса даже пожалъ ей ручку во время вальса: я этого не знаю! – что онъ ясно прочиталъ въ ея глазахъ счастливую свою участь: о, – въ этомъ я увѣренъ! Олинька еще не умѣла скрывать своихъ ощущеній.

И когда, послѣ долгаго, долгаго круженія, онъ внезапно посадилъ ее на диванъ, она со вздохомъ

разсталась съ рукою, такъ пріятно оплетавшею ея талію: она желала опять быть обвита ею.

=

– Олинька, Олинька! поди за мною.

– Маменька, я ангажирована.

– Успѣешь еще натанцоваться.

– Маменька, я боюсь пропустить котильонъ.

– Я отпущу тебя сейчасъ.

– Такъ я сейчасъ прійду къ тебѣ, маменька. Только скажу Графу П***, что ты меня зовешь, и что я скоро буду назадъ.

Анна Петровна ушла. Олинька весело побѣжала извиниться передъ своимъ партнеромъ, и была въ восхищеніи отъ его отчаянія. Добрая Олинька не знала, что, послѣ теплаго оржата, отчаяніе есть самое слабое изъ бальныхъ чувствованій!.....

Она нашла маменьку въ зеленой комнатѣ, сидящею на диванѣ рядомъ съ какимъ-то господиномъ, возлѣ котораго съ другой стороны занималъ мѣсто Иванъ Ивановичъ, подчивавшій его табакомъ изъ своей табакерки. Анна Петровна подала ей знакъ, чтобъ она сѣла подлѣ нея. Она повиновалась.

– Маменька, ты хотѣла сказать мнѣ что-то такое?

– Посиди, душенька, минутку съ нами.

Безпокойство овладѣло Олинькою: она окинула взглядомъ незнакомаго господина, и увидѣла на немъ страшную, уродливую, огромную, какъ луна, какъ серебряная тарелка, какъ мертвая голова..... звѣзду, которая привела ее въ трепетъ, поразила ужасомъ. Вотъ, какъ дѣвушки судятъ о вещахъ!..... А эта звѣзда нарочно была отыскана въ цѣломъ городѣ, быть-можетъ нарочно сдѣлана на заказъ въ такомъ величественномъ размѣрѣ, чтобъ ослѣпить, изумить, тронуть, воспламенить Олиньку. Она не обратила «должнаго вниманія» ни на бѣлый галстухъ, завязанный «на законномъ основаніи» правильнымъ, гладкимъ, степеннымъ бантомъ, ни на новый жилетъ изъ пестраго шали, ни на манишку съ черными чугунными мухами, ни даже на великолѣпный кабинетскій перстень, сіявшій на пальцѣ, служащемъ по особымъ порученіямъ при казенномъ носѣ Его Превосходительства по части снабженія его нюхательнымъ провіантомъ; она чуть не закричала:

– Боже мой! это онъ!..... Это тотъ самый, о которомъ говорила маменька!..... Фи, какой онъ гадкій!..... Фи, какой онъ старый!..... Фи, фи!.....–

Какое ребячество! Отъ чего жъ и старый? Человѣкъ лѣтъ сорока!..... Всѣ люди этихъ лѣтъ. Правда, онъ не слишкомъ ловокъ, и не годится въ вальсъ, и не говоритъ по-Французски, а только «понимаетъ», и больно спѣсивъ, и даже воспитаніе его можетъ показаться сомнительнымъ; но онъ имѣетъ всѣ качества хорошаго чиновника и мужа. Онъ человѣкъ честный, основательный, рабочій, исправный, молчаливый, знающій дѣла и обязанности службы; онъ даже слыветъ умнымъ; его бумаги читаютъ съ восхищеніемъ по всѣмъ канцеляріямъ; главный его начальникъ называетъ

его своей правою рукою: онъ пойдетъ далеко. Уже получилъ онъ аренду, уже получилъ ленту, — еще надѣется получить что-то особенное. Хотя все это качества, относительныя къ службѣ государственной, но они имѣютъ свою пользу и въ супружеской: нѣтъ сомнѣнія, что когда только захочетъ онъ управлять женою такъ, какъ управляетъ канцеляріею, онъ приведетъ ее, если не въ отличное счастіе, то, по крайней мѣрѣ, въ отличный порядокъ. Сверхъ того, онъ уступчивъ: это годится и въ супружествѣ; онъ не скупъ на награжденія и подарки: это годится въ супружествѣ; онъ имѣетъ правиломъ, пользоваться самому и не мѣшать другимъ; это годиться и въ суп..... Ахъ, какъ жалко, что я не красавица! Я бы сейчасъ вышла за него замужъ.

А Олинька, ничего этого не понимая, не зная ни казенной, ни супружеской службы, упорно отвергала такого мужа!..... Охъ, этихъ сентиментальныхъ дѣвушекъ, право, не худо было бы поучить немножко, вмѣсто кадрили, канцелярскому порядку! Я увѣренъ, что это было бы вѣрнѣйшее средство сдѣлать ихъ основательными. Можетъ — статься, боитесь вы, что тогда перестали бъ онѣ быть нѣжными перестали бъ быть женщинами?..... Нужды нѣтъ! Къ чему намъ женщины? Вѣдь всѣ мы чиновники!..... Намъ нужны чиновницы.

Какъ скоро Олинька усѣлась подлѣ маменьки, незнакомый звѣздоносецъ важно привсталъ съ дивана, и поклонился ей подъ тѣмъ же — замѣтьте хорошенько! — подъ тѣмъ же угломъ наклоненія, подъ которымъ, кланяется онъ только своему начальнику или очень нужному человѣку. Олинька и этого не поняла!.... Все — незнаніе канцелярскаго порядка! Но Ан-

на Петровна своею любезностію ловко заштукатурила непростительную недогадливость дочери.

– Тимоѳей Антоновичь, имѣю честь представить вамъ мою дочь. Олинька, – (держись прямо!) – это нашъ другъ, котораго любимъ мы какъ брата, какъ сына, и котораго ты должна любить вмѣстѣ съ нами.

Олинька сдѣлала холодный книксенъ. Мать быстро присовокупила, поправляя фермуаръ на ея шеѣ:

– Я увѣрена, что ты будешь любить Тимоѳея Антоновича еще лучше нашего, когда узнаешь его короче.

Она покраснѣла. Иванъ Ивановичъ примолвилъ:

– Да! Мы очень счастливы, имѣя такого друга, какъ Тимоѳей Антоновичъ. Ты должна тоже стараться заслужить его дружбу, Олинька..... Позвольте же мнѣ теперь вашего табачку!

Она опустила взоры.

Во время этихъ привѣтствій и похвалъ, господинъ со звѣздою, стоя передъ диваномъ, важно кланялся, какъ маятникъ, въ ту и въ другую сторону, и съ любопытствомъ посматривалъ на Олиньку. Она ему очень, очень понравилась, и онъ, вынимая табакерку изъ кармана, чувствительно пожалъ за нее папенькѣ руку, – пожалъ такъ сильно, что у Ивана Ивановича искры прыснули изъ зрачковъ, и въ глазахъ засіяло Превосходительствомъ.

Уже всѣ они опять садились на диванъ, какъ вдругъ Тимоѳей Антоновичъ вспомнилъ, что, въ замѣшательствѣ первыхъ впечатлѣній, не соблюлъ

онъ «надлежащей формы» отрекомендованія себя Олинькѣ. Онъ слишкомъ любилъ «законный порядокъ», а потому «и не упустилъ исправить безъ отлагательства послѣдовавшее по оному дѣлу упущеніе:» онъ приподнялся, и, «потолику, поколику согласно было сіе съ обстоятельствами», съ полнымъ церемоніяломъ подошелъ къ ручкѣ Олиньки. Будучи принуждена снять для него перчатку, она тащила ее съ гнѣвомъ, тряслась, какъ листъ осины; охотно бы даже согласилась, чтобъ рука ея отпала вмѣстѣ съ перчаткою. По ея тѣлу, по нѣжной ея кожѣ, судорожная дрожь пробѣгала холодною, змѣиною чертою; и, когда ручка ея освободилась изъ длиннаго, бѣлаго бальнаго чахла, когда онъ дотронулся ея мѣдными своими пальцами, когда приложилъ къ ея пальчикамъ свои сухія, шероховатыя уста, Олинька едва не закричала, не отскочила назадъ, какъ-будто укушенная страшнымъ, косматымъ, ядовитымъ паукомъ!.... Она ощутила въ себѣ въ одно и то же время и плавящій жаръ испуга и тошноту отвращенія, — тошноту мучительную, убійственную, гробовую, которой не понимаютъ ни сочинители, ни подписчики, — которую чувствуютъ только женщины въ минуту прикосновенія къ нимъ противнаго имъ мужчины.

Совершивъ эту важную церемонію, Тимоѳей Антоновичъ поправилъ свой пестрый жилетъ, потянулъ воротникъ, сдулъ платкомъ табакъ съ носа и торжественно усѣлся на диванѣ между хозяиномъ и хозяйкою. «По силѣ положенія» о женихахъ, теперь слѣдовало ему сказать что нибудь ловкое, любезное, занимательное. Онъ началъ:

— Ахъ, какъ я сегодня смѣялся!..... Представьте себѣ, у меня по департаменту случилось куріозное дѣло.....

Олинька не могла выдержать долѣе: она сидѣла какъ на иголкахъ, вертѣлась, хотѣла уйти.....

— (Останься, другъ мой, съ нами.)

— Изъ Вологодской губерніи поступило къ намъ представленіе.....

— (Маменька, начинаютъ котильонъ!)

— Кажется, отъ 25-го минувшаго мѣсяца.....

— (Успѣешь, душенька. Держись прямо!.....)

— Въ которомъ значится, что въ слѣдствіе предписанія мѣстнаго начальства.....

— (Сиди, другъ мой, какъ слѣдуетъ; не отворачивайся!.....)

— О принятіи законныхъ мѣръ по воспослѣдовавшему тамо экстренному случаю.....

Олинька уже ничего не слышала. Ея суженый, чтобъ сдѣлать свое повѣствованіе понятнымъ для институтки, значительно отступалъ отъ канцелярскаго слога, пропускалъ числа, не подводилъ всѣхъ справокъ, былъ до крайности любезенъ; но ничто не могло подѣйствовать на ея упрямство. Она дрожала, блѣднѣла, съ трудомъ переводила духъ. Она обливалась холоднымъ потомъ. Руки ея и ноги были какъ ледъ. На ея посинѣвшихъ устахъ, въ пальцахъ, лишенныхъ розовой ихъ жизни, въ потопленномъ сбѣжавшеюся кровію сердцѣ, жилы сводились съ пронзительною болію; послѣ столь недавней отрады, она должна была внезапно вынести всѣ терзанія ужаснѣйшей изъ пытокъ, — любовнаго отвращенія! Она страдала жестоко, и еще принуждена была подавлять въ себѣ жестокія свои страданія!.....

Господинъ со звѣздою продолжалъ свой разсказъ. Папенька и маменька слушали его со вниманіемъ.

Она..... еще одну минуту, она упала бъ въ обморокъ!

Но Графъ П*** нечаянно вбѣжалъ въ комнату, и она сильно издохнула изъ угнетенной груди значительное количество горькаго, палящаго воздуха скорби. Ей стало легче. Онъ повсюду искалъ ея глазами, и, увидѣвъ сидящую на диванѣ, блѣдную, разстроенную, неподвижную, съ замѣтнымъ смущеніемъ, протянулъ къ ней руку, чтобъ проводить ее въ залу, гдѣ уже начинался котильонъ. Она ушла отъ маменьки, благодаря его въ душѣ за свое спасеніе.

– Ольга Ивановна!..... вы страждете?

– Нѣтъ!..... ничего!..... такъ!.....

– Ваши руки холодны?.....

– Ахъ, не говорите мнѣ объ этомъ!..... Охъ!..... Ахъ!.....

– Боже мой!..... что съ вами?.....

– Я несчастна!.....

– Вы несчастны!!?.....

И, съ этими несчастными словами, они пустились отчаянно танцовать по всей залѣ. Такъ люди забавляются! Такъ всѣ мы живемъ на свѣтѣ!.....

═

Пляшутъ, пляшутъ: конца нѣтъ!..... Когда же будетъ шабашъ этому проклятому котильону? На-

чальникъ Ивана Ивановича, согласно заключенному съ Анною Петровною договору, регулярно является въ залу послѣ всякаго роббера, чтобъ любезничать съ оною Олинькою: онъ хочетъ дѣйствовать по трактату. Нельзя же лишать его правъ и преимуществъ избраннаго предписаннымъ порядкомъ жениха, безъ всякаго законнаго основанія!..... Онъ уже догадывается, что по *сему* обстоятельству должны происходить какія-то злоупотребленія, противозаконныя дѣйствія, непозволительные поступки, ни съ чѣмъ несообразныя мѣры; но никакъ не можетъ подвести точныхъ справокъ, не зная котильоннаго регламента. Если бъ онъ спросилъ у меня, я сказалъ бы ему напрямикъ, что молодые шалуны загнули ему крючекъ, но крючекъ весьма законный, неподлежащій суду, ни штрафу: попросту, «дѣло сіе взято на проволочку!.....» Его соперникъ, сдѣлавшійся предводителемъ котильона, чтобъ долѣе обладать его Олинькою, и вѣроятно по согласію съ нею, безпрерывно выдумываетъ новыя фигуры, разнообразитъ удовольствіе, представляетъ роскошь всякій разъ въ другомъ видѣ, и пылкая, беззаботная молодежь съ жадностью бросается на счастливыя его изобрѣтенія; грабитъ ихъ, тѣшится ими, рѣзвится, хохочетъ; выжимаетъ сладость изъ забавы до послѣдней капли, и пляшетъ, пляшетъ, пляшетъ, — а господинъ съ огромною звѣздою нюхаетъ табакъ и скучаетъ. Это ужасно! такъ поддѣть стараго доку!.....

Олинька опять розовая, опять бѣлая, счастливая; опять затмѣваетъ все въ залѣ своею красотою. Глаза ея горятъ, сердце горитъ, душа горитъ тоже. Надо быть женщиною, чтобы такъ быстро переходить отъ одного состоянія къ другому. Олинька была женщина. Недавно она считала себя не-

счастнѣйшею въ мірѣ; теперь считаетъ себя его обладательницею. Она уже не страждетъ отвращеніемъ; небесная радость разлита по всему ея тѣлу. Она видитъ любовь въ глазахъ своего кавалера, чувствуетъ ее въ его прикосновеніи, и почти уже не скрывается, что его любитъ, что любитъ его вдвойнѣ, втройнѣ, — и на свой счетъ, и на зло этому господину, и на перекоръ маменькѣ. Страсть вспыхнула въ ней со всею силою черезмѣрно раскаленнаго пара, который опрокинулъ и поднялъ на воздухъ придавлявшую его тяжесть.

Въ промежуткахъ танца, она много наслышалась тонкихъ намѣковъ, остроумныхъ похвалъ, сыченыхъ легкою нѣжностью привѣтствій; много накраснѣлась, много насказала отвѣтовъ, еще болѣе дозволила догадаться. И, — кто бы подумалъ! — она даже призналась, что, вонъ тамъ, этотъ господинъ со звѣздою, смуглый, высокій, гадкій, — который нюхаетъ табакъ, — который на нее смотритъ, который, слава Богу, вотъ теперь ушелъ изъ залы, что онъ ея смерть, что она терпѣть его не можетъ, что она, если станутъ ее такъ преслѣдовать,.....

Опять новая фигура!..... Они, видно, не намѣрены сегодня кончить этотъ безбожный танецъ! Какъ тутъ быть?..... Тимоѳей Антоновичъ пошелъ сыграть еще два роббера въ вистъ. Между тѣмъ здѣсь пляшутъ, между тѣмъ смѣются, шутятъ, злословятъ, вздыхаютъ, сплетничаютъ, пересмѣиваютъ, лопаютъ съ зависти и утопаютъ въ блаженствѣ.

Извольте! вотъ конецъ котильону. Теперь можете дѣлать, что угодно.

Олинька, вся въ огняхъ, пошла гулять по по-

коямъ, освѣжая себя легкимъ, прозрачнымъ какъ самый вѣтеръ, опахаломъ. Графъ П*** разговаривалъ въ залѣ съ нѣкоторыми своими знакомцами, и слѣдовалъ за нею взоромъ въ длинной перспективѣ комнатъ. Пять или шесть минутъ времени прошло въ этомъ положеніи, какъ вдругъ онъ примѣтилъ....?

– Баронъ!..... сдѣлай мнѣ дружеское одолженіе...

– Что прикажете, любезный Графъ?

– Попроси хозяйку на кадриль.

– Она не танцуетъ.

– Танцуетъ!..... Увѣряю тебя, что она танцуетъ. Она ужасно любитъ танцовать. Ты обяжешь меня чувствительно..... Она даже прекрасно танцуетъ..... Увидишь!..... Поди только, возьми ее.....

– Но я боюсь, что она мнѣ откажетъ.

– Не откажетъ! я отвѣчаю. Иди же скорѣе!..... Я тебѣ отслужу: въ другомъ мѣстѣ, когда ты прикажешь, на твой счетъ буду всю ночь танцовать съ хозяйкою, хотя бъ ей было отъ роду лѣтъ за триста.....

– Ежели въ томъ дѣло, я исполню твое желаніе.

– Только танцуй же съ нею долго!..... какъ можешь долѣе!.....

– Хорошо! отвѣчалъ я ему, и пошелъ ангажировать Анну Петровну, которая, какъ предугадалъ волокита, съ радостью приняла мое предложеніе, и не думала отказывать. Графъ П*** непримѣтно ускользнулъ изъ залы, какъ скоро начались кадри-

ли. Онъ прошелъ нѣсколько комнатъ, въ которыхъ уединенно сидѣли по угламъ старики и дѣловые люди, съ рюмками мороженаго пуншу въ рукахъ, разсуждая о старыхъ временахъ и новыхъ штатахъ; проникнулъ еще далѣе, и нашелъ только какихъ-то супруговъ, поселившихся на диванѣ и занятыхъ приведеніемъ въ ясность счета своему поведенію съ самаго начала бала; перешелъ въ слѣдующую комнату, и уже не засталъ въ ней никого. Безпокойство имъ овладѣло: онъ не зналъ, что дѣлать.....

Чего же онъ искалъ? что такое примѣтилъ? зачѣмъ такъ убѣдительно просилъ меня танцовать съ Анною Петровною, и еще танцовать какъ можно долѣе?..... Что значило это безпокойство?..... Все это объясню я вамъ немедленно. Онъ примѣтилъ, что, когда Олинька возвращалась въ залу, вѣроятно съ тѣмъ, чтобъ опять танцовать съ нимъ кадриль, извѣстный господинъ со звѣздою, дѣйствуя по трактату, перебилъ ей дорогу, вступилъ съ нею въ «разбирательство» какого-то дѣла, невзначай «представилъ ей одинъ экстренный случай на снисходительное ея благоусмотрѣніе». О чемъ онъ ей «докладывалъ», очемъ хлопоталъ, на что «ходатайствовалъ разрѣшенія», по какому именно предмету «входилъ въ таковыя личныя съ оною Ольгою Ивановною сношенія», о томъ на первый случай «почтеннѣйше не могу вамъ донести»: это покамѣстъ канцелярская тайна. Только Олинька испугалась, поблѣднѣла, закрыла глаза платкомъ, и въ половинѣ доклада ушла отъ него, быстро удаляясь по направленію комнатъ, гдѣ уже Графъ П*** потерялъ ее изъ виду между мелькающими въ отдаленныхъ атмосферахъ фигурами. Мой пріятель хотѣлъ бѣжать за ней, чтобъ утѣшить несчастную, и, боясь помѣхи со стороны ма-

меньки, придумалъ, злодѣй, безчеловѣчное, кровавое средство, — заставить меня прыгать со старухой почти цѣлый часъ!..... Я никогда не прощу ему этой шутки, гдѣ попросту сдѣлалъ онъ изъ меня ширмы для прикрытія своихъ проказъ.

Онъ блуждалъ по комнатамъ, и нигдѣ не находилъ ея. Наконецъ пришло ему въ голову заглянуть въ кабинетъ хозяйки, дверь котораго слегка была притворена. Онъ вошелъ. Олинька была тамъ. Она сидѣла одна на софѣ, и плакала, — плакала горько! Не зная свѣтскихъ приличій, она даже его не испугалась. А по правиламъ, ей непремѣнно слѣдовало, по крайней мѣрѣ, ужасно испугаться!.....

Графъ П*** упалъ на колѣни, схватилъ ея руку, и началъ осыпать ее страстными поцѣлуями. Олинька слабо защищала ее, прося его удалиться, потому, что она хочетъ умереть. Прекрасная причина къ удаленію молодаго и опытнаго въ сердечныхъ дѣлахъ повѣсы изъ полузатвореннаго кабинета, отъ волшебнаго свѣта алебастровой лампы, отъ голубой софы, отъ бѣлой атласной ручки, отъ несчастной дочери, мать которой танцуетъ теперь кадриль за полверсты оттуда! Именно по этому онъ долженъ былъ остаться, — и остался. Онъ заклиналъ ее не плакать, не умирать, жить для счастія, для любви, для него; онъ клялся ей, что будетъ любить ее всю жизнь, по смерть, и даже послѣ смерти; узналъ, что она огорчена офиціяльнымъ «предложеніемъ» господина со звѣздою «о немедленномъ пріятіи его сердца въ ея вѣдомство и распоряженіе», съ присовокупленіемъ надлежащей справки о супружествѣ, и далъ ей торжественный обѣтъ «уронить» *cie* бѣдовое дѣло, «исходатайствовавъ» дражайшую ея ручку

для самого себя; исторгъ у нея признаніе, что она тоже его любитъ, и присягнулъ ей огненными словами, что онъ ее обожаетъ. Она была тронута, утѣшена, и опять счастлива; онъ всякую минуту становился предпріимчивѣе. Его клятвы, его страстное краснорѣчіе, разстраивали ея понятія, приводили сердце ея въ сладостное раздраженіе. Она чувствовала себя осѣненною лучемъ небеснаго блаженства. Пламя пожирало ея чувства, и, въ этомъ разстройствѣ, въ этомъ пожарѣ души и тѣла, въ этой суматохѣ спасающихся понятій невинности, добродѣтели и стыда, онъ похитилъ, утащилъ съ ея устъ, горящій, полусожженный поцѣлуй. За нимъ похитилъ онъ и второй, и третій, и четвертый, и пятый..... Седьмой она ему дала, и чуть-чуть не сгорѣла сама съ этимъ поцѣлуемъ, первымъ создавшимся въ ея душѣ и, въ то же мгновеніе, вспыхнувшимъ на ея устахъ въ видѣ яркой молніи роскоши.....

Боже мой!... кажется?..... Или это такъ имъ привидѣлось?..... Кажется, какъ будто.....? какъ будто дверь зашевелилась; какъ будто что-то бѣлое промелькнуло въ дверяхъ..... Нѣтъ, быть не можетъ!..... А если кто-нибудь ихъ видѣлъ?..... Ахъ, Боже мой, тогда они пропали!.... Нѣтъ, нѣтъ!..... Здѣсь никого не видно!..... Однако же дверь растворена шире, нежели какъ была прежде.....?

– Александръ!..... Другъ мой!..... Заклинаю!.... удались!..... Я трепещу!.....

– Олинька!..... Ангелъ мой!..... мое счастіе!....

– Уйди!..... Сойдемся въ залѣ!..... Я обойду

черезъ спальню маменьки и черезъ буфетъ..... Любишь ли меня?.....

– Выше всего въ мірѣ!.....

=

Гдѣ же онъ?.. .. Его нѣтъ въ залѣ! Маменька еще танцуетъ: добрая маменька!..... Олинька въ безпокойствѣ. Она садится; она встаетъ, и опять садится; уходитъ изъ залы, и опять возвращается. Вотъ кончились кадрили. Вотъ составляются новыя. Гдѣ же онъ?..... не ушелъ ли?..... Нѣтъ, онъ придетъ!..... Онъ придетъ непремѣнно!..... Междутѣмъ какой-то франтъ съ широко раскинутыми бортами, съ золотымъ жилетомъ, съ пышнымъ галстукомъ, съ окладистыми бакенбардами, привѣтливо проситъ Олиньку на кадриль. Отказать ему не ловко, танцовать съ нимъ очень скучно; но и остаться праздною опасно. Неравно маменька.....? Неравно ужасный господинъ съ большою звѣздою.....? Лучше танцовать! Она стала съ нимъ къ кадрили.

Пусть же Олинька танцуетъ; пусть маменька отдыхаетъ послѣ танца: я между тѣмъ прочитаю вамъ два любопытныя Явленія изъ старой Комедіи, которую играютъ всюду, съ небольшими перемѣнами.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дѣйствіе происходитъ въ той же залѣ. Въ серединѣ ея танцуютъ. Вокругъ стѣнъ сидятъ старыя и молодыя дамы въ беретахъ, чепчикахъ и турбанахъ; старыя и молодыя дѣвицы съ го-

тическими на головѣ башнями изъ чужихъ волосъ, съ локонами изъ чужихъ волосъ, съ таліями на ватѣ и бумажными цвѣтами. Всѣ онѣ перешептываются между собою, пожимаютъ плечами и киваютъ головою.

– Ты видѣла сама?.....

– Нѣтъ, маменька; я не видала, но мнѣ сказывала Катинька Б***, которой сообщила это за тайну Лиза Ф***, которая знаетъ о томъ отъ Каролины Карловны, которая, говорятъ, видѣла собственными глазами, случайно заглянувъ въ кабинетъ Анны Петровны.

– Боже мой!..... Какой теперь свѣтъ!..... Не бери, душенька, съ нея примѣра.

– О, нѣтъ, маменька!..... не бойся!

– Прасковья Егоровна! слышали ли вы новость?

– Не на счетъ ли кабинета, Марья Богдановна?.... Да! слышала!..... Скажите, пожалуйте!..... Кто бы это подумалъ!.....

– Ахъ, батюшки!..... Чего добраго ожидать отъ нынѣшней молодежи!

– Впрочемъ, и мать не лучше ея была въ свое время.....

– Маменька танцуетъ въ сорокъ лѣтъ, а дочь въ шестнадцать лѣтъ цѣлуется съ молокососами!.....

– Да тѣмъ ли только кончилось, Дарья Васильевна?.....

– Какой соблазнъ!..... Во время бала!.....

– Ахъ, Софья Николаевна!..... эти воспитанницы Институтовъ, право, всѣ таковы: ихъ содержатъ въ строгости, а какъ выпустятъ, такъ словно порохъ: такъ и загорается отъ первой искры; а тамъ ужъ и не удержишь.....

— Вы ошибаетесь, Елисавета Кондратьевна! Вѣдь и моя Сашинька воспитана въ Институтѣ: однако жъ она не похожа на эту.

— Извините, я не знала. Конечно, много зависитъ и отъ домашнихъ примѣровъ..... Но, посмотрите, какъ весело она танцуетъ послѣ всего этого!..... Какъ-будто ничего не бывало! Постойте, пойду поздравить Анну Петровну съ отличнымъ воспитаніемъ ея дочери.....

— Катерина Алексѣвна!..... слышала ли ты, какую глупость сказала мнѣ моя сосѣдка?

— Кто?..... Софья Николавна?..... Да!!.... Чего же ты отъ нея ожидала? Она и зла, и безтолкова.

— Сказать между нами, хороша и ея Сашинька!.....

— Ну, объ этой и говорить нечего! Будетъ хуже матери.....

И проч., и проч., и проч.

ЯВЛЕНІЕ II.

Бѣлая мраморная комната, отдѣленная отъ танцовальной залы тремя или четырьмя комнатами. Дама лѣтъ тридцати-пяти, еще довольно свѣжая, въ богатомъ беретѣ съ райскою птицею, сидитъ въ углу софы. Возлѣ нея, на табуретѣ, сидитъ молодой человѣкъ съ разстроеннымъ лицемъ: кажется, это Графъ П*....? Нѣсколько мужчинъ и дамъ, утомленныхъ баломъ, прохаживаются по комнатѣ въ ожиданіи ужина, не заботясь ни о дамѣ, ни объ ея сосѣдѣ, которые разговариваютъ между собою.**

— Хорошо, Графъ!..... Прекрасно!..... прекрасно!..... Да! разумѣется, что вы не ожидали повстрѣчаться здѣсь со мною! Вамъ и въ голову не приходило, чтобъ я съ давняго времени была знакома съ хозяевами этого дома! Вы полагали, что можете

проказничать здѣсь свободно, а завтра обманете меня какою-нибудь пустою отговоркою. Я же вамъ объявляю, что я давно знала о томъ, что вы сбираетесь на этотъ балъ; что съ умысломъ не упоминала передъ вами ни слова, о томъ что и я тоже приглашена сюда; что нарочно просила васъ провести этотъ вечеръ со мною, чтобъ видѣть, какъ будете вы отвѣчать мнѣ. Я только удивлялась, съ какою безстыдною увѣренностью тотчасъ обѣщали вы быть у меня, тогда, какъ мнѣ было извѣстно, что вы непремѣнно будете здѣсь.....

– Княгиня, ради Бога!... оставимъ это!..... Что жъ я дурнаго сдѣлалъ?..... Ежели вы называете это преступленіемъ, то я могу утѣшаться мыслію, что оно совершенно равно вашему: вы тоже здѣсь!

– Прошу повѣрить, что я бы никогда сюда не пріѣхала, если бъ вы пожаловали ко мнѣ, по вашему обѣщанію! Я съ тѣмъ и прибыла очень поздно, чтобъ предоставить вамъ время для раскрытія здѣсь прекраснаго вашего характера; чтобъ поймать васъ, чтобъ уличить въ измѣнѣ. Стыдно, стыдно, Александръ Сергѣевичъ!.....

– Помилуйте, Княгиня!..... О какой измѣнѣ вы мнѣ говорите? Вы только ищете предлога къ ссорѣ! Ни въ какомъ уголовномъ, уложеніи танцовать съ дамами въ порядочномъ домѣ, не называется измѣною.

– И вы еще смѣете отвѣчать мнѣ подобнымъ образомъ?..... А происшествіе въ кабинетѣ?.....

– Какое?

– Вы не знаете, какое?..... Вы чудовище! вы человѣкъ безъ совѣсти и безъ сердца!.... Онъ еще

спрашиваетъ, какое происшествіе!..... Извольте, сударь, спросить у этихъ дамъ, въ залѣ: васъ видѣли въ кабинетѣ съ прекрасною Ольгою; видѣли на колѣняхъ передъ нею; видѣли, какъ вы ее цѣловали.....

– Княгиня!..... Сдѣлайте милость!..... Что вы говорите!.....

– Я говорю то, что знаю; что всѣ здѣсь знаютъ, кромѣ несчастныхъ родителей, которые не догадываются, что вы заплатили себѣ ихъ честію и честію ихъ дочери за то, что удостоили ихъ балъ вашего присутствія. Вы играете здѣсь, какъ и вездѣ, роль мерзкаго обольстителя. Какъ вамъ не совѣстно, жертвовать мгновенному удовольствію, тщеславію, шалости, славою, покоемъ, счастіемъ всей жизни невинной, неопытной дѣвушки, дочери честнаго и благороднаго человѣка, котораго называете вы вашимъ пріятелемъ?..... Вы погубили беззащитную. Чѣмъ исправите вы сдѣланную ей обиду?..... Хотите ли на ней жениться?..... Отвѣчайте!

– .....

– Вы молчите?..... И такъ, Графъ, вы въ состояніи, для вашей забавы, играть судьбою этой бѣдной Ольги?..... Нѣтъ, сударь; послѣ этого, я не хочу и знать васъ!

– Но вы говорите съ такимъ жаромъ, что всѣ васъ услышатъ. Я объясню вамъ завтра все, какъ что было, и вы.....

– Теперь здѣсь никого нѣтъ, и я могу говорить смѣло, тѣмъ болѣе, что говорю съ вами въ послѣдній разъ. Впрочемъ, пусть слышатъ! Я готова сама разсказать всѣмъ вашъ поступокъ: я непремѣнно

разскажу объ немъ матери, и предостерегу ее на вашъ счетъ.....

– Помилуйте, Княгиня, вы забываетесь!..... Хотите ли вы повергнуть меня въ отчаяніе, скомпрометировать себя?.....

– Благодаря вамъ, сударь, я уже довольно скомпрометирована: вы не дѣлаете ни какой тайны изъ моей къ вамъ безразсудной «дружбы». Думаете ли вы, что я не понимаю, почему приглашена я сюда?..... Эти господа хотѣли видѣть васъ у себя на балѣ, и, зовя васъ, полагали необходимымъ позвать и меня: до такой степени они считаютъ меня нераздѣльною съ вами!..... Это приглашеніе поразило меня кинжаломъ въ сердце: я видѣла въ немъ доказательство того, что я обезславлена въ общемъ мнѣніи. Я плакала всю ночь изъ-за уваженія, которое они мнѣ оказываютъ, не забывая обо мнѣ.....

– Да вы и теперь плачете!..... Княгиня!..... ради всего священнаго вамъ въ мірѣ!.....

– Я должна плакать, плакать всю жизнь, о своей глупости..... Вотъ, какую признательность заслужила я отъ васъ за всѣ мои пожертвованія!..... Мнѣ стыдно признаться передъ собою, что я нарушаю священнѣйшій долгъ матери, краду достояніе моей дочери, чтобъ купить себѣ свой срамъ и вашу неблагодарность; чтобъ удовлетворить вашу ненасытную страсть къ мотовству, къ фанфаронству. По моей милости, васъ считаютъ богатымъ человѣкомъ: вы лучше меня знаете свои доходы!.....

– Я вамъ обязанъ всѣмъ; я питаю нѣжнѣйшую къ вамъ признательность, дружбу..... Княгиня!..... Я чувствую всю низость моего поступка, и опять заслужу ваше уваженіе. Простите мгновенное заблужденіе! Я гнушаюсь самимъ собою, и сдѣлаю все,

чтобъ загладить свою вину. Вы увидите! Даю вамъ честное слово!.....

— Вы уже столько разъ мнѣ его давали!.....

— Но никогда съ такимъ раскаяніемъ, такъ искренно, какъ теперь!.....

— Вы меня обманываете?.....

— Пусть умру на-мѣстѣ, если не говорю этого отъ чистаго сердца!

— Какое поручительство представите вы мнѣ въ вашемъ чистосердечіи?

— Какое вамъ угодно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, чего бы я для васъ не сдѣлалъ.

— Дайте мнѣ клятву, что съ этой же минуты вы забудете объ этой дѣвушкѣ.....

— Клянусь вамъ честію!

— Что вы не будете ни говорить, ни танцовать съ нею.....

— Не буду!

— Что вы откажетесь отъ нея навсегда.....

— Навсегда!

— Что, покуда я здѣсь, вы будете находиться подлѣ меня, и уѣдете прежде меня отсюда.

— Согласенъ!

— Такъ пойдемъ въ залу.

═

Такъ и мы возвратимся къ Олинькѣ! Уже кадриль кончилась; многочисленныя группы измучен-

ныхъ удовольствіемъ и веселостью барышень блуждаютъ по залѣ и по смежнымъ комнатамъ; Олинька блуждаетъ также, безъ цѣли и безъ радости, съ одною своей подругою, которая накрѣпко заплела свою руку съ ея рукою. Кто же эта подруга?.....

Это змѣя!

Это зависть, это злоба, блещущая розово-золотистою чешуею, длинная, гибкая и сильная, какъ пресмыкающійся царь береговъ Ла-Платты. Она обвилась вокругъ бѣдной дѣвушки, жметъ ее и ломаетъ; впилась въ ея грудь, и, сквозь тонкое жало, медленно впускаетъ ядъ въ сердце; она уже грызетъ ея внутренность; скоро убьетъ ее, – и броситъ!....

Это та же самая пріятельница, которая ходила съ нею подъ руку, когда въ первый разъ Олинька увидѣла Графа П***; та, съ которою онъ разговаривалъ, когда произвелъ на нее первое впечатлѣніе; которая воспламенила ея воображеніе придаваемыми ему похвалами,

Теперь она искусно чернитъ его передъ нею. Подъ предлогомъ негодованія на коварство мужчинъ, она уже сказала Олинькѣ, что онъ человѣкъ безъ всякихъ правилъ; что онъ считаетъ бездѣлицею обмануть женщину и погубить ее въ общемъ мнѣніи; что онъ даже тѣмъ хвастаетъ. Подъ видомъ сердечнаго изліянія, она сообщила ей длинную исторію о связи его съ Княгинею Надеждою Ивановною, которая незадолго передъ тѣмъ пріѣхала на балъ, вѣроятно, единственно для него; въ которую онъ давно влюбленъ, и на которой, говорятъ, скоро женится. Потомъ, исполнясь адской преданности, она совѣтовала убѣгать его, ибо одно знакомство съ такимъ человѣкомъ уже опасно для славы молодой дѣвицы. Потомъ, принимая живѣйшее уча-

стіе въ ея чувствованіяхъ, она намѣкнула ей, съ одобрительною улыбкою услужливой сообщницы, что видѣла его у ногъ Олиньки, въ кабинетѣ, о чемъ однако жъ она, – сохрани Господи!... честное слово! – никогда никому не скажетъ ни слова. Наконецъ, разными тонкими оборотами, приправленными состраданіемъ и дружбою, то вооружаясь противъ клеветы, то пеняя на злословіе, зависть и сплетни, нѣжная пріятельница ясно дала ей уразумѣть, что она уже обезславлена, и, вдругъ, покинула ее, – полумертвою, окаменѣлою, разраженною!... покинула, и убѣжала съ радостью скорпіона, ужалившаго неосторожную ногу, которая угрожала его раздавить.

Можете ли вы дать себѣ отчетъ въ состояніи сердца невинной дѣвушки, которая едва вкусила первую, самую первую сладость любви, и, въ то же время, узнаетъ, что она уже сдѣлалась безчестною?.... Нѣтъ! вы никогда его не поймете, ибо она во сто разъ ужаснѣе, нежели какъ быть нечаянно удаленнымъ отъ выгоднаго мѣста, отданнымъ подъ судъ, осужденнымъ и отъявленнымъ во всей Имперіи, съ воспрещеніемъ вступать въ службу. Колѣни дрожали подъ бѣдною Олинькою; нѣжные ея члены поражены были разслабленіемъ, какъ-будто отъ подувшаго на нее порыва симума; ознобъ и жаръ попеременно леденили ея кровь и приводили въ бурное кипѣніе; глаза ея вдругъ наполнились слезами и мракомъ, и, когда слезы канули на паркетъ, въ тѣхъ же людяхъ, которые, за минуту, всѣ казались ей кроткими, забавными, безвредными, она увидѣла стаю свирѣпыхъ драконовъ, грозно разверзающихъ пасти, чтобъ пожрать ее. Однимъ-разомъ постигла она значеніе всѣхъ взглядовъ, всѣхъ улыбокъ, всѣхъ ужимокъ, и повсюду прочитала свое

безчестіе. Она хотѣла уйти; уже уходила, – какъ маменька попалась ей на встрѣчу, и, взявъ ее за руку, представила Княгинѣ Надеждѣ Ивановнѣ, сидѣвшей въ креслахъ у дверей залы, рядомъ съ Графомъ П***.

– Княгиня!.... это моя дочь!

– А!!.... это ваша дочь!.....

Олинька содрогнулась. Она ощутила на душѣ всю ѣдкость яда, прыснувшаго изъ устъ Княгини съ этими словами, которыя были произнесены особеннымъ, весьма примѣчательнымъ тономъ. Маменька велѣла ей сѣсть подлѣ ужасной соперницы, и сама усѣлась подлѣ Олиньки.

Княгиня нарочно старалась быть любезною и обласкать Олиньку, распрашивая ее о разныхъ мелкихъ обстоятельствахъ, и относясь къ маменькѣ съ похвалами, которыя желала воздать дочери. Но всякая изъ этихъ похвалъ заключала въ себѣ кровавый упрекъ или язвительную насмѣшку, горечь которыхъ постигала одна только Олинька. Пронзаемая потаенными ножами, преданная въ руки искуснаго въ терзаніяхъ и неумолимаго палача въ грозномъ бархатномъ беретѣ съ райскою птицею, угнетенная высокомѣріемъ могущественной соперницы, чувствомъ обиды и вины, стыдомъ, безславіемъ и угрызеніями совѣсти, беззащитная дѣвушка облекалась на лицѣ и на рукахъ гробовою блѣдностью, мертвѣла, превращалась въ безчувственный камень. Синія и зеленыя пятна выступали на ея щекахъ, и были вдругъ пожираемы краснотою, порождаемою негодованіемъ, которую немедленно сметало съ нихъ холодное дуновеніе страха, опасеніе услышать что-ни-

будь еще ужаснѣе, – громкое и безпритворное объявленіе ея проступка! Маменька говорила:

– Она очень застѣнчива.

Княгина говорила:

– Дамъ нечего бояться: лучше бояться мужчинъ. Съ ними-то надо быть скромною и осторожною, ежели хочешь сохранить свою репутацію.

Олинька трепетала.

Бѣдная Олинька должна была выдержать битую четверть часа этого безчеловѣчнаго, истинно женскаго, мученія. Она была уничтожена, и призывала на помощь послѣднія свои силы, чтобъ скрыть свои страданія; чтобъ, по крайней мѣрѣ, лишить гонительницу возможности наслаждаться ихъ зрѣлищемъ. Сколько перенесла она въ это короткое время!..... Ахъ, клянусь, ежели когда-либо оборочусь я красавицею, ни за какое благо, – хоть бы меня повѣсили на самой высокой мужской шеѣ! – не стану цѣловаться съ мужчинами, чтобъ только не подвергнуться преслѣдованію со стороны другихъ любительницъ поцѣлуевъ! Онѣ знаютъ искусство высасывать чужіе поцѣлуи изъ-подъ кожи своихъ соперницъ, и, ежели соперницы слабѣе и моложе ихъ, употребляютъ его съ жестокосердіемъ, съ неистовствомъ, превосходящимъ всякое воображеніе.

По-временамъ, Олинька пыталась, украдкою, поймать взглядъ Графа П***, чтобъ перелить въ него свои чувствованія; но онъ не смотрѣлъ на Олиньку. Онъ спокойно сидѣлъ подлѣ Княгини, ворочалъ шляпу, всматривался съ любопытствомъ въ кожу своихъ перчатокъ, и казался очень разсѣяннымъ.

Но если бъ какъ-нибудь могли вы залѣзть тогда въ его голову и порыться въ мозгу, вы бы нашли въ немъ престранныя думы. Впрочемъ, начто лазить въ голову? – онъ на другой день самъ пересказалъ своимъ пріятелямъ все, что думалъ, вертя шляпою и разсматривая швы на перчаткахъ.

Онъ думалъ такъ:

– Чортъ принесъ сюда эту бабу! Если бъ я зналъ, что она будетъ здѣсь, я бы скорѣе поѣхалъ на балъ къ Алеутамъ, въ Камчатку. И не знаешь, какъ съ ней развязаться!..... Она взяла такую власть надо мною, что я передъ ней сижу какъ дуракъ, и не смѣю сказать слова, когда она бранитъ меня словно своего крѣпостнаго лакея. Но я философъ на эти вещи: пусть бранитъ!..... Она немножко жестко управляетъ мною, это правда; но я буду повиноваться только до тѣхъ поръ, пока она пребудетъ вѣрною хорошимъ правиламъ, пока не перейдетъ на сторону послѣдователей дешеваго правительства. О, тогда, изъ моего ума, сердца и повиновенія, я составлю такую бурную оппозицію, что она увидитъ!..... Понесчастію, я слишкомъ запутался съ этою женщиною, и теперь нуженъ мечъ Александровъ, чтобъ разсѣчь этотъ узелъ. Поссорившись съ нею, я долженъ былъ бы отказаться отъ Машиньки и отъ моей мамзель Алинъ: на это я не соглашусь! Надо имѣть нѣсколько философіи: я считаю эту бабу своею деревнею, которая приноситъ мнѣ сто пятьдесятъ тысячъ чистаго дохода. Кто пользуется доходомъ съ деревни, тотъ долженъ подвергнуться заботамъ управленія ею. Назовемъ непріятности, которыя принужденъ я иногда переносить отъ нея, заботами управленія имѣніемъ, и все будетъ въ порядкѣ вещей. Но что, если бъ я простеръ философію свою до такой степени, чтобъ затмилъ славу семи Грече-

скихъ мудрецовъ?..... если бъ, напримѣръ, вдругъ рѣшился я ограничить свои расходы?..... Оно трудновато, но возможно. Олинька также не дурная партія. Она мнѣ нравится; я люблю ее..... Я готовъ жениться на ней на зло моей деревнѣ, Княгинѣ. Я подумаю о томъ у себя дома!..... Завтра приду сюда сказать хозяйкѣ пару комплиментовъ на счетъ ея бала, и вѣроятно увижусь съ Олинькою. Сегодня, – увы! – надо отъ ней отказаться, для спокойствія и чести самой ея. Эта баба, взбѣсившись, въ состояніи огорчить ее, огорчить мать, пересказать все родителямъ, и взбунтовать ихъ противъ меня..... Такъ и быть! – сегодня я подчинюсь необходимости, но завтра мы посчитаемся съ Княгинею. Эта шутка будетъ ей стоить пятидесяти тысячъ рублей: цѣна весьма умѣренная за то, что она насказала мнѣ сегодня. Мнѣ именно нужны теперь пятьдесятъ тысячъ: не уступлю ни копѣйки.....

И между-тѣмъ, какъ онъ такъ думалъ, его деревня въ бархатномъ беретѣ все терзала злополучную его Олиньку клещами самой утонченной злобы: скрытно, искусно, мѣтко поражала ее издали острогою мести, и, задѣвъ смертоносною зазубриною за нанесенную рану, свирѣпо тащила трепещущую жертву за своею гордостью; попирала ее своимъ превосходствомъ, и, прижавъ ее къ землѣ, затоптавъ въ уничиженіе, издѣвалась надъ нею добродушными совѣтами и нѣжными заботами объ ея счастіи. А Анна Петровна все была въ восхищеніи, и говорила въ душѣ: – Какая добрая Княгиня!..... Какъ она полюбила мою Олиньку!..... Она даетъ ей такія наставленія, какъ родной своей дочери!

И, измучивъ слабое, прелестное существо, изранивъ его, измявъ, вытиснувъ на немъ все свое

ожесточеніе и противъ дочери, за посяганіе на ея собственность, и противъ матери, оскорбившей ея самолюбіе неумѣстнымъ приглашеніемъ ея къ себѣ на балъ, – но все это сладко, все это любезно, тонко, умно, непримѣтно, – чтобъ довершить ударъ, чтобъ показать Олинькѣ свое владычество надъ ея любовникомъ, и больно выдернуть изъ ея сердца послѣдній лучъ надежды, она вдругъ оборотилась къ Графу П***, и засвѣтила ему въ глаза огненнымъ своимъ взглядомъ, въ то именно время, когда онъ думалъ: «Пятьдесятъ тысячъ!..... ни одной копѣйки менѣе!.....»

Пробужденный изъ такихъ глубокихъ думъ, повѣса долженъ былъ торопливо собраться съ своею запасною любезностію и карманными улыбками, чтобъ вѣжливо встрѣтить нѣжнаго посланца сердца, съ которымъ завтра предстояли ему важныя денежныя сдѣлки. Княгиня пустилась шутить съ нимъ, смѣяться, разсуждать о лицахъ, имъ только извѣстныхъ, о забавахъ и удовольствіяхъ, неприступныхъ для общества, собравшагося въ этомъ домѣ. Вѣтренный волокита, забывъ о близости Олиньки, всею своею веселостью, всѣмъ своимъ блистательнымъ злословіемъ поспѣшилъ поддержать этотъ неожиданный взрывъ юмористики своей сосѣдки. Полуслова, полу-вопросы, полу-отвѣты, перемѣшанные съ таинственнымъ смѣхомъ, съ загадочными взглядами, съ признаками обоюднаго удовольствія, сообщили этому разговору видъ совершеннаго согласія, тѣсной дружбы, почти условленнаго сообщничества между двумя участвующими въ немъ собесѣдниками, – по крайней мѣрѣ, вполнѣ произвели надъ неопытною дѣвушкою то дѣйствіе, котораго ожидала отъ нихъ бойкая ея соперница. Олинька почти не довѣряла своимъ глазамъ.

Какъ! въ двухъ шагахъ отъ нея, полчаса послѣ клятвъ, онъ даже на нее не смотритъ?..... Онъ очевидно ее презираетъ!..... Теперь она убѣдилась въ его коварствѣ. Правда!..... онъ влюбленъ въ нее!..... эта женщина совершенно господствуетъ надъ его умомъ! Теперь Олинька увѣрилась въ его измѣнѣ, въ своемъ посрамленіи, въ своемъ несчастіи. Грудь ея вздымалась, понятія помрачались: она упала бы въ обморокъ, если бъ новое, невѣдомое ей чувство, – чувство палящее, раздражительное, безпокойное, ужасное, – вдругъ не исполнило ея какой-то злобной жизни, не возбудило въ ней бѣшенства.

Что жъ это было такое?..... Что такое! – ревность.

Боль души написана была на ея лицѣ, взрытомъ судорожною игрою жилъ. Челюсти ея сощемились. Корчь крючила ея пальцы. Она страдала такъ жестоко, такъ была разъярена страданіемъ, что, если бы робость не отняла у нея движеній тѣла, она ущипнула бъ Княгиню, – не то ущипнула бъ маменьку. Ксчастію, она никого не ущипнула, и рѣшилась удалиться, чтобъ облегчить сердце слезами. Маменька велѣла ей остаться. Ксчастію, тотъ самый длинный франтъ въ золотомъ жилетѣ, съ которымъ танцовала она прежде, предсталъ передъ нее, и ангажировалъ ее на мазурку. Она освободилась.

Но, понесчастію, проходя мимо Княгини, она услышала слова:

– Графъ!..... а вы не будете танцовать мазурки?

– Ежели съ вами, Княгиня, – непремѣнно!

Олинька посмотрѣла на него съ гнѣвомъ. Онъ даже не примѣтилъ ея взгляда. Опять танцуютъ. Всѣ веселятся, всѣ дышатъ утѣхою, разговариваютъ вполголоса, обмѣниваются руками, обмѣниваются улыбками, кружатся въ отрадѣ, въ счастіи, въ упоеніи, въ жарѣ, – въ воздухѣ сгущенномъ усиленными дыханіями, – во мглѣ, испускаемой рядами догарающихъ свѣчей, – въ чадномъ газѣ, испаряющемся изъ множества раскаленныхъ, красныхъ и вспотѣвшихъ самолюбій. Одна Олинька не знаетъ удовольствія въ этомъ шумномъ, рѣзвомъ, быстро движущемся кругу. Она тяжело вздыхаетъ, глотаетъ пыль и горечь, слышитъ, какъ внутренность ея раздирается. Ея сердце трескается отъ боли; голова ея горитъ лихорадочнымъ огнемъ. Она старается встрѣтить взоръ вѣроломнаго, и встрѣчаетъ только его равнодушіе и торжество гордаго берета. Она бѣсится, и пляшетъ; приходитъ въ изступленіе, и пляшетъ прелестно. Постой же, измѣнникъ! чудовище! извергъ!..... Ты на нее не смотришь? Она тебя накажетъ. Въ душѣ Олиньки уже вспыхнуло волшебное пламя мщенія. Она чувствуетъ себя легче, уже одушевляется новыми силами, и, съ злобнымъ восторгомъ, предается влеченію небеснаго, обворожительнаго чувства, которое теперь въ первый разъ посѣтило ея сердце. Она отмститъ тебѣ жестоко, немилосердо, ужасно! – какъ мстятъ всѣ женщины за подобное предательство: она будетъ кокеткою!... Не полагайся на ея неопытность: женскій инстинктъ выучитъ ее всему, что нужно; я знавалъ женщинъ, которыя уже были искусными кокетками въ седьмой день послѣ своего рожденія.

Олинька не смотритъ на коварнаго, не ищетъ, не ловитъ его взоровъ. Она прежде не говорила ни слова съ длиннымъ своимъ танцоромъ въ золотомъ

жилетъ, не отвѣчала даже на его привѣтствія; теперь вдругъ стала любезна съ нимъ и весела. Она смѣло пускается съ нимъ въ разсужденія, смѣется, шутитъ, и чаруетъ его глазами. Она занята имъ исключительно, старается найти его пріятнымъ, и обнаруживаетъ видъ совершеннаго счастія въ его обществѣ. Украдкою, она развѣдываетъ взоромъ — видитъ ли это неблагодарный? — видитъ ли онъ, что она объ немъ не заботится, что она счастлива съ другимъ? Онъ видитъ!..... тѣмъ лучше. Пусть же его видитъ; пусть видитъ еще яснѣе; пусть сожалѣетъ и бѣсится. Когда взбѣсится порядкомъ, онъ будетъ безъ памяти отъ Олиньки. Любовь возвращается вмѣстѣ со злостью.

Но онъ видитъ, и показываетъ, какъ-будто это до него не касается. Онъ очень хорошо понялъ, что такое она дѣлаетъ, и съ какимъ намѣреніемъ; но его самолюбіе было огорчено по другому поводу. Княгиня дала ему примѣтить, что Олинька вѣтреная дѣвушка, что она кокетка, и начала-было жестоко пересмѣивать его на счетъ прекрасной его побѣды, которая сама лѣзетъ въ руки. Онъ не выдержалъ насмѣшекъ, и разсердился вмѣстѣ и на Княгиню и на Олиньку.

=

И мазурка кончилась, какъ все кончается на свѣтѣ. Съ мазуркою прекратилась и тягостная роль Олиньки въ отношеніи къ длинному франту. Она

была не въ силахъ выдержать ее долѣе. Ея кокетство, по-видимому, не произвело ни какого дѣйствія надъ коварнымъ. Послѣднее средство, которое употребила она противъ его жестокости, на которое рѣшилась вопреки голосу своего сердца, — и это послѣднее средство осталось безуспѣшнымъ!..... Она опять печальна, опять терзается ревностью, гнѣвомъ, любовію, и почти приходитъ въ отчаяніе.

Но еще одна искра надежды рдѣетъ въ ея душѣ. Эта ужасная женщина, вотъ, она ушла съ маменькою прогуляться по покоямъ. Вотъ, наступаетъ вальсъ. Вотъ, онъ разсѣянно блуждаетъ между гостями въ другомъ концѣ залы. Онъ, можетъ-быть, подойдетъ къ ней. Ахъ, если бъ взялъ онъ ее вальсировать!..... Она сама непримѣтно передвинулась въ другой конецъ залы, и сѣла поблизости его. Сердце ея трепещетъ..... Онъ не удостоиваетъ ея своего взгляда, за который она теперь отдала бъ всю свою жизнь, весь міръ, и самое небо!..... Онъ стоитъ недалеко отъ нея, и разговариваетъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ. Жестокій! онъ хочетъ убить Олиньку!..... Но, вдругъ, молодой человѣкъ его покидаетъ, беретъ первую попавшуюся дѣвицу, и пускается вальсировать съ нею. Графъ П*** остается одинъ, оглядывается кругомъ себя, ища какой-нибудь дамы, чтобъ повертѣть ею нѣсколько разъ по залѣ, и видитъ Олиньку. Онъ подходитъ къ ней очень ловко, кланяется ей очень вѣжливо, и поднимаетъ ее съ креселъ безмолвно. Наступила роковая минута. Она опять въ его объятіяхъ!.....

Олинька кружится съ нимъ по залѣ: она горитъ и трепещетъ еще сильнѣе прежняго..... Она хотѣла бы объясниться съ нимъ на счетъ его поведенія съ нею, и не смѣетъ раскрыть устъ. Она ожидаетъ, по-

ка онъ скажетъ ей слово; но онъ молчитъ, и вальсируетъ съ нею такъ хладнокровно, какъ величайшій Германскій Философъ съ первою Австрійскою Философкою. Она устремляетъ въ его лице свои безподобные, наполненные прекрасною слезою глаза, ищетъ проникнуть взоромъ въ его душу; но его лице мертво, холодно, душа его какъ бы нарочно закрыта черною завѣсою равнодушія, – и уста его нѣмы, и рука его нѣма, и глаза еще нѣмѣе устъ и руки. Олинька въ отчаяніи: она почти мерзнетъ въ его объятіяхъ, хотя страшный жаръ бьетъ ей въ голову; она издышала всю надежду, и уже дышитъ душею, остаткомъ своего существа. Она изнемогаетъ подъ тяжестью обиды и несчастія, и едва-едва имѣетъ силу сказать ему:

– Довольно!.... Мнѣ очень жарко!...

Онъ учтиво посадилъ ее въ кресла, еще учтивѣе поклонился, и ушелъ, думая про себя: – Я на нее сердитъ!.... Завтра мы объяснимся съ нею, и помиримся.

Завтра!

Въ то же самое время, Княгиня, маменька и господинъ съ большою звѣздою, вошли въ залу. Ихъто присутствія только и недоставало, чтобъ довершить убійство несчастной дѣвушки!....

Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ, и убѣжала изъ залы.

Одаренная пылкою и чувствительною душею, Олинька могла еще вынести мученія страсти, клевету, измѣну, неблагодарность; но она не была въ состояніи стерпѣть презрѣніе отъ того, кому пожертвовала своимъ спокойствіемъ, своею честію. Она была въ изступленіи. Люди! что вы сдѣлали съ кроткою, невинною, милою Олинькою!..... Вы привели

ее на край пропасти, и оставили! Вы изуродовали ея ангельскую душу! Она теперь рѣшится на все.....

Она быстро бѣжала въ спальню, усталая и распаленная танцами, облитая холоднымъ потомъ по всему тѣлу, взволнованная, блѣдная, съ неподвижными глазами послѣдней степени отчаянія; мчалась черезъ столовую, пыша, негодуя, клянясь отмстить ему, отмстить себѣ, Княгинѣ, маменькѣ, господину со звѣздою и цѣлому свѣту; вбѣжала въ буфетъ съ клятвою на устахъ наказать вѣроломнаго; увидѣла графинъ съ водою, и, въ наказаніе ему, выпила два стакана холодной воды; увидѣла еще мороженое, и бросилась на него съ жадностію, стала хватать его руками, набивать въ свой узкій, красивый ротикъ, глотать цѣлыми кусками, и не прежде оставила, какъ одна изъ служанокъ вырвала у ней изъ рукъ тарелку, закричавъ въ испугѣ: – Ольга Ивановна!!... что вы дѣлаете?.....

Тогда спокойно ушла она въ свою спальню, зовя за собою горничную.

– Наташа!..... раздѣвай меня скорѣе. Скорѣе! скорѣе!!....

– Ольга Ивановна, вѣдь балъ еще не кончился!....

– Все равно! Разстегивай корсетъ.... Проворнѣе!.... Охъ!!!...

– Вы ужинать не будете?....

– Не буду!.... Скорѣе!.... Ой, мнѣ дурно!.... Я лягу. Уходя, убери свѣчу. Тащи чулки скорѣе..... Когда маменька спроситъ, скажи, что я уже уснула. На, вынь еще серьги изъ ушей!.... Оставь, не складывай ничего!.... Брось все на землю!.... Ахъ!....

Олинька долго рыдала впотьмахъ, и глухой гулъ отдаленнаго бала долго еще смущалъ слухъ несчастной. Она была холодна, какъ глыба льду.

Потомъ, перестала она рыдать, вздохнула, и сказала: – Теперь все кончилось!....

Потомъ Анна Петровна вбѣжала еще въ ея комнату. Олинька закутала голову въ одѣяло, и притворилась спящею.

– Олинька, ты спишь!

Она не отвѣчала.

– Олинька!..... Олинька!.....

Мать начала будить ее рукою.

– А?..... что?..... Это ты, маменька?.....

– Ты спишь, Олинька?

– Да, маменька! сплю.

– Что это значитъ?..... Зачѣмъ ушла ты такъ скоро?

– У меня голова страхъ разболѣлась.

– Надо было, по крайней мѣрѣ, сказаться мнѣ; а то я не знала, что съ тобой сталось. Княгиня и Тимоѳей Антоновичъ спрашивали объ тебѣ по нѣскольку разъ. Ты очень ему понравилась.....

– Маменька!!..... я сплю!.....

=

На другой день, около полудня, Олинька лежала въ постели, прикрытая зеленымъ одѣяломъ по шею.

Голова ея, небрежно обвязанная батистовымъ платкомъ, слегка утопала въ подушкѣ, и, по удивительной правильности чертъ лица, по его спокойствію и смертельной блѣдности, казалась головою изъ Каррарскаго мрамора, отбитою отъ статуи прекрасной Нимфы Кановы. Мать сидѣла у кровати въ креслахъ, и, держа на колѣнахъ руки, сплетенныя пальцами, печально смотрѣла на свою Олиньку.

Олинька показала рукою, что желаетъ, чтобы стоящій на окнѣ горшекъ съ розою, которую подарила ей тетушка, поставили у ея кровати. Анна Петровна сама исполнила ея желаніе, и Олинька, возвращаясь всею душею къ своему растительному, безмятежному другу, начала нѣжно ласкать рукою красивый цвѣтъ, который въ то время только-что достигъ полноты своей блистательной жизни.

Скоро рука ея упала на постель. Она вздохнула, и двѣ крупныя слезы покатились по ея щекамъ, сбѣжали со щекъ, и изсякли въ подушкѣ.

— О чемъ ты вздохнула, мой другъ? спросила мать.

— Ничего!..... такъ!..... отвѣчала она.

— Скажи, душенька, правду, присовокупила Анна Петровна: я хочу знать. Я вижу, что ты печальна.

— О, нѣтъ, маменька! сказала она умильнымъ голосомъ. Я никогда не была такъ спокойна духомъ, какъ теперь. Мнѣ только стало немножко грустно отъ того, что я подумала.....

— Что же ты подумала?.... Говори смѣло, не скрывай ничего отъ меня.

— То, что я и эта роза, — посмотри, маменька, какъ она полна, свѣжа, мила! — что я и она вчера

начали жить въ одно время: мы съ нею расцвѣли вмѣстѣ; она еще цвѣтетъ, а я уже вяну!.....

И тихія слезы опять заструились изъ ея глазъ.

— Полно, Олинька! сказала мать. Выкинь эти мысли изъ головы. Завтра ты будешь здорова.

— Нѣтъ, маменька! сказала Ольга. Я чувствую смерть въ груди. Она лежитъ тутъ, внутри, какъ большой, холодный камень. Я умру!.... Я желаю умереть.... Зачѣмъ взяла ты меня изъ Института!....

Олинька уже была въ скоротечной чахоткѣ. Жизнь ея была кончена, и уже началась смерть. Домашній Докторъ рѣшилъ, что она страждетъ гистерическою болѣзнію.

Она уже не блѣдна, но желта, или, лучше сказать, зелена. Въ три дня она исхудала такъ, что узнать ея не возможно, и въ ея груди смерть хрипитъ страшнымъ голосомъ. Она не говоритъ о смерти, и даже старается удалять отъ себя всякія непріятныя мысли. Потому она и безпокойна, потому и все ей не нравится, и она ищетъ облегченія въ прихотливыхъ, перемѣнчивыхъ желаніяхъ.

— Маменька! что-то меня душитъ.

— Выпей, мой другъ, это.....

— Не хочу лекарства. Перенеси меня въ другую комнату. Я боюсь лежать здѣсь..... Терпѣть не могу этой комнаты.

— Куда же ты хочешь?

— Въ твой кабинетъ, маменька!

Мигомъ постлали для нее постель на софѣ, въ красивомъ кабинетѣ Анны Петровны, и перенесли ее туда на рукахъ. Нѣкоторое время она была спокойна, и даже казалась счастливою. Потомъ сказала:

— Ахъ, нѣтъ!.... И здѣсь что-то душитъ меня, преслѣдуетъ.....

— Что же такое не нравится тебѣ, мой ангелъ?

— Вотъ, это платье пугаетъ меня.

— Какое?.... Здѣсь нѣтъ ни какого платья.

— Оно виситъ у меня передъ глазами.

— Душенька, здѣсь ни чего не виситъ.

— Такъ оно тамъ!

— Гдѣ?

— Тамъ, въ шкафу!..... бѣлое..... оно душитъ меня!..... съ букетомъ..... я страхъ боюсь его!..... атласное..... гадкое.....

— Что же ты прикажешь съ нимъ сдѣлать?

— Вели его сжечь, сжечь тотчасъ!.... Мнѣ будетъ легче.....

И спустя четверть часа, она еще спросила:

— Ну, что?.... сожгли ли его?....

— Сожгли, дитя мое.

— Охъ!!.... Теперь я чувствую себя лучше..... Теперь ужъ не боюсь выйти въ немъ замужъ!.....

=

— Прощай, маменька!.... еще сказала она однажды слабымъ, почти невнятнымъ голосомъ, протя-

гивая къ ней желтую, изсохшую ручку изъ-подъ одѣяла и блѣдный взоръ изъ погасающихъ глазъ.

Анна Петровна заплакала.

– Прощай!.... Я скоро отойду отъ тебя, туда!....

Мать рыдала, и цѣловала ея руку, огрызенную алчною, ужасною болѣзнію.

– Вели принести платье, въ которомъ была я на балѣ.... Не плачь, маменька!.... я счастлива.... Положите его подлѣ меня.... Маменька, когда я васъ покину,.... надѣньте на меня.... это платье.... Одну только эту вещь возьму я съ собою.... изъ этого свѣта.....

=

Чрезъ двѣ недѣли послѣ этого злополучнаго бала, шелъ я, съ зонтикомъ въ рукѣ и въ галошахъ, по Вознесенскому Мосту. Погода была ужасная. Передъ мостомъ, почти напротивъ самой церкви, сперлось множество каретъ, слѣдующихъ по двумъ различнымъ направленіямъ. Я принужденъ былъ остановиться на мосту, покамѣстъ однѣ изъ нихъ очистили дорогу другимъ. Лакей, въ богатой ливреѣ съ гербами, бѣгалъ, кричалъ, приказывалъ кучерамъ поворачивать по каналу, и бранился съ Городовымъ. Я спросилъ у него, что это за суматоха.

– Въ церкви свадьба, сказалъ онъ: эти негодяи стали съ каретами такъ, что другимъ нѣтъ проѣзда.

– Развѣ похороны, братецъ? возразилъ я. Я вижу колесницу съ гробомъ.

— Это не наша, отвѣчалъ лакей равнодушно. Наши господа въ церкви; а здѣсь другіе, везутъ какого-то покойника на Смоленское.

— Не знаешь ли, кого?

— Не знаю.

— А вы чьи?..... Кто такой женится?

— Женится-то Графъ Александръ Сергѣевичъ П*** на дочери Княгини Надежды Ивановны ***.

— Какъ!..... развѣ на самой Княгинѣ?

— Нѣтъ, сударь; на ея дочери. Мы ихъ люди.

Онъ побѣжалъ кричать. Я остался на мосту, пораженный странностію случая, по которому дочь Княгини получила столь неожиданное наслѣдство. Впрочемъ, это понятно!..... Наконецъ, великолѣпная колесница съ розовымъ гробомъ, обитымъ широкими серебряными галунами, выпуталась изъ свадебныхъ каретъ, и начали появляться погребальные факелы. Я подошелъ къ первому изъ нихъ, чтобъ распросить, кого они везутъ на кладбище.

— Ольга Ивановна Р*** приказала долго жить!..... отвѣчалъ мнѣ спокойно грязный человѣкъ въ черномъ плащѣ, съ огромною обвислою шляпою.

— Ольга Ивановна?..... Ахъ, Боже мой!!.....

Я не скоръ на слезы, однако жъ онѣ полились изъ моихъ глазъ при этомъ извѣстіи. Несчастное дитя!... Бѣдная Олинька!..... Этотъ человѣкъ лишилъ ее всего, спокойствія, чести, счастія, жизни; она умерла съ обидою и съ его образомъ въ сердцѣ, и еще трупъ ея долженъ былъ остановиться на улицѣ, чтобъ быть свидѣтелемъ торжества его вѣроломства!..... Должно признаться, что судьба иногда жесто-

ко играетъ тѣми, которые болѣе другихъ заслуживали бъ ея покровительство..... Женщины, женщины, какъ вы достойны сожалѣнія! Вы созданы для нашего блаженства, а мы наше блаженство полагаемъ въ вашемъ несчастіи!..... Эта невинная дѣвушка пришла въ свѣтъ передъ баломъ, попалась на глаза развратному мужчинѣ, въ теченіе одного бала испытала всѣ страсти, всю сладость и все горе, предназначенныя цѣлой жизни женщины, сдѣлалась ихъ жертвою, и исчезла съ послѣднею мазуркою того же вечера. Мы говоримъ, что жизнь женщины уподобляется безконечному балу: я видѣлъ примѣры, что эта жизнь заключалась вся въ границахъ одного бала!.....

Надобно знать, что я человѣкъ ужасный, когда примусь философствовать. И конца не видать моимъ глубокимъ мыслямъ! Чтобъ не томить васъ выпискою изъ длинныхъ нравоучительныхъ разсужденій, которыя нанизалъ я на Вознесенскомъ Мосту, когда погребальное шествіе Олиньки проходило мимо меня, скажу только, что, когда оно прошло, я долго былъ въ нерѣшимости, – итти ли мнѣ въ церковь на свадьбу, или на кладбище на похороны?..... Я предпочелъ итти на кладбище: лучше смотрѣть на трауръ добродѣтели, чѣмъ на веселіе порока.

Я былъ опечаленъ, и сверхъ того досадовалъ на себя, зачѣмъ я тутъ случился, когда похороны Олиньки и свадьба ея убійцы задѣли колесами другъ объ друга. Всѣ эти господа, въ синихъ плащахъ, которые проходили тогда по Вознесенскому Мосту, какъ-разъ скажутъ, что это натянуто, какъ у Г. Бальзака, и что я натянулъ это.....? Клянусь честью, я не натягивалъ. Оно какъ-то само такъ натянулось, для большей ясности дѣла. Впрочемъ, у Вознесенскаго Моста иногда случаются почти невѣроятныя

вещи: это всѣмъ извѣстно. А что касается до Г. Бальзака, то признаюсь вамъ откровенно, господа въ синихъ плащахъ, что у меня слишкомъ много самолюбія и самонадѣянности, чтобъ думать о подражаніи натяжкамъ Г. Бальзака съ товарищи. Когда я захочу, то самъ натяну разсказъ, такъ, что еще изумлю всѣхъ романтиковъ: вѣдь я учился Логикѣ! Но теперь не время спорить о натяжкахъ. Положимъ, что вы скажете, что этого быть не могло, что я ошибся, что мнѣ такъ показалось, что свадьба и похороны не встрѣчались другъ съ другомъ: все это ни сколько не измѣняетъ существа событія. Дѣло въ томъ, что Олинька была похоронена и Графъ П*** танцовалъ на своей свадьбѣ въ одинъ и тотъ же день, въ удостовѣреніе чего даю вамъ *сіе* мое свидѣтельство за собственноручнымъ моимъ подписаніемъ.

Мы прибыли на Смоленское. Я былъ грустенъ во все время обряда, и стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ родныхъ покойницы, сложивъ руки на груди, съ зонтикомъ подъ мышкою. Но когда начали засыпать гробъ землею, я не выдержалъ: лице мое вскипѣло слезами, я хотѣлъ закричать на все кладбище:

— Люди! что вы сдѣлали съ Олинькою!..... съ этою прелестною, веселою, чистою, свѣтлою какъ солнце и добродѣтель, Олинькою!..... Она была вручена вамъ Природою, которая гордилась произведеніемъ своимъ, чтобъ вы ее лелѣяли, ласкали, любили, чтобъ вы берегли ее, какъ красивую и хрупкую игрушку, а вы, — вы ввергли ее изъ потѣхи въ бурную и пыльную мельницу вашего свѣта, изломали, смололи ее зубчатыми колесами вашего тщеславія, корыстолюбія, вашей гордости, разврата и жестокосердія, испилили пилами вашихъ расчетовъ, растер-

зали своими страстями, осквернили грязнымъ, язвительнымъ своимъ дыханіемъ, смяли ее, какъ лоскутокъ бумаги, на которомъ написана горькая укоризна, смяли, и — бросили въ яму!..... Теперь я понимаю сказаніе Библіи объ ангелахъ, посланныхъ въ Содомъ.

=

Я оставилъ послѣдній кладбище, по которому гулялъ еще нѣкоторое время. Я люблю это мѣсто, и нахожу особенное удовольствіе путешествовать въ галошахъ и съ зонтикомъ по безмятежному царству погребенныхъ страстей, по рыхлому и пыльному слою истлѣвшихъ надеждъ и расчетовъ.

Иванъ Ивановичъ и Анна Петровна ѣхали домой одни въ каретѣ. Она была печальна, но не плакала; онъ нюхалъ табакъ, и его слезы капали въ табакерку.

Дорогою, Иванъ Ивановичъ съ безпокойствомъ размышлялъ о томъ, почему Тимоѳей Антоновичъ не пожаловалъ на погребеніе. Его Превосходительство теперь не имѣетъ ни какого повода къ продолженію своего покровительства, и, видно, послѣ смерти дочери, начинаетъ уже забывать о родителяхъ!.....

И взъѣхавъ на Исакіевскій мостъ, онъ сказалъ своей супругѣ: — Мы потеряли нашу Олиньку!..... Ну, что, душенька! теперь ты убѣдилась, что могутъ быть «неудачи» по службѣ?.....

БАРОНЪ БРАМБЕУСЪ.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

РАЗСКАЗЪ СТАРАГО ВОИНА, ВЪ ОБЩЕСТВѢ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ, СТОЛИЧНЫХЪ ЖИТЕЛЕЙ.

Возьмите мечъ — я не достоенъ брани!
Сорвите лавръ съ чела — онъ страстью помраченъ!

Д. Давыдовъ.

Вы спрашиваете меня, былъ ли я влюбленъ когда нибудь. Что за вопросъ? Вѣдь я не пушка! Я любилъ, только не по-вашему, потому, что я созданъ изъ тѣла и крови, а вы – изъ облатокъ! Хотите ли, я вамъ раскажу про мою первую любовь; но, чуръ, не перерывать и не гнѣваться!

Да! не гнѣваться; потому, что я долженъ начать разсказъ обращеніемъ къ вамъ, друзья мои. Вы почитаете насъ, стариковъ, дикарями. Мы кажемся вамъ смѣшными. А мнѣ, смотря на ваше чванство, ей, ей, не смѣшно, а жалко! Вы молоды, а что значитъ жизнь ваша! Холостой зарядъ, – и только! Это ли молодость?.... вялая, чахлая, блѣдная, близорукая, которая питается по рецептамъ, дышитъ по барометру, рабствуетъ сѣверному вѣтру, и стремится въ храмъ славы въ галошахъ! Въ наше время, счастливцы родились въ сорочкахъ, а вы, кажется, родились въ фланелевыхъ фуфайкахъ, и отъ того-то мы искали счастья въ полѣ, а вы находите его за печью. Глядя на васъ, мнѣ право страшно, чтобъ племя ваше, современемъ, не переродилось въ куропатокъ.

*

И вы спрашиваете меня, любилъ ли я! Ну, право, когда вы говорите о любви и славѣ, это все равно, когда курица поетъ пѣтухомъ.....

Таковы ли были мы въ ваши лѣта! Милліонъ бомбъ!!..... Изъ первой моей раны пролилось болѣе крови, нежели сколько есть ея у всѣхъ васъ вмѣстѣ, и я, на госпитальной моей кровати, былъ сильнѣе, нежели вы на паркетѣ, въ контрадансахъ. Вы живете, то есть, чувствуете и наслаждаетесь *головою*, а мы жили *сердцемъ*, жили жизнію полною, свѣжею, свободною; мало думали, но за то не выдумывали глупостей и нелѣпостей; болѣе шалили, но менѣе пресмыкались; чаще обманывались, но менѣе обманывали; мечтали не такъ отвлеченно, но были счастливѣе въ мечтахъ нашихъ, этихъ метеорахъ души. Вы порочны безъ страстей, а насъ только страсти увлекали въ пороки. Лѣта и разсудокъ исправляли насъ, а васъ они глубже увлекаютъ въ бездну. Чтобъ сравнить наши наслажденія съ вашими, скажу: мы рвали плоды съ дерева, а вы кушаете яблоки печеныя; мы ѣли ростбифъ недожареный, а вы пьете бульонъ.....

Но довольно и этой правды, на первый случай. Послушайте о моей любви. Она столько же походитъ на вашу любовь, какъ уланская пика на зубочистку.

Это было раннею весною, 1807 года: я былъ тогда корнетомъ въ уланскомъ полку, молодъ, здоровъ, крѣпокъ, веселъ и беззаботенъ. Мнѣ все было трынь-трава. Зналъ я, что мнѣ было нужно; имѣлъ, что было надобно. Былъ сытъ и одѣтъ, имѣлъ коня, саблю, пару пистолетовъ, — и довольно! Скажу мимоходомъ, не для хвастовства, а потому, что это нужно къ дѣлу, что на конѣ сидѣлъ я, какъ гвоздь въ перекладинѣ, вертѣлъ саблей, какъ вы вертите лорне-

томъ, и на тридцати шагахъ попадалъ въ цѣль восемь разъ изъ двѣнадцати. Конную службу любилъ и зналъ хорошо, а къ пѣшей не имѣлъ охоты..... За это мнѣ доставалось порядкомъ, – и подѣломъ! Нужно ли сказывать, что подраться у меня была смертная охота! Вѣдь это врожденное чувство нашего Славянскаго племени.

Полкъ нашъ поздно присоединился къ дѣйствующей арміи. Наполеонъ уже успѣлъ проглотить Прусское войско, и принялся было за наше; но мы показались ему слишкомъ жесткими на зубахъ: и такъ, поперхнувшись подъ Пултускомъ, и подъ Прейсишъ-Эйлау онъ бросился въ марши, въ контрамарши, чтобъ запутать насъ въ свои тенета, и, наконецъ, поподчивалъ насъ даже перемиріемъ. Между-тѣмъ главныя силы наши собирались въ окрестностяхъ Бартенштейна, и войско укрѣплялось вспомогательными отрядами, прибывавшими, одинъ за другимъ изъ Россіи. Полкъ нашъ расположился, въ началѣ Марта, на квартирахъ, для поправки лошадей, въ тылѣ арміи, на правомъ флангѣ операціонной линіи.

Хотя занимаемыя нами мѣста не были разорены непріятелемъ, но голодные пріятели такъ обглодали ихъ, что на нашъ пай достались пустыя кладовыя, тощіе Нѣмцы и печальныя Нѣмочки, которыхъ намъ же надлежало утѣшать. Для добыванія фуража и съѣстныхъ припасовъ мы должны были высылать фуражировъ, иногда весьма далеко, даже за черту нашихъ пикетовъ. Мы не грабили – сохрани Богъ! – нашихъ союзниковъ, а, какъ говорится, брали добровольно, и выдавали имъ квитанціи, которыя въ послѣдствіи уплачивала покойная Мемельская Ликвидаціонная Коммиссія, существовавшая такъ долго, что въ угодность аккуратнымъ Нѣмцамъ, вѣроятно, успѣ-

ла сосчитать все взятое нами по зернышку и по соломенкѣ. Слыхалъ я, что въ нашей арміи были такіе шалуны, которые, вмѣсто квитанцій, писали Русскія пѣсни или ассигнаціи на сто палокъ подателю. Если это правда, то вотъ вѣрно первый и послѣдній случай, въ которомъ Нѣмцы остались въ накладѣ, имѣя дѣло съ Русскими! Впрочемъ, мнѣ извѣстно, что многіе изъ насъ давали квитанціи на бо́льшее количество, нежели было взято, изъ состраданія, или ради прелестныхъ глазокъ. И такъ, изъ всего этого выходитъ *пліе,* или *одна за другую.*

Въ нашемъ полку не было такихъ шалуновъ. Правда, мы брали все до-чиста, гдѣ находили, но за то расчитывались на-чисто. – И то сказать, легко быть щедрымъ и справедливымъ, когда это ничего не стоитъ, кромѣ подписи своего имени..... Примѣры передъ глазами!

Вотъ, пришла моя очередь отправляться на охоту, за фуражемъ и съ ѣстнымъ. Мнѣ дали взводъ уланъ и словесный приказъ, не возвращаться безъ продовольствія на цѣлый эскадронъ, по крайней мѣрѣ, на семеро сутокъ Хоть не радъ, да будь готовъ. На конь! По три налѣво заѣзжай, – и маршъ!

Ѣду три мили: все голодно и пусто, хоть помеломъ помети. Ѣду другія три мили: одно и то же. На поляхъ черно, картофель вырытъ изъ земли; въ амбарахъ, въ клетяхъ двери настежь, а жители такъ и смотрятъ не постомъ и не молитвою, а *шверно-томъ.* Спрашиваю: что далѣе? Мнѣ отвѣчаютъ, что во всю длину отъ нашихъ квартиръ до самой Русской границы, все тянется одна нота, lamentabile, безъ варіяцій. Что тутъ дѣлать? Впередъ не велѣно ѣздить, чтобъ не наткнуться на Французовъ, ибо я

высланъ былъ не на драку, а для укрѣпленія силъ коней и всадниковъ для драки. Но мнѣ такъ наскучило таскаться по этимъ пустопорожнимъ мѣстамъ, смотрѣть на тощія лица и слушать жалобы Нѣмцевъ, что я, благословясь, махнулъ впередъ, въ запрещенную сторону. Проѣхавъ мили съ четыре, за черту нашихъ кантониръ-квартиръ, я попалъ въ рай, въ которомъ не удалось еще побывать ни друзьямъ, ни врагамъ. Въѣхали въ деревню, и озарочки наши разыгрались. О, какое миловидное зрѣлище представилось нашимъ хищно-нѣжнымъ взорамъ! Пѣтухи фанфаронятъ по улицамъ, и громкимъ крикомъ напрашиваются на вертелъ. Жирные гуси и утки, какъ глупые богачи, важничаютъ въ лужѣ, не помышляя о близкомъ сосѣдствѣ кастрюли. Живые окорока хрюкаютъ подъ заборомъ, какъ недоросли въ почетныхъ собраніяхъ, а вдали, на лугу, мычитъ и блеетъ чернь, то есть, домашній скотъ. А люди?... Молодыя бабенки и дѣвушки бѣгутъ въ лѣсъ, дѣти визжатъ, старухи охаютъ и кряхтятъ, а безобразныя дѣвки и мужики стоятъ на порогѣ, поджавъ руки, повѣся носъ, въ ожиданіи приказаній. Подъѣзжаю къ толстому Нѣмцу, который, будто паштетъ, начиненый сосисками, сидѣлъ неподвижно на камнѣ, и спрашиваю, чего они испугались. Тутъ я узналъ, что насъ приняли за Польскихъ уланъ Наполеоновой арміи, которые, дня за два предъ тѣмъ, такъ порядочно похозяйничали въ сосѣдней деревнѣ, что послѣ нихъ мухи и тараканы, избѣгая голодной смерти, вышли добровольно изъ домовъ на подножный кормъ. Громко и протяжно сказалъ я: Wir sind Russen! (т. е. мы Русскіе!) Мои уланы повторили еще громче: – Руссъ, Руссъ! – По всей деревнѣ раздалось: – Руссенъ, Руссенъ! - и бѣжавшіе въ лѣсъ поворотили налѣво кругомъ, стоявшіе неподвижно у порога зашевелились, бабы перестали охать, а ребятишки завопили дру-

гимъ голосомъ. Толстый Нѣмецъ, къ которому я отнесся сначала, раскачался, привсталъ съ размаху, поклонился, какъ подбитая мортира, и объявилъ, торжественно, что онъ шульцъ, то есть, староста. Его-то мнѣ и надобно было.

Я сказалъ ему, что, претерпѣвая крайній недостатокъ во всемъ, мы не можемъ полагаться на добровольную продажу, и потому староста долженъ дать намъ подводы и нагрузить на нихъ, какъ возможно болѣе, фуража и съѣстнаго, взявъ у каждаго поселянина около половины его запаса. За все взятое я обѣщалъ *заплатить щедро*.

При первой половинѣ моей рѣчи, лице старосты раздулось, какъ кузнечный мѣхъ, глаза выкатились и губы отвисли. Онъ бы вѣрно поблѣднѣлъ отъ ужаса, если бы въ немъ было хотя полуведромъ поменѣе крови. Но какъ крови его нѣкуда было отступить отъ головы, то онъ вдвое раскраснѣлся, и въ недоумѣніи не могъ промолвить ни слова. За то вторая половина моей рѣчи произвела спасительное дѣйствіе. Онъ расширилъ ротъ до ушей, и такъ сильно кивнулъ своею огромною головою, что, если бъ въ это время ко лбу его подставили сваю, онъ вѣрно вколотилъ бы ее на сажень въ землю.

Я выразумѣлъ, что староста доволенъ и согласенъ.

Вы не можете себѣ представить, какое магическое дѣйствіе имѣетъ во всей Германіи слово bezahlen (платить) Оно, какъ галваническое прикосновеніе потрясаетъ всѣ нервы добраго, но расчетливаго Нѣмца, приводитъ сердце его въ движеніе, какъ вода жер-

нова, и утишаетъ въ немъ всѣ страсти. Этимъ словцомъ можно бы, кажется, вызвать изъ гробовъ древнихъ сподвижниковъ Германна, побѣдителя Варруса, которые послѣ такъ усердно служили Римскимъ Императорамъ, за любезное bezahlen. И такъ, не мудрено, что полновѣсный староста двинулся съ мѣста, немедленно передалъ поселянамъ мое приказаніе, и вся деревня пришла въ движеніе. Безъ слова bezahlen, пришлось бы расшевеливать ихъ другимъ порядкомъ.

Въ концѣ липовой аллеи, въ верстѣ отъ деревни, показывались изъ за зелени бѣлыя стѣны и красныя крыши господскаго строенія. Взявъ съ собой двухъ уланъ, я поскакалъ туда, въ надеждѣ на вкусный обѣдъ и на какой нибудь сладкій гостинецъ для моихъ товарищей, голодавшихъ, въ это время, при эскадронѣ.

Видно было, что въ господскомъ дворѣ уже знали о нашемъ появленіи, но не знали еще, что мы *друзья,* ибо ворота были заперты, вездѣ было глухо и пусто, на обширномъ дворѣ одна только живая душа. То былъ Прусскій инвалидъ, временъ Фридриха Великаго. Онъ стоялъ неподвижно, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ рѣшетчатой калитки, опершись на длинную трость. На немъ была синяя изношенная куртка съ красными лацканами, лосинное исподнее платье и длинные сапоги. Рыжая треугольная шляпа надѣта была на бекрень. Сѣдые волосы ниспадали на вискахъ до воротника, а стылу связаны были въ косу. Сѣдые усы, крѣпко намыленные, какъ бараньи рога торчали изъ подъ длиннаго краснаго носа. Старикъ пріосанился и громко вскрикнулъ: – Wer da? Кто идетъ?

– Друзья, Русскіе! отвѣчалъ я.

— Herein! закричалъ инвалидъ еще громче, поднялъ палку, махнулъ ею надъ своею головою, и, по этому сигналу, отворились двери въ домѣ, а въ окнахъ показались чепчики. Прихрамывая, подошелъ инвалидъ къ воротамъ, отперъ ихъ настежь, вытянулся въ струнку, и снявъ шляпу, пропустилъ меня. Я поскакалъ къ крыльцу.

Въ передней встрѣтила меня почтенная дама, хозяйка, съ двумя маленькими дочерьми, прелестными, какъ херувимчики. Съ комплиментами и церемоніями она ввела меня въ залу, гдѣ уже былъ поставленъ завтракъ. Поблагодаривъ хозяйку за вниманіе, я принялся за завтракъ, пожирая часть зубами, а остальное глазами! Давнымъ давно я такъ не лакомился! Въ одно мгновеніе я забылъ всю прошлую нужду, и былъ счастливъ, какъ волкъ въ овчарнѣ.

До этого завтрака включительно, сознаюсь, я жилъ волкомъ или, лучше сказать, волченкомъ на бѣломъ свѣтѣ. Не зналъ другихъ наслажденій, кромѣ удовлетворенія первыхъ потребностей жизни, и хотя заглядывалъ иногда въ книги, но тогда только, когда не имѣлъ позыва ко сну и на пищу. О нравственныхъ наслажденіяхъ я имѣлъ какое-то сбивчивое понятіе или предчувствіе, но о нравственныхъ горестяхъ не зналъ ни *аза*, и хохоталъ во все горло, когда меня увѣряли, что горе и печаль убійственнѣе горячки. Любилъ я всѣхъ молодыхъ и пригожихъ женщинъ безъ исключенія, и не понималъ, что такое любовная мука. О женщинѣ думалъ я до тѣхъ поръ, пока былъ съ нею, и никогда не выносилъ за порогъ воспоминаній. Сила физической жизни подавляла во мнѣ всѣ отвлеченности, всѣ умственные и душевные порывы. Душѣ тѣсно было въ моемъ крѣпкомъ тѣлѣ, и ей надлежало вспыхнуть, чтобъ разорвать оковы. Сталось!

Дверь въ боковую комнату отворилась, и въ залу вошли двѣ дѣвицы.

—Это мои старшія дочери, сказала хозяйка.

Она еще говорила что-то, но я уже не слыхалъ ея рѣчей, и ничего болѣе не видалъ, кромѣ младшей ея дочери.—Мнѣ казалось, что до сихъ поръ я вовсе не видывалъ женщинъ, а видѣлъ только ихъ изображенія, и что это первая и единственная женщина въ мірѣ, которую я теперь увидѣлъ въ натурѣ. Не столько пораженъ и удивленъ былъ, вѣроятно, прародитель нашъ, Адамъ, когда проснувшись увидѣлъ возлѣ себя Евву, образецъ женской красоты и женской слабости, какъ былъ удивленъ и пораженъ я, взглянувъ на эту прелестную дѣвицу, нѣжную, воздушную, томную.....

Она предстала предо мною какъ видѣніе, начертанное радужными красками на свѣтломъ, прелестномъ облакѣ. Мнѣ не вѣрилось, что это твореніе создано изъ персти!..... Въ головѣ у меня закружилось, взоръ покрылся флеромъ, изъ сердца пролился жаръ по всѣмъ нервамъ..... Я хотѣлъ что-то сказать, и не могъ..... Смотрѣлъ, молчалъ..... Не помню, что сталось со мною!

Я забылъ поставить на столъ опорожненную рюмку, стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на красавицу, и хотя она не промолвила ни слова, мнѣ казалось, что я слышу ея голосъ, сладкозвучный, трогательный, какъ тихая, отдаленная мелодія.....

Должно быть, что я страшно смотрѣлъ на нее, какъ людоѣдъ на тучнаго плѣнника, потому, что она смѣшалась, покраснѣла и спряталась за сестру. Въ

эту минуту, какъ она скрылась отъ моихъ взоровъ, я пришелъ въ себя. Опамятовавшись, я замѣтилъ, что мое смущеніе не скрылось отъ вниманія хозяйки и ея дочерей..... Женщины такъ проницательны въ подобныхъ случаяхъ! Собравъ всѣ мои силы, я старался завести и поддержать разговоръ о мелочахъ, но не могъ. Мнѣ все хотѣлось смотрѣть на красавицу, а глядя на нее, хотѣлось молчать — и мечтать. Я чувствовалъ, что былъ неловокъ, страненъ, но выйти изъ этого положенія было не въ моей власти.

По счастью, хозяйку позвали въ другую комнату, а ко мнѣ явился мой унтеръ-офицеръ, съ вопросомъ, не покормить ли лошадей, и не припугнуть ли Нѣмцевъ, потому, что они лѣниво нагружаютъ фуры и не даютъ всего, что намъ надобно.

Пока я отдавалъ приказанія, чтобъ поставить пикеты и выслать въ разъѣздъ нѣсколько человѣкъ съ ефрейторомъ, для избѣжанія нечаяннаго нападенія Французовъ, хозяйка возвратилась въ залу. На лицѣ ея начертаны были неудовольствіе и безпокойство. Уже староста домогался отъ унтеръ-офицера любезнаго bezahlen, и получивъ въ отвѣтъ лаконическое *никсъ* *, пришелъ объявить хозяйкѣ, что жители деревни приведены будутъ въ разореніе, если такое огромное количество запаса взято будетъ безденежно.

— Господинъ офицеръ! сказала хозяйка: мы ради помогать Русскимъ, всѣми зависящими отъ насъ средствами; но если вы лишите насъ на весну всего нашего запаса, то бѣдные поселяне должны пойти по міру....

* Извѣстно, что наши солдаты объясняются за границей особеннымъ нарѣчіемъ, своего Русскаго изобрѣтенія. *Сочъ.*

— Я только исполнитель приказаній начальства, сударыня, и повинуюсь необходимости..... Эскадронъ нашъ въ отчаянномъ положеніи, и я долженъ доставать фуражъ и съѣстные припасы, во что бы ни стало. Правительство наше уплатитъ наши квитанціи.....

— Но здѣсь, на разстояніи двухъ миль, есть нѣсколько богатыхъ деревень, отвѣчала хозяйка, и если бъ вы взяли со всѣхъ поровну, то получили бы болѣе и безъ обиды поселянъ.....

— Хотя время мнѣ дорого,..... но.... если этимъ могу угодить вамъ,..... я согласенъ на все, что вы прикажете. Пошлите нѣсколько человѣкъ своихъ людей, съ моими уланами, по окрестнымъ деревнямъ съ приказаніемъ, доставить все нужное намъ къ завтрему..... Ваши поселяне дадутъ, что имъ угодно, или вовсе ничего не дадутъ: мнѣ все равно, только бъ я не возвратился въ эскадронъ съ пустыми руками....

— Ручаюсь, что вы будете довольны! сказала хозяйка весело. Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю, примолвила она, и вышла распоряжаться. Я приказалъ унтеръ-офицеру выслать по одному улану съ каждымъ посланцемъ хозяйки, а прочимъ всѣмъ расположиться на бивакахъ, со стороны поля, возлѣ садоваго забора. Снисхожденіе мое снискало мнѣ благосклонность всѣхъ. Дѣвицы улыбнулись мнѣ, и старшая сестра вызвалась показать мнѣ садъ, сказавъ: — Вы вѣроятно пробудете съ нами дозавтра?

Хозяйка снова возвратилась, и въ обращеніи со мною видно было болѣе откровенности и снисхожденія. Она предложила мнѣ квартиру въ своемъ домѣ, примолвивъ съ улыбкою, что поручитъ дочерямъ своимъ пещись, чтобъ мнѣ было не скучно.

Я взглянулъ на младшую сестру. Она покраснѣла. Я проклиналъ свою неловкость! Прежде я былъ болтливъ, веселъ, и даже излишне смѣлъ въ дамскомъ обществѣ. Куда все это дѣвалось! Тутъ я сдѣлался робокъ, стыдливъ, и не могъ разжевать ни одного комплимента, не умѣлъ начать разговора. По счастію, старшая сестра стала распрашивать меня о Россіи, о нашемъ войскѣ, а то бъ я принужденъ былъ бѣжать изъ комнаты. Я никакъ не могъ справиться съ собой. Мнѣ все хотѣлось смотрѣть на младшую сестру.

Если вы спросите меня, друзья мои, какова была собой эта красавица, которая однимъ взглядомъ обезоружила меня, и въ одно мгновеніе перемѣнила направленіе всѣхъ моихъ чувствованій, всѣхъ помышленій и ощущеній, я не буду умѣть отвѣчать вамъ. Тѣ, которые описываютъ съ подробностью своихъ любовницъ, никогда не любили. Я вамъ опишу примѣты тысячи красавицъ, съ которыми я танцовалъ и за которыми волочился; но не могу изобразить этой красавицы. Знаете ли что? Въ истинной любви, въ любви душевной, влюбленный не помнитъ отдѣльныхъ чертъ своей любовницы. Онъ любитъ ее *всю*, съ малѣйшими оттѣнками, незамѣтными для другихъ и неизъяснимыми ни какимъ языкомъ. Отъ того-то именно, влюбленный и хочетъ смотрѣть безпрерывно на свою возлюбленную, отъ того онъ желаетъ имѣть ея портретъ, что въ отсутствіи никакъ не можетъ вспомнить всѣхъ ея прелестей, всѣхъ чертъ ея лица, всей игры, всего выраженія ея физіономіи. Вы не будете имѣть ни малѣйшаго понятія объ очаровавшей меня красавицѣ, если я вамъ скажу, что у нея были темнокаштановые волосы, темноголубые глаза, опушенные длинными рѣсницами, бѣленькіе зубки, станъ въ объемъ руки, ножка..... Ахъ,

ножка!.... Вся сила въ томъ, какъ всѣ эти прелести слиты были вмѣстѣ, какую чудную гармонію составляли онѣ въ своемъ сочетаніи, какая игра и живость были въ ея глазахъ, когда душа проглядывала въ нихъ на земное, какой прозрачный цвѣтъ имѣло ея блѣдное лице, оживлявшееся румянцемъ тогда только, когда мысль ея пролетала сквозь сердце..... Все это невыразимо ни словомъ, ни перомъ, ни кистью, какъ теплота солнечная, какъ ароматъ цвѣтовъ, какъ вкусъ нѣжнаго плода, какъ все живительное и изящное въ Природѣ.

Замѣтьте еще одну странность, друзья мои: я еще не видалъ при ней ни одного мужчины, еще не говорилъ съ нею, – а ужъ былъ ревнивъ! Я завидовалъ старшей сестрѣ ея, завидовалъ матери, завидовалъ малюткамъ, сестрамъ ея, завидовалъ собачкѣ, которая играла у ногъ ея.... Я бъ хотѣлъ унестись съ ней въ пустыни, на льдистыя вершины горъ, въ дикіе лѣса, чтобъ никто не видалъ ея, никто не прикасался къ ней, даже звукомъ.....

Вообразите же себѣ, что я долженъ былъ чувствовать, когда передъ самымъ обѣдомъ вошелъ въ комнату молодой человѣкъ, и, едва удостоивъ меня взглядомъ и легкимъ поклономъ, приблизился къ дѣвицамъ. ....

– Это другъ нашего дома, Кандидатъ Философіи Кенигсбергскаго Университета, товарищъ сына моего, который теперь въ арміи, сказала хозяйка, повидимому недовольная холоднымъ обращеніемъ ея гостя со мною. Я презрительно улыбнулся.

Между тѣмъ этотъ кандидатъ въ Философы вертѣлся возлѣ дѣвицъ, и нашептывалъ имъ что-то, съ

видомъ фамиліярности и самодовольствія, часто заглядывая въ зеркало, поправляя галстухъ, взбивая тупей и поглаживая усы, а я разсматривалъ его съ любопытствомъ, мѣрилъ глазами какъ мишень, на которой вознамѣрился попробовать моихъ пистолетовъ.

Этотъ кандидатъ былъ человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, высокаго роста, сухощавый, блѣдный и черноволосый. Телячьи глаза его были на выкатѣ, длинный носъ уподоблялся табачному рожку, и толстыя губы его не сходились на широкихъ зубахъ, какъ полости туго набитаго чемодана. Онъ былъ въ полувоенномъ нарядѣ, сообразно духу времени, въ свѣтлозеленомъ фракѣ мундирнаго покроя, въ рейтузахъ, при шпорахъ. Господинъ представитель школьной мудрости и свѣтскаго дурачества хотѣлъ казаться въ одно время и важнымъ и любезнымъ, то улыбался, то поглядывалъ на потолокъ съ притворною разсѣянностью, то шепталъ дѣвицамъ какія-то плоскости, хохоча самъ во все горло, то принимался зѣвать, повертываясь на каблукахъ и звуча шпорами. Это былъ подлинникъ провинціяльнаго франта и университетскаго трактирнаго хвата, олицетворенная Нѣмецкая эпиграмма, которой смыслъ должно объяснять коментаріями, рыцарь Латинской кукольной комедіи!...

Доложили, что столъ накрытъ. Я подалъ руку хозяйкѣ, кандидатъ повелъ дѣвицъ, и помѣстился между ними, взглянувъ на меня торжественно и значительно. Любовь укротила мою дикую вспыльчивость. Опасаясь оскорбить дамъ, я перенесъ этотъ родъ вызова.

Въ первый разъ въ жизни будучи здоровъ тѣломъ, я не имѣлъ позыва на пищу, за хорошимъ обѣдомъ,

и былъ грустенъ, скученъ, едва отвѣчалъ хозяйкѣ, старавшейся поддержать разговоръ. Послѣ обѣда, подъ предлогомъ, что должно осмотрѣть наши биваки, я тотчасъ вышелъ изъ комнаты. Мнѣ хотѣлось отыскать инвалида, и распросивъ его обо всемъ, касающемся до семейства почтенной хозяйки, сдѣлать его моимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ.

Инвалида нашелъ я возлѣ нашихъ биваковъ. Онъ сидѣлъ на камнѣ, курилъ трубку и смотрѣлъ такими глазами на моихъ уланъ, какъ вы, любезные друзья, смотрите на прелестныхъ танцовщицъ въ балетѣ. Истинное наслажденіе видно было въ его взорахъ.

Увидѣвъ меня, онъ привсталъ, положилъ трубку на камень, вытянулся въ струнку и снялъ шляпу. Я обласкалъ его и завелъ съ нимъ разговоръ.

Французъ съ перваго слова разсказалъ бы всю подноготную; но Нѣмца трудненько мнѣ было заставить удовлетворить моему любопытству, которое онъ, вѣроятно, почиталъ пустымъ и излишнимъ, и, изъ врожденнаго упрямства, мучилъ меня своимъ лаконизмомъ. Наконецъ два червонца разверзли уста его и сердце. Отъ него узналъ я, что мужъ хозяйки бѣлъ Маіоромъ, и умеръ за два года предъ тѣмъ, оставивъ пятерыхъ дѣтей и долги за десятерыхъ. Покойникъ былъ человѣкъ добрый, но легковѣрный и притомъ пристрастный къ карточной игрѣ. Спекуляціи и карты разстроили дѣла его, которыя вдова надѣялась поправить хорошимъ хозяйствомъ, пока война не разрушила ея надеждъ. Старшая дочь, Албертина, была уже сговорена за Прусскаго Офицера, сослуживца ея брата, а младшая, Леопольдина, только въ послѣдній праздникъ Пасхи пріобщилась Св. Таинъ, то есть, по обычаю Нѣмцевъ, вышла изъ дѣтскаго

возраста, и была еще свободна. Инвалидъ, распространяясь въ похвалахъ цѣлому семейству, особенно выхвалялъ доброту души Леопольдины, и сказалъ:

— Нѣтъ больнаго въ деревнѣ, о которомъ бы она не пеклась, нѣтъ бѣднаго, которому бы не помогла! Это сущій ангелъ во плоти, какъ наша Королева! Вотъ уже седьмой годъ, какъ я не пью ни изъ чьихъ рукъ шнапсу, какъ только изъ бѣленькихъ ручекъ фрейлейнъ Леопольдины.... Она милостива ко мнѣ, старику, и знаетъ, что я готовъ за нее въ огонь и въ воду. Дай Богъ дожить мнѣ до ея счастья!... Боюсь одного, чтобъ къ ней не присватался этотъ проклятый рекрутъ, котораго вы вѣрно видѣли въ домѣ. Я терпѣть его не могу!...

— И я также, отвѣчалъ я, ударивъ поплечу инвалида: а кто онъ таковъ?

— А чортъ его знаетъ! Отецъ его былъ Италіянецъ, и, какъ говорятъ, зашелъ къ намъ съ обезьянами, потомъ разбогатѣлъ контрабандою и плутнями, женился на Нѣмкѣ, дочери промотавшагося дворянина, и произвелъ на свѣтъ вотъ этого урода, который пустъ и хвастливъ, какъ барабанъ, трусливъ, какъ маркитантъ, а гордъ, какъ генеральскій конь. Наша добрая барыня должна ему много денегъ, по векселямъ покойнаго Маіора, не тѣмъ будь помянутъ, такъ онъ здѣсь и чванится, какъ ворона на разоренномъ орлиномъ гнѣздѣ! Слышно, будто ему очень полюбилась фрейлейнъ Леопольдина, да онъ уже вѣрно ей не понравится! Ей бы надобно мужа военнаго, молодца.....

— Послушай, старикъ! сказалъ я, всунувъ ему въ руку еще два червонца: я хоть и не такой молодецъ, какого тебѣ надобно, но военный, и полюбилъ всей душей фрейлейнъ Леопольдину. Поди и скажи ей

это!.... Узнай, согласится ли она выйти за меня замужъ?...

Инвалидъ отступилъ назадъ три шага, и пристально смотрѣлъ на меня, чтобъ удостовѣриться, не шучу ли я. Но когда я повторилъ ему мою волю, въ которой убѣждали его и мои червонцы, то онъ, покачавъ головою, сказалъ:

– Неужели вы повезете барышню въ Россію?

– Разумѣется!

– Готсъ - таузендъ! воскликнулъ старикъ, стукнувъ ногою: она такая нѣжненькая, что право не вытерпитъ вашихъ морозовъ!... Вѣдь у васъ, сказываютъ, и домы ледяные.....

– Не бойся, дружище, у насъ ни одна жена не замерзла еще въ объятіяхъ молодаго мужа. А впрочемъ, если она не согласится ѣхать со мною, то я останусь здѣсь.

– Ну вотъ это другое дѣло! Но не сказать ли прежде барынѣ?

– Сохрани Богъ! Матери я скажу самъ. Я не смѣю только открыться фрейлейнъ Леопольдинѣ.

– Швернотъ! проворчалъ инвалидъ. Русскій уланъ боится дѣвчонки! Да и то правда, что когда мнѣ приглянулася наша маркитантша, то я не смѣлъ открыться ей въ любви, боясь оплеухи, и поручилъ дѣло полковому коновалу! Гиммель-доннеръ-веттеръ! Никому я не признавался въ этомъ, а теперь мнѣ не стыдно, когда и Русскіе, которые никого и ничего не боятся, также несмѣлы съ бабами! Извольте, Г. Офицеръ! пойду и скажу фрейлейнъ Леопольдинѣ, что вы полюбили ее, и спрошу, нравитесь ли вы ей?

– Десять червонцевъ за отвѣтъ! сказалъ я. Инва-

лидъ отправился въ посольство, а я сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ чистое поле, чтобъ размыкать горе.

Я разъѣзжалъ по опушкѣ лѣса, поглядывая на домъ, и не смѣлъ возвратиться. Раздумывалъ, мечталъ, мучился предчувствіями, даже проливалъ слезы, первыя послѣ пролитыхъ отъ учительскихъ розогъ, не зналъ, что дѣлать съ собою, хотѣлъ бѣжать отъ этихъ волшебныхъ мѣстъ, и страшился завтрашняго дня, въ который мнѣ надлежало отправиться въ эскадронъ. Наконецъ, когда солнце стало садиться, я почувствовалъ, что долженъ возвратиться въ домъ, изъ приличій, и, въѣзжая въ аллею, встрѣтилъ все семейство, которое вышло мнѣ навстрѣчу. Кандидатъ шелъ рука съ рукой съ Леопольдиной.....

Я соскочилъ съ лошади, отдалъ ее лакею, извинился передъ хозяйкой, что долженъ былъ осмотрѣть мѣстоположеніе, чтобъ умѣть распорядиться въ случаѣ нападенія Французовъ, и осмѣлился взглянуть на Леопольдину. Она потупила глаза, примѣтно смѣшалась и покраснѣла. Я догадался, что инвалидъ исполнилъ мое порученіе.

– Кажется, вы слишкомъ много прилагаете труда, чтобъ избѣгнуть встрѣчи съ Французами! сказалъ Кандидатъ Философіи, обращаясь ко мнѣ съ насмѣшливою улыбкою.

– Я не люблю встрѣчаться только съ глупцами, отвѣчалъ я, притворяясь хладнокровнымъ: а Французовъ остерегаюсь не изъ робости, а потому, что мнѣ *запрещено* встрѣчаться съ ними. Притомъ же благоразуміе велитъ ограждать себя отъ нечаяннаго нападенія. Отъ оплошности страдаетъ честь офицера. Кажется мнѣ, что шпоры и усы ваши не научили васъ военной службѣ, и я берусь дать вамъ урокъ субординаціи.....

Хозяйка испугалась словъ моихъ, и старалась замять эту размолвку. Но этотъ первый шагъ къ истинному моему характеру возвратилъ мнѣ мою смѣлость. Я приблизился къ Леопольдинѣ, взялъ ее за руку, и пошелъ впередъ съ двумя сестрами, посмотрѣвъ грозно на Кандидата, который долженъ былъ уступить мнѣ свою даму. Рука Леопольдины дрожала въ моей рукѣ.

Албертина замѣтила, что она лишняя, и что я держу ея подъ руку для того только, что не могу отъ нее отдѣлаться. – Господинъ Кандидатъ! сказала она шутливо, подавая ему свою руку: не угодно ли послужить опорою моей старости?–и не дождавшись отвѣта, схватила его подъ руку, и потащила на другой край аллеи. Мать шла по срединѣ съ малолѣтными дѣтьми. Я удвоилъ шаги, и очутился далеко впереди, такъ сказать, наединѣ съ Леопольдиной.

Нѣсколько времени мы шли въ молчаніи, наконецъ я рѣшился объясниться.

– Жизнь или смерть? сказалъ я, прижимая ея руку..... Отвѣтъ вашъ рѣшитъ мою участь. Говорилъ ли вамъ инвалидъ?....

– Вы такъ мало знаете меня, что я право не умѣю ничего отвѣчать..... сказала Леопольдина тихимъ голосомъ, робко оглядываясь.

– Я знаю васъ довольно, чтобъ любить на всю жизнь. Душа ваша во взорахъ вашихъ, на ангельскомъ вашемъ лицѣ, и инвалидъ разсказалъ мнѣ объ васъ.....

– Мы только что увидѣли другъ друга..... Мы совсѣмъ незнакомы.... примолвила она.

– Я вамъ даю столько времени, сколько вамъ угодно, чтобъ узнать меня, возразилъ я. Начальники мои и товарищи скажутъ вамъ обо мнѣ, и я готовъ ждать

полжизни вашего согласія..... Но скажите только, могу ли я надѣяться.....

– Это зависитъ отъ маменьки.... сказала она тихо.

– Но если она предоставитъ вамъ рѣшить? Что вы скажете?.....

– Вы меня приводите въ самое затруднительное положеніе..... Я ничего не могу сказать вамъ безъ маменьки..... Я не могу располагать собою....

– Помните, что отъ одного вашего слова зависитъ жизнь моя! Если я не буду имѣть надежды снискать любовь вашу, если сердце ваше уже занято, сегодня же меня не будетъ на свѣтѣ..... Пуля кончитъ все съ жизнью!

– Вы меня ужасаете!

– Хотите ли, чтобъ я жилъ?....

– Живите, ради Бога, живите, и не мучьте меня такими ужасными мыслями.....

– И такъ жизнь и надежда!

– Все зависитъ отъ маменьки.....

– А вы?.....

– Я не буду противиться ея волѣ.....

– Леопольдина! Ангелъ мой, божество, жизнь, честь! клянусь посвятить твоему счастью всѣ дни мои, всѣ мысли, всѣ чувствованія!.... – Я былъ внѣ себя.

– Тише, ради Бога, тише! Насъ услышатъ....

Излишнимъ почитаю описывать вамъ всѣ подробности нашего перваго объясненія и всей любовной моей болтовни. Довольно того, если я вамъ скажу, что прежде нежели мы дошли до дому, мы уже понимали другъ друга, и что я вступилъ на безконечный путь *надежды*, по которому всѣ люди, имѣющіе какія-

либо желанія, стремятся догнать призракъ, называемый *счастіемъ*.

Во весь вечеръ я не отходилъ отъ Леопольдины. Мы разговаривали съ нею о различныхъ предметахъ; она играла на фортепіано, пѣла. Она казалась мнѣ умнѣе Вольтера, искуснѣе всѣхъ Италіянскихъ пѣвицъ и всѣхъ въ мірѣ музыкантовъ! Я находилъ въ ней все то, чего, по моему мнѣнію, недоставало другимъ для совершенства. Была ли моя Леопольдина совершенство Природы во всѣхъ отношеніяхъ, или она только казалась мнѣ совершенствомъ, чрезъ призму моей любви, – этого я рѣшить не умѣю.

Только за ужиномъ замѣтилъ я Кандидата Философіи, который сидѣлъ надувшись, какъ мокрый пѣтухъ. Тутъ-то я вспомнилъ, что мнѣ надобно непремѣнно выпроводить его изъ дому или спровадить съ бѣлаго свѣта. Послѣ ужина, когда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, я, безъ всякаго предувѣдомленія, вошелъ къ нему. Онъ сидѣлъ за столомъ и разсматривалъ, въ увеличительное стекло, узоры на своей пенковой трубкѣ, поглаживая ее рукавомъ. Онъ крайне изумился моему внезапному появленію. Придвинувъ стулъ, я сѣлъ возлѣ нѐго и сказалъ:

– Вы обошлись со мною невѣжливо, и даже имѣли намѣреніе оскорбить меня, изъявивъ сомнѣніе, при дамахъ, на счетъ моей храбрости. Я хочу доказать вамъ, что Русскій офицеръ не боится ни Французовъ, ни Нѣмцевъ, ни самаго чорта! Завтра, въ пять часовъ утра, не угодно ли со мною стрѣляться?

Лице Кандидата ужасно вытянулось. Поблѣднѣть онъ болѣе не могъ, но губы его тряслись и посинѣли. Онъ смотрѣлъ на меня неподвижными глазами, вертѣлся на стулѣ, и не отвѣчалъ ни слова.

– Внятно ли я объяснился? спросилъ я.

Кандидатъ Философіи все молчалъ, все вертѣлся, все морщился, какъ будто собираясь съ духомъ, наконецъ сказалъ:

– Но со мной нѣтъ моихъ пистолетовъ..... Здѣсь нельзя найти секундантовъ.....

– Мы пособимъ этому, возразилъ я: свидѣтелемъ нашимъ будетъ старый инвалидъ. Онъ зарядитъ одинъ изъ моихъ пистолетовъ, прикроетъ ихъ платкомъ, и каждый изъ насъ, отвернувшись, возьметъ пистолетъ наудачу. Кому достанется заряженый, тотъ будетъ имѣть право убить своего противника, приложа дуло къ сердцу или ко лбу. Я впередъ извѣщаю васъ, что если заряженый пистолетъ достанется мнѣ, то не ждите отъ меня пощады. Я размозжу вамъ голову непремѣнно. Клянусь честью!.....

– Помилуйте, за что такая ненависть? воскликнулъ Кандидатъ: что за отчаянныя средства!

– Между мною и фрейлейнъ Леопольдиной не должно быть третьяго лица..... Понимаете ли?

– Понимаю! сказалъ важно Кандидатъ Философіи, всталъ и отвѣсилъ мнѣ поклонъ, примолвивъ: и такъ дозавтра!

– До свиданія!

Съ этимъ словомъ я вышелъ и, пришедъ въ мою комнату, расположился отдыхать, будучи измученъ походомъ и происшествіями того дня. На столѣ увидѣлъ я букетъ цвѣтовъ, котораго прежде не было въ моей комнатѣ. Ординарецъ мой сказалъ мнѣ, что цвѣты принесла служанка..... Могъ ли я сомнѣваться, отъ кого они!.... Я положилъ букетъ на грудь – и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Что вы думаете о снахъ, друзья мои? Мнѣ кажется, что сновидѣніе есть *эхо души*. Какъ душа настроена, какіе звуки издаетъ она въ бодрственномъ состояніи человѣка, то же самое повторяется въ сновидѣніи, иногда глухо и невнятно, иногда сильно и выразительно, сообразно расположенію нашихъ органовъ. Точно такъ же и эхо сильнѣе раздается между скалами, нежели въ пушистыхъ лѣсахъ. Вѣрить ли снамъ? Разрѣшеніе этого вопроса сопряжено съ разрѣшеніемъ вопроса: должно ли вѣрить предчувствіямъ, ибо одно происходитъ и зависитъ отъ другаго. Скажите, что значитъ эта тоска, это трепетаніе сердца, эти мрачныя мысли при ожиданіи исполненія какихъ нибудь надеждъ или желаній, или въ рѣшительную минуту нашей жизни? Что значатъ ужасныя сновидѣнія, представляющія намъ будущее, какъ-будто въ фантазмагорической картинѣ? Тогда только мы разрѣшимъ эти вопросы, когда разгадаемъ законы той силы въ природѣ, которую мы ощущаемъ, но до сихъ поръ не постигли, и которой различныя явленія мы называемъ электричествомъ, гальванизмомъ, магнетизмомъ. При всей нашей философической гордости, мы едва узнали нѣсколько буквъ изъ той азбуки, которою написана великая книга Природы. Мы о многомъ догадываемся, но ничего не знаемъ положительно, и, въ непостижимой дерзости, беремся судить о душѣ, не понимая до сихъ поръ законовъ пищеваренія, а между тѣмъ опредѣляемъ пищевареніемъ дѣйствія души! Бѣдная наша мудрость!

Сновидѣніе первой ночи моей любви раздѣлялось на двѣ части. Въ первой половинѣ я былъ счастливъ, вторая половина наполнена была какими-то ужасами..... Я проснулся въ трепетѣ.

Ударило ровно пять часовъ.....

Одѣвшись на-скоро, я поспѣшилъ въ комнату Кандидата Философіи: сердце мое сильно билось. Двери были растворены. Старая служанка, сметавшая пыль съ мебелей, сказала мнѣ, что мой противникъ уѣхалъ ночью, неизвѣстно куда. Я посмѣялся надъ моимъ предчувствіемъ и надъ ужасами сновидѣнія!

Къ полудню фуражъ и съѣстные припасы собраны были изъ окрестныхъ деревень. Я отправилъ фуры въ эскадронъ, съ письмомъ къ Ротмистру, прося у него отпуска на недѣлю, и остался.

Недѣля прошла какъ мигъ. Въ это время я успѣлъ переговорить съ матерью Леопольдины. Узнавъ отъ дочери, что она расположена любить меня, мать не противилась моей любви, но объявила мнѣ рѣшительно, что не прежде согласится благословить насъ, какъ по окончаніи войны и по удостовѣреніи, что любовь моя есть не вспышка темперамента, но привязанность души, привязанность постоянная, воля твердая. Она призналась мнѣ, что не понимаетъ, какъ я могъ такъ скоро влюбиться, и рѣшиться на столь важное дѣло, какъ бракъ. Леопольдина понимала меня! Расцѣловавъ руки матери, я сказалъ весело, что мы, уланы, всѣ дѣла наши дѣлаемъ въ галопъ, и что весна въ Россіи такъ коротка, что мы привыкли срывать цвѣты при первомъ ихъ развитіи. Почтенная эта маменька только качала головою и удивлялась.

Что до меня касается, то я ни сколько не огорчился этою отсрочкою. Я былъ такъ счастливъ одною надеждою на счастіе, что вовсе не помышлялъ о самомъ счастіи.

Блаженствовалъ я ровно восемь дней. На девятый день явился посланецъ отъ Ротмистра съ повелѣніемъ, ѣхать немедленно въ эскадронъ, и съ извѣстіемъ, что чрезъ трое сутокъ полкъ выступаетъ въ походъ, и начинаются военныя дѣйствія.

Мы поплакали съ Леопольдиной, обмѣнялись незабудками, поклялись въ вѣчной любви и вѣрности..... поцѣловались, – и *адіеи!* Вскочивъ на коня, я помчался во весь опоръ. Оглянулся одинъ только разъ. Она стояла на крыльцѣ!... Сердце мое сжалось, я стиснулъ шпорами лошадь, и вскорѣ все исчезло изъ глазъ моихъ. Посланецъ и ординарецъ мой отстали отъ меня. По пріѣздѣ въ эскадронъ, лошадь моя пала на другой день.

Товарищи удивились моей перемѣнѣ. Ни выговоръ Ротмистра, ни шутки товарищей, ни дружеское ихъ участіе не тронули меня. Я былъ какъ камень до перваго выстрѣла. Тутъ я воскресъ душею!

О молодость, молодость! Жизнь есть тоже, что Журналъ. Тутъ и Словесность, и Политика, и изящная и скучная Проза, и Технологія, и Сельское Хозяйство, и Сатира, и лесть, и Критика, и кумовство, и смѣсь, и спѣсь, и стихи безъ Поэзіи, и Поэзія въ стихахъ и въ прозѣ. Поэзія жизни – молодость! Все прочее макулатура, бумага и чернила безъ души, безъ чувства.... О какъ скучна, какъ гнусна эта поздняя жизнь, исполненная расчетовъ, спекуляцій, хлопотъ, искательствъ! Вы, любезные друзья мои, стараясь состарѣться прежде времени, замѣняете этимъ мусоромъ перлы жизни, ея поэзію! Вы ищете мѣста для чина, чина для мѣста, ордена для денегъ, жены для связей, связей для жены, а всего вмѣстѣ для чванства, для кощунства, для ми-

шурной важности! Прахъ и тлѣніе подъ позлащенною свинцовою доской!

Я несъ на жертву юную жизнь, проливалъ пламенную кровь мою для поэзіи молодости,—*для любви!* Я жаждалъ горъ золота, чтобъ позолотить листки моей идилліи! Исполненный мечтами, надеждами, я устремился въ кровавыя сѣчи. Бѣдный Корнетъ, я грѣзилъ во снѣ и на яву о славѣ, о богатствѣ, о почестяхъ, желалъ ихъ для того только, чтобъ сложить все величіе мое у ногъ моей Леопольдины, и сказать ей: *я тебя достоинъ!* Я мечталъ взять въ плѣнъ Наполеона, захватить его сокровища, открыть средства къ разбитію всей его арміи, и съ каждымъ днемъ ожидалъ случая къ великимъ подвигамъ, а между-тѣмъ сражался, какъ Корнетъ, передъ моимъ взводомъ, и послѣ окончанія кампаніи остался тѣмъ же Корнетомъ, не распространивъ славы моей далѣе полковаго обоза. Такъ исчезаютъ мечты, сны и самая существенность!

У насъ до сихъ поръ есть еще люди, которые почитаютъ грѣхомъ сказать, что мы претерпѣли неудачи подъ Аустерлицемъ и подъ Фридландомъ! Жалкіе патріоты, которые согрѣваются газомъ лжи! Въ свое время, можетъ-быть, нужно было умолчать о томъ, что и безъ объявленій всѣмъ было извѣстно. Все хорошо въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Но теперь, по истеченіи четверти столѣтія, послѣ Бородина и Лейпцига, послѣ Москвы и Парижа, Русскій съ гордостью долженъ говорить, что мы были разбиты первымъ полководцемъ въ мірѣ, Наполеономъ, побѣжденнымъ въ свою очередь Русскими. Петръ Великій не скрывалъ своихъ потерь и неудачъ, и даже въ рѣчи своей къ войску, передъ самой Полтавской битвой, напомнилъ Русскимъ, что они имѣютъ дѣло

съ непріятелемъ, который многократно побѣждалъ ихъ. Война есть игра въ вистъ. Какая нужда, кто сколько робберовъ выигралъ и сколько сдѣлалъ шлемовъ въ партіи? Дѣло въ расчетѣ. Кто, вставъ изъ за стола, покажетъ выигрышъ, тому честь и слава. Не даромъ Римляне говорили: конецъ вѣнчаетъ дѣло.

И такъ подъ Фридландомъ мы не кончили еще игры съ Наполеономъ, а были только на второмъ проигранномъ робберѣ. Сказываютъ, будто намъ заглядывали въ карты, будто тасовка была не совсѣмъ чиста...., но чего я навѣрное не знаю, про то и не говорю. Какъ бы то ни было, но мы должны были ретироваться; а нѣкоторые полки не могли даже соблюсти того порядка, которому Французы удивлялись въ 1812 году. Все приходитъ постепенно. Полкъ нашъ, переправившись вплавь черезъ рѣку Алле, въ сумерки, не могъ въ ту же ночь собраться. Нѣкоторые не могли попасть на сборное мѣсто: я былъ въ томъ числѣ.

Къ рѣкѣ Алле, по ту сторону Фридланда, примыкалъ лѣсъ. Большая дорога въ Веллау загромождена была пушками и фургонами. Я поѣхалъ по тропинкѣ, среди огней, при которыхъ грѣлись и отдыхали толпы пѣшихъ и конныхъ солдатъ разныхъ полковъ. Къ полуночи я добрался до деревушки, въ которой распоряжались уже наши солдаты. Здѣсь я нашелъ нѣсколько уланъ нашего полка. Поужинавъ изъ солдатскаго котла, я легъ спать на соломѣ, въ сараѣ, и поручилъ лошадь мою попеченію уланъ.

Со свѣтомъ, меня разбудили. Я осмотрѣлся и распросилъ поселянъ о дорогѣ въ Веллау. Отъ деревушки, лежавшей при опушкѣ лѣса, надлежало итти

полемъ нѣсколько миль. Представивъ солдатамъ опасность отъ безпорядочнаго марша, я собралъ всѣхъ ихъ въ одинъ отрядъ, построилъ въ три шеренги, и, съ моими уланами, нѣсколькими казаками и гусарами, составивъ авангардъ, двинулся впередъ.

Едва мы прошли верстъ пять, какъ увидѣли съ лѣвой стороны коляску, запряженную въ четыре лошади цугомъ, скачущую къ намъ во всю прыть, по проселочной дорогѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ показались Французскіе всадники, гнавшіеся за коляской.

—Вѣрно въ этой коляскѣ какой нибудь раненый Генералъ. Братцы! сказалъ я, обращаясь къ моему авангарду: спасемъ его! — Какъ прикажете, Ваше Благородіе, ради стараться! отвѣчали мои солдаты.—Ура! впередъ! — и мы помчались по полю. Нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ раздалось возлѣ коляски, и передняя лошадь грянулась о землю. Коляска остановилась, но мы уже были тутъ. Съ крикомъ и гиканьемъ ударили на Французовъ, и они, видя мою пѣхоту въ резервѣ, поскакали назадъ. Я остановилъ мой отрядъ, и поспѣшилъ къ коляскѣ. Въ ней лежала женщина, безъ чувствъ. Взглянулъ : это Леопольдина!

Боже мой, что я ощутилъ въ эту минуту! Радость, горесть, страхъ, надежда, чуть не разорвали на части моего сердца. Я вынесъ ее изъ коляски, разостлалъ шинель на травѣ, и почерпнувъ шапкой моей воды изъ рва, сталъ приводить ее въ чувство, то прыская водою, то согрѣвая моими поцѣлуями. Она открыла глаза и первое слово было: — Гдѣ мужъ мой?

—Мужъ твой, Леопольдина! Ты замужемъ! воскликнулъ я, чуть переведя духъ и чувствуя смерть

въ сердцѣ. Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и едва держался на ногахъ.

Узнавъ меня, она вскрикнула, и снова впала въ безпамятство.

Мнѣ самому нужна была помощь, но я забылъ о себѣ, помышлялъ только о спасеніи Леопольдины. На этотъ разъ стоило много труда привесть ее въ чувство. Разслабленную, почти безъ дыханія, мы положили ее въ коляску. Кучеръ уже исправилъ упряжку. Я перешелъ на другую сторону коляски, чтобъ помѣститься возлѣ Леопольдины, и вижу, что возлѣ задняго колеса стоитъ неподвижно – Кандидатъ Философіи!!!....

– Ты мужъ ея? спросилъ я, устремивъ на него грозный взглядъ.

Онъ кивнулъ головою и молчалъ.

– Будь ты проклятъ! воскликнулъ я. Счастье твое, что ты такъ подлъ и гнусенъ, что недостоинъ мести моей, ни даже презрѣнья. Ты не стоишь пули! Сказавъ это, я сѣлъ въ коляску и велѣлъ кучеру погонять лошадей. Уланы поскакали за мной.

– Гдѣ мужъ мой? спросила снова Леопольдина, пришедъ въ себя.

– Здѣсь, возлѣ тебя! сказалъ я.

Она залилась слезами, взглянувъ на меня.

– Другъ мой, меня обманули! примолвила она. Мнѣ сказали, что ты убитъ. Я не могла сомнѣваться въ истинѣ, когда мнѣ возвратили кораллы, которые я

всегда носила на шеѣ, и подарила тебѣ на память, въ день нашей разлуки. Я была увѣрена, что ты бъ не разстался съ ними, если бъ былъ живъ!

Тутъ мнѣ открылась подлая измѣна, которой я ни какъ неподозрѣвалъ. Передъ Гейльсбергомъ, какой-то Нѣмецъ доставилъ мнѣ письмо отъ Леопольдины, и напросился ко мнѣ въ службу. На третій день онъ исчезъ, укравъ у меня нѣкоторыя вещи, и между прочимъ кораллы Леопольдины, которые я носилъ всегда на груди, но на тотъ разъ какъ-то оставилъ на ночь на столикѣ. Я думалъ тогда, что кораллы украдены у меня просто какъ дорогая вещь, а не какъ орудіе къ разрушенію моего счастья. Я разсказалъ это Леопольдинѣ.

Она горько плакала. Я былъ въ бѣшенствѣ.

— Подлаго мужа твоего я оставилъ на дорогѣ, сказалъ я. Пропадай онъ на вѣки вѣковъ! Я увезу тебя съ собою въ Россію; ты перемѣнишь вѣру, и мы обвѣнчаемся: не правда ли, моя Леопольдина? Одинъ Богъ и одна истина! Перемѣна Вѣры не должна пугать тебя. Я готовъ въ адъ изъ любви къ тебѣ, а тебѣ предлагаю спасеніе въ нѣдрахъ нашей Церкви, и рай на землѣ въ моихъ объятіяхъ! Рѣшись!

— Милой другъ мой! сказала Леопольдина сквозь слезы. Я не могу исполнить твоего желанія и должна отказаться отъ счастья въ этой жизни. Если бъ я даже не знала и не любила тебя, то все таки я бы никогда не согласилась быть женою того человѣка, который былъ такъ низокъ, что хотѣлъ обладать мною безъ моей любви. Но я пожертвовала собою для блага нашего семейства..... Я продала себя...., и не принадлежу болѣе себѣ. Отецъ мой долженъ былъ значительную сумму, почти равную цѣнѣ на-

шего имѣнья, отцу моего мужа. Подлецъ объявилъ матери моей, что если я соглашусь выйти за него замужъ, то онъ сочтетъ долгъ приданымъ, и изорветъ вексель. Тебя почитала я убитымъ, и согласилась! Вексель изорванъ, – я собственность гнуснаго торговца! Я бы не отдала ему одного волоса съ головы моей за золото всего свѣта, но пожертвовала собою для избавленія отъ нищеты моей матери, моихъ малолѣтныхъ сестеръ, безпріютныхъ сиротъ.... Можетъ-быть, я погрѣшила противу нѣжности и чувствъ, но не погрѣшила противу совѣсти!.....

– Леопольдина! одно прикосновеніе къ устамъ твоимъ стоитъ милліоновъ, и если этотъ злодѣй думалъ купить тебя, какъ рабу на базарѣ Востока, то онъ слишкомъ дешево заплатилъ за нѣсколько мѣсяцевъ райскаго блаженства! Союзъ вашъ прерванъ съ той минуты, какъ открылся его обманъ. Я живъ – и ты моя!

– Но если подъ сердцемъ моимъ лежитъ уже безвинная жертва его подлости и моего малодушія! возразила Леопольдина, закрывая лице руками.

– Я усыновляю кровь твою..... все твое мнѣ драгоцѣнно!

– Чувствую всю нѣжность твою, все твое великодушіе, и тѣмъ болѣе стражду, но не могу согласиться! Мой поступокъ убьетъ мать мою! Презираю подлаго обманщика, но не измѣню моему слову.... Богъ избавитъ меня отъ него..... и дастъ мнѣ.....смерть!.....

Въ это время мы выѣхали на большую дорогу. За обозами, артиллеріей и густыми толпами солдатъ не возможно было подвинуться впередъ. Я велѣлъ кучеру остановиться на площадкѣ, возлѣ пустой корчмы, передъ которою стояло уже нѣсколько экипажей.

Я не терялъ надежды уговорить Леопольдину, и хотѣлъ только выиграть время, чтобъ она свыклась съ моимъ предложеніемъ.

Когда я хотѣлъ отворить дверцы, вдругъ что-то стукнуло въ окошко, находившееся въ тыльной части верха коляски. Мы оглянулись. Я приподнялъ подушку, закрывавшую окошечко, и мы увидѣли мужа Леопольдины.

Онъ сидѣлъ на запяткахъ и, приложивъ ухо къ окошечку, подслушивалъ нашъ разговоръ.

Леопольдина затрепетала всѣмъ тѣломъ, испустила тяжкій стонъ, и, ослабѣвъ, склонилась на грудь мою. Глаза ея закатились, губы посинѣли, жестокія судороги останавляли дыханіе.....

Я внесъ ее на рукахъ моихъ въ корчму, и, по счастью, нашелъ тамъ доктора, который перевязывалъ раненыхъ. Докторъ истощилъ всѣ средства, но не могъ прекратить судорогъ, которыя безпрестанно усиливались. Чрезъ полчаса, въ моихъ объятіяхъ былъ холодный трупъ!.....

Борьба страстей, страхъ и безнадежность убили ее!

Я не могъ плакать, не могъ предаваться отчаянной грусти, потому, что былъ въ онѣмѣніи чувствъ. Я стоялъ надъ трупомъ неподвижно, и ничего не помнилъ, ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ. Мнѣ что-то грѣзилось, что-то видѣлось, какъ будто вдали, въ туманѣ. Одинъ изъ совоспитанниковъ моихъ, артиллерійскій офицеръ, зашедшій въ это время въ корчму – увидѣвъ меня въ такомъ положеніи, вывелъ изъ этого несчастнаго мѣста, посадилъ на

пушку, и увезъ съ собою, за арміей. Молча, повиновался я, какъ младенецъ.

Я уже сказалъ вамъ, друзья мои, что молодость моя была желѣзная. Запахъ пороха привелъ меня въ чувство, лучше нежели всѣ ароматическіе спирты. Конскій топотъ, звуки воинской трубы и командные возгласы возвратили мнѣ память. Я сѣлъ на моего коня, отыскалъ полкъ, и, сосредоточивъ грусть въ сердцѣ, явился предъ взводомъ и въ кругу товарищей, какъ мраморный гость въ Донъ-Жуанѣ. Твердо рѣшился я искать смерти въ первомъ сраженіи; но Фридландское сраженіе было послѣднее въ эту войну, и мы, безъ боя, возвратились въ отечество.

Вихрь свѣтской жизни вывѣялъ грусть изъ моего сердца. Тысяча новыхъ впечатлѣній затмили въ памяти моей образъ Леопольдины. Но воспоминаніе объ ней осталось навѣки въ душѣ, какъ рубецъ послѣ исцѣленной раны, и въ ненастные дни жизни, душевная рана эта ноетъ. Когда косвенный лучъ радости скользнетъ по моему сердцу, первая любовь издаетъ какой-то невнятный звукъ, сладостный и трогательный, производящій такое впечатлѣніе, какъ голосъ родной пѣсни на чужбинѣ, въ изгнаніи изъ отечества.....

Вы смѣетесь, что я люблю усы мои! Я потому не могу рѣшиться сбрить ихъ, что они прикасались къ устамъ той, которая унесла въ могилу первую любовь мою.....
.....

Я кончилъ мой разсказъ, друзья мои!

Надъ вѣкомъ, въ которомъ мы живемъ, носится

какъ надъ бездною, злобный духъ эгоизма, принимающій различные образы. Этотъ злой духъ заразилъ всѣ наши наслажденія, всѣ наши радости ядовитымъ запахомъ пользъ и выгодъ. – Если и вы, друзья мои, увлекаясь духомъ времени, спросите меня: какой результатъ моего разсказа, я буду отвѣчать вамъ стихами И. И. Дмитріева, котораго вы вѣрно читаете по-Русски:

Но все ли одного полезнаго искать?
Для *Сказки* и того довольно,
Что слушаютъ ее, безъ скуки, добровольно.

Неужели я вамъ расказывалъ *сказку?*

На этотъ вопросъ я вамъ дамъ положительный отвѣтъ, изъ котораго вы можете извлечь непреложное и полезное правило. И такъ знайте, что всегда, когда люди разсказываютъ про себя, выходитъ *сказка*, а когда они говорятъ про другихъ, то раждается *исторія.* Для равновѣсія, къ сказкѣ прибавляется *правда,* а къ исторіи *ложь,* и составленіе этой примѣси есть привилегированная собственность силы, хитрости – и безвиннаго авторства.

Добрая ночь!

ѲАДДЕЙ БУЛГАРИНЪ.

Мыза Карлова, возлѣ Дерпта
15 Октября, 1833.

ШТЫКЪ.

=

ВОЕННЫЙ РАЗСКАЗЪ.

=

Суворовъ! Безсмертный Русскій вождь! Его имя есть волшебное слово для Русскаго солдата. Онъ, изъ вѣка въ вѣкъ, не перестанетъ согрѣвать воображеніе нашего воина, и какъ порохъ вспыхиваетъ отъ искры, такъ воспламеняется сердце и бодрится духъ солдата отъ драгоцѣннаго имени Суворова.

Поставьте роту въ строй и скажите: Суворовъ воскресъ, ребята, въ лицѣ такого-то! Потомъ спѣшите, мѣряйте солдатъ, и вы найдете, что каждый изъ нихъ, противъ ранжирнаго списка, вершкомъ выше, если не болѣе.

Вотъ что значитъ, вѣдать характеръ своего народа, непереставшаго, слава Богу, гордиться коренными обычаями; что значитъ умѣть пользоваться минутою! Запѣть пѣтухомъ кстати, въ часъ и въ пору, гораздо полезнѣе, нежели прочитать солдатамъ всю Естественную Исторію о птицахъ. Старый другъ мой, Кремневъ, служившій подъ лестнымъ начальствомъ Суворова, часто говаривалъ: — Какъ теперь гляжу на батюшку, Суворова. При всякомъ его словѣ говоритъ, бывало, сердце, и душа таетъ, какъ воскъ отъ лица огня.

Пуля дура, штыкъ молодецъ! говаривалъ вдохновенный, неподражаемый геній; и это выраженіе незабвеннаго и сердцу солдатскому милаго предводителя, блистательно сроднило штыкъ съ Русскимъ солдатомъ, въ рукахъ котораго дѣйствіе этого гибельнаго, смертоноснаго орудія и по сіе время еще остается неоспоримымъ. Случаи, могущіе служить доказательствомъ этому, неисчислимы: но одинъ изъ нихъ, со словъ безрукаго Свистунова (1) и другихъ очевидцевъ, перескажу я вамъ, читатели, не краснорѣчиво, но справедливо. Прошу простить: съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ.

=

«Лишь только Надёжа-Бѣлый-Царь помирился съ Бонапартомъ въ 1807 году въ Тильзитѣ, 26-й егерскій полкъ, въ которомъ я служилъ, «говорилъ мнѣ Свистуновъ,» двинулся въ Финляндію, и въ началѣ слѣдующаго года, подъ командою славнѣйшаго Эриксона, покупалъ уже каждый шагъ земли..... кровью! Кто находился когда либо въ кампаніи противъ Шведовъ, тотъ безъ сомнѣнія убѣжденъ, что равнымъ быть можно, но храбрѣе Шведовъ, характернѣе, и даже честнѣе..... воля ваша, никакъ нельзя!

Полкъ нашъ былъ въ авангардѣ; Великолуцкій пѣхотный тянулся за нами; молодецъ Кульневъ

1 Лишившагося въ послѣдствіи руки въ сраженіи при Бородинѣ, и извѣстнаго читателямъ изъ книги: «Подарокъ Товарищамъ.»

обозрѣвалъ проселочные пути; снѣга были глубокіе, дороги узкія; Тавастгусъ былъ цѣлію Командующаго отрядомъ, и намъ надлежало на первый случай овладѣть этимъ городомъ. Оставя границы родной стороны, встрѣтили мы Шведскія войска въ числѣ двухъ гарнизонныхъ, или инвалидныхъ, ротъ, бывшихъ по границѣ на стражѣ. Онѣ соединились въ селеніи Арціо. Начальникъ, съ трубачемъ, выѣхалъ навстрѣчу, поговорилъ съ нашимъ Полковникомъ, и тотчасъ очистилъ ночлегъ, оставивъ въ добычу полный сарай салакуши, вяленаго мяса и сушеныхъ лепешекъ, которыя заготовляются у нихъ для продовольствія нижнихъ чиновъ на двухгодовую и болѣе пропорцію. Переночевавъ препокойно въ Арціо и Аккеройсе, пріобрѣтеніе которыхъ не стоило щепоти табаку, къ вечеру третьяго дня подошли мы къ селенію Арематилло. Здѣсь Шведскій Капитанъ менѣе былъ вѣжливъ: онъ не разсудилъ встрѣчать насъ самъ, но, подпустивъ на дистанцію, привѣтствовалъ ядрами, послужившими манифестомъ къ войнѣ и сигналомъ къ бою, — о чемъ, по сей часъ, судили и такъ и сякъ. Мы встрепенулись, перекрестились, и три сестры: Честь, Смерть и Слава, съ той же минуты содѣлались нашими спутницами.

Полковникъ, не желая остаться въ долгу, приказалъ трубить, и Капитанъ явился; но на предложеніе очистить ночлегъ безъ драки, рѣшительно отвѣчалъ, что въ Арематилло ночуетъ онъ самъ, и даетъ честное слово не уступить его до утра.

Дѣло отважное, но вмѣстѣ странное! говорилъ Эриксонъ. Посмотримъ, какъ поддержатъ ваше слово двѣ пушки и двѣ дряхлыя инвалидныя роты, про-

тивъ краснорѣчія двѣнадцати орудій и трехъ тысячъ человѣкъ молодыхъ, рьяныхъ воиновъ.

— Посмотримъ! возвращаясь къ храброй своей дружинѣ, возразилъ маститый Капитанъ, на лицѣ котораго чистая совѣсть и святой долгъ вѣрнаго сына отечества отпечатали благовидно блестящія свои вывѣски.

— Я воевалъ уже со Шведами, и знаю ихъ коротко, сказалъ Эриксонъ. Капитанъ, по-видимому, рѣшился умереть здѣсь, и потому этотъ пунктъ будетъ намъ недешевъ. Однако жъ, съ Богомъ! Арематилло ночлегъ по маршруту.

— Вмѣстѣ съ тѣмъ начались распоряженія къ атакѣ. Стрѣлки противъ глубокихъ снѣговъ вооружились лыжами, приготовленными заблаговременно, которыя впрочемъ не принесли существенной пользы. Все двинулось по мановенію воли, и черезъ нѣсколько минутъ, душа удальца, страстная къ военному грому, купалась въ кровавыхъ удовольствіяхъ, какъ въ маслѣ.

Поручикъ Гебауеръ командовалъ правымъ флангомъ стрѣлковъ. Этотъ офицеръ родился и воспитывался въ Сибири: два аршина одиннадцать вершковъ роста, соотвѣтственная ему полновѣсная тучность тѣла, угрюмый пасмурный взоръ, привычка кушать живую рыбу, и замѣченное нами въ немъ восхищеніе при видѣ, какъ хвостъ и голова ея шевелится, когда спинка несчастной уже варится въ желудкѣ, обѣщали въ немъ ужаснаго героя. Но въ непреложную волю Провидѣнія вмыкалось не то!

Дѣло наше двигалось съ малымъ успѣхомъ. Шведы воспользовались всѣми средствами: они завалили

бревнами входъ въ селеніе, заняли знакомыя имъ выгодныя мѣста, и перекрестными выстрѣлами, а подчасъ и полѣньями черезъ палиссады, упреждали всякое покушеніе нашихъ стрѣлковъ. Жители помогали имъ, и мгновенно погашали пожары, причиненные брандсъ-кугелями. Ночь была темная. Распоряженіе начальства не могло быть въ полной мѣрѣ къ лицу каждому, командующему частію отряда; время летѣло, и инвалиды..... торжествовали! Но молодецкій геній не дремлетъ. Мальгинъ, фланговой егерь 1-ой роты, согласивъ восемь человѣкъ залихватскихъ товарищей, въ томъ числѣ и Свистунова, рѣшился ползкомъ пробраться въ селеніе. Имъ надобно было спуститься по ужасному сугробу и взобраться на гору; потомъ перелѣзть черезъ заборъ въ сарай или въ какую нибудь закутку, а оттоль уже дѣйствовать на позицію инвалидовъ. И всю эту продѣлку надлежало скрыть отъ бдящаго непріятеля: иначе гибель въ самомъ началѣ была бы неизбѣжна. Съ этимъ намѣреніемъ разудалые подошли къ Поручику, чтобъ испросить у него позволеніе.

– Положимъ, что вы уже въ селеніи, сказалъ Гебауеръ: а тамъ какъ?

– А тамъ просто напросто, будемъ колоть Шведовъ, Ваше Благородіе, да и только.

— Но вы забыли, что Шведовъ въ селеніи до пяти сотъ человѣкъ, кромѣ жителей? — Да мы не считать ихъ идемъ. Вѣдь не въ перестрѣлку съ ними вступать!..... Мы хватимъ въ штыки, — а тамъ что Богъ пошлетъ!

– Да воротиться-то, мы, можетъ быть, и не воротимся, примолвилъ Мальгинъ: но ужъ не даромъ

головы положимъ..... Потѣшимся, Ваше Благородіе!

Презавидная философія! — кто живетъ, поетъ; а умираетъ, пляшетъ. Подобный человѣкъ боится только дурныхъ дѣлъ, худой по заслугамъ славы, отчета за гробомъ; прочее ему трынъ-трава. Глядятъ ли на него косо, бранятъ ли его? онъ тотчасъ наводитъ справку съ совѣстью, и, находя себя чистымъ, правымъ, на зло недоброжелателямъ запѣваетъ. Ласкаютъ ли, хвалятъ ли его? – онъ благодаритъ, и снова запѣваетъ. Такой чудакъ, проходя путь жизни съ упованіемъ на Бога, безъ жалобы и ропота на судьбу, капризами которой располагать нельзя, безъ зависти и ненависти къ счастливцамъ, служитъ припѣваючи, и, по моему, противъ добровольнаго страдальца живетъ вдвое.

Таковъ именно былъ и мой герой, Мальгинъ, и такимъ легко быть можно, особенно нашему брату.... солдату, непочитающему себя важнымъ звеномъ въ цѣпи мірозданія, недорожащему своимъ существованіемъ, и рѣшительно чуждому причудъ заморской изнѣженности. Дастъ ему Богъ день, дастъ и пищу! – съ чѣмъ вмѣстѣ, – ура! запѣвай съ начала!

Волшебное слово «потѣшимся!» плѣнило бѣднягу Гебауера. Кровь его закипѣла. – Я съ вами, ребята! гаркнулъ Сибирякъ, и, схватя у раненаго егеря суму и ружье, пустился на подвигъ. Но едва успѣлъ онъ пройти двадцать сажень, какъ пуля, въ грудь на вылетъ, исключила молодца изъ военныхъ списковъ.

– Теперь, друзья, къ смертельной нашей охотѣ, сказалъ Мальгинъ, присоединился святой долгъ.....

Отмстимъ за Поручика! Безъ насъ, онъ жилъ бы еще на бѣломъ свѣтѣ.

Преодолѣвъ всѣ затрудненія и счастливо скрывъ движеніе, семерымъ изъ нихъ удалось перебраться черезъ заборъ; но послѣдній, долженствовавшій подсаживать другихъ, по необходимости остался въ полѣ, лишенный средствъ раздѣлять славу товарищей.

Обозрѣвая дворъ, на который швырнула ими судьба, увидѣли они, что дверь избы отворена. Въ избѣ былъ слышенъ гулъ. Тотчасъ можно было догадаться, что Шведы должны стрѣлять въ окна, выходящія на лицевую сторону дома. Такъ и было: во всѣхъ примыкающихъ къ полю строеніяхъ были прорублены отверзтія; инвалиды, заслоняясь отъ пуль стѣнами, хладнокровно выжидали, и весьма удачно убивали сближавшихся на вѣрную дистанцію стрѣлковъ нашихъ. Подойдя съ осторожностью къ дверямъ, Мальгинъ насчиталъ семь окошекъ, и убѣдился, что у каждаго хлопотали по два человѣка. Съ радостію сообщилъ онъ своимъ товарищамъ, что вниманіе Шведовъ обращено въ поле, и что нашествіе ихъ замѣтятъ они на томъ уже свѣтѣ. Онъ не ошибся въ своемъ расчетѣ. Тогда, какъ инвалиды заняты были стрѣльбою въ противную сторону, наши удальцы, подкравшись всякій къ своей жертвѣ, пронзили ихъ штыками, и прежде нежели послышался стонъ однихъ отъ полученнаго удара, жизнь другихъ погасла уже подъ смертоноснымъ орудіемъ.

Успѣхъ, увѣнчавшій столь дерзкое предпріятіе, крайне ободрилъ нашихъ героевъ. Они перешли на сосѣдній дворъ, и, на передвиженіи, закололи двухъ мужиковъ, изъ опасенія быть открытыми.

Въ другой избѣ нашли они девять человѣкъ, и истребили ихъ, но уже съ меньшимъ счастіемъ: одинъ изъ инвалидовъ успѣлъ оборотить ружье, выстрѣлилъ, и на повалъ убилъ егеря Матвѣева. Мальгина не остановила смерть товарища. Быстро съ дружиной перелетѣлъ онъ въ слѣдующую избу; но она, какъ крайняя къ улицѣ и въѣзду, была занята болѣе нежели двадцатью человѣками, а у въѣзда находился самъ Капитанъ съ одною пушкою и съ нѣкоторымъ прикрытіемъ.

— Ребята! сказалъ Мальгинъ, высмотрѣвъ всѣ силы противниковъ: вѣдь черезъ заборъ назадъ лѣзть намъ не приходится. Ужъ лучше было не начинать, чѣмъ струсить и не кончить! Двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать. Разъ родились, разъ и умремъ, а проказъ надѣлаемъ. Чего жъ намъ больше? Кому на небѣ написано ѣхать на кораблѣ за море, къ Величанамъ(1), тотъ и будетъ живъ!

— Идемъ! шепнули храбрецы въ слово, съ тѣмъ вмѣстѣ юркнули въ избу, и — пошла потѣха!

Русскіе въ селеніи!..... И здѣсь уже они! закричали, по своему, инвалиды черезъ окно храброму Капитану.

Старикъ, отвѣчаю, что не струсилъ; но желая сохранить честь и страшась менѣе за жизнь, чѣмъ за пушки, тотчасъ подалъ условный сигналъ. Съ помощію приготовленныхъ жителями лошадей, инвалиды въ повозкахъ дали стречка, а селеніе заняли мы..... передъ свѣтомъ!

— Скорѣе, ради Бога, скорѣе, позовите сюда Штабъ-Лекаря! кричали изъ всей мочи Маіоръ Лотухинъ и Капитанъ Пяткинъ, высунувъ головы изъ крайней избы, куда завернули они съ намѣреніемъ обозрѣть шанцы бѣжавшихъ инвалидовъ.

(1) Англич намъ.

– Кому столь поспѣшная нужна помощь? спросилъ Полковникъ.

– Здѣсь наши раненые! отвѣчали они.

– Какъ это могло случиться? воскликнулъ изумленный Эриксонъ, приближаясь къ избѣ.

Дѣло было кончено прежде, нежели начальникъ нашъ узналъ, какимъ образомъ оно происходило.»

=

Справедливость этого анекдота мнѣ легко было бы доказать оригинальными актами, которые и поднесь у меня хранятся, но тяжело начертать въ нѣсколькихъ словахъ картину, поразившую Полковника и бывшихъ съ нимъ Офицеровъ. Весь полъ роковой избы былъ потопленъ кровью; двадцать два человѣка непріятельскихъ и три нашихъ солдата лежали заколотыми, пятеро Шведовъ и двое Русскихъ умирали отъ тяжкихъ ранъ, а одинъ изъ послѣднихъ, обремененный девятью ранами, ослабленный теченіемъ крови, и покрытый уже блѣдною тѣнью смерти, тихо, но бодро и съ восхищеніемъ, разсказывалъ неподражаемые подвиги покойныхъ товарищей, и этотъ одинъ былъ – Мальгинъ!

Мигомъ прибывшій Штабъ-Лекарь Леттъ перевязалъ раны славнаго Мальгина. Три изъ нихъ оказались сомнительными, но ни одной смертельной. Полковникъ не прежде оставилъ удалую голову, какъ по совершеніи всѣхъ нужныхъ медицинскихъ пособій. Потомъ перенесли героя на квартиру, и берегли молодца, какъ даръ неба. По выступленіи

нашемъ въ дальнѣйшій походъ, онъ былъ оставленъ въ учрежденномъ на этапѣ госпиталѣ, гдѣ, сколько было возможно, выздоровѣлъ, и дожилъ до отставки.

Командиръ Корпуса, Князь Багратіонъ, получивъ донесеніе объ этомъ, отвѣчалъ Эриксону собственноручнымъ письмомъ слѣдующаго содержанія: «Государь Императоръ храброму вашему Мальгину «Всемилостивѣйше пожаловалъ знакъ ордена Св. «Георгія, и сверхъ того пятьдесятъ рублей серебромъ денегъ. Г. Главнокомандующій, желая познакомиться съ отличнымъ воиномъ, поручилъ мнѣ «доставить Мальгину сто рублей ассигнаціями, при«чемъ и моя денежка не щербата: подружите и меня «съ симъ Русскимъ Геркулесомъ, и вручите ему «слѣдующіе при семъ пятьдесятъ рублей.»

Послѣ этого нельзя не согласиться со словами Кремнева: Я люблю штыкъ, и потому, что его любилъ отецъ нашъ, Суворовъ, и потому особенно, онъ хорошъ и милъ, что рѣшителенъ. Какъ впустишь вершковъ пять врагу въ брюхо, такъ хоть бы у него между глазъ калена стрѣла улеглась, не бось, травы топтать не станетъ!

Неравно захотѣлъ бы кто спросить: А расказчикъ Свистуновъ какъ же спасся? — Онъ тотъ самый, что за заборомъ остался.

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ.

ПИСЬМО ВЪ ПАРИЖЪ,

КЪ ЯКОВУ НИКОЛАЕВИЧУ

ТОЛСТОМУ.

=

— Вы по прежнему любите отечественную Словесность; вы прилежно ею занимаетесь. Это увидѣлъ я на оберткѣ Журнала: Europe Littéraire: тамъ сказано, что вы взялись сообщить его Издателямъ *Обозрѣніе Русской Литературы.* Я увѣренъ, что вы исполните это намѣреніе достойнымъ сего предмета образомъ, и будете способствовать къ проясненію нынѣшнихъ Французскихъ понятій о нашемъ отечествѣ; но такъ, какъ, вѣроятно, не всѣ Русскія произведенія до васъ доходятъ, то я и полагаю, что нѣкоторыя подробности о нынѣшнемъ состояніи нашего литературнаго міра будутъ вамъ неизлишни, а можетъ быть и пріятны. Надѣюсь, что вы не оставите отплатить за это взаимностію; надѣюсь, что вы сообщите намъ извѣстія изъ того круга, въ которомъ живете нѣсколько лѣтъ. Любопытно было бы намъ узнать нѣкоторыя подробности о нынѣшнихъ герояхъ Французской Словесности: опишите намъ Ламартина, Делавиня, Гюго, Нодье, Дюмаса, Мериме, Герцогиню Абрантскую, Жанена, Бальзака; снимите маску съ Библіофила Жакоба и Мишеля-Ремона. Я не могу служить вамъ такимъ

обиліемъ матеріаловъ и лицъ, но мои извѣстія, конечно, будутъ доступны вашему сердцу: я буду говорить о Россіи и о Русскихъ. Напрасно думаютъ, что любовь къ отечеству (разумѣется, въ человѣкѣ совершеннолѣтнемъ) ослабляется удаленіемъ изъ отечества. Напротивъ: предметы, отдаленные отъ насъ *пространствомъ*, дѣйствуютъ на насъ такъже, какъ минувшіе во *времени:* вдали исчезаютъ мелкіе ихъ недостатки; они представляются уму и воображенію нашему въ цѣломъ своемъ объемѣ, въ видѣ совершенномъ; они дѣйствуютъ на душу только хорошими, такъ сказать, *каздвыми* своими сторонами. И это благородное чувство должно загладить въ вашихъ глазахъ скудость моего предмета. Скажу правду: наша Литература еще не достигла той степени, на которой всякому доброму патріоту желалось бы ее видѣть. У насъ еще нѣтъ собственнаго міра литературнаго. Рѣдкіе занимаются у насъ Литературою исключительно, и для самой Литературы. Молодые люди, еще не разочарованные въ своихъ школьныхъ вѣрованіяхъ и мечтаніяхъ, вышедъ въ свѣтъ, испытываютъ свои силы; но, не имѣвъ на первомъ шагу блистательнаго успѣха, упадаютъ духомъ, жалуются на равнодушіе и безвкусіе читающей Русской публики, и большею частію посвящаютъ труды свои службѣ: ея награды существеннѣе и достаются скорѣе. Другіе изъ сихъ раненыхъ подвижниковъ вступаютъ въ когорту, не письменной, но словесной оппозиціи, браня все, всѣхъ и каждаго. Потребны необыкновенная твердость духа, пламенная страсть къ Словесности, безотчетная любовь къ Наукамъ и Искусствамъ, чтобъ долго, не говорю: всегда, трудиться на семъ поприщѣ, усѣянномъ волчцемъ и терніемъ. Потребно Поэту и Литератору сильное чувство исполненія своего долга, чтобъ насладиться наградою за свои пожертвованія

и успѣхи. Подите въ свѣтъ съ вашею душею, съ вашими твореніями – тамъ васъ не знаютъ. Вамъ скажутъ два, три привѣтствія, изъ которыхъ увидите, что полу-Русскій комплиментеръ не читалъ вашихъ твореній, и хвалитъ васъ наобумъ. Послушайте сужденій и похвалъ ступенью ниже. Васъ хвалятъ въ лице за тѣ мѣста въ сочиненіи вашемъ, которыя вы хотѣли бы навсегда уничтожить и въ книгѣ и въ памяти своей, а тѣ мысли, тѣ картины, тѣ чувства, которыя сотворены, рождены вами въ свѣтлыя минуты вдохновенія, съ которыми вы всю жизнь носились, какъ раковина съ драгоцѣнною жемчужиною – онѣ проскользнули по гладкой поверхности лакированныхъ Китайскихъ уродцевъ! Изрѣдка, невзначай Поэты Русскіе слышатъ отголоски своихъ пѣсней; – изъ какого нибудь темнаго, отдаленнаго уголка отзовется: понимаю, чувствую! И этотъ одинокій голосъ, иногда одна мысль, что, *можетъ-быть*, такой голосъ гдѣ-то раздастся–вотъ что должно питать у насъ чувство, воображеніе и талантъ. Какъ послѣ этого не позавидовать Литераторамъ другихъ странъ, которые дѣйствуютъ во услышаніе всему отечеству своему, которымъ рукоплещутъ изъ ложъ, изъ партера и–изъ райка: ибо кто знаетъ, куда заберется истинная Критика, равно какъ и истинный талантъ! Впрочемъ, въ пользу сихъ опасныхъ совмѣстниковъ, должно сказать и то, что они покупаютъ свои успѣхи, свои лавры тяжкимъ трудомъ, долговременнымъ ученіемъ, неутомимымъ прилежаніемъ, пожертвованіемъ здоровья, иногда и самой жизни. А мы, грѣшные, трудимся, какъ тѣ изъ нашихъ фабрикантовъ, которые снабжаютъ своими легкими и ломкими произведеніями рынки Азіятскіе: сойдетъ-де и такъ съ рукъ! Мы еще не занимались Литературою порядочно, серіозно, постоянно, какъ дѣломъ важнымъ, отече-

ственнымъ. Мы играемъ въ Словесность, какъ въ кегли. Не удалось, надоѣло: пойдемъ въ Департаментъ.

Съ недавняго только времени занятія Литературою начали давать у насъ выгоды существенныя, то есть, денежныя. Еще не далеки тѣ времена, когда напечатать книгу или предпринять изданіе Журнала значило задолжать въ типографію и въ бумажную лавку. Нынѣ постоянное занятіе по какой либо части Словесности и Наукъ непремѣнно принесетъ и вѣрную прибыль. Это важно для успѣховъ Литературы. Странно, что у насъ считаютъ вещію – не то чтобъ неблагородною или непозволительною – а какъ-то неловкою, трудиться по Наукамъ или Словесности *изъ платы*. Да кто въ свѣтѣ трудится безъ возмездія? И полководецъ и министръ, и прелатъ и банкиръ, получаютъ плату за труды свои, плату честную и благородную, если она пріобрѣтена по мѣрѣ прямыхъ заслугъ! – Установленіемъ вѣрной, соразмѣрной съ трудами выгоды за постоянныя занятія Словесностію и Науками составится у насъ собственное сословіе Ученыхъ и Литераторовъ, коихъ вся жизнь будетъ посвящена обработыванію какого либо предмета, важнаго вообще для человѣчества или для отчизны въ особенности. По мѣрѣ распространенія любви къ чтенію и къ занятію Науками, родится и уваженіе къ Ученому и къ Литератору, какъ къ человѣку и гражданину; перестанутъ спрашивать: что онъ, Коллежскій или еще Надворный? или: какъ можно дать Владимірскій крестъ чиновнику 14-го класса, который побѣдилъ талантомъ Камучини и Жерара! – Правительство наше дѣлаетъ все возможное, чтобъ создать, возвысить, обезпечить истинно благородное сословіе производителей во всѣхъ родахъ. Намъ

должно понять его намѣренія, и встрѣтить ихъ исполненіемъ на половинѣ пути!

Вотъ, почтеннѣйшій Яковъ Николаевичъ, наши недостатки, наши жалобы, наши желанія и надежды. Но вы не того отъ меня ожидаете: вы хотите отчета въ новѣйшихъ Русскихъ произведеніяхъ. Извольте: напишу, что знаю и что могу. Прошу только, послѣ сказаннаго, не жаловаться на скудость матеріаловъ моего отчета, и не требовать у меня той строгости сужденій, къ которой вы привыкли въ своемъ Парижскомъ водоворотѣ. Бѣдные не смѣютъ быть слишкомъ разборчивыми. Между тѣмъ, если *количествомъ* нашихъ произведеній мы не можемъ установить курса Русскому уму на Европейской биржѣ, то *качествомъ* нѣкоторыхъ нашъ участокъ не во многомъ уступитъ трудамъ вашихъ Ротшильдовъ Литературы.

Первыя мѣста въ числѣ дѣйствующихъ нашихъ Поэтовъ занимаютъ Крыловъ и Пушкинъ. Жаль, что къ нимъ нельзя приложить рецепта Репетилова:

Писать, писать, писать!

Крыловъ изрѣдка выдаетъ свои новыя Басни. Пять было напечатано въ *Новосельѣ*. Надѣемся, что и Библіотека для Чтенія будетъ украшаться ими. Крыловъ, какъ человѣкъ умный, не довѣряетъ самъ себѣ, и на старости боится славы Архіепископа Гренадскаго. Мнѣ кажется, что это опасеніе напрасное. Не говоря о поэтическомъ талантѣ его, который ни мало не увялъ съ лѣтами, замѣтимъ, что и самый родъ его стихотвореній менѣе другихъ подверженъ вліянію лѣтъ. Воображеніе, чувство, пламя лирическое могутъ потухнуть съ лѣтами, но свѣтская

наблюдательность, умъ, прелесть разсказа не ветшаютъ въ человѣкѣ съ дарованіемъ.

Пушкинъ, Протей въ Словесности, своенравный, прихотливый, какъ сама Поэзія, *игралъ* въ этомъ году однѣ прелюдіи, капризы. Мы ждали увертюры, ждали чего нибудь бо̀льшаго, важнѣйшаго, но не дождались, и, подобно Султану Мустафѣ, восхищавшемуся настройкою инструментовъ своей капелліи, повторяли: и это хорошо! и это мило! – Къ Пушкину, болѣе нежели къ кому нибудь другому, можно отнести сказанное нами объ участи нашихъ Поэтовъ. О немъ будутъ говорить: онъ былъ въ свѣтѣ, и свѣтъ его не понялъ.

Въ нынѣшнемъ году появились двѣ оригинальныя Русскія Трагедіи: *Торквато Тассо,* сочиненіе *Нестора Васильевича Кукольника,* названная имъ Драматическою Фантазіею, и *Россія и Баторій,* Историческая Драма *Барона Егора Ѳедоровича Розена.* Сіи два произведенія должны обратить на себя все вниманіе любителей Литературы, особенно первое. Тассъ, человѣкъ двухъ міровъ, великій, возвышенный, безсмертный въ мірѣ духовномъ, и слабый, ничтожный, сумасбродный въ глазахъ людей міра земнаго, представляетъ лице истинно поэтическое, созданное для Драмы. Нашъ юный Поэтъ удачно воспользовался характеромъ и судьбою пѣвца Іерусалима, и представилъ намъ въ своей фантазіи не именно историческаго Тасса, а вообще Поэта, чуждаго гостя въ здѣшнемъ свѣтѣ, окруживъ его тѣми лицами и обстоятельствами, которыми судьба какъ бы съ умысломъ окружила своего любимца и страдальца. Вся Трагедія сія преисполнена красотъ, но лучшія сцены въ ней суть: бесѣда Тасса съ геніемъ своимъ въ темницѣ, и кончина его въ вѣнцѣ Капитолій-

скомъ. – Трагедія сія не была представлена на Театрѣ, и, какъ мнѣ кажется, Авторъ ничего не потерялъ при этомъ. Идеальность, піитическая возвышенность предмета его Драмы, несовмѣстна съ дѣйствительностію, осязаемостью, которой требуетъ *зрѣлищная* публика. Я увѣренъ, что *наши* зрители, увидѣвъ, въ первой сценѣ, что Тасса въ домѣ его сестры принимаютъ за безумнаго, расхохотались бы, какъ въ *Горѣ отъ ума,* когда прославляютъ сумасшедшимъ Чацкаго на балѣ; увѣренъ, что не поняли бы и сцены сумасшедшихъ, въ которой сокрыто высокое значеніе. – Историческая Драма Барона Розена отличается другимъ достоинствомъ: это поэтизированная картина Русскаго быта въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Онъ взялъ удивительные характеры того времени: Іоанна, Бѣльскаго, Годунова, Баторія, Замойскаго, Курбскаго; срисовалъ ихъ, по возможности, придалъ къ нимъ еще нѣсколько лицъ, счастливо придуманныхъ и созданныхъ (таковъ, напримѣръ, Царевичъ Іоаннъ, котораго мы не можемъ разгадать въ прозаической Исторіи), заставилъ ихъ дѣйствовать въ ихъ кругу, на ихъ поприщѣ. Въ сей Драмѣ достоинъ преимущественнаго вниманія *языкъ* дѣйствующихъ лицъ. Авторъ отбросилъ стѣснительные, условные законы приличія, благородства, нѣжности выраженій: онъ беретъ слова, которыя, по его мнѣнію, ближе, короче, сильнѣе выражаютъ мысль и чувство, располагаетъ ихъ по Русскому народному синтаксису, и производитъ симъ эфектъ удивительный. Можно сказать, онъ *ломаетъ* языкъ (иногда и не совсѣмъ удачно), но какъ, *не поломавшись*, и освободиться отъ оковъ, наложенныхъ на прежній языкъ драматическій и правилами Буало, и примѣромъ Сумарокова, и привычкою въ Семинаріяхъ и Канцеляріяхъ! Честь и слава младому витязю! Онъ ринулся на фалангу

фальшиваго классицизма, какъ Арнольдъ Винкельридъ на мѣдную стѣну враговъ. Летите за нимъ вслѣдъ, молодые Поэты, и довершите побѣду истины и Природы надъ ложными правилами и неестественностью! Впрочемъ должно сказать, что Драма Б. Р., *какъ Драма,* не выдержала бы строгой Критики, если бъ въ ней не были выведены на сцену лица, важныя для насъ историческимъ своимъ значеніемъ: дѣйствіе и интересъ Драмы въ ней двоятся, между Москвою и Псковомъ.

Третіе поэтическое произведеніе нынѣшняго года есть умилительное завѣщаніе таланта, увядшаго на зарѣ жизни. Императорская Россійская Академія напечатала стихотворныя произведенія дѣвицы *Елисаветы Кульманъ*, скончавшейся 19 Ноября 1825 года, на осьмнадцатомъ году отъ рожденія. Жизнь и труды ея представляютъ намъ удивительную картину борьбы выспреннихъ душевныхъ силъ съ облекающимъ ихъ земнымъ тлѣніемъ. Дѣвица Кульманъ основательно знала почти всѣ новые Европейскіе языки, Латинскій и Греческій: любимымъ ея занятіемъ были переводы древнихъ классиковъ и подражанія симъ великимъ образцамъ. *Кончивъ* жизнь свою въ томъ возрастѣ, когда другіе едва *начинаютъ* учиться, она показала изумленному свѣту, что̀ могла бы сдѣлать, если бъ судьба даровала ей еще нѣсколько лѣтъ существованія на земли, для полнаго развитія рѣдкаго поэтическаго дарованія. Святость памяти такой души удерживаетъ перо Критика.

Въ нынѣшнемъ же году изданы стихотворенія молодаго Поэта *Языкова*, порывы пламенной души, поэтическаго созерцанія, выраженные прекраснѣйшимъ языкомъ, но, по мнѣнію моему, слишкомъ единообразные вымысломъ. *Иванъ Ивановичъ Ко-*

зловъ, котораго жизнь явила намъ великій примѣръ утѣшенія, какое доставляютъ человѣку занятія Поэзіею среди самыхъ тяжкихъ лишеній и страданій, также напечаталъ особою книжкою свои мелкія стихотворенія, разсѣянныя дотолѣ по разнымъ Журналамъ и Альманахамъ. Звуки пѣсней сего Поэта суть не искусственныя рулады или блистательныя варіаціи виртуоза на драгоцѣнномъ роялѣ: это стоны, исторгаемые изъ гармоники или Эоловой арфы!

Перейдемъ къ новымъ твореніямъ въ прозѣ. Первое мѣсто въ числѣ ихъ, и по времени выхода въ нынѣшнемъ году, и по внутреннему достоинству, принадлежитъ *Русскимъ Повѣстямъ и Разсказамъ Марлинскаго.* Рѣшительно можно сказать, что сей Писатель сталъ на первой степени нашихъ Прозаиковъ. Вымыселъ, изложеніе, разсказъ, рѣзкія и новыя мысли, прекрасные характеры, великолѣпныя картины Природы, трогательныя и комическія сцены общественной жизни, и свѣтскій умъ, и пламенное чувство, и острая насмѣшливость, и умилительное уныніе души—сверхъ того строжайшая отчетливость въ описаніи мѣстностей и особенностей разныхъ странъ, сословій, занятій — все это составляетъ достоинство сихъ повѣствованій. Автора упрекаютъ въ излишнемъ остроуміи, въ неестественности и принужденности нѣкоторыхъ его сравненій и описаній. Это, можетъ-быть, справедливо тамъ, гдѣ онъ описываетъ жизнь обыкновенную, свѣтскую, *гостинную;* но можно ли сдѣлать ему сей упрекъ въ Амалатъ-бекѣ, въ Красномъ покрывалѣ, въ картинахъ морской жизни и военнаго быта, въ письмѣ къ Доктору Эрману? Недавно читалъ я въ Journal des Débats рецензію на переводъ Русскихъ Повѣстей (Les Conteurs Russes), напечатанный въ Парижѣ. Нашихъ писателей упрекаютъ въ недостаткѣ оригинальности.

Но что сказали бы ваши Аристархи, если бъ могли прочитать нѣкоторыя Повѣсти Марлинскаго? Впрочемъ, разумѣется, что и переводу надлежало бъ быть сколько нибудь достойнымъ подлинника. Въ этихъ же Conteurs Russes, слова. «*Мишка! разбойникъ, подай свѣчей!* * переведены: Michinka, fils de chien, apporteras tu des lumières! съ ученою выноскою, что fils de chien, говорится по-Русски: soukine syne, и съ отмѣткою: C'est une apellation fort commune, usitée dans les rapports du maître et des domestiques en Russie. Вотъ какъ насъ переводятъ, и по этимъ переводамъ судятъ о Русской Литературѣ, о Русскомъ умѣ!

Другой писатель, пріятнымъ образомъ изумившій въ нынѣшнемъ году Русскую читающую публику, есть *Баронъ Брамбеусъ*. Вы спрашиваете: откуда взялся этотъ Баронъ? Изъ Русской сказки о Францылѣ Венеціянѣ, начинающейся слѣдующими словами: «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ былъ Шпанскій Король, Баронъ Брамбеусъ.» Довольно ли? Первые опыты Барона Брамбеуса напечатаны были въ Новосельѣ. Недавно вышли его *Фантастическія Путешествія,* геніяльное произведеніе необыкновеннаго ума и оригинальнаго воображенія. Мысли, картины, изложеніе–все въ сихъ Повѣстяхъ поражаетъ читателя новостью и необычайностію. Жаль, что мѣстами проскакиваютъ выраженія, неодобряемыя нашимъ цѣломудреннымъ и чопорнымъ вкусомъ. On est très chaste ici aux oreilles – говаривалъ Сенъ-Моръ, когда ему толковали о неприличности чтенія нѣкоторыхъ Французскихъ стихотвореній на его вечерахъ. Что дѣлать? Выраженія, которыя во Франціи слушаетъ, не краснѣя, всякая благовоспитанная дѣвица, у насъ

* Въ статьѣ Булгарина: *Судья по выборамъ.*

привели бы въ замѣшательство и опытную повивальную бабушку.

Изъ Романовъ конченъ въ нынѣшнемъ году изданіемъ четвертаго тома (и напечатанъ вторымъ, исправленнымъ тисненіемъ) *Послѣдній Новикъ,* Г. *Лажечникова,* занимательный по содержанію, по дѣйствующимъ въ немъ лицамъ, но слишкомъ *подражательный* Вальтеру Скотту – во всемъ, кромѣ слога. – *Кощей Безсмертный,* Г. *Вельтмана,* есть удачный опытъ употребленія старинныхъ Русскихъ сказокъ, преданій, повѣрій, поговорокъ и другихъ обломковъ любезной старины. Въ семъ Романѣ есть прекраснѣйшіе эпизоды, но въ цѣломъ нѣтъ ни внутренней, ни наружной связи, и герой Романа, пошлый дуракъ, не можетъ возбудить участія. – На сихъ дняхъ отпечатается Романъ *Мазепа,* соч. *Ѳ. В. Булгарина,* въ которомъ очень близко и живо изображенъ бытъ Малороссійскихъ удальцовъ стараго времени, и дѣла ихъ съ Ляхами и Москалями. – *Камчадалка,* Романъ Г. *Калашникова,* достоинъ вниманія по точному изображенію обычаевъ, нравовъ и нѣкоторыхъ происшествій Камчатки. – Въ нынѣшнемъ же году перепечатанъ Романъ *Семейство Холмскихъ.* Если вы хотите узнать его содержаніе, купите, въ Парижѣ, переведенный съ Англійскаго Романъ: Le Pour et le Contre, прибавьте къ нему нѣсколько нашихъ національныхъ сценъ, въ которыхъ играютъ роль взятки, карты, ерофеичъ, и т. п. – и будете имѣть то, что мы читали подъ именемъ произведенія Россійскаго. Должно впрочемъ сказать, что слогъ сего подражанія легкій, чистый, пріятный, и заморскія происшествія и лица передѣланы въ немъ на Русскій ладъ очень искусно.

Изъ числа Повѣстей, выходящихъ дюжинами, дол-

жно отличить Повѣсти Казака *Луганскаго: Нападеніе въ расплохъ*, и *Цыганка*. Обѣ написаны прекрасно; но послѣдняя отличается особеннымъ характеромъ мѣстности Молдаванской: *Кассандра* есть прекраснѣйшее созданіе Поэта!

Заключу обозрѣніе достопамятныхъ явленій нашей національной Литературы сочиненіемъ Генералъ-Лейтенанта *Ивана Никитича Скобелева: Подарокъ товарищамъ, или Переписка Русскихъ солдатъ*. Вы вѣрно читали, и съ удовольствіемъ, повѣствованіе Французскаго солдата о жизни Наполеона (въ Europe Littéraire и въ Médecin de Campagne), Бальзака? У насъ есть такое же, или еще лучшее произведеніе въ семъ родѣ: это упомянутая мною Переписка. Книга сія есть не подражаніе, не *поддѣлка* подъ солдатскій слогъ—а просто истинный солдатскій разсказъ, со всѣми повѣрьями, преданіями, прибаутками и оригинальными выраженіями Русскаго воина. Сверхъ того, подъ видомъ разсказа, изложены въ этой Перепискѣ всѣ обязанности солдата, какъ человѣка и воина. Это, по истинѣ, первая у насъ народная книга.

По части Исторіи должно упомянуть о двухъ книгахъ: 1. *Сочиненія Князя Курбскаго*, изданныя Г. *Устряловымъ*, и 2. *Изслѣдованіе Уложенія Царя Алексѣя Михайловича*, *Вл. М. Строева*. — Г. *Полевой* издалъ четвертый томъ *Исторіи Русскаго Народа*. О сихъ книгахъ не довольно краткихъ замѣчаній: о нихъ должно или просто упомянуть, или распространиться на нѣсколькихъ страницахъ: избираю первое.

Должно замѣтить, что почти всѣ исчисленныя мною новыя книги (именно: кромѣ Романовъ *Послѣдній Новикъ*, *Кощей* и *Семейство Холмскихъ*)

вышли въ С. Петербургѣ. Это замѣчаніе касается до литературной Статистики *внѣшней*. Относительно же *внутренняго* характера нынѣшней нашей Словесности, замѣчательно бореніе, происходящее въ языкѣ. Приращеніе Литературы нашей въ разныхъ родахъ, опыты нашихъ Стихотворцевъ и Прозаиковъ на путяхъ, донынѣ неизвѣданныхъ – все сіе способствуетъ къ обогащенію матеріальной и формальной части языка. Многія слова принимаютъ иное противъ прежняго значеніе, другія употребляются въ смыслѣ точнѣйшемъ или обширнѣйшемъ. Разные новые обороты получаютъ право гражданства; особенно, по сближеніи нашихъ писателей въ послѣднее время съ Литературою Германіи, водворились у насъ многія Нѣмецкія фразы, и къ нѣкоторымъ мы уже привыкли. Есть слова и выраженія *модныя,* безъ которыхъ нельзя показаться въ литературномъ свѣтѣ: таковы, напримѣръ, *проявленіе, жить жизнію,* и н. др. Очень забавенъ нашъ учено-ораторскій и дидактическій языкъ. Это какое-то натянутое, растянутое, надутое, взбитое разглагольствіе, котораго ни слушатели, ни самъ ораторъ безъ помощи лексикона и комментарій понять не могутъ. Округленные, раскрашенные періоды слѣдуютъ одинъ за другимъ, въ симметрическомъ порядкѣ, какъ разноцвѣтные фонари въ балетѣ Кіа-Кингъ, съ тою разницею, что внутри балетныхъ фонарей свѣча, а въ пузырныхъ періодахъ нѣтъ формально ничего. Я не называю никого, но совѣтую всякому вникнуть въ содержаніе нѣкоторыхъ нашихъ новомодныхъ рѣчей, произносимыхъ иногда предъ многочисленнымъ собраніемъ. А что говоритъ собраніе? Прислушивается, зѣваетъ, морщится, не понимаетъ, но стыдясь въ этомъ признаться, и приписывая непостигаемость сію не безтолковщинѣ оратора, а своему тупоумію–восхищается и рукоплещетъ.

Если я не ошибаюсь, нашей Словесности, нашей Поэзіи и Прозѣ, въ непродолжительномъ времени предстоятъ перемѣны, и самыя счастливыя. Изъ среды молодыхъ питомцевъ Музъ возникнутъ самостоятельные Писатели, и вознесутъ нашу Литературу и Исторію на высшую степень. Сія мысль волновала и радовала меня, когда я, въ нынѣшнемъ году, въ Москвѣ, посѣщалъ аудиторіи тамошняго Университета, видѣлъ на лекціяхъ И. И. Давыдова слишкомъ двѣсти человѣкъ, молодыхъ, благородныхъ, благовоспитанныхъ людей, жаждущихъ просвѣщенія; видѣлъ у М. П. Погодина труды учениковъ его по историческому классу, между прочимъ переводы превосходнѣйшихъ Историковъ новаго времени. И я увѣренъ, что обогащеніе, преобразованіе, расширеніе языка нашего должно произойти изъ Москвы, колыбели Русскаго просвѣщенія.

Я говорю вамъ только о собственной *Словесности* Русской. Если бъ я вздумалъ дать вамъ отчетъ въ движеніи Наукъ и просвѣщенія въ Россіи вообще, то далеко вышелъ бы за предѣлы моего письма. Эта часть идетъ у насъ быстрыми шагами: въ Кіевѣ учреждается новый Университетъ Св. Владиміра; С. Петербургскій обогащается новыми, достойными Профессорами; Главный Педагогическій Институтъ въ непродолжительномъ времени выпуститъ значительное число молодыхъ, основательно обученныхъ, отлично образованныхъ кандидатовъ, для занятія учительскихъ должностей; въ Дерптскомъ Университетѣ окончили курсъ двадцать два человѣка воспитанниковъ такъ называемаго Профессорскаго Института, и почти всѣ они удостоены степени докторской. Нынѣ отправились они въ чужіе краи, для довершенія своего ученаго образованія, и потомъ займутъ должности Профессоровъ. Въ Ми-

нистерствѣ Просвѣщенія начинается съ Новаго года изданіе Журнала для распространенія свѣдѣній о трудахъ и успѣхахъ по сей важной отрасли Государственнаго Управленія; Ученыя Записки издаются Университетами Московскимъ и Дерптскимъ. Въ С. Петербургѣ приступаютъ къ постройкѣ Обсерваторіи, которая будетъ снабжена превосходнѣйшими инструментами. – Воспитаніе юношества въ Военно-Учебныхъ заведеніяхъ также болѣе и болѣе идетъ къ совершенству. Военная Академія и офицерскіе классы Морскаго Корпуса, Инженернаго и Артиллерійскаго Училищъ и Института Корпуса Путей Сообщенія, ежегодно умножаютъ число истинно образованныхъ, ученыхъ офицеровъ. Воспитательные институты Министерства Финансовъ, общеполезные Журналы, издаваемые по сему вѣдомству, равномѣрно споспѣшествуютъ къ распространенію познаній въ Наукахъ Математическихъ, Естественныхъ и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что сіи успѣхи въ познаніяхъ положительныхъ будутъ имѣть благое дѣйствіе и на Словесность, драгоцѣннѣйшее достояніе націи. Науки можно переманить, пересадить изъ странъ просвѣщенныхъ; но отечественный языкъ, Словесность, Исторія воздѣлываются только собственными руками народа, на почвѣ, усѣянной костьми великихъ предковъ, орошенной кровію и слезами исчезнувшихъ поколѣній, приготовившихъ своими трудами, подвигами и страданіями нынѣшнее наше величіе, славу и благоденствіе.

Теперь сообщу вамъ нѣкоторыя извѣстія не о произведеніяхъ Словесности, а о производителяхъ: вамъ конечно любопытно будетъ знать, что у насъ готовится и на будущее время.

Несторы С. Петербургской нашей Словесности,

А. С. Шишковъ и *Графъ Д. И. Хвостовъ,* съ усердіемъ продолжаютъ прежнія, любимыя свои занятія: Александръ Семеновичъ трудится надъ изслѣдованіемъ корней Славянскихъ, а Графъ Дмитрій Ивановичъ ударяетъ въ струны своей лиры при каждомъ достопримѣчательномъ случаѣ.

Въ Москвѣ былъ я у *И. И. Дмитріева:* онъ живетъ, какъ мудрецъ, узнавшій міръ и суеты его, не въ совершенномъ уединеніи, и не въ свѣтскомъ шумѣ,—въ тихой части города, въ прекрасномъ домѣ, окруженномъ густымъ садомъ; стѣны его комнатъ украшены изящнѣйшими гравюрами, напоминающими или великихъ людей, или важныя происшествія Исторіи, или же представляющими образцовыя произведенія Искусства. За столомъ его провелъ я нѣсколько пріятнѣйшихъ *Аѳинскихъ* часовъ въ обществѣ Литераторовъ, которыми онъ окружаетъ себя, питая донынѣ страстную любовь къ Литературѣ, занимаясь всѣми ея произведеніями, принимая къ сердцу всѣ ея событія и явленія.

И. А. Крыловъ, по прежнему, проводитъ утро, занимаясь своею должностью Главнаго Библіотекаря Русскаго Отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки, обѣдаетъ въ Англійскомъ клобѣ, и тамъ просиживаетъ вечеръ, невольно собирая вокругъ себя кружокъ всего, что есть умнаго, грамотнаго и толковаго въ семъ разнообразномъ обществѣ.

В. А. Жуковскій, изнуренный безпрерывными трудами по своей должности, былъ очень нездоровъ въ прошедшемъ году: по совѣту Врачей, отправился онъ на Югъ; провелъ зиму въ полуденной Швейцаріи, въ мѣстѣ, закрытомъ отъ жестокаго дыханія Сѣвера, и нынѣ воротился, совершенно оправившись и со-

бравшись съ новыми силами. Я душевно обрадовался, увидѣвъ его недавно въ Театрѣ: онъ помолодѣлъ нѣсколькими годами. Отдыхая, за границею, занимался онъ Поэзіею: произведенія его досуга будутъ печататься въ Библіотекѣ для Чтенія. Здѣсь онъ не имѣетъ времени дѣятельно заниматься Литературою: чувствуя всю важность, всю святость своей должности, онъ жертвуетъ ей всѣмъ своимъ временемъ. Такъ и должно.

А. С. Пушкинъ, во второй половинѣ сего, года ѣздилъ въ Оренбургъ, для собранія на мѣстѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній, нужныхъ для его *историческаго* труда. Между тѣмъ написалъ онъ, какъ я слышалъ, три новыя Поэмы и нѣсколько мелкихъ стихотвореній.

Кн. П. А. Вяземскій, неусыпно занимаясь службою (онъ служитъ Вице-Директоромъ Департамента Внѣшней Торговли), не оставляетъ и Литературы. Нынѣ, слышалъ я, кончилъ онъ подробную Біографію фонъ-Визина. Въ альманахахъ встрѣчаются его мелкія стихотворенія.

Князь А. А. Шаховской, по прежнему, усердно и пламенно трудится для Русскаго Театра; но нынѣшнія его произведенія не могутъ сравниться съ прежними. Если вы хотите, въ нихъ болѣе основанія историческаго и философическаго, но не этого требуется въ Драмѣ. Занимательность сюжета, отчетливость въ изображеніи характеровъ, быстрота дѣйствія – ничѣмъ замѣнены быть не могутъ. Онъ написалъ нѣсколько Повѣстей, заимствованныхъ изъ Русскаго быта въ началѣ и въ срединѣ XVIII-го вѣка, и намѣренъ издать ихъ подъ названіемъ Русскаго Декамерона. Предпріятіе, которому мы желаемъ скораго исполненія! Наша старина исчезаетъ

по мѣрѣ удаленія ея дѣйствователей со сцены, и у внучатъ остаются одни темныя преданія, искаженныя перескащиками. Если бъ у насъ были Записки временъ Анны Іоанновны и Елисаветъ Петровны! Мы припоминаемъ себѣ разсказы стариковъ, какъ сонъ, развѣянный утреннею зарею. О временахъ Екатерины II-й многое помнитъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, и разсказываетъ съ восхитительною истиною и простотою. Кто не пожелаетъ, чтобъ онъ сохранилъ свои воспоминанія на бумагѣ! Записки его времени были бы драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для Исторіи!

М. Н. Загоскинъ, управляющій нынѣ Московскимъ Театромъ, продолжаетъ заниматься сочиненіемъ Русскихъ своихъ Романовъ. На сихъ дняхъ выйдетъ новое его произведеніе: *Аскольдова могила.* По моему мнѣнію, въ его Романахъ первенствуетъ интересъ драматическій. Что можетъ сравниться свѣжестью, замысловатостью, естественностію, съ его описаніемъ перехода чрезъ Волгу, покрытую льдомъ (въ Юріи Милославскомъ), и съ бесѣдою ямщиковъ Завидовскихъ (въ Рославлевѣ)!

Ѳ. В. Булгаринъ, живущій почти весь годъ въ прекрасномъ своемъ помѣстьѣ, Карловѣ, подлѣ самаго Дерпта, написалъ два новые Романа: *Мазепа* и *Чухинъ.* О первомъ я говорилъ выше; послѣдняго я еще не читалъ.

Поговариваютъ еще о другихъ новыхъ Романахъ *И. И. Лажечникова, Вл. И. Панаева* и др. Въ Сынѣ Отечества 1852 года напечатаны были два отрывка изъ одного новаго Романа, сочиненнаго дамою: они обратили на себя общее вниманіе близостью къ Природѣ, прелестью слога. Ждали продолженія,

но его не было. Говорятъ, что сочинительница принуждена была болѣзнію отказаться отъ довершенія своего труда. Крайне жаль!

Вы, можетъ-быть, наконецъ спросите, чѣмъ занимаюсь я самъ. Тошно сказать, а нельзя умолчать! Жизнь редактора *ежедневной* газеты тонетъ въ *ежедневности*. У меня, какъ говоритъ Кутейкинъ, всякое утро разцвѣтетъ, и погибнетъ. Думаю: вотъ завтра поутру я напишу то и то; постараюсь кончить это. Завтра наступаетъ. Но пришла почта: разбирай Дона Педра и Дона Мигеля, скучай надъ длинными колоннами безтолковыхъ толковъ; повторяй, въ простотѣ сердечной, выдумки и лжи. Кончилъ! Дай займусь дѣломъ. Шасть факторъ: «*Оригиналу* не хватило: пожалуйте вершка на полтора.» —Вотъ тебѣ предлинная статья о просвѣщеніи Турціи. — «Мѣста не будетъ, Н. И.! Не прикажете ли постѣснить Францію!» — Изволь, только оставь меня въ покоѣ.» — Я опять за перо: *Глава шестая*..... несутъ корректуру Пчелы: все брось, и въ продолженіе двухъ часовъ выправляй грѣхи полутрезвыхъ наборщиковъ! Это не выдумка: такъ бываетъ ежедневно, съ небольшими варіаціями. Въ мгновенные антракты моей журнальной траги-комедіи, дописываю Романъ, начатый за три года предъ симъ, и занимаюсь исправленіемъ моей Грамматики для новаго ея изданія.

Говоря о томъ, что *есть*, что *будетъ*, чего надѣемся и чего ожидаемъ, долженъ я упомянуть и о томъ, что *было* и *прошло*, оставивъ по себѣ добрую память; долженъ упомянуть о Литераторахъ Русскихъ, окончившихъ въ прошломъ году земное поприще.

Въ истекшемъ году скончались Члены Россійской Академіи *Николай Ивановичъ Гнѣдичъ* (3-го Февраля) и *Иванъ Ивановичъ Мартыновъ* (20-го Октября), и Литераторъ *Орестъ Михайловичъ Сомовъ* (27-го Мая).

Не знаю, были ли вы знакомы съ Гнѣдичемъ; но если знали его хоть сколько нибудь, то оцѣните всю важность нашей потери. Сей мужъ правды и добра, основательно ученый, исполненный поэтическаго таланта, трудолюбивый писатель, усердный сынъ отечества, оставилъ въ сердцахъ нашихъ неизгладимую временемъ память. Одаренный отъ Природы пламенною душею и пылкимъ воображеніемъ, онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ началъ испытывать свои силы и способности въ занятіяхъ Словесностію, и плѣнясь безсмертными красотами Гомера, посвятилъ всю свою жизнь преложенію этого отца Греческой Поэзіи на Русскій языкъ достойнымъ его образомъ. Онъ воскресилъ и усыновилъ въ Русскомъ стихосложеніи величественный экзаметръ, обезславленный бездарнымъ Тредьяковскимъ. Кончивъ сей великій трудъ при рукоплесканіяхъ соотечественниковъ, онъ собралъ и издалъ отдѣльныя стихотворенія, написанныя имъ въ промежуткахъ важнаго своего подвига, и отдавъ такимъ образомъ отчетъ своему отечеству въ жизни и дѣлахъ своихъ, сошелъ во мракъ могилы съ твердостью мудреца и вѣрою Христіанина. Не могу вамъ выразить горести нашей при потерѣ сего необыкновеннаго человѣка. Онъ имѣлъ тонкій и разборчивый вкусъ, былъ нѣженъ и чувствителенъ ко всему великому и прекрасному, напитанъ чтеніемъ и изученіемъ великихъ образцевъ Древности, былъ не только превосходнымъ писателемъ, но въ то же время и самымъ строгимъ и самымъ пріятнымъ критикомъ. Многіе наши писатели заимствовались и руководствовались его сужденіями. Домъ его былъ пріютомъ благородной и изящной простоты, тишины, кроткихъ бесѣдъ и дружескихъ изліяній. Страдавъ нѣсколько лѣтъ жестокою болѣзнію, онъ сдѣлался нетерпѣливъ, угрюмъ, причудливъ; но въ бесѣдѣ друже-

ской, въ разсужденіяхъ и толкахъ о Наукахъ, о Словесности, о друзьяхъ, мрачныя тучи исчезали на лицѣ его, взоръ прояснялся, улыбка возвращалась на уста, и прекрасная душа являлась во всей своей прелести. Я видѣлъ его въ послѣдній разъ ровно за годъ предъ симъ, въ день его и моихъ имянинъ. Бесѣда началась усерднымъ съ моей стороны поздравленіемъ и вопросомъ о его здоровьѣ. Онъ сталъ описывать мнѣ свои мученія, жаловаться на медленность, съ какою идетъ его (мнимое) выздоровленіе. Я постарался, при первой возможности, обратить разговоръ въ другую сторону: рѣчь зашла о Словесности. Мы стали толковать о новыхъ произведеніяхъ, о новыхъ ожиданіяхъ и надеждахъ. Я, по его желанію, разсказалъ ему планъ моего новаго Романа. Участіе, удовольствіе, одобреніе изобразились на лицѣ его; забыты были и кашель, и судороги, и безсонныя ночи, и безотрадные дни страданій. Бесѣду нашу прервалъ врачъ, лечившій его по новомодной системѣ. Я вышелъ, обѣщавъ навѣстить его какъ можно скорѣе. На другой день, узнавъ, что съ нимъ сдѣлался ужаснѣйшій припадокъ, я убѣдилъ *моего* врача, основывающаго методу леченія на здравомъ смыслѣ и вѣковѣчномъ опытѣ, посмотрѣть несчастнаго страдальца и облегчить его мученія; но уже было поздно. Онъ угасъ чрезъ нѣсколько недѣль. Я едва засталъ его въ живыхъ, и только успѣлъ подписаться свидѣтелемъ подъ его духовнымъ завѣщаніемъ, въ которомъ выразились все благородство, вся возвышенность его души: онъ обезпечилъ судьбу племянника, сына родной, любимой сестры; отдалъ отборную библіотеку свою въ пользу Полтавской Гимназіи, гдѣ получилъ воспитаніе, и завѣщалъ значительную сумму на исправленіе церкви, въ которой пріялъ Св. крещеніе.

Иванъ Ивановичъ Мартыновъ оказалъ важныя услу-

ги Литературѣ и вообще просвѣщенію въ Россіи. Онъ былъ употребленъ Графомъ П. В. Завадовскимъ при начальномъ образованіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, и принималъ самое дѣятельное участіе въ семъ важномъ подвигѣ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ до конца жизни онъ не преставалъ заниматься Словесностью и Науками; издавалъ разные Журналы (Муза, 1796; Сѣверный Вѣстникъ, 1804 – 1806; Лицей, 1807 – 1808); перевелъ сочиненіе Лонгина и творенія многихъ Греческихъ Классиковъ, издалъ нѣсколько книгъ о Ботаникѣ, и въ послѣдніе годы своей жизни трудился надъ Грамматикою Русскою.

Ореста Михайловича Сомова вы знали. Онъ отличался, въ Словесности нашей, не блистательными творческими талантами и геніальными произведеніями, но основательными познаніями и большою дѣятельностію. Онъ былъ безспорно изъ лучшихъ переводчиковъ нашихъ (если не лучшій) съ Французскаго и Италіянскаго языковъ. Сомовъ, почти одинъ изъ писателей нашихъ, былъ Литераторъ и дѣломъ, и званіемъ, что у васъ, во Франціи, называется homme de lettres. Онъ нигдѣ не служилъ и занимался только литературными трудами. Безпрерывныя письменныя работы, не по вкусу и не повыбору, а по необходимости и по требованію другихъ, отвлекли его отъ самостоятельныхъ произведеній, потемнили его воображеніе, изсушили тѣлесныя силы, разстроили здоровье, и въ цвѣтѣ лѣтъ низвели въ могилу. Потеря его весьма чувствительна въ нашей Литературѣ, скудной толковыми и знающими тружениками. Качествами сердца, услужливостью, кротостью, привязанностью къ друзьямъ, Сомовъ оставилъ добрую по себѣ память.

6 Декабря 1833. **Н. ГРЕЧЪ.**

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЕРСТЪ БОЖІЙ.

ПОВѢСТЬ МИШЕЛЬ-РЕМОНА *.

Пріятная теплота, таинственный, благовонный полумракъ царствовали въ уборной, въ которой сидѣла Адріана де Версень. Одной рукой играла она

[1] Мишель Ремонъ, Michel Raymond, составляетъ одно изъ знаменитѣйшихъ литературныхъ именъ такъ называемой Юной Франціи. Названіе это вымышлено: оно замѣняетъ имена трехъ молодыхъ писателей, Брюгеръ, Гозланъ и Массонъ которые сочиняютъ вмѣстѣ, и издаютъ свои сочиненія подъ этою фирмою. Успѣхъ Романа ихъ Les Intimes и Повѣстей Les contes de l'attelier пріобрѣлъ ей лестную извѣстность, покрайней мѣрѣ между обожателями господствующей нынѣ во Франціи новой литературной школы, которая впрочемъ совсѣмъ не новая. Повѣсть, которую сообщаемъ здѣсь нашимъ читателямъ взята изъ послѣдняго ихъ сочиненія, вышедшаго подъ фирмою Мишель-Ремонъ. Она по мнѣнію нашему, лучшая во всей книгѣ: прочія повѣсти или не занимательны, или слишкомъ отвратительны, что для пламенныхъ обожателей этой школы составляетъ тоже красоту. Повесьма уважительнымъ причинамъ мы рѣшились навсегда лишить нашихъ читателей красотъ подобнаго рода, и избирать для нихъ такія, которыя не

съ собакою, другую предоставила въ распоряженіе молодаго человѣка во Французскомъ платьѣ, сидѣвшаго подлѣ нея въ креслахъ, и между-тѣмъ, улыбаясь, чтобы показать прелестные свои зубы, слушала разсказы франтика аббата. Горничная убирала ей голову, вплетая въ напудренные волосы алмазныя и жемчужныя нитки.

— Не говорите мнѣ объ немъ, любезный д'Омбреваль, сказалъ аббатъ: Дюбуа человѣкъ неслыханный; ему такъже пристало быть Архіепископомъ, какъ вамъ или мнѣ; я, право, не знаю, крещенъ-ли онъ, и знаетъ-ли онъ хоть первую строчку Катихизиса. Онъ бы, я думаю, и не погнался за митрою, если бы не такъ трудно было достать ее; но какъ тутъ встрѣтились препятствія, то онъ ужъ, вѣрно, подведетъ золотой мостикъ подъ ноги Папы.

— Скажите, пожалуйте, аббатъ, какимъ образомъ сегодня вмѣшали въ это дѣло мое имя?

— Самымъ страннымъ образомъ. Вы знаете этого безрукаго, который всегда проситъ милостыни въ церковной оградѣ, и котораго народъ такъ уважаетъ за его вдохновенную физіономію, за его постничество и за то, что онъ говоритъ правду въ глаза всякому.

оскорбляютъ ни здраваго смысла, ни благородныхъ чувствъ. Само собою разумѣется, что въ этой повѣсти также сокращено или выпущено все, что въ подлинникѣ служитъ только къ увеличенію числа страницъ, а не достоинства статьи. Это не переводъ многорѣчія Мишель Ремона, но повѣсть его по-Русски. Дѣйствіе происходитъ во время малолѣтства Лудовика XV, когда Герцогъ Орлеанскій управлялъ Королевствомъ съ титуломъ Регента, и извѣстный Аббатъ Дюбуа, облеченный званіемъ и почти визирскою властію Перваго Министра, потрясалъ Францію и Европу для своего честолюбія. Аббатъ въ то время не былъ еще Кардиналомъ: онъ добивался только Архіепископскаго сана.

– То есть за его непостижимую наглость. Вы знаете, что я принужденъ былъ засадить его въ тюрьму. Что жъ далѣе?

– Этотъ святоша, отъ котораго всѣ торговки въ восхищеніи, и котораго одинъ Совѣтникъ въ Парламентѣ..... Какъ его зовутъ, сударыня? Онъ мужъ вашей короткой пріятельницы.

– Монтиньи?

– Да, да, Монтиньи. Онъ всякой день посѣщаетъ нищаго въ тюрьмѣ. Безрукій – у него нѣтъ другаго имени, – Безрукій бросилъ палку подъ ноги Дюбуа.

– Забавный соперникъ!

– Если не соперникъ, то по крайней мѣрѣ, препятствіе. Папѣ совсѣмъ не хотѣлось бы поссориться съ правою рукою Регента; но, не любя Дюбуа, онъ медлитъ, и ко всему привязывается. И по-этому онъ радъ всякой скверной исторіи. Развѣ д'Омбреваль не разсказывалъ вамъ, съ чего началось это дѣло? Безрукій, по нѣжному состраданію къ мошенникамъ, вздумалъ выпросить прощеніе какимъ-то разбойникамъ, которыхъ велѣно было колесовать. Онъ не разъ приставалъ и къ Г-жѣ Параберъ, и къ самому Герцогу Орлеанскому, но напрасно. Въ день казни онъ возмутилъ всѣхъ своихъ приверженцевъ; они остановили карету Дюбуа, и начали его упрашивать. Дюбуа отказалъ, и они насказали ему жестокихъ истинъ. Сцена была ужасная! Внѣ себя отъ бѣшенства, разруганный въ пухъ, закиданный грязью, Дюбуа похожъ былъ на чорта, а не на аббата, когда возвратился домой, полуоглушенный воплями народа. Онъ бранился, ругался за цѣлый рынокъ, и рѣшился поставить на своемъ. Д'Омбреваль, по своей обязанности, засадилъ Безрукаго въ тюрьму, разогнавъ цѣлый эскадронъ богомолокъ, которыя соста-

вляютъ почетную стражу этого нищаго. Вы можете вообразить, что онѣ употребляютъ всевозможныя средства для его освобожденія.

— И Святой Отецъ, Папа, ходатайствуетъ за этого человѣка?

— Да, для того, чтобы сдѣлать непріятность Дюбуа. Онъ писалъ къ нему, что человѣкъ, который скоро будетъ Архіепископомъ, долженъ подавать примѣръ Христіанскаго смиренія, и совѣтуетъ ему не забывать, что прощеніе обидъ есть первая Христіанская добродѣтель. Дюбуа не хочетъ оставить Папѣ ни малѣйшаго предлога. Чтобы какъ нибудь извиниться, онъ вздумалъ свалить всю вину на васъ, д'Омбреваль. Хитрецъ предался при посланномъ отъ Папы порыву бѣшенства, которымъ онъ забавляетъ насъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ день. Съ пѣною у рта, призывалъ онъ меня въ свидѣтели своей кротости, царапалъ стѣны, бросалъ на полъ стулья, ломалъ себѣ руки и колотилъ людей. Я отрѣшу д'Омбреваля отъ должности! кричалъ онъ.

— Пустяки, аббатъ! Повѣрьте мнѣ, что я справлюсь съ этимъ арлекиномъ. Если онъ хочетъ разстроить Полицію для того, чтобы получить митру, то для кардинальской шапки готовъ будетъ разорить нѣсколько провинцій. Этого я не потерплю. Я не позволю ему дѣлать Папѣ такихъ важныхъ уступокъ.

— Я почелъ нужнымъ предувѣдомить васъ, д'Омбреваль, а тамъ какъ хотите; это ваше дѣло.

— Я уже это обдѣлаю; но теперь поговоримъ о дѣлахъ Адріаны, и, ради Бога, ни слова болѣе ни о нищемъ, ни объ Архіепископѣ: они оба мнѣ жестоко надоѣли.

— Что дѣлать! они вездѣ мѣшаются, даже и въ процессъ Г-жи де Версень. Совѣтникъ Монтиньи покро-

вительствуетъ не только нищему, но и вашему дядюшкѣ, сударыня. Онъ безпрерывно ходитъ, то въ Шатле къ нищему, то въ Бастилію къ Г. де Версеню. Монтиньи выдаетъ себя за защитника всѣхъ угнетенныхъ. Вашъ дражайшій дядюшка и опекунъ послалъ за нимъ, и двери Бастиліи отворились. Я боюсь, чтобы онъ посредствомъ Монтиньи не разшевелилъ всѣхъ тяжелыхъ парламентскихъ головъ. Право, любезный д'Омбреваль, я не постигаю, можно какъ пускать въ государственную тюрьму людей, каковъ Монтиньи.

– А законы, любезный аббатъ?

– Законы, д'Омбреваль! Я говорю дѣло, а вы шутите! Развѣ вы хотите дать Г. де Версеню возможность еще угнетать свою питомицу? Законы! Вы говорите, какъ мятежникъ!

– Не забудьте, любезный другъ, что этотъ гонитель подъ замкомъ.

– Оно очень хорошо; и я бы это давно сдѣлалъ. Вы знаете мои совѣты и мои усилія у Регента; но вы отвергали мои совѣты, а Регентъ всего боится. Кто жъ знаетъ! – можетъ быть, теперь уже извѣстно убѣжище нашей милой Адріаны. Право, сударыня, такъ какъ вы нѣкогда были знакомы съ женою этого Монтиньи, то вамъ не худо бы возобновить это знакомство и подружиться съ самимъ Совѣтникомъ: вѣдь онъ будетъ вашимъ судьею. Жена расположитъ въ вашу пользу мужа, а мужъ своихъ товарищей. Если одинъ только Г. де Версень будетъ жаловаться, не мудрено, что его почтутъ правымъ. Пусть онъ будетъ Протестантомъ, если ужъ это позволяется, но чтобы онъ не смѣлъ говорить противъ васъ. Кстати, сегодня вечеромъ вы получите позволеніе дебютировать на Оперномъ театрѣ; это прекрасное убѣжище, въ которомъ можно смѣяться надъ всѣмъ.

– Согласенъ-ли ты на это, д'Омбреваль? спросила Адріана.

Маркизъ поцѣловалъ хорошенькую ручку, которую ему протянули.

– Позволеніе дебютировать на театрѣ избавитъ васъ отъ необходимости итти въ монастырь. По данной театру привилегіи, вы тогда совершенно свободны. Я не законникъ, да это и не мое дѣло: я человѣкъ государственный; но мнѣ кажется, что процессъ вашъ такимъ образомъ самъ собою оканчивается. Опекунъ не имѣетъ уже надъ вами ни какой власти, потому, что вы принадлежите тогда Королю, и находитесь подъ его покровительствомъ. Г. де Версень можетъ только оттягать ваше имѣніе посредствомъ Парламента, такъ вамъ надобно подружиться съ Парламентомъ.

– Вы, аббатъ, поѣдете со мною къ Монтиньи.

– Очень радъ.

– Я ужъ, конечно, не поѣду съ тобою! сказалъ д'Омбреваль. Ты знаешь, что я съ Монтиньи не большой пріятель.

Маленькій негръ явился въ дверяхъ уборной, и сдѣлалъ знакъ. Д'Омбреваль поправилъ шпагу, поклонился и съ досадой вышелъ.

=

Человѣкъ въ простомъ фракѣ, безъ пудры и безъ шпаги, стоялъ у входа въ садъ. Когда Маркизъ показался на лѣстницѣ, этотъ человѣкъ принялъ видъ провинившагося подчиненнаго; но въ его кроткомъ взглядѣ, въ его покорномъ положеніи, проглядывала

хитрость. Д'Омбреваль, молча, указалъ ему на открытую аллею, и войдя туда, сказалъ:

— Какъ ты смѣешь, Кретьенъ, отыскивать меня здѣсь? Развѣ ты уже и за мной присматриваешь?

— Виноватъ: я хотѣлъ сообщить вамъ втайнѣ вашъ же секретъ.

— Очень пріятно видѣть, что ты знаешь мои секреты.

— Я по должности знаю многое, между прочимъ и то, что написано въ этомъ письмѣ, которое велѣлъ мнѣ отдать вамъ секретарь аббата Дюбуа; онъ проситъ васъ приказать мнѣ выбросить изъ тюрьмы одного нищаго, котораго я засадилъ туда, недѣль съ семь назадъ.

— Только? спросилъ д'Омбреваль, смотря въ письмо.

— Нѣтъ; будущій Архіепископъ свалилъ всю вину на васъ, и извиняется въ этой лжи, необходимой по видамъ его политики. Такъ, кажется?

— Да.

— Наконецъ, онъ дружески совѣтуетъ вамъ поручить какому нибудь смышленому человѣку поразвѣдать о прежней жизни Безрукаго. Я человѣкъ смышленый: позвольте мнѣ взяться за это дѣло.

— Ты очень скроменъ.

— Я лучше другаго могу разгадать эту загадку. Я уже знаю кое что объ немъ.

— Что жъ ты знаешь?

— Ничего, впрочемъ, чрезвычайнаго. Безрукій не заслуживаетъ ни благословеній, ни проклятій, и мнѣ кажется, что онъ въ рукахъ толпы только музыкальный инструментъ, изъ котораго она извлекаетъ звуки, какіе умѣетъ.

— Сдѣлай милость, не распространяйся.

— Его блѣдное лице, его изнуренное тѣло, его нечесаная борода, доказываютъ, что онъ хочетъ выдать себя за преступника, котораго совѣсть сбирается родить раскаяніе. Сверхъ того, онъ наказываетъ себя разными добрыми дѣлами. Никто не думаетъ, чтобы онъ собиралъ милостыню для самого себя, и эта странность возбуждаетъ общественную щедрость. Онъ не дуракъ: онъ часто подаетъ добрые совѣты, и этого уже довольно, чтобы окружить его шумнымъ суевѣріемъ. Вы знаете, что онъ всегда проситъ прощенія приговореннымъ къ смерти, полагая, что у людей всего легче выпросить человѣческую голову; но ему часто не удается. Тогда онъ идетъ съ преступникомъ до самой висѣлицы, увѣщеваетъ его, утѣшаетъ, и даже помощниковъ палача растрогиваетъ до слезъ. Не мудрено, что послѣ этого ему уступаютъ въ церковныхъ хорахъ первое мѣсто, тотчасъ за духовенствомъ. Это порождаетъ безчисленныя сказки. У него есть свои почитатели и враги. Послѣдніе клянутся, что дьяволъ приноситъ ему проклятыя сокровища: они сами видѣли этого дьявола. Первые утверждаютъ, что ангелъ вытаскиваетъ для него изъ моря богатства претерпѣвшихъ кораблекрушеніе: они сами видѣли этого ангела. Я, грѣшный человѣкъ, не видалъ ни того, ни другаго. Я думаю, что онъ только отдаетъ бѣднымъ то, что ему подаютъ: хорошее средство получать болѣе. Во время пожаровъ въ окрестностяхъ, города одни обвиняли его въ поджогахъ; другіе говорили, что онъ, подвергая жизнь свою опасности, спасъ многихъ несчастныхъ. Дѣло въ томъ, что онъ всю ночь бродитъ по улицамъ; онъ не спитъ и двухъ часовъ въ сутки, и часто, замѣтивъ пожаръ, первый производитъ тревогу. Въ одномъ мѣстѣ говорятъ, что онъ крадетъ дѣтей, въ другомъ, что онъ призираетъ ихъ, какъ Винцентъ де Поль. Онъ дѣйствительно снесъ въ богадѣльню

многихъ дѣтей, оставленныхъ на улицѣ: это и со мной случалось, но меня никто не прославлялъ. Его называютъ и мошенникомъ, и человѣкомъ чистѣйшихъ правилъ, потому, что онъ продаетъ четки, и съ разрѣшенія Святаго Отца, Папы, благословляетъ разныя бездѣлки. Я знаю только то, что Г. де Ноаль былъ весьма доволенъ лоскуткомъ пергамена, который онъ принесъ ему, и на которомъ я, черезъ плечо его, увидѣлъ печать Римской канцеляріи. Наконецъ одни говорятъ, что онъ атаманъ разбойниковъ, другіе считаютъ его талисманомъ города Парижа. Правда, что разные кающіеся лакеи возвращали черезъ него украденныя вещи. Съ мелкими людьми это случается. Онъ совѣтовалъ разнымъ чудакамъ, выходя изъ дому взять можетъ быть, съ собою оружіе, чтобы избавиться отъ опасности, вымышленной. Пользоваться благодарностію трусовъ, дѣло не преступное. Его имя, его происхожденіе, его лѣта подаютъ поводъ ко множеству нелѣпыхъ предположеній: онъ Хамъ, онъ Странствующій Жидъ. Онъ знаетъ всѣ языки, но я ихъ не знаю, и потому не присягну въ справедливости этого показанія. По нѣкоторымъ его привычкамъ догадываются, что онъ воспитывался въ Италіи. Онъ читаетъ будущее въ стаканѣ мутной воды: секретъ прекрасный. Онъ далъ нѣсколькимъ служанкамъ, умершимъ въ госпиталѣ, вѣрные билеты на тайныя лотереи Нѣмецкихъ жидовъ: не худо бы добыть ихъ побольше, чтобы подорвать эти лотереи. Онъ еще составляетъ какое-то питье, для стариковъ, чтобы женщины въ нихъ влюблялись: онъ бы сдѣлался милліонщикомъ, если бы завелъ порядочную лабораторію для приготовленія этого питья. Вы можете вообразить, что я ничему этому не вѣрю. Но вотъ чудо, за которое я ручаюсь, и котораго понять никакъ не могу: онъ одержалъ побѣду надъ скупостію величайшаго скряги, самаго сухаго,

самаго бездушнаго человѣка въ мірѣ. Когда Безрукій сидѣлъ еще въ оградѣ, а не въ тюрьмѣ, Совѣтникъ Монтиньи всякой день проходилъ мимо его, и, не останавливаясь, не подымая головы, бросалъ ему въ шляпу луидоръ. Меня удивляетъ не луидоръ, хотя Совѣтникъ выдаетъ себя за бѣднѣйшаго Члена Парламента, но подаяніе. Г. де Монтиньи, уличенный въ человѣколюбіи!..... не разъ, а всякой день!..... Всѣ нищіе разинули бы ротъ отъ удивленія, услышавъ, что этотъ человѣкъ оказался виновнымъ въ щедрости, да еще въ какой щедрости! О, я разгадаю эту загадку, хоть бы для этого надобно было отнять у Безрукаго писанную исповѣдь, которую онъ всегда носитъ на груди, и это, право, стоитъ, чтобы я сей часъ же принялся за дѣло.

— Все это въ самомъ дѣлѣ довольно странно, Кретьенъ, и я очень радъ, что узналъ всѣ эти подробности.

— Поговоривъ наединѣ со шпіономъ, отвѣчалъ Кретьенъ, вынимая изъ кармана бумагу, перо и чернилицу, всегда чему нибудь научишься.

Д'Омбреваль улыбнулся, и подписалъ приказъ объ освобожденіи Безрукаго.

Полицейскій агентъ поклонился чуть не до земли, и когда начальникъ его взошелъ на лѣстницу, они сдѣлали другъ другу таинственный знакъ, и шпіонъ Кретьенъ, и Полицеймейстеръ д'Омбреваль исчезли.

═

Въ это время въ окрестностяхъ Собора были узкія, кривыя улицы, пресѣкаемыя по мѣстамъ садами,

извѣстными хозяевамъ дома, да птицамъ небеснымъ. Въ одномъ изъ этихъ садовъ сидѣла женщина лѣтъ двадцати пяти, хорошенькая, но съ блѣднымъ и задумчивымъ лицемъ; двое дѣтей близнецовъ, мальчикъ и дѣвочка, стояли, облокотившись на ея колѣни, и съ напряженнымъ вниманіемъ слушали Робинсона Крузе, котораго читала имъ мать; забытыя игрушки лежали на полу.

Вдругъ входитъ старая служанка, ведя молодую прелестную даму, которая шла подъ руку съ аббатомъ. Хозяйка встала, и, какъ бы вспоминая что-то, оставалась въ недоумѣніи.— Адріана! Онорина!—вскричали онѣ обѣ вмѣстѣ. Онѣ долго, рыдая, обнимались. Аббатъ, приличнымъ образомъ растроганный этою сценою, подчивалъ дѣтей конфектами.

Аббатъ, чувствуя, что онъ лишній между двумя искренними пріятельницами, которыя давно не видались, сказалъ, что онъ совсѣмъ забылъ было съѣздить къ Первому Министру, который его ожидаетъ, и, заплативъ дань приторныхъ учтивостей, отправился на гулянье.

— Какъ ты выросла, какъ ты похорошѣла, милая Адріана; и сколько происшествій съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались!

— Этому уже шесть лѣтъ, Онорина. Вотъ ты уже за мужемъ, и у тебя два ангельчика; а я побилась бы объ закладъ, что выйду прежде тебя: ты, вѣдь, всегда хотѣла итти въ монастырь. Но скажи, ради Бога, куда вы это забились! можно ли жить въ этакой глуши?

— Мой мужъ такъ занятъ!..... Притомъ же мы не богаты.....

— О, мы его передѣлаемъ, и заставимъ жить съ людьми. Какъ можно заживо похоронить себя? Но разскажи же мнѣ, какъ это ты рѣшилась выйти замужъ?

— Ты помнишь, что, разставшись съ тобою въ Эврё, я поѣхала жить къ старой моей тетушкѣ, въ замокъ Кералланъ, въ Бретаніи, на мысѣ, далеко вдающемся въ море. Это было настоящее орлиное гнѣздо на вершинѣ скалы. Въ бурю волны, казалось, хотѣли сорвать его, чтобы похоронить въ морѣ. Густой лѣсъ каштановъ совершенно отдѣлялъ нашъ мысъ отъ твердой земли. Я скоро привыкла къ этому дикому жилищу, и даже поздоровѣла тамъ, потому, что морской воздухъ приносилъ мнѣ пользу. Впрочемъ Кералланъ не всегда былъ такъ уединенъ: нѣкогда рыбаки жили цѣлымъ селеніемъ у подошвы скалы, на которой стоитъ замокъ. Но мало по малу селеніе опустѣло: жителей разогнало, какъ мнѣ говорили, суевѣріе. По ночамъ имъ видѣлись на рифѣ блуждающіе огни, на которые какъ бы отвѣчали другіе огоньки, зажженные по островамъ, разсѣяннымъ близъ берега; имъ слышались выстрѣлы; они находили иногда поруганные кресты, или тѣла людей, неизвѣстно кѣмъ и какъ убитыхъ. Тетушка смѣялась надъ этими разсказами; но какъ бы то ни было, а селеніе опустѣло, и на берегу остался жить одинъ только священникъ, который надѣялся ободрить другихъ своимъ примѣромъ. Я ничего не боялась, но спокойствіе мое скоро было разрушено. Однажды, въ темную осеннюю ночь, тетушка сдѣлалась опасно больна и потребовала своего духовника. Привыкнувъ гулять по берегу во всякое время, я оставила съ нею служанку ея, Терезу, которую она любила какъ дочь, а сама побѣжала за священникомъ. Возвращаться надобно было черезъ ровъ,

и потомъ по лѣстницѣ футовъ въ шестьдесятъ, продѣланной въ скалѣ Природою, и усовершенной рукою человѣка. Мы съ священникомъ бѣжали, потому, что облака совсѣмъ легли на море, вѣтеръ вырывался изъ подъ нихъ съ ужаснымъ свистомъ, и волны насъ догоняли. Вдругъ раздался выстрѣлъ; при блескѣ молніи явился въ двадцати шагахъ отъ насъ человѣкъ страшнаго вида; онъ бросился къ намъ, повергъ насъ на землю, и махалъ надъ нашими головами прикладомъ. Я закричала, и женскій мой голосъ остановилъ его; онъ взялъ фонарь свой, стоявшій на пескѣ, и посмотрѣлъ на насъ. Тутъ я увидѣла лице его, но оно было намазано порохомъ. Между тѣмъ, вдали, раздавались удары, не похожіе на громовые, и крики, не имѣющіе ничего общаго съ крикомъ морскихъ птицъ. Я догадалась, что мы въ рукахъ разбойниковъ, и уже считала себя погибшею. Но злодѣй увидѣлъ на шеѣ священника серебряный крестъ, и набожность, удивительная въ такомъ человѣкѣ, удержала его отъ новаго преступленія. Онъ заставилъ насъ поклясться на этомъ крестѣ не сказывать никому о нашей встрѣчѣ, и взялъ его себѣ. Потомъ онъ позволилъ намъ итти, и скрылся въ темнотѣ. Я бы не разсказала тебѣ этого, если бы обстоятельства не разрѣшили меня отъ клятвы. Не знаю, говорилъ ли кому священникъ объ этомъ происшествіи, или по другимъ какимъ либо причинамъ, но онъ уже съ тѣхъ поръ не возвращался въ свой домъ, а по берегу, особенно въ бурное время, стали ходить сильные отряды войска. Тутъ я узнала объ одномъ преступленіи, которому прежде не хотѣла бы вѣрить. Мнѣ сказывали, что на берегу и по ближайшимъ островамъ жили люди, которые, пользуясь бурею, обманывали пловцовъ ложными сигналами, наводили ихъ на скалы и грабили претерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Съ тѣхъ поръ прошло съ

полгода. Въ Кералланѣ все было спокойно. Губернаторъ нашей провинціи объяснилъ тетушкѣ, отъ чего опустѣло селеніе, стоявшее на берегу: но чего было искать разбойникамъ въ нашемъ орлиномъ гнѣздѣ! Мы ничего не боялись, и вели прежнюю, тихую, однообразную жизнь. Однажды, Тереза прибѣжала сказать мнѣ, что какой-то незнакомецъ пріѣхалъ верхомъ на эспланаду замка, по тропинкѣ, ведущей къ Брестской дорогѣ, и что онъ хочетъ говорить съ хозяйкою. Я вышла къ нему, и ввела его къ тетушкѣ, которая лежала въ постелѣ. Не распространяясь въ учтивостяхъ, онъ сказалъ: – Сударыня! я Монтиньи; вы, можетъ быть, слышали это имя. Я жилъ съ батюшкою въ Америкѣ, и возвратился во Францію, чтобы собрать наслѣдство нашей фамиліи, изъ которой остался въ живыхъ одинъ я. Буря выбросила меня на этотъ берегъ, и я бы безъ сомнѣнія погибъ, если бъ одинъ разбойникъ не сжалился надо мною. Товарищи его перерѣзали всѣхъ пассажировъ нашего корабля, но мнѣ помогъ онъ убѣжать. Благодарность моя, золото и отвращеніе къ гнусному своему ремеслу, привязали ко мнѣ этого человѣка. Я живу въ Брестѣ; на дняхъ онъ разсказалъ мнѣ, что вамъ угрожаетъ опасность. Не пугайтесь: я пріѣхалъ раздѣлить ее съ вами. Двое солдатъ прійдутъ сюда въ рыбацкомъ платьѣ. Больше нельзя провести, чтобы разбойники не догадались о нашемъ намѣреніи, да и не нужно: я знаю и число разбойниковъ, и планъ ихъ атаки, и за все отвѣчаю. Мы трое истребимъ ихъ всѣхъ до одного. Они хотятъ разорить замокъ, и перебить всѣхъ жителей за то, что племянница ваша не сдержала данной имъ клятвы, и сдѣлала ремесло ихъ чрезвычайно опаснымъ, потому, что теперь Губернаторъ за ними присматриваетъ. Они намѣреваются увѣнчать свои подвиги разрушеніемъ вашего замка, и потомъ на-

всегда отсюда удалиться. Я говорю вамъ правду, сударыня, прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія; но вы меня не знаете, и не обязаны мнѣ вѣрить. Вотъ бумаги, въ которыхъ вы найдете всѣ нужныя свѣдѣнія обо мнѣ и моей фамиліи. Прошу васъ покорнѣйше просмотрѣть ихъ. – Г. де Монтиньи вышелъ въ другую комнату, чтобы дать намъ время прочесть его бумаги. Онѣ были совершенно удовлетворительны. Я разсказала тетушкѣ происшествіе, случившееся со мною, и это заставило ее вѣрить словамъ Г. де Монтиньи. Она съ благодарностію приняла его предложеніе. Этотъ день былъ ужасенъ: мы находились на краю пропасти. Вечеромъ пришли оба рыбака: они приготовили ружья, раздѣлили между собою порохъ, завалили всѣ двери, сдѣлали даже родъ мины, чтобы поджечь ее въ случаѣ крайности; однимъ словомъ, приняли всѣ мѣры обороны. Эти приготовленія пугали тетушку. Она велѣла мнѣ и Терезѣ остаться съ нею въ верхней комнаткѣ, въ которую Монтиньи отнесъ ее. Чѣмъ болѣе приближалась ночь, тѣмъ усерднѣе мы молились; но по временамъ я уступала любопытству, которое меня мучило, взлѣзала къ высокому окну, и глядѣла на море. Однажды, я замѣтила, что отъ острова Бинниге отдѣлилась черная точка; она быстро приближалась къ берегу, и я увидѣла, что это большая лодка съ нѣсколькими гребцами. Они причалили и выскочили одинъ за другимъ на берегъ. Я болѣе ничего не видала. Ты можешь вообразить, что мы были ни живы, ни мертвы. Вдругъ раздались три выстрѣла, потомъ еще три, и наконецъ залпъ, который загрохоталъ въ ущельяхъ и пещерахъ, какъ будто старый Кералланъ повалился въ долину съ толстыми своими стѣнами и высокими башнями. Ноги подо мной подогнулись, и я едва слышала, какъ Монтиньи закричалъ: побѣда! Восемь окровавленныхъ

труповъ подняты были на узкой лѣстницѣ, продѣланной въ скалѣ. Ихъ побросали въ лодку, и пустили въ море. На другой день не оставалось ни какихъ слѣдовъ ночнаго кровопролитія, кромѣ гранита, изчерченнаго пулями. Между тѣмъ двое разбойниковъ спаслись; но одинъ изъ нихъ осмѣлился пристать въ ту же ночь къ острову Бинниге, и былъ застрѣленъ поставленною тамъ стражею. Другой, тотъ самый, который увѣдомилъ Монтиньи объ угрожавшей намъ опасности, пропалъ безъ вѣсти, и Монтиньи никогда не хотѣлъ сказать его имени. Ты можешь вообразить, съ какимъ чувствомъ мы принимали нашего избавителя. Чрезъ нѣсколько времени онъ предложилъ мнѣ свою руку, и мы были обвѣнчаны. Когда это происшествіе сдѣлалось гласнымъ, Министры покойнаго Короля осыпали моего мужа почестями. Богъ далъ намъ этихъ близнецовъ, и мужъ мой, заботясь объ ихъ будущности и скучая бездѣйствіемъ, рѣшился переселиться въ столицу. Теперь мы живемъ здѣсь тихо и спокойно. Мы не богаты, но мы оба любимъ уединеніе. Званіе Совѣтника удовлетворяетъ честолюбію моего мужа. Лишь бы Монтиньи и мои ангельчики, Станиславъ и Габріель, были здоровы, и ты, милая Адріана, по временамъ меня посѣщала, счастіе мое продлится до конца жизни; но я боюсь, чтобы оно не укоротило ея.

— Не думай этого, моя милая! отвѣчала Адріана съ выраженіемъ дружества. Эти мрачныя мысли мучатъ тебя отъ того, что ты живешь въ такомъ уединеніи. Тебѣ надобно познакомиться со свѣтомъ.

— Я, было, и хотѣла, но это не возможно. Я скажу тебѣ правду: мы очень небогаты; система Лава насъ разорила. Притомъ же Монтиньи человѣкъ характера нѣсколько угрюмаго, заботливаго и, кажется, ревнивъ.

Въ эту минуту въ дверяхъ комнаты явились два человѣка; одинъ изъ нихъ, небольшаго роста, сухощавый съ живыми и безпокойными глазами, съ блѣдно-желтымъ лицемъ и злобною улыбкою, въ шляпѣ и плащѣ, шелъ впереди знакомаго намъ аббата, который сердился на его неучтивость и смотрѣлъ на него съ презрѣніемъ.

– Давно ли ты знакома съ этимъ человѣкомъ, Онорина? сказалъ незнакомецъ, указывая на аббата. Онъ непремѣнно хотѣлъ видѣть Г-жу де Монтиньи.

Аббатъ смутился и хотѣлъ поправить свою ошибку.

– Ахъ!..... вы Г. де Монтиньи! очень радъ, что имѣю удовольствіе съ вами познакомиться. Прошу располагать мною. Я всегда уважалъ васъ. Извините, мнѣ не возможно было угадать, что это вы.

– Извиненія не нужны, сударь, отвѣчалъ Совѣтникъ, отступая, чтобы не пожать руки, которую аббатъ ему протягивалъ. Вы меня не знали, говорите вы, тѣмъ лучше: ничто такъ не безчеститъ человѣка, какъ знакомство съ нѣкотораго рода людьми. У насъ, провинціяльныхъ дворянъ, прежде знакомятся, сударь, съ мужемъ, а потомъ, съ женою, и не предлагаютъ своей дружбы незнакомымъ.

Монтиньи снялъ плащъ, который служанка поспѣшила принять; потомъ нагнулся къ дѣтямъ, и началъ ласкать ихъ.

Онорина подошла къ нему съ трепетомъ, и указала на свою пріятельницу. Монтиньи приподнялся.

– Монтиньи, сказала она, господинъ аббатъ пріѣхалъ за своею пріятельницею, дѣвицею Адріаною де Версень.

Насмѣшливая улыбка появилась на устахъ Совѣтника; онъ поклонился весьма небрежно, и сказалъ:

– Г-жа де Версень!..... Я этого и ждалъ. Вы, вѣрно, пріѣхали хлопотать по вашему дѣлу. Это такъ водится. Правое дѣло не можетъ обойтись безъ искательствъ. Если какъ нибудь случится, что судья человѣкъ честный, его стараются умилостивить посредствомъ жены; если нѣтъ, то съ нимъ сдѣлаться не мудрено. Но я слышалъ, сударыня, что есть судьи, которые подобныя просьбы считаютъ обидами, особенно со стороны людей, которыхъ процессъ необходимо долженъ быть проигранъ, если только въ свѣтѣ есть нравственность. Ежели я, по несчастію, изъ числа этихъ людей?.... что вы объ этомъ думаете?.... Ты, вѣрно, уже знаешь, Онорина, почему твоя прелестная пріятельница вздумала почтить насъ своимъ присутствіемъ: она, вѣрно, уже разсказала тебѣ о посѣщеніяхъ, случившихся въ Эврё, и о своихъ покровителяхъ въ Парижѣ, но конечно нѣсколько прикрыла нѣкоторыя подробности, не совсѣмъ ловкія, когда женщина, какова Г-жа де Версень, ввѣряется доброй свой славѣ.

Во время этой жестокой выходки, холодный потъ выступилъ на челѣ, на щекахъ, на шеѣ Адріаны: она задыхалась. Наконецъ, собравшись съ силами, она отвѣчала дрожащимъ голосомъ:

– Я не понимаю, что вы хотите сказать, и ваши предположенія такъ неучтивы, что я не могу отвѣчать на нихъ; я пріѣхала не съ тѣмъ, чтобы просить васъ о моемъ дѣлѣ, или чтобы терпѣть отъ васъ оскорбленія. Жена ваша подала мнѣ о васъ совсѣмъ другое мнѣніе.

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, выводя васъ изъ заблужденія, я дѣлаю вамъ одолженіе. Кстати, аббатъ, вы такъ великодушно предлагали мнѣ свои услуги..... Сдѣлайте мнѣ одолженіе, одно, которое я могу принять отъ друга аббата Дюбуа. Отвезите Г-жу де Версень къ ея покровителю, Полицеймейстеру д'Омбревалю.

Этими словами кончилась сцена, непостижимая для Онорины. Монтиньи повернулся, и пошелъ съ дѣтьми въ садъ. Адріана пожала плечами; аббатъ, презрительно улыбнулся, и оба вышли въ величайшемъ смущеніи.

Монтиньи возвратился, и подошелъ къ женѣ, которая сидѣла въ креслахъ, безмолвная отъ изумленія.

— Эта сцена тебя удивляетъ? сказалъ онъ.

— Признаюсь! Ты не пріучилъ меня къ подобнымъ поступкамъ, и я не постигаю, чѣмъ заслужила моя пріятельница.....

— Стыдись называть ее своею пріятельницею! Ты ея не знаешь.....

Онъ вывелъ дѣтей въ другую комнату, и сѣлъ подлѣ жены.

— Ты знала Г-на де Версень; ты сама мнѣ говорила о благородствѣ его характера, объ отеческой его нѣжности къ племянницѣ. Но ты не знаешь, что эта женщина своимъ поведеніемъ сдѣлала его несчастнымъ, обезчестила его; ты не знаешь, что его наконецъ стали почитать сообщникомъ этой развратной твари..... Да, сообщникомъ: она сама, убѣгая изъ дома Г. де Версень, призналась, что она порочна, но утверждала, что развратилъ ее онъ. Для старика нѣтъ другаго средства защитить честь свою,

какъ обратиться къ суду. Онъ прибѣгнулъ къ этому оружію; но онъ погибнетъ: надъ нимъ станутъ смѣяться; у него много непріятелей, а она, молодая и хорошенькая женщина, она найдетъ тысячу покровителей. Я имѣю доказательства, что Регента уже не разъ просили заключить бѣднаго старика въ Бастилію. Для этого надобенъ былъ предлогъ: его выдали за проповѣдника Протестантской религіи, и подкупили свидѣтелей; но этотъ предлогъ показался Регенту недостаточнымъ. За то бѣднаго Версена преслѣдуютъ, мучатъ, терзаютъ: его наконецъ сведутъ съ ума. А она!.... Гдѣ, ты думаешь, она? Въ монастырѣ?.... Нѣтъ, она разъѣзжаетъ въ каретѣ, въ бриллiантахъ на головѣ, съ покровителемъ и аббатомъ по бокамъ: сдѣлавшись распутною, она перемѣнила религію. А знаешь ли ты, кто этотъ покровитель?.... Полицеймейстеръ д'Омбреваль. И онъ не любитъ ея, потому, что онъ ей платитъ. Но этого всего еще мало: я разскажу тебѣ поступокъ твоей пріятельницы, о которомъ предоставляю судить твоему материнскому сердцу. Въ Парижѣ есть заведенія, въ которыхъ содержатъ дѣтей, покинутыхъ своими родителями. У дѣвицы де Версенъ были дѣти, и — они въ этомъ домѣ.

═

Мѣсяца черезъ два послѣ того, Онорина сидѣла у окна и вышивала; Монтиньи читалъ записку по какому-то процессу, и дѣлалъ въ ней отмѣтки карандашемъ. Подлѣ него лежали бумаги и пара пистолетовъ. Служанка пришла сказать, что пріѣхалъ

д'Омбреваль. Маркизъ вошелъ, учтиво извиняясь, что обезпокоилъ Монтиньи.

— Прежде всего я долженъ просить васъ, чтобы вы не почитали меня врагомъ своимъ. Я противъ васъ ничего не имѣю, и пріѣхалъ просить васъ объ одномъ дѣлѣ. Я знаю, что вы назначены докладчикомъ пустаго процесса, въ которомъ впрочемъ я не принимаю ни какого участія; но я слышалъ, что вы хотите замѣшать меня въ это дѣло, а это для меня весьма непріятно.

— Понимаю; вы говорите о Г. Версенѣ, котораго два раза бросали въ Бастилію.

— Его сажали туда не даромъ: вы знаете, что онъ два раза покушался на жизнь своей племянницы. Въ Римѣ и въ Спартѣ отцы имѣли право убивать дѣтей своихъ; но это право никогда не распространялось на опекуновъ, которые должны отдавать отчетъ въ управленіи имѣніемъ своихъ питомцевъ. Впрочемъ, повторяю, что это дѣло ни сколько меня не интересуетъ, и я слишкомъ уважаю вашу супругу, чтобы оправдывать дѣвицу де Версенъ.

— Но за кого же хотѣли вы просить меня?

— Вы удивитесь. За одного бѣдняка, котораго вы знаете лучше, чѣмъ я, за Безрукаго.

Монтиньи быстро всталъ съ своего мѣста, отворилъ окно, и потомъ сѣлъ снова.

— Развѣ этотъ человѣкъ опять въ тюрьмѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ; но его хотятъ взять подъ стражу, и это теперь несравненно важнѣе, чѣмъ прежде, потому, что я знаю, кто онъ, и знаю причину вашего расположенія къ нему.

Совѣтникъ машинально протянулъ руку къ своимъ пистолетамъ, и смотрѣлъ прямо въ лице д'Омбревалю.

– По выговору этого бродяги мы догадались, что онъ долженъ быть Италіянецъ. Мы узнали, что въ Римѣ его почитали Венеціянцемъ, а въ Венеціи звали Маркомъ. Не такъ ли?

Совѣтникъ кивнулъ головою.

– Если бы я могъ вообразить себѣ, что эти подробности вамъ извѣстны, я бы къ вамъ пришелъ за справками.

Совѣтникъ спокойно растянулся въ своихъ креслахъ.

– Я узналъ, что онъ лѣтъ за восемь предъ симъ убѣжалъ изъ Венеціянской тюрьмы съ однимъ Жидомъ, который дѣлалъ фальшивую монету; что они оба поселились въ Бретаньи, что Маркъ набралъ тамъ шайку и производилъ грабежъ, а Жидъ, человѣкъ не храбрый, былъ укрывателемъ ихъ сокровищъ. Эту-то шайку вы съ такимъ мужествомъ истребили, и теперь принимаете участіе въ Безрукомъ, подаете ему милостыню и посѣщали его въ тюрьмѣ, изъ благодарности за то, что онъ спасъ вамъ жизнь.

Онорина вскричала: – Какъ, Монтиньи? Это тотъ самый нищій, который сидитъ въ оградѣ Соборной Церкви, и котораго дѣти наши такъ боятся!

На лицѣ Совѣтника изобразилось нетерпѣніе. Онорина замолчала. Д'Омбреваль продолжалъ:

– Вы можете сдѣлать Марку большое благодѣяніе. Кромѣ васъ и этого Жида, который еще живъ, никто не можетъ уличить его, потому, что шайка его

убивала всѣхъ ограбленныхъ, а вы истребили остальныхъ разбойниковъ. Жидъ у насъ въ рукахъ: очная ставка между ними могла бы открыть все дѣло, но, къ несчастію, онъ въ тюрьмѣ сошелъ съ ума. Между тѣмъ у нихъ должны быть брилліантовыя вещи, заказанныя Австрійскимъ Дворомъ Компаніи Амстердамскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ для Англійскаго Короля, Георгія I. Продать ихъ они не могли, потому, что эти камни слишкомъ извѣстны. Убѣдите Марка сказать, гдѣ они, и тогда, даю вамъ слово затушить все дѣло: за такое важное открытіе его можно будетъ простить. Одни вы можете убѣдить Марка объяснить это дѣло. Примите это на себя.

— А если Маркъ не знаетъ, гдѣ они?

— Быть можетъ; но ежели знаетъ, то вы легко можете убѣдить его объяснить все это, особенно намѣкнувъ на писаную исповѣдь, которую онъ всегда носитъ на груди. Онъ не разъ изъявлялъ желаніе, чтобы послѣ его смерти эта бумага отдана была нашему Архіепископу. Вы можете вообразить, что намъ не мудрено было бы заставить его прочесть ее въ судѣ; но мнѣ не хотѣлось бы прибѣгать къ этой крайности.

— Правда! сказалъ Монтиньи, съ безпокойствомъ прохаживаясь по комнатѣ. Я согласенъ!

— Когда же вы начнете?

— Завтра же. Дайте мнѣ только нужныя къ тому средства.

— Я самъ буду дѣлать, что вы прикажете. Но теперь, за мое снисхожденіе къ Марку, позвольте попросить вашего снисхожденія къ другой особѣ, не столь виновной. Дурное поведеніе молодой женщины имѣетъ свою хорошую сторону для многихъ; а вы согласитесь, что этого нельзя сказать о жизни

разбойника. Вы, я надѣюсь, не думаете, чтобы преступленіе было лучше порока.

Монтиньи нахмурилъ брови.

– О, я знаю, что нѣкоторыя души способнѣе къ пороку, чѣмъ къ преступленію!

– Я надѣюсь, что мнѣ прійдется сравнивать только вашу снисходительность съ моею.

Маркизъ возвратился къ Адріанѣ съ такимъ довольнымъ лицемъ, что при видѣ его, она вскричала:–О, я выиграла процессъ мой!

═

Вечеромъ этого дня, народъ выходилъ толпами изъ соборной церкви; Безрукій сидѣлъ на паперти, и собиралъ обильное подаяніе. Когда площадь опустѣла, къ нему подошла молодая женщина съ двумя дѣтьми, и всѣ трое бросились на колѣна.

– Благослови дѣтей моихъ, Маркъ! сказала молодая женщина.

– Какъ! вы знаете мое имя! прошепталъ нищій, трепеща отъ страха.

– О, это имя для меня священно! Ты спасъ жизнь ихъ отца и матери, отвѣчала Онорина, бросивъ къ небу взглядъ, исполненный благодарности.

– Ихъ отца!.... А, теперь я понимаю; но, ради Бога, не повторяйте этого.

Маркъ протянулъ изсохшую свою руку, чтобы погладить милыхъ малютокъ; но въ эту минуту взбѣжалъ на паперть Монтиньи; онъ бросилъ горсть монеты къ ногамъ Марка, схватилъ дѣтей за руки, и, не говоря ни слова, потащилъ ихъ домой.

— Совѣтникъ! закричалъ ему вслѣдъ нищій: Безрукій благословляетъ дѣтей твоихъ.

Возвратясь домой, Монтиньи долго ходилъ по комнатѣ, не говоря ни слова. Онорина плакала.

— Что ты сдѣлала, Онорина! сказалъ онъ наконецъ. Теперь Маркъ знаетъ, что имя его извѣстно не одному мнѣ, и онъ убѣжитъ. Завтра его уже здѣсь не увидятъ. Впрочемъ, прибавилъ онъ чрезъ нѣсколько времени, какая намъ до этого надобность! Будь спокойна, моя милая, и не сердись на меня.

Монтиньи ушелъ въ свою комнату, и, по своему обыкновенію, заперся на всю ночь, чтобы заниматься дѣлами.

═

Безрукій дѣйствительно уже не являлся болѣе на паперти соборной церкви. Въ народѣ шли толки: одни увѣряли, что святаго мужа извели его завистники, другіе, что онъ совершилъ какое нибудь преступленіе и взятъ Полиціею. По приказанію д'Омбреваля, въ квартирѣ Безрукаго сдѣланы были тщательныя разысканія, но тамъ не было ничего, кромѣ нѣсколькихъ духовныхъ книгъ, свинцовыхъ ме-

далей и креста. Наконецъ, тѣло Марка Венеціянина нашли на берегу Сены, близъ Аржантеля.

═

Д'Омбреваль воображалъ себѣ, что предложеніе его расположило Монтиньи въ пользу Адріаны, но онъ ошибся. Совѣтникъ, докладывая по ея дѣлу, безпощадно выставилъ на позорище поведеніе этой женщины и ея покровителей, и Парламентъ рѣшилъ дѣло въ пользу Г. Версена, ея дяди.

═

9 Іюня 1620 года, въ Королевскомъ Валь-де-Грасскомъ Аббатствѣ происходило посвященіе Аббата Дюбуа въ Архіепископы. Церемонія кончилась; народъ разошелся, и въ церкви осталась одна только женщина, стоявшая на колѣняхъ. То была Онорина де Монтиньи. Она услышала шумъ и обернулась. Адріана де Версенъ поспѣшно шла къ ней на встрѣчу. Обѣ покраснѣли.

– Твоя записка меня испугала, Адріана.

– Мнѣ надобно было заставить тебя бояться за меня; иначе ты не согласилась бы видѣться со мною, слѣпо повинуясь запрещенію твоего мужа. Онъ жестоко оскорбилъ меня, но я люблю тебя, и пришла увѣдомить, что ему угрожаетъ опасность. Вечеромъ, когда онъ пойдетъ къ Г. Версену, его возьмутъ подъ стражу....

– Подъ стражу!.... Но за что же?....

– Не знаю; знаю только то, что это было приказано; но, жалѣя о тебѣ, я упросила д'Омбреваля отложить это на сутки, чтобы мужъ твой успѣлъ уѣхать за границу. Я слышала, что ему угрожаетъ безчестіе, позорная смерть.... Предупреди его; онъ долженъ знать, подвергается ли онъ этому. Пусть онъ уѣдетъ; между тѣмъ все это объяснится. Я имѣю причину ненавидѣть твоего мужа, Онорина; но твоя судьба, судьба дѣтей твоихъ отъ него зависитъ.....

Онѣ обнялись, молча, и разстались.

═

Монтиньи не было дома, когда Онорина возвратилась, и она не рѣшалась, что ей дѣлать. Когда первое волненіе, произведенное въ ней словами Адріаны, нѣсколько утихло, она начала сомнѣваться въ сообщенномъ ей извѣстіи, не постигая, какимъ образомъ позорная казнь можетъ угрожать человѣку, каковъ мужъ ея. Наконецъ Монтиньи возвратился. Онъ былъ чрезвычайно мраченъ и задумчивъ, даже и за столомъ, когда дѣти осыпали его невинными своими ласками; онъ не понималъ, что слышитъ, отвѣчалъ, не зная самъ, что говоритъ.

Послѣ обѣда, онъ хотѣлъ итти; Онорина бросилась, чтобы удержать его, не зная впрочемъ, что сказать ему.

– Ты идешь къ Г. Версену?

— Къ Г. Версену! повторилъ Монтиньи, вздрогнувъ. Нѣтъ: онъ умеръ!..

Онорина вскрикнула...

— Да, онъ умеръ; но не бойся, онъ умеръ своею смертію; палачъ въ это дѣло не мѣшался, прибавилъ онъ съ горькою улыбкою: онъ умеръ, истощенный своимъ торжествомъ. Быть можетъ, впрочемъ, что ему помогли умереть сырость и душный воздухъ Бастиліи. Онъ просидѣлъ тамъ полгода: для семидесятилѣтняго старика это все равно, что для меня тридцать лѣтъ. Кто жъ можетъ обвинять въ этомъ его гонителей? Они сдѣлали все, что могли; они даже заботились о душѣ его: хотѣли обратить его въ Католическую религію; но упрямый старикъ умеръ Протестантомъ. За то теперь его нельзя похоронить: тѣло его будетъ выброшено на съѣденье птицамъ и собакамъ. Кто виноватъ! Зачѣмъ онъ не принялъ вѣроисповѣданія милой своей племянницы и любезныхъ ея покровителей! Выпросить позволеніе похоронить его невозможно; но остается еще одно средство, и я употреблю на это всю нынѣшнюю ночь....

Онъ нагнулся къ уху Онорины и сказалъ вполголоса:

— Я выломаю дверь кладбища, и похороню его!

Онъ ушелъ.

═

Тысячи мрачныхъ мыслей мучили бѣдную Онорину. Наконецъ она вообразила, что смерть угрожаетъ Монтиньи за то, что онъ нарушаетъ запрещеніе хоронить Г. Версена. Чтобы отклонить отъ него

опасность, она рѣшилась итти просить Адріану, и воспользоваться вліяніемъ ея на д'Омбреваля. Въ полночь, обнявъ дѣтей своихъ, она вышла. Не зная хорошо дороги, она долго блуждала по мрачнымъ, грязнымъ улицамъ, избѣгая встрѣчи патрулей и пьяныхъ молодыхъ людей, которые за ними гонялись. Наконецъ увидѣла она монастырь Минимовъ. Д'Омбреваль при ней говорилъ, что Адріана живетъ гдѣ-то въ этомъ мѣстѣ. Подлѣ монастыря прелестный лѣтній домикъ въ саду: должно быть тутъ. Она схватилась за ручку колокольчика; но тотчасъ остановилась: въ саду ходилъ взадъ и впередъ д'Омбреваль съ какимъ-то другимъ человѣкомъ.

– Странно, сказалъ Маркизъ.

– Конечно, странно; но я самъ его видѣлъ: онъ записался въ могильщики, и хоронитъ стараго Версена; съ нимъ множество Протестантовъ. Если онъ вздумаетъ выѣхать изъ Франціи, я уже велѣлъ слѣдовать за нимъ по пятамъ, хотя бы до Китая; но что же мнѣ теперь съ нимъ дѣлать?

– Теперь оставь его въ покоѣ; но если завтра, въ девять часовъ утра, онъ будетъ еще дома.... возьми его.

Они вышли изъ сада, оставивъ дверь отворенною: Онорина проскользнула туда, и, спрятавшись за деревомъ, остановилась въ недоумѣніи. Вдругъ раздался конскій топотъ: Адріана пріѣхала верхомъ, соскочила съ лошади, и вошла въ садъ вмѣстѣ съ д'Омбревалемъ, который заперъ за собою рѣшетку. Онорина, слыша, что они къ ней приближаются, пустилась бѣжать вдоль густыхъ шпалеръ, расположенныхъ зигзагами. Не зная, куда дѣваться, она бросилась въ освѣщенную залу, которой дверь была отворена, потомъ въ ближнюю комнату, въ которую

едва проникалъ свѣтъ изъ первой. Она остановилась, трепеща какъ преступница, и потомъ спряталась за тяжелыя шелковыя гардины, закрывавшія окна.

Въ залѣ начался разговоръ.

– Ты сдержалъ свое слово, д'Омбреваль?

– Да; я самъ прочту тебѣ эту драгоцѣнную бумагу, и потомъ останусь у тебя, чтобы ты ночью не пугалась. Признаюсь тебѣ откровенно, мнѣ не хотѣлось выпустить изъ рукъ этой исповѣди: въ ней заключается честь, жизнь, все существованіе его.

– Ахъ, д'Омбреваль, не ужели же ты хочешь измѣнить своему обѣщанію?

– О, нѣтъ! Я только не отдамъ тебѣ этой бумаги, чтобы ты не изорвала ея. Но я бы хотѣлъ, чтобы онъ убѣжалъ. Если онъ останется, тогда палачъ кончитъ дѣло въ минуту; но если онъ уѣдетъ, тогда безчестіе будетъ слѣдовать за нимъ на край свѣта, тогда вся жизнь его будетъ безпрерывнымъ мученіемъ, и мщеніе мое продолжится до тѣхъ поръ, пока онъ не падетъ подъ моими ударами.

– Какъ ты золъ! сказала Адріана, раздѣваясь передъ зеркаломъ.

Д'Омбреваль вошелъ со свѣчей въ ту комнату, въ которой стояла за гардинами Онорина. Онъ взялъ на столѣ бумаги, и ушелъ съ ними въ залу. Онорина за минуту предъ тѣмъ опиралась на этотъ столъ и касалась до бумагъ, отъ которыхъ зависитъ жизнь ея мужа.

– Какъ же попала къ тебѣ эта бумага?

– Безрукій отдалъ ее Нотаріусу съ тѣмъ, чтобы передать Парижскому Архіепископу, если онъ умретъ

спокойно, или мнѣ, ежели онъ будетъ убитъ. А ты знаешь, что тѣло его нашли на берегу Сены.

Опорина подкралась къ двери; Адріана, въ прелестномъ спальномъ платьѣ, сидѣла подлѣ д'Омбреваля на софѣ, обвивая шею его своими руками, закованными въ бриллiанты. Онъ складывалъ листы исповѣди Марка.

Д'Омбреваль придвинулъ къ себѣ свѣчи и началъ читать.

«Да благословенна будетъ Пресвятая Богородица, которая возвела меня изъ бездны грѣховной къ покаянію.

«Намѣстникъ Божій приказалъ мнѣ описать жизнь мою и жить тамъ, гдѣ жизнь моя въ безпрерывной опасности. Я подъ ножемъ сообщника, и горе ему, если онъ подниметъ на меня руку: удары его обратятся на его голову. Мнѣ не позволено предупредить его: да будетъ воля Божія!

«Мнѣ бы надобно было умереть въ Венеціянской тюрьмѣ: тогда еще совѣсть моя не была запятнана кровью; но когда я убѣжалъ оттуда, меня стала мучить жажда мщенія. Во Флоренціи я утопилъ въ Арно несчастнаго, который донесъ на меня; въ Генуѣ я бросилъ въ огонь одного изъ судей моихъ, во время пожара въ предмѣстіи С. Петра Аренскаго; въ Барселонѣ я убилъ трехъ полицейскихъ чиновниковъ, хотѣвшихъ взять меня подъ стражу. Корабль, на которомъ плылъ я оттуда, разбился у рифа Сенъ-Польскаго; я былъ выброшенъ на берегъ и жители меня обобрали. Это послужило мнѣ урокомъ: я набралъ изъ контрабандистовъ шайку разбойниковъ, и они, уважая мою храбрость и хладно-

кровіе, сдѣлали меня атаманомъ. Я жилъ на островѣ Биннигe, товарищи мои на разныхъ другихъ островахъ. Нелѣпые слухи, нами распущенные, разогнали суевѣрныхъ жителей прибрежнаго селенія. Въ бурныя ночи мы зажигали на берегу огни; гонимыя вѣтромъ суда, надѣясь найти тутъ пристанище, спѣшили къ берегу и разбивались о скалы. По условленному знаку, мы собирались со всѣхъ сторонъ, овладѣвали кораблемъ, грабили его, и умерщвляли всѣхъ пассажировъ.

«Эти экспедиціи совершались обыкновенно подъ начальствомъ моего помощника Жана Каванеля. Я изобрѣталъ, онъ исполнялъ. Каванель былъ на это человѣкъ безцѣнный: жестокій, жадный и безбожный. Онъ былъ трусъ, но умѣлъ прикрывать свою слабость фанфаронствомъ. Отвращеніе къ этому человѣку заставило меня сдѣлать первое доброе дѣло, обратившее на меня милосердіе Пресвятой Богородицы. Однажды, когда я ждалъ на берегу приближенія судна, мнѣ попались два человѣка, которыхъ бы я долженъ былъ убить; Каванель былъ близко, и я отпустилъ ихъ, чтобы не доставить ему удовольствія зарѣзать попа и женщину. Каванель предсказалъ мнѣ, что этотъ неосторожный поступокъ послужитъ къ нашему несчастію, и насъ съ трудомъ помирили.

«Въ это время шайка наша была богата. Сокровища наши хранились въ пещерахъ на островѣ Биннигe. Мы условились, собравъ извѣстную сумму, раздѣлить ее и разъѣхаться въ разныя земли.

«Грабя пассажировъ, мы обыкновенно забирали и ихъ бумаги. Однажды убилъ я одного молодаго дворянина, и разсмотрѣвъ его бумаги, мы, съ Каване-

лемъ, рѣшились сохранить ихъ; этотъ человѣкъ всю жизнь провелъ въ Америкѣ, во Франціи его никто не зналъ, родственниковъ у него не было. Онъ возвращался въ отечество, чтобы принять небольшое доставшееся ему наслѣдство. Я рѣшился этимъ воспользоваться и выдать себя за него. Стоило только предоставить какому нибудь богоугодному заведенію все его имѣніе, и тогда я могъ бы жить спокойно. Притомъ кто бы узналъ рыбака Марка въ дворянинѣ Монтиньи! »

Двойной, слитный крикъ Адріаны и Онорины прервалъ чтеніе.

– Теперь ты понимаешь, какую связь имѣетъ эта исповѣдь съ судьбою Совѣтника? сказалъ д'Омбреваль.

– Читай! отвѣчала Адріана.

Онорина закусила платокъ, чтобы не закричать въ другой разъ. Колѣна ея подгибались; она прислонилась къ двери. Д'Омбреваль продолжалъ читать.

«Эта мысль не оставляла меня ни на минуту, и мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣе распустить свою шайку. Между тѣмъ отправленіе нашего ремесла сдѣлалось почти невозможнымъ: съ тѣхъ поръ, какъ я отпустилъ священника и женщину, о которыхъ говорилъ выше, всякая бурная ночь приводила на берегъ войска и по всѣмъ островамъ дѣланы были обыски. Люди мои роптали, и дисциплина моей шайки ослабѣла: мы рѣшились разойтись и назначили уже для этого день.

«Жанъ Каванель сказалъ мнѣ, что вся шайка на меня сердится, и что если я хочу со временемъ жить спокойно, то долженъ наградить ихъ, доставивъ имъ

удовольствіе мщенія. Онъ предложилъ мнѣ разорить Кералланскій замокъ, и перерѣзать всѣхъ жителей, въ томъ числѣ священника и женщину, которыхъ я отпустилъ, и которые, по всей вѣроятности, донесли на насъ. Я согласился. Экспедиція назначена была на третью ночь.

«Послѣ совѣщанія объ этомъ съ разбойниками, мы съ Каванелемъ плыли съ острова Бинниге на берегъ. Посреди пути, я пересталъ гресть, чтобы объяснить Каванелю нѣкоторыя сомнѣнія, родившіяся въ головѣ моей. Когда мы разойдемся, сказалъ я, люди наши, не умѣя управлять собою, одинъ за другимъ попадутъ въ руки полиціи, и который нибудь изъ нихъ, вѣрно, донесетъ на насъ. Каванель думалъ то же. Потомъ я признался ему, что хочу присвоить себѣ званіе убитаго мною дворянина и явиться въ обществѣ подъ именемъ Монтиньи. Каванель одобрилъ мое намѣреніе. Наконецъ, прибравъ къ рукамъ весло, чтобы въ случаѣ сопротивленія раздробить ему голову, я предложилъ ему забраться въ Кералланъ подъ видомъ покровителей, увѣривъ нашихъ товарищей, что хотимъ отворить имъ ворота, а между тѣмъ уничтожить всѣхъ этихъ разбойниковъ во время нападенія ихъ на замокъ. Въ пылу мечтаній моихъ объ этомъ предпріятіи, у меня вырвались нѣкоторыя романическія предположенія. Имя Монтиньи соединялось въ моемъ воображеніи съ именемъ Кералланъ. Каванель улыбнулся и одобрилъ мое намѣреніе. Мы причалили, отправились въ Брестъ, обстригли волосы, обрили бороды, напудрились, и рыбаковъ невозможно было узнать въ дворянскомъ платьѣ. Въ день, назначенный для этой экспедиціи, Каванель явился ко мнѣ съ лицемъ совершенно разстроеннымъ; онъ сказалъ мнѣ, что нападеніе на замокъ отложено, потому, что разбойни-

ки не могутъ согласиться между собою, кому вести ихъ на приступъ, и не хотятъ повиноваться ни кому, кромѣ меня. Я по неволѣ долженъ былъ согласиться принять надъ ними начальство. Мы уговорились, чтобы Каванель роздалъ разбойникамъ дурной порохъ и негодныя пули, потомъ поѣхалъ въ замокъ съ письмомъ отъ меня и со всѣми моими бумагами, и сказалъ бы, что я остался для того, чтобы при нападеніи поставить разбойниковъ между двухъ огней. Я долженъ былъ пустить ихъ впередъ до эспланады замка, остаться на лѣстницѣ внѣ выстрѣловъ, и преградить имъ отступленіе пистолетами и моимъ Миланскимъ кинжаломъ; а между тѣмъ Каванель перестрѣлялъ бы ихъ изъ амбразуръ замка.

«Каванель обманулъ меня: Небо опредѣлило ему быть орудіемъ моей гибели. Люди наши и не думали требовать, чтобы я велъ ихъ. Въ назначенную ночь я плылъ въ лодкѣ къ острову Бинниге. Меня окликнули; я всталъ въ лодкѣ и спросилъ: «Развѣ ты не готовъ, Каванель?» — «Готовъ», отвѣчалъ онъ. Вслѣдъ за тѣмъ раздался выстрѣлъ, и я упалъ въ море. Каванель сдѣлался Господиномъ де Монтиньи.

«Не знаю, какимъ образомъ я избавился отъ смерти: это было чудо, совершенное Пресвятою Богородицею, которая явилась мнѣ въ свѣтломъ видѣніи»....

— Остальное читать тебѣ не нужно, сказалъ д'Омбреваль. Теперь ты понимаешь, какое употребленіе могу я сдѣлать изъ этой бумаги?.....

— Д'Омбреваль! отдай мнѣ ее. Не для него, для Онорины и дѣтей ея, прошу тебя, отдай мнѣ ее!

— Нѣтъ, нѣтъ! онъ слишкомъ долго укрывался въ платьѣ Совѣтника; пора ему поплатиться. Каванель не уйдетъ отъ меня. Но полно объ немъ! Ты не

можешь вообразить, Адріана, какъ ты хороша, когда ты растрогана, вскричалъ онъ, обнимая ее.

Онорина перестала слушать. Послѣ того, что она узнала, она умерла бы на мѣстѣ, если бъ не поддерживало ея мужество матери. Д'Омбреваль и Адріана ушли въ другую комнату. Она перекрестилась, прокралась въ залу, собрала бумаги, оставшіяся на столѣ, и ушла, взявъ съ собою ключъ отъ рѣшетки.

Д'Омбреваль и Адріана ничего не видали, ничего не слыхали.

=

Тогда Онорина, трепеща отъ страха, въ радости и въ отчаяніи, побѣжала домой, какъ безумная. Она остановилась уже у колыбели своихъ малютокъ. Взглядъ на нихъ придалъ ей новыя силы. Она сѣла, вынула рукопись изъ за пазухи, начала рвать и жечь ее. Она уже хотѣла бросить въ огонь послѣдній листокъ, какъ вдругъ, при свѣтѣ горящей бумаги, увидѣла предъ собою мужа. Она испустила крикъ отчаянія: дѣти пробудились.

Монтиньи былъ, по видимому, спокоенъ. Онъ стоялъ, сложивъ руки на груди; но глаза его сверкали.

— Вы испугались меня, сударыня! Отъ чего же это? Вы такъ безстрашны, когда надобно итти ночью на свиданіе и оставить дѣтей на произволъ

судьбы. Я, конечно, напрасно стерегъ васъ здѣсь. Я бы долженъ былъ понять, что вы всякую ночь пользуетесь такимъ образомъ моею довѣренностію. Но теперь вы видите, что я все знаю: отдайте же мнѣ эту бумагу.

Онорина спрятала ее за себя. Онъ протянулъ къ ней руку; дѣти, выскочивъ изъ кроватокъ, бросились къ матери.

— Именемъ дѣтей нашихъ заклинаю тебя: оставь мнѣ эту бумагу! вскричала Онорина. О, если бъ ты зналъ, что въ ней!

— Да! дѣти тутъ очень кстати! Мнѣ узнавать уже нечего; теперь, кажется, уже все ясно. Но я непремѣнно хочу видѣть эту бумагу. Онъ подошелъ къ ней поближе.

— Ради Бога, вскричала она, трепеща всѣмъ тѣломъ, оставьте мнѣ ее..... И съ мужествомъ отчаянія схватила его за руки. — Богъ свидѣтель!.....

Монтиньи захохоталъ. Онъ толкнулъ ее; несчастная упала; дѣти со слезами къ ней бросились. Монтиньи съ бѣшенствомъ вырвалъ у нея бумагу.

Онъ нагнулся къ лампѣ, расправилъ измятый листокъ, взглянулъ на него..... Онъ вскрикнулъ, закрылъ глаза рукою и приподнялся..... Но то былъ уже совсѣмъ другой человѣкъ: онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, лице его судорожно подергивалось, и онъ упалъ бы на полъ, если бъ Онорина не успѣла поддержать его.

— Неужели былъ второй списокъ этой бумаги! сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

— А какъ же ты истребилъ первый списокъ, который былъ на груди Безрукаго! сказала Онорина.

— Я погибъ! вскричалъ онъ, устремясь къ двери.

– Нѣтъ, нѣтъ! Ты останешься здѣсь! сказала Онорина, схвативъ его за руку. У тебя есть дѣти: надобно спасти честь ихъ!

Монтиньи остановился: онъ былъ уже обезоруженъ. Онорина вывела его въ другую комнату, и разсказала ему, какимъ образомъ досталась ей эта рукопись. Онъ сохранялъ смущенную покорность преступника; но въ стыдѣ его уже не было страха.

– Ты понимаешь теперь, почему я не хотѣла отдать тебѣ этой бумаги, сказала она. Я хотѣла, чтобы ты не долженъ былъ краснѣть передо мною; но твое бѣшенство разрушило и эту надежду. Теперь намъ остается только искать средствъ скрыть это отъ другихъ. Доказательствъ нѣтъ: ты убилъ Марка..... Да, да, не отговаривайся; ты убилъ его, и истребилъ первый списокъ его исповѣди; второй уничтожила я. Но если ты убѣжишь, тогда кто не повѣритъ словамъ д'Омбреваля! Ты долженъ остаться здѣсь, ты долженъ жить въ свѣтѣ, чтобы своимъ присутствіемъ заставить его молчать. Мы должны оградить себя безстыдствомъ. Жизнь наша будетъ цѣпью безпрерывныхъ мученій; я знаю но кто жъ виноватъ въ этомъ? Ты!.....

═

Съ тѣхъ поръ Монтиньи и жена его сдѣлались свѣтскими людьми, и ихъ вездѣ принимали съ уваженіемъ. Д'Омбреваль, обманутый въ надеждѣ мести, подозрѣвалъ Адріану въ покражѣ рукописи Безрукаго, совѣтовался съ Кретьенемъ, и терялся

въ догадкахъ. Между нимъ и Монтиньи происходила скрытная борьба; появлялись пасквили, въ которыхъ описана была вся исторія Каванеля; въ домѣ Совѣтника произвели, подъ пустымъ предлогомъ, обыскъ, и въ публикѣ узнали, что у Монтиньи, который выдаетъ себя за бѣдняка, зарыты въ погребѣ кучи золота. Между тѣмъ борьба его съ д'Омбревалемъ сдѣлалась для всѣхъ замѣтною, и всякой видѣлъ, что Совѣтникъ только защищается. Въ обществѣ распространились подозрѣнія, искусно распространенныя, и порядочные люди начали убѣгать его. Онъ безпрерывно получалъ жестокія оскорбленія, за которыя невозможно было требовать удовлетворенія, потому, что они были прикрыты личиною свѣтской учтивости. Наконецъ, онъ не могъ уже явиться и въ Парламентѣ. Президентъ не разъ давалъ ему чувствовать, что онъ лишній. Однажды онъ сказалъ: – Я слышалъ, что вы больны, Г. де Монтиньи! – Въ другой разъ: – Мнѣ сказали, что вы въ деревнѣ! И оба раза онъ отложилъ засѣданіе до другаго дня. Въ третій разъ, онъ даже, не сказавъ ни слова, закрылъ присутствіе, какъ скоро Монтиньи сѣлъ на свое мѣсто. Монтиньи возвратился домой почти въ безумствѣ.

– Вотъ, что остается мнѣ теперь, сказалъ онъ Онориньѣ, указывая на пистолеты. Поѣдемъ сегодня со мною. Безъ тебя, у меня не достанетъ духу при всѣхъ вызвать д'Омбреваля на дуэль.

Онорина не отвѣчала ни слова.

Вечеромъ, они были въ блестящемъ собраніи лучшаго общества. Лице Онорины покрылось смертною блѣдностію, когда Монтиньи подошелъ къ д'Омбревалю.

– Мнѣ надобно посовѣтоваться съ вами, Г. д'Омбреваль.

– Со мною, Г. де Монтиньи?

– Да, съ вами и при всѣхъ: это не секретъ.

Всѣ замолчали: всякой понялъ, что между этими двумя людьми дѣло идетъ о жизни и смерти.

– Я знаю одного человѣка, – я не скажу вамъ его имени, – который доселѣ, изъ уваженія къ самому себѣ, не обращалъ вниманія на темные слухи, разсѣяваемые на его счетъ презрѣнными людьми; но ему наскучило носить на себѣ пятно клеветы, и онъ спрашивалъ меня, что ему дѣлать. Я совѣтовалъ ему сорвать это пятно шпагою. Какъ вы объ этомъ думаете?

– Я бы не ожидалъ подобнаго совѣта отъ судьи, Г. де Монтиньи. Одна дуэль не защититъ чести вашего знакомца: онъ долженъ сначала уличить клеветника своего, и потомъ уже убить его. Притомъ, надобно знать, кто соперникъ вашего знакомца, то есть, въ какомъ онъ положеніи въ свѣтѣ. Можетъ быть, что одинъ изъ нихъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ, другому терять уже нечего; за что же порядочный человѣкъ будетъ съ нимъ драться? Положимъ, напримѣръ, что я бы убѣжденъ былъ неопровержимыми доказательствами въ безнравственности вашего знакомца, что эти доказательства были бы у меня украдены; положимъ, что я бы не разъ намѣкалъ при всѣхъ на извѣстныя намъ обоимъ дѣла, и что ему отвѣчать было бы нечего.... Всѣ знаютъ, что я не трусъ; но я не унизился бы до поединка съ нимъ, и предоставилъ бы ему вѣдаться со мною, если угодно, судомъ. А подобный отказъ, милостивый государь, величайшее оскорбленіе, какое только можно нанести человѣку, въ которомъ есть хоть капля чувства. За то, послѣ этого, я бы всегда носилъ съ собою оружіе, чтобы

не доставить ему удовольствія убить меня изъ за угла.

Монтиньи отвѣчалъ только невнятнымъ звукомъ, вырвавшимся изъ груди его. Д'Омбреваль учтиво поклонился, и отошелъ въ сторону. Разговоръ сдѣлался общимъ.

=

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того Монтиньи сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, обдумывая разные планы мщенія. Нянька дѣтей его, съ испуганнымъ лицемъ, пришла позвать его къ женѣ. Онорина лежала въ ужаснѣйшей оспѣ, которая въ то время похитила половину высшаго общества во Франціи.

Монтиньи понялъ, что лишаясь Онорины, онъ теряетъ всю власть свою и надъ собою и надъ обществомъ. Мы не будемъ говорить объ его горести: нѣсколько лѣтъ уже Онорина была единственнымъ божествомъ его. Адріана, не смотря на всѣ убѣжденія, не отходила отъ постели страдалицы; передъ смертію Онорины, ее надобно было увлечь силою.

На девятый день больная почувствовала необыкновенную умственную силу: это былъ послѣдній блескъ потухающей мысли. Она выслала всѣхъ изъ комнаты, и сказала мужу: – Страданія мои оканчиваются. Смерть моя облегчитъ и твое положеніе: ненависть молчитъ въ присутствіи могилы. Я требую, чтобы ты уѣхалъ съ гробомъ моимъ въ Бретанью. Тетушка будетъ матерью дѣтей моихъ, и я

стану ждать ея въ фамильномъ нашемъ склепѣ. Воздухъ Парижскій для тебя не годится, и ты не боишься Кералланскихъ привидѣній; притомъ же, это будетъ, нѣкоторымъ образомъ, опроверженіемъ разсѣяваемыхъ на счетъ твой слуховъ. Главное сдѣлано; Богъ и время довершатъ остальное.....

Въ тотъ же вечеръ священникъ читалъ въ этой комнатѣ молитвы, и десять восковыхъ свѣчей освѣщали лежащій на постелѣ трупъ.

═

Когда Монтиньи прибылъ въ Кералланъ, тетка Онорины отъ старости впала уже въ совершенное дѣтство. Въ этомъ уединеніи, гдѣ онъ не имѣлъ ни съ кѣмъ ни малѣйшаго сношенія, Станиславъ и Габріель не могли, одни, наполнить душу его; онъ мучился жаждою дѣятельности. Онъ возмущался противъ своего изгнанія и противъ свѣта; безлюдная молчаливость прибережья ему досаждала; онъ трепеталъ невольно во время бури. Этотъ шумъ пораждалъ въ душѣ его слишкомъ много воспоминаній. Притомъ, страстямъ, которыми пылалъ онъ цѣлую жизнь, нужна была пища. Человѣкъ, пораженный глубокою горестію, всегда ищетъ разсѣянія; одинъ прибѣгаетъ къ распутству, другой къ пьянству: Монтиньи нашелъ утѣшеніе въ скупости. Въ сокровищахъ своихъ онъ видѣлъ всѣ возможныя наслажденія, все земное могущество. Онъ думалъ, что дѣти его со временемъ узнаютъ, чего стоило ему пріобрѣтеніе богатства, которымъ они будутъ наслаждаться, и онъ трепеталъ, чтобы кто нибудь

не похитилъ у нихъ этихъ сокровищъ. Все казалось ему подозрительнымъ; онъ наполнилъ зàмокъ оружіемъ и рѣшился зарыть золото свое въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы никто не могъ отыскать его, и самъ принялся за работу. Онъ продѣлалъ потаенный ходъ изъ зàмка въ одну отдаленную пещеру, и загородилъ ее крѣпкою рѣшеткою.

Между тѣмъ, Станиславъ и Габріель росли почти безъ надзора. Гуляя по берегу моря, они часто переплывали въ лодкѣ на ближайшіе острова съ неустрашимостію дѣтскаго возраста, непонимающаго опасности.

Однажды, вечеромъ, Монтиньи перетаскалъ все свое золото въ пещеру, о которой говорили мы выше, и началъ зарывать его. Онъ случайно взглянулъ на море. Онъ бросилъ ломъ, которымъ работалъ, прикрылъ руками глаза, чтобы защитить ихъ отъ ослѣпительныхъ лучей заходящаго солнца. Сквозь вечерній туманъ ему показалось, что одинъ изъ дѣтей его бродитъ по низменному каменистому островку, который море покрываетъ во время прилива. Онъ смотритъ..... Да, это точно Станиславъ, и съ нимъ Габріель; они беззаботно собираютъ раковины. Монтиньи кричитъ имъ, но они не слышатъ. Между тѣмъ вода прибываетъ, и волны мало по малу относятъ ихъ лодку. Нечеловѣческіе вопли вырываются изъ груди несчастнаго отца. Передъ нимъ рѣшетка: вырвать ее невозможно; бѣжать кругомъ далеко..... Онъ зоветъ, кричитъ, онъ ударяетъ о гранитъ ломомъ. Ломъ переламывается; никто не отвѣчаетъ. Если бы была буря, кто нибудь бы взглянулъ на море; но нѣтъ – небо ясно, воздухъ тихъ и спокоенъ; вечеръ прекрасный. Несчастный отецъ!.. Все, что у меня есть, тому, кто спасетъ ихъ! – Но

кругомъ только птицы. Не видно ни лодки, нигдѣ ни одного рыбака; въ этотъ день былъ праздникъ. Онъ бросаетъ золото горстями, пѣна бьетъ у него изо рта, онъ рветъ на себѣ волосы, онъ ползаетъ по землѣ, онъ съ горестію грызетъ рѣшетку, которая какъ будто смѣется надъ нимъ. Море подымается все выше и выше; оно обхватываетъ уже дѣтей; они стоятъ, обнявшись, на колѣнахъ и молятся.....

Въ первый разъ слово «Богъ» вырвалось изъ устъ нечестивца.....

Богъ сжалился надъ бѣдными ангельчиками: море приняло ихъ въ свои нѣдра.

═

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, въ Парижѣ, ночная стража увидѣла въ полночь какого-то несчастнаго, который прятался у дверей дома Полицеймейстера. Его взяли, и подъ платьемъ у него нашли ножъ. Въ это время д'Омбреваль возвращался съ бала; онъ велѣлъ привести къ себѣ этого человѣка, чтобы допросить его.

– Я Жанъ Каванель! вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ.

Его бросили въ Бастилію, и забыли объ немъ.

А. ОЧКИНЪ.

ЭГВИЛЬЕТЫ

АННЫ АВСТРІЙСКОЙ.

Въ самыхъ даже Романахъ мало находится такихъ удивительныхъ подвиговъ свѣтскаго остроумія, какъ въ блистательной жизни славнаго Англійскаго Министра Вильерса, или Герцога Букингама, бывшаго кумиромъ двухъ Монарховъ, и жертвою наперсничества.

Извѣстно, что въ кратковременное посольство свое во Франціи, Вильерсъ дерзнулъ страстно влюбиться въ Анну Австрійскую, супругу Лудовика XIII. Тайное ихъ свиданіе въ Аміенскомъ саду иносказательно описано даже въ стихахъ Вуатюра; ибо, по части любовныхъ проказъ, Поэты большіе болтуны. Королева, хотя утонченная кокетка, не могла однако жъ устоять противъ обворожительной наружности Букингама. Проникнутая до глубины души нѣжною склонностію къ несравненному Англичанину, она изъявляла ему свои чувства самымъ необыкновеннымъ образомъ. Соперникъ Букингама въ любви и въ политикѣ, коварный Ришельё, ласкалъ себя надеждою, что смѣлымъ поступкомъ успѣетъ онъ представить очевидное доказательство Королевиной слабости несчастному Монарху, въ которомъ уже тлѣлся огонь ревности. Необычайная затѣя Ришельё была поводомъ къ такимъ мѣрамъ со стороны Букингама, которыя дѣлаютъ эту по-

вѣсть едва вѣроятною; но когда государственный человѣкъ перерождается въ романическаго любовника, и когда честь «дамы его мыслей» въ опасности, то нужно ли говорить, что въ такомъ случаѣ ничего не стоитъ привести въ движеніе всѣ пружины власти и весь правительственный механизмъ! Подробности, которыя мы намѣрены сообщить, странны; но онѣ, кажется, достовѣрны, ибо подтверждаются и записками Герцога Ла-Рошфуко.

Французскій Монархъ подарилъ свою супругу необыкновенною вещію, которая, по своей модѣ и новости въ то время, почиталась самою изящною частію женскаго убранства. Французы называли это *des ferrets d'aiguillettes*, эгвильетами, или брилліантовыми иглами: онѣ походили на наконечники аксельбантовъ, были осыпаны алмазами, и носились пучками на вискахъ или у волосъ.

По прибытіи Букингама, каждый день былъ ознаменованъ торжественнымъ увеселеніемъ. Ришелье далъ великолѣпный праздникъ въ садахъ Рюэльскихъ, прекраснѣйшихъ въ цѣлой Франціи; знать щеголяла ужинами, балами, концертами и маскарадами. Букингамъ танцовалъ со всею, ему только свойственною, прелестью; Королева удостоила его приглашенія на экосезъ. «И какъ въ этомъ Англійскомъ танцѣ, говоритъ Ла-Рошфуко, безпрестанно «надобно сходиться, подавать руки другъ другу «прямо и накрестъ, то взгляды, тѣлодвиженія, бѣглыя улыбки и тысяча вещей, невыразимыхъ для «пера, весьма вразумительно объясняютъ всѣ чувства сердца, хотя дѣйствіе происходитъ въ глубокомъ молчаніи, какимъ обыкновенно сопровождаются подобныя зрѣлища, изъ уваженія къ публикѣ». По этому описанію нынѣшніе обветшалые

экосезы, видно, нѣкогда почитались такъ же опасными какъ вальсы, при первоначальномъ ихъ появленіи.....

Ришелье ревниво подсматривалъ за всѣмъ, что происходило; Графиня Лануа сообщала ему каждое открытіе своего наблюдательнаго взора. Подъ благовиднымъ званіемъ Статсъ-Дамы, Французскіе Короли умѣли приставить всегдашній надзоръ къ своимъ половинамъ. Но какъ Главная Гофмейстерина Королевскаго Двора пользуется правомъ свободнаго входа въ кабинетъ Государыни во всякое время, а Статсъ-Дамы лишены этого преимущества, то Г-жа Шеврёзъ проводила цѣлые часы наединѣ съ Королевою, – и Кардиналъ, получавшій вѣрныя донесенія обо всемъ прочемъ, почти ничего не зналъ, что̀ происходило между Королевою и ея подругой. Французскій Министръ торопилъ Букингама кончить переговоры о замужствѣ Генріетты; но Вильерсу не хотѣлось разстаться съ Парижскимъ Дворомъ, и онъ всегда находилъ предлогъ къ отлагательству. Наконецъ обрядъ былъ совершенъ съ чрезвычайною пышностію. Во всемъ, что̀ дотолѣ происходило, Королева видѣла со стороны Букингама множество доказательствъ сильной, но почтительной страсти. Она, конечно, не была нечувствительна къ его любви, но если и раздѣляла зажженный въ немъ пламень, нѣтъ однако жъ сомнѣнія, что добродѣтель поддержала ее въ этомъ случаѣ, и Букингамъ уѣхалъ изъ Парижа со всею почестью, какая только можетъ быть оказана великимъ Дворомъ чужестранцу, но съ досадою на себя, что долженъ былъ переправиться за море, не дождавшись за любовь ничего, кромѣ благосклоннаго вниманія.

Королева забылась только въ одномъ отношеніи. Вечеромъ, наканунѣ Букингамова отъѣзда, она

тайно послала къ Герцогу съ Г-жею Шеврёзъ подарокъ державнаго супруга своего, эгвильеты, осыпанные брилліантами; и этотъ даръ, который могъ быть почтенъ знакомъ Королевиной щедрости, по обстоятельствамъ времени и лестной своей таинственности, сдѣлался доказательствомъ сердечнаго ея участія, отъ котораго Англійскій Герцогъ былъ въ восхищеніи. Онъ уѣхалъ счастливцемъ.

Во время обратнаго путешествія, Графиня Кларикъ, – вѣроятно Графиня Карлейль, ибо Французы обыкновенно произносятъ Англійскія имена весьма дурно, – нѣсколько обиженная тѣмъ, что̀ слышала о невѣрности своего отлетнаго поклонника, Букингама, нашла средство тайно переписываться съ Ришельё, который ничего не упускалъ съ своей стороны, чтобъ воспламенить ревностью Англійскую Графиню. Этотъ великій Министръ извѣстенъ былъ искусствомъ всячески разнообразить средства для полученія свѣдѣній отъ всѣхъ Дворовъ Европейскихъ: его изобрѣтательность никогда не дремала, и казнѣ не было пощады. Отъ бдительнаго взора преданной ему Статсъ-Дамы не ускользнуло, что Королева подарила Букингаму свои брилліантовые эгвильеты, и тайна дошла до Ришельё. Министръ давно выжидалъ случая унизить Королеву во мнѣніи ея супруга, надъ которымъ имѣлъ онъ полную власть, но иногда раздѣлялъ ее съ Королевою.

Ришельё тотчасъ написалъ къ Графинѣ Кларикъ. Онъ просилъ ее возобновить связь съ Букингамомъ, и, если на одномъ изъ праздниковъ, которые будутъ даны по его возвращеніи, она замѣтитъ на немъ эгвильеты, осыпанные брилліантами, то постараться отрѣзать два или три, и переслать къ нему. Букингамъ былъ такъ слабъ, что не устоялъ про-

тивъ искусныхъ обольщеній прежней своей пріятельницы, и Графинѣ не трудно было исполнить возложенное на нее порученіе. На балѣ, въ Виндзорскомъ зàмкѣ, Букингамъ явился въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ золотымъ шитьемъ; черезъ плечо былъ у него шарфъ, и на бантѣ изъ голубыхъ лентъ висѣли двѣнадцать алмазныхъ эгвильетовъ, которые сверкали великолѣпнымъ огнемъ. Когда Букингамъ воротился съ бала домой, слуги его примѣтили, что двухъ эгвильетовъ не доставало. Они доложили ему о томъ, и удостовѣрили его, что эти двѣ иглы не случайно выпали, а были отрѣзаны съ умысломъ. Разбирая мыслію приключенія всего вечера, Герцогъ возъимѣлъ подозрѣніе. Онъ почувствовалъ, что сдѣлавшій это, кто бы онъ ни былъ, вѣрно имѣлъ скрытныя побужденія. Тайная исторія подарка была извѣстна въ Англіи одному ихъ владѣтелю; но ему показалось, что честь державной дарительницы могла быть сопряжена, тѣмъ или другимъ образомъ, съ исключительнымъ обладаніемъ всѣми двѣнадцатью эгвильетами. Онъ рѣшился, не смотря на искусство хитраго похитителя, предупредить всякій умыселъ противъ Королевы, и если врагъ ея находился еще въ Англіи, не допустить, чтобы число эгвильетовъ осталось неполнымъ. Съ свойственною ему быстротою соображенія, Букингамъ начерталъ исполинскій планъ защиты, котораго никто, кромѣ государственнаго человѣка и самаго романическаго любовника, не могъ бы привести въ исполненіе. Рано поутру разосланы были курьеры съ повелѣніемъ запереть всѣ гавани и не выпускать во Францію ни почтоваго пакетбота, ни какого другаго судна. Въ это самое время Ларошельскіе Гугеноты ожидали изъ Англіи обѣщанной помощи. Оба народа поражены были общимъ страхомъ. Всѣ думали, что скоро

выйдетъ объявленіе войны. Между-тѣмъ этотъ внезапный перерывъ сообщеній воспослѣдовалъ единственно для того, чтобъ дать ювелиру одинъ день времени на поддѣлку, во что бы то ни стало, двухъ украденныхъ эгвильетовъ, съ брилліантами точно такого же размѣра и вида, какъ остальные десять. Чего не сможетъ человѣкъ съ такими средствами? Дѣло кончено, – и, на другой же день, водворился миръ между Англіею и Франціей. Гавани были отперты, и Букингамъ послалъ тайнаго гонца во Францію, для доставленія въ собственныя руки Г-жи Шеврёзъ всѣхъ двѣнадцати эгвильетовъ, врученныхъ ею отъ имени Королевы. Онъ увѣдомилъ ее о томъ, что съ нимъ случилось, и о подозрѣніяхъ своихъ на счетъ Графини Кларикъ, которая часто была подлѣ него во время бала, и съ которою онъ танцовалъ. Онъ просилъ Королеву принять обратно то, что для него было драгоцѣннѣе всего въ мірѣ, послѣ ея спокойствія, которому тайныя козни угрожаютъ огорченіемъ. Предосторожность не была безполезна, ибо Ришельё скоро получилъ два эгвильета, посланные ему Графинею Кларикъ, и чтобъ навсегда лишить Королеву любви супруга, въ которомъ ревность раздражилась уже легкомысленнымъ обращеніемъ ея съ Букингамомъ, тотчасъ намѣкнулъ ему на то, въ чемъ полагалъ вѣрное торжество свое. Онъ настроилъ Короля просить супругу, чтобы она почаще надѣвала свои брилліантовые эгвильеты, ибо до него дошло тайное извѣстіе, будто она такъ мало дорожитъ его подаркомъ, что кому-то подарила ихъ или продала, и одинъ Англійскій ювелиръ предлагаетъ ему купить два изъ этихъ эгвильетовъ.

Ударъ, направленный Ришельё, на него же и обратился. Королева, ни сколько не показывая уди-

вленія, съ притворнымъ простодушіемъ, приказала тотчасъ подать шкатулку съ своими драгоцѣнными вещами, чтобъ Король самъ отворилъ ее. Супругъ былъ въ восхищеніи, сосчитавъ всѣ свои двѣнадцать эгвильетовъ, и, вслѣдъ за тѣмъ, увидѣвъ на Королевѣ нѣжный свой подарокъ, который придавалъ ея лицу необыкновенную прелесть. Ея Величество съ такимъ же удовольствіемъ узнала, что Король сдѣлалъ Ришельё строгій выговоръ за вѣчныя его подозрѣнія и невѣрныя извѣстія, — а Ришельё, конечно, удивилъ Графиню Кларикъ, изъявивъ ей, по первой почтѣ, свое негодованіе за то, что былъ такъ жестоко одураченъ.

Вотъ повѣсть, которая, — надобно признаться, — по крайней мѣрѣ столь же занимательна, какъ всѣ выдумки нашихъ современныхъ повѣствователей, хотя не имѣетъ счастія быть плодомъ ихъ воображенія.

New Monthly Magazine.

*

МНѢНІЕ

ИЗВѢСТНАГО АНГЛІЙСКАГО ЖУРНАЛА,

Edinburgh Review,

О

НЫНѢШНЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ *.

Французская Словесность трехъ послѣднихъ годовъ представляетъ взорамъ наблюдателя нѣчто, въ высшей степени странное. Всѣ отличные писатели этой націи сознаются, что хаосъ въ мысляхъ и смѣшное преувеличеніе искажаютъ большую часть ихъ новѣйшихъ произведеній. Они единогласно охуждаютъ то пустое себялюбіе, тотъ отвратительный

* Не получивъ въ свое время Edinburgh Review, мы заимствовали эту статью изъ Нѣмецкихъ Журналовъ, которые поспѣшили перевести ее и напечатать прежде другихъ Европейскихъ повременныхъ изданій. Скоро потомъ нашли мы ее переведенною на Французскій языкъ въ Revue Britannique. Читателямъ нашимъ безъ сомнѣнія будетъ любопытно знать, какъ приняты были во Франціи сужденія Англійскаго Журнала о Словесности того края: мы сообщимъ здѣсь нѣсколько мѣстъ изъ примѣчанія, помѣщеннаго Французскими Журналистами подъ изданнымъ ими переводомъ этой статьи. «Эта критика, отличающаяся высокою философіею, глубокимъ по«знаніемъ нравственнаго положенія Франціи, можетъ показаться «строгою нѣкоторымъ нашимъ читателямъ; но всегда полезно знать «сужденія о прославленныхъ нашихъ твореніяхъ, произносимыя ино«странцами, ибо и самая точка воззрѣнія, на которой они поста«влены, чрезвычайно благопріятствуетъ безпристрастію приговора. «Мы позволили себѣ исправить нѣкоторыя легкія погрѣшности въ «собственныхъ именахъ, но вмѣстѣ поставили долгомъ ничего не при»бавлять къ сужденіямъ Шотландскаго Аристарха, и ничего не про«пускать изъ нихъ.»

цинизмъ, которыми, къ сожалѣнію, наполнены ихъ творенія. Повсюду слышны жалобы на отсутствіе религіознаго убѣжденія, нравственности и вкуса. Народный геній гибнетъ! восклицаютъ они: нѣтъ ничего глубокаго, ничего истиннаго, нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго чувства!..... Но всего страннѣе, что тѣ самые писатели, которые громче другихъ воспѣваютъ эту элегію; тѣ самые, которые въ краснорѣчивѣйшихъ выраженіяхъ оплакиваютъ умственное положеніе Франціи, – они-то и роютъ ей пропасть, растравляютъ ея раны, и посѣваютъ новыя сѣмена порчи. Романы за романами, драмы за драмами, стремятся умножить начала несогласія и запутанность мнѣній, которыя раздираютъ эту несчастную страну. Повсюду встрѣчаемъ мы сцены жестокости или безстыдства, выраженія бѣшенства или опьянѣнія; нѣтъ ничего утѣшительнаго, ничего такого, что бы скрѣпляло узы общественныя; ни одного истинно нравственнаго творенія, которое бы имѣло цѣлію утвердить правила Вѣры, пережившей столько земныхъ переворотовъ, и съ которою такъ тѣсно связаны и привычки, и чувства, и нравы наши.

Разсматривая новѣйшую Словесность Французовъ, невольно подумаешь, что духъ зла, смятенія и хаоса есть единственное божество, ими признаваемое, единственная Муза, которой они жертвуютъ. Это пропасть, въ глубинѣ которой тѣснятся и сталкиваются всякаго рода нелѣпости и противорѣчія, бездонная тина, откуда, какъ изъ Дантова ада, раздаются,

Diverse lingue, orribile favelle,
Gemiti di dolore, accenti d'ira
Voci alte e fioche, e suon di man con elle *.

* Разногласные языки, ужасные говоры, стоны боли, ревъ гнѣва, пронзительные голоса, и вопли, и хлопанье кулаковъ вмѣстѣ съ ними.

Къ счастію должно надѣяться, что это злополучное состояніе только временное. Разсматривая новѣйшую Французскую Словесность въ отношеніи къ ней самой, мы находимъ ее жалкою и ничтожною. Въ ней нѣтъ ни достоинства, величія и обилія, свойственныхъ временамъ вѣрованія, ни даже той разрушительной силы, которая предзнаменуетъ революціи.

Словесность XVIII столѣтія имѣла одну только цѣль, – разрушеніе; но за то, по крайней мѣрѣ, какъ сильна, какъ могущественна, какъ тверда была она въ несчастномъ своемъ убѣжденіи! Она довѣряла человѣческой силѣ, довѣряла стремленію Природы нашей къ усовершенствованію. Изрекая проклятіе всему устарѣвшему, она полагала, что открываетъ міру путь къ спокойствію, будущность исполненную силы. Одною рукою святотатственно уничтожала она истины прошедшихъ столѣтій, другою въ гордомъ ослѣпленіи раскрывала книгу новыхъ установленій, – которые, по ея мнѣнію, долженствовали содѣлать людей счастливыми, законы мудрыми, народы благоденствующими. Вольтеръ, Гельвецій, Дидеротъ, знали, чего они хотѣли: они были удовольствованы, видя, какъ стѣны древняго зданія колеблются и рушатся; какъ святыня и права феодальныя, повергнутыя ими на землю, разлетаются въ дребезги подъ безбожнымъ, но могущественнымъ, ихъ молотомъ. Эти люди жили; потомство будетъ видѣть въ нихъ исполиновъ, сожалѣя объ ихъ заблужденіи. Европа трепетала при каждомъ новомъ потрясеніи, свидѣтельствовавшемъ объ ихъ могуществѣ. То были волхвы новой, задуманной ими эры, вѣрные и пламенные проповѣдники разрушенія, казавшагося имъ по ихъ ложнымъ понятіямъ необходимымъ.

Ежели сравнить съ ними нынѣшнихъ любимыхъ писателей того края, какъ малыми, какъ ничтожными они намъ покажутся! У нихъ нѣтъ ни цѣли, ни плана; они такъ же бѣдны мыслями, какъ богаты смѣшнымъ наборомъ словъ. Все происходитъ отъ того, что теперь наступило у нихъ время скуки, утомленія и отчаянія. Опытъ, ужасный учитель, потушилъ пламя энтузіазма. Чѣмъ необдуманнѣе предались они безразсуднымъ надеждамъ, тѣмъ горьче и глубже то безсиліе, которое послѣдовало за припадкомъ горячки. Теперь они во всемъ сомнѣваются. Ни одна система не имѣетъ искреннихъ послѣдователей; всѣ они видятъ, что старое зданіе рушилось, но изъ пепла его не возродилось ни какого прочнаго памятника. Теперь не вѣрятъ они болѣе ни добротѣ, ни силѣ, ни благородству рода человѣческаго. Ужасное состояніе, неспособное даже обратить человѣка къ прежнему его вѣрованію, и породившее то жалкое ничтожество, ту Словесность безъ цѣли, безъ истины, безъ внутренней силы, которая должна бы покрыть вѣчнымъ стыдомъ произведшій ее народъ, если бъ всѣ народы не были въ свою очередь вынуждены сносить подобный стыдъ, послѣ подобной нравственной болѣзни.

Разбирая однако внимательнѣе нынѣшнюю Французскую Словесность, мы, не смотря на то отчаянное положеніе, въ какомъ она представляется глазамъ нашимъ, усматриваемъ для нея лучшую будущность. Два могущественные потока борются теперь одинъ съ другимъ: матеріализмъ 1760 года и нравственный спиритуализмъ, подавленный столь долгое время, и старающійся нынѣ завоевать прежнюю власть. Впослѣдствіи, вѣроятно, волненіе стихнетъ, ручей спокойно будетъ катить струи свои, и взору откроются счастливые и плодоносные берега; но, покамѣстъ,

нѣтъ еще ничего твердаго, нѣтъ прочнаго русла для этого потока: мы слышимъ только шумъ битвъ и завываніе бурь.

Не думайте, чтобы то духовное направленіе, о которомъ мы упомянули, было химерою, порожденною нашимъ воображеніемъ: направленіе это проявляется повсюду. Необходимость вѣрованія выказывается даже въ тѣхъ странныхъ системахъ, которыя создало новѣйшее время. Ѳеофилантропы, Мистики, Тампліеры и Сенъ-Симонисты, всѣ сознаются, что общественная безопасность не должна имѣть другаго основанія, другой подпоры, кромѣ религіи. Оставимъ ихъ еще нѣкоторое время переправлять Христіанское ученіе въ ихъ бурной философской лабораторіи; пусть они пускаютъ свои мыльные пузыри, которые на одно мгновеніе принимаютъ всѣ цвѣта радуги, а потомъ лопнутъ и обратятся въ ничто. Все это пройдетъ.

Писатели, которыми теперь гордится Французская Словесность, и на которыхъ съ неудовольствіемъ, если не съ улыбкою презрѣнія, будутъ смотрѣть ихъ потомки, суть таланты второстепенные. Іюльская революція дала имъ гибельное для славы ихъ направленіе. Съ этой эпохи всѣ преграды расторглись: кажется, что печать Соломонова сорвана, и дана полная свобода безнравственности и безстыдству. Не должно однако полагать, чтобы Іюльская революція была причиною этого переворота. Она только развила дурныя начала, съ давнихъ уже поръ гнѣздившіяся въ нѣдрахъ общества. И при Бурбонахъ находимъ мы тѣ же правила, или, лучше сказать, тотъ же недостатокъ въ правилахъ, тотъ же вкусъ, или, лучше сказать, то же отсутствіе вкуса. Должно признаться, что Бурбоны съ 1815 года ничего не сдѣлали для

нравственнаго и общественнаго улучшенія Франціи. Въ теченіе всѣхъ шестнадцати лѣтъ ихъ владычества, они старались только утвердиться на престолѣ, и ничего болѣе. Не знаемъ, могли ли они очистить или обновить духъ народа, надъ которымъ призваны были царствовать; но то вѣрно, что торжественнымъ покровительствомъ необдуманному фанатизму, наборомъ цѣлой арміи Іезуитовъ и Капуциновъ, они не могли сообщить ни чистоты, ни правоты, ни вѣрованія, массѣ народа, пережившаго въ теченіе четверти вѣка болѣе десяти революцій. Въ царствованіе Карла X, пронырства тайнаго комитета любимцевъ искуснѣйшимъ въ ханжествѣ раздавали всѣ награды, юношество воспитывалось по смѣшнымъ и обветшалымъ правиламъ: однимъ словомъ, ни сколько не заботились о томъ важномъ соединеніи нравственности съ умственнымъ образованіемъ, безъ котораго нѣтъ народной добродѣтели. Совсѣмъ напротивъ: люди, желавшіе конечно добра, но не имѣвшіе ни малѣйшаго понятія о внутреннихъ пружинахъ человѣчества, люди, неловкіе до безконечности, вздумали ввести опять въ общество тѣ самыя злоупотребленія, тѣ самыя дурачества, противъ которыхъ такъ сильно ополчалась ложная, но грозная и опасная, Философія XVIII вѣка. Послѣдствія извѣстны!...

Словесность при Бурбонахъ имѣла въ себѣ что-то несовершенное, неопредѣленное: она какъ-бы колебалась между двумя мнѣніями. Нѣсколько замѣчательныхъ твореній этой эпохи, опыты Вите и Драмы Мериме, предзнаменовали уже совершенную перемѣну во вкусѣ публики. Послѣ Іюльской революціи, на поприще, открытое двумя этими писателями, которые однако не дарили насъ ни ужасами, ни злодѣяніями, выступили Бальзакъ, Жюль-Жаненъ и Сю. Съ этой эпохи начинается ихъ слава. Тутъ явились въ совер-

шенной наготѣ своей всѣ тѣ литературные ужасы и дикiя оргiи, которыми наполнены *Исповѣдь, Саламандра*, и другiя подобныя творенiя. Почти на каждой страницѣ встрѣчаешь въ нихъ похвалы убiйству и глубочайшей безнравственности, и это, кажется, единственная философская цѣль творцевъ этихъ сочиненiй. Мериме и Вите еще были удерживаемы въ границахъ здравымъ понятiемъ объ Искусствѣ, и нѣкоторымъ уваженiемъ къ нравственности; но, со временъ «трехъ достославныхъ дней», возникла какая-то эфемерная Словесность, вѣрная и услужливая перепищица грязныхъ страстей черни и кратковременныхъ предразсудковъ, носящая на себѣ отпечатокъ бренности и личныхъ выгодъ, соединенныхъ съ духомъ партiи, опрокидывающая всѣ понятiя, поносящая всѣ мнѣнiя, смѣшивающая всѣ роды слога, бросая краски и грязь на удачу, и заимствуя свои наряды и свои слова у всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ; сладострастная, подобно Аретину, и безчувственная, подобно Зенону; сама безстыдно провозглашающая свое ничтожество, свое сумасбродство, свое безсилiе; жалующаяся на свою порочность, не заботясь объ ея искорененiи, и тѣмъ еще увеличивающая мѣру заслуженнаго ею презрѣнiя; Словесность жалкая, избравшая, кажется, себѣ лозунгомъ: ни на что не надѣяться, ничему не вѣрить, ни предъ чѣмъ не содрогаться!...

Но къ чему ведутъ всѣ эти лунатическiе плоды труда? Какая цѣль такъ дурно употребленнаго времени? Принудить грядущее потомство, чтобъ оно съ удивленiемъ взглянуло на это совершенное разстройство общества, котораго такая Словесность представляетъ живой оттискъ. Въ подобномъ нашему вѣкѣ, она, къ несчастiю, еще усиливаетъ всею заразительностью примѣра недугъ, который сама обнаружи-

ваетъ. Стоитъ посмотрѣть на эти тмы писателей, одаренныхъ именно тѣми посредственными способностями, которыя удачно умѣютъ передразнивать истинные таланты, какъ они, пользуясь смятеніемъ умовъ, кидаются въ мутную воду, чтобъ выловить себѣ нѣсколько славы и денегъ! Жалкіе торгаши дара слова, выступившіе впередъ цѣлыми полчищами съ той поры, какъ безнравственность расторгла всѣ преграды, а публика, слишкомъ благосклонная, стала безъ дальнѣйшаго разбора принимать все писанное и печатное! Люди ничтожные, не имѣющіе даже права похвалиться честностью, и всегда готовые плыть вмѣстѣ съ потокомъ, и раболѣпствовать, самымъ смѣшнымъ, самымъ нелѣпымъ образомъ предъ мимолетною прихотью народа! Имѣя довольно искусства и легкости, чтобъ сдѣлаться опасными, они продаютъ услуги свои любой изъ партій, раздирающихъ государство, и, кормясь такимъ гнуснымъ ремесломъ, вмѣстѣ унижаютъ отечественную Словесность. Имъ-то обязаны мы тѣми мерзкими взаимными бранями газетъ, непристойными и безчеловѣчными романами, безчестящими книгопечатаніе; тѣми подобострастными и подкупными критиками, которыми наполнены литературные Журналы. Въ какое другое время Г. Бальзакъ, писатель съ талантомъ и воображеніемъ, рѣшился бы бросить въ глаза публикѣ, имѣющей притязаніе на изящность и знаніе общественныхъ приличій, твореніе, написанное дремучимъ слогомъ и исполненное всякаго рода непристойностей (Contes drôlatiques)? Въ какое другое время человѣкъ, считающій себя первымъ изъ нынѣшнихъ драматиковъ Европы, избралъ бы предметомъ для своей драмы отвратительную Лукрецію Борджіа, пристрастившуюся материнскою или другою любовію, – авторъ не говоритъ, какою именно, – къ сыну, рожденному ею отъ.....?-да позволено намъ будетъ

умолчать остальное. Чтобы вполнѣ представить себѣ безпорядокъ и нравственное безначаліе, владычествующіе во Французской Словесности, довольно вспомнить о самоубійствѣ тѣхъ двухъ молодыхъ писателей (Escousse и Lebras), которые вмѣстѣ лишили себя жизни угольнымъ угаромъ за то, что дурнымъ ихъ драмамъ, слишкомъ благосклонно принятымъ публикою, не расточали въ Журналахъ всѣхъ тѣхъ похвалъ, которыхъ онѣ, по мнѣнію ихъ, заслуживали.

Нынѣшняя Французская Словесность, возникшая подъ такимъ пагубнымъ вліяніемъ, дѣлится на двѣ партіи. Одна именуетъ себя «фантастическою»; другая завладѣла, какъ сама она выражается «дѣйствительностью». Послѣдняя, по отвратительной нелѣпости ея выдумокъ, заслуживаетъ болѣе презрѣнія, нежели первая.

Фантастическая! Франція фантастическая! Кто бы повѣрилъ этому еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія? За всѣмъ тѣмъ, теперь, когда въ настоящемъ мало утѣшенія, и мало надежды на будущее, теперь и весьма понятно, какъ могла самая остроумная, самая веселая и насмѣшливая нація въ свѣтѣ, увлечься въ міръ идеальный, свободный отъ всѣхъ оковъ земной жизни, обширный и заманчивый, какъ самая безпредѣльность. Вотъ уже скоро пять лѣтъ, какъ Французы страстно прилѣпились къ Нѣмецкому писателю Гофманну, и всѣми силами стараются подражать ему, или, лучше сказать, его пародировать, — ибо изо всѣхъ писателей Гофманъ самый неподражаемый.

Онъ былъ одаренъ отъ Природы сложеніемъ нервнымъ и раздражительнымъ. Излишнее употребленіе крѣпкихъ напитковъ и хроническая болѣзнь, доводившая его даже до сумасшествія, усилили въ немъ

эту раздражительность. Будучи самъ твердо убѣжденъ въ высокихъ своихъ способностяхъ, онъ унизилъ и ослабилъ ихъ распутною жизнію. Болѣзненное воображеніе его жило предчувствіями и понятіями безумными; въ головѣ его гнѣздились имъ самимъ созданныя привидѣнія, которыхъ онъ боялся. Вотъ основныя начала генія, безъ-сомнѣнія оригинальнаго, но подъ который, по самой его оригинальности, уже нельзя поддѣлаться. Кому могъ онъ передать свое вѣрованіе въ міръ невидимый, передать тотъ страхъ, который ощущалъ при видѣ призраковъ, порожденныхъ больнымъ его мозгомъ въ табачномъ дыму кофейни? Гофманнъ былъ физическимъ и умственнымъ феноменомъ; одинъ только онъ могъ разлагать и описывать пожиравшую его горячку; одинъ онъ усматривалъ ту незамѣтную связь, которая соединяла эту огромную фантасмагорію съ предметами внѣшняго міра. Тщетно толпа Французскихъ писателей силится подражать Гофманну. Изобрѣтая разные странные образы и явленія, представляя чертенка, ѣдущаго верхомъ на дверной защелкѣ, или змѣй и голубокрылыхъ духовъ, прыгающихъ въ пуншевомъ парѣ, они только неудачно и напрасно перебиваютъ у Германскаго сумасброда труппу его актеровъ. Чтобъ оборотиться геніемъ, подобнымъ Гофманну, имъ слѣдовало бы то же повиснуть въ облакѣ опьянѣнія, носящемся между питейнымъ домомъ и больницею ума лишенныхъ. Мы прочитали болѣе ста Французскихъ фантастическихъ сказокъ, гдѣ столь же смѣшно, какъ рабски, поддѣланъ туманный блескъ Гофманновыхъ «Фантазій»; но настоящаго эликсира Гофманна, будь онъ эликсиръ самаго діавола *, ни кому до-

* Всѣмъ извѣстны аптечные составы, именуемые каплями Гофманна, Гофмапновымъ бальзамомъ жизни и элексиромъ Гофманна. Критикъ, намѣкая на нихъ, имѣлъ кажется въ виду повѣсти Бальзака: Elixir de longue vie и Le théatre du Diable.

быть не удастся, и онъ останется вѣчною тайною для неискусныхъ его подражателей.

Но фантастическіе писатели по крайней мѣрѣ сознаются вѣтомъ, что они творятъ ложь, и творятъ ее хорошо или дурно. Они отворяютъ вамъ ворота невидимаго міра. Если этотъ міръ вамъ не нравится, если ихъ волшебный жезлъ не открываетъ вамъ новыхъ сокровищъ, вы можете обвинять ихъ только въ недостаткѣ умѣнія: они, по крайней мѣрѣ, васъ не надуваютъ. Но что сказать о писателяхъ, выдающихъ себя за живописцевъ общества и дѣйствительности, въ твореніяхъ которыхъ не находите вы ничего дѣйствительнаго, ни малѣйшаго слѣда истины, ни одного даже характера, заимствованнаго въ Природѣ? Ихъ герои такъ же могли бы быть помѣщены въ неопредѣленномъ просторѣ безконечности или въ предпотопномъ мірѣ какой нибудь отдаленной планеты, какъ и у насъ, въ Китаѣ или Мономотапѣ. Представьте только себѣ лица, которыя никогда не существовали и существовать не могутъ, и которыхъ дѣйствія не согласны даже съ приписанными имъ характерами; повсюду несообразности, противурѣчія; логика вездѣ попрана. Если героиня романа кроткая и добродѣтельная, бѣлокурая и бѣлая, какъ говорятъ эти господа, вы можете быть заранѣе увѣрены, что въ концѣ первой части она непремѣнно совершитъ какое нибудь преступленіе, вовсе несвойственное ея характеру; если герой извергъ, ему навѣрное придадутъ высокія добродѣтели. Насильственно перекидываемый изъ невѣроятнаго въ невѣроятное, изъ одной противуположности въ другую, читатель, бывъ сначала подстрекнутъ любопытствомъ, наконецъ исполняется негодованія, и когда это негодованіе еще раздражится новыми потрясеніями, оно переходитъ въ скуку, а за скукой слѣдуетъ отвращеніе. Мнѣ случилось

видѣть одного знаменитаго плясуна на канатѣ: первый его опытъ поразилъ меня; при третьемъ прыжкѣ началъ я зѣвать, а послѣдовавшее за нимъ сальтомортале согнало меня со стула.

Нельзя сказать, чтобы и у этихъ писателей, какъ и у нѣкоторыхъ изъ древнихъ нашихъ авторовъ, не встрѣчались отъ времени до времени свѣтлыя мысли, блестящія выраженія и смѣлые очерки; но едва эти минутныя явленія ярко прорѣжутъ густоту тучи, какъ мигомъ они опять исчезаютъ, и вы снова окружены тѣмъ же мрачнымъ и кровавымъ туманомъ. Они думаютъ обновить Словесность и выказать плодовитость своего генія: ничто такъ ясно не доказываетъ безплодности воображенія и нищеты средствъ, какъ необходимость прибѣгать безпрестанно къ необычайному и ужасному. Истинный талантъ умѣетъ произвести дѣйствіе и впечатлѣніе простыми и обыкновенными предметами. Изобразить характеръ совершенно человѣческій, создать цѣпь происшествій, увлекающихъ воображеніе, возбудить любопытство безъ попранія разсудка, – вотъ въ чемъ состоитъ достоинство писателя! На это потребно столько же геніяльности, сколько размышленія и времени. Но возбуждать и поддерживать вниманіе читателя одними картинами пьянства, порока, распутства, безстыдства, прелюбодѣянія, кровосмѣшенія, смертоубійства; раскапывать отвратительныя тайны Приказа утопленниковъ, тюремъ, смирительныхъ домовъ и лобныхъ мѣстъ – это ремесло легкое и жалкое, въ которомъ не трудно отличиться всякому, кто владѣетъ перомъ, дерзкимъ и безсовѣстнымъ.

Если эти господа желаютъ корчить Вольтера, то вовсе не такъ поступалъ Вольтеръ, подѣломъ про-

званный сатанинскимъ писателемъ, и достойный служить имъ образцомъ Безнравственной Философіи. Въ его *Кандидѣ* не встрѣтите вы ни одного лица, ни одного происшествія, выведеннаго безъ цѣли. При всемъ ироническомъ направленіи его ума, въ этомъ твореніи каждая бездѣлица обдумана, каждое обстоятельство приведено для доказательства извѣстной аксіомы, для яснѣйшаго изложенія извѣстной системы. Одна основная, хотя горестная и несчастная мысль, владычествуетъ въ цѣлой повѣсти, и съ силою развита во всю длину ея, сквозь безчисленныя блестки воображенія и сатиры. Теперь посмотрите, какъ модные Французскіе писатели излагаютъ свою теорію и доказываютъ свою систему. «Я хотѣлъ, го«воритъ Г. Жаненъ въ предисловіи къ *Исповѣди*, «показать нѣкоторымъ образомъ нравственное затруд«неніе человѣка, чувствующаго потребность вѣро«ванія, и нигдѣ не находящаго этого вѣрованія Поздравляемъ его съ такою благородною мыслію! Но Авторъ самъ сознается, что эта черта есть именно теперешнее нравственное состояніе Франціи; что она его поразила; что онъ хотѣлъ изобразить ее въ своемъ сочиненіи. И такъ, ему стоило только посмотрѣть вокругъ себя: при внимательномъ наблюденіи, онъ нашелъ бы въ каждомъ лицѣ, въ каждомъ мѣстномъ семействѣ, примѣры оплакиваемаго имъ недуга. Но нѣтъ! – онъ предпочелъ доказать свое предложеніе повѣстію несбыточною, совершенно фантастическою, разсказомъ въ родѣ Гофманновой чертовщины. Анатолій, герой Романа, гражданинъ «Юной Франціи», съ усами, съ густыми бакенбардами, безъ бѣлья, съ застегнутымъ до самаго галстуха жилетомъ, задушаетъ собственными руками жену свою въ первую ночь брака, по многимъ весьма уважительнымъ причинамъ, которыя вы увидите. Во-первыхъ, она охотница танцовать; во-вторыхъ, супругъ ея обдумалъ,

что въ старости прекрасная его невѣста будетъ такъ же дурна и морщиниста, какъ осьмидесяти-лѣтняя старуха, сопровождавшая ее въ домъ новобрачнаго; потомъ, ложась спать, она забыла его имя, и слишкомъ рано, по мнѣнію его, заснула. Всѣ эти сильныя побужденія заставляютъ нашего умнаго и свѣтскаго героя сдѣлаться убійцею молодой, невинной дѣвушки. За порывомъ бѣшенства слѣдуютъ угрызенія совѣсти. Анатолій хочетъ исповѣдаться, ищетъ священника, достойнаго принять его покаяніе. Одинъ кажется ему слишкомъ толстымъ, другой чрезмѣрно худымъ; одинъ слишкомъ равнодушенъ къ предметамъ Вѣры, другой строгъ и можетъ-быть не согласится отпустить грѣховъ его. Онъ перебираетъ около дюжины аббатовъ, и въ числѣ ихъ застаетъ одного Испанскаго патера, бесѣдующаго наединѣ съ молодою, очень хорошенькою дѣвушкою, отнюдь не съ намѣреніемъ задушить ее. Наконецъ, послѣ долгаго, весьма долгаго исканія, открываетъ онъ истиннаго, добраго пастыря, который утѣшаетъ его, разрѣшаетъ отъ грѣховъ и отпускаетъ почти совершенно исцѣлившимся. Послѣ шестимѣсячнаго, отчаяннаго странствія, герой постригается, дѣлается самъ аббатомъ, служитъ обѣдни, и такъ расплывается отъ жира, что друзья не узнаютъ его.

Все это придумано сочинителемъ, чтобъ доказать вамъ, что во Франціи нѣтъ ни какой религіи. Вотъ поистинѣ правдоподобные случаи и удивительно какъ знаменующіе описываемое общество! Преклоните колѣни передъ логикою сочинителя, который, желая показать совершенное отсутствіе утѣшительнаго вѣрованія, выводитъ при развязкѣ повѣсти человѣка, исполненнаго Вѣры и утѣшительныхъ правилъ. Возможно ли найти въ какой угодно Словесности что нибудь нелѣпѣе и несообразнѣе подобнаго окончанія!

Г. Жаненъ справедливо предувѣдомилъ читателей въ своемъ предисловіи, что онъ писалъ безъ плана, наобумъ; напрасно только онъ сравниваетъ себя съ Кребильономъ младшимъ, который описывалъ вѣкъ самый безнравственный, но чьи портреты, хотя часто возбуждаютъ негодованіе, были однако жъ всегда сходны съ подлинниками.

Философіи, плана, цѣли, основной и ясной мысли,- вотъ чего недостаетъ у новѣйшихъ Французскихъ писателей! Искусство разсказа не можетъ закрыть унизительной нелѣпости предмета, ни замѣнитъ того единства стремленія, той связи между понятіями, которыя они такъ нагло презираютъ. Въ Жаненѣ встрѣчаются иногда достоинства необыкновенныя: много блеска въ слогѣ, эпизоды, дышащіе теплотою, какая-то насмѣшливая и вмѣстѣ ребяческая веселость, нерѣдко лучи яснаго и пронзающаго свѣта, которые хотя и не далеко озаряютъ, хотя не объемлютъ всего нынѣшняго общества, но по-временамъ глубоко проникаютъ въ его нѣдра, словно внезапные проблески разсудка въ пьяномъ состояніи, молніеобразно мелькающіе въ хаосѣ и тмѣ умственныхъ органовъ. Правда, никогда не умѣетъ онъ долго пребыть благопристойнымъ и простымъ: въ немъ сидитъ злой духъ жеманства и натяжки, гибельный для всякаго большаго творенія и составляющій странную противоположность съ главами, начертанными съ прелестною невинностью и значительною силою слога. Таково, напримѣръ, описаніе деревенскаго парома въ *Исповѣди*. Разсказъ о пожертвованіяхъ перевощицы, чтобъ дать сыну духовное воспитаніе, есть одна изъ прекраснѣйшихъ страницъ, какихъ давно уже не писали. Не только *Исповѣдь*, но и всѣ прочія творенія Жанена показываютъ въ немъ пламенное и страстное воображеніе, поверхностный образъ сужденія,

ложный вкусъ и совершенную неспособность создать и выполнить что-либо цѣлое въ большомъ видѣ. Въ особенности примѣчательны въ немъ глубокіе слѣды того самаго недостатка, противъ котораго онъ такъ сильно вооружается, то есть, недостатка правилъ въ отношеніи къ нравственности, Политикѣ, Религіи и Словесности. Онъ готовъ писать все обо всемъ, во всѣхъ возможныхъ Журналахъ, въ защиту и въ опроверженіе всѣхъ предложенныхъ вопросовъ, быть-можетъ не изъ видовъ корысти, но потому, что на его глаза въ свѣтѣ нѣтъ ничего справедливаго и ничего ложнаго. Первое его твореніе, *Мертвый оселъ и обезглавленная женщина*, есть одно изъ тѣхъ омерзительныхъ и гадкихъ порожденій, изъ тѣхъ гнусныхъ смѣшеній крови, болѣзни и сладострастія, которыя могутъ гнѣздиться только въ головѣ безумнаго мясника, заключеннаго въ Бедлемскомъ домѣ сумасшедшихъ. За *Исповѣдію* послѣдовалъ *Барнавъ*, – разительный и смѣлый, но неоконченный и недостаточный очеркъ той эпохи, когда старая Французская Монархія разсталась съ старымъ взбалмошнымъ народомъ, съ тѣмъ, чтобы никогда уже болѣе не повстрѣчаться, и, встрѣтившись, не узнать другъ друга: такъ измѣнена одна эмиграціею, а другой духомъ завоеваній! О послѣднихъ твореніяхъ Жанена, *Фантастическія Повѣсти* и *Новыя Повѣсти*, мы ничего не скажемъ. Изъ нихъ *Розетта* и *Опытъ о Кребильонѣ Младшемъ* одни только нѣсколько оправдываютъ славу автора.

Если бы мы разсматривали Французскихъ новѣйшихъ писателей со стороны относительной степени литературнаго ихъ достоинства, то конечно дали бы первое мѣсто не Жанену, но Виктору Гюго, довольно оригинальному драматическому писателю, первокласному лирику и хорошему романтику. Онъ

одаренъ творческимъ геніемъ; стремленіе его высоко и отчетисто; онъ ясно видитъ цѣль свою, твердо и смѣло усиливается къ ней добраться, зрѣло обдумываетъ предметъ, и еще въ большей степени, нежели всѣ его соперники, владѣетъ даромъ чертить сильныя картины и наводить ихъ блестящими красками. Къ несчастію и въ его твореніяхъ бродитъ то же самое начало порчи и безпорядка, какимъ обилуютъ произведенія другихъ современныхъ писателей, и чѣмъ далѣе подвигается онъ на поприщѣ Словесности, тѣмъ глубже укореняется въ немъ эта умственная болѣзнь. Сравните первыя его произведенія съ послѣдними. Въ *Бюгъ-Жаргалѣ* и *Ганѣ Исландцѣ*, воображеніе читателя по крайней мѣрѣ хоть изрѣдка отдыхаетъ на предметахъ тихихъ и усладительныхъ, забывая на нѣсколько мгновеній предшествовавшіе ужасы; видно, что душа сочинителя исполнена чувства, что она можетъ возвышаться. Но что такое *Лукреція Борджіа* и *Изволятъ тѣшиться!* (Le Roi s'amuse)? Несвязная куча убійствъ, кровосмѣшенія и разврата. Вы не встрѣтите въ нихъ ни одного благороднаго или человѣческаго порыва: кажется, будто убійственныя испаренія вѣка придавили и понизили барометръ его генія. Уродливое преувеличеніе всегда составляло характеристическій недостатокъ Виктора Гюго. Лучшія его творенія искажены этимъ недостаткомъ. Подобно нашему Англійскому Метьюрину, онъ въ своемъ *Ганѣ Исландцѣ* истощилъ и переистощилъ всѣ ужасы Скандинавіи. Его *Бюгъ-Жаргаль*, повѣсть изъ временъ Сенъ-Домингскаго возмущенія, до крайности невѣроятна. Герой, негръ, нѣчто въ родѣ Грандисона, питаетъ платоническую любовь къ бѣлой женщинѣ, и жертвуетъ жизнію для блага возлюбленной и ея супруга. Многіе эпизоды этого Романа отличаются необыкновенною силою кисти; замѣчательнѣе всего сра-

женіе между Аверне и Обибра надъ пропастію. Эта сцена изображена съ такою живостью, что читатель, слѣдящій каждое мгновеніе сей ужасной битвы на жизнь и на смерть, едва можетъ перевести духъ до роковой развязки *.

Единственное совершенное твореніе Виктора Гюго есть безъ-сомнѣнія *Послѣдній день приговореннаго къ смерти.* Это не Романъ, а философическое разложеніе одного изъ умственныхъ состояній человѣка, нравственное и психологическое вскрытіе его тѣла, хроника мыслей, подробный списокъ чувствованій въ промежуткѣ, отдѣляющемъ минуту казни преступника отъ приговора. Мы очень хорошо знаемъ, что съ этого времени Викторъ Гюго вообразилъ себѣ, будто онъ начальникъ новаго ученія, клонящагося къ отмѣненію смертной казни во Франціи, къ перемѣнѣ въ законодательствѣ. Это одно изъ тысячи тѣхъ смѣшныхъ притязаній, тѣхъ дурачествъ, которыя новѣйшіе Французскіе писатели считаютъ необходимымъ брать себѣ въ девизъ. Не смотря на то, нельзя безъ удивленія читать этой внутренней метафизической драмы, которую самъ онъ создалъ. Сердце человѣческое въ эту ужасную минуту описано имъ съ необыкновенною точностію и искусствомъ. Онъ развернулъ предъ глазами нашими цѣлую внутреннюю трагедію, не вводя ни какого побочнаго обстоятельства, не упоминая даже, за что герой его приговоренъ къ смерти.

Но кажется, какъ-будто какой-то внутренній неизлечимый недугъ, какое-то язвительное и смертельное пятно, должны непремѣнно таиться во всѣхъ произведеніяхъ новѣйшей Французской Словесности,

* Въ этомъ однако жъ эпизодѣ только колоритъ принадлежитъ Виктору Гюго: предметъ заимствованъ изъ одной Скандинавской пѣсни.

подобно гнилости въ нѣкоторыхъ древесныхъ плодахъ. Къ сожалѣнію, и эта книга, при всей силѣ дарованій сочинителя, имѣетъ одинъ важный недостатокъ: осужденный на смерть, выражающійся такъ прекрасно, съ такою глубокою философіею разлагающій самого себя, одаренный такимъ кроткимъ нравомъ, такимъ могущественнымъ умомъ, такимъ изящнымъ и твердымъ слогомъ, совершенно выходитъ изъ ряду лицъ, свойственныхъ Уголовной Палатѣ. Видалъ ли кто-либо на скамьѣ этого судилища, посреди жандармовъ и приказной челяди, человѣка, способнаго написать хоть одну статью изъ всего, положеннаго ему въ уста авторомъ, а между-тѣмъ онъ обвиненъ, уличенъ въ смертоубійствѣ, безъ всякой надежды на отмѣну или смягченіе приговора? Воля ваша! подобныя преступленія случаются иногда и съ людьми благородными, въ минуту сильной страсти и забвенія, но они, такъ сказать, противо-словесны, нелитературны, несообразны съ философическимъ размышленіемъ и спокойствіемъ духа, котораго требуютъ умственныя занятія. Какой-нибудь молодой Испанецъ рѣшится убить свою любовницу; но Руссо, и даже Лордъ Байронъ, не въ состояніи сдѣлать этого: они будутъ только шумѣть, отпускать высокопарныя фразы, и сила мысли заглушитъ въ нихъ самое намѣреніе.

Церковь Парижской Богоматери, возбудившая такое удивленіе во многихъ читателяхъ, заключаетъ въ себѣ черты геніальныя, прекрасный рисунокъ архитектуры среднихъ вѣковъ, и шумное стеченіе лицъ и нравовъ, принадлежащихъ, по-видимому, минувшимъ вѣкамъ, но, въ сущности, не принадлежащихъ ни какой эпохѣ. Въ этомъ Романѣ, какъ и во всѣхъ твореніяхъ Виктора Гюго, прелесть разсказа истощена на изображеніе несбыточнаго; повѣсть, по

себѣ довольно заманчивая, основана на нелѣпой и противо-логической идеѣ. Въ Ганѣ Исландцѣ мы видѣли чудовище, получеловѣка и полумедвѣдя, съ длинными какъ цѣпы руками, съ кабаньею пастью. Бюгъ-Жаргаль есть Африканскій Селадонъ, который сражается по-рыцарски, и приноситъ себя въ жертву чистой, идеальной любви. Въ *Церкви Парижской Богоматери* выведена Эсмеральда, героиня среднихъ вѣковъ, какой конечно не бывало въ 1400 году на площадяхъ Парижскихъ. Это, уже не первое, подражаніе Гётевой Миньонѣ и Вальтеръ-Скоттовой Фенеллѣ, нашло многихъ обожателей: большая часть сценъ, въ коихъ появляется Эсмеральда, не чужды драматическихъ красотъ; со всѣмъ тѣмъ эта высокая образованность въ цыганкѣ, эта кротость и изящность нравовъ въ XIV столѣтіи, и вообще вся эта Тальони *, перенесенная во времена невѣжества, въ высшей степени невѣроятны и безсмысленны. Вѣрный и исполненный огня живописецъ страшныхъ драматическихъ положеній, Викторъ Гюго разсѣялъ въ *Церкви Парижской Богоматери* картины, истинно достойныя удивленія. Возьмите, напримѣръ, ту сцену, когда герой романа, Клодъ Фролло, съ вершины церковной башни смотритъ на казнь его несчастной жертвы, сожигаемой всенародно, и вдругъ схваченный мстительною рукою Квазимодо низвергается съ ужасной вышины въ двѣсти футовъ на землю, и разбивается о мостовую. Въ этомъ описаніи, неуступающемъ искусствомъ сраженію Абибра и Оверне, все истинно; каждое движеніе злополучнаго Клода, каждый вздохъ, вырывающійся изъ его груди, каждое судорожное движеніе его пальцевъ, списаны съ природы. Свинцовый жолобъ на нѣсколько времени

* Дѣвица Тальони, извѣстная танцовщица, приводящая нынѣ въ восхищеніе Парижъ и Лондонъ.

замедляетъ его паденіе: крѣпко ухватился онъ за него, но жолобъ отъ тяжести медленно наклоняется; подъ ногами несчастнаго вопіютъ толпы народа; надъ головою его Квазимодо горько оплакиваетъ бѣдную жертву; долго еще коварный виситъ надъ пропастію; отчаяніе заставляетъ его употребить послѣднее усиліе; онъ выпускаетъ жолобъ изъ рукъ; въ быстромъ паденіи, онъ нѣсколько разъ перекувырнулся въ воздухѣ, и наконецъ расшибается о выдавшуюся кровлю, съ которой бездыханное тѣло скатывается уже тише, и дребезжется на мостовой. Въ подобныхъ описаніяхъ узнаете вы геній Виктора Гюго, но это только отрывки: въ цѣлости, произведенія его не имѣютъ той необходимой связи, того согласія частей, которыми должны отличаться образцовыя творенія.

Вообще всѣ Французскія литературныя произведенія послѣдняго времени могутъ быть названы *отрывочными*. Если сочинитель предпринимаетъ большое сочиненіе, вы заранѣе можете быть увѣрены, что оно будетъ сшито изъ отдѣльныхъ эпизодовъ: писатель удовольствуется представленіемъ публикѣ нѣсколькихъ лоскутковъ. Иные, болѣе чистосердечные, сознаваясь въ своей неспособности выполнить что нибудь поважнѣе, что либо значительное, издаютъ только собранія сказокъ и мелочную смѣсь; не рѣдко даже три или четыре человѣка соглашаются, и вмѣстѣ сочиняютъ одну книгу. Все это доказываетъ слабость и безплодность. Только болѣе основательное ученіе и счастливая перемѣна въ общественномъ положеніи Франціи могутъ возвратить этой несчастной странѣ прежнюю ея умственную поверхность надъ Европою.

Прочтите Романы Евгенія Сю, имѣвшіе такой бле-

стящій успѣхъ. Онъ хочетъ быть Французскимъ Купе-ромъ. И знаменитаго Американскаго писателя можно упрекнуть въ нелѣпости, холодности и мелочности. Онъ не пропуститъ ни одного листка на описываемомъ деревѣ, ни одного корабельнаго гвоздика, ни одной пуговки въ кафтанѣ, ни одной петельки въ чулкѣ. Повѣсти его уже черезъ чуръ похожи на опись вещамъ продаваемаго съ молотка имѣнія банкрота, а людей своихъ, подобно Американскимъ озернымъ лодкамъ, дѣлаетъ онъ изъ дубоваго лѣсу, спаиваетъ желѣзомъ и обиваетъ мѣдью, забывая только снабдить ихъ въ дорогу сердцемъ, чувствами и жизнію. Но Г. Сю превзошелъ его. Если вѣрить его описаніямъ, въ цѣломъ Французскомъ флотѣ нѣтъ ни одного корабля, который бы не былъ пловучимъ чертовскимъ вертепомъ, которымъ командуетъ самъ сатана, имѣя подчиненными цѣлую ватагу нечистыхъ духовъ; по его понятіямъ, жизнь на кораблѣ есть безпрерывное сцѣпленіе дракъ, кровопролитія, насилія, воровства, богохульства, разбоевъ, грабежей и смертоубійства; палубы фрегатовъ всегда усѣяны трупами и окружены вѣчною атмосферою дыма, смерти, вина и сѣры; подъ палубою всякой божій день пожаръ; бо̀льшую часть Капитановъ вѣшаютъ на гротъ-мачтахъ, а матросы также славно ѣдятъ человѣчье мясо, какъ мы сочистый бифстекъ. Надо опять приняться намъ за старую пѣсню: все преувеличеніе, ложь, недостатокъ логики! Эти общіе и пагубные недостатки новѣйшихъ Французскихъ писателей помрачаютъ всѣ ихъ достоинства и препятствуютъ развитію большей части талантовъ.

Атаръ-Гюль,-такъ называется лучшее твореніе Евгенія Сю, – есть герой новомодный, созданный на покрой героевъ Виктора Гюго̀ и Жанена: онъ нару-

шаетъ всѣ условія и законы Природы для того единственно, чтобы удивить и измучить читателя. Въ этой Словесности наизнанку, въ которой неустрашимые писатели ровно ничего въ свѣтѣ не боятся, кромѣ здраваго смысла и правдоподобія, въ которой стремящіеся къ совершенству умы вырвались изъ тенетъ приторнаго классицизма, чтобъ броситься головою-внизъ въ пучину логики больницы сумасшедшихъ, однажды навсегда положено правиломъ, что всякое злодѣяніе есть добродѣтель, а всякая добродѣтель злодѣяніе. На семъ законномъ основаніи, Атаръ-Гюль есть арапъ, почтенный арапъ, который шестьдесятъ лѣтъ служитъ своему господину вѣрою и правдою, ходитъ за нимъ, жертвуетъ ему своимъ здоровьемъ. Французская Академія присудила почтенному арапу премію за добродѣтель, хотя онъ не слишкомъ ея достоинъ, какъ то изволите увидѣть сами. Атаръ-Гюль, записной лицемѣръ, надѣлъ на себя личину преданности только для того, чтобы разорить своего господина, истребить все его семейство, погубить его самого. Онъ самъ сознается въ этомъ несчастному барину, добрѣйшему въ свѣтѣ человѣку, когда тотъ уже лежитъ на смертномъ одрѣ!

Мы могли бъ еще порасказать кое-что о Г. Бальзакѣ, объ его *Повѣстяхъ философическихъ*, объ его *Повѣстяхъ дурацкихъ* (contes drôlatiques), объ его *Ослиной кожѣ* (Peau de chagrin). Онъ человѣкъ съ умомъ, съ умомъ быстрымъ и плодовитымъ, владѣетъ нѣкоторымъ искусствомъ разсказывать, и повременамъ разсказываетъ хорошо. Онъ безъ логики, такъ же какъ и знаменитый Г. Жаненъ; безъ дальновидности и безъ истинной философіи, и въ добавокъ еще отличается какимъ-то утонченнымъ, натянутымъ цинизмомъ, отнюдь неизвинительнымъ

въ человѣкѣ съ дарованіемъ; но онъ изобилуетъ удачными подробностями, хитро подсмотрѣнными и пріятно разсказанными. Это также талантъ недопеченый, въ которомъ ничто не созрѣваетъ, который никогда не размышлялъ ни о людяхъ, ни о вещахъ, и наобумъ мечетъ въ прохожихъ Повѣстями, болѣе подготовленными, нежели оконченными, всегда занимательными въ началѣ, всегда подъ конецъ исполненными несообразностей, пустыми, многорѣчивыми, неправдоподобными. Для Гг. Сю и Жанена, нерѣдкода же и для самаго Виктора Гюго, злодѣяніе, убійство, посрамленіе женской чести, кровосмѣшеніе, суть коренные предметы повѣствовательнаго нравоученія. Г. Бальзакъ довольствуется однимъ распутствомъ. Развратъ, въ его сочиненіяхъ, выставленъ во всей наготѣ; онъ съ веселою улыбкою простираетъ неблагопристойность до послѣдней точки дерзости. Многія мѣста его сочиненій способны привести въ краску любаго драгуна, и даже изумить извощика.

Утвердили ли всѣ эти писатели хоть одно полезное правило, дали ли хоть одинъ урокъ, утѣшили ли хоть одну страждущую душу? Нѣтъ! совсѣмъ нѣтъ! Они только бросили мысли свои на бурный вихорь себялюбія и пресыщенія, обнимающій Французское общество, увеличили зло, растравили общественную рану. Найдете ли вы въ ихъ твореніяхъ ту прямодушную, философическую, хотя немножко беззаботную опытность, какую Монтань почерпнулъ въ обыкновенной человѣческой жизни? Вдохнутъ ли они вамъ пламенныя мысли? Могутъ ли они, подобно страницамъ неукротимаго Руссо, разшевелить сильную душу? Могутъ ли возвратить Франціи прежнее благоговѣніе передъ благородствомъ духа и самоотверженіемъ, замѣненныя теперь меркантильнымъ, истин-

но омерзительнымъ корыстолюбіемъ? Найдетъ ли въ нихъ будущность хоть одну честную и добродѣтельную мысль, хоть одинъ великодушный порывъ? Совсѣмъ нѣтъ! Даже и въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя написаны въ духѣ болѣе спокойномъ, съ бо̀льшею скромностью, какъ напримѣръ въ *Индіанѣ* и *Валентинѣ* Жоржа Занда (правильнѣе, Г-жи Дюдеванъ), встрѣтите вы на каждой почти страницѣ явный бунтъ противу человѣческихъ установленій, въ особенности противъ брака, то есть, тайный панегирикъ прелюбодѣянію. Эта писательница, болѣе всѣхъ другихъ Французскихъ повѣствователей, владѣетъ искусствомъ выставлять свои дѣйствующія лица занимательными, увлекать читателя въ ихъ пользу, изображать семейный бытъ и описывать житейскую дѣйствительность. Первыя страницы *Индіаны* можно назвать произведеніемъ образцовымъ. истинно неподражаемою картиною домашней жизни. Но если вы захотите поискать въ ней нравоученія, то найдете тамъ молодую женщину, очень чувствительную, нѣжную до такой степени, что она беретъ себѣ троихъ любовниковъ, не считая мужа, и убѣждается по опыту, что самый безчувственный и самый тупой изъ нихъ одинъ достоинъ ея любви *.

Одинъ изъ писателей, издавшій въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ множество Романовъ, скрывается подъ вымышленнымъ названіемъ Библіофила Жакоба. У Г. Поль-Лакруа, – это настоящее имя

* Что бы сказалъ сочинитель этой статьи, если бъ еще зналъ *Лелію*, послѣдній романъ Г-жи Дюдеванъ, скрывающейся подъ кровавымъ именемъ Занда? Въ немъ исчезли красоты Индіяны и Валентины, и отвратительное негодованіе сочинительницы противъ того, что ограждаетъ честь и гражданскій бытъ женщины, вспыхнуло во всей своей силѣ, во всемъ безстыдствѣ. Въ этой книгѣ даже попрана религія. *Изд.*

его, – нѣтъ недостатка ни въ плодовитости, ни въ легкости слога; но главная мысль у него всегда слаба, а школьная ученость вчерашняго набора, взгроможденная безъ нужды, подавляетъ занимательность вымысла. Его *Макабрская Пляска* составлена изъ чумы, колдовства, распутства и безконечнаго кровопролитія, и начинена подробностями, заимствованными у антикваріевъ. Въ изданныхъ недавно симъ писателемъ двухъ романахъ, *Разводъ* и *Добродѣтель и Темпераментъ*, онъ оставилъ средніе вѣки, которыхъ доселѣ придерживался, и избралъ нынѣшнее общество поприщемъ для своихъ наблюденій. Мы не читали этихъ сочиненій, и не можемъ сказать, удалась ли ему новая его попытка.

Говорить ли еще о Поль-де-Кокѣ, живописцѣ Парижскихъ горничныхъ и ротозѣевъ, подражателѣ Пиго-Лебрена, и о шайкѣ тѣхъ малоизвѣстныхъ геніевъ, которые живутъ нынѣшнимъ жалкимъ совращеніемъ чувствъ и мыслей во Франціи и сплачиваютъ романы свои изъ всѣхъ возможныхъ злодѣяній, подслушанныхъ ими въ уголовныхъ судахъ? Этихъ авторовъ – цѣлыя полчища! Каждый мѣсяцъ выходитъ въ свѣтъ до пятидесяти новыхъ Романовъ. Между ними заслуживаютъ особенное вниманіе только тѣ, которые изданы подъ именемъ Мишель-Ремона. Они писаны обществомъ молодыхъ людей съ дарованіями, но, понесчастію, и въ нихъ встрѣчаются тѣ же самые недостатки, за которые мы обвиняли другихъ писателей.

Остановимся здѣсь, и попытаемся собрать мысли, представившіяся намъ при изложеніи этого разсужденія. Изуродованная преувеличеніемъ, изысканностью, ложью; ищущая блеснуть эффектомъ, во что бы то ни стало; проповѣдующая глупую и противо-

общественную мизантропію; притворяющаяся невѣрующею, сама негодуя на безвѣріе; преданная чувственнымъ наслажденіямъ, но безъ откровенности; надутая учительскимъ тономъ, но безъ логики; безбожная безъ убѣжденія; оплакивающая упадокъ вѣрованія, но безъ чистосердечія въ своихъ жалобахъ; не представляющая ни какой опоры, ни какого ученія, даже въ худую сторону, ни какой цѣлости, ничего совершеннаго, оконченнаго, полнаго, — современная Французская Словесность очевидно мимолетна, и образуетъ только переходъ изъ одного состоянія искусства въ другое, новое, еще неизвѣстное. Весьма немногія имена, судорожно уцѣпившіяся за нее въ надеждѣ достигнуть безсмертія, всплывутъ наверхъ въ лучшее время послѣ этого умокрушенія. Что касается до сочиненій, о которыхъ мы говорили, то они обречены судьбою на быстрое забвеніе, которое уже ихъ поглощаетъ, и наши преемники въ жизни будутъ заглядывать въ нихъ только какъ въ памятникъ общественной болѣзни, къ сожалѣнію, слишкомъ долговременной.

Magazin für ausländische Literatur.

В. С.

Примѣчаніе. Французскій Журналъ L'Europe litteraire, преданный ультра-романтической партіи, и ничтожный во всѣхъ отношеніяхъ, напечаталъ, въ опроверженіе этого сильнаго сужденія, статью и плоскую, и дурно написанную. Довольно сказать, что сочинитель ея есть Г. Фельидъ, тотъ самый, который превознесъ до небесъ похвалами послѣднюю драму Виктора Гюго, *Марія Тудоръ*, не нашедшую въ другихъ журналахъ ни одного панегириста.

ИСКУССТВО

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Сцена, списаная съ натуры.

═

Г. Мессенъ. Поручикъ Годаръ. Г. Проспектусъ.

Г. Мессенъ. А! это вы, любезный Г. Проспектусъ! Позвольте мнѣ познакомить васъ съ Г. Поручикомъ Годаромъ.

Г. Проспектусъ (*кланяясь*). Поручикъ Годаръ! О, я давно желалъ имѣть удовольствіе познакомиться съ храбрымъ Поручикомъ Годаромъ, котораго изящный вкусъ, безошибочное сужденіе, блестящее воображеніе.....

Поручикъ Годаръ. Довольно, довольно.....

Г. Мессенъ. Вы слишкомъ скромны, любезный Поручикъ; пріятель нашъ, Проспектусъ, говоритъ съ вами языкомъ своего ремесла.

Поручикъ Годаръ. Своего ремесла?

Г. Проспектусъ. Да, сударь! я не скрываю моихъ занятій; въ кругу пріятелей я говорю объ этомъ откровенно, и самъ о себѣ объявляю. Я торгую похвалами, или, яснѣе сказать, занимаюсь труднымъ ис-

кусствомъ *поддерживать* книгу, пьесу, автора.... какъ говорятъ, faire mousser un succès. Къ вашимъ услугамъ, сударь, и къ услугамъ вашихъ пріятелей.

Поручикъ Годаръ. Покорно благодарю..... Я думаю, Г. Проспектусъ, что мнѣ неразъ случалось любоваться вашими статьями въ Журналахъ.

Г. Проспектусъ. Да, сударь, могу сказать, что я не разъ писывалъ всю послѣднюю страницу въ Constitutionnel, въ Journal des Débats, въ Gazette de France и прочая, не говоря уже о многихъ статейкахъ, помѣщаемыхъ въ самомъ текстѣ.

Поручикъ Годаръ. А я думалъ, что авторы и книгопродавцы сами пишутъ эти объявленія и статейки.

Г. Проспектусъ. Случается; но они не мастера этого дѣла. Всѣ тѣ изъ нихъ, которые меня знаютъ, обыкновенно просятъ объ этомъ меня.

Поручикъ Годаръ. Скажите, сдѣлайте милость, Г. Проспектусъ, какъ вы вздумали заняться ремесломъ столь полезнымъ въ нашемъ вѣкѣ соперничества?

Г. Проспектусъ. Я, сударь, былъ нѣкогда книгопродавцемъ; но, къ несчастію, разорился. Я имѣлъ глупость издать сочиненія трехъ академиковъ, – и потерялъ весь капиталъ; а потомъ четырехъ молодыхъ людей, которые слывутъ украшеніемъ новой школы, – и обанкрутился. Съ тѣхъ поръ, я занялся усовершенствованіемъ объявленій о другихъ, и, безъ хвастовства могу сказать, никто прежде меня

не занимался этимъ предметомъ столь ученымъ образомъ.

Поручикъ Годаръ. Ученымъ образомъ!

Г. Проспектусъ. Да, сударь! Я усовершенствовался, подвелъ подъ строгія правила искусство писать объявленія, голосъ нынѣшней литературы. Объявленія, сударь мой, бываютъ разныхъ родовъ. Главнѣйшіе суть: объявленіе *прямое*, объявленіе *косвенное*, и объявленіе *тайное*.

Поручикъ Годаръ. Прямое объявленіе, понимаю.

Г. Проспектусъ. Оно очень просто. На примѣръ, Г. С*** издалъ Историческій Романъ. Мы тотчасъ объявляемъ во всѣхъ газетахъ, что это твореніе истиннѣе самой Исторіи, какъ Романы Вальтера Скотта; что авторъ пишетъ слогомъ столь же поэтическимъ, какъ слогъ Шатобріана; что въ его книгѣ столько же страсти, какъ въ Новой Элоизѣ, и прочая, и прочая, и прочая.

Поручикъ Годаръ. Неужели же эти *прямыя* объявленія имѣютъ еще какое нибудь вліяніе на публику?

Г. Проспектусъ. Нынче меньше, чѣмъ прежде; но и нынче еще весьма мало читателей, которые судятъ сами.

Поручикъ Годаръ. Что же вы называете *косвеннымъ* объявленіемъ?

Г. Проспектусъ. Косвеннымъ называется объ-

явленіе, заключающееся въ какомъ нибудь анекдотѣ, въ сравненіи, въ цитатѣ, искусно приведенной. Напримѣръ: «Въ минувшую ночь воры забрались въ «домъ Г-жи М***. Късчастію, эта дама читала въ «постели новый Романъ Г. Б***, и хотя уже было «весьма поздно но, не рѣшалась предаться сну, не окон«чивъ этой чрезвычайно занимательной книги,» и прочая. Или: «Поэма Г. Ф*** вышла изъ печати. «Извѣщая о семъ публику, мы на первый случай «не можемъ сообщить ей ни какого разбора. Необы«кновенная важность предмета и достоинство сама«го сочиненія требуютъ внимательныхъ и глубокихъ «соображеній....» Само собою разумѣется, что это объявленіе возбуждаетъ любопытство публики; а когда Поэма разойдется вся, Издатель газеты можетъ сказать по совѣсти, что она никуда не годится.

Поручикъ Годаръ. Въ самомъ дѣлѣ, это очень замысловато!

Г. Проспектусъ. Объявленіе тайное новѣе, и потому сильнѣе дѣйствуетъ. Но его употребляютъ только смѣлые книгопродавцы и предпріимчивые поэты и романисты. Оно обыкновенно таится въ охужденіи или доносѣ. Напримѣръ: какой нибудь подписчикъ пишетъ къ журналисту, упрекая его въ томъ, что онъ позволяетъ объявлять въ его газетѣ о Романѣ Г. Л***, въ которомъ нѣкоторыя главы чрезвычайно страшны, неблагопристойны. Вы понимаете, что, послѣ этого, двѣсти экземпляровъ будетъ куплено въ одинъ день. Или: Двое молодыхъ любовниковъ лишили себя жизни, прочитавъ передъ смертію стихи Г. М***. Или: Одинъ негодяй, сужденный на дняхъ въ Исправительной Полиціи, признался, что любимымъ его чтеніемъ были повѣсти Г. Баль***, и прочая, и прочая. На подобныя нападки, книгопродавецъ-издатель отвѣчаетъ обыкновен-

но простымъ объявленіемъ о второмъ изданіи книги. Вы видите, умно ли я поддерживаю Словесность!

Г. Мессенъ. Признайтесь, любезный Проспектусъ, что вы это составили поэтическую славу бѣдному Барону Шуфлеру. Я бьюсь объ закладъ, что всѣ статьи, въ которыхъ говорили о рѣдкихъ его дарованіяхъ, были писаны вами? Вы человѣкъ удивительный!

Г. Проспектусъ. Не всѣ, однако жъ многія. Баронъ Шуфлеръ обыкновенно самъ пишетъ статьи о своихъ стихахъ, и самъ себя хвалитъ.

Поручикъ Годаръ. А это объявленіе, въ которомъ издатели одного Журнала говорятъ, что у нихъ въ одно утро подписалось сорокъ восемь тысячъ человѣкъ, и что *за недостаткомъ бумаги*, изданіе на нѣсколько дней пріостанавливается, — вѣрно ваше!

Г. Проспектусъ. Нѣтъ; но я подалъ мысль объ этомъ отважномъ шарлатанствѣ.

Поручикъ Годаръ. Правда ли, какъ сказано въ одномъ изъ этихъ объявленій, будто бы издатели одного изъ новыхъ Журналовъ платятъ за нихъ авторамъ по 500 франковъ?

Г. Проспектусъ. Да! это точно правда. Я знаю двухъ или трехъ извѣстныхъ авторовъ, которые обманулись этою расчетливою щедростію, и поддержали своимъ именемъ предпріятіе издателя; а онъ взялъ у нихъ нѣсколько строкъ съ ихъ именемъ, да потомъ уже ни разу къ нимъ и не являлся.

Поручикъ Годаръ. Это напоминаетъ мнѣ одного Берлинскаго трактирщика, у котораго былъ ученый попугай. «Что стоитъ этотъ попугай?» спросилъ одинъ шутникъ изъ нашего полка. – Шестьсотъ франковъ, сударь. – «Хорошо, подай мнѣ его на завтракъ.» Трактирщикъ рѣшился зарѣзать бѣднаго попугая. – Какъ прикажете его приготовить, сударь? «Какъ хочешь, и подай мнѣ на два су.»

Г. Мессенъ. Я знаю этотъ анекдотъ, и сообщу его, для виньетки, издателю «Магазина Вселенной,» составляемаго знаменитыми учеными и литераторами, которые остаются безъименными.

Г. Проспектусъ. Да и не безъ причины, увѣряю васъ.

Г. Мессенъ. Такъ, видно, не вы писали объявленіе объ этомъ Журналѣ?

Г. Проспектусъ. Я; но я сердитъ на его издателя за то, что онъ вставилъ въ мое объявленіе гравюрку слона такую дрянную.... что съ перваго разу видно, съ какою бережливостію будетъ издаваться этотъ Журналъ.

Поручикъ Годаръ. Ужъ, полно, не дѣлаете ли вы намъ *тайнаго* объявленія?

Г. Проспектусъ. Вы меня поймали! Я дѣйствительно обѣщалъ издателю этого Журнала, говорить объ его слонѣ такъ часто, что онъ наконецъ доставитъ ему семьдесятъ пять тысячъ подписчиковъ, какъ счастливому его предшественнику, издателю «Живописнаго Магазина.»

Revue de Paris.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

СКАНДИНАВСКІЯ САГИ.

Нынѣ всѣ пишутъ объ Исторіи, учатся Исторіи, преподаютъ Исторію, многіе даже ее читаютъ; но весьма не многіе догадываются, что такое они дѣлаютъ, когда пишутъ, изучаютъ, преподаютъ, и даже иногда читаютъ Исторію.

Что собственно значитъ слово *исторія?* – повѣсть, сказаніе. Когда у людей существуетъ настоящая Исторія?..... Вопросъ важный, если только есть важные вопросы по части Словесности, а Исторія есть та же Словесность, – и притомъ первая Словесность всякаго народа.

Возьмемъ большое пространство земли, населенное разноплеменными массами человѣчества, болѣе приближеннаго къ Природѣ, чѣмъ къ образованности, и еще не превратившаго пылкихъ страстей своихъ въ скрытные и холодные происки Политики. Эти

массы уже политическія общества, но онѣ еще не политическія тѣла. Это химическій растворъ всѣхъ началъ гражданственности и народной силы, въ броженіи; растворъ, въ которомъ уже образовались многочисленныя ядра будущихъ кристалловъ; но они могутъ еще, при первомъ потрясеніи, при первомъ усиленіи теплоты массы, быть опять растворенными и слиться въ одно большое, правильное тѣло. Въ такомъ состояніи человѣческихъ массъ, страсти дѣйствуютъ въ нихъ сильно, бурно, безсвязно, откровенно: всякое послѣдствіе ихъ дѣйствія или столкновенія есть «событіе», фактъ. Народное, или, лучше сказать, племенное тщеславіе, будучи одною изъ главныхъ дѣйствующихъ въ массѣ страстей, естественно желаетъ сохранить, для себя и для тщеславія потомковъ, память этихъ событій, желаетъ спасти ихъ отъ забвенія и смѣшенія съ другими подобными событіями. Письмена еще не извѣстны. Умъ человѣка, призванный въ пособіе тщеславію, является передъ лицемъ его съ однимъ только невещественнымъ орудіемъ, даромъ слова. Нужно употребить это единственное орудіе, чтобъ вспомоществовать слабой общественной памяти, – и первое къ тому средство, какое представляется уму, есть расположеніе словъ и звуковъ въ такомъ порядкѣ, чтобы память могла удобнѣе удержать ихъ, чтобы прельщенное имъ ухо, изъ жадности къ собственному своему удовольствію, всегда берегло ихъ въ одномъ и томъ же размѣщеніи и препятствовало памяти перемѣшать ихъ. Метръ, стихъ, размѣръ, гармонія и поэзія раждаются въ ту минуту, и суть простое осуществленіе этой необходимости и этого средства. И такъ, Стихоторство есть только первая грамота человѣка, письмо, которымъ записываетъ онъ слова и мысли на своей памяти; не что иное, какъ мнемоническое ухищреніе.

Съ появленіемъ первыхъ Поэмъ, первыхъ умственныхъ книгъ, словесныхъ изображеній отдѣльныхъ событій, создается особый классъ людей, которые принимаютъ на себя выучивать ихъ наизустъ и повторять передъ согражданами, и которыхъ можно назвать первобытными, движущимися архивами племенъ, первымъ ученымъ и пишущимъ сословіемъ. Оно обыкновенно составляетъ часть сословія духовнаго, и потому описываемыя имъ въ стихахъ общественныя событія всегда бываютъ соединены съ событіями духовнаго міра, съ вѣрою, съ миѳологіею. Исторія уже родилась, но она еще обвита пеленами языческаго богословія. Этотъ періодъ называемъ мы баснословнымъ. Онъ приличнѣе могъ бы быть названъ стихотворнымъ, и памятниковъ его не слѣдовало бы отвергать легкомысленно, изъ неумѣстнаго желанія прославиться строгимъ Критикомъ, ибо они являютъ картину понятій того періода, картину тогдашняго человѣка, безъ которой самый вѣрный списокъ политическихъ событій есть только скелетъ Исторіи. Такъ называемая историческая истина, или достовѣрность, не ведетъ насъ ровно ни къ чему: мы не будемъ ни умнѣе, ни опытнѣе, ни счастливѣе, зная однимъ древнимъ событіемъ менѣе; но презирая это событіе для того, что оно слито съ миѳами, съ баснословными обстоятельствами, мы теряемъ изъ виду и вѣкъ, въ которомъ оно почиталось общественною истиною, и человѣка, который въ него вѣровалъ.

Скоро вкусъ къ гармоническимъ сложеніямъ словъ и звуковъ распространяется въ массахъ, слушатели становятся взыскательнѣе, поэзія требуетъ уже усилій таланта и воображенія, и тѣ, которые взялись торговать ею, Рапсоды, Друиды, Скальды, Гусляры, Баяны или Вайделоты, не будучи въ состояніи безпрерывно сочинять хорошія Поэмы, принуждены

прибѣгнуть къ прозѣ, и расказывать событія на торжествахъ и пирахъ въ видѣ изученныхъ сказаній. Нѣкоторое искусство въ сложеніи, извѣстныя условныя формы, отличаютъ еще эти новыя произведенія дара слова, этотъ новый родъ взоромъ неосязаемаго письма, будучи необходимы какъ для обезпеченія сочинительской собственности разсказывающему классу, такъ и для удовольствія слушателей; но, вообще, легкость сочиненія быстро умножаетъ число сочинителей и разскащиковъ, исключительное право послѣднихъ на повѣствованіе переходитъ и въ другія сословія, и общественныя событія отлагаются отъ богословія. Обиліе сочиненныхъ сказаній заставляетъ разскащиковъ списывать ихъ себѣ уже посредствомъ настоящей азбучной грамоты, которая всегда является около этого періода народной образованности. Тогда общество находится въ вѣкѣ сказаній, въ вѣкѣ того, что Греки называли ἱστορίαν (исторіе), Римляне fabulae, Скандинавы saga, и Словяне *повѣстями:* всѣ эти слова буквально значатъ «сказаніе». Тогда Исторія, въ полномъ смыслѣ слова, процвѣтаетъ въ народѣ, и народъ живетъ, дышитъ ею. Она гремитъ, раздается, въ ушахъ всего поколѣнія; украшаетъ собою его торжественныя сборища, становится важною частію его забавъ, и, сливаясь со звукомъ гусли и военной трубы, проникаетъ во всѣ обстоятельства жизни, и воспламеняетъ цѣлыя массы людей къ подвигамъ, геройскимъ состязаніямъ, грабежу и славѣ. Посредствомъ сказаній, одни и тѣ же чувства, понятія и свѣдѣнія, расходятся по цѣлому участку земли, занятой племенемъ, достигаютъ до послѣднихъ предѣловъ языка его, и одинаково потрясаютъ всѣ умы и сердца. Сказанія связываютъ многочисленныя его отдѣленія въ одно цѣлое, и, поселяя въ нихъ чувство общей славы, готовятъ ихъ къ понятію общаго отечества. Сказа-

нія суть настоящія газеты того времени, которыя вполнѣ замѣняютъ они для общества, находящагося на подобной степени образованности; и обратно, наши Газеты, Записки и Мемуары суть не что иное, какъ ἱστορίαι (исторіе), fabulae, саги, повѣсти, нашего образа общественнаго быта. Если бъ мы имѣли въ рукахъ всѣ старинныя Греческія или Римскія саги, мы могли бы сказать по справедливости, что обладаемъ полнымъ собраніемъ газетъ Трои, первобытной Эллады и Лаціума.

Но эта жизнь, это сильное, блистательное процвѣтаніе Исторіи, и владычество ея надъ обществомъ, не продолжительны: перо и письмо, которыя нынѣ присвоиваютъ себѣ право говорить объ ней родительскимъ тономъ и учить людей точному ея содержанію, первыя ее убиваютъ. Со введеніемъ азбучной грамоты, письмо свирѣпо вторгается въ даръ слова, превращаетъ звуки въ таинственные и нѣмые знаки, и, замѣняя собою всякое другое словесное искусство, охлаждаетъ, раздраматизируетъ сказаніе. Мало-по-малу исчезаетъ и классъ разскащиковъ, которыхъ все знаніе уже перенесено на бумагу; Исторія спитъ на страницахъ, неприступныхъ для воина и для простолюдина; страницы постепенно истребляются, и она умираетъ на нѣсколькихъ, случайно уцѣлѣвшихъ, обломкахъ. Тогда отдѣльныя лица, люди безъ энтузіазма и, большею частію, безъ другихъ дарованій, кромѣ знанія грамоты и желанія писать книги по примѣру сосѣдовъ, одолжившихъ ихъ своими буквами, припомнивъ себѣ о прежнемъ существованіи Исторіи, собираются на ея похороны. Составивъ для ней надгробную надпись подъ именемъ «первой Лѣтописи», они навсегда погребаютъ ее въ тмѣ забвенія. Нельзя назвать иначе, какъ надгробною надписью Исторіи, эти тощіе, сухіе и

безцвѣтные списки событій, извлеченныхъ первыми лѣтописцами изъ уцѣлѣвшихъ сказаній; списки, въ которыхъ они обыкновенно всѣ неизвѣстные имъ промежутки времени между болѣе или менѣе достовѣрными фактами наполняютъ своимъ пристрастіемъ, своими предразсудками и догадками, подражаніями избранному образцу и своимъ невѣжествомъ. Наступаетъ періодъ Лѣтописей: дѣянія предковъ совершенно изглаживаются изъ памяти народа, и уже хранятся только въ книгѣ, вмѣстѣ съ ошибками, прикрасами и произвольными искаженіями лѣтописца. Благоговѣніе, которымъ всѣ грубые народы бываютъ проникнуты къ сочинителю первой на ихъ языкѣ книги, заставляетъ ихъ пренебрегать ея источниками, и послѣдніе остатки сказаній теряются безвозвратно.

Спустя нѣсколько столѣтій Лѣтописи переходятъ въ руки людей, вызывающихся снабдить своихъ современниковъ полнымъ, систематическимъ понятіемъ о томъ, что происходило съ начала существованія народа до настоящаго времени. Воспитанные въ другихъ нравахъ, увлекаемые господствующими теоріями, эти оптовые поставщики свѣдѣній о прошедшемъ, пропустивъ содержаніе старинныхъ Лѣтописей сквозь рѣшето своего образа мыслей, невольно насыщаютъ его своими понятіями: они самовластно располагаютъ чувствами и намѣреніями лѣтописныхъ героевъ, однимъ раздаютъ свои исторіографскія милости, другихъ преслѣдуютъ по предубѣжденіямъ, въ которыхъ часто сами не могутъ отдать себѣ отчета, и, вмѣсто дѣла, сообщаютъ вамъ свое рѣшеніе подъ великолѣпнымъ названіемъ «Исторіи такого-то народа, или государства». Книга такая можетъ имѣть большія, даже безчисленныя достоинства во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, – только она не Исторія: это

трупъ Исторіи; трупъ почти истлѣвшій, вырытый ими изъ могилы, изрѣзанный тупымъ ножемъ Критики при столь же трудномъ, какъ и безполезномъ, вскрытіи, измученный, иногда даже растерзанный ихъ страстями; а если угодно, – это диссертація объ Исторіи народа или государства, ибо подобные труды предпринимаются въ то время, когда Исторія уже перестала быть вещію, одною изъ дѣйствующихъ силъ общества, и сдѣлалась наукою. Это періодъ Науки Исторіи.

Представленная здѣсь картина судьбы столь важнаго и пріятнаго для всѣхъ насъ предмета можетъ не нравиться нѣкоторымъ страстнымъ его любителямъ, но тѣмъ не менѣе она списана съ натуры: если въ ней примѣчаются недостатки, они должны быть отнесены къ слабому искусству живописца. Существо дѣла отнюдь тѣмъ не нарушается. Прошедшее столѣтіе, между многими ложными теоріями, создало также теорію Исторической Критики, которой не назовемъ мы ложною, – напротивъ, она столь же полезна, какъ и благородна, – но которую утрировало оно подобно прочимъ своимъ теоріямъ, и до такой степени, что сообщило ей совершенно ложное направленіе. Всѣ тогда стали доискиваться въ Исторіи истины, достовѣрности, чистоты фактовъ, не думая о томъ, что родъ человѣческій, что его польза и умственное наслажденіе, скорѣе требуютъ картины общественнаго человѣка, чѣмъ знанія года и числа какого нибудь злодѣянія, чѣмъ реестра событій въ точнымъ означеніемъ, въ графѣ, количества довѣрія, какое можетъ онъ питать къ нимъ, безъ обремененія своей совѣсти грѣхомъ легковѣрности. Настало время настоящаго гоненія на басни: всѣ, ветхія, давно внесенныя въ Исторію, событія подверглись подозрѣнію, и претерпѣли пытку, изъ-за

однѣхъ догадокъ о непозволительномъ укрывательствѣ ими басень; многія изъ нихъ даже погибли въ терзаніяхъ, быть-можетъ, невинно. Однимъ изъ ужаснѣйшихъ мучителей благополучно состарѣвшихся по книгамъ историческихъ показаній, былъ нашъ почтенный Шлёцеръ, пугливое воображеніе котораго повсюду видѣло безобразный призракъ басни, исключая въ томъ, что онъ избралъ-было въ памятники своей славы. Мы упоминаемъ здѣсь преимущественно о Шлёцерѣ, потому, что его мнѣнія, важность его имени и грозный тонъ его учености, дали особенное направленіе первымъ историческимъ трудамъ XIX вѣка въ Россіи. Карамзинъ, не смотря на свои дарованія и рѣдкій умъ, которымъ былъ одаренъ отъ Природы, писалъ исключительно подъ вліяніемъ его понятій, вѣрилъ его вѣрою, и отвергалъ безусловно все то, что неумолимый Критикъ прошедшаго столѣтія объявилъ подозрительнымъ, какъ несогласное съ его теоріею. Послѣдній знаменитый отпрыскъ этой школы неукротимыхъ охотниковъ до чистоты фактовъ, Каллигулъ на басни, грабителей невинныхъ потѣхъ рода человѣческаго, разцвѣлъ въ лицѣ Нибура, и мы знаемъ многихъ, кому еще вскружилъ онъ голову въ наше время.

Но недовѣрчивость Нибура опоздала цѣлою четвертью столѣтія: въ наше время она уже была вопіющимъ анахронизмомъ, котораго не могли прикрыть ни великій талантъ Писателя, ни безконечная ученость Критика. Вкусъ къ чистымъ, безспорнымъ фактамъ кончился, оставивъ послѣ себя незавидную пословицу, – c'est bête comme un fait! – и всѣ почувствовали желаніе увидѣть на страницахъ Исторіи вѣрныя и живописныя картины человѣка и общества, вмѣсто холоднаго скептицизма и большихъ торговыхъ вѣсовъ, на которыхъ читатель долженъ былъ

цѣлый день взвѣшивать съ авторомъ событія, чтобъ узнать, на фунты и золотники, сколько въ каждомъ изъ нихъ истины и басни. При этомъ переворотѣ въ понятіяхъ, басня нашла свою цѣль, свое употребленіе: она плодъ, принадлежность и клеймо того человѣка и общества, которые создали ее и вѣрили въ нее, какъ въ истину, и, слѣдственно, важный матеріялъ для его Исторіи.

Одинъ изъ первыхъ, Вальтеръ Скоттъ постигъ эту мысль вѣка, и старался выразить ее Романомъ. Хотя несчастные его подражатели теперь совсѣмъ уронили созданный имъ родъ изящнаго сочиненія, но основная историческая его идея развилась, укрѣпилась и живетъ въ публикѣ. Просвѣщенная Европа громко потребовала отъ Историковъ подлинной, живой, свѣжей, оригинальной Исторіи, съ первобытною и неподдѣльною ея краскою; такой, какою была она въ то время, когда еще жила между людьми и вмѣстѣ съ ними, и прежде чѣмъ сдѣлалась теоріею и наукою. Европейская историческая ученость принуждена была принять въ шумномъ руслѣ своемъ тихое, обратное теченіе, вверхъ, къ среднимъ вѣкамъ, къ забытымъ нравамъ и понятіямъ, къ старинному языку, къ Лѣтописямъ, и даже далѣе, за Лѣтописи, къ остаткамъ предлѣтописной Словесности, — сказаніямъ, повѣстямъ и поэтическимъ памятникамъ первыхъ временъ общества. За неимѣніемъ такой Исторіи, публика пожелала сама читать историческіе источники, чтобъ увидѣть въ нихъ подлиннаго тогдашняго человѣка, котораго прежняя Критика выгнала изъ Исторіи или спрятала за остовомъ фактовъ и за своею философіею. Этому обстоятельству должно приписать и необыкновенный успѣхъ, которымъ недавно пользовались у насъ не только настоящіе, но и подложные Мемуары, Серб-

скія пѣсни, и Романы, переведенные съ Китайскаго. Обезславленныя Критиками прошлаго столѣтія Скандинавскія Саги были взяты во всѣхъ почти краяхъ подъ новый разборъ, и, будучи разсмотрѣны съ другой точки зрѣнія, открыли глазамъ нашимъ цѣлый міръ незнакомыхъ понятій, цѣлый рядъ подлинныхъ картинъ давно исчезнувшаго общественнаго быта: что важнѣе, мы увидѣли въ нихъ неоспоримую умственную связь сѣвернаго человѣка среднихъ вѣковъ съ человѣкомъ первоначальнаго классическаго міра. Скандинавскіе языкъ и Словесность удостоились даже чести занять мѣсто на публичной каѳедрѣ въ Парижѣ, и нашъ незабвенный Карамзинъ безъ сомнѣнія первый исключилъ бы сегодня изъ своей Исторіи то, что написалъ объ нихъ въ духѣ учености своего времени. Онъ не могъ и предполагать, что, назвавъ ихъ *достойными забавлять только легковѣрныхъ*, этою одною фразою ужасно скомпрометируетъ себя и свои познанія передъ первымъ поколѣніемъ потомства, которое выросло при его глазахъ, и которое самъ онъ выучилъ гражданской грамотѣ.

Но это новое направленіе историческихъ изслѣдованій довело насъ до страннаго открытія: написавъ столько полныхъ, столько всеобщихъ Исторій, мы спохватились, что намъ еще не пора писать свои Исторіи; мы теперь лишь увидѣли, что, въ настоящемъ положеніи Историческихъ Наукъ, жители Европы не должны и думать о полныхъ частныхъ, а тѣмъ менѣе всеобщихъ, Исторіяхъ, и что напередъ надобно заняться изученіемъ и описаніемъ отдѣльныхъ эпохъ всякаго народа порознь, то есть, приступить къ сочиненію хорошихъ историческихъ монографій, изъ которыхъ потомъ составится Исторія. Отличнѣйшіе умы, занимающіе нынѣ первое мѣсто

въ области исторической учености, принялись за монографіи, или изображенія извѣстныхъ періодовъ времени съ принадлежащимъ имъ человѣкомъ, предоставивъ послѣдователямъ старой Критики продолжать прежнюю школу полныхъ и всеобщихъ Исторій, и забавляться доказываніемъ, были ли на свѣтѣ, или нѣтъ, Ромулусъ и Рурикъ. Всѣ мы сегодня знаемъ, что Ромулусъ и Рурикъ, доказанные или опровергнутые самымъ лучшимъ образомъ, не дадутъ намъ еще ни какого понятія о состояніи человѣчества въ тѣ годы и въ тѣхъ странахъ, гдѣ они записаны и откуда ихъ выгоняютъ, и что въ равной степени смѣшно какъ отвергать, такъ и защищать то, чего нельзя доказать безспорно.

Но кромѣ теоретическаго понятія о свойствѣ и цѣли Исторіи, которое всегда выражается духомъ и направленіемъ Критики, въ сочиненіяхъ этого рода должно еще замѣчать систему: она относится къ изложенію, и обыкновенно принадлежитъ лично сочинителю, ежели сочинитель самъ попросту не принадлежитъ къ вѣку, въ которомъ живетъ, или къ числу подражателей. Всѣ, понынѣ извѣстные, образы изложенія Исторіи, — мы говоримъ здѣсь не о механизмѣ книги, но объ ея свойствахъ, и подъ «образомъ изложенія» понимаемъ умственное клеймо ея, а не порядокъ расположенія фактовъ, — могутъ быть подведены подъ три главныя системы, риторическую, философскую и прогрессивную.

Сказанія, саги, классическаго міра и его Лѣтописи, достались въ руки риторамъ Греціи и Рима, и мы получили отъ нихъ образцы Риторической Исторіи, въ которой общественныя событія перемѣшаны съ условными красотами витійства; гдѣ ходъ фактовъ безпрестанно долженъ останавливаться и ожи-

дать, пока проѣдетъ Эпопея, съ своимъ блистательнымъ поѣздомъ фигуръ и сравненій, и Краснорѣчіе, со всѣмъ своимъ обозомъ восклицаній, вопрошеній и изящныхъ періодовъ. Сохранившіяся до нашихъ временъ историческія творенія Древности, за исключеніемъ Геродота и Тацита, всѣ принадлежатъ къ этой системѣ. Геродотъ еще соединяетъ въ себѣ качества лѣтописца уже съ притязаніями витіи; Тацитъ еще соединяетъ притязанія витіи уже съ гордостью нравственнаго философа. Система риторическаго образа изложенія Исторіи продолжалась до совершеннаго ея завоеванія Философіею въ XVIII вѣкѣ.

Боссюэтъ, истинный начальникъ этой второй школы, первый представилъ дѣянія человѣка въ видѣ отвлеченнаго понятія. У него человѣкъ и общество суть только орудія великаго догмата Вѣры: все клонится къ одной, заранѣе опредѣленной цѣли; человѣчество есть только вещественное олицетвореніе духовныхъ идей, и Церковь пружина всѣхъ событій. Какъ ни величественна, утѣшительна, священна была мысль историка, но она причинила большой вредъ Исторіи, которая скоро сдѣлалась жертвою неистоваго противодѣйствія. Матеріялизмъ употребилъ тѣ же событія орудіемъ въ ополченіи своемъ на отвлеченное понятіе, одушевлявшее перо Боссюэта. Исторія была растерзана Философіею. Общественный человѣкъ не занималъ ни кого; всѣ великіе писатели Исторіи, даже изъ числа самыхъ умѣренныхъ противниковъ Боссюэта или самыхъ скромныхъ проповѣдниковъ любомудрія, имѣли въ виду только нравственнаго человѣка, отрывали въ людской природѣ начало и поводы всѣхъ событій, и создавали историческіе характеры по правиламъ господствовавшей въ то время Психологіи и Нравственной Философіи.

Исторія человѣчества въ рукахъ Боссюэта сдѣлалась Исторіею духа; въ рукахъ его преемниковъ, Исторіею сердца.

Наконецъ, появилась новая система, руководствующая теперь перомъ большей части извѣстныхъ писателей, и которую назвали мы «прогрессивною», желая избѣгнуть наименованія, даваемаго ей пылкими ея приверженцами, — системы Промысла народовъ. Понесчастію, мы живемъ въ ея вѣкѣ, и пока она будетъ управлять понятіями историковъ, не увидимъ настоящей Исторіи, такой, какую доселѣ представляемъ себѣ только мысленно, и какую желали бы имѣть и читать на-дѣлѣ. Главная мысль этой системы состоитъ въ томъ, впрочемъ совершенно произвольномъ предположеніи, что въ нравственномъ мірѣ существуетъ какое-то особое, политическое, такъ сказать, провидѣніе, неуклонно ведущее родъ человѣческій къ постепенному усовершенію, и долженствующее довести его до идеальнаго совершенства. Не нужно объяснять, что такое ея послѣдователи понимаютъ подъ именемъ этого совершенства, за которымъ прячутъ они обожаемый ими образъ правленія, болѣе приличный человѣку простому, бѣдному, выходящему изъ варварства, чѣмъ избалованному огромными умственными и вещественными богатствами и, для развлеченія себя въ скукѣ, безпрерывно выдумывающему новыя страсти и причуды; но нельзя не замѣтить, что со времени вымышленія «Промысла народовъ», *Исторіи Государствъ* стали появляться рѣже, и слово *народъ* начало замѣнять названіе земли на заглавныхъ листахъ историческихъ твореній. Справедливость однако жъ требуетъ сказать, что есть и такіе писатели, которые, не понимая настоящей мысли изобрѣтателей новаго заглавія, прельстились только его

новостью, и отнюдь не имѣютъ ничего общаго съ самою системою, хотя издаютъ свои сочиненія подъ именемъ *Исторіи народовъ*. Мы говоримъ утвердительно, что они прельстились только его новостью, ибо самое содержаніе ихъ сочиненій доказываетъ, что они не употребили бы этого заглавія, если бы заранѣе знали, чему назначено оно служить отличительною вывѣскою. Система Промысла народовъ, système providentionnel, или, какъ мы назвали ее, прогрессивная, есть очевидно чистый политическій Боссюэтизмъ, и не въ состояніи вывести насъ на путь истинной Исторіи человѣчества. И такъ, станемъ ожидать чего нибудь основательнѣйшаго отъ историческихъ монографій. Онѣ должны осуществить порознь мысль всякой исторической эпохи, и показать намъ ея человѣка и ея общество не только въ подлинномъ, современномъ ихъ видѣ, но и въ тѣсной связи съ этою мыслію. Это средство гораздо вѣрнѣе преслѣдованія одного и того же призрака чрезъ тысячи вѣковъ и сотни разнородныхъ племенъ. Нынѣшняя теорія Критики, хотя еще не многими понимаемая, должна непремѣнно способствовать достиженію этой цѣли: она тѣмъ именно отличается отъ прежней, что старая Критика гордо отвергала всѣ сомнительные матеріялы, тогда, какъ новая старается совѣстно воспользоваться всѣми ими, опредѣлить по достоинству и сущности приличное мѣсто и употребленіе для каждаго изъ нихъ въ особенности, и изъ всякаго памятника ума человѣческаго извлечь общественнаго человѣка и новую черту для картины общества, въ которомъ онъ дѣйствовалъ.

Предѣлы повременнаго изданія возлагаютъ на насъ обязанность ограничиться только общими соображеніями предмета, не входя въ разборъ многочислен-

ныхъ примѣровъ, которыми могли бы мы обставить разныя части нашего мнѣнія. Читатели, знакомые съ историческою Литературою, легко сами найдутъ въ ней нужныя примѣненія. Напомнимъ только, что не всѣ извѣстнѣйшіе писатели придерживаются исключительно одной системы, что многіе обыкновенно предпочитаютъ смѣсь изъ двухъ и даже трехъ образовъ изложенія, и обратимся къ предмету, ближе до насъ касающемуся, – къ отечественной Исторіи.

Говоря объ ней, нельзя не говорить о незабвенномъ Карамзинѣ, тѣмъ болѣе, что, по-видимому, съ него надобно начать и имъ окончить рѣчь о Русской Исторіи: приличіе не позволяетъ объявлять рѣшительное мнѣніе о сочиненіяхъ, которыя болѣе принадлежатъ еще автору, чѣмъ публикѣ, и могутъ со временемъ быть значительно усовершенствованы. Будемъ говорить только о прошедшемъ, совершенномъ. Къ какой системѣ должно отнести «Исторію Россійскаго Государства»? Нѣтъ сомнѣнія, что Карамзинъ не былъ поклонникомъ Промысла народовъ. И такъ, безсмертное его твореніе можетъ принадлежать только одной изъ двухъ историческихъ школъ, риторической или философской. Оно принадлежитъ обѣимъ, но гораздо болѣе первой. Философская его часть ограничивается благоразумнымъ избѣжаніемъ необузданныхъ порывовъ витійства и какою-то неподражаемою чувствительностью, добротою сердца, неподдѣльною любовію къ добродѣтели и сильнымъ отвращеніемъ къ злодѣянію, пролитыми въ цѣломъ сочиненіи, и происходящими прямо изъ прекрасной души сочинителя; въ прочемъ Карамзинъ былъ риторъ. Намъ кажется, что, покамѣстъ, это самое приличное и безпристрастное мнѣніе, какое можемъ мы теперь произнести объ *Исторіи Россійскаго Государства*. Изъ этого еще не слѣдуетъ заключать

ничего невыгоднаго для самаго сочиненія. Оно въ существѣ своемъ такъ хорошо, какъ только можетъ быть, по роду своей школы и по тогдашнему состоянію Исторической Критики. Ежели вся Европа теперь сознается, что при нынѣшнемъ состояніи историческихъ изслѣдованій еще нельзя писать настоящую Исторію, тѣмъ болѣе, даже тѣмъ лестнѣе, можно сказать о Карамзинѣ, что онъ слишкомъ рано приступилъ къ сочиненію Исторіи Россійскаго Государства. Но онъ приступилъ, и никто не имѣетъ права упрекать автора въ свободномъ употребленіи его воли; приступивъ, онъ сдѣлалъ все, что только возможно было сдѣлать въ его время, и даже болѣе, – сдѣлалъ истинный патріотическій подвигъ! Передъ этимъ событіемъ всякая взыскательность должна положить оружіе. Но твореніе Карамзина въ состояніи даже выдержать натискъ ея со славою во многихъ своихъ частяхъ. Если оно представляетъ нѣкоторыя слабыя стороны, – безъ нихъ нѣтъ ни одного произведенія человѣческихъ рукъ! – то развѣ эпоха Варяговъ и періодъ Монгольскаго владычества могутъ заслужить подобный упрекъ. Карамзинъ ни сколько не виноватъ въ слабости той и другаго. Для Монгольскаго періода надобно быть оріенталистомъ, и притомъ родиться въ будущемъ столѣтіи: тогда только историческія изслѣдованія по этой части обѣщаютъ представить что нибудь удовлетворительное. Что касается до Варяжской эпохи, или, правильнѣе сказать, до времени, объятаго Несторовою Лѣтописью, то Карамзинъ нашелъ на пути своемъ одного только Шлёцера, и въ свое сочиненіе перенесъ его Критику со всѣми ея недостатками, которые мы теперь чувствуемъ, но которыхъ онъ не могъ знать, ибо она была совершенно въ духѣ тогдашней теоріи Критики. Ставить это въ преступленіе Карамзину значило бы то же, что

упрекать Христофора Коломба, зачѣмъ не отправился онъ въ Америку на пароходѣ. Дѣятельность человѣческая еще не доходила во время послѣдняго до пароходовъ, а во время нашего Исторіографа до лучшей критической теоріи.

Слѣдуя понятіямъ современной Критики, Карамзинъ назвался громкимъ, блистательнымъ, романтическимъ именемъ Русса, и смиренно объявилъ себя Славяниномъ. Историкъ, находящійся на высотѣ настоящихъ критическихъ понятій, быть-можетъ скорѣе сказался бы Руссомъ, женившимся на Славянкѣ. Но Карамзинъ хотѣлъ быть Славяниномъ безъ всякой примѣси, и, подобно Шлецеру, болѣе заботился о чистомъ, простомъ фактѣ, кто таковы были Руссы, нежели объ отношеніи этого факта къ общественному человѣку того времени, и о вопросѣ, что такое они были. Критикъ Несторовой Лѣтописи и авторъ Исторіи Сѣвера боялся пуще смерти заразиться баснословіемъ отъ Скандинавскихъ Сагъ, и предостерегалъ всякаго не ходить къ нимъ близко. Карамзинъ послушался его совѣта. За то мы получили чистый, ясный фактъ, что Руссы были Скандинавы, но при фактѣ не нашли ни живой души. Человѣкъ весь остался въ Скандинавіи и ея сказаніяхъ.

Отвергая всѣ Скандинавскія Саги, какъ подозрительныя, и принимая за достовѣрную одну только домашнюю Несторову Сагу,– мы увидимъ ниже сродство этой Лѣтописи съ Сагами,– Карамзинъ представилъ себѣ, что Руссы начали существовать въ свѣтѣ со времени прибытія ихъ въ нынѣшнюю Россію, и что все проведенное ими за границею время не принадлежитъ къ ихъ Исторіи. Мы видимъ однако жъ изъ Нестора, видимъ также изъ Араб-

скихъ писателей, что Руссы привезли съ собою всѣ свои нравы, обычаи, понятія, правленіе, Вѣру, и даже полный причетъ своихъ священнослужителей. Извѣстно, какую роль играли здѣсь Волхвы[1]: самое слово *волхвъ*, *волфвъ* или *олфвъ*, показываетъ, что вмѣстѣ съ Скандинавами воинами переселилась къ намъ изъ Норвегіи часть священной, производившей родъ свой отъ боговъ, касты ея, *Алфвовъ*, или *Олфвовъ*, Alfve, съ ихъ Сѣверною Иліадою и Норманнскимъ, такъ сказать, Апокалипсисомъ, обломки которыхъ знаемъ мы подъ именемъ Старой Эдды; съ ихъ романтическимъ небомъ, населеннымъ высокими, мрачными, ужасными видѣніями; съ ихъ Valhalla, или раемъ, созданнымъ только для храбрыхъ, гдѣ счастливые избранные будутъ вѣчно сражаться другъ съ другомъ, и у воротъ котораго стоитъ небесный волкъ, питающійся жизнями трусовъ. Не трудно видѣть, что не горстка солдатъ вторглась въ политическій бытъ и нравы Человѣковъ, или такъ называемыхъ Славянъ, но что вся нравственная, политическая и гражданская Скандинавія, со всѣми своими учрежденіями, правами и преданіями, поселилась на нашей землѣ; что эпоха Варяговъ есть настоящій періодъ Славянской Скандинавіи; ибо хотя они скоро забыли свой языкъ, подобно Манджурамъ, завоевавшимъ Китай, но очевидно оставались Норманнами почти до временъ Монгольскихъ[2]. Не должно смѣшивать по-

[1]Карамзинъ полагалъ, что *Волхвы* были родъ Словянскихъ Шамановъ: онъ не зналъ, что они составляли особенное, весьма уважаемое поколѣніе въ Скандинавіи, и что даже названіе ихъ принесено оттуда.

[2]Мы должны объяснить, почему сказали, «Человѣковъ, или такъ называемыхъ Славянъ». Имена *Славянинъ* и *Славяне* (Словяне) пришли къ намъ ученымъ путемъ, который не всегда значитъ то же, что хорошій путь. Понятіе о томъ, что мы Славяне, и что на свѣтѣ есть Славянскій языкъ, поселено въ насъ Греками. Византійцы, въ своей риторической надменности, не различали «варварскихъ» поколѣ-

ложенія Варяговъ, или Руссовъ, въ Новѣгородѣ, съ отношеніями ихъ къ Русскимъ Человѣкамъ, настоящимъ ихъ подданнымъ, въ другихъ частяхъ ны-

ній, и, стараясь всегда соединять ихъ подъ общими собирательными именами племенъ, называли однимъ словомъ, — Германцами, Кельтами, Скиѳами, Славянами, Турками, и т. д. Сами они понятіе объ имени Славянъ заимствовали отъ Германскихъ народовъ. Когда Моравцы приняли Христіанскую Вѣру, и Священное Писаніе было переведено съ Греческаго языка на ихъ нарѣчіе, Греки, называвшіе ихъ не по имени народа, но общимъ племеннымъ именемъ, «Славянами», назвали нарѣчіе ихъ «Славянскимъ языкомъ». Въ послѣдствіи это имя «Славянскаго языка» перешло къ намъ вмѣстѣ съ переводомъ Книгъ Св. Писанія. Такъ точно Венгерцевъ именовали они «Турками», и ихъ языкъ «Турецкимъ языкомъ». Но, не смотря на всѣ усилія Славомановъ, еще не доказано, существовалъ ли когда-нибудь народъ, называвшійся Славянами. То вѣрно, что Германскіе народы, а за ними Греки, Италіянцы и Аравитяне, по разнымъ діалектнымъ выговорамъ, называли наше племя *Славъ*, *Слевъ*, *Шлавъ*, *Шклавъ*, *Склавъ*, *Сѳлавъ*, *Скьявъ*, *Склабъ* и *Саклабъ*. Знало ли само оно которое-либо изъ этихъ названій? — это подлежитъ величайшему сомнѣнію! Даже можно сказать утвердительно, что имя «Славяне,» сдѣлано весьма поздно, изъ Германской и Греческой формы *Славъ*, по точному образцу именъ *Египтяне*, *Коринѳяне*, *Аѳиняне*, и проч., и вмѣстѣ съ ними сдѣлалось извѣстнымъ племени; а что касается до «Славянскаго языка», то онъ существовалъ только въ воображеніи Византійцевъ. Племя столь же мало вѣдало о томъ, что оно называется «Славянскимъ», какъ мало Германскій родъ зналъ и знаетъ, что кто-то на свѣтѣ величаетъ его «Нѣмцами». *Славъ* и *Нѣмецъ* суть два условныя названія, которыми ни какой изъ двухъ народовъ самъ не именовался, но которыя они взаимно давали другъ другу. Какъ же собственно назывались у себя люди племени, именуемаго Германцами *Славъ* или *Шлавъ*? Они назывались «Человѣками». Слово *человѣкъ*, означающее нынѣ то же, что homo, l'homme, есть коренное народное имя всякаго такъ называемаго Славянина. Въ восточныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ (нарѣчія всегда образуются отъ смѣшенія расъ и разноплеменныхъ выговоровъ), оно слишкомъ удалилось отъ первоначальной своей формы; въ западныхъ, осталась нѣсколько къ ней ближе; въ среднихъ, сохранило ее почти въ цѣлости. То же слово *человѣкъ* въ другихъ діалектахъ произносится *чловѣкъ*, *цловѣкъ*, *жловѣкъ*, *шловѣкъ*, *словѣкъ*, *словекъ*, *човикъ*, *човакъ*, и проч. Оно очевидно есть не, что иное, какъ «Словакъ», или «Шловакъ»; очевидно происходитъ отъ корня *слово*, и значитъ «лице говорящее *словомъ*, знающее *слово*

нѣшней Россіи. Въ Новѣгородѣ они были только Варяги, Værengar, или Защитники, тогда, какъ въ Кіевѣ были они Руссы, настоящіе побѣдители и

говоръ, разговоръ, народный языкъ племени», соотвѣтствуя Латинскому conlinguinaris, consermonalis, «одноязычный», составляя противоположность съ рѣченіемъ *Нѣмецъ*, то есть, лицемъ незнающимъ *слова*, неумѣющимъ объясняться внятно, нѣмымъ. Множество историческихъ доказательствъ можно привести въ поддержаніе этого, впрочемъ очень яснаго и естественнаго, производства. Мы обратимъ вниманіе читателей только на слѣдующія обстоятельства. Народъ, который до сихъ поръ сохранилъ это племенное названіе въ видѣ народнаго своего имени, то есть, Словаки или Шловаки, для выраженія общаго понятія homo, человѣкъ, не употребляютъ рѣченія «человѣкъ» или «словекъ,» но вовсе другія слова: *люда, мужъ, багель, живъ.* Тайное преданіе о томъ, что слово *человѣкъ* означаетъ только недѣлимое Славянскаго происхожденія, сохранилось во многихъ мѣстахъ, гдѣ господствуютъ языки Славянскаго корня. Извѣстно, что во многихъ Славянскихъ областяхъ простой народъ говоритъ: *Я человѣкъ, не Нѣмецъ! — Онъ Нѣмецъ, а не человѣкъ!* Мы улыбаемся его простотѣ, тогда, какъ онъ совершенно правъ: не будучи совращенъ ложною ученостью, онъ, по старинному навыку, въ этомъ выраженіи ставитъ только въ противоположности два народныя названія, *Человѣкъ* и *Нѣмецъ*, и изъясняется настоящимъ историческимъ языкомъ племени. И обратно: въ областяхъ, населенныхъ народомъ не-Славянскаго происхожденія, хотя нынѣ говорящимъ Славянскими нарѣчіями, простолюдины, сохраняя чувство древняго своего корня, сами добровольно отвергаютъ имя «человѣка». У насъ, въ Россіи, житель Пинскихъ болотъ, потомокъ храбрыхъ Ятвяговъ, настоящій Угръ по лицу и сложенію тѣла, когда назовете его человѣкомъ, гордо отвѣчаетъ вамъ: *Я Пынчукъ, не человѣкъ!* — и окрестные жители говорятъ объ немъ тоже, что онъ «не человѣкъ, но Пинчукъ». Такимъ точно образомъ простолюдины отказываютъ въ названіи «человѣка» Мазурамъ и Жмудинамъ: послѣдніе по сю пору сохранили свой языкъ; на первыхъ довольно взглянуть, чтобъ увидѣть, что они не Славянской крови, а ихъ нарѣчіе удостовѣряетъ въ томъ еще болѣе. Такъ, зная подлинное значеніе слова *человѣкъ*, мы легко поймемъ смыслъ древнихъ нашихъ выраженій *Русскій мужъ* и *Русскій человѣкъ*: послѣднее значитъ попросту «Русскій, Руссамъ, принадлежащій Славянинъ». Изъ всего этого слѣдуетъ заключить, что на свѣтѣ никогда не было ни народа «Славянъ», ни языка «Славянскаго»: были только «Человѣки,» которые, произнося это слово различными образами, составляли разные народы, называвшіеся или по мѣстамъ, въ кото-

хозяева въ своемъ домѣ. Въ вольномъ городѣ, — такъ назовемъ мы Новгородъ, ибо Республикою никакъ называть его невозможно, — власть гражданская и военная были раздѣлены: первая пребывала въ Посадникѣ и Вѣчахъ; вторая, въ лицѣ Князя, который съ своею дружиною исправлялъ родъ протектората въ отношеніи къ городу и области, пользовавшимся своими муниципальными правами. Данцигъ находился въ такомъ же отношеніи къ Польшѣ. Политическое постановленіе Новагорода уподоблялось въ нѣкоторой степени нынѣшнему состоянію Іоническихъ острововъ, гдѣ Лордъ-Коммисаръ, съ нѣсколькими Англійскими полками и эскадрою, представляетъ лице Новгородскаго Варяжскаго Князя. Канада управляется почти такимъ же образомъ. Александръ Невскій еще былъ къ Новугороду въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ и Ярославъ, и вѣро-

рыхъ обитали, или по имени своихъ завоевателей. Несторъ однако жъ упоминаетъ о народѣ, или поколѣніи, которое, по его словамъ, называлось «Словене», то есть, *Славяне,* ибо Несторъ, по вліянію Полянскаго выговора, обыкновенно превращалъ *а* въ *о*, и *я* въ е. Его показаніе отнюдь не измѣняетъ существа дѣла. Самъ собою, онъ не зналъ ничего новаго о Славянахъ: все, что онъ повѣствуетъ о раздѣленіи племени и передвиженіяхъ Славянскихъ массъ, выписано имъ изъ сочиненій Византійцевъ. Онъ говоритъ, что «Словенскія» поколѣнія получили свои названія отъ областей и рѣкъ, и что одни лишь Новгородцы назвались своимъ именемъ, «Словене». Это только доказываетъ, что древніе Новгородцы не знали ни какого другаго народнаго титла, кромѣ имени «Новгородцевъ», и что, по введеніи Христіанской Вѣры спохватясь, что они тоже принадлежатъ къ Славянскому племени, присвоили себѣ новое имя, и во времена Нестора уже ученымъ образомъ именовались per excellentiam Словенами, то есть, Славянами, чтобъ отличаться отъ Руси и отъ Русскихъ Человѣковъ. Педанты того вѣка вздумали даже Новгородъ называть «Словенскомъ», но это имя не нашло охотниковъ для себя въ народѣ, и сохранилось въ одной или двухъ книгахъ, оставаясь совершенно неизвѣстнымъ Руси, подобно тому, какъ въ наше время имя *Петроградъ* вмѣсто *Петербургъ*.

ятно какъ самъ Рёрикъ, Рюрикъ или Рурикъ[3]. Слѣдственно, по этому городу, который всегда сохранялъ нѣкоторую часть своей народности и свои гражданскія учрежденія, нельзя судить объ остальной части Имперіи Руссовъ, о собственныхъ ихъ владѣніяхъ. Послѣднія неминуемо долженствовали утратить свою народность, и, вмѣстѣ съ пріятіемъ имени Руссовъ, сдѣлаться Руссами, Скандинавами въ образѣ мыслей, нравахъ и даже занятіяхъ. Татары гораздо менѣе были сближены съ нами; точки прикосновенія двухъ народовъ, побѣдоноснаго и побѣжденнаго, встрѣчали важную преграду въ мѣстныхъ правительственныхъ формахъ, — однако жъ вліяніе господствующаго племени совершенно преобразовало наши нравы, обычаи и понятія, и слѣды Монголизма еще весьма недавно съ трудомъ могли быть закрыты даже Французскимъ фракомъ. Но примѣръ класса, пользующагося знатностью, ува-

[3]Сравненіе Новгородскаго образа правленія съ нынѣшнимъ Іоническимъ не должно еще вести къ тому, чтобы Новгородъ былъ Республикою, потому, что Іоническіе Острова носятъ это названіе. Политическое постановленіе послѣднихъ столько же походитъ на Республику, какъ Китайскій Богдоханъ на свой офиціяльный титулъ «Сына Неба». Мы даже не понимаемъ, на чемъ основывается понятіе о Новгородской Республикѣ, которая, сколько мы знаемъ, пользовалась только простою муниципальною свободою торговаго города, имѣя своего Бургомейстера, или Посадника, и свой Городской Совѣтъ, или Вѣче, и сама никогда не о томъ не подумала, чтобъ она была Республикою. Пора бы наконецъ сдѣлать точное различіе между муниципальнымъ управленіемъ и политическимъ образованіемъ Республики. Ежели значеніе Славянскихъ словъ можетъ подлежатъ толкованію по своей неопредѣлительности, то по крайней мѣрѣ Латинскія названія, употребительныя въ дипломаціи тѣхъ временъ, остаются внѣ всякаго спора. Въ трактатахъ со Швеціею офиціяльные титулы Новогорода ясно показываютъ родъ политическаго его постановленія: «Мы Князь N., «Посадникъ N., Тысячникъ N., et tota civitas Novogorodensis, и весь «городъ Новгородскій.....» Слѣдственно это Муниципалитетъ, а не Республика.

женіемъ и властію, всегда рѣшителенъ для старинныхъ обычаевъ: никогда побѣжденные не могутъ устоять противъ него. Достойно примѣчанія, что немедленно по завоеваніи Кіева, Диръ и Аскольдъ предприняли на лодкахъ набѣгъ на Константинополь, по незнакомому имъ морю. Слѣдственно Скандинавы, пришедшіе съ Рурикомъ, были по ремеслу своему мореходцы? Слѣдственно начальники ихъ принадлежали къ сословію Sœ-konùngar, или Морскихъ Князей? Романическіе, истинно живописные нравы этого грознаго сословія, цѣлою массою съ водъ Балтійскаго Моря переброшенныя во внутренность земель и земледѣльческихъ племенъ, внезапнымъ своимъ посреди ихъ паденіемъ непремѣнно потрясли всѣ ихъ навыки. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что, спустя нѣкоторое время, тихіе, смирные, угнетенные Человѣки, которыхъ Хазары запрягали въ свои кибитки, уже смѣло стали раздѣлять съ Руссами опасности моря и пускаться вмѣстѣ съ ними почти на баснословные подвиги. Скоро все народонаселеніе сдѣлалось воинственнымъ и оживилось героическимъ духомъ Скандинавіи. Такая перемѣна въ характерѣ заставляетъ предполагать общее преобразованіе духа, понятій, вооруженія, одежды и обычаевъ страны; и можно по-справедливости удивляться, какимъ непостижимымъ случаемъ Карамзинъ, который во многихъ отношеніяхъ оказалъ удивительную проницательность ума, не примѣтилъ такого разительнаго переворота въ нравѣ туземцевъ. Онъ долженъ былъ поискать причинъ его въ самомъ источникѣ событія, въ Руссахъ, Скандинавахъ, ихъ образѣ жизни, ихъ геройскомъ воспитаніи, Вѣрѣ, учрежденіяхъ, преданіяхъ, и прочихъ обстоятельствахъ гражданскаго и политическаго ихъ быта. Онъ нашелъ бы вѣрную и прекрасную картину этого быта

въ Сагахъ, на счетъ исторической пользы которыхъ онъ такъже былъ введенъ въ заблужденіе, какъ и касательно времени ихъ сочиненія[4]. Онъ, напротивъ, удовольствовался бѣглымъ замѣчаніемъ, что Руссы долженствовали быть «образованнѣе Славянъ «и Финновъ, заключенныхъ въ *дикихъ* предѣлахъ «Сѣвера, и могли сообщить имъ нѣкоторыя выго«ды новой промышлености и торговли, благодѣ«тельныя для народа.» Да позволено намъ будетъ различествовать въ этомъ случаѣ съ великимъ Исторіографомъ цѣлымъ поперечникомъ нашихъ противоположныхъ мнѣній. Не Славяне и Финны, но Руссы, и всѣ вообще Норманны, были заключены въ *дикихъ*, гористыхъ, безплодныхъ предѣлахъ Сѣвера. Славяне, имѣвшіе два великіе торговые города, Новгородъ и Кіевъ, извѣстные уже въ Азіи своимъ богатствомъ, находились безъ-сомнѣнія на гораздо высшей степени гражданской образованности, чѣмъ хищные воины Скандинавіи, которые не знали другой торговли, кромѣ продажи заграбленной добычи, ни другой промышлености, кромѣ безпрерывной войны, въ сей жизни и въ будущей. Скандинавскія сказанія наполнены съ VIII столѣтія извѣстіями о набѣгахъ ихъ на Austurveg и на Бярмію, то есть, на нынѣшнюю Россію. Зная этотъ фактъ, можно было, даже безъ дальныхъ письменныхъ доказательствъ, увѣриться въ той непоколебимой истинѣ, что хищники не ходятъ туда, гдѣ взять нечего[5]. Но и письменныя доказа-

[4] Страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ, Карамзинъ, который такъ рѣзко отвергалъ Саги, вѣрилъ руническимъ надписямъ. Нынѣ извѣстно, что руны суть родъ кабалистическихъ письменъ, и ничего не доказываютъ по части Исторіи, тѣмъ болѣе, что нерѣдко и чтеніе ихъ бываетъ произвольное. Какъ часто, гонялсь за истиною, можно миновать ее!

[5] Безпрестанно открываютъ въ окрестностяхъ Новагорода цѣлые сосуды монетъ Арабскихъ Халифовъ и Бухарскихъ Саманидовъ, то есть,

тельства всѣ вообще служатъ въ пользу Славянъ: у нихъ гражданственности было несравненно болѣе, чѣмъ у Норманновъ. Ихъ смирное повиновеніе на югѣ слабымъ тогда Хазарамъ[6], ихъ склонность на сѣверѣ поручать защиту своего города и отечества иностранной дружинѣ, ясно показываютъ въ нихъ народъ, уже обладающій значительною собственностію, уже въ извѣстной степени развращенный торговыми нравами. То же самое явленіе повторилось скоро потомъ въ торговой Италіи. Люди, которымъ нечего потерять, всегда дерутся сами, на свой собственный счетъ, ибо въ войнѣ находятъ они средство къ грабительству и обогащенію.

Принужденные заключиться въ предѣлахъ журнальной статьи, мы находимся въ невозможности

цѣлые капиталы древнихъ Новогородцевъ. Многія изъ этихъ монетъ принадлежатъ VII и VIII столѣтіямъ, и самое ихъ обиліе доказываетъ, что онѣ принесены туда въ теченіе тѣхъ же столѣтій. Извѣстно впрочемъ, что Мусульманское Законодательство полагаетъ монетный чеканъ первымъ признакомъ верховной власти: потому Азіятскіе Государи всегда старались уничтожать монеты своихъ предшественниковъ, которыя переливали они въ новыя, съ собственнымъ ихъ именемъ, весьма часто измѣняя внутреннее ихъ достоинство. И такъ, чтобъ извѣстное количество мусульманскихъ денегъ одного и того же чекана могло очутиться въ какомъ-нибудь мѣстѣ черезъ тысячу лѣтъ, надобно, чтобы оно принесено было туда во время полнаго ихъ обращенія въ Азіи. Еще въ прошломъ Августѣ мѣсяцѣ найдено въ Новгородской губерніи нѣсколько Арабскихъ монетъ 711 года, и гораздо значительнѣйшее число ихъ 790 и 792 годовъ. Слѣдственно въ Новѣгородѣ уже въ VIII вѣкѣ были хорошія деньги, были богатства и торговля, и Норманнамъ тогда уже было, что грабить. Гдѣ капиталы, тамъ и образованность: дикари всегда бѣдны.

[6] Одинъ Арабскій писатель, говоря о южныхъ Славянахъ, изъясняетъ, что они находились подъ властію Хазаръ, *фи гаетъ эль убубіеть эль кулліе*, «въ крайнемъ, совершенномъ рабствѣ», и тотъ же самый писатель уже упоминаетъ о цвѣтущей торговлѣ Кіева. Диръ и Аскольдъ, отправившіеся для завоеванія Кіева, знали, зачѣмъ туда пошли: они искали тамъ втораго Новагорода.

исчерпать весь предметъ, котораго обширность и разнообразность безпрерывно являютъ новые виды и еще неизвѣданныя стороны. Приведемъ всѣ набросанныя нами здѣсь соображенія къ одной точкѣ, съ которой откроется намъ общій взглядъ на характеръ всей эпохи.

Покоренные Руссами Славяне и Финны, тогда уже перемѣшанные между собою, а впослѣдствіи перемѣшавшіеся еще болѣе, *обрусѣли* прежде, чѣмъ Руссы, забывъ свое нарѣчіе, сдѣлались Человѣками, Словянами, по языку, но не по нравамъ; прежде, нежели эти три племени слились въ одну массу и одинъ языкъ, и составили народъ, который общимъ именемъ, заимствованнымъ отъ Греческой формы слова, «Русъ», называется теперь Россіянами, и языкъ, который теперь именуемъ мы Русскимъ, или Россійскимъ[7]. И такъ, настоящій характеръ

[7]Теорія образованія языковъ и нарѣчій еще такъ мало извѣстна, что мы считаемъ необходимымъ изложить здѣсь главныя ея начала, выведенныя изъ наблюденія достовѣрныхъ филологическихъ фактовъ. Въ нашемъ Старомъ Свѣтѣ нѣтъ ни одного языка кореннаго и чистаго: всѣ они возникли изъ смѣси множества частію уже потерянныхъ, частію еще существующихъ въ смѣшеніи съ другими, языковъ. Процессъ ихъ образованія основывается на точныхъ, постоянныхъ правилахъ, подобно образованію химическихъ тѣлъ: это, такъ сказать, Химія звука. Чистые языки могли существовать только въ то время, когда люди жили еще въ лѣсахъ, и когда первобытныя племена были раздѣлены пустынями, пресѣкающими взаимныя сообщенія между ними. Такое состояніе человѣка и языковъ примѣчается еще въ нѣкоторыхъ частяхъ Сѣверной Америки: тамъ только находятся чистые языки, и они отличаются необыкновенною своею правильностью, безъ всякихъ грамматическихъ изъятій. Но когда людность племенъ, на нашемъ полушаріи, усилилась до того, что они начали примыкать другъ къ другу, кочевое и подвижное состояніе ихъ поколѣній было поводомъ, что они стали переходить изъ одного племени въ другое и смѣшиваться съ инородными массами, въ слѣдствіе войнъ, побѣдъ, порабощеній, побѣговъ и разныхъ политическихъ бурь, безпрерывно

эпохи былъ Русскій, или Скандинавскій, а не Славянскій. Съ водворенія Христіанства начинаютъ господствовать Византійскія моды, но все-еще не

воинующихъ полудикими народами. Исторія кочевыхъ Государствъ бросаетъ яркій свѣтъ на порядокъ и существо подобныхъ событій, и въ этомъ отношеніи она весьма достойна изученія со стороны Филолога. Коль скоро извѣстная часть одного племени, которое для ясности назовемъ мы буквою А, соединится съ частію другаго племени, на примѣръ В, черезъ нѣсколько времени раждается въ этой сложной массѣ новый языкъ, составленный изъ смѣшанныхъ началъ языковъ А и В, и съ установленіемъ языка утверждается нравственный бытъ народа,—его народность. Матеріяльная часть этого новаго языка состоитъ обыкновенно въ простомъ перемѣшаніи словъ языковъ А и В. Часто даже предметъ удерживаетъ оба названія, и то, которое имѣлъ въ языкѣ А, и то, которое нашелъ онъ въ языкѣ В: вотъ начало синонимовъ. Но грамматическая и словесная его части, то есть, формы и произношеніе, подлежатъ дѣйствію особыхъ правилъ. Ежели племя А было во время своего соединенія многолюднѣе или важнѣе племени В, то въ новомъ языкѣ неминуемо останутся формы и произношеніе языка А, и всѣ заимствованнныя изъ языка В слова будутъ перековерканы на ладъ сильнѣйшаго языка. Но если племена состояли въ равныхъ почти отношеніяхъ другъ къ другу, тогда не только слова ихъ языковъ, но и формы, и образъ произношенія, сольются вмѣстѣ, перепутаются, проникнутъ другъ друга. Отъ этого, неправильности и грамматическія изъятія. Такимъ образомъ, отъ соединенія иноплеменныхъ массъ съ древнимъ туземнымъ племенемъ Европы устроились четыре главные Европейскіе языка: Эллинскій, Латинскій, Германскій и Славянскій. Всѣ они состоятъ изъ смѣси разноплеменныхъ словъ, но удержали большую часть формъ стараго Европейскаго языка съ нѣкоторою только примѣсью постороннихъ, вѣроятно Старо-Азіятскихъ, ибо изъ Азіи безпрестанно приливались новыя поколѣнія къ первобытному народонаселенію нашей части свѣта: о произношеніи ихъ судить мы не можемъ, ибо не знаемъ, какіе именно языки были принесены къ намъ съ Востока. Но возвратимся къ народу и языку, родившемуся отъ соединенія двухъ частей различныхъ племенъ А и В, и означимъ, какъ тотъ, такъ и другой, сложными буквами АВ. Въ обычномъ броженіи хищныхъ и подвижныхъ массъ, вслѣдствіе какого-нибудь переворота, народъ АВ раздѣляется на двѣ части, Аb и Аb. Одна изъ нихъ поглощаетъ въ себя извѣстную часть сосѣдняго, также сложнаго народа, напримѣръ Ху, другая входитъ въ политическій составъ съ другимъ сложнымъ народомъ Уz. Вы увидите тогда два новые народа, Аbху и Аbуz, въ которыхъ языкъ Аb непремѣнно измѣнится двумя

измѣняютъ характера эпохи. Скандинавскія Саги и преданія переходятъ вмѣстѣ съ Одиновою Вѣрою и духомъ побѣдителей на новую Русскую землю; ту-

различными образами, слова его перемѣшаются съ словами языковъ xy и yz, произношеніе въ каждомъ изъ двухъ народовъ получитъ особый тонъ и напѣвъ, особую мягкость или жесткость, формы переломаются еще болѣе, число синонимовъ, оттѣнковъ значеній и грамматическихъ изъятій, умножится. Ежели въ минуту этого перелома языкъ ab удержитъ формы за собою, а языкъ xy, по своей негибкости, не откажется отъ своего образа произношенія, то въ языкѣ abxy, не смотря на сохраненіе грамматическихъ окончаній, большая часть словъ языка ab растворится и вытянется въ устахъ новыхъ его произносителей (если въ языкѣ xy господствовалъ вокализмъ), и слогъ, напримѣръ, *карвъ* превратится въ *корова*; и обратно, если въ языкѣ yz консонантизмъ былъ главнымъ признакомъ, то слова языка ab сожмутся и скоробятся, и тотъ же самый слогъ *карвъ* перейдетъ въ *крвъ*, *крва*, *кравя* или *крова*. При этомъ второмъ филологическомъ переворотѣ языкъ ab уже совершенно исчезнетъ, и, вмѣсто его, составятся два главныя его нарѣчія abxy и abyz. Народъ Abxy, состоя изъ двухъ или трехъ поколѣній, при первой политической суматохѣ, можетъ опять раздѣлиться: одно его поколѣніе притянетъ къ себѣ часть какого нибудь инороднаго племени Cd, другое часть народа Ef, третье будетъ поглощено поколѣніемъ Gh, и вы получите, вмѣсто одного народа Abyz, три новыя его подраздѣленія и три второстепенныя нарѣчія abyxcd, abyzef, abyzgh, составленныя уже изъ пяти, шести и болѣе лингвическихъ началъ. Народъ Abyzcd можетъ еще соединиться съ остатками другихъ поколѣній, и нарѣчіе опять измѣнится примѣсью постороннихъ началъ. Нельзя даже опредѣлить числа этого рода переворотовъ, чрезъ которые прошли всѣ нынѣшніе Европейскіе языки и нарѣчія, пока образованность утвердила народы на постоянныхъ жилищахъ, и положила конецъ ихъ приливамъ и отливамъ, какіе и до сихъ поръ примѣчаются въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ. Но то несомнѣнно, что чѣмъ болѣе языкъ имѣетъ нарѣчій, тѣмъ болѣе племя перемѣшано съ посторонними поколѣніями. Нынѣшніе наши языки могутъ быть названы настоящими химическими составами звука, перешедшими чрезъ многочисленныя броженія и кристаллизаціи, и разсужденія о первобытныхъ языкахъ, Славянскомъ, Германскомъ и другихъ, и объ ихъ чистотѣ, суть несбыточныя мечты людей, непостигающихъ теоріи образованія языковъ, и никогда ненаблюдавшихъ образа дѣйствія подвижныхъ массъ рода человѣческаго. Производство Германцевъ или Славянъ изъ Индіи, и ихъ языка отъ Санскритскаго, не можетъ выдержать простаго логическаго разбора. Если бъ Герман-

земныя преданія уступаютъ имъ мѣсто и приходятъ въ забвеніе, или смѣшиваются съ ними. Спустя два столѣтія, лѣтописецъ уже ничего не знаетъ о прежнихъ Князьяхъ Человѣковъ, или ихъ *Владав-*

цы пришли изъ Индіи, они говорили бы теперь нарѣчіями Санскритскаго языка, а не совсѣмъ особымъ языкомъ, имѣющимъ общее грамматическое и лексикографическое начало съ языками Греческимъ, Латинскимъ и «Человѣковъ», или Славовъ. Слѣдственно зародыши какъ Германскаго, такъ и трехъ послѣднихъ сродныхъ съ нимъ языковъ, образовались здѣсь въ Европѣ, въ массѣ туземнаго западнаго языка, единственно отъ прилива къ ней разныхъ Азіятскихъ нарѣчій, между которыми безъ сомнѣнія были нарѣчія Персидскаго корня, къ коимъ принадлежитъ и самый Санскритскій языкъ. Не трудно доказать, что въ древности эти нарѣчія простирались до самой Европы, по сю сторону Чернаго Моря и Эллеспонта. Знаменитая Держава Черноморскихъ Скиѳовъ, о которой Юстинъ говоритъ, non minus praeclara initia, quam imperium habuit, очевидно заключала въ себѣ многія Персидскія, или Пеглійскія, или Санскритскія, поколѣнія, ибо имена ея Государей большею частію суть чистыя Персидскія. Поколѣнія эти, сливаясь съ Европейскими, могли сообщить всѣмъ здѣшнимъ языкамъ довольно персизма или санскритизма, такъ, что за нимъ не было ни какой надобности ходить намъ въ Индію. Однимъ словомъ, если Германцы или Славы пожаловали къ намъ изъ Азіи, то они пришли въ Европу еще въ то время, когда не были ни Германцами, ни Славами, когда принадлежали еще вовсе другимъ племенамъ. Примѣнимъ изложенную здѣсь теорію къ образованію Русскаго языка. Народъ нашъ составился первоначально около X вѣка изъ обломковъ трехъ племенъ, Норманновъ, или Руссовъ, Человѣковъ и Финновъ, и языкъ его сохранилъ въ себѣ три разнородныя начала: онъ удержалъ извѣстное количество словъ Скандинавскихъ и Финскихъ, но формы остались изъ языка Человѣковъ. На произношеніе словъ Финнскій вокализмъ имѣлъ большое вліяніе: наши коренныя слова кажутся растворенными и растянутыми въ устахъ Мерянъ, Суздальцевъ, Сѣверянъ (которые прежде обитали при Уралѣ) и Бярмійцевъ, или Пермяковъ. Впослѣдствіи Татарскій языкъ еще принесъ къ нему нѣсколько сотенъ словъ и оборотовъ. Наконецъ, искусственная примѣсь нѣкоторыхъ ученыхъ формъ Славяно церковнаго нарѣчія, присвоеніе большей половины его словъ съ сохраненіемъ подлиннаго ихъ консонатизма, и заемъ изъ Польскаго нарѣчія множества оборотовъ и словъ, но съ передѣлкою послѣднихъ на мѣстный образъ произношенія, довели Русскій языкъ до нынѣшняго его вида, пріятности, разнообразности и богатства.

цахъ, и начинаетъ Исторію страны съ новой нравственной и политической эпохи, съ прибытія и поселенія Руссовъ, которые пришли не продолжать прежній образъ быта ея, но передѣлать ее на свой ладъ. Скандинавія считается общимъ отечествомъ. Князья получаютъ оттуда своихъ женъ, ищутъ тамъ союзниковъ и воиновъ, и въ затруднительныхъ случаяхъ туда же уходятъ или хотятъ уходить. Они долго еще сохраняютъ въ своихъ семействахъ Скандинавскій языкъ, и нѣкоторые изъ нихъ, до самыхъ Татарскихъ временъ, носятъ имена Норвежскихъ героевъ. Скандинавы, съ своей стороны, смотрятъ на Россію какъ на продолженіе Скандинавіи, какъ на часть ихъ отечества; уходятъ въ нее, бывъ изгнаны изъ своихъ владѣній; пріѣзжаютъ въ гости къ Русскимъ Князьямъ, какъ своимъ соплеменникамъ; спѣшатъ вооруженными толпами искать здѣсь такихъ же приключеній, или, слѣдуя выраженію Сагъ, *искать чести и богатства*, какъ на своей родинѣ. Скоро событія и преданія двухъ странъ такъ перемѣшиваются въ памяти обоихъ народовъ, Человѣковъ и поселившихся между ними Норманновъ, что уже почти нельзя различить, которыя изъ нихъ принадлежатъ собственно Россіи, новой Скандинавіи, а которыя старой, и Несторъ, повѣствуя о сожженіи въ банѣ Древлянскихъ Пословъ и другихъ «хитростяхъ» Ольги, добродушно присвоиваетъ этой Княгинѣ дѣйствія, приписываемые Исландскими Сагами одной древней Норвежской Королевѣ. Если бъ мы могли знать всѣ Скандинавскія Саги того времени, или, по крайней мѣрѣ, всѣ уцѣлѣвшія, но доселѣ неизданныя, вѣрно нашли бы въ нихъ источникъ и многихъ другихъ событій, приводимыхъ нашимъ лѣтописцемъ, который, какъ изъ всего видно, составилъ значительную часть своей книги изъ здѣшнихъ Варяжскихъ Сагъ, при-

способивъ ихъ болѣе или менѣе къ хронологіи Византійскихъ писателей, упоминавшихъ о Русскихъ дѣлахъ[8]. Присовокупимъ еще ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ образъ правленія и правительственные обычаи, совершенно Норвежскіе; дѣятельное участіе въ общественныхъ и частныхъ происшествіяхъ Одиновой Вѣры, исповѣдуемой побѣдителями и вѣроятно въ значительной части также ихъ языческими льстецами изъ Славянъ и Финновъ; присутствіе и вліяніе священной касты Алфвовъ, или Волхвовъ; впечатлѣнія мрачныхъ, фантастическихъ, отчаянныхъ прорицаній Волуспы и другихъ духовныхъ поэмъ Старой Эдды на воображеніе бурнаго, свирѣпаго и жаждущаго славы народа, — и мы легко согласимся, что если нравственное и политическое состояніе Россіи въ первой эпохѣ ея Исторіи не было вѣрнымъ оттискомъ Скандинавіи, то безъ всякаго сомнѣнія было оно полнымъ и яркимъ ея отраженіемъ.

Съ этой точки разсудительный историкъ общественнаго человѣка долженъ, по нашему мнѣнію, взирать на эпоху, въ которой «Скандинавія» была у насъ господствующимъ понятіемъ, и господствующимъ гораздо сильнѣе, нежели понятіе «Голландія», въ началѣ минувшаго вѣка. По прошествіи цѣлаго столѣтія отъ Рурика, Норманнскія воспоминанія и пристрастіе Руссовъ къ законамъ романтической ихъ родины одерживали еще верхъ надъ истинными потребностями Государства и совѣтомъ личнаго са-

[8]Кромѣ «Повѣсти о хитростяхъ Ольги», въ Несторѣ находятся и другіе анахронизмы этого рода. Карамзинъ однажды приводитъ Буксдорфовъ Сеферъ-Хозри, но мы думаемъ, что онъ не читалъ его: въ противномъ случаѣ, онъ не могъ бы не примѣтить разительнаго сходства этой Еврейской легенды съ происшествіемъ, относимымъ Лѣтописью къ Владиміру Великому.

молюбія повелителей, и единодержавіе, пріобрѣтенное съ такимъ трудомъ, добровольно было разбиваемо на части, чтобъ слѣдовать Забалтійскимъ обыкновеніямъ. Раздѣлъ Государства Владиміромъ между сыновьями совершился въ настоящемъ духѣ Скандинавскаго правительственнаго образа мыслей, и Карамзинъ ошибся, усматривая въ немъ феодальную систему, которой никогда не было въ Россіи ни малѣйшаго слѣда. Отрицая столь положительно мнѣніе высоко почитаемаго нами писателя, мы обязаны объяснить наше по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ словахъ: мы сейчасъ исполнимъ этотъ долгъ уваженія, не смотря на множество предстоящихъ еще предметовъ, которыхъ желали бы еще коснуться. Но говоря о Скандинавскихъ чертахъ первой эпохи бытописанія нашего, мы не можемъ оставить этого вопроса, не сказавъ, что и Княжескіе Съѣзды и Совѣты были тоже Норманнское обыкновеніе.

Феодальной системы не было въ Россіи: даже это понятіе никогда не проникло до нашего стараго Сѣвера; и если Карамзинъ относитъ къ ней Удѣлы, это должно быть приписано не его невѣдѣнію, но ложному ученію вѣка, въ которомъ получилъ онъ свое воспитаніе. Прежняя Историческая Критика обитала въ завороженномъ кругу многихъ оптическихъ обмановъ, и однимъ изъ нихъ была Феодальность. Писатели и Критики времени, предшествовавшаго Французской Революціи, видѣли призракъ ея во всемъ старинномъ, и что только имѣло видъ немножко кривой, изломанный, готическій, провозглашалось Феодальнымъ, варварскимъ, пагубнымъ для образованности, которое слѣдовало гнать, истреблять, изглаживать съ лица новѣйшихъ обществъ. Европа бредила Феодальною системою, и ужасалась ея тѣ-

ни. Даже умный Іосифъ II былъ увлеченъ крикомъ вѣка, и объявилъ себя исполнителемъ приговоровъ тогдашней Критики: извѣстно, что онъ принялся-было безпощадно искоренять въ своихъ владѣніяхъ все, такъ называемое, феодальное, и съ такимъ усердіемъ, съ какимъ едва ли самые пламенные приверженцы Далай-Ламской Вѣры заботятся объ искорененіи грѣха. И такъ, весьма простительно было Карамзину открыть феодальность и въ нашей Исторіи, ужаснуться ея по примѣру всей Европы, и вздохнуть при мысли, какъ много несчастные Россіяне среднихъ вѣковъ долженствовали претерпѣть отъ своихъ Герцоговъ, Графовъ, Маркизовъ, Вице-Графовъ, вольныхъ Бароновъ и ленныхъ владѣльцевъ. Не многіе дѣлали тогда различіе между системами феодальною и аллодіяльною, — и не удивительно: и теперь еще не многіе принимаютъ трудъ различать ихъ между собою. Въ Россіи, какъ и въ Скандинавіи, исключительно господствовала чистая аллодіяльная система, и Удѣлы принадлежатъ ей собственностью, на которую феодальная система не имѣетъ ни какого права. Эти двѣ системы различествуютъ между собою не только своею цѣлію, но даже своимъ происхожденіемъ: первая, аллодіяльная, или Удѣльная, имѣетъ свое начало въ родительской власти Государя или семейныхъ соображеніяхъ его потомства; вторая есть послѣдствіе письменнаго закона, и можетъ быть совершенно чуждою узамъ крови. Феодальная система является въ видѣ огромныхъ и многосложныхъ лѣсовъ политической изысканности, устроенныхъ съ непостижимымъ искусствомъ, гдѣ первое мѣсто занимаетъ длинный рядъ постепенныхъ титуловъ, съ особенною правительственною властью, присвоенною каждому титулу, и съ точнымъ опредѣленіемъ его обязанностей; гдѣ означены родъ и образъ взаимныхъ отно-

шеній этого замысловатаго и любопытнаго сцѣпленія властей, зависимостей, преимуществъ и титуловъ, между собою и къ верховному Государю; гдѣ извѣстные церемоніялы суть выраженіе степени владычества и подчиненности всякаго; гдѣ никто не смѣетъ выступить за предѣлы предписаннаго ему круга, не подвергшись за то суду другихъ феодальныхъ начальствъ и опасенію кары за бунтъ и фелонію, или нарушеніе вѣрности; гдѣ наконецъ всѣ званія, отъ верховнаго Государя, нисходя по безчисленнымъ ступенямъ правъ и преимуществъ, до послѣдняго виллана и мужика крѣпкаго землѣ, окинуты и связаны одною цѣпію многоразличныхъ политическихъ обязанностей. Ничего подобнаго нѣтъ въ аллодіяльной системѣ, если только системою можно назвать произвольную раздачу областей членамъ своего семейства, которые пользуются всѣ одинаковою властію въ своихъ Удѣлахъ, и управляютъ ими самодержавно, соединяясь съ начальникомъ своего рода только нравственными узами сыновней или братней любви и частными уваженіями, и почитаясь его союзниками, а не подданными. Чистая феодальная система существовала только во Франціи, гдѣ она родилась, въ Неаполѣ, и въ нѣкоторой части Великобританніи. Она перешла въ Германію, но уже значительно измѣненною въ своемъ существѣ и видѣ. На Сѣверѣ, Витовтъ, или Витолдъ, затѣялъ - было нѣчто подобное, и оно рушилось вмѣстѣ съ Литовскимъ его Королевствомъ. Феодальной системы нигдѣ болѣе не видимъ мы въ Исторіи обществъ. Раздача волостей есть право покоренія, существовавшее у Норманновъ и другихъ народовъ Германскаго происхожденія, но отнюдь не феодальность и не система.

Возвратимся къ Варяжской эпохѣ.

Мы старались показать, что характеръ ея былъ Скандинавскій, а не Славянскій, какъ то воображалъ себѣ нашъ знаменитый Историкъ. Но, еще до прибытія Руссовъ, Норманнскіе нравы уже не были новостью къ востоку отъ Балтійскаго Моря. Довольно вспомнить, что Скандинавы считали законодателя своего богослуженія родившимся на берегахъ Чернаго Моря, и безпрестанно отправлялись въ Асгардъ, для поклоненія колыбели своей Вѣры[9]. Уже въ VI и VII вѣкахъ вооруженныя толпы ихъ путешествовали въ эту Норманнскую Мекку, пробираясь чрезъ нынѣшнюю Россію, въ которой по-временамъ основывали они свои поселенія и покоряли области. Саги заключаютъ въ себѣ громкое сказаніе о славной и могущественной Державѣ, основанной, гораздо прежде Рурика, въ нынѣшней Россіи однимъ Скандинавскимъ Конунгомъ, или Княземъ, по имени Эймундомъ (Древнимъ), котораго называютъ они Царемъ Гольмгарда и Гардарика, то есть, Новагорода и всѣхъ западныхъ странъ. Онъ покорилъ своей власти Ливонію, Эстляндію, Ингрію, Новгородъ и другія западныя области, и сдѣлался родоначальникомъ многихъ знаменитыхъ династій Скандинавіи. Датское Королевское Общество Сѣверныхъ Антикваріевъ, въ предисловіи къ одной изданной имъ Сагѣ, о которой скажемъ мы ниже, изъясняетъ, что, при пособіи Сагъ, можно съ точностью вывести родословную Русскихъ Князей (Рурика съ товарищи) отъ племени этого завоевателя, отъ котораго происходитъ также поколѣніе Датскихъ Королей. Въ такомъ случаѣ призваніе Рурика объяснялось бы простымъ закономъ наслѣдства, и Исторія Россіи

9 *Асгардъ*, то-есть, *Ас*-городъ, или городъ Асовъ, боговъ, могучихъ, по мнѣнію многихъ Критиковъ, лежалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Азовъ, или по близости его.

начиналась бы съ VII вѣка[10]. Притомъ, Россія съ весьма давняго времени была цѣлію Норманнскихъ набѣговъ. Норвежскій Конунгъ, Гаддингъ, проникалъ Двиною до Полоцка еще до прибытія Руссовъ. Финны и Славяне здѣшнихъ странъ сами даже подражали ремеслу Скандинавовъ, пускаясь на военныя предпріятія по Балтійскому Морю. Западныя его берега были покрыты ихъ лодками, и въ знаменитомъ морскомъ сраженіи при Бравалле, на берегахъ Сканіи, многіе Финнскіе и Славянскіе Князья искали славы наравнѣ съ Скандинавскими морскими предводителями. Сраженіе это происходило въ 735 году, по случаю вызова между двумя Норманнскими Конунгами, Гаральдомъ и Сигурдъ-Рингомъ; день и мѣсто битвы благовременно были условлены. Какъ

[10] Даже наши старинныя преданія сохранили память объ этомъ Эймундѣ, который въ невѣжественномъ тщеславіи древнихъ Новгородцевъ превратился въ женщину, дочь Норманнскаго Царя и жену баснословнаго Владиміра, сына Вандалова. Отрывокъ Якимовой Лѣтописи, сохраненный Татищевымъ, называетъ ее Адвиндою, «вельми прекрасною «и мудрою: о ней же многое отъ старыхъ повѣствуется, и въ пѣснѣхъ «восклицаютъ.» Татищевъ весьма справедливо замѣтилъ, по Страленбергу, что въ этомъ преданіи перемѣшаны лица, и что не Владиміръ женатъ былъ на Адвиндѣ, дочери Скандинавскаго Короля, на *Скандинавскій Король Гальданъ на дочери Енвинда, Короля Гардарикіи*, или Новогорода. Этотъ *Енвиндъ* или *Адвиндъ* есть очевидно знаменитый *Эймундъ*-Древній. Скажемъ здѣсь мимоходомъ, что послѣдователи заносчивой Шлецеровой Критики весьма несправедливо презираютъ драгоцѣнный обломокъ Якимовой Лѣтописи: онъ заключаетъ въ себѣ всѣ условія и признаки подлинности и глубокой древности. Многія его показанія теперь подтверждаются старинныммъ Шведскими грамматами, какъ напримѣръ, граница Русскихъ владѣній на рѣкѣ Кумени и древнее существованіе Выборга. Татищевъ не могъ выдумать этого, ибо онъ даже не зналъ, гдѣ находится рѣка Кумень. Названія Гардорикъ, Гунигаръ, Холмогоръ, Бармія, и проч., встрѣчающіяся въ этомъ обломкѣ, также были ему неизвѣстны, и онъ не догадывался даже, что̀ собственно они значатъ. Но Критика прошлаго вѣка вдругъ объявляла подложнымъ все, что не согласовалось съ любимою ея системою, и никогда Исторія не оклеветала столько людей, какъ доискиваясь исторической истины.

скоро извѣстіе о томъ разнеслось на Сѣверѣ, всѣ почти Конунги и Князья, безъ вражды, безъ надежды на добычу, единственно изъ романическаго желанія отличиться храбростью, слетѣлись съ своими лодками и воителями, *кемпе*, съ обоихъ береговъ Балтійскаго Моря, и построились на сторонѣ того или другаго изъ вызовщиковъ. Такимъ образомъ флотъ каждаго изъ нихъ увеличился до нѣсколькихъ сотъ судовъ, и враждующіе поохотѣ богатыри, послѣ долгой борьбы на водѣ, еще вышли на берегъ, чтобъ драться по-одиначкѣ на сушѣ, и истреблять другъ друга «для чести и славы».

Однимъ словомъ, Россія Варяжскихъ временъ была, съ нѣкоторыми оттѣнками, Финно-Славянская Скандинавія. Безпристрастный Историкъ Россіи не долженъ исключительно объявлять себя Славяниномъ, ибо тогдашнее ея народонаселеніе состояло въ равномъ почти количествѣ изъ Славянъ и Финновъ, подъ управленіемъ третьяго, Германскаго, поколѣнія. Изъ сліянія этихъ трехъ племенъ возсталъ Россійскій народъ, и ежели Россійскимъ языкомъ сдѣлалось вновь образовавшееся Славянское нарѣчіе, это весьма пріятное для насъ событіе, быть-можетъ, должны мы приписать случаю: если бы Русскіе Князья избрали себѣ столицу въ Финскомъ городѣ, посреди Финскаго племени, Русскимъ языкомъ вѣроятно назывался бы теперь какой нибудь Чухонскій діалектъ, который также, на большомъ пространствѣ земель, поглотилъ бы языкъ Славянскаго корня, какъ послѣдній языкъ поглотилъ многія Финскія нарѣчія, даже въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ Москва и Владиміръ[11]. И такъ, сочинителю Россійской Исторіи слѣ-

[11] Древняя Венгерская Лѣтопись, Chronicon Anonymi, говоритъ положительно, что одною изъ двухъ столицъ Венгровъ, или Маджаровъ,

дуетъ оставить корнесловный патріотизмъ, и быть прямымъ Руссомъ, изъясняющимся только, и то по собственной своей волѣ, на Славянскомъ нарѣчіи, которое самъ онъ для себя создалъ и усовершилъ; изобрѣтеніемъ котораго можетъ онъ посправедливости гордиться; которое, наконецъ, есть его собственность, а не онъ собственность Славянскаго «слова» и племени. Исторія Россіи начинается въ Скандинавіи и на водахъ Балтійскаго Моря. Нравственный и политическій бытъ Норманнскаго Сѣвера есть первая картина, первая страница нашего бытописанія. Саги столько же принадлежатъ намъ, какъ и прочимъ народамъ, происшедшимъ отъ Скандинавовъ, или ими созданнымъ.

Гдѣ же видимъ мы это въ нашихъ Исторіяхъ?.... Сѣверъ среднихъ вѣковъ, донынѣ живущій въ собственныхъ его сказаніяхъ всею силою своей геройской и романтической Природы; этотъ прекрасный, живописный, величественный Сѣверъ, совершенно исчезъ, даже подъ искуснымъ перомъ Карамзина! Мы находимъ только холодную, снѣжную пустыню, съ рѣдкими слѣдами человѣческой стопы и большими кровавыми пятнами, которыя уже заносятся мятелію выносокъ и примѣчаній, большею частію безполезныхъ или дующихъ ложною Критикою на понятія читателя. Но Сѣверъ!..... Сѣверъ, покрытый на сушѣ бродящими толпами богатырей, на водѣ непобѣдимыми флотами; съ его законами, писанными рукою храбрыхъ и для храбрыхъ, съ его оригинальною Вѣрою и небомъ, столь же бурнымъ,

былъ Суздаль. Здѣсь также было отечество Мери. О Финнизмѣ въ Россійскомъ языкѣ, то есть, о вліяніи духа Финскихъ языковъ на образованіе Велико-россійскаго нарѣчія, предоставляемъ себѣ сказать нѣсколько словъ въ другомъ мѣстѣ. Этотъ предметъ требуетъ большаго развитія подробностей и приведенія примѣровъ изъ многихъ постороннихъ языковъ.

какъ и самая его земля, съ его эпическими нравами и, съ одной стороны, бѣднымъ, но мужественнымъ и сильнымъ, съ другой еще полу-дикимъ, но уже богатымъ и уже слабымъ, обществомъ; съ его воинственными «союзами», съ его изступленными Берсеркарами, сражающимися противъ утесовъ и всей Природы; съ его морскими Князьями, отказывающимися навсегда отъ теплоты огня; съ его щитоносными дѣвицами, Skjoldmoe, заставляющими своихъ любовниковъ прежде побѣдить себя оружіемъ, а потомъ уже награждающими ихъ любовію; съ этою дерзкою отвагою и исполинскими подвигами, то для полученія руки нѣжной и гордой красавицы, то для грабежа и разбоевъ, то единственно для чести и славы; съ его мрачною, высокою поэзіею и простыми, но исполненными жизни, сказаніями; съ его наконецъ награбленнымъ золотомъ и вооруженною торговлею, и со всѣми его священными, политическими и гражданскими понятіями: весь этотъ чудесный Сѣверъ, и Ассы, овладѣвшіе духовнымъ скипетромъ за Балтійскимъ Моремъ, и Криве-Кривейтосъ, могучій Далай-Лама разноплеменныхъ поколѣній, обитавшихъ по сю сторону моря, и мусульманская Славянщина при Волгѣ, даже эти Руссы, которыхъ одно появленіе подъ стѣнами Бердаа привело въ трепетъ весь Востокъ, воображавшій себѣ, что для побѣжденія ихъ нуженъ непремѣнно мечъ Александра Великаго; даже эта многолюдная и волшебная Бярмія, въ которую въ одно и то же время стремились и смѣлый Норманнъ съ оружіемъ въ рукѣ чрезъ пловучія льдины, кругомъ Капъ-Норда, для добычи, и корыстолюбивый Аравитянинъ съ товарами чрезъ степи, и хищныя поколѣнія для торговли; бореніе расъ, поглощеніе ихъ однихъ другими, раціональное возстаніе новаго языка, и самый языкъ, которымъ говорили тѣ, коихъ носимъ

мы благородное и славное имя, — все это ускользнуло отъ вниманія и проницательности нашихъ Историковъ, все изсякло въ туманѣ неумѣстнаго Славянизма, и сдуто съ историческихъ страницъ Руси ледовитымъ дыханіемъ старой Критики. Должно быть, характеръ эпохи не былъ похожъ на Славянскій, когда Аравитяне того времени называли Славянами, въ нынѣшней Россіи, однихъ Болгаръ, и Словянскимъ Царемъ одного ихъ «Владлавца», всегда полагая различіе между ими и тогдашними Норманнскими подданными того же племени, которыхъ они постоянно именуютъ Руссами и представляютъ народомъ дерзкимъ, кровожаднымъ и страшнымъ; когда Литовцы, перемѣшанные въ своей землѣ съ Славянскими массами, сосѣдей и долгое время единовѣрцевъ своихъ, подвластныхъ потомкамъ Рурика, съ ужасомъ и проклятіями величали не иначе, какъ Готѳами, *Гудисъ*, и это слово понынѣ означаетъ у нихъ Русскаго; когда Венгры, Поляки и Византійцы ни сколько не заботились о здѣшнихъ Славянахъ, а только говорили о Руссахъ и Русскихъ!

И такъ, чтобъ создать настоящую Исторію того времени, надобно вновь переизслѣдовать всѣ ея матеріялы въ духѣ новѣйшей Критики, которая не боится басень и умѣетъ отыскивать и въ нихъ человѣка и его общественное состояніе; надобно учиться языку Руссовъ и стараться изъ подлинныхъ сказаній Сѣвера узнать, что такое былъ тогдашній Сѣверъ. Мы обязаны заблужденіямъ старой Критики по крайней мѣрѣ тѣмъ, что убѣдились, что люди встарину не столько лгали и не такъ были склонны къ подлогамъ, какъ ей казалось; что они иногда только ошибались, по суевѣрію или невѣжеству, и то, большею частію, въ подробностяхъ: потому

именно мы теперь сдѣлались довольно равнодушными къ подробностямъ историческихъ происшествій, и ищемъ общаго духа событій[12]. Утѣшимся пріятною надеждою, что скоро кто-нибудь изъ нашей молодой Россіи, всякой день болѣе и болѣе одушевляющейся любовію къ Наукамъ и познаніямъ, посвятитъ себя одной этой эпохѣ, и, изучивъ ее во всѣхъ отношеніяхъ, сочинитъ первую ея монографію и первую Исторію. Трудъ огромный, многосложный, требующій большаго терпѣнія, постоянства и даже разнородныхъ свѣдѣній; но обѣщающій вознаградить неустрашимаго труженика обильною жатвою любопытныхъ фактовъ и новыхъ видовъ. Теперь еще все лежитъ передъ нами въ ночномъ мракѣ, и мы съ трудомъ лишь успѣваемъ бѣгло окинуть взоромъ старый нашъ Сѣверъ при молнійномъ свѣтѣ отдѣльныхъ, разсѣянныхъ событій, которыя блескомъ своимъ озаряютъ только извѣстный кругъ около себя, оставляя огромные промежутки въ полу-свѣтѣ или въ совершенной тмѣ. Но всѣ преграды и трудности сокрушаются передъ усиліемъ и проницательностью человѣка. Приступая систематически къ дѣлу, необходимо начать съ языка Руссовъ и ихъ политической и религіозной Словесности, то есть, съ Сагъ и Поэмъ Эдды: онѣ должны служить основаніемъ нашимъ изслѣдованіямъ.

Языкъ Руссовъ, Норвежцевъ, и вѣроятно всѣхъ древнихъ Скандинавовъ, сохранился въ Исландіи. Скандинавіею называются нынѣшнія Данія, Шве-

[12] Въ началѣ текущаго столѣтія еще почиталось хорошимъ тономъ въ порядочной Исторической Критикѣ не вѣрить въ Ксерксовъ, ни Антаксерксовъ. Скоро потомъ были прочитаны надписи гвоздеобразной грамоты, и мы, къ немалому огорченію нашей недовѣрчивости, нашли въ нихъ имена не только Ксерксовъ и Антаксеркгсовъ, но и самой Семирамиды, баснословность существованія которой была такъ хорошо доказана!.....

ція и Норвегія, со включеніемъ Исландіи и нѣсколькихъ другихъ острововъ. Около той эпохи, какъ у насъ появился Рурикъ съ своими Норманнами, въ Скандинавіи, раздѣленной на множество мелкихъ удѣловъ, почти въ одно и то же время образовались силою оружія три единодержавныя Королевства, Датское, Шведское и Норвежское. Этотъ переворотъ лишилъ разныхъ Конунговъ ихъ владѣній, и произвелъ множество недовольныхъ, которые стали толпами выходить изъ отечества. Тѣ, которые болѣе другихъ были пристрастны къ древней Вѣрѣ и поэтическимъ нравамъ Скандинавовъ, удалились на островъ Исландію, и основали тамъ Республику, процвѣтавшую потомъ нѣсколько столѣтій. Такимъ образомъ спаслась старая Скандинавія, съ своимъ языкомъ, съ своими догматами и Словесностью, отъ нашествія новыхъ понятій и новаго порядка вещей, и на снѣжномъ островѣ, у подошвы пылающаго волкана, долго еще жила для своей старины, гордясь отстаніемъ своимъ отъ общаго отечества, стремящагося чрезъ остатокъ среднихъ вѣковъ къ блистательной эпохѣ возрожденія Наукъ на Западѣ. Исландцы, однако жъ, не рѣдко оставляли свой островъ, для морскихъ набѣговъ, торговли или военной службы подъ знаменами предпріимчивыхъ Конунговъ. Страсть ихъ къ поэзіи и сказаніямъ, которою и теперь они отличаются, заставляла ихъ собирать во время подобныхъ отлучекъ героическія и религіозныя Поэмы и Саги древней Скандинавіи и переносить въ Исландію. Словесность Норманновъ ожила на отдаленномъ острову, который сдѣлался ея средоточіемъ: даже ихъ языкъ достигъ тамъ извѣстной степени совершенства, хотя почти не измѣнился. Потому, мы, безъ различія, называемъ его Исландскимъ и Скандинавскимъ. Саги Исландскія или Скандинавскія значатъ одно и то же.

Исландецъ, по имени Семундъ, собралъ въ XI вѣкѣ обломки большой эпической и духовной Поэмы Скандинавовъ, извѣстные нынѣ подъ названіемъ Старой, или Семундовой Эдды. То былъ вѣкъ, когда Исландцы ревностно занимались древнею своею Словесностью, и еще не искажали ея примѣсью схоластической учености. Тогда начали они списывать на бумагу и свои старинныя Саги, которыя до тѣхъ поръ хранились большею частію въ памяти Скальдовъ и разскащиковъ.

Въ XIII столѣтіи, знаменитый и уже ученый Исландецъ, Снорри-Стурлесонъ, составилъ изъ разсужденій о миѳологіи и просодіи Скальдовъ, вторую Эдду, которая переведена на многіе Европейскіе языки, хотя она гораздо менѣе заслуживала эту честь, нежели первая, настоящая Эдда[13]. То былъ вѣкъ учености и сокращеній. Огромныя собранія подлинныхъ языческихъ Сагъ казались уже слишкомъ утомительными для Христіанскихъ читателей, и Исландскіе полу-ученые принялись сокращать ихъ и портить. Въ этомъ видѣ XIII-ое столѣтіе передало ихъ и намъ: нашему Исторіографу показалось, что онѣ тогда только были сочинены, или выдуманы, и онъ дважды повторилъ это въ своемъ сочиненіи, какъ-будто опасаясь, чтобы кто-нибудь не усомнился въ основательности его предположенія.

Первый извѣстный сокращатель Сагъ былъ Аре-Фроде, скончавшійся еще въ первой половинѣ XII столѣтія. Собранія его, большею частію неизданныя, носятъ въ ученой Европѣ имена Islendinga-bok и Landnama Saga . Онъ уже былъ историкъ, или

[13] Эта вторая Эдда переведена и на Русскій языкъ въ 1795 году, во «Введеніи въ Датскую Исторію Г. Малета», Адъюнктомъ Ѳедоромъ Моисенко.

лѣтописецъ, подобно Нестору, его современнику. Но Снорри-Стурлесонъ, о которомъ упомянули мы выше, болѣе всѣхъ прочихъ занимался этимъ предметомъ, и онъ-то подалъ собою примѣръ несчастной страсти, сокращать старинныя сказанія и составлять изъ нихъ родъ Исторіи, отъ чего необходимо произошло въ нихъ множество ошибокъ и запутанностей. Снорри былъ потомокъ царственнаго рода Инглинговъ, и предпринималъ путешествія въ Швецію и Норвегію, нарочно для собиранія остатковъ Скандинавской Словесности. Большое его сочиненіе, Heimskringla, почитается одними простымъ наборомъ Сагъ, только приведенныхъ въ порядокъ; иные, и весьма справедливо, усматриваютъ въ немъ явные слѣды руки неискуснаго сокращателя. Въ числѣ его подражателей, неизвѣстный сочинитель Исторіи Св. Олафа, или Олафа Толстаго, включилъ въ свою книгу, или приложилъ къ ней въ видѣ дополненій, нѣсколько Сагъ, также болѣе или менѣе сокращенныхъ. Объ одной изъ нихъ мы сейчасъ будемъ говорить въ подробности, ибо она непосредственно относится къ Руской Исторіи: скажемъ только нѣчто о Сагахъ вообще.

Онѣ раздѣляются на романтическія, героическія и историческія. Въ первыхъ находимъ мы смѣсь суевѣрныхъ понятій язычества съ общественными происшествіями. Вторыя посвящены картинѣ геройскихъ подвиговъ, любовныхъ затѣй, добродѣтелей, злодѣйствъ, несчастій и судьбы извѣстныхъ Княжескихъ родовъ. Наконецъ историческія Саги или состоятъ изъ любопытныхъ біографій знаменитыхъ людей, или заключаютъ въ себѣ описаніе отдѣльныхъ событій, изображенныхъ слогомъ простымъ, яснымъ, повѣствовательнымъ, безъ всякихъ украшеній и опасныхъ для истины усилій воображенія.

Всѣ онѣ чрезвычайно важны, ибо всѣ вѣрно изображаютъ общественнаго человѣка, нося на себѣ неподдѣльный отпечатокъ первобытной Исторіи, то есть, относительность событій къ дѣйствующимъ лицамъ, а не ко времени и совокупной судьбѣ народа. Саги описываютъ только подвиги и похожденія отдѣльныхъ героевъ, не заботясь о лѣтосчисленіи, ни о томъ, что происходило въ другомъ мѣстѣ въ то же самое время. Таковы долженствовали быть первоначальныя сказанія всѣхъ народовъ. Иліада есть Ахиллова Сага, Одиссея Сага объ Улиссѣ; обѣ онѣ принадлежатъ къ разряду героическихъ и романтическихъ Сагъ, съ тою только разницею, что какъ та, такъ и другая, дошли до насъ въ стихахъ, когда Скандинавскія Саги этого рода почти всѣ передѣланы на прозу. Геродотъ и Титъ-Ливій вѣроятно также перевели множество такихъ Сагъ на повѣствовательный слогъ Исторіи.

Кромѣ напечатанныхъ Исландскихъ Сагъ, какъ-то, Heimskringla и нѣкоторыхъ частей Islendingabok и Landmana-Saga, мы знаемъ еще многочисленныя извлеченія изъ другихъ подобныхъ сказаній, помѣщенныя въ Датскихъ и Шведскихъ Исторіяхъ. Ученый Миллеръ, лѣтъ десять тому назадъ, издалъ въ трехъ частяхъ Saga-Bibliothek, «Библіотеку Сагъ», въ которой разобралъ содержаніе множества извѣстныхъ ему остатковъ Норманнской исторической Словесности. Но большая часть этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ доселѣ почивала въ рукописи въ Датскихъ и Шведскихъ архивахъ и библіотекахъ, и знаменитое ученое сословіе любителей Исторіи, существующее въ Копенгагенѣ подъ именемъ «Сѣвернаго Королевскаго Общества Антикваріевъ», чувствуя всю ихъ важность, предписало трудамъ своимъ столь же благородную, какъ и по-

лезную цѣль, – постепенно предать тисненію всѣ донынѣ необнародованныя Скандинавскія Саги и Поэмы. Оно уже издало по семи томовъ двухъ предпринятыхъ имъ собраній этого рода: Oldnordiske Sagaer и Fornmanna Sögur; осьмой томъ послѣдняго собранія поступилъ въ печать въ прошломъ году, равно какъ четвертый, пятый, шестой и седьмой томы сочиненія Scripta historica Islandorum, въ которомъ содержится переводъ всѣхъ Сагъ, помѣщенныхъ въ первомъ собраніи.

Весьма естественно, что при составленіи подобныхъ собраній, требующихъ не только огромнаго труда, но и значительныхъ издержекъ, Копенгагенское Ученое Общество предпочтительно избираетъ къ печати историческіе памятники, имѣющіе прямую и непосредственную связь съ собственнымъ его отечествомъ и нѣкогда принадлежавшею ему Норвегіею. Въ огромномъ числѣ этихъ памятниковъ находятся однако жъ и такіе, которые относятся только къ Россіи: сверхъ того, множество важныхъ показаній, касающихся нашей Исторіи, кроется въ разныхъ Скандинавскихъ рукописяхъ, гдѣ они связаны съ происшествіями Даніи, Норвегіи и Швеціи. Всѣ эти матеріялы обращаютъ на себя вниманіе Общества; но, покамѣстъ, оно не въ состояніи употребить свои денежныя средства въ пользу памятниковъ, болѣе занимательныхъ для насъ, чѣмъ для Датскихъ читателей и подписчиковъ. Оно только изъявило мнѣніе, что весьма было бы желательно издать особое собраніе всѣхъ такихъ Сагъ и разбросанныхъ по другимъ сказаніямъ многочисленныхъ свѣдѣній о Руси и предъ-Русской эпохѣ нашихъ странъ, съ Латинскимъ переводомъ и критическими примѣчаніями; но вмѣстѣ съ тѣмъ сказало, что самая «обширность подобнаго собранія не дозволяетъ ему и ду-

«мать о томъ прежде, чѣмъ въ Россіи обнаружится «живѣйшее рвеніе къ этимъ древнимъ источникамъ «Исторіи, и необходимость ихъ сдѣлается ощути-«тельною для публики». Впрочемъ Общество полагаетъ, и мы старались доказать это выше, что вся Скандинавская Словесность стоитъ нашего вниманія, ибо «она есть общая собственность цѣлаго Сѣвера».

Мы, Русскіе, не могли бъ, кажется, приличнѣе и благороднѣе отвѣчать просвѣщенной заботливости ученыхъ Датчанъ о пользахъ нашей Исторіи, какъ открывъ у себя народную подписку, и собравъ посредствомъ добровольныхъ приношеній капиталъ, напримѣръ, въ тридцать пять или сорокъ тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобъ предложить Копенгагенскому Обществу патріотическое отъ насъ пособіе на издержки изданія столь важной и пріятной для насъ книги. Тѣмъ доказали бъ мы неоспоримо, что умѣемъ цѣнить какъ полезные ихъ труды, такъ и памятники историческаго быта нашего. Извѣстная любовь нашей публики ко всему Русскому и похвальному, благодѣтельное направленіе, которое мудрое Правительство сообщаетъ намъ ко всему народному, и дознанная щедрость нашихъ вельможъ, особенно въ такихъ случаяхъ, гдѣ идетъ дѣло о чести Россіи и умственныхъ ея успѣхахъ, не дозволяютъ намъ даже сомнѣваться, что предлагаемая нами подписка была бы въ одно мгновеніе ока покрыта множествомъ знаменитыхъ именъ и великодушными, по возможности, приношеніями лицъ всякаго состоянія.

Чтобъ дать намъ понятіе о черезвычайной важности Скандинавскихъ сказаній для нашей Исторіи, Королевское Общество издало въ Сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года одну Исландскую Сагу, которая была уже извѣстна нашему Исторіографу по краткому ея

содержанію, сжатому въ нѣсколькихъ строкахъ и напечатанному извѣстнымъ Тормодомъ Торфеемъ въ его Норвежской Исторіи, откуда оно перенесено въ томъ же видѣ въ Исторію Россійскаго Государства. Сага эта вышла въ свѣтъ подъ заглавіемъ: Eymundar Saga. Eymundi et Ragnaris, Norvegiorum Principum, tandem Polteskæ, vel Polociæ (?), in Russia dynastarum, vitæ et gesta, in originali islandico, etc., edidit S. R. A. S., Hafniæ, 1833. Эймундова Сага. «Жизнь и дѣянія Эймунда и Рагнара, Норвежскихъ «Князей, потомъ Полоцкихъ (?) въ Россіи владѣльцевъ, «въ Исландскомъ подлинникѣ съ Латинскимъ пере«водомъ и краткимъ Введеніемъ, изданная по древ«нему списку Королевской Библіотеки, Королевскимъ «Обществомъ Сѣверныхъ Антикваріевъ, въ Копен«гагенѣ, 1833,» въ 8., стр. VIII и 60. Сочиненіе это напечатано въ числѣ только семидесяти экземпляровъ, и разослано извѣстнѣйшимъ покровителямъ Наукъ и знатокамъ Исторіи въ Россіи: по-этому оно болѣе принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей, чѣмъ къ обнародованнымъ для пользы публики твореніямъ. Главнѣйшія наши книгохранилища также получили по одному его экземпляру. Древнѣйшій списокъ этой Саги относится къ XIII столѣтію; новѣйшихъ списковъ найдено весьма немного.

Эймундова Сага, столь любопытная во всѣхъ своихъ частяхъ, столь новымъ и прекраснымъ свѣтомъ озаряющая нашъ XI-й вѣкъ и въ особенности княженіе Ярослава Владиміровича, понесчастію, не избѣгла общей почти участи Скандинавскихъ сказаній, постигшей ихъ въ XIII столѣтіи. Она тоже сокращена. Мы можемъ, однако жъ, поздравить себя съ тѣмъ, что сокращатель полѣнился передѣлать ее въ цѣлости на свой ладъ, и, чтобъ уменьшить ея объемъ, прибѣгнулъ къ самому легкому средству: онъ

попросту выкинулъ всю ея середину, и оставилъ только начало, нѣсколько измѣненное имъ въ первой главѣ, и конецъ, то есть, тѣ именно части, въ которыхъ описываются происхожденіе, выходъ изъ отечества и окончательная судьба его героевъ, и которыя естественно занимали его болѣе, нежели чуждыя и неинтересныя для него дѣйствія ихъ въ Россіи. Такимъ образомъ, онъ выпустилъ весь періодъ войнъ Ярослава съ Польшею, взятіе Кіева Болеславомъ Храбрымъ, и всѣ дальнѣйшія слѣдствія этого событія, до самой смерти Святополка, съ которой повѣствованіе опять возстановляется. Уцѣлѣвшая часть сказанія, по историческому ея достоинству, простотѣ и ясности слога и неподражаемому чистосердечію сочинителей, заставитъ всякаго искренне сожалѣть о потерѣ, происшедшей для Русской Исторіи отъ этого несчастнаго пропуска. Какъ бы то ни было, Королевское Общество не могло ни избрать приличнѣйшаго памятника, чтобъ неоспоримо убѣдить насъ въ пользѣ Скандинавской Словесности для нашего бытописанія, ни сдѣлать намъ пріятнѣйшаго подарка на первое знакомство.

Сага эта сочинена по изустному разсказу пятерыхъ Исландцевъ, которые не только были очевидцами описываемыхъ въ ней происшествій, но и сами въ нихъ участвовали, и въ рукописи составляетъ дополненіе къ Исторіи Короля Олафа, о которой имѣли мы случай упомянуть выше. Они пришли въ Россію въ концѣ 1015 года съ Эймундомъ и Рагнаромъ, и подъ ихъ знаменами служили здѣсь Ярославу, который употреблялъ ихъ во всѣхъ своихъ походахъ, пока ихъ предводители не разссорились съ нимъ по случаю *убійства* Святополка. Тогда они, вмѣстѣ съ Эймундомъ и Рагнаромъ, перешли къ Полоцкому Князю, Брячиславу, и, по смерти Эймун-

да, возвратились въ Исландію. Имена ихъ узнаемъ изъ ихъ же разсказа: они назывались Біорнъ, Гарда-Кетилль, Аскелль, Тордъ старшій и Тордъ младшій. Какъ въ XI столѣтіи Саги уже имѣли тамъ заботливыхъ о сохраненіи ихъ переписчиковъ, то сказаніе пятерыхъ выходцевъ вѣроятно было прямо съ ихъ словъ списано на бумагу. Мы не согласны съ мнѣніемъ ученыхъ его Издателей, полагающихъ, будто оно первоначально могло быть, по обычаю того времени, положено Скальдами на стихи, отъ чего и произошли въ немъ нѣкоторыя поэтическія невѣрности въ событіяхъ. Мы не видимъ въ немъ ни какихъ слѣдовъ поэтическаго воображенія; и если почтеннымъ Издателямъ не удалось подвести этой Саги подъ Исторію, то единственно потому, что они не примѣтили въ ней огромнаго пропуска, который намъ, болѣе знакомымъ съ отечественными Лѣтописями, вдругъ бросается въ глаза. Простое открытіе этого пропуска рѣшаетъ всѣ трудности.

И такъ, оставивъ догадки, приводимыя Издателями въ скромномъ и ученомъ Введеніи для объясненія разныхъ мѣстъ Эймундовой Саги историческимъ образомъ, приступимъ прямо къ подробному ея разбору. Для ясности дѣла, начнемъ разсмотрѣніемъ повѣсти Нестора о времени, объятомъ этою Сагою, и представленной Карамзинымъ картины той же эпохи.

Сухость, чрезвычайная краткость, даже родъ умышленной небрежности, и отрывчивость разсказа, примѣчаемыя въ Несторовомъ описаніи политическихъ происшествій въ княженіе Ярослава, въ состояніи привести въ отчаяніе всякаго обожателя перваго нашего лѣтописца, который, что бы ни говорили Шлёцеръ и Карамзинъ, имѣетъ всѣ недостатки лѣтописцевъ своего времени, – ложную ученость, которую, по

причинѣ грубой ея оболочки, многіе приняли за подлинныя народныя преданія, страсть описывать ораторски древнія сраженія и заставлять говорить своихъ героевъ, наклонность къ чудесному и совершенное незнаніе Политики изображаемаго вѣка. Откинувъ описанія сраженій и разговоры, которые даже въ нашемъ вѣкѣ, при содѣйствіи книгопечатанія и при всей бдительности современной Исторіи, никакъ не могутъ быть переданы потомству безъ примѣси ложныхъ подробностей, то, что Лѣтописецъ намъ говоритъ о походахъ и политическихъ событіяхъ, случившихся при Ярославѣ съ 1016 года, ограничивается нѣсколькими тощими строками, и болѣе походитъ на краткое содержаніе, помѣщаемое въ книгахъ вверху главы, нежели на самый текстъ сочиненія. Мы перескажемъ все это его же словами, отбрасывая только въ нихъ окончанія ученаго иностраннаго нарѣчія, и замѣняя ихъ тѣми, которыя, какъ видно изъ разныхъ мѣстъ той же Лѣтописи и другихъ источниковъ, были тогда въ употребленіи въ Русскомъ языкѣ.

«И пошедлъ (пошелъ) Ярославъ на Святополка. «Слышавъ же Святополкъ идущаго Ярослава, построилъ безъ числа вой (изъ) Руси и Печенѣгъ, и изшедлъ противу ему къ Любечу объ-онъ-полъ Днѣпра, а Ярославъ отсюду.

«Въ лѣто 6524 (1016) пришедлъ Ярославъ, и сталъ «противу, объ-а-полъ Днѣпра, и не смѣяли ни тіи «на сихъ, ни сіи на нихъ, и стояли за три мѣсяцы «противу собѣ.»

Здѣсь начинается длинное описаніе битвы, неисправность котораго увидимъ мы ниже. Лѣтописецъ приводитъ разговоры сражающихся: мы можемъ

смѣло оставить ихъ безъ вниманія. Въ этихъ разговорахъ Ярославъ названъ *хромымъ:* онъ вѣроятно тогда еще не былъ хромъ, ибо онъ раненъ въ ногу только въ слѣдующемъ сраженіи[14].

«И одолѣлъ Ярославъ. Святополкъ же побѣжалъ «въ Лахи, а Ярославъ сѣдлъ (сѣлъ) въ Кіевѣ.

«Въ лѣто (1017) Ярославъ вошедлъ въ Кіевъ, и «погорѣлъ городъ Кіевъ.

«Въ лѣто (1018) пошедлъ Болеславъ со Святополкомъ на Ярослава съ Ляхи; Ярославъ же много «совокупилъ Руси, Варягъ, Словенъ, и пошедлъ «противъ Болеславу и Святополку, и пришедлъ къ «Волыни, и сталъ объ-а-полъ рѣли Буга.»

Опять описаніе сраженія и разговоры.

«И побѣдилъ Болеславъ. Ярославу же бѣжавшу[15] «съ четырмя мужи къ Новугороду, Болеславъ во«шедлъ въ Кіевъ.»

Разговоры, въ которыхъ обнаруживается въ полномъ свѣтѣ стремленіе къ изящности разсказа съ очевиднымъ вредомъ для исторической точности, и подражаніе слогу Библіи[16].

[14] См. Eymundar-Saga.

[15] Греческій оборотъ фразы.

[16] Многіе думаютъ, что слогъ первой нашей Лѣтописи чрезвычайно простъ, потому, что онъ варварскій: онъ, напротивъ, весь состоитъ изъ натянутыхъ подражаній оборотамъ Св. Писанія и риторическому безвкусію Византійцевъ. Мы обратимъ вниманіе читателей на одно только мѣсто, которое лучше всякихъ многосложныхъ цитатъ можетъ дать понятіе объ удивительной его изысканности и напыщенномъ духѣ разсказа. Лѣтописецъ заставляетъ толстаго Болеслава отдавать приказъ по квартирмейстерской части тѣми же словами, которыми въ Книгѣ Бытія Богъ повелѣваетъ сотвориться міру: *И рече Болеславъ: Разведите дружину мою по городомъ на кормъ! — и бысть тако.* (И рече

«Ярославу же прибѣгшу къ Новугороду и хотя-«щу[17] бѣжать за море, Посадникъ Снятинъ съ Нов-«городцы разсѣкли ладьи, рѣкши.....»

Разговоры.

«И привели Варягъ, и совокупилъ Ярославъ вои «многіе. Болеславу же, сидящу въ Кіевѣ[18], – (Разго-«воры) – Святополкъ избилъ по городомъ Ляхи. Бо-«леславъ же побѣжалъ изъ Кіева, взявъ имѣніе, «бояръ (и проч). Святополкъ же началъ княжить въ «Кіевѣ. И пошедлъ Ярославъ на Святополка и бѣ-«жалъ Святополкъ въ Печенѣги.

«Въ лѣто (1019) пришедлъ Святополкъ съ Пече-«нѣги въ силѣ тяжкой, и Ярославъ собравъ множе-«ство вой, изшедлъ противу ему на Ольто.»

Разговоры. Риторика. Описаніе сраженія.

«.....Одолѣлъ Ярославъ, и Святополкъ побѣжалъ. «И нападлъ нань бѣсъ.....»

Длинное описаніе того, какъ бѣсъ мучилъ «безум-наго» Святополка, который бѣжалъ, бѣжалъ, и ушелъ *въ пустыню между Ляхи и Чехи*, то есть, Богъ-вѣсть куда, – и тамъ умеръ, то есть, не извѣстно какъ и когда.

Богъ: Да будетъ земля посредѣ воды и воды! — и бысть тако.) И все это, чтобъ сказать, что Болеславъ распредѣлилъ свои войска по городамъ!..... Здѣсь сочинитель, для ложно понимаемой красоты слога, изъ одного факта дѣлаетъ два, изъ которыхъ одинъ, то есть, рѣчь Болеслава, очевидно имъ самимъ выдуманъ, — а можетъ-быть и оба! Изысканность и искаженіе вкуса не дожидаются даже утонченности нравовъ и появленія образованности. Что бы сказали мы теперь объ историкѣ, который употребилъ бы о Наполеонѣ такое выраженіе, какое представляетъ Лѣтопись о Болеславѣ?

[17] Греческій оборотъ.

[18] Греческій оборотъ.

«Ярославъ же сѣдлъ въ Кіевѣ и утерлъ пота съ «дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ вели-«кій[19].»

«Въ лѣто (1021) пришедлъ Брячиславъ на Новго-«родъ, и заялъ Новгородъ, и, поимавъ Новгород-«цы и имѣніе ихъ, пришедлъ къ Полоцку опять. И «пришедшу ему[20] ко Судомѣри рѣцѣ, Ярославъ въ

[19] Карамзинъ, кажется, выраженію: *утерлъ пота*, приписывалъ какое-то особенное, замысловатое значеніе: оно употребительно и до сихъ поръ въ Польскомъ языкѣ, и значитъ только *отдохнулъ*. Вообще, основательное знаніе Польскаго языка, особенно стариннаго, необходимо для надлежащаго оцѣненія Несторовой Лѣтописи. Полянскія формы очевидно еще господствовали тогда въ раждающемся Русскомъ языкѣ, и языкъ Лѣтописи представляетъ весьма любопытное для Филолога смѣшеніе формъ Полянскихъ или Старо-Польскихъ съ Церковно-Славянскими и уже нѣкоторыми нынѣшними Великороссійскими. Мы надѣемся представить публикѣ разборъ Несторова языка въ другомъ сочиненіи. Что касается до Великороссійскаго нарѣчія, или нынѣшняго Русскаго языка, то весьма ошибаются тѣ, которые относятъ его къ восточнымъ Славянскимъ нарѣчіямъ: нашъ языкъ, по кореннымъ своимъ формамъ, принадлежитъ къ западнымъ; только произношеніе его заимствовано изъ восточныхъ нарѣчій, и оно еще значительно измѣнилось здѣсь на мѣстѣ, отъ вліянія Финнизма, то есть, такъ сказать, растворилось и смягчилось въ сѣверномъ вокализмѣ. Внимательное разсмотрѣніе химическихъ началъ языка обнаруживаетъ удивительное смѣшеніе расъ и поколѣній въ нынѣшнемъ сѣверномъ Славянскомъ народѣ. Даже произношеніе нашего языка не все принадлежитъ такъ называемымъ восточнымъ нарѣчіямъ: значительная часть его, особенно въ отношеніи къ гласнымъ, взята изъ западныхъ, что доказываетъ, что сѣверные Человѣки произошли отъ смѣси восточнаго и западнаго Славянскихъ колѣнъ. Но что называемъ мы восточнымъ или западнымъ колѣномъ? Названія эти выдуманы Учеными, незнавшими ни Славянъ, ни ихъ нарѣчій, и не заключаютъ въ себѣ ни какого смысла. По этому раздѣленію, Сербскій и Старо-Моравскій языки называются восточными, а Богемскій западнымъ, тогда, какъ послѣдній только по своимъ формамъ принадлежитъ къ западнымъ, а по произношенію онъ долженъ быть причисленъ къ разряду первыхъ, которые на востокъ перешли тоже съ запада. Классификацію Славянскихъ языковъ и нарѣчій остается еще сдѣлать.

[20] Греческій оборотъ.

«седьмый день изъ Кіева постиглъ его, и побѣдилъ «Ярославъ Брячислава, и Новгородцевъ воротилъ къ «Новогороду, а Брячиславъ бѣжалъ къ Полоцку.

«Въ лѣто (1022) пошедлъ Ярославъ къ Берестью.»

Зачѣмъ?..... И что онъ тамъ сдѣлалъ?.....

Здѣсь начинается описаніе Тмутараканскихъ происшествій. Ярославъ исчезаетъ изъ виду. Только въ 1024 году появляется онъ уже не въ Кіевѣ, но въ Новѣгородѣ (*Въ лѣто 6538, Ярославу сущу въ Новѣгородѣ, пришедлъ Мстиславъ*, и проч).

Разобравъ такимъ образомъ повѣсть Лѣтописца, и отдѣливъ все, что принадлежитъ въ ней къ неумѣстнымъ украшеніямъ слога, подражательству образцамъ Византійскаго краснорѣчія и набожнымъ понятіямъ вѣка, отъ настоящихъ историческихъ данныхъ, должны мы согласиться, что или онъ ничего не зналъ въ подробности о княженіи Ярослава, или не имѣлъ въ виду писать Исторію, а хотѣлъ только написать книгу изящнымъ Славянскимъ слогомъ. Возможно ли короче, скуднѣе, сбивчивѣе, и съ положительнѣйшимъ презрѣніемъ отечественныхъ подвиговъ и бѣдствій, представить столь важный и богатый великими событіями періодъ?..... періодъ, въ которомъ Россія, въ первый разъ, вступила въ кругъ политическихъ соображеній Европы? въ которомъ была она союзницею Нѣмецкаго Императора, и дѣйствовала вмѣстѣ съ нимъ противъ общаго врага? когда столица Государства находилась въ рукахъ посторонняго и честолюбиваго завоевателя? когда, наконецъ, кромѣ Святополка и Болеслава,

еще съ одной стороны Мстиславъ, съ другой Брячиславъ, оспаривали скипетръ Владиміровъ у Ярослава? Мы не видимъ здѣсь ни похода Ярославова противъ Польши въ слѣдствіе союза съ Генрихомъ II, ни повода, по которому Болеславъ помогалъ Святополку, ни даже того, что послѣдній былъ зять первому; не видимъ ни цѣли, ни конца войны Брячиславовой, — ни зачѣмъ Ярославъ оставилъ Кіевъ и жилъ въ Новѣгородѣ по 1024 годъ. Но за то находимъ небывалое въ Исторіи дѣло: Болеславъ занялъ Кіевъ, и спокойно предавался тамъ разврату, а Ярославъ, находившійся тогда въ Новѣгородѣ, въ 1200 верстахъ отъ Болеслава, что, по состоянію тогдашнихъ дорогъ, равнялось 1500 и 1800 верстамъ, такъ испугался этого, что со страху хотѣлъ уйти за море!!..... Подлинно, надо быть страстнымъ любителемъ побѣговъ, чтобъ думать объ ухожденіи за море отъ непріятеля, забавляющагося съ краснымъ личикомъ въ такой далекой странѣ, и даже нетрогающагося съ мѣста! Возможно ли предположить, чтобы Ярославъ, который храбро сражался съ братомъ, и отнюдь не имѣлъ недостатка ни въ мужествѣ, ни въ умѣ, пропустилъ такой удобный случай? чтобы, поддерживаемый деньгами Новгородцевъ и мужествомъ своихъ непобѣдимыхъ Норманновъ, онъ не пытался по крайней мѣрѣ тревожить безпечнаго врага, и безпечнаго до такой степени, что его воины были безъ труда перерѣзаны Святополкомъ по городамъ? Какое было слѣдствіе пожертвованій Новгородцевъ и «призванія» Варяговъ[21]? Лѣтописецъ не говоритъ о томъ ни слова. Изъ Польскихъ писателей видно, что Ярославъ

[21] Варяги пришли сами, не будучи *призваны* Ярославомъ. См. Eymundar Saga. Мы считаемъ всякое слово Лѣтописца за фактъ, а онъ очевидно не дорожилъ словами!

трижды предпринималъ нападенія на войска Болеслава, пребывающаго въ Кіевѣ, и что даже гнался за нимъ до Бреста, когда тотъ уходилъ отъ измѣны съ богатствами Кіевлянъ и его сестрами. Оно и не могло быть иначе. Правда, походъ его къ Бресту упомянутъ, но когда? – въ 1022 году! Посчитаемся съ вѣроятностями, и скажемъ, по совѣсти, что такъ писать Исторію своего отечества, значитъ или вовсе ея не знать, или желать заслужить похвалу за слогъ, а не довѣріе Критики. Впрочемъ, мы отнюдь не обвиняемъ Лѣтописца: въ его время никто не имѣлъ понятія объ исторической точности выраженій, никто не чувствовалъ нужды въ достовѣрности фактовъ. Исторію писали тогда почти такъ же, какъ нынѣ пишутъ историческіе Романы. Мы обвиняемъ только тѣхъ, которые добровольно не хотѣли понять Нестора, и усматривали въ его сочиненіи болѣе настоящей Исторіи, нежели какъ самъ сочинитель желалъ заключить ея въ немъ. Что касается до Исторіи того періода, то даже могъ ли знать ее лучше смиренный монахъ XI вѣка, затворенный въ своей кельѣ, спустя 70 или 80 лѣтъ послѣ событій, которыя описывалъ? Могъ ли писать ее иначе человѣкъ, воспитанный въ такой исторической школѣ, какова была школа Византійскихъ писателей? Чтобъ видѣть духъ Несторовой Лѣтописи, какъ въ зеркалѣ, довольно одинъ разъ въ жизни имѣть терпѣніе прочитать въ подлинникѣ нѣсколько томовъ ихъ сочиненій. Вся ея повѣсть о разсматриваемомъ нами періодѣ, слѣпленная изъ намѣковъ, отрывковъ, пропусковъ, недоказанныхъ происшествій и изысканныхъ подражаній, не представляетъ для Исторіи другой пользы, кромѣ лѣтосчисленія, если только оно исправно; но мы не въ силахъ повѣрить, чтобы набожный сочинитель, занятый только изящностью слога и драматическою

частію повѣствованія, совершенно чуждый политическимъ понятіямъ и такъ небрежно описывающій достопримѣчательнѣйшія событія, болѣе обращалъ вниманія на годы, чѣмъ на самыя дѣла[22].

Теперь перейдемъ къ «Исторіи Россійскаго Государства». Должно, по-истинѣ, съ одной стороны сожалѣть объ Историкѣ, принужденномъ составлять картину эпохи изъ подобныхъ матеріаловъ, и съ другой удивляться таланту Карамзина, который умѣлъ извлечь изъ нихъ нѣсколько занимательныхъ страницъ для своей книги. Слѣпое довѣріе, которое, по приказанію великаго Критика, питалъ онъ къ этой Лѣтописи, препятствовало ему чистосердечно и откровенно употребить преданія иностранныхъ писателей: если что-нибудь заимствовалъ онъ изъ послѣднихъ, то вносилъ это въ свой текстъ съ недовѣрчивымъ вздохомъ, или поспѣшно пряталъ въ Примѣчанія. Затѣмъ, ему оставалось только парафразировать Нестора; прикрасить цвѣтами новаго слога начертанные краснорѣчивымъ отшельникомъ

[22] Мнѣніе наше о лѣтописи Нестора можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ только тѣмъ, которые привыкли думать объ ней чужимъ образомъ мыслей, и сами никогда не изучали ея въ пользу своего безпристрастія. Вы согласны въ томъ, что, послѣ Шлецера и Карамзина, для насъ оно слишкомъ смѣло, но оно по крайней мѣрѣ не ново на Руси, и чуть ли не такъ же старо, какъ и самая Лѣтопись. Не говоря уже о Татищевѣ, который имѣлъ объ ней не весьма лестное понятіе, и проницательности котораго Шлёцеристы не умѣютъ или не хотятъ отдать должной справедливости, мы напомнимъ здѣсь только то, что извѣстный отрывокъ Якимовой лѣтописи начинается тѣми словами: *О Князѣхъ Русскихъ старобытныхъ Несторъ монахъ недобрѣ свѣдомъ бѣ*, и проч. И такъ, еще до просвѣщенія у насъ уже сомнѣвались въ историческомъ достоинствѣ Несторовой книги. Надобно было, чтобъ ученая Геттингенская Критика, гордо толкуя все для мнимаго открытія истины, пришла увѣрить насъ, что одно достойное нашего поклоненія есть именно то, что искони было извѣстно у насъ, какъ неосновательное!..... И мы повѣрили, не разбирая!

романтическіе виды сраженій, и замѣнить сухость остальныхъ фактовъ философскою чувствительностью. Онъ такъ и сдѣлалъ. Предположивъ, что сентиментальный Ярославъ возсталъ на брата, чтобъ наказать въ немъ изверга; что онъ занимался утѣшеніемъ жителей Кіева послѣ пожара, и потому не имѣлъ времени приготовиться къ защитѣ противъ Ляховъ; сдѣлавъ ему строгое замѣчаніе за то, что онъ не воспользовался войною Болеслава съ Генрихомъ II, для ослабленія общаго врага; изъявивъ на Ярополка благородный гнѣвъ за умерщвленіе тѣхъ, которые возвратили ему престолъ, и ловко пропустивъ все дѣло о бѣсѣ, Карамзинъ передалъ намъ слова Лѣтописи въ переводѣ на прекрасный языкъ, который самъ онъ создалъ. Къ удивленію, онъ даже серіозно повторилъ неумѣстную ея шутку объ испугѣ Ярослава и отчаянномъ его желаніи бѣжать изъ Новгорода *за море* отъ непріятеля, пирующаго за-горами за-лѣсами, въ 1200 верстахъ оттуда; но вмѣсто варварскаго слова *за море*, онъ выразился гораздо ученѣе, – *въ Норвегію!* Впрочемъ, не одинъ Карамзинъ серіозно повторилъ ее. Такъ на свѣтѣ иногда довольно, чтобы кто-нибудь сказалъ, не улыбаясь, вопіющую несообразность, и многіе *зѣло смысленые* мужи станутъ пересказывать ее за историческую истину!..... Касательно борьбы съ Брячиславомъ, Карамзинъ самъ отмѣтилъ явный пропускъ въ Несторѣ, и выпутался изъ дѣла догадкою, что вѣроятно война эта кончилась, какъ всѣ войны, – трактатомъ.

Въ такомъ положеніи историческихъ свѣдѣній объ этомъ любопытномъ, исполненномъ движенія, жизни и великихъ дѣлъ, періодѣ, является Эймундова Сага. Эймундъ, сынъ одного удѣльнаго Норвежскаго

Конунга[23], во время отлучки своей на витяжество, былъ лишенъ своихъ владѣній Св. Олафомъ, который сдѣлался единодержавнымъ Государемъ всей

[23] Мы принуждены удержать этотъ титулъ, по невозможности выразить его нынѣшними названіями. Славянское *Князь* сдѣлано изъ Германскаго konùn, koning или kœnig: въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Германскія слова, переходя въ старинныя Славянскія нарѣчія, всегда подвергались переставленію гласной со втораго мѣста на третье. Это коренное правило стариннаго ихъ консонантизма: напримѣръ, gard, градъ, гродъ (городъ); melt, млать, млеть (молоть); Karl, краль, кроль (король); bard, брада, брода (борода), и проч. Такимъ образомъ и слово konùng (конюнгъ), или koning, сперва превратилось въ устахъ Славянъ въ *кнюнгъ* или *кнингъ*, а потомъ, смотря по духу нарѣчій, потеряло или удержало носовый звукъ *нг*, съ обыкновенною перемѣною буквы *г* въ *зь*, *з* или *ж*, и даже *дз*. Сотни примѣровъ подобныхъ превращеній можно отыскать въ языкѣ: pfenning, пенязь, schelling, шелязь, Væring, Варязь, messing, мосяжъ, wicking, *Бѣлорус.* вицязь, *Великорос.* витязь, vink, вязь, и т. п. Такъ, слово *кнюнгъ* или *кнингъ* въ однихъ нарѣчіяхъ преобразовалось, и весьма правильно, въ *кніонзъ*, *кніондзъ* и *кніонжъ*, отъ чего произошли Польскія *Ксіондзъ* и *Ксіонже;* въ другихъ, въ *князь* и *кнезь*. Русская женская форма этого слова сохранила даже первобытное Германское окончаніе: koningin, kœniginn, *княгиня*. Карамзинъ хотѣлъ производить *князь* отъ *коня* (*конь-азь*, я лошадь): надобно полагать, что онъ хотѣлъ только пошутить надъ корне-словами. Какъ слова konùng и *князь* были тогда однозначащія, то они теперь долженствовали бъ быть переводимы словомъ *король;* Великій Князь Кіевскій, — значило не что иное, какъ Великій Король. Но титулъ *король* (краль) существовалъ уже въ то время, и означалъ гораздо болѣе, чѣмъ тогдашніе *князь* и kœnig, и чѣмъ нынѣшнее *король*. Слово *князь*, послѣ Карла Великаго, не удовлетворяло уже тщеславію нѣкоторыхъ Славянскихъ властелиновъ, и они начали употреблять имя этого героя вмѣсто титула, называясь Карлами, Karl, Kral, Krol, *Король*, что у нихъ выражало Императоръ, Кесарь, Царь. Папы и Нѣмецкіе Императоры однако жъ оспаривали у нихъ это пышное значеніе новаго ихъ титула, и переводили его Латинскимъ словомъ rex, отъ чего онъ мало-по-малу сравнялся съ титуломъ kœnig, и, возвысивъ послѣдній, тѣмъ самимъ унизилъ значеніе слова *князь*, которое уже навсегда осталось ниже званія kœning или konùng. Мы не находимъ другаго средства къ возстановленію прежняго порядка въ значеніяхъ этихъ словъ, разстроеннаго игрою человѣческой гордости, какъ сохраняя Скандинавскимъ удѣльнымъ Князямъ подлинный ихъ титулъ «Конюнгъ». Замѣтимъ еще мимоходомъ, что и слово *книга*

Норвегіи. Возвратясь въ отечество, онъ увидѣлъ себя изгнанникомъ, и предложилъ своимъ витязямъ, кемпенамъ и воинамъ, отправиться въ Россію, гдѣ, какъ ему было извѣстно, сыновья Владиміра начинали спорить между собою о наслѣдствѣ.

Эймундъ, котораго ученые Издатели Саги считаютъ потомкомъ Эймунда-Древняго, предъ-Рурикова обладателя Россіи, съ другомъ и товарищемъ своимъ Рагнаромъ и шестью стами воинами, прибылъ въ Новгородъ еще до начала междоусобій Владиміровичей, и вступилъ въ службу Ярослава. Онъ скоро сдѣлался его другомъ и совѣтникомъ. По словамъ Саги, война со Святополкомъ, который въ то время назывался Буриславомъ, или по крайней мѣрѣ такъ былъ именуемъ при Ярославовомъ Дворѣ[24], возгорѣлась по поводу требованія имъ отъ

происходитъ отъ того же корня, и, подобно Латинскому register, вѣроятно означало въ древности царскій, княжескій (книгскій) указъ или податной списокъ.

Говоря о Норманнахъ, мы считаемъ необходимымъ употребить еще другое слово, въ первоначальномъ его значеніи, именно, *витяжество*, vickingum, чтобъ опредѣлить ремесло и сословіе, нынѣ вовсе неизвѣстныя. Витязь,vicking, собственно означалъ морскаго богатыря, проводящаго жизнь въ набѣгахъ, приключеніяхъ и опасностяхъ, «для чести и богатства», и слово «витяжество» будемъ мы приводить въ смыслѣ «морскаго удальства, основаннаго на грабежѣ и славѣ».

[24] Извѣстно, что Варяжскіе Князья имѣли по нѣскольку именъ, изъ которыхъ одними назывались они дома, другими въ народѣ, третьими въ войскѣ, и т. д., чтобъ скрыть настоящее свое имя, и тѣмъ предохранить себя отъ испорченія колдовствомъ, требующимъ всегда знанія собственнаго имени лица для своихъ заклятій. Быть-можетъ, что въ Новѣгородѣ это имя было даваемо Святополку въ порицаніе, ибо «Буриславъ», Burzyslaw, значитъ то же, что «разрушитель», и составляетъ нѣкоторую противоположность съ значеніемъ слова «Святополкъ». Ежели супруга Святополка называлась Буриславою, Burzyslawa (многія Польскія Княжны носили это имя), то соперникъ Ярославовъ могъ принять его въ угодность своей женѣ или своему тестю.

Ярослава уступки нѣкоторыхъ областей. Ярославъ хотѣлъ уже согласиться на домогательства брата, какъ Эймундъ отсовѣтовалъ ему столь опасную уступчивость, и убѣдилъ искать счастія въ оружіи. Послѣдовало сраженіе при Любечѣ: подробности этого блистательнаго дѣла читатели наши найдутъ въ самой Сагѣ, которая въ слѣдующей книжкѣ «Библіотеки для чтенія» будетъ напечатана въ Русскомъ переводѣ, съ приложеніемъ Исландскаго текста, ибо мы увѣрены, что всякому будетъ пріятно увидѣть въ то же время и образецъ языка Руссовъ. Здѣсь остановимъ мы ихъ вниманіе только на обстоятельствахъ, сходствующихъ съ разсказомъ Нестора, или ему противорѣчащихъ.

Сага, подобно нашей Лѣтописи, изъясняетъ, что сраженіе происходило въ лѣсистомъ мѣстѣ, на берегу большой рѣки (Днѣпра); что обѣ враждующія рати раздѣлены были ею, и что дѣло рѣшилось ночнымъ нападеніемъ на Святополка, въ тылъ его стана. Эти три главныя черты событія составляютъ все сходство двухъ описаній, и ясно удостовѣряютъ, что Исландское сказаніе не есть вымыселъ, но подлинное свидѣтельство очевидцевъ и участниковъ битвы. Прочія подробности сходны только по названіямъ вещей, но совершенно разны въ ихъ существѣ. Несторъ говоритъ, что обѣ арміи стояли одна насупротивъ другой три мѣсяца, – онъ могъ бы сказать намъ при этомъ случаѣ, чѣмъ онѣ продовольствовались все это время? – не смѣя *ни тіи на сихъ, ни сіи на тіихъ.* Сага утверждаетъ, что онѣ провели въ виду другъ друга только четыре дня; что Ярославъ не рѣшался на сраженіе по обыкновенной своей безпечности, но что Эймундовы Варяги стали обнаруживать нетерпѣніе, выпросили у Ярослава согласіе, переплыли рѣку ночью, и, обо-

шедъ непріятеля лѣсомъ, напали на него сзади. Сраженіе завязалось вдругъ съ двухъ сторонъ, и Эймундъ рѣшительнымъ ударомъ одержалъ побѣду для Новгородскаго Князя, послѣ ужасной сѣчи. Такимъ образомъ Ярославъ не переправлялся самъ ночью чрезъ рѣку, и слова Лѣтописи, *исполчивъ дружину*, надо понимать въ смыслѣ, *отрядивъ Варяговъ*.

Уменьшеніе времени стоянія арміи отъ трехъ мѣсяцевъ до четырехъ дней разрушаетъ всю драматическую часть описанія этой битвы Несторомъ, который вывелъ на сцену Святополкова воеводу, укоряющаго Новгородцевъ медлительностью и плотничествомъ, и Ярослава хромотою. Впрочемъ, приведенное нами мѣсто о Болеславѣ неоспоримо доказываетъ, что разговоры и рѣчи героевъ Лѣтописи выдуманы самимъ лѣтописцемъ, и служатъ только выраженіемъ его притязанія на изящность слога и желанія подражать Византійскимъ риторамъ-историкамъ.

Лѣтописецъ переиначилъ дѣло о лодкахъ, а Карамзинъ изъ недоразумѣнія сдѣлалъ изъ того подвигъ. Первый сказалъ только, что дружина, переправясь ночью черезъ рѣку, оттолкнула лодки отъ берега. Исторіографъ, парафразируя лѣтописца, одушевилъ этотъ мертвый фактъ истинно Римскимъ чувствомъ: «оттолкнули лодки отъ берега, говоритъ онъ, желая «побѣдить или умереть». Прекрасно! Жаль только, что лодки принадлежали Варягамъ, и были нагружены ихъ имуществомъ: смѣтливые Скандинавы, опасаясь, чтобы, въ случаѣ неудачи, онѣ не достались въ руки непріятелю, еще до сраженія *оттолкнули ихъ отъ берега*, но только для того, чтобъ оттянуть вверхъ по рѣкѣ и поставить подальше отъ стана. Такъ разочаровываются читатели краснорѣчивыхъ Исторій.

Домыселъ о тайномъ согласіи одного изъ Святополковыхъ военачальниковъ съ Ярославомъ можетъ быть пропущенъ безъ всякаго разбора. Тайныхъ вещей никогда доказать нельзя, спустя слишкомъ полвѣка.

Послѣ Любецкаго сраженія, слѣдуя Сагѣ, разнесся слухъ, будто Святополкъ погибъ. Ярославъ занялъ Кіевъ. Несторъ бѣгло упоминаетъ, что Святополкъ скрылся *въ Ляхи*. Сага указываетъ, напротивъ, со всѣми подробностями, что онъ сперва ушелъ въ Бярмію, которая, какъ мы прежде сказали, была вовсе не то, что полагалъ объ ней Карамзинъ. Бярмія еще въ XI вѣкѣ считалась «многолюднымъ и сильнымъ» государствомъ, и производила значительную торговлю. Впрочемъ, какъ Святополкъ былъ разбитъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, правую сторону котораго занималъ непріятель, то, по всѣмъ обстоятельствамъ, ему было удобнѣе кинуться отъ Любеча на сѣверо-востокъ, въ Бярмію, чѣмъ переходить рѣку и пробираться въ Польшу длиннымъ и опаснымъ путемъ. Польскія владѣнія начинались не ближе Буга. Святополкъ не могъ уйти туда иначе, какъ черезъ Кіевъ. Если бъ онъ обратился въ ту сторону, то прежде всего искалъ бы спасенія въ своей столицѣ; а однажды забравшись въ Кіевъ, онъ не отдалъ бы его даромъ, и былъ бы въ состояніи держаться еще долгое время, имѣя въ укрѣпленномъ городѣ всѣ нужныя средства къ защитѣ. Спустя два года, Кіевъ могъ сопротивляться грозному завоевателю, Болеславу: тѣмъ менѣе Святополкъ дрожалъ бы въ его стѣнахъ предъ слабыми силами Ярослава, если бъ ему удалось отступить къ югу, по дорогѣ къ Польшѣ. И такъ, простое разсмотрѣніе мѣстностей событія уже достаточно убѣждаетъ, что онъ былъ отрѣзанъ отъ Кіева и отъ пути на югъ, и принуж-

денъ броситься въ противоположную своимъ владѣніямъ сторону. Лаконизмъ лѣтописца, – *И одолѣлъ Ярославъ, и убѣжалъ Святополкъ въ Ляхи*, – означаетъ все и ничего: это не описаніе факта, но только его границы, начало дѣла и конецъ, между которыми очевидно помѣщался извѣстный рядъ забытыхъ, или нарочно пропущенныхъ, происшествій. По свидѣтельству Саги, Святославъ прежде бросился въ Бярмію: это слово иногда принимается въ общемъ значеніи сѣверо-восточной части нынѣшней Россіи, и мы, не признавая здѣсь ему большей опредѣлительности, понимаемъ Скандинавское выраженіе въ томъ смыслѣ, что онъ ушелъ отъ Любеча къ сѣверу, къ Финнскимъ племенамъ, обитавшимъ въ той сторонѣ частію въ земледѣльческомъ, частію еще въ кочевомъ состояніи[25]. Ярославъ безпрепятственно занялъ его столицу. Но на слѣдующую весну Святополкъ неожиданно появился подъ стѣнами Кіева съ

[25] Показаніе Саги вполнѣ поддерживаетъ и Новгородскій Лѣтописецъ. Онъ положительно говоритъ, что послѣ Любецкаго сраженія Святополкъ убѣжалъ, не въ Польшу, но къ «Печенѣгамъ», что также не болѣе опредѣляетъ народъ, у котораго искалъ онъ пристанища, какъ и слово Бярмія, ибо «Печенѣги» у насъ и «Бярмійцы» у Норманновъ нерѣдко означали разныя поколѣнія, обитавшія въ восточной части Россіи, которыя теперь ученымъ образомъ называемъ мы Финскими. Вотъ, что Новгородскій Лѣтописецъ повѣствуетъ о Любецкомъ сраженіи, которымъ началась война между двумя братьями: «И въ «томъ вечерѣ перевозися Ярославъ на другой полъ Днѣпра, и лодь «отринуша отъ берега; и бысть сѣчѣ злѣ, и до свѣта побѣдиша Яро«полка; *и бѣжа Святополкъ въ Печенѣги*, а Ярославъ иде къ Кіеву, «и сиде на престолѣ отца своего, Володиміра; и нача вое свое дѣлити», и проч. Предубѣжденіе Карамзина въ пользу Кіевской Лѣтописи, насильственно внушенное ему рѣзкою Критикою Шлёцера, заставило его пренебречь такимъ яснымъ преданіемъ. Но теперь, когда, противъ одного бѣглаго указанія Несторова, имѣемъ мы два полныя свидѣтельства, отечественное и иностранное, изъ которыхъ одно принадлежитъ очевидцамъ дѣла; когда оба свидѣтельства согласно утверждаютъ, что Святополкъ сперва бросился не въ Польшу, но къ другому народу, этотъ фактъ получаетъ всю нужную историческую достовѣр-

многочисленною ратію Бярмійцевъ, то есть, Финновъ. Цѣлыя двѣ главы Саги посвящены подробному описанію, какимъ образомъ узнали въ Кіевѣ о приближеніи Ярополка со стороны сѣвера; какъ Ярославъ съ Эймундомъ наскоро укрѣпляли городъ, и какою хитростью, оставивъ двое воротъ незапертыми, и накрѣпко затворивъ прочія, возбудили въ Финнахъ желаніе, вмѣсто осады, предпринять приступъ, который искусно навели они на эти два пункта, гдѣ заранѣе сосредоточили свои силы. Одни ворота Великій Князь защищалъ самъ лично; у другихъ начальствовали Эймундъ и Рагнаръ. Завязалось жаркое сраженіе. Бярмійцы вторглись въ городъ. Ярославъ былъ тяжело раненъ въ ногу. Однако жъ, осажденные, употребивъ послѣднее усиліе, вытѣснили непріятеля, который отступилъ въ безпорядкѣ и претерпѣлъ совершенное пораженіе. Святополкъ бѣжалъ. Побѣдители гнались за Бярмійцами до самаго лѣса, и убили Святополкова хоругвеносца[26]. Послѣ сраженія опять распространился слухъ, будто и самъ Святополкъ лишился жизни. Ярославъ считалъ себя въ безопасности.

Въ этомъ мѣстѣ находится въ Сагѣ большой пропускъ, о которомъ мы уже упомянули. Отъ Кіева Святополкъ очень удобно могъ бѣжать въ сосѣднюю Польшу, гдѣ Болеславъ, побѣдитель Нѣмецкаго Императора, готовилъ уже войну Ярославу за союзъ его съ первымъ, ожидая только заключенія трактата, чтобы всѣми силами ударить на Кіевъ. Зная честолюбивый характеръ этого завоевателя, можно полагать навѣрное, что не мщеніе за обиду зятя,

ность, и гораздо болѣе заслуживаетъ занять мѣсто въ Исторіи, нежели извѣстіе, которое доселѣ почиталось несомнѣннымъ единственно на основаніи страннаго догмата о безошибочности перваго нашего риторъ, Нестора.

[26] Лѣса начинаются къ сѣверу отъ Кіевъ.

но страсть къ покореніямъ и извѣстное его желаніе, сдѣлать Кіевскихъ Князей своими вассалами, руководствовали замыслами Болеслава, и Святополкъ только воспользовался готовыми обстоятельствами. Впрочемъ, онъ въ самомъ дѣлѣ принялъ было это унизительное условіе, и оно весьма естественно объясняетъ вѣроломный его поступокъ съ тестемъ и своимъ благодѣтелемъ: Святополкъ не видѣлъ другаго средства освободиться отъ верховной власти (suzérainetė) Короля[27].

Очень легко быть можетъ, что молчаніе Саги обо всемъ періодѣ Польской войны и о сраженіи при Альтѣ между Святополкомъ и Ярославомъ, когда первый вторично прибѣгнулъ къ пособію Печенѣговъ, или другихъ народовъ, обитавшихъ въ той сторонѣ, происходитъ отъ того, что Эймундъ съ своею дружиною не участвовалъ въ этихъ происшествіяхъ. Не смотря на дружбу его съ Ярославомъ, который, по свидѣтельству Исландцевъ, былъ отъ природы не *хромъ*, а чрезвычайно *скупъ*, храбрый Конунгъ безпрестанно ссорился съ нимъ за жалованье своимъ Норманнамъ: всѣ почти главы Сказанія оканчиваются спорами за деньги. Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія, что уже послѣ битвы при Альтѣ, когда Святополка не было въ Россіи, Эймундъ заключилъ новыя условія съ Великимъ Княземъ, и они опять были хорошіе пріятели. Съ этой эпохи и Сага возвращается къ описанію событій, съ прежнею отчетливостью въ подробностяхъ.

[27] Мы разсуждаемъ здѣсь въ смыслѣ ипотезы, которою Карамзинъ старался объяснить темное, отрывистое преданіе Нестора; но, по нашему мнѣнію, самый намѣкъ, что Болеславъ взялъ съ собою «имѣніе и бояръ», ясно доказываетъ, что избіеніе Ляховъ произошло совсѣмъ не по драматическому обороту слога Лѣтописи, и что Король силою разграбилъ Кіевъ: въ томъ сознаются и Польскіе лѣтописцы, сказаніе которыхъ обо всемъ этомъ происшествіи гораздо отчетистѣе и совершенно согласно съ историческимъ правдоподобіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Несторъ изобразилъ Святополка слишкомъ мрачными красками.

Лѣтописецъ, изобразивъ весьма подробно боренія Святополка съ бѣсомъ, говоритъ, что Святополкъ убѣжалъ *между Чехи и Ляхи*, и тамъ *положилъ животъ*. Карамзинъ, не догадываясь, что выраженіе *между Чехи и Ляхи* есть родъ шутливой поговорки, донынѣ извѣстной въ Польскомъ языкѣ[28], принялъ ее за историческое показаніе, и сказалъ нѣсколько ученѣе, что Святополкъ погибъ въ «Богемскихъ *горахъ*». Однако жъ Богемскія горы находятся въ Богеміи, а не *между Чехи и Ляхи*?..... Но довольно было прибѣгнуть къ Географіи и нѣсколькимъ страницамъ достовѣрной Исторіи, чтобъ примѣтить, что слова Лѣтописи не имѣютъ ни какого значенія. Болеславъ не принялъ Святополка въ свои владѣнія. Между Польшею и Богеміею лежитъ Силезія и Моравія. Первая составляла тогда часть Польши; вторая также принадлежала Болеславу, по силѣ послѣдняго трактата съ Императоромъ, который достигъ мира уступкою этой провинціи. Гдѣ же погибъ Святополкъ?..... Онъ погибъ въ Россіи, измѣною. Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, что объ его кончинѣ длинно повѣствуетъ Сага, чтеніе которой изумитъ всякаго отвратительнымъ чистосердечіемъ, съ какимъ виновники злодѣянія сами разсказываютъ о своемъ гнусномъ поступкѣ, хвастая имъ, какъ доказательствомъ Норманнскаго молодечества.

Не нашедъ пріюта въ Польшѣ, Святополкъ еще не разстался съ надеждою исторгнуть у брата Кіевскій престолъ. Онъ удалился къ Половцамъ, и провелъ зиму въ ихъ юртахъ. Только весною узнали въ Кіевѣ, что онъ опять идетъ на Ярослава съ востока «съ Турками, Бѣло-Куманами и многими дру-

[28] Miedzy Czechy i Lechy значитъ — Богъ-вѣсть, гдѣ и какъ!

гими *злыми* народами[29]». Эймундъ былъ тогда въ ссорѣ съ Ярославомъ по случаю неуплаты жалованья: опасность заставила ихъ помириться. Великій Князь сталъ поспѣшно собирать войско, но Эймундъ не совѣтовалъ довѣрять судьбы своей оружію, ибо, какъ ему извѣстно, многіе изъ Русскихъ замышляютъ отложиться и побѣжать съ поля сраженія. — «Какъ же быть?» спросилъ Ярославъ. — «Не прикажете ли убить его?» воскликнулъ Норвежскій Конунгъ, не запинаясь: «пока оба вы будете оставаться въ живыхъ, этимъ суматохамъ никогда конца не будетъ!» — Ярославъ отринулъ услужливое предложеніе витязя; но, въ слѣдъ за тѣмъ, они удалились во дворецъ, для дальнѣйшаго совѣщанія, и въ одно утро Эймундъ, собравъ достовѣрныя свѣдѣнія о движеніи непріятельскихъ силъ, приказалъ десятерымъ Норманнамъ, въ томъ числѣ товарищу своему, Рагнару, и сочинителямъ этого сказанія, Исландцамъ Рогнвальду, Біорну и двоимъ Тордамъ, приготовиться къ тайному отъѣзду. Съ этою горсткою отчаяннаго народа, онъ отправился на встрѣчу Святополку. Они засѣли въ лѣсу, гдѣ, по ихъ расчетамъ, полчища Половцевъ долженствовали расположиться на ночлегъ; дождались ихъ прибытія, и, проникнувъ ночью въ ставку Святополка, лишили его жизни. Описаніе всѣхъ подробностей этого дерзкаго, истинно *витяжскаго* подвига и хитростей, употребленныхъ для предварительнаго осмотрѣнія ставки и избѣжанія бдительности стражей, любители страшныхъ происшествій, мы увѣрены, съ любопытствомъ прочитаютъ въ самой Сагѣ, въ слѣдующей книжкѣ Журнала.

Совершивъ злодѣяніе, Норманны вышли изъ не-

[29] Eru þat Tyrkir, ok Blökumenn, ok mörg önnur ill þjuð. *Eymundar-saga.*

пріятельскаго стана, не бывъ пойманы, и даже почти не примѣчены. Они принесли голову Святополка въ Кіевъ. Здѣсь личный характеръ Ярослава, благодаря дикой откровенности Скандинавскихъ повѣствователей, является въ прекрасномъ для того вѣка свѣтѣ. Онъ отнюдь не похожъ на тотъ торжественно-христіанскій характеръ, какой предполагалъ въ немъ Лѣтописецъ, или, лучше сказать, Карамзинъ, расписывавшій Французскими красками невнятныя Несторовы скицы. Изъ многихъ мѣстъ Саги видно, что Ярославъ не только не былъ одушевленъ благородною местью, не только не гнушался Святополкомъ, какъ извергомъ и братоубійцею, но еще питалъ къ нему какую-то особенную любовь, и даже почтеніе[30]. Когда Эймундъ, явясь къ нему съ кровавымъ свидѣтельствомъ ревности своей къ его пользамъ, сказалъ ему на своемъ терпкомъ нарѣчіи, въ свирѣпомъ простодушіи сѣвернаго витязя: – Lit nu a, herra, a höfudhit, ef thèr megidh kenna! «Вотъ тебѣ, Государь, голова, если можешь ее узнать!» – Великій Князь покраснѣлъ при видѣ этого ужаснаго залога своей безопасности. – «Этотъ великій подвигъ храбрости совершили мы, Норманны, Государь!» воскликнулъ гордящійся имъ Конунгъ, совѣтуя Ярославу отыскать тѣло несчастнаго и похоронить съ приличною пышностію. – «Опрометчивое дѣло сдѣлали вы, дру-

[30] Предполагать въ Варяго-Русскихъ герояхъ того времени нынѣшнія чувства омерзѣнія къ злодѣяніямъ, значитъ забывать народный характеръ Скандинавовъ. У нихъ то, что мы теперь называемъ злодѣяніемъ и вѣроломствомъ, считалось славными подвигами, коль скоро было совершено храбро и искусно. Одна лишь трусость называлась безчестіемъ: неустрашимый извергъ всегда снискивалъ уваженіе, и Святополкъ безъ сомнѣнія имѣлъ многихъ обожателей. По понятіямъ своего вѣка, онъ былъ герой и витязь, и почтеніе къ нему Ярослава не заключаетъ въ себѣ ничего сверхъ-естественнаго: оно доказываетъ только, что Новгородскій Князь былъ Норманнъ душею и сердцемъ.

зья, и на мнѣ тяжко лежащее!» отвѣчалъ онъ съ неудовольствіемъ. «Вы его убили, вы же и похороните». – Норманны тотчасъ скрытно отправились на мѣсто убійства, и нашли трупъ Святополковъ, оставленный всѣми, среди пустой поляны, ибо Половцы, какъ скоро узнали на слѣдующее утро объ его умерщвленіи, перессорились между собою и разбрелись, всякой въ свою сторону. Убійцы положили тѣло и голову въ гробъ, и, для тайнаго преданія землѣ, привезли въ Кіевъ. «И отъ этого», присовокупляютъ Исландцы, «погребеніе его *мно-* «*гимъ лицамъ* сдѣлалось извѣстнымъ. Вслѣдъ за «тѣмъ, весь народъ учинилъ присягу Конунгу «Ярославу, который остался одинъ Конунгомъ обо- «ихъ Государствъ[31], тогда, какъ прежде они владѣли «ими вдвоемъ[32].»

Норманны требовали награды за злодѣяніе, безъ котораго, какъ они говорили, Ярославъ былъ бы изгнанъ изъ Кіева. Великій Князь уклонялся, утверждая, что не приказывалъ имъ убивать брата. Тѣ напоминали ему противное. Они поссорились. Тогда Норманны перешли къ Полоцкому Конунгу, Брячиславу. Оставляя Кіевъ, они чуть не похитили Ярославовой жены, Ингигерды, которую спасъ отъ ихъ буйства тотъ же Эймундъ. Разсматриваемая нами Сага сохранила, для потѣхи безпристрастнаго потомства, нѣсколько придворныхъ сплетней той глубокой древности, и мы находимъ въ ней даже соблазнительную лѣтопись Великаго Новагорода. Господа Исландцы намѣкаютъ, что прекрасная Ингигерда, кромѣ мужа, нашла въ своей жизни еще другаго чувствительнаго друга, – Норвежскаго Ко-

[31] Кіева и Новагорода.

[32] И такъ, Святополкъ былъ тайно похороненъ въ Кіевѣ. Вотъ настоящій смыслъ выраженія *между Чехи и Ляхи!*

роля Олафа, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Шведскимъ Королемъ Олафомъ, ея отцемъ, и который, посѣтивъ супруга ея въ Новѣгородѣ, пріобрѣлъ-было особенное ея благорасположеніе, но очень тайно и съ соблюденіемъ должныхъ приличій. Мы не совѣтуемъ никому вносить это въ Исторію. Почему знать, какъ это было?..... Правда, что Ярославъ былъ скупъ, хромъ, нерѣшителенъ, слабъ до крайности,..... но возвратимся къ поучительнымъ лѣтописямъ.

Мы знаемъ изъ Нестора начало войны съ Брячиславомъ. О дальнѣйшихъ ея слѣдствіяхъ Лѣтописецъ не говоритъ ни слова. Хотя въ этомъ мѣстѣ текстъ Саги опять претерпѣлъ сокращеніе, то есть, пропускъ одной или двухъ главъ, какъ то всякой легко примѣтитъ при ея чтеніи, но мы еще находимъ въ ней множество любопытныхъ фактовъ. Несогласія Брячислава съ Великимъ Княземъ начались по тому же поводу, по какому Ярославъ взялся за оружіе противъ Святополка. Кіевскій Государь потребовалъ уступки или возвращенія нѣсколькихъ городовъ съ ихъ областями. Брячиславъ ополчился. Здѣсь Исландское сказаніе вдругъ прерываетъ рѣчь о военныхъ приготовленіяхъ, и переходитъ къ обстоятельствамъ, которыя положили конецъ междоусобію. Норманны узнали, что прекрасная Ингигерда, которая совершенно управляла своимъ мужемъ, должна была пріѣхать въ станъ Великаго Князя, и рѣшились показать Брячиславу образецъ Норвежскаго молодечества. Они ночью подстерегли ее на пути, и похитили такъ ловко, что сопровождавшіе ее въ лѣсу воины не знали, куда она дѣвалась. При ея посредничествѣ заключили миръ. Карамзинъ угадалъ, что война кончилась трактатомъ: мы находимъ въ Сагѣ даже условія этого договора. Ярославъ удержалъ за собою Новгородъ, а Брячиславу уступилъ Кіевъ въ

условное владѣніе, «со всѣми податями и данями». Брячиславъ, со своей стороны, поручилъ Полоцкъ въ управленіе Эймунду, и сверхъ того, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, далъ ему небольшую область въ удѣльное владѣніе, съ тѣмъ, что, если онъ не оставитъ потомства, область эта возвратится опять къ Ярославу и Брячиславу, которые, жалуя ее храброму Норвежскому витязю, сказали: – «Не хотимъ выпускать его изъ Русской земли.» – Эймундъ обязался за то защищать съ своими Норманнами оба владѣнія, Новгородское и Кіевское, отъ всѣхъ постороннихъ враговъ, и начальствовать на войнѣ отъ имени обоихъ Князей, которые, съ своей стороны, долженствовали снабжать его войсками и поддерживать своею властію. По кончинѣ Брячислава положено было, Ярославу быть единодержавнымъ Государемъ всей Россіи.

Брячиславъ, какъ видно изъ Саги, правилъ Кіевомъ безъ званія Великаго Князя, только какъ жалованнымъ на время удѣломъ, не болѣе трехъ лѣтъ послѣ этой сдѣлки. Тогда (то есть, послѣ заключенія мира съ Мстиславомъ) Ярославъ окончательно «соединилъ оба владѣнія, и уже одинъ управлялъ «ими». Эймундъ попрежнему остался Конунгомъ, или Княземъ, своей области, и посмерть носилъ званіе главнаго полководца. Пока онъ исправлялъ защиту Государства, landvœrn, «отъ имени Ярослава, набѣговъ не было въ Россіи.»

Эймундъ умеръ «не старъ», не оставивъ наслѣдниковъ, и завѣщалъ свое небольшое Княжество, «съ дозволенія Ярослава и Ингигерды», другу и товарищу своему Рагнару, какъ достойнѣйшему и храбрѣйшему изъ своихъ сослуживцевъ[33].

[33] Мы должны предупредить тѣхъ, которые читали Сагу въ Латинскомъ переводѣ, что въ этомъ мѣстѣ ученый ея переводчикъ по

Всѣ эти событія совершенно подходятъ подъ бѣглыя, недоказанныя, большею частію весьма поверхностныя показанія Нестора. Мы уже прежде замѣтили, что, съ перваго слова о началѣ войны съ Брячиславомъ, Ярославъ исчезаетъ у него изъ виду на три или на четыре года, какъ бы нарочно, и, въ исходѣ того времени, появляется проживающимъ не въ Кіевѣ, но въ Новѣгородѣ. Это обстоятельство сильно подтверждаетъ достовѣрность сохраненнаго въ Сагѣ извѣстія, и весьма удобно объясняется ею. Онъ, кажется, проживалъ въ Новѣгородѣ, потому, что уступилъ-было Кіевъ Брячиславу, который, подобно Мстиславу, объявлялъ притязанія на наслѣдство извѣстной части оставшагося послѣ Святополка удѣла. Приведенныя здѣсь событія совершенно перемѣняютъ видъ и характеръ княженія Ярослава. Весь этотъ періодъ долженъ быть вновь разсмотрѣнъ и передуманъ, и, подъ перомъ Критика искуснѣе и проницательнѣе насъ, онъ можетъ измѣниться еще болѣе, и даже принять совсѣмъ другую наружность. Во всякомъ случаѣ, Эймундова Сага есть памятникъ чрезвычайно важный для Исторіи той эпохи, и достоинъ вниманія любителей отечественной старины. Мы не побожимся, что все сказанное въ ней есть несомнѣнная истина, также какъ не ручаемся за основательность девяти-десятыхъ содер-

неосторожности смѣшалъ нѣкоторыя обстоятельства, и тѣмъ значительно отступилъ отъ точнаго смысла Исландскаго подлинника, что было поводомъ къ большому недоразумѣнію. Мы представимъ читателямъ почти буквальный переводъ ея по-Русски, сдѣланный не съ Латинскаго перевода, но также съ Исландскаго текста, и въ приложенныхъ примѣчаніяхъ объяснимъ, въ чемъ именно состоитъ это недоразумѣніе. По нашему мнѣнію, Сага отнюдь не говоритъ того, что Эймундъ былъ сдѣланъ Полоцкимъ Княземъ: ученый Латинскій переводчикъ соединилъ въ одно понятіе рѣчь о двухъ отдѣльныхъ областяхъ, и отъ этого происходитъ вся та значительная разница, которую читатели не преминутъ замѣтить между нашимъ здѣсь изложеніемъ содержанія послѣдней главы Саги и содержаніемъ ея въ прекрасномъ его переводѣ.

жанія Несторовой Лѣтописи; но истина для древней Исторіи не нужна: для нея довольно правдоподобія, при совершенномъ отсутствіи доказательствъ противнаго. Тогда всѣ вѣрятъ правдоподобію, какъ настоящей истинѣ, и оно ровно столько же приноситъ пользы человѣчеству. Исторія или Историческая Критика суть, такъ сказать, умственные шахматы, искусная игра въ факты, въ которой проигрывающіе, то есть, читатели, за всякій сдѣланный имъ ловкою діалектикою шахъ и матъ, должны платить наличнымъ довѣріемъ.

Эймундова Сага пріобрѣтаетъ еще бо̀льшую для насъ важность, когда вспомнимъ, что она, послѣ исковерканнаго отрывка Якимова Хронографа, есть первый, доселѣ извѣстный, письменный памятникъ Русской Исторіи, древность котораго восходитъ, по крайней мѣрѣ, за пятьдесятъ лѣтъ до Несторовой риторической книги, называемой достовѣрнѣйшею Лѣтописью. Это для обожателей глубокой древности. Для истинныхъ знатоковъ Исторіи, ищущихъ не лѣтосчисленія событій, не мнимой ихъ несомнѣнности, которой никогда доказать невозможно, но ихъ духа, но ихъ связи съ общественнымъ человѣкомъ, и самаго человѣка во всѣхъ его современныхъ видахъ и оттѣнкахъ, она еще важнѣе: они, конечно, вмѣстѣ съ нами не усомнятся отдать внутреннему ея достоинству преимущество предъ достоинствомъ сочиненія Славянскаго витіи, и признаться по совѣсти, что если бъ у насъ было двадцать такихъ Сагъ, мы имѣли бы гораздо точнѣйшее понятіе о дѣяніяхъ, духѣ и обществѣ того времени, чѣмъ обладая десятью Лѣтописями, подобными Несторовой.

Подъ 1024 годомъ, Лѣтописецъ упоминаетъ, что, во время войны съ Мстиславомъ Тмутараканскимъ, Ярославъ «послалъ *за море* по Варяги; и пришедлъ

«Якунъ съ Варяги; былъ же Якунъ слѣпъ[34]», и проч. Этотъ Якунъ участвовалъ въ Лиственскомъ сраженіи. Разборъ Несторовой повѣсти о первыхъ годахъ Ярославова княженія обнаружилъ намъ ту неоспоримую истину, что отецъ нашей Исторіи зналъ очень мало достовѣрнаго о происшествіяхъ той эпохи; что онъ перемѣшалъ почти всѣ приводимыя имъ подробности, и всегда говорилъ о событіяхъ только общими словами, болѣе думая о составленіи громкихъ Славянскихъ фразъ, чѣмъ объ исторической точности. И такъ «посланію *за море* по Варяги» нельзя присвоивать буквальнаго смысла. Варяги жили за моремъ: слѣдственно, когда говорится объ ихъ призваніи, слово «за море» незваное само приходитъ подъ перо ритора XI вѣка, подобно какъ у новѣйшихъ краснобаевъ всякой юноша бываетъ «прекрасный», всякая дѣва «прелестная», всякое дерево «зеленое», и всѣ враги «коварные.» Это выраженіе значитъ только, что Ярославъ «призвалъ Варяговъ», а откуда?

[34] «Слѣпъ» навѣрное значитъ здѣсь «одноглазый». Это слово нерѣдко принималось и принимается въ томъ же смыслѣ и въ Польскомъ языкѣ, который съ тѣхъ поръ гораздо менѣе измѣнился въ своихъ формахъ и значеніяхъ, нежели Русскій, образовавшійся позже. При помощи Польскаго языка можно объяснить много старинныхъ Русскихъ выраженій. Сверхъ того, нельзя предполагать, чтобы слѣпой человѣкъ ходилъ драться съ непріятелемъ. Еще одно обстоятельство: оно маловажно, но можетъ служить доказательствомъ тому, какъ произвольно иногда толковалъ Карамзинъ то, чего не понималъ въ Лѣтописцѣ. Несторъ говоритъ: «Былъ же Якунъ слѣпъ, и была у него луда золотомъ исткана»: Исторіографъ, представивъ себѣ Якуна совершенно слѣпымъ, сказалъ, что «онъ носилъ на глазахъ шитую золотомъ *луду*, или повязку», И такъ, слѣпой Норманнскій витязь сражался еще, завязавъ себѣ глаза?..... Странныя времена! Съ чего Авторъ Исторіи Р. Г. взялъ, что онъ носилъ эту луду *на глазахъ*, и что луда значитъ *повязка*? Лѣтописецъ не говоритъ ни того, ни другаго; луда носилась на груди и на спинѣ, а не на глазахъ. Это родъ стариннаго Польскаго панцыря, брони, кольчуги, подбитой подъ платье. *Бѣсъ во образѣ Ляха въ лудѣ*, Прол. — Слов. Академіи, — и проч.

— о томъ сочинитель не вѣдаетъ. Имя *Якунъ* очевидно испорчено переписчиками, ибо такого имени нѣтъ въ Скандинавскихъ сказаніяхъ, и Баеръ напрасно потерялъ время, ища въ нихъ этого Якуна, и находя его въ Шведскомъ Королевичѣ *Яковѣ*, который, по несчастію для ученаго Академика, не имѣлъ ни какой нужды быть искателемъ приключеній, и не видно, чтобъ когда-либо бывалъ въ Россіи. Сверхъ того, имя *Яковъ* было уже слишкомъ извѣстно Русскимъ Христіанамъ, чтобъ могло въ ихъ устахъ превратиться въ *Якунъ*. Позволительно думать, что въ этомъ словѣ буква *м* ошибочно превращена въ *к*, и что, вмѣсто *Якунъ*, слѣдуетъ читать *Ямунъ*, то есть, *Эймундъ*.

Эймундъ, получившій отъ Русскихъ Князей область, которая, сколько видно изъ Саги, лежала гдѣ-то въ Лифляндіи или Эстляндіи, съ условіемъ содержать landvœrn, то есть, служить Ярославу на всѣхъ войнахъ съ своими Норманнами, необходимо долженствовалъ находиться въ Лиственскомъ сраженіи, а Несторъ, который ничего не зналъ о послѣдствіяхъ борьбы Великаго Князя съ Брячиславомъ, легко могъ себѣ представить, что Эймундъ тогда только прибылъ или былъ призванъ въ Россію. Но эта догадка была бы нѣкоторымъ съ нашей стороны оправданіемъ любви его къ исторической истинѣ: мы не беремъ на себя подобной обязанности, и остаемся твердо убѣжденными, что онъ, слѣдуя духу своего вѣка, добровольно измѣнялъ событія, для полноты фразъ, подражанія слогу Библіи, и состязанія, на грубомъ своемъ нарѣчіи, съ Византійскими образцами изящнаго.

СЕНКОВСКІЙ.

ВЗГЛЯДЪ

НА

ИСТОРІЮ РОССІИ,

ОТЪ КОНЧИНЫ ІОАННА КАЛИТЫ ДО КОНЧИНЫ ІОАННА III.

(1341 — 1505 годъ.)

=

Минулъ третій періодъ жизни Русскаго народа; прошелъ вѣкъ рабства Русской земли, исчезли Монголы, съ своею дикою, ужасною властію. На восточномъ краю Европы новое, самобытное Государство Русское.

Хотите ли понять всю великость перехода, совершеннаго Русскимъ народомъ со времени кончины Іоанна I до кончины Іоанна III, въ теченіе ста шестидесяти четырехъ лѣтъ? Поставьте рядомъ изображенія Русской земли въ 1341 и 1505 году.

Небольшое Государство, столицею коего Москва, ничтожный городокъ, съ дѣтинцемъ, окруженнымъ деревянными стѣнами: здѣсь мѣстопребываніе Великаго Князя Московскаго. Ему повинуются, кромѣ окрестностей Москвы, области къ югу до береговъ Оки, къ западу до Можайска. Съ названіемъ *Великаго,* сей Князь обладаетъ Переяславскою и Владимірскою областями; ему покорствуютъ Князья обла-

стей Суздальскихъ, Ярославскихъ, Ростовскихъ; его слушается Новгородъ и Псковъ, боятся и уважаютъ Князья Твери и Рязани. Но что власть его? Едва ли не мечта ничтожная! Онъ вымолилъ эту власть у гордаго своего владыки, Ордынскаго Хана, полукочеваго властителя обширнаго Приволжья и Придонскихъ и Черноморскихъ земель; онъ купилъ ее низкою крамолою, хитрымъ униженіемъ и вѣроломною гибелью соперниковъ; онъ поддерживаетъ бытіе своего государства притѣсненіями Новгородской вольности и самобытности другихъ Князей. И за всѣмъ тѣмъ, — какъ ненадеженъ жребій его! Явись въ Твери или въ Суздалѣ человѣкъ смѣлый, крѣпко владѣющій мечемъ, умѣющій перехитрить его, и гдѣ тогда будетъ Великое Княжество Московское? Одно ли это: малѣйшая прихоть Ордынскаго деспота двинетъ толпу хищниковъ, и на мѣстѣ Москвы будетъ пепелище, и Князь Московскій погибнетъ подъ ножемъ Ордынскаго убійцы. Орда щадитъ его; но онъ покупаетъ ея милость безпрерывными поѣздками въ Сарай, гдѣ платитъ дань тяжкую, отдаетъ кровь и слезы своихъ подданныхъ, бьетъ челомъ Хану, рабски привѣтствуя вельможъ и посланниковъ Орды въ Москвѣ. Орда щадитъ Москву, и другіе Русскіе Князья не смѣютъ возстать. Къ счастію Москвы, ихъ раздѣляетъ взаимная ненависть и крамола; торговый духъ Новагорода заставляетъ сей вольный городъ думать только о самосохраненіи. Но западный сосѣдъ Москвы, Литва, могущественная, превышающая Великое Княжество Московское силою, образованностью! Уже рука Гедимина поставила Литву въ рядъ государствъ самобытныхъ; уже Литва обхватила все, что прежде называлось на Днѣпрѣ и за Днѣпромъ Русью; она преобразовала нравы, обычаи тамошнихъ Руссовъ; она, чуждая имъ Вѣрою и политическою системою, отвсюду

стремится преобладать странами, нѣкогда составлявшими коренныя Русскія области. Полоцкъ, Волынь, Галичъ, Кіевъ и Черниговъ, уже принадлежатъ ей.... Скоро будутъ принадлежать Смоленскъ и страны по Деснѣ, Сеймѣ, Окѣ, Угрѣ. Можетъ ли уцѣлѣть отъ нея Псковъ, и самый Новгородъ! И тогда, что будетъ съ Москвою?

Трепещите за Москву: это будущая Россія. Этотъ обладатель Москвы, есть родоначальникъ будущихъ властителей государства, предназначеннаго рѣшать судьбу Европы и Азіи, внести новую стихію въ человѣчество..... Онъ умираетъ. Слабыя дѣти его должны принять бразды его власти, и спорить за нихъ въ Ордѣ съ другими Русскими Князьями.....

И вотъ Русская земля послѣ кончины Іоанна I.

Прошло полтора столѣтія. Пусть событія отъ временъ Калиты будутъ для насъ смутнымъ сномъ; они пролетѣли. Что было слѣдствіемъ ихъ?

Москва столица *Великаго Князя Всея Руси,* которому принадлежитъ обширное пространство земель, объемлющее Сѣверо-Востокъ Европы, отъ Уральскаго хребта до Ледовитато моря, береговъ Балтійскихъ, земель Ливоніи. Къ югу, ему подвластны обширныя земли Рязани, Чернигова, Калуги, Тулы; къ востоку и сѣверу все, что прежде составляло Княжества Суздала, Ярославля, Ростова, Мурома, Владиміра, Твери, вольный Новгородъ и Псковъ: всѣмъ этимъ обладаетъ Москва. Государь Москвы уже не рабствуетъ передъ Азійскими варварами: онъ покорилъ, уничтожилъ ихъ; онъ повелѣваетъ ими; остатки ихъ или повинуются ему, или дорожатъ его союзомъ, и ищутъ въ немъ покровитель-

ства. А Литва! Она могущественна, она соединилась съ Польшею; но Москва уже не страшится ея. Еще недавно, въ продолжительной войнѣ, Москва отняла у Литвы и утвердила за собою то, чѣмъ овладѣла Литва въ бѣдственныя для Русскихъ земель времена. Москва простираетъ далѣе свои замыслы: она требуетъ у Литвы и Польши Кіева и Смоленска, и, не боясь уже силы Монгольской, готова на борьбу съ Литвою и Польшею, борьбу кровавую, вѣковую, долженствующую рѣшиться уничтоженіемъ одного изъ двухъ непримиримыхъ соперниковъ. Они мѣшаютъ одинъ другому вдвинуться въ міръ Европейскій. Москва еще не вступала въ сей міръ; едва только знаетъ его; но уже знаетъ! Государь Русскій, супругъ Княжны, послѣдней отрасли Греческихъ Императоровъ, видитъ при Дворѣ своемъ посольства Италіи, Германіи, Даніи, Швеціи; онъ, укрѣпитель самобытности Русскаго государства, повелитель многочисленнаго войска и обширныхъ земель, чувствуетъ необходимость умственныхъ пособій, и требуетъ ихъ у Европы, съ изумленіемъ слышащей о новомъ царствѣ на Сѣверѣ. Еще Русь не вѣдаетъ того, что составляетъ душу Европейской политики, Европейскаго образованія; но Русь пережила уже третій періодъ жизни. Для нея настаетъ періодъ государственной самобытности, политическаго образованія. Для сего будутъ отнынѣ ея войны; въ этомъ заключится ея внутренняя дѣятельность. Новый періодъ уже насталъ. Долго ли онъ продлится? Два столѣтія. Но послѣ сихъ двухъ столѣтій, Русь вполнѣ явится въ изумленный міръ Европы; мечемъ укажетъ въ ней свое мѣсто; духомъ своимъ представитъ новое явленіе въ Исторіи человѣчества.

И вотъ Русская земля послѣ кончины Іоанна III-го.

Сообразите Русь Калиты съ симъ изображеніемъ, и изумляйтесь!

Мы перешли постепенно всѣ событія Исторіи Русскаго народа отъ 1341 до 1505 года. Не будемъ спрашивать: какъ совершилось чудное преобразованіе Княжества Іоанна I въ Государство Іоанна III? Мы видѣли событія съ половины XIV до начала XVI вѣка. Разсмотримъ здѣсь сущность событій второй половины Монгольскаго владычества надъ Русью, картину, изумляющую тайными судьбами, по коимъ Провидѣніе ведетъ народы къ предназначенной имъ цѣли въ дѣлѣ человѣчества.

Неужели преобразованіе Руси совершалось усильными дѣйствіями непрерывнаго ряда людей-геніевъ? Нѣтъ! – Неужели у соперниковъ Москвы, удѣльныхъ Русскихъ Княжествъ, Орды, Литвы, не было людей сильныхъ, которые превышали бы духомъ и умомъ своимъ властителей Москвы? Нѣтъ! – Они были.

Здѣсь подтвержденіе мысли, которую постоянно стараемся мы доказать въ Исторіи Русскаго Народа, той мысли, что только непрерывнымъ преслѣдованіемъ главной идеи въ жизни народа, Исторія его дѣлается понятна и ясна. Безъ того, Исторія будетъ безсвязнымъ лепетомъ вѣковъ, но не повѣстью о судьбахъ Провидѣнія таинственнаго.

Мы старались уже показать основную идею, какая заключается въ Монгольскомъ періодѣ Русской Исторіи, и подтвердили ее разсмотрѣніемъ первой половины сего періода[1]. Посмотримъ теперь, какъ соеди-

[1] Начало I-й главы, V книги Ист. Русскаго Народа.

няется вторая половина съ тѣмъ, что̀ началъ буйствомъ Андрей Ярославичъ, продолжилъ дерзостью Георгій Даніиловичъ, укрѣпилъ хитростью Іоаннъ Калита.

Что собственно сдѣлалъ Калита? Онъ утвердилъ идею преобладанія Москвы надъ другими Русскими областями; передалъ своему роду прочное владѣніе съ титуломъ и властію Великокняжества; указалъ потомкамъ вѣрныя средства продолжать начинанія Даніила, Георгія и свои собственныя.

Москву окружали соперничествовавшія съ нею Великія Княжества Твери, Рязани и Суздаля, и Удѣльныя Княжества Ростова, Ярославля, Галича. Мысль, надѣлять удѣлами сыновей, разъединяла собственную силу Москвы. Наконецъ, съ Востока тяготила ее Орда Монгольская; съ Запада грозила ей Литовская сила.

Умирая, Калита оставилъ сыну своему средства занять его мѣсто, и удержать всѣ существовавшія при немъ отношенія Москвы. Что же сдѣлалъ сынъ его, Симеонъ? Онъ продолжилъ на тринадцать лѣтъ политическую систему своего отца: рабствовалъ Монголамъ, хитрилъ съ Литвою, стѣснялъ Новгородъ и Удѣльныхъ Князей. Такимъ образомъ, послѣ сороколѣтняго времени рабства, до Андрея Александровича, и 50-ти лѣтъ гибельныхъ крамолъ, до Калиты, 25 лѣтъ продолжилась постоянная система преобладанія Москвы.

Послѣ смерти Узбека, Орда была терзаема междусобіями, при Чанибегѣ, Бердибекѣ, Урусѣ, Хидырѣ. Литвою обладалъ сильный Олгердъ; но его занимало укрѣпленіе самобытности Литовской.

Москва подвергалась страшной опасности, когда скончался Симеонъ. Слабый братъ его, Іоаннъ, и малолѣтный племянникъ, Димитрій, утратили было, не только преимущества Москвы, но даже и самое званіе Великихъ Князей. Но здѣсь является великій Алексій Митрополитъ. Какъ смѣло и глубоко измѣнилъ сей Святитель существенныя силы Москвы и политическія отношенія событій! Его политикою, Великое Княжество снова за Москвою. Но система Калиты и Симеона для нея уже недостаточна. Не одно униженіе, не одна крамола, но умъ, сила религіи, воинская дѣятельность укрѣпляютъ, величатъ ее. Литва и Орда опомнились. Онѣ стремятся на Москву.

Характеръ Алексія высокъ; характеры Димитрія и Владиміра прекрасны. Соединеніе ихъ трехъ непобѣдимо. Посмотрите, какъ Москва быстро, смѣло вырываетъ Великое Княжество изъ рукъ слабаго Димитрія Суздальскаго; какъ она усыпляетъ Мамая покорностью, и дерзко унижаетъ Тверь, противится Олгерду! Бытіе спасено. Настоящее ручается за побѣду въ будущемъ. Настала пора обнажить мечъ защиты противъ Ордынцевъ. Но точно ли настала она? Великъ Богъ; религія предводитъ; ратники ищутъ не побѣды, но спасенія отчизны, и — Куликовская битва отгрянула побѣдною пѣснію. Но того, кто благословилъ на борьбу, Алексія, уже нѣтъ, и побѣда Куликовская является безплодною, рановременною, ибо она не сразила Орды, показала только ей опасность усиленія Москвы, — и Тохтамышъ мститъ Москвѣ, и всѣ оставляютъ Димитрія! Ужасы, какихъ со временъ Калиты не испытывала Русь, испытываетъ она теперь. Духъ Димитрія упалъ; онъ унижается, рабствуетъ! Гдѣ же плоды трудовъ дѣда, дяди его, Святителя Алексія, событій, пригото-

влявшихся цѣлымъ столѣтіемъ? Что, если Тохтамышъ вполнѣ узнаетъ ослѣпленіе, губившее его предшественниковъ, и укрѣпитъ Ордынскую силу? Если и въ Литвѣ явится новый Олгердъ? Если и среди Русскихъ Князей возстанутъ противники сильные? Все это исполнилось: Тохтамышъ скрѣпилъ своею рукою распадавшуюся Орду; въ Литвѣ явился Витовтъ, Государь сильный, хитрый, завоеватель ненасытный; въ Твери княжитъ мужественный Михаилъ, въ Рязани предпріимчивый Олегъ. Москвѣ погибнуть!

А Провидѣніе? «Провидѣніе, удивляющее насъ въ слабости человѣческой, умудряющее слѣпца, поведетъ и слабыхъ, и безсильныхъ, къ величію, чести и благу подвластныхъ имъ; предъ ними падутъ люди, далеко превышавшіе ихъ умомъ и крѣпостію души[2]».....

Кромѣ того, что ни какія силы человѣческія не могли уже возвратить Монголамъ времени прошедшаго, Тохтамышъ, въ безумномъ ослѣпленіи, вступаетъ въ борьбу съ рѣшителемъ судьбы полу-міра, Тимуромъ, и, презрѣннымъ изгнанникомъ, бѣжитъ предъ лицемъ его. Тимуръ идетъ на Волгу изъ средины Азіи, – спасти Русь. Михаилъ Тверской, врагъ Москвы непримиримый, но великодушный: онъ не зоветъ на нее поганыхъ. Олегъ Рязанскій мирится съ Москвою, и враждуетъ противъ Литвы. Димитрій умираетъ, памятный не только первою побѣдою надъ Монголами, но и тѣмъ, что онъ первый оставилъ мелкую крамолу противъ Новгородцевъ, и смѣло показалъ этому вольному городу его безсиліе. Димитрію, первому съ начала Руси, уступилъ пра-

[2] Ист. Р. Н. т. IV, стр. 11.

во старшинства братъ его, великодушный Князь Владиміръ: другое важное отношеніе! Отнынѣ Великое Княжество будетъ безспорно въ одномъ родѣ. Слѣдствія сего дѣла безчисленны: отнынѣ одна политика будетъ одушевлять Князей Московскихъ; прекратятся переходы Бояръ; дружины и подвластные будутъ усердствовать повелителямъ, ибо не станутъ ожидать милости властителей изъ другаго рода.

Но въ Ордѣ является Эдигей, человѣкъ смѣлый и сильный. Витовтъ тѣснитъ Русь отвсюду; уже онъ обладаетъ тѣми землями, коими никогда не обладали прежде его Литовцы. Почти со стѣнъ Московскихъ видны рубежи Литвы; Смоленскъ палъ передъ Витовтомъ, а на престолѣ Московскомъ юный Государь, не отличенный блестящими качествами Димитрія..... Но доблестнымъ Князьямъ теперь и не время: Димитрій развязалъ Русскую душу; ей опять надобно засыпить себя, скрыть мечъ побѣды, задушить клики воинскіе: надобенъ новый Калита, — и Василій Димитріевичъ, Василій Васильевичъ были истинные потомки Калиты! Надобно же было имъ обоимъ долголѣтствовать: ихъ княженіе продолжается семьдесятъ три года, не ознаменованное ни побѣдами, ни славою, смутное, тяжкое. Но послѣ нихъ Русь уже безопасна, Москва крѣпка, всѣ задачи ея государственнаго бытія приготовлены къ рѣшенію.

Чудною сшибкою страстей и отношеній политическихъ, Тимуръ былъ истребителемъ Золотой Орды, и только взглянулъ на Русскую землю. Остатки Орды, соединенные съ Заяицкими Ордами Эдигея, сдѣлались опять страшны; но о силу ихъ разбилось могущество Витовта, и это столкновеніе съ Литвою, въ то же время, обезсилило снова Орду. Василій

Димитріевичъ былъ необходимостью для Руси въ сіи времена. Какъ хитро умѣлъ онъ ладить съ Литвою, держать подъ рукою Новгородъ и Князей, безжалостно губить ближайшую родню свою, Суздальскихъ Князей, пользоваться покорностью Ордѣ, великодушіемъ Тверскаго Князя, бѣдствіемъ Смоленскаго, ненавистью къ Литвѣ Рязанскаго, и опутать Удѣлы неразрываемою сѣтью, утверждая Великое Княжество своему сыну! Но послѣднее усиліе Удѣловъ, этого вѣковаго обычая Русскаго, долженствовало быть страшно омыто кровію, означено гибелью. Василій Темный, не только потому, что былъ слѣпецъ, но и по душѣ, и по дѣламъ, своимъ Темный, началъ борьбу съ Удѣлами, борьбу послѣднюю, неслыханную. Его враги двоюродные его братья; поприще битвы самая Москва; оружіе – сила, крамола, злодѣйство. Вырѣзываютъ глаза, отравляютъ, губятъ, смѣняются, мелькаютъ на престолѣ быстро, мгновенно[3].....

Тогда умеръ Эдигей; Орда распалась рѣшительно; умеръ Витовтъ; Литвою обладаютъ слабые наслѣдники Литовскаго героя. Москва безопасна извнѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Юрій болѣе Василія имѣлъ

[3] Никогда борьба *Удѣльныхъ* Князей съ *Великимъ* не являлась столь быстрою, отчаянною, свирѣпою, какъ съ начала княженія Темнаго до смерти Шемяки. Это была какъ-будто послѣдняя, рѣшительная, страшная минута борьбы жизни со смертію! Сколько переворотовъ и событій, самыхъ противоположныхъ! Юрій противится, мирится, идетъ на судъ въ Орду, побѣждаетъ Темнаго, и вдругъ уступаетъ ему; дѣти Юрія изгоняютъ Темнаго; Юрій умираетъ на тронѣ; Шемяка снова уступаетъ Темному Великокняжество; Косой сражается, побѣжденъ, ослѣпленъ; Шемяка опять враждуетъ, мирится, низвергаетъ Темнаго, ослѣпляетъ его, бѣжитъ отъ него, мирится, снова враждуетъ, и страшно погибаетъ. И все это въ теченіе 28 лѣтъ! Темный три раза властвуетъ и изгоняется; два Князя ослѣплены, одинъ отравленъ.....

правъ на Великокняжество; что Василій Косой былъ мужественнѣе его; что Шемяка превосходилъ его нравственными качествами. Но государственный умъ Темнаго неоспоримъ. Не любимъ его, какъ человѣка, и желаемъ ему успѣховъ, какъ посланнику Провидѣнія.

И вся Русь, будто нарочно, сосредоточивала свое вниманіе на сей *послѣдней* борьбѣ Удѣльной системы съ системою единовластія. Литва, Орда, бездѣйствуютъ. Съ смертію Шемяки умерли Удѣлы; кровію родныхъ Темный смылъ слѣды ихъ съ Русской земли. Онъ единовластитель; онъ уничтожаетъ удѣлы, послѣ Шемяки, единымъ словомъ. Новгородъ предвидитъ свою участь, и трепещетъ[4].

Но не уму Василія, утомленному жизнію и мрачному, надлежала честь начала новой жизни. Былъ необходилъ человѣкъ великій, который соединилъ бы въ себѣ качества отца и дѣда съ доблестью прадѣда. Явился Іоаннъ, достойный имени Великаго, хотя и отказало ему въ этомъ неблагодарное потомство, такъ же, какъ не понимали его современники.

Іоаннъ былъ геній-создатель, человѣкъ, какихъ посылаетъ Провидѣніе, когда возвеличиваетъ страну или народъ. Сороко-трехълѣтнее правленіе его изумляетъ обширностью, вѣрностью системы, и тѣмъ, что успѣлъ сдѣлать Іоаннъ.

Кто вздумалъ бы, отдѣльно, во всей подробности,

4 Можайскъ, Боровскъ, пали отъ одного слова; Рязань уничижилась безъ войны; Тверь трепетала; Новгородцы, въ отчаяніи, рѣшились даже убить измѣннически Темнаго, видя неминуемую свою погибель. А что дѣлалъ потомъ Іоаннъ?

изобразить жизнь Іоанна, тотъ началъ бы временемъ Удѣловъ, кончилъ временемъ совершеннаго единовластія; началъ описаніемъ жизни *Русскаго народа*, кончилъ изложеніемъ жизни Россійскаго Государства. Для государственной самобытности, для полной жизни Русской земли, наблюдаемой отдѣльно отъ Европы, Іоаннъ сдѣлалъ все. Почій въ мирѣ, человѣкъ великій! Твой подвигъ конченъ! Жизни, которую далъ ты Русской землѣ, достанетъ до твоего великаго потомка, на два столѣтія необходимаго періода, какой должна еще пережить твоя Россія до періода Европейскаго. Человѣку положенъ предѣлъ. Іоаннъ выполнилъ все, что въ его время, въ его народѣ, могъ сдѣлать человѣкъ необыкновенный[5]!

Новый, опять необходимый, періодъ Исторіи Русской долженствовалъ произойти, какъ прежде, изъ самой сущности дѣлъ. Насталъ новый возрастъ для Русской земли: Іоаннъ довершилъ періодъ самобытности Народа Русскаго, и началъ періодъ самобытности Государства Россійскаго. Въ семъ новомъ періодѣ, что же долженствуетъ совершиться извнѣ и внутри?

Для поясненія перваго, должно обозрѣть положеніе Іоаннова Государства, среди окружавшихъ его земель и народовъ. Для поясненія другаго, разсмотрѣть внутренній духъ и сущность его.

Геніяльный умъ Іоанна умѣлъ не только уничто-

[5] О внутреннемъ государственномъ управленіи Іоанна III будетъ у меня сказано въ IX-й книгѣ Ист. Р. Н. Собственно, вся жизнь Руси, внѣшняя и внутренняя, отъ 1505 года до Петра Великаго, была только развитіемъ одной идеи, какую далъ Русской землѣ Іоаннъ III.

жить Удѣлы, покорить Новгородъ, отнять области у Литвы, разрушить Орду, возобладать отдѣльною Югріею: нѣтъ! — онъ умѣлъ еще положить на всѣ пріобрѣтенія свои типъ прочности, на всѣ отношенія съ сосѣдями характеръ превышающей силы. Средствами ко всему этому наиболѣе служила Іоанну его глубокая политика. Пріобрѣтая что либо, онъ лишалъ свое пріобрѣтеніе прежней его силы и самобытности. Для сего, онъ или истреблялъ главныхъ представителей, или переводилъ ихъ къ своей особѣ и умножалъ ими свою аристократію Дворскую, отдавая имъ всѣ выгоды богатства и знатности, съ условіемъ, чтобы они рѣшительно отказались отъ воли[6]. Сколько онъ побѣждалъ самъ, еще болѣе побѣждалъ враждою другихъ. Крымъ поставилъ онъ врагомъ Орды, Ногаевъ врагами Астрахани и Польши; дружилъ однимъ для гибели другихъ. Собственно говоря, онъ — разсматриваемъ его, какъ государственнаго человѣка — не зналъ ни дружбы, ни милости безъ расчета. Ненависти другихъ онъ не боялся, ибо возбуждалъ ее только въ слабыхъ; самъ ненавидѣлъ только сильныхъ или непримиримыхъ. Посему-то, за себя и противъ себя, онъ возбуждалъ ненависть народную и религіозную, и дѣйствовалъ черезъ нее вѣрно, всегда выигрывая еще болѣе, нежели черезъ дружбу и покорность.

Можно понять, что такое страшное политическое оружіе было опасно. Іоаннъ могъ и умѣлъ имъ дѣйствовать; но преемники его долженствовали быть подобны Іоанну, или средства его политики могли обратиться на гибель ихъ самихъ. Первое было не-

[6] Переселеніе Іоанномъ Новгородцевъ въ Низовые города. Князья Шуйскіе изъ Новгорода и мелкіе Тверскіе Князья переведены были, напротивъ, ко Двору Іоанна. Вспомните слова Іоанна о *недобрыхъ* людяхъ, въ тѣхъ земляхъ, которыя отнялъ онъ у Литвы.

возможно: Іоанны рѣдкое явленіе въ мірѣ. И такъ, второе было необходимо.

Князья Русскіе Удѣльные, Бояре ихъ, знатные люди изъ городовъ, Князья пріобрѣтенныхъ отъ Литвы областей, составили сильную аристократію, окружившую Государя Московскаго. Она еще болѣе умножилась Греками и иноземцами, явившимися послѣ Софіи, при ознакомленіи съ Западомъ, и особенно знаменитыми бѣглецами Литовскими. Отъ сего явилось новое состояніе дѣлъ: сія, дотолѣ небывалая, аристократія покорствовала своему Государю, но имѣла средства властвовать надъ нимъ самимъ заслугою, хитростью, крамолою. Она составила Дворскія партіи; была въ тайномъ заговорѣ, такъ сказать, и при первомъ случаѣ могла представить собою ужасное позорище необузданныхъ страстей. Будучи Государемъ, каждый Государь притомъ и человѣкъ, семьянинъ: Іоаннъ имѣлъ свои слабости, своихъ любимцевъ. Всѣмъ этимъ пользовалась аристократія его. Она создала свои ненарушимые законы, установила свои обряды, свои правила чести и почета, и ими опутала волю своего повелителя[7].

Таковы были два неизбѣжныя зла, происшедшія изъ событій при Іоаннѣ. Третье слѣдовало за ними, и было такъ же неизбѣжно.

Уничтожая самобытность частей, Іоаннъ долженъ былъ лишать ихъ политической воли, и лишать совершенно и безвозвратно, даже переводя, переселяя цѣлыя тысячи семействъ изъ одного мѣста въ

7 Гибельное *мѣстничество* началось со временъ Іоанна, съ *разрядами*. Вспомнимъ несчастную ссору Софіи и Елены. При Василіи и Іоаннѣ Грозномъ вполнѣ раскрылось то, что удерживала желѣзная воля Іоанна III.

другое. Покоренному оставалось повиновеніе совершенное: оно и было; но за то не было внутренняго сознанія въ благѣ сей покорности. Слѣдственно, подданные Іоанна повиновались не ему, но имени его; не властителю, но побѣдителю своему. Между народомъ и Государемъ не было такимъ образомъ ни союза, ни посредника. Присоедините къ тому уничтоженіе мѣстныхъ правъ, уставовъ и учрежденій, которыя Іоаннъ замѣнилъ своими, но только самыми общими уставами, сосредоточивая все въ единой своей волѣ. Прибавьте наконецъ образованіе мелкой аристократіи воинской, которая собственно не входила въ разрядъ мирныхъ гражданъ, и, бывъ устремляема одною высшею волею Іоанна, повиновалась ему безпрекословно, но за то не соображала ни права того, кто повелѣваетъ, ни пользъ собратій своихъ и отечества, ни даже собственныхъ своихъ.

Такое состояніе государства, при умѣ Іоанна, при его геніи, могло быть прочно, сильно, величественно; но нетвердо, слабо, гибельно безъ Іоанна, при всѣхъ другихъ обстоятельствахъ.

И новое Государство сіе, такимъ образомъ составленное, было окружено съ одной стороны остаткомъ Монголовъ въ Казани, гнѣздомъ хищниковъ, удерживаемыхъ только крѣпостію руки Іоанна, но ненавидѣвшихъ Русь; съ другой Польшею, которой Вѣра, языкъ, нравы, и наконецъ вѣковая вражда, внушали противъ Русскихъ ненависть непримиримую, зависть, желаніе вредить, опасеніе собственной погибели. На Югѣ лежала Крымская Орда. Она не была природнымъ врагомъ Руси, но опасность отъ нея была та, что Крымская Орда создала себѣ какое-то особенное, полудикое, полукочевое бытіе.

Это была, собственно говоря, многолюдная шайка разбойниковъ, жаждавшая добычи и наслажденій вольной жизни. Ей было все равно – Польша или Русь; она равно готова была устремиться на Москву и Краковъ, и тѣмъ составила со временъ Іоанна страшное средство для всякаго, кто умѣлъ имъ пользоваться. Польша противопоставила однако жъ Крыму сильную защиту, отъ чего Крымскіе Монголы могли вредить болѣе Россіи, нежели Польшѣ. Сію важную защиту пріобрѣла Польша отъ такой же, какъ Крымская, но только Христіанской Орды. Русь не имѣла сей выгоды.

Христіанскою Ордою называемъ мы новый народъ, непримѣтно составлявшійся, со временъ, можетъ-быть, самого Батыя, и сдѣлавшійся извѣстнымъ во времена Іоанна, подъ именемъ *Казаковъ*.

Составленіе Казаковъ произошло отъ непреоборимаго желанія независимости, врожденнаго человѣку, и еще болѣе отъ неволи спасать себя въ неизбѣжной гибели, и жажды мщенія поганымъ; наконецъ, отъ удалости и *охотничества*, свойственнаго Русскому духу[8]. Этотъ неукротимый духъ водилъ Новогородскую вольницу въ Финляндію и на Сѣверъ [9]; Псковитянъ въ набѣги на Рыцарей; Олеговичей въ наѣзды на Половцевъ; Даніила въ

[8] Донынѣ въ войскѣ нашемъ сохраняется обыкновеніе вызывать на опасное дѣло тѣхъ, кто захочетъ итти поволѣ. Сіи избранные называются охотниками. И не только на войнѣ, но и во всякомъ случаѣ, гдѣ надобна особенная отвага, смѣлость, безстрашіе, только кликните: охотники явятся! У Донскихъ Казаковъ, отправляться въ походъ, долго выражалось словами «ѣхать на охотничій поискъ (Сѣв.« Архивъ, т. VIII, стр. 94).

[9] Обыкновенное выраженіе Новгородскихъ Лѣтописей: «Ходили молодцы на Ямь, Чудь, Корелу», и проч.

битвы съ Литовцами; *Ушкуйниковъ* Новгородскихъ, Вятскихъ и Устюжскихъ на промыселъ по Волгѣ и Камѣ[10]. Лишенные крова и пристанища, Русскіе удалые бобыли во времена Монголовъ собирались толпами на предѣлахъ Руси, и ходили рѣзать, грабить поганыхъ, гнаться всюду за ихъ отрядами. Шайки сіи постепенно умножались, заводили себѣ притоны и жилища внѣ областей Русскихъ, въ Муромскихъ, Мещерскихъ, Рязанскихъ лѣсахъ и по берегамъ Волги. Какая разница была въ житьѣ горожанъ Русскихъ, гнетомыхъ, униженныхъ, беззащитныхъ! *День мой, вѣкъ мой!* – говорили Ушкуйникъ и Казакъ, упиваясь грабленымъ медомъ и пивомъ, роскошествуя на некупленномъ добрѣ, не повинуясь никому, кромѣ меча! Привычка къ битвѣ, безстрашіе противъ смерти, приволье жизни, мало-по-малу образовали такимъ образомъ *Казачество* и *Ушкуйничество*, на предѣлахъ всѣхъ восточныхъ и южныхъ областей Русскихъ. Такова была вся Вятка до покоренія Іоанномъ[11]. *Казаки*

[15] Такъ Русскіе Князья ходили «испити шеломомъ Донской воды»; Даніилъ сражался «ово Угорскаго Короля ради, ово-же славы хотя». Имена Анцыфора, Прокопа, славились, какъ имена героевъ, какъ славилось потомъ имя Ермака. Таковы были Миняевы, Дашковичи, Подковы, Наливайки Казацкіе!

[11] Кажется, нѣтъ уже сомнѣнія, что имя Казаковъ есть Азіятское названіе легкаго коннаго воина. Тутъ не нужно прибѣгать къ Касогамъ и Касахіи Константина Багрянороднаго, ни къ косѣ, ни къ козѣ, ни къ козявкѣ, отъ чего выводили имя Казаковъ Гербиніи, Пясецкіе, Зиморовичи (см. Ист. Малороссіи, Д. Н. Бантыша-Каменскаго, 2-е изд. М. 1830 г. т. 1, прим. 73). Въ Азіи донынѣ цѣлая Орда Турецкая называется Казаками (Киргизъ-Кайсаки). Татары и Русскіе принимали въ XV-мъ вѣкѣ имя Казака въ смыслѣ бездомовнаго, странствующаго удальца-воина. Такъ разумѣлъ его Іоаннъ III въ отвѣтѣ Зенебеку въ 1477 году. Но то, чѣмъ, порицали Казаковъ непріятели, составляло славу ихъ, и имя Казаковъ осталось именемъ собственнымъ цѣлаго народа Казацкаго, ибо они гордились имъ. Азіятскій типъ

Рязанскіе извѣстны еще въ 1444 году[11]; потомъ являются *Казаки Городецкіе* на Волгѣ. Но всего удобнѣе было образоваться Казачеству на берегахъ Днѣпра и Дона. Обширныя степи давали тамъ всѣ средства Казакамъ строить повсюду свои *курени*[12], кормить коней подножнымъ кормомъ, и вольно ѣздить, куда душа захотѣла. Общества ихъ безпрерывно умножались. Принимали въ нихъ всякаго, кто приходилъ. Начальствовалъ ими тотъ, кто былъ удалѣе всѣхъ. Казаки Днѣпровскіе выбрали наконецъ себѣ постоянное мѣсто за *порогами* Днѣпра, на островахъ и по берегамъ сей рѣки[13]. Казаки

могъ быть приданъ Казакамъ и отъ смѣси съ ними Черныхъ Клобуковъ, Торковъ, Берендеевъ, часть коихъ была крещена, но соблюдала свои полукочевые нравы и обычаи. Нѣкоторое число сихъ народцевъ, избѣгшее отъ меча Монголовъ, и нехотѣвшее соединиться съ ними, сдѣлалось Казаками. Не опровергаю здѣсь разныхъ нелѣпыхъ мнѣній о происхожденіи Казаковъ. Объ этомъ я имѣлъ уже случай говорить подробно (Моск. Телетр. 1830 г., т. XXXV, стр. 75, и слѣд.).

[11] При нападеніи на Царевича Мустафу, хотѣвшаго зазимовать въ Рязани.

[12] Курень, т. е. легкій, лѣтній домъ, шалашъ, гдѣ курится огонь для приготовленія пищи кочующему пастуху или сторожевому человѣку. Потомъ называли куренями легкіе казацкіе домы, сдѣланные изъ плетней, обмазанныхъ глиною, съ очагомъ или черною курною печью. См. изображеніе первобытной жизни Донскихъ Казаковъ въ статьяхъ, какія помѣстилъ В. И. Сухоруковъ въ Русской Старинѣ (СПб. 1825 г.). Сей почтенный литераторъ, уроженецъ береговъ Дона, занимался съ отмѣннымъ вниманіемъ Исторіею своего роднаго края. Надѣемся, что онъ подаритъ насъ когда-нибудь полною Исторіею Казаковъ, и желаемъ, чтобы это не замедлилось. Знанія и прекрасныя дарованія Г-на Сухорукаго ручаются за успѣхъ книги, которой рѣшительно недостаетъ въ нашей Литературѣ. Г-нъ Сухоруковъ помѣстилъ уже нѣсколько превосходныхъ историческихъ отрывковъ о Казакахъ, въ разныхъ годахъ Сѣвернаго Архива. Обстоятельства препятствовали ему донынѣ приняться за работу свою вполнѣ.

[14] О Порогахъ, см. Ист. Р. Н. т. пр. 86. Между порогами находятся острова, изъ коихъ главные Доханскій, Таволжанскій и Хор-

Донскіе засѣли по Дону, близъ впаденія Сѣвернаго Донца, и далѣе къ югу. Здѣсь они были извѣстны подъ именемъ Азовскихъ. Никто не почиталъ ихъ своими подданными; никого не считали они своимъ Государемъ; они равно дрались съ Татарами, Русскими, Поляками; равно грабили посла Русскаго, гостя Греческаго, мурзу Татарскаго. Преслѣдовать ихъ было невозможно: могли сжечь ихъ курени, шалаши; но люди разбѣгались по степямъ, собирались вновь, строили курени снова: добыча ихъ была зарыта въ землю. Постепенно потомъ начали Казаки заводиться семьями, увозить плѣнницъ, основывать цѣлыя селенія. Такое устройство у Донскихъ Казаковъ явилось позднѣе, у Днѣпровскихъ Казаковъ гораздо ранѣе: первые были слишкомъ близки къ Татарамъ; другіе имѣли удобство опираться на Польшу, которая скоро замѣтила всю пользу Казаковъ. Въ началѣ XVI столѣтія у нихъ явятся удалые начальники, и устроятъ изъ нихъ многочисленныя, сильныя ополченія. Почти нѣтъ сомнѣнія, что Богданъ Черкасскій, воевода, который сжегъ Очаковъ въ 1493 году, былъ однимъ изъ начальниковъ Казацкихъ[14]. Въ

тица. Верстахъ въ трехъ выше Хортицы было мѣсто удобнѣйшаго перехода Татаръ за Днѣпръ. Бопланъ предполагалъ тутъ заложить крѣпость. На семъ островѣ два раза Запорожскіе Казаки строили свою сѣчу, или городокъ. Самый древній изъ извѣстныхъ намъ Донскихъ городковъ назывался Раздоры. Онъ находился близъ устья Сѣвернаго Донца, на острову рѣки Дона, верстахъ въ 70-ти отъ Черкаска (Сѣв. Архивъ, статья Г-на Сухорукаго, т. VIII, 90).

[15] Казаки восточные (Донскіе) назывались Ордынскими, Азовскими; западные (Днѣпровскіе) Запорожскими, Малороссійскими, Литовскими. Отъ сего смѣшивались изслѣдователи, находили Казаковъ тамъ, гдѣ ихъ не было, и терялись въ пустыхъ догадкахъ. Днѣпровскіе Казаки назывались иногда Черкесами. Это названіе происходило, вѣроятно, отъ города Черкасы. Городъ сей находился за Днѣпромъ, ниже Ка-

концѣ XV и началѣ XVI вѣка имя Казаковъ было ужасомъ каждаго, проѣзжавшаго по южнымъ степямъ. Не довольствуясь наѣздами, Донскіе и Днѣпровскіе Казаки строили небольшія лодки, выплывали на нихъ въ Азовское и Черное море, и дѣлались приморскими ушкуйниками. Русскіе жаловались на нихъ Крымскому Хану, ибо часто Казаки соединялись съ его толпами; Ханъ жаловался Польшѣ, ибо отъ Казаковъ не было покоя въ самомъ Крыму; Польша говорила, что Казаки не ея подданные, и дѣлаютъ, что хотятъ.

Дѣйствія аристократіи, новыя отношенія подданныхъ къ Государю, борьба Руси съ Польшею, вмѣшательство Крыма, противоборство Казанскихъ Татаръ, отношенія Ногаевъ и другихъ Татаръ къ Крыму, Казани и Руси, дальнѣйшее образованіе новаго

нева, ибо заселенія Казаковъ, когда Польша стала принимать и покровительствовать ихъ, были первоначально по правую сторону Днѣпра. Недалеко отъ Черкасовъ, древнѣйшаго главнаго становища Казацкаго, основанъ былъ потомъ Казаками Чигиринъ, бывшій главнымъ ихъ городомъ. Имя, Черкасы, могло произойти отъ Татарскихъ словъ: *черъ*, дорога, *кесмекъ*, отрѣзать, перерѣзать (по изъясненію Клапрота, который говоритъ, что отъ сего произошло Татарское названіе Горскаго народа Адиге, называемаго отъ насъ и отъ Татаръ Черкесами). Но сіе названіе города Казацкаго заставило думать многихъ, будто Казаки были переселенцы съ Кавказа, и именно Черкесы Горскіе (см. Щекатова, Геогр. Словарь, т. VII, стр. 85, Ист. Малор. Б. К., т., стр. 109). Начало Казацкаго Днѣпровскаго города Черкаска можно отнести къ послѣднимъ 20-ти годамъ XV вѣка, и Богданъ, Воевода Черкаскій, могъ быть такой же вождь Казаковъ, какимъ былъ потомъ Дашковичъ. Разсмотрите походъ его къ Очакову: это настоящій Казацкій набѣгъ, повторенный Дашковичемъ въ 1516 году. На Дону, впослѣдствіи, также построенъ былъ выходцами съ Днѣпра, Казаками, присоединившимися къ Донскимъ, городъ Деркассъ, или Деркаской. Это имя казалось для нихъ драгоцѣнно, какъ имя Москвы Русскому, котораго называли Московитомъ и Москалемъ. Такъ называли и Казака Деркасомъ отъ имени города (см. Изслѣдованія Г. Сухорукаго, Сѣв. Арх. т. VIII, 95).

народа Казацкаго на степяхъ между Русью, Польшею и Крымомъ: таковы суть главные предметы, на которые должно обратиться наше вниманіе въ семъ періодѣ Исторіи Русскаго народа. Въ этомъ заключается сущность дѣла всего періода. Кругъ дѣйствій постепенно распростирается: онъ обхватываетъ наконецъ Турцію и Швецію, распространяетъ мѣсто дѣйствія до отдаленныхъ странъ Сибири, уничтожаетъ Казань, образуетъ политическое бытіе Казаковъ, превращаетъ вражду Польши съ Русью въ государственную борьбу, выводитъ страсти Русской аристократіи на позорище ужасающихъ событій, смѣшавъ въ нихъ борьбу ѳеократіи съ аристократіею, и Западнаго образованія съ Восточнымъ. Любопытно, поучительно наблюдать всѣ такія измѣненія въ судьбѣ великаго народа; еще поучительнѣе, если мы сами суть слѣдствія сихъ событій и измѣненій.

Но по кончинѣ Іоанна, при неразвитыхъ еще началахъ изложеннаго нами государственнаго образованія, отъ дѣлъ его происшедшаго, государственное бытіе Руси не было ни такъ обширно, ни такъ многообъемлюще. Внутренняя аристократія не сознала еще силъ своихъ; Казаки были страшною, но полу-кочевою, необразованною толпою. Внѣшнее дѣйствіе Руси не распростиралось далѣе Польши, Крыма и Казани. Правда, соперникъ прежняго Новгорода и Пскова, Ливонскій орденъ Рыцарей самобытно прилегалъ къ границамъ Русскимъ, и въ немъ могъ явиться не одинъ Плеттенбергъ; но дѣйствіе его не было важно. Швеція могла спорить о предѣлахъ Финляндіи; но она сражалась еще за собственное бытіе съ Датчанами, и политическое дѣйствіе ея на Русь было ничтожно. Турція, владѣя Крымомъ, предоставляла ему почти самобытную волю, и, обращаясь на Западъ, не становилась еще са-

ма противъ Руси и подлѣ Руси, отдѣленная отъ нея Польшею, Молдавіею и южными Казацкими степями[16].

А остальная Европа? Она все-еще была чужда Руси: посылала ей художниковъ и ремесленниковъ, пословъ и грамматы, предложенія дружбы и подарки, но еще долго послѣ того знала Русь только по Герберштейнову описанію[17]. И могла ли Западная Европа воображать тогда, что Московія будетъ нѣкогда однимъ изъ первыхъ дѣйствователей міра Европейскаго? Какъ Венеціяне союза Персидскаго Шаха, такъ искали союза съ Русью Императоръ, Венгрія, Данія, Ганза; какъ въ отдаленный Китай посылалъ миссіонеровъ и пословъ своихъ Папа, и какъ нѣкогда въ Орду Монгольскаго Хана ѣздили художники, такъ ѣхали въ Московію Европейскіе миссіонеры, художники и ремесленники, съ надеждою чести, наживы, но и съ опасеніемъ положить голову свою въ дикой чужбинѣ, никогда не видать болѣе своей милой родины. Самый Герберштейнъ писалъ, что Русь находится подлѣ страны, гдѣ на полгода люди замерзаютъ и потомъ опять оттаиваютъ; подлѣ другой страны, гдѣ живутъ люди съ головами собачьими, и третьей, гдѣ у жителей глаза и ротъ на груди, а тѣло обросло шерстью звѣриною[18]. Рыцари

[16] Не надобно забывать предѣловъ древней заселенности Руссовъ въ южной Россіи (см. Ист. Р. Н Т. II, 40) и смѣшивать позднѣйшее съ древнимъ. Димитрій, сражаясь на Непрядвѣ, говорилъ, что сражается *внѣ Русской земли*. По необитаемой степи между Днѣпромъ и Дономъ, гдѣ скитались буйные Татары и Казаки, странствовали въ XV вѣкѣ съ опасностію жизни, какъ въ Сирской пустынѣ между Бедуинами.

[17] См. Несторъ, Шлёцера (Русскій перев. т. I. стран. рк).

[18] См. Rer. Moscovit. стр. 60. Герберштейнъ прибавляетъ, правда, «говорятъ», предлагая сіи странные разсказы; однако жъ онъ не считалъ ихъ *нелѣпостью совершенною*, хотя и былъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени.

*

Ливонскіе приглашали еще въ Крестовый походъ на Руссовъ-язычниковъ[19]. Что же могла думать, и чѣмъ почитала Русь Европа отдаленная и простонародная? Приставъ къ сѣвернымъ предѣламъ Руси, въ половинѣ XVI вѣка, Англичане думали, что открыли новый міръ. Въ самомъ дѣлѣ, міръ, и новый, но только заключавшій уже въ бытіи своемъ всѣ основныя стихіи, изъ коихъ произошла отдѣльная отъ Европы, до самаго XVIII вѣка, жизнь Руси, которая явилась въ историческихъ событіяхъ, слѣдующихъ послѣ Іоанна.

Н. ПОЛЕВОЙ.

[19] Въ 1447 году.

ИСТОРИЧЕСКІЕ АФОРИЗМЫ.

Я читалъ Тьерри Histoire de la conquête de l' Angleterre par les Normands. На ст. 58 встрѣчаю мѣсто: «По счастливому случаю, сильнѣйшій изъ предводителей Англо-Саксонскихъ, Этельбертъ, Царь страны Кентской, только что вступилъ въ супружество съ *женщиною* Франкскаго рода, католической Вѣры, предъ прибытіемъ Епископа Августина, посланнаго Папою Григоріемъ для проповѣданія Христіанской Вѣры къ Англо-Саксамъ. Вѣроятно, что супруга Христіанка Царя язычника не оставалась въ бездѣйствіи при семъ великомъ происшествіи, и что всѣ усилія семейной нѣжности были устремлены на то, чтобъ сдѣлать Этельберта благопріятнымъ миссіонерамъ.»

Далѣе на стр. 78: «Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сихъ происшествій (616 – 620) сестра Эдбальда (сына Этельбертова) по, имени Этельберга, была выдана замужъ за языческаго начальника страны на сѣверъ отъ Гумбера. Молодая *супруга* отправилась въ сопровожденіи священника Павлина..... по плану Папы Григорія, и въ надеждѣ, что вѣрная жена обратитъ невѣрнаго мужа..... Когда же она сдѣлалась беременною, то Павлинъ объявилъ отцу, Эдвину, что онъ умолилъ Бога даровать ей роды безъ муки, съ условіемъ, чтобъ дитя было окрещено». Чрезъ нѣсколько времени, въ слѣдствіе новыхъ усилій священника и жены, язычникъ и самъ принялъ Св. крещеніе.»

На стр. 85: «Тридцать лѣтъ послѣ обращенія жителей Гумбера, одна *женщина* изъ сей страны обратила начальника Королевства Мерціи, которое простиралось отъ Гумбера до Темзы.»

Прочитавъ сіи страницы однѣ за другими, я вспомнилъ объ извѣстномъ обращеніи Кловиса Матильдою.

Объ ономъ у Тьери же (стр. 36): «По счастливому или, можетъ-быть, подготовленному случаю, Король, котораго хотѣли обратить къ Римской Вѣрѣ, взялъ себѣ въ супружество *женщину*, которая одна въ княжескомъ роду была Христіанкою; любовь сей православной жены, какъ говорятъ лѣтописцы, смягчила мало-по малу сердце невѣрнаго мужа». Послѣ, предъ сраженіемъ съ Германскими племенами, Клодовикъ призвалъ Бога Клотильдина, и произнесъ обѣтъ сдѣлаться Христіаниномъ, въ случаѣ побѣды. Онъ побѣдилъ, и окрестился.»

У меня мелькнулъ въ головѣ вопросъ: не вездѣ ли Христіанская Вѣра была вводима первоначально чрезъ женщинъ? Мнѣ представился Константинъ и мать его *Елена*, принимавшая такое участіе въ распространеніи Христіанской Вѣры по Римской Имперіи. Потомъ нашъ Владиміръ и *Ольга* съ *Анною*, главными причинами Христіанства въ Россіи; *Гедвига*, вышедшая замужъ за Ягайлу, съ условіемъ, чтобъ онъ ввелъ Христіанскую Вѣру въ Литвѣ; *Домбровка*, дочь Болеслава, Богемскаго Князя, не хотѣла отдать руки своей Мечиславу I (Королю Польскому) иначе, какъ съ условіемъ, чтобъ онъ и народъ его приняли Христіанскую Вѣру. Мечиславъ не выполнилъ сего условія, пока ласки и угожденія его супруги не склонили его къ тому, и проч. (Бантке, I. 66).

«Король Карлъ Простой предлагаетъ тебѣ (такъ говорилъ посланный для негоціацій Архіепископъ Руанскій Роллу, Нормандскому владѣтелю) дочь свою въ супружество со всею страною между рѣкою Эптой и Бретанью, если ты сдѣлаешься Христіаниномъ и будешь жить въ мирѣ съ Королевствомъ.» (Тьери I, 179).

Нить моихъ припоминаній и выписокъ прервалъ Г. Венелинъ. – Какъ введена въ Болгаріи Христіанская вѣра? – Одну Княжну, ..., Владиміровну какую-то, Византійцы взяли въ плѣнъ, воспитали у себя въ Христіанскомъ законѣ, потомъ отпустили на родину, и она убѣдила брата креститься. – А въ Венгріи? – Ну, Шарольта, Христіанка, убѣдила Короля Гейзу.... А на что это? – Я разсказалъ, и онъ напомнилъ мнѣ еще о Грузинской Тамари.

И такъ начало Христіанства вездѣ чрезъ женщинъ. Но это, скажутъ, случай! Да, случай, одинакой. А одинакой случай есть законъ.

Но если бъ и были гдѣ исключенія, видоизмѣненія! – они могутъ происходить отъ другихъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ причинъ, и кажутся намъ противорѣчіями при нашей настоящей близорукости: землю называютъ круглою, и справедливо, хотя на ней есть Чимборассо и Гималая. Историческихъ происшествій нельзя подводить подъ строгія алгебраическія формулы или логическія категоріи.

Я вспомнилъ о предрѣченіяхъ Еввѣ и Маріи, предрѣченіяхъ, изъ коихъ первымъ начинается древняя Исторія, а вторымъ Новая. «И вражду положу между тобою (зміемъ) и между женою, и между сѣменемъ твоимъ, и между сѣменемъ тоя: той твою блюсти (поражать, по переводу Митрополита Фила-

рета) будетъ главу, и ты блюсти (жалить) будеши его пяту.» Бытія, гл. 3, 15.

«Не бойся, Маріамъ: обрѣла бо еси благодать у Бога. И се зачнеши во чревѣ, и родиши сына, и наречеши имя ему Іисусъ..... Духъ Святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя: тѣмже и раждаемое свято, наречется Сынъ Божій.» Луки гл. 1. ст. 31, 35.

А какъ началась Христіанская Вѣра въ Германіи? сталъ я продолжать свою думу о томъ же. Не зная, и не читавъ ни какихъ частностей, не имѣвъ ни какихъ книгъ для справокъ подъ рукою, я остановился было; но мнѣ пришли на память Саксонцы. Карлъ Великій тридцать лѣтъ воевалъ съ ними, принуждая ихъ всякими казнями принять Христіанскую Вѣру. Пораженные, въ крайности, они крестились; но, чуть оправившись, возвращались опять, не смотря ни на какія угрозы, къ своимъ идоламъ. Наконецъ уже, принявъ самыя жестокія мѣры, онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Тутъ же вспомнилъ я и объ языческихъ Пруссахъ, противъ коихъ былъ проповѣданъ Крестовый походъ, и кои наконецъ подъ мечами и въ огнѣ, разоренные и измученные, приняли крестъ отъ Рыцарей Нѣмецкаго ордена. Слѣдовательно, здѣсь не такъ введена Христіанская Вѣра, какъ въ другихъ Европейскихъ Государствахъ, а чрезъ принужденіе. Тутъ представилась мнѣ Реформація, явленіе, въ обще-историческомъ смыслѣ, принадлежащее безспорно Германіи. Точно, въ Саксоніи родился Лютеръ, въ Саксонскомъ Университетѣ проповѣдалъ онъ свое ученіе. Фридрихъ Мудрый, Курфирстъ Саксонскій, былъ первымъ покровителемъ, смѣло можно сказать сохранителемъ, его мысли; Морицъ Саксонскій доставилъ Протестан-

тамъ Пассавскій договоръ, краеугольный камень всѣхъ ихъ послѣдующихъ отношеній. А Пруссія: секуляризація Албрехта была примѣромъ для всей Германіи и прочаго Сѣвера, главной побудительной причиной для Имперскихъ Чиновъ стать подъ знамя Виттенбергскаго Профессора. Саксонія и Пруссія колыбель Реформаціи.

И такъ, не тамъ ли Реформація, гдѣ было прежде принужденіе? Стѣсненіе и расширеніе, action et réaction, по закону какой-то духовной упругости?

Какъ же удивительна эта сила, пролетающая чрезъ тысящелѣтія по времени, какъ электрическая чрезъ пространство! Что за процессъ здѣсь совершается? Неужели есть связь между косностію животнаго, безразличнаго Саксонца, и буйнымъ геніемъ Лютера?

И это есть взглядъ на происшествіе, на Реформацію, можетъ-быть невѣрный, и то съ одной его стороны, то есть, только на образъ его явленія, внѣшній, не на самое явленіе, не на сущность его, не на отношеніе къ предъидущимъ нравственнымъ причинамъ, слѣдствіямъ ко всему человѣчеству, и т. д. Здѣсь мы смотримъ, такъ сказать, на одно колесцо въ огромной машинѣ, и изыскиваемъ, почему оно такъ движется, а не иначе, не заботясь ни мало о тысячахъ прочихъ колесъ и отношеніи ихъ между собою. На Реформацію можно смотрѣть со многихъ еще точекъ, и всякое ея дѣйствіе, какъ и дѣйствіе другихъ происшествій, Крестовыхъ походовъ, Александра Македонскаго, Петра Великаго, совершилось, разумѣется, по закону, и законъ этотъ одинаковый въ различныхъ формахъ, и всѣ сіи различныя формы складываются, такъ сказать, между собою во времени и пространствѣ, и въ суммахъ

ихъ, малыхъ и большихъ, частныхъ и общихъ, проявляется опять тотъ же законъ, и вездѣ порядокъ, согласіе, гармонія. И вотъ задача Исторіи: разобравъ сіи слагаемыя, найти ихъ суммы, понять ихъ соотвѣтствія, причины, дѣйствія, правила, законы, почуять Бога.

=

Реформація дала бытіе Голландской Республикѣ, которая тотъ же часъ, по необходимости, сдѣлалась морскою Державою, образцовою для всей Европы, начала всемірную торговлю, и дала новое направленіе государственному хозяйству; Реформація вдохнула политическую жизнь въ Нѣмецкія Государства, подчинила окончательно Венгрію и Богемію Австріи, положила краеугольный камень бытія Пруссіи, которая сдѣлалась послѣ первостепеннымъ государствомъ, утвердила могущество Густава Вазы, и послѣ доставила Швеціи первенство на Сѣверѣ, сдѣлалась основаніемъ Англійской конституціи и условіемъ Англійской независимости, основала внутреннее могущество Лудовика XIV, разорила Ирландію, унизила Испанію, погубила отчасти Польшу, населила Америку; въ теченіе полутораста лѣтъ была главною пружиною политики Европейской, и приводила всѣ государства въ сношенія, производила войны общія, частныя, междоусобныя, со всѣми ихъ слѣдствіями; содѣйствовала къ увеличенію власти Государей, приблизила Духовенство къ народамъ, породила духъ нетерпимости, духъ противорѣчія, духъ изслѣдованія, свергла схоластическія оковы съ Философіи, имѣла вліяніе на всѣ Науки, на все просвѣщеніе, какъ и на политику, вліяніе полезное и вредное. И такъ Реформація есть явленіе всемірное, необходимое!

«Ахъ!» говоритъ Лютеръ въ своихъ запискахъ: «съ какимъ трепетомъ предсталъ я предъ Кардинала Каэтана,» присланнаго изъ Рима изслѣдовать первыя его дѣйствія. «Я палъ предъ нимъ на колѣни, потомъ поклонился въ землю, и всталъ тогда только, какъ получилъ троекратное приказаніе. Если бъ Папа взялъ тогда мое дѣло къ себѣ на разсужденіе (говоря по нашему: положилъ подъ красное сукно), и заставилъ бы молчать моихъ противниковъ, я не пошелъ бы далѣе. Я самъ тогда ни объ чемъ еще не думалъ, и не видалъ ни какихъ злоупотребленій Папской власти, но у меня требовали, чтобъ я отрекся*,» и проч. Сравните же это начало съ послѣдствіями! И какъ удивителенъ ходъ Реформаціи! Надо же было, чтобъ Льву имѣлась нужда въ деньгахъ на церковь Св. Петра и приданое родственницѣ; чтобъ онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на Латинскій споръ двухъ Нѣмецкихъ монаховъ въ варварской сторонѣ; чтобъ Фридрихъ Мудрый принялъ сначала Лютера подъ свое покровительство, а онъ не видалъ его, и не читалъ его сочиненій; надо было, чтобъ случилось продолжительное междуцарствіе, и чтобъ Папа имѣлъ нужду въ Курфирстѣ; чтобъ Императоръ Карлъ V сдѣлался ему одолженнымъ; надо было, чтобъ Карлу противостояли Францискъ и Солиманъ; надо было, чтобъ Эккъ раздразнилъ Лютера, и прочее, и прочее. Всемірное происшествіе со всѣми своими безконечными вліяніями висѣло ежеминутно на волоскѣ! На волоскѣ держалась такая тяжесть! Что же, кто же держалъ ее!

Взглянемъ съ другой точки. Реформацію приняли только сѣверныя государства, а въ южныхъ только сѣверныя половины. Разсудокъ, говорятъ, принадлежитъ преимущественно Сѣверу, чувство Югу.

* Слова, можетъ-быть, не тѣ, но за смыслъ отвѣчаю.

Это правда, но менѣе ли удивительно приложеніе сего замѣчанія къ событію: разсудокъ, въ хорошую и дурную сторону, долженъ развиться на Сѣверѣ, и вдругъ, въ исполненіе этого предопредѣленія закона являются тамъ Тецель и Лютеръ.

Взглянемъ еще съ другой точки. Реформацію приняли только Нѣмецкія племена: Германія, Англія, Голландія, Швеція, Данія, Пруссія. Однимъ словомъ, Реформація есть взглядъ Нѣмца на религію: какъ-будто ей предназначены были предѣлы въ распространеніи, за которыми она уже ничего не значила, какъ иныя болѣзни лишаются своей силы въ другихъ климатахъ!

И сколько еще точекъ, съ которыхъ можно смотрѣть на это происшествіе, какъ и на всякое другое (начало Іезуитовъ въ одно время)! Какъ переплетаются слѣдствія, отношенія и причины! Всякое происшествіе можно сравнить съ многоугольникомъ, который тысячами своихъ сторонъ прикасается къ тысячамъ другихъ многоугольниковъ.

═

Напрасно говорятъ: религія Лютеранская, католическая, епископальная. Гораздо правильнѣе: религія Христіанская Нѣмецкая, Италіянская, Англійская. Всякой народъ подъ своимъ угломъ зрѣнія смотритъ на вещи, и то же представляется ему не такъ, какъ другому: Греческая судьба, Мухаммеданскій фатализмъ, Христіанское Провидѣніе. Такъ мы должны предоставить Нѣмцамъ отвлеченія: они все отвлекаютъ. И вотъ религія, что касается до обрядовъ, простая алгебраическая формула. Другія

ея отличія относятся также болѣе или менѣе къ народному духу.

=

Шатобріанъ говоритъ (Etudes historiques, CXXX), что Реформація есть нападеніе истины философской, въ одеждѣ Христіанской, на истину религіозную: почему бы не смотрѣть на Лютера, какъ на преемника Аріевъ, Македоніевъ, Пелайевъ, а на сихъ, какъ на преемниковъ Греческой Философіи? Сіи возрожденія, въ продолженіе вѣковъ, вѣрно составляютъ свое благоустроенное цѣлое, выражающее какую-либо сторону человѣческаго духа.

=

Крайности, къ коимъ увлеклась Реформація, относятся болѣе до религіи.

Желательно было бы, чтобъ наши ученые Духовные показали отношеніе Реформаціи къ Христіанской религіи въ первоначальномъ ея видѣ, потомъ къ католицизму, и наконецъ къ Греческому Православію.

=

Желательно было бы имѣть философское сравненіе догматовъ.

=

Всякая философская система есть только что одностороннее развитіе ума, и всѣ онѣ составляютъ одно цѣлое, которое постепенно развивалось. Почему не взглянуть съ этой точки и на различныя исповѣ-

данія Христіанскія? Православное исповѣданіе Греческое, Римско-католическое, Лютеранское, реформатское, епископальное, пресвитеріанское, квакерское, гернгутерское, и проч., нельзя назвать разными религіозными системами, кои составляютъ также особое цѣлое.

=

Есть одна истина, но всякой человѣкъ смотритъ на нее подъ своимъ угломъ. Одно Евангеліе дано человѣческому роду, но всякой народъ понимаетъ оное, прилагаетъ свои дѣйствія къ оному, посвоему (пока всѣ люди не составили одного стада). Такъ, всякій народъ имѣетъ свою физіономію, философію, нравственность, поэзію и религію, или взглядъ на религію.

=

Всѣ сіи различія, видоизмѣненія, оттѣнки происходятъ отчасти отъ первоначальнаго различія племенъ. Безъ справки въ Исторіи, можно сказать, что Ирландцы не близкая родня Британцамъ, Бельгійцы Голландцамъ, Аѳиняне Спартанцамъ. Сіе различіе, различіе сѣмени отражается въ первыхъ движеніяхъ полудикой орды и послѣднихъ зрѣлыхъ предпріятіяхъ общества, восшедшаго на высокую степень гражданственности, въ нестройныхъ, элементарныхъ звукахъ языка и глубочайшихъ размышленіяхъ Философіи.

=

Къ слѣдствіямъ Реформаціи, особенно въ Германіи, причисляютъ много такого, что принадлежитъ не ей одной, а тому народу, которымъ произве-

дена сама она. Умъ Нѣмецкій точно такъ не могъ довольствоваться долѣе формами схоластики, какъ и сносить оковы Папскія, уважать какіе-либо предѣлы, извнѣ ему назначенные, какъ и не разсуждать о такихъ-то политическихъ отношеніяхъ. Слѣдовательно Нѣмецкая Реформація и Философія суть только родныя сестры, а не мать съ дочерью. То же должно сказать о многихъ другихъ, такъ называемыхъ, слѣдствіяхъ Реформаціи. Ее, по моему мнѣнію, должно почитать только старшею сестрою, которая, въ свою очередь, безспорно содѣйствовала много къ образованію младшихъ.

=

Написавъ слова «слѣдствія Реформаціи», я подумалъ: почему же нельзя назвать ихъ, чрезъ одну причину назадъ, слѣдствіемъ католицизма, породившаго Реформацію? Вѣдь говоримъ же мы: Реформація произвела Голландію, а Голландія морскую всемірную торговлю, — слѣдовательно всемірная морская торговля принадлежитъ къ слѣдствіямъ Реформаніи; вѣдь говоримъ же мы, что Наполеонъ есть сынъ революціи! Захватимъ еще причиною глубже; мы не довели сихъ слѣдствій своевременными слѣдствіями, или лучше необходимыми явленіями въ жизни Христіанской религіи, человѣческимъ, мѣстнымъ развитіемъ одной какой либо стороны ея.

Какъ же мудрено распознать, отъ чего что происходитъ, что къ чему клонится! Какъ переплетаются причины и слѣдствія! Повторяю вопросъ: можно ли представить Исторію? Гдѣ форма для нея? Исторію можно только чувствовать.

ПОГОДИНЪ.

О ГРАНИЦАХЪ

и

ПЕРЕХОДАХЪ ЦАРСТВЪ ПРИРОДЫ.

=

Въ сочиненіи «Размышленія о Природѣ, 1833,» я изложилъ мое различеніе главныхъ степеней *жизни, бытія и смерти,* главный законъ, по которому степени жизни, присоединяясь другъ къ другу, производятъ четыре царства земныхъ тѣлъ, и по которому онѣ, отымаясь отъ сихъ тѣлъ, низводятъ ихъ, по степенямъ смерти, опять къ бытію стихійному. Здѣсь разсмотримъ свойства и отличительныя примѣты самыхъ тѣлъ, – этихъ народовъ, населяющихъ собою царства земнаго міра, раздѣляющагося на міръ неорганическій и органическій.

Различія и примѣты ихъ должно объяснять по главнымъ отличіямъ самой жизни, производящей ихъ и въ нихъ являющейся; ибо произведенія творческой Природы должно разсматривать и изъяснять подобно изящнымъ произведеніямъ человѣческаго искусства, то есть, постигая мысль, въ нихъ являющуюся, – а эту творческую мысль въ Природѣ называемъ мы *жизнію.*

Въ послѣдствіи я постараюсь представить, хотя въ краткихъ очеркахъ, и главныя *степени* особаго развитія жизни въ каждомъ царствѣ, – степени, ко-

торыя она проходитъ, принимая тѣ опредѣленные виды, въ коихъ является намъ минералами, растеніями и животными. Эти степени частнаго развитія жизни составляютъ различные отдѣлы царствъ, въ коихъ находятъ свое собственное, родное мѣсто тѣла, разсѣянныя и перемѣшанныя по лицу земному. Мѣста сіи назначены тѣламъ самою производительницею, жизнію: по-этому они естественны, постоянны; по-этому мы можемъ представлять ихъ въ системѣ, отличать признаками, изъяснять ихъ.

Но я долженъ предупредить, что хотя Природа и доступна для нашихъ системъ, однако она не вполнѣ имъ подчиняется; что всѣмъ нашимъ разграниченіямъ и опредѣленіямъ есть своя мѣра, свой предѣлъ: слѣдовательно, должна быть мѣра и требованіямъ отъ системъ нашихъ. Мы не можемъ положить точныхъ, рѣзкихъ граней ни царствамъ Природы, ни частнымъ ихъ отдѣламъ; не можемъ преслѣдовать систематически жизнь до послѣднихъ ея подробностей: она всегда выступаетъ изъ систематическихъ оплотовъ, и потопляетъ берега, назначаемые ей нашимъ разумомъ.

Чѣмъ глубже проникаете вы въ законы Природы, тѣмъ болѣе находите въ ней единства, простоты, постоянства, тѣмъ болѣе разумъ находитъ ее логическою, и спѣшитъ изобразить ее вѣрною, строгою системою. Но чѣмъ ближе и пристальнѣе вглядываетесь въ мельчайшія подробности ея явленій, тѣмъ болѣе представляется она фантастическою, разнообразною, многосложною, измѣнчивою, и вы хотите забыть систематическія оковы, и предаться свободному созерцанію и наблюденію сей игры жизни, свободной и поэтической, какъ самая мечта.

Можно ли опредѣлить рѣзкія границы между полосами радуги, между сіяніемъ и мракомъ, тепломъ и холодомъ, между возрастами жизни? Нѣтъ! Здѣсь вездѣ постепенности, переливы, оттѣнки: такимъ же образомъ и въ царствахъ земныхъ тѣлъ вездѣ переходы, вездѣ свои разсвѣты, сумерки, свѣтотѣни; повсюду Природа представляется, какъ безконечная фантасмагорія жизни!.....

Когда глядимъ на птицу, звѣря, дерево, то различіе между животными и растеніями ясно, какъ день, очевидно даже простолюдину. Но перейдите къ низшимъ отдѣламъ царствъ, и вы незамѣтно очутитесь въ области такихъ существъ, гдѣ потерялся уже образъ животныхъ и растеній, прежде столь ясный; гдѣ царства сходятся между собою; гдѣ растенія получаютъ животность, животныя растительность; гдѣ часто тѣ и другія имѣютъ въ себѣ много и минеральнаго; вы очутитесь на распутіи, гдѣ зоологи и ботаники спорятъ между собою за многія изъ сихъ существъ, присвояя ихъ каждый своей Наукѣ, и гдѣ являлись миротворцы, какъ Добантонъ и Неккеръ, которые у тѣхъ и другихъ отымали сіи пограничныя области, и составляли изъ нихъ особое, кратковременное царство, во славу своего имени.

Много можно представить такихъ двусмысленныхъ растеній и животныхъ, изъ числа поростовъ и полиповъ. Назову болѣе другихъ извѣстную бадягу *, которою наши поселянки румянятъ свои лица.

* Бадяга, или *надошникъ*, составляетъ особый родъ, называемый натуралистами badiaga, *Oken;* spongilla, *Lam.* Линней относилъ ее къ роду грецкой губки, и называлъ spongia fluviatilis. Такимъ же образомъ ацетабль, acetabulum, *Lam.* относится обыкновенно къ полипамъ; но, по увѣренію Швейгера и Делиля, принадлежитъ къ водораслямъ, чему слѣдуетъ и Рейхенбахъ.

Органическое тѣло сіе, водящееся въ нашихъ прѣсныхъ водахъ, такъ мало имѣетъ животности, что только по очевидному сродству его съ грецкой губкой видно, что оно принадлежитъ къ полипамъ, и такъ много въ немъ растительныхъ примѣтъ, что нѣкоторые изъ новѣйшихъ натуралистовъ, напримѣръ Шпренгель, перемѣщали его въ царство растеній, между водораслей.

Подобное сему представляетъ маяльница, oscillatoria, въ царствѣ растительномъ: это водоросль, похожій на другіе наши водоросли, на тинницу, нитчатку, zygnema, conferva, и проч. Она растетъ въ видѣ тончайшихъ нитей, подъ микроскопомъ представляющихъ трубочки, обозначенныя внутри параллельными колечками или полосками, состоящими изъ зернышекъ. Но сіи нити оказываютъ колебанія и движенія, до того сходныя съ движеніями животными, что многіе натуралисты относили маяльницу къ животному царству.

Но вотъ еще бацилляріи, фрустуліи, гомфонемы, схинеллы, кои, по системѣ и Агарда, и Фриса, составляютъ низшую степень водораслей. Въ ихъ студенистомъ, маленькомъ тѣлѣ представляются зернышки свободныя, либо сначала соединенныя и потомъ раздѣляющіяся. Зерна сіи, по кристаллической формѣ своей, показываютъ приближеніе къ минеральному царству. Но Эренбергъ открываетъ въ нихъ ротъ, брюшной каналъ и по нѣскольку желудочковъ; находитъ, что зерна этихъ водораслей суть мельчайшіе полипы, или наливники, infusoria, соединенные, въ общей оболочкѣ, и перемѣщаетъ ихъ въ животное царство!

Въ слѣдствіе такихъ сближеній царствъ своими низшими областями, ихъ населенцы были называ-

емы *животнорастеніями*, *камнерастеніями*, *растенье-животными*, *камнеживотными* (зоофитами, литофитами, фитозоями, литозоями), и другими двоесмысленными именами, которыя отъ разногласнаго употребленія, къ сожалѣнію, почти потеряли свою значительность.

Но во всѣхъ сихъ существахъ есть еще опредѣленный видъ жизни. Опредѣленность сію можно преслѣдовать далеко, вооружая чувства, утончая наблюденія, коими можетъ разрѣшаться сомнительность и открываться подлинное значеніе сихъ нограничныхъ, обоюдныхъ существъ. Но гдѣ мѣра и конецъ человѣческой наблюдательности? Какихъ средствъ не придумаетъ еще умъ, для узнанія своей суженой, Природы, и обладанія ею?

По-этому, если примемъ даже, — чего нельзя и не принять, — что къ системѣ какого либо царства должно относить только опредѣленные виды, то и тутъ границы царствъ все будутъ для насъ въ туманномъ отдаленіи. Линней *хаосомъ*, volvox, chaos, называлъ почти весь микроскопическій міръ низшихъ полиповъ, или наливниковъ, и почиталъ его однимъ многообразно измѣнчивымъ существомъ. Но теперь сей хаосъ устроился въ Наукѣ, и раздѣлился на разряды, роды и множество опредѣленныхъ видовъ; и, у Бори-де-Сенъ-Венсана, глубоко проникнувшаго въ микроскопическій міръ сихъ, такъ сказать, безконечно малыхъ явленій жизни, именемъ *хаоса*, chaos, *В.*, называются уже другія начальныя существа органическаго міра.

Такъ, въ безконечно великомъ мірѣ звѣздномъ нашему взору представляется Млечный путь, какъ полоса облачная. Телескопъ Гершеля разгоняетъ сей

туманъ, разрѣшая его въ безчисленное множество звѣздъ; но за ними виднѣются новые Млечные пути, и открываются новыя туманныя пятна въ пучинѣ безпредѣльнаго неба.

Кромѣ сихъ неопредѣленныхъ наблюденіями существъ, въ Природѣ есть еще множество земныхъ тѣлъ неопредѣленнаго вида, которыхъ нельзя назвать ни растеніями, ни животными, ни минералами; которыя озадачиваютъ всѣ наши системы, и отъ коихъ онѣ должны почти отказаться.

Здѣсь, во-первыхъ, представляется намъ цѣлый міръ измѣнчивыхъ подобій растеній и животныхъ, задуманныхъ и недокончанныхъ начатковъ новой организаціи, производимыхъ жизнію повсюду въ неорганическомъ и органическомъ мірѣ. Полуорганическія существа эти составляютъ, такъ сказать, междуцарствіе Природы. Они разливаются между ея царствами, какъ волны Средиземнаго моря, и подобно имъ они зыбки, разнообразны, причудливы, неуловимы. Они заливаютъ собою твердые берега царствъ Природы. Можетъ-быть, многіе изъ нихъ перейдутъ въ ихъ владѣніе; можетъ-быть, сами отымутъ и потопятъ еще часть сихъ береговъ: все это будетъ зависѣть отъ дальнѣйшихъ наблюденій.

Съ другой стороны представляется намъ множество тѣлъ, происходящихъ въ органическомъ мірѣ, но образованія и значенія минеральнаго: ихъ не относятъ къ царству минераловъ, между-тѣмъ какъ въ систему сего царства вошло изъ органическаго міра множество переселенцевъ и плѣнниковъ, не рѣдко сохраняющихъ доселѣ свой національный составъ и строеніе, и рѣзко ими отличающихся отъ коренныхъ племенъ минеральныхъ.

Такимъ образомъ весьма затрудняется наша Нау-

ка, наша система Природы, ибо вездѣ жизнь представляется то возникающею и возвышающеюся, то разрушающеюся и упадающею; вездѣ она то восходитъ, то нисходитъ по ступенямъ своего бытія.

Отъ того Природа, будучи цѣлою, единою и постоянною вообще, является многосложною, разнообразною и переходчивою; отъ того повсюду представляетъ она переливы и свѣтотѣни, очаровательныя, поучительныя для живаго разумѣнія, и незамѣтныя, непонятныя для холоднаго вниманія, которое смотритъ на Природу, какъ на безоттѣночную картину Китайской живописи, и видитъ ее только въ рѣзкихъ очеркахъ и главныхъ цвѣтахъ.

Природа доступна для своихъ обожателей, плѣненныхъ и занятыхъ ея видною красотою, рѣзкими чертами, тонкими подробностями; заставляетъ ихъ строить системы, но скрываетъ отъ нихъ тайные изгибы души своей, и не вполнѣ имъ предается. Она, подобно Пенелопѣ, безпрерывно тчетъ и распускаетъ пеструю ткань свою, забавляя обманчивою надеждою жениховъ-между тѣмъ, какъ дышащій одною жизнію съ ней, ея возлюбленный, борется съ волнами сомнѣній въ своемъ далекомъ странствіи, и едва завидитъ берега роднаго острова.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

Москва.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ,

КАРТИНА КАРЛА БРЮЛЛОВА *.

=

Послѣдній день Помпеи, бѣдствіе великое и горестное, избрано Русскимъ Художникомъ, Карломъ Брюлловымъ, предметомъ для картины его, вышиною въ 22 и шириною въ 29 Римскихъ пальмъ ($7^3/_4$ и $10\ ^1/_4$ арш.[1]).

Казалось, что предметъ этотъ, плачевный и страшный, долженствовалъ побѣдить силу Искусства; Искусство одержало верхъ надъ трудностью предмета. Но какъ дать понятіе о картинѣ Брюллова тѣмъ, которые ея не видали, какъ говорить объ ней съ тѣми, которые ее знаютъ? Нѣмая поэзія далеко превосходитъ въ этомъ случаѣ всякое выраженіе дара слова.

* Описаніе это переведено съ Италіянскаго. Оно вышло, въ прошломъ году въ Римѣ, въ видѣ брошюры, и сочинено извѣстнымъ антикваріемъ, Кавалеромъ Висконти. Вотъ его заглавіе: L'ultimo giorno di Pompeja, quadro dipinto dal Sig. Cavaliere Carlo Brullof P. E. per il Sig. Anatolio de' Demidoff, etc., descritto dal Cav. Visconti, Socio ordinario e Segretario perpetuo della Ponteficia Accademia di Archeologia, etc., etc., Roma, 1833, pp. 30. Рисунокъ этой картины, который мы получили очень поздно (24 Декабря), будетъ приложенъ ко второй книжкѣ Журнала.

[1] Въ этой картинѣ всего 32 фигуры, не считая малыхъ, находящихся въ глубинѣ.

Неподражаемый Художникъ почерпнулъ вдохновеніе свое въ классическомъ повѣствованіи Плинія-Младшаго[2]. Онъ самъ видѣлъ Помпею. Мѣсто происшествія въ картинѣ его представлено вѣрно; наружный видъ предметовъ вѣренъ; даже многіе несчастные случаи, которые она изображаетъ, отличаются историческою вѣрностью[3]. Вы находидитесь посреди ужаснаго событія. Небо пылаетъ отъ необычайнаго и продолжительнаго блеска громовыхъ молній; Везувій изрыгаетъ свое убійственное пламя; пепелъ сыплется сухимъ дождемъ; камни падаютъ, земля дрожитъ, зданія колеблются: повсюду разрушеніе, трепетъ, испугъ. Еще одинъ мигъ, и эта жестокая драма совершится, и уже не станетъ ни города, ни жителей: все будетъ покрыто, поглощено общею могилою!....

Но еще нѣкій болѣзненный отблескъ жизни одушевляетъ этихъ несчастныхъ, окруженныхъ и пре-

[2] Мы имѣемъ два письма Каія Плинія Цецилія, въ которыхъ говорится о погибели Помпеи и восьми другихъ мѣстъ, лежавшихъ на прекрасной и плодоносной покатости Везувія. Оба они писаны къ Историку Тациту. Въ первомъ повѣствуетъ онъ о смерти дяди своего, Каія Плинія-Старшаго, погибшаго изъ любви къ Наукамъ въ то время, когда хотѣлъ онъ поближе разсмотрѣть это необычайное явленіе; въ другомъ описываетъ положеніе свое и матери, и сообщаетъ всѣ, даже самыя мелкія подробности объ этомъ несчастномъ случаѣ и о бѣгствѣ жителей.

[3] Всѣ писатели, которые говорятъ о древностяхъ Помпеи, упоминаютъ о смутныхъ остаткахъ человѣчества, отысканныхъ въ ея развалинахъ, то есть, о людскихъ скелетахъ. Эти жертвы ужаснаго бѣдствія, при отрытіи ихъ, найдены или въ объятіяхъ другъ у друга, или спрятавшимися въ подземельяхъ, гдѣ погибли онѣ отъ голода. Почти подлѣ каждаго скелета лежали золотыя и серебряныя монеты и разныя драгоцѣнности. Художникъ съ большимъ искусствомъ воспользовался этими показаніями; онъ воскресилъ своею кистію давно истлѣвшія фигуры и группы, и тѣмъ сдѣлалъ картину трогательнѣе и вѣрнѣе.

слѣдуемыхъ неминуемою смертію. Въ нихъ еще есть сила надежды, сила отчаянія. Безчисленною, устрашенною, трепещущею толпою выбѣгаютъ они изъ города. Вотъ уже достигли предмѣстія Augustum Felix[4]. Гробницы, возвышающіяся подлѣ дороги, служатъ какъ-бы погребальною декораціею этой роковой сценѣ. Вдругъ, посреди ихъ бѣгства, раздается надъ ними грозный, оглушительный ударъ грома!.... Они останавливаются, и, пораженные ужасомъ, смотрятъ на небо, какъ-бы страшась, чтобы оно не обрушилось на ихъ головы. Прежній ихъ страхъ подавляется новымъ, и образуетъ нѣкоторый промежутокъ въ ихъ положеніи: эту минуту избралъ Г. Брюлловъ. Молнійный свѣтъ электрическаго удара, освѣщая фигуры, дозволяетъ различить плачевныя приключенія съ бѣгущими отъ ужасовъ волкана [5], и испуганная толпа народа, ищущаго спасенія внѣ города, превращена Художникомъ въ превосходную поэму, исполненную жизни и движенія, обильную разнообразными эпизодами.

Посмотрите только на это богатое семейство! Возсѣвъ на колесницу, оно льстилось надеждою спастись отъ гибели, и быстро уходило изъ города. Увы! самая быстрота бѣгства причиною останов-

4 Предмѣстье Augustum Felix отрыто бо́льшею частію въ 1812 и 1814 годахъ. Оно простиралось на довольно большое пространство вдоль древней Геркуланской дороги. Самое его названіе свидѣтельствуетъ, что оно заселено было колоніями, выведенными Силою и Августомъ. Вотъ, что говоритъ Бонуччи въ своемъ Описаніи Помпеи: «При въѣздѣ въ предмѣстье Augustum Felix, открывается видъ на всю длину древней дороги, ведущей въ городъ и на гробницы, въ разныхъ мѣстахъ стоящія по сторонамъ ея.» Это мѣсто выбрано Г. Брюлловымъ для его картины.

5 Плиній (VI, 20) подробно описываетъ молніи особеннаго рода, прорѣзывавшія змѣиными чертами страшныя, черныя облака, и уподобляетъ ихъ обыкновенной громовой молніи, только въ большемъ видѣ.

ки и смерти. Испуганные громомъ кони не внемлютъ браздамъ, разрываютъ ихъ; ось рухнула, и красавица повержена съ колесницы на землю. Она занимаетъ середину картины, и представлена въ скрученомъ положеніи тѣла, чѣмъ обнаружены ея прекрасныя формы. Паденіе остановило въ ней жизнь, – быть - можетъ, погасило ее совершенно. Подлѣ нея, трогательная фигура, стоитъ малолѣтный ея сынъ, который, съ ребяческимъ усиліемъ стараясь поднять ее съ земли, расторгъ застежку, придерживавшую на плечѣ платье: грудь ея обнажилась. Поблизости лежатъ милыя красавицѣ украшенія и нѣсколько драгоцѣнныхъ вещей, скудный остатокъ покинутаго въ домѣ богатства, который надѣялась она спасти отъ истребленія[6]. Между тѣмъ бѣшеные кони увлекаютъ супруга ея къ вѣрной гибели, и онъ тщетно силится удержаться на колесницѣ и привстать, чтобъ подать помощь поверженной своей подругѣ.

Вотъ примѣръ сыновней любви. Плечистый воинъ съ помощію юнаго брата спѣшитъ спасти престарѣлаго родителя отъ угрожающаго имъ бѣдствія. Подъятый на рамена сыновнія, старецъ возноситъ взоръ къ небу, и старается рукою закрыть себя отъ сыплющагося сверху пепла. Яркій свѣтъ молніи падаетъ на лысую голову, и во многихъ мѣстахъ отражается на его дряхломъ тѣлѣ. Эта группа безподобна, по противуположности характера лицъ, составляющихъ ее. Воинъ являетъ вполнѣ силу душевную и тѣлесную: послѣдняя обнаруживается въ рѣзкомъ очеркѣ всей его особы,

[6] Колесо, лежащая женщина и разныя разбросанныя украшенія, дѣйствительно найдены въ развалинахъ Помпеи.

дышащей бодростью и жизнію; первая въ самомъ его движеніи: онъ лишь одинъ не оглянулся при страшномъ и внезапномъ ударѣ грома! Наклоненная къ землѣ голова его украшена отличною экспрессіею чувства: этотъ человѣкъ, который самъ ничего не боится, трепещетъ за драгоцѣнную свою ношу, смотритъ, чтобъ не оступиться, и, кажется, весь погруженъ въ этой умильной мысли. Юный братъ его, менѣе твердый, оглядывается страдальческимъ взоромъ: онъ уже утомленъ бременемъ, побѣжденъ страхомъ; испугавшись грома и молніи, онъ невольно остановился въ ту минуту. Въ отцѣ, удрученномъ лѣтами, всѣ члены опустились. Это старецъ, лишенный бодрости, трепещущій, бездушный.

Взгляните на эту благородную фигуру, которая съ такимъ чувствомъ говоритъ что-то старушкѣ, сидящей на ступени зданія, подлѣ дороги! Это нѣжныя черты сына. Онъ умоляетъ мать свою встать, собраться съ силами, продолжать путь; она, утомленная, обезсилѣвшая, унылая, проситъ его заботиться только о своемъ спасеніи и оставить ее на произволъ судьбы. Кажется, Художникъ думалъ здѣсь о Плиніи-Младшемъ, и желалъ, чтобы зритель думалъ то же [7].

Примѣры чувствъ этого рода не исключаютъ и сильнѣйшихъ впечатлѣній. Двѣ самыя обворожительныя для человѣческаго сердца прелести, юность и красота, украшаютъ эту злополучную дѣву, которую общественное бѣдствіе застигло въ блажен-

7 Плиній именно описываетъ эту борьбу любви сыновней съ любовію материнскою. Мать Плинія просила его уходить и не думать объ ея спасеніи. Онъ принужденъ былъ схватить ее за руку и насильно утащить съ собою.

нѣйшія минуты ея жизни. Она въ то самое время готовилась вкусить сладость гименея. Еще на чудесной ея головѣ видны свадебное украшеніе и вѣнокъ изъ розъ; еще дѣвическое покрывало, послѣдняя завѣса стыдливости, раскинуто по ея плечамъ. И она безъ чувствъ, на рукахъ супруга, который не такъ сбирался принять ее въ свои объятія!... Нельзя пересказать, какъ горестенъ видъ этого молодаго человѣка: скорбь, его удручающая,

Tanto è amara, che poco più è morte!

«такъ горька, что самая смерть не многимъ ее «превосходить.» (Dante, Inferno I, 7.)

Въ противуположность роковому спокойствію этой группы, которою оканчивается картина, съ правой стороны, позади ея виденъ всадникъ, опасно борющійся съ своимъ конемъ. Онъ силится удержаться на спинѣ его; конь пышитъ и храпитъ отъ ярости, брыкаетъ, мечется, стараясь сбросить всадника. Эта борьба увеличиваетъ еще опасность окружающихъ: они могутъ быть поражены конскими копытами. Между-тѣмъ несчастія умножаются вокругъ нихъ. Отъ потрясенія почвы, двѣ статуи, столкнутыя съ вершины одного надгробнаго памятника, летятъ на землю, и паденіемъ своемъ угрожаютъ размозжить бѣгущихъ[8].

Другая группа, не знаю чѣмъ крѣпче соединенная, любовію ли или страхомъ, кажется, совершенно выходитъ изъ картины, — такъ велико волшебство свѣта и красокъ! Это цѣлое семейство, ищущее спасенія. Нагота дѣтей, недостатокъ обуви и без-

[8] Двѣ, изображенныя въ картинѣ, статуи найдены у подножія той самой гробницы, съ которой были низвержены.

порядокъ въ одеждѣ старшихъ, доказываютъ нечаянность и поспѣшность ихъ бѣгства. Мужчина поднялъ къ верху плащъ свой, въ защиту отъ падающихъ пепла и камней. Къ нему крѣпко прильнула его жена, съ нѣжностію прижимающая къ груди одного изъ маленькихъ дѣтей своихъ. Другой ребенокъ, немного постарѣе перваго, ухватился въ испугѣ за одежду матери, ища въ ней прибѣжища. Ужасенъ взоръ мужчины!..... Онъ страшно глядитъ на грозящее небо, на увеличивающееся пламя, на исчезающую надежду. Въ этомъ движеніи, кажется, пріостановилось все волненіе его души, преодолѣваемой новою, гораздо мучительнѣйшею скорбію; сильный трепетъ пробѣгаетъ по его членамъ, рисуясь по нимъ судорожно и рѣзко. Положеніе супруги неизъяснимое!..... А между-тѣмъ, ребенокъ, котораго она держитъ на рукахъ, со всею невинною простотою дѣтства протягиваетъ рученки къ сидящей неподалеку на землѣ птичкѣ, которую необычайный мятежъ воздуха сдѣлалъ почти ручною.

Вблизи этой группы, мать, въ горестнѣйшемъ положеніи, преклоняетъ одно колѣно къ землѣ посреди двоихъ дочерей, которыя также стоятъ на колѣняхъ. Онѣ молятся богамъ своимъ, тогда, какъ страшный громъ и блескъ вырывающагося изъ нѣдръ тучи пожара, колебаніе почвы и ужасный видъ пламени, все окрестъ являетъ имъ божество неумолимымъ, жестокимъ. Несчастная мать открываетъ уста для выраженія отчаянной печали, и теряетъ всю свою вѣру въ ложныхъ боговъ, которые не могутъ или не хотятъ ее спасти. Съ лицемъ негодующимъ и блѣднымъ, она вперила неподвижно-грозные глаза свои на небо, и жестокое волненіе души изсушаетъ въ ней источникъ слезъ, но не можетъ заглушить чувствъ материнскихъ: она открыла объятія свои, чтобъ сжать въ нихъ милыхъ сердцу доче-

рей. Въ одномъ этомъ движеніи сосредоточиваются, кажется, всѣ ощущенія растерзаннаго ея сердца, и она единственно за своихъ дѣтей скорбитъ такъ ужасно. Старшая дочь, подобно матери, убита горестью; младшая сложила руки для молитвы: она плачетъ, и умильно проситъ о спасеніи. Юная и невинная, она еще не совсѣмъ потеряла надежду!...

Этотъ старецъ, почтенной наружности, съ сѣдою бородою, приближающійся къ ихъ печальной группѣ, есть Христіанскій священнослужитель. Символъ искупленія, святой признакъ его сана, виситъ у него на груди. Въ одной рукѣ онъ держитъ факелъ, чтобы освѣтить мракъ этой гибельной ночи; въ другой несетъ священную утварь, тщательно завернутую въ пурпуровую ткань. Въ благородномъ и простомъ лицѣ его отражается добродѣтель. Съ твердостью покоряется онъ таинственнымъ законамъ Природы, и одинъ во всей толпѣ спокойно смотритъ на это бушующее небо, ибо въ утѣшительной его религіи, тамъ, гдѣ пресѣкается надежда, начинается вѣра. Но посмотрите на этого языческаго жреца, удачно выведеннаго на сцену, чтобъ показать различіе чувствовавшій въ одномъ и томъ же бѣдствіи! Какой взглядъ мечетъ онъ въ небеса, гдѣ для него уже нѣтъ божества!..... Онъ не вѣритъ, и не надѣется. Въ этихъ двухъ фигурахъ цѣлыя двѣ Исторіи.

Горсть людей толпится вокругъ *Скауровой гробницы*[9], возвышающейся на нѣсколькихъ ступеняхъ позади описанныхъ нами фугуръ. Кажется,

9 *Скаурова гробница* есть одинъ изъ лучшихъ памятниковъ, отрытыхъ по Геркуланской дорогѣ, послѣ гробницъ *Неволеи* и *Кальвенція*. Она и теперь стоитъ на ступеняхъ, точно въ томъ видѣ, въ какомъ изобразилъ ее Брюлловъ.

будто нѣкоторыя забрались внутрь ея, въ надеждѣ обрѣсть безопасный пріютъ. Но памятникъ грозитъ обрушиться.... Одна фигура выбѣгаетъ оттуда съ зажженною лампадаю; другая высунулась въ двери въ необычайномъ испугѣ. Между-тѣмъ, иные, не замѣчая близкаго обрушенія памятника, взлѣзаютъ на его ступени, чтобы пріютить нѣсколько драгоцѣнныхъ пожитковъ. Сильный юноша, съ наклоненною головою и согнутою шеей, несетъ на плечахъ богатыя Римскія кресла. Согбенное положеніе его превосходно! Напряженіе членовъ отъ тяжести ноши — совершенная природа! Другой человѣкъ, идущій позади, торопитъ его, и помогаетъ взлѣзть на ступени. Тутъ же скупецъ, душа котораго вѣчно ползаетъ въ грязи, не примѣчая грозящей ему гибели, наклонился, чтобъ собрать съ земли нѣсколько монетъ, выпавшихъ изъ его сокровища. Въ группѣ лицъ, стоящихъ подлѣ, Художникъ вѣрно и прекрасно изобразилъ обыкновенное въ подобныхъ случаяхъ разстройство присутствія духа у людей малодушныхъ, которые, выбѣгая изъ преданнаго внезапному разрушенію дома, уносятъ съ собой не драгоцѣнныя или самыя нужныя вещи, но тѣ, которыя чаще бываютъ у нихъ въ употребленіи, или прежде другихъ попадутся подъ руку. Въ картинѣ его, одна дѣвушка держитъ потушенную лампаду, какъ-будто для того, чтобъ свѣтить ею; другая молодая женщина, неся на головѣ глиняный сосудъ, стремится за тѣми, которые спѣшатъ къ памятнику; но предваренная крикомъ и знаками одной изъ сестеръ своихъ о близкомъ паденіи гробницы, она такъ испугалась, что отняла обѣ руки отъ сосуда, который частію отъ этого, частію отъ быстраго ея движенія вспять, зашатался и падаетъ съ головы. Выраженіе лица, данное Художникомъ этой фигурѣ, доведено до высочайшей степе-

ни превосходства остолбенѣніемъ ея взора: устрашенные, открытые болѣе обыкновеннаго глаза ея смотрятъ пристально, не устремляясь ни на какой опредѣленный предметъ. Наконецъ, вдали, видите вы живописца, сложившаго себѣ на голову всѣ принадлежности его Искусства. Это портретъ самого Брюллова. Удивляющіеся знаменитому его произведенію съ удовольствіемъ остановятъ взоръ на его лицѣ.

Картина эта, столь живая и разнообразная, столь глубоко обдуманная, столь совершенно выраженная, такъ потрясаетъ душу зрителя, что едва ли кто можетъ проникнуть исчислить всѣ соединенныя въ ней красоты, всѣ трудности, преодолѣнныя Художникомъ. Съ какимъ искусствомъ правдоподобное сочетается здѣсь съ чудеснымъ; сколько требовалось умѣнья, чтобы одно и то же чувство разнообразить въ столько различныхъ видовъ, и выразить силу и степень страданія, надежды и горя, согласно свойствамъ и характеру каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ! И вмѣстѣ съ тѣмъ, какая гармонія и равновѣсіе въ колоритѣ предметовъ, въ игрѣ лучей, переломанныхъ, яркихъ, отраженныхъ, какими обыкновенно озаряетъ насъ огромная, но бѣглая, масса молнійнаго блеска! У Г. Брюллова не было образцовъ для подражанія. Картина его вся создалась въ его умѣ, и, перенося на полотно свою поэму, онъ умѣлъ отыскать все въ богатомъ своемъ воображеніи. Заключимъ статью нашу похвалою, должною описанному нами произведенію: *Это картина, завидѣнная въ Природѣ очами души!*

В. С.

=

Кромѣ этого прекраснаго и ученаго отчета о произведеніи, которое незабвенный Вальтеръ-Скоттъ,

посѣщая въ Римѣ мастерскую Карла Брюллова, назвалъ «не картиною, но Эпопеею», получили мы изъ Италіи множество другихъ описаній «Послѣдняго дня Помпеи», стиховъ въ честь нашему художнику и печатныхъ объ немъ статей. Мы надѣемся доставить истинное удовольствіе нашимъ читателямъ, сообщая имъ нѣкоторыя извлеченія изъ сужденій иностранцевъ о талантѣ нашего соотечественника.

Въ «Отчетѣ о Выставкѣ Изящныхъ Художествъ въ Миланѣ, въ 1833 году*», Профессоръ Дель-Кьяппа, перепечатавъ отъ слова до слова описаніе картины Брюллова, изданное Висконтіемъ, присовокупляетъ:

«Уже два года имѣемъ случай говорить объ изумительныхъ твореніяхъ этого художника, приносящаго честь и Россіи, и небу Италіи, отъ котораго получаетъ онъ блистательныя свои вдохновенія.

«Картина, которую теперь выставилъ онъ во дворцѣ Бреры, есть плодъ долгаго, пятилѣтняго размышленія и быстраго исполненія въ нѣсколько мѣсяцовъ. Живописецъ желалъ представить одно изъ самыхъ горестныхъ событій исчезнувшаго міра, и тщательно изучалъ средства, какъ бы поднять таинственную завѣсу; но едва приподнялъ край ея, какъ пылкая его душа вдругъ преодолѣла всѣ преграды, и ужасное явленіе, подробностей котораго доискивался онъ съ такимъ трудомъ, скоро и свободно вылилось на полотно, въ естественной величинѣ.

«Мы должны дать наше сужденіе объ его картинѣ. Оно будетъ коротко.

* Le belle arti in Milano nell' anno 1833, rilazione del Prof. Giuseppe del Chiappa. Milano, 1833, pp. 44.

«Г. Брюлловъ желалъ показать въ ней, до какой степени сила экспрессіи можетъ соединиться съ живописью масляными красками, и показать въ вѣкѣ такомъ, какъ нашъ, потрясаемомъ сильными страстями и ищущемъ самыхъ сильныхъ ощущеній. Всякое сравненіе стиля этой картины со стилемъ прежнихъ живописцевъ было бы неумѣстно. Каждый вѣкъ долженъ имѣть свой стиль, и стиль Брюллова достоинъ могучаго генія, умѣющаго чувствовать такъ, какъ только немногимъ привилегированнымъ душамъ дается это въ наше время. Тѣмъ мы отнюдь не хотимъ сказать, что и другіе должны подражать его манерѣ: кто будетъ пытаться подражать ему, тотъ пропалъ! Мы хотимъ только выразить, что Брюлловъ, подобно нѣсколькимъ современнымъ художникамъ, призналъ ту великую истину, что надобно непремѣнно отложиться отъ такъ называемаго академическаго стиля, и что живописецъ долженъ изучить всѣ прекрасныя и дышащія жизнію манеры великихъ художниковъ прошлаго времени, а потомъ писать такъ, какъ ему внушаютъ фантазія и сердце, когда они сильно напитаны высокимъ, производящимъ истинное потрясеніе въ душѣ.

«Главная характеристика стиля Г. Брюллова состоитъ въ глубокомъ знаніи всего того, что составляетъ подлинно живописный эффектъ. Самовластно владѣя свѣтомъ и тѣнію, онъ отторгаетъ отъ полотна предметы и фигуры, и выводитъ ихъ впередъ съ удивительною выпуклостью. Смѣлѣе другихъ современныхъ художниковъ, онъ самъ нарочно ищетъ непомѣрныхъ трудностей, чтобъ бороться съ ними и остаться побѣдителемъ. Онъ не боится оживлять свои группы самыми быстрыми и смѣлыми движеніями и сообщатъ фигурамъ самыя

трудныя положенія тѣла. Здѣсь мечетъ онъ массами свѣта; тамъ водворяетъ такой мракъ, что невольно затрепещешь. Необыкновенно искусный рисовальщикъ, онъ простираетъ ловкость свою въ этомъ отношеніи до самой той точки, о которой едва смѣешь сказать, что здѣсь еще Искусство управляетъ рукою человѣка: одинъ шагъ далѣе, и Искусство было бы уже потеряно!

«Чтобъ заключить въ одномъ словѣ все, что думаемъ объ этой картинѣ, не видимъ другаго средства, какъ повторить извѣстное изрѣченіе объ одномъ изъ первоклассныхъ твореній Микель-Анджела: «*Это ужасъ по части живописи!*»

Другое пространное описаніе вышло, также въ Миланѣ, подъ заглавіемъ: «Большая картина Кавалера Карла Брюллова, описанная Ф. Амброзоли*.» Восхищаясь поочередно всѣми ея частями, авторъ такъ оканчиваетъ свое сочиненіе: «Передъ этимъ мастерскимъ произведеніемъ (*chef-d'oeuvre*) всегда толпится большая половина посѣтителей Выставки, и, среди единогласнаго удивленія, многіе произносятъ имена знаменитѣйшихъ нашихъ живописцевъ, ибо въ однихъ частяхъ картины видите вы величавость Микель-Анджела, въ другихъ неизъяснимую прелесть кисти Гвида Рени; въ нѣкоторыхъ даже мѣстахъ молодой художникъ какъ-будто является Рафаэлемъ или воскрешаетъ Тиціана. И всѣ эти разнородныя манеры размѣщены такъ искусно, слиты съ такимъ непостижимымъ умѣньемъ, переняты такъ смѣло, откровенно, безъ всякаго подражанія или рабской поддѣлки, что каж-

* Gran quadro del cavaliere Carlo Brulloff rappresentante l'ultimo giorno di Pompeja, esposto nelle sale del palazzo di Brera e descritto da Francesco Ambrosoli. Millano, 1833, pp. 12.

дый принужденъ воскликнуть: Онъ весь тутъ, тотъ, которымъ художникъ хотѣлъ явиться въ этомъ мѣстѣ!

«Не наше дѣло говорить, что въ этомъ огромномъ твореніи встрѣчаются какія-либо неисправности въ рисункѣ или ошибки въ распредѣленіи свѣта и тѣни. Въ такомъ числѣ предметовъ почти свыше человѣческихъ силъ сдѣлать все въ совершенствѣ. Однако жъ, смѣемъ утверждать, что мы слышали лучшихъ нашихъ художниковъ, до небесъ превозносящихъ похвалами высочайшую исправность и чистоту рисунка. Нѣкоторые старались сомнѣваться въ томъ, разсудительно ли, даже возможно ли, представлять дѣйствіе при мгновенномъ свѣтѣ молніи. Но развѣ живопись часто не представляетъ человѣческихъ лицъ съ отпечаткомъ на нихъ чувствованій и движеній души, гораздо мгновеннѣе молніи? Сверхъ того, молніи, безпрерывно исчерчивающія тучи, легко могутъ образовать на нѣкоторое время почти безпрерывное освѣщеніе. Тѣ, которые вздумали дѣлать подобный упрекъ Брюллову, должны бы помнить, что говорить Плиній о *длинныхъ* чертахъ *пламени,* которыя, въ ту гибельную ночь для Помпеи, прорѣзывали облака: онѣ только уподоблялись молніямъ, но были *огромнѣе молній.* Когда дѣло идетъ о явленіи, котораго никто изъ насъ не былъ очевидцемъ, непозволительно подвергать живописца взысканіямъ такого рода, и должно обо всемъ судить по эффекту, по впечатлѣнію, которое умѣлъ онъ произвести въ зрителѣ. Ежели оно согласно съ предметомъ картины и не зависитъ отъ невозможныхъ средствъ, онъ сдѣлалъ все, чего только мы въ правѣ требовать отъ Изящнаго Искусства.»

Вотъ, какъ «Миланская Газета», съ своей стороны отзывается объ этомъ произведеніи Русскаго

художника: слова ея доказываютъ, что торжество Карла Брюллова не есть слѣдствіе снисходительнаго удивленія людей, желающихъ только поощрить юныя дарованія иностранца, но что его картина взволновала всѣ плоскія зависти и даже народные предразсудки, гнуснѣе и злобнѣе самой зависти.

«Съ перваго взгляда, страшный и величественный предметъ, разрушеніе Помпеи, долженствовалъ бы казаться болѣе поэтическимъ, нежели живописнымъ, если бъ предпріимчивая кисть Брюллова не представляла явнаго доказательства, что для генія ничего нѣтъ невозможнаго, что онъ не знаетъ для себя трудностей, и даже стремясь прямо къ своей цѣли, самъ изобрѣтаетъ себѣ гораздо большія. Кто изъ зрителей, удивляясь огромной картинѣ, на которой Живописецъ изобразилъ погибель этого города, не раздирается тысячью различныхъ чувствованій; кто не принужденъ сознаться, что подобное произведеніе будетъ отнынѣ составлять эпоху въ лѣтописяхъ Искусства? Мы не станемъ доказывать, въ состояніи ли кто либо изъ современныхъ Художниковъ, или нѣтъ, возъимѣть точно такое же вдохновеніе и олицетворить кистію столь же могущественный предметъ: разсужденія этого рода обыкновенно проистекаютъ только изъ головъ, обуреваемыхъ духомъ партіи, и ничего не доказываютъ въ чью либо пользу. Мы попросту скажемъ, что, по нашему мнѣнію, исполинская картина сѣвернаго Художника есть произведеніе единственное въ своемъ родѣ, и что мы не знаемъ ни одной картины новѣйшихъ временъ, которая могла бы равняться съ нею, какъ въ смѣлости вымысла, такъ и въ успѣхѣ по части исполненія.

«Всякое произведеніе, подвергнутое суду публики, и которое приговоръ ея, по зрѣломъ разсмотрѣніи,

провозглашаетъ безподобнымъ, высокимъ, долженствовало бы, кажется, остаться такимъ безъ дальнѣйшей аппеляціи. Весьма немногія лица съ истинными дарованіями имѣютъ справедливую причину жаловаться на мнѣніе, произносимое публикою объ ихъ трудахъ, ибо вкусъ къ изящнымъ твореніямъ и склонность къ строгому ихъ разбору происходятъ изъ одного и того же начала, и всегда идутъ дружно.

«Это пышное созданіе волшебной кисти Брюллова, хотя произведенное иностранцемъ, должно было найти въ нашей Италіи безпристрастныхъ судей, такъ, какъ оно найдетъ ихъ повсюду.

«Народъ несмѣтною толпою тѣснится всякой день передъ этимъ могучимъ осуществленіемъ ужаса, и изъ толпы вырывается одинъ голосъ, потрясающій всѣ уста: это голосъ хвалы, изумленія!

«Глубина картины освѣщена изверженіемъ Везувія. Облака черны, насыщены электричествомъ. Отвсюду льется на землю огненное вещество, изрыгаемое волканомъ. Пламя Везувія не такъ ярко, какъ многіе, можетъ-быть, того желали бы; но тутъ именно Живописецъ хотѣлъ явить силу своего генія. Онъ рѣшился озарить переднюю часть картины бѣглымъ, мгновеннымъ свѣтомъ громоваго удара, – намѣреніе, которое казалось бы несбыточнымъ безъ очевиднаго доказательства въ противномъ. Отвѣтственность за выборъ такого дерзкаго освѣщенія лежала вся на художникѣ: его вкусъ, его талантъ, долженствовали получить тутъ или награду, или наказаніе, – но онъ сильно схватилъ умомъ нечаянно вспыхнувшую на небѣ молнію, со всѣмъ ея ужасомъ и великолѣпіемъ, удержалъ, затвердилъ ее въ своей душѣ, и, разливъ по полотну послушною

кистью, представилъ глазамъ въ изумительнѣйшемъ видѣ. Почти всѣ главныя фигуры облиты ея ослѣпительнымъ блескомъ: цвѣтъ этого свѣта неизъяснимъ. Обыкновенныя тайны Искусства едва ли могли указать Художнику, какія именно краски слѣдовало брать для этого съ палитры: Художникъ, ведомый своимъ вдохновеніемъ, самъ указалъ путь часто невѣрнымъ правиламъ художества, и создалъ новое, ему принадлежащее, правило, которое состоитъ въ примѣрѣ, не въ словахъ. Горе тѣмъ, которые, не будучи одушевлены такимъ же высокимъ дарованіемъ, какое столь блистательно и неоспоримо явилъ Брюлловъ, пожелали бъ подражать этому примѣру! Нововведеніе, совершаемое мощнымъ геніемъ въ Художествахъ и въ Словесности, всегда привлекаетъ къ себѣ толпы подражателей, и наконецъ производитъ настоящія карикатуры вкуса, — манерность въ Художествахъ и неистовый родъ въ Словесности. Побуждая молодыхъ художниковъ къ удивленію картинѣ Брюллова, заохочивая ихъ даже изучать ее по частямъ, мы отнюдь не совѣтуемъ брать ее за образецъ въ цѣломъ, ибо подъ твореніе такого смѣлаго генія никогда нельзя поддѣлаться съ успѣхомъ, а подобный образецъ можетъ совратить съ хорошаго пути молодыхъ людей, еще нетвердыхъ въ Искусствѣ.» (Слѣдуетъ подробное описаніе, которое мы пропускаемъ). «Съ силою кисти, непостижимою въ своихъ тайнахъ, съ легкостью и свободою рисунка, которымъ Искусство не въ состояніи выучить посредственныя дарованія, съ безпредѣльною властію надъ перспективными эффектами, Брюлловъ запечатлѣлъ въ чертахъ лицъ и тѣлодвиженіяхъ своихъ фигуръ всѣ страсти и чувства, приличныя предмету, — страхъ, уныніе, ужасъ, отчаяніе материнской любви, — все, все у него удивительно!

«Главныя части величественны; дополненія и подробности набросаны мастерскою рукою. Однимъ словомъ, картина эта верхъ художества, по общему признанію артистовъ и любителей.»

Biblioteca Italiana, лучшее изъ Италіянскихъ современныхъ изданій, также не умолчала о необыкновенныхъ достоинствахъ картины Карла Павловича Брюллова. Въ этомъ Журналѣ напечатано объ ней только нѣсколько строкъ, но онѣ могутъ быть названы выраженіемъ общаго восхищенія всей Италіи. «Помыслъ былъ чрезвычайно дерзкій, исполненіе то же; но эффектъ Послѣдняго дня Помпеи еще дерзновеннѣе и изумительнѣе. Люди, хоть нѣсколько свѣдущіе въ божественномъ Искусствѣ живописи, почти не могутъ повѣрить, чтобы сочинителю было отъ роду не болѣе тридцати лѣтъ. Все, что поэтическое воображеніе въ силахъ постигнуть прекраснаго и высокаго для трагическаго явленія; все, что могущество кисти, разнообразіе группъ, перспектива и оптическій обманъ въ состояніи явить на полотнѣ, – все дружно соединилось въ душѣ молодаго Брюллова, чтобъ оживить его художническую руку и въ то же время увѣнчать его юное и благородное чело!..... Земля, потрясенная въ своихъ основаніяхъ; опрокинутые чертоги и храмы; подъ мрачнымъ небомъ, Везувій, изрыгающій множествомъ жерлъ потоки огня, каменный градъ и лаву, которые, подобно бурнымъ волнамъ, поглощаютъ все окрестъ, – и ослѣпительный отблескъ громоваго удара освѣщаетъ всю эту ужасную сцену тмы, замѣшательства и горя, эти толпы жителей, бѣгущихъ со страхомъ и съ смертельною блѣдностью въ лицѣ, этихъ несчастныхъ матерей съ малютками у груди, жестоко раздирающими вамъ сердце своими слезами и стономъ!..... Все въ этой картинѣ

истина, все сила, очарованіе; все велико, все дѣлаетъ Брюллова великимъ живописцемъ.»

Заключимъ эти выписки нѣсколькими словами, извлеченными изъ письма одной Русской дамы (8 Сентября, 1833), бывшей свидѣтельницею торжества соотечественника своего въ Миланѣ. «Я внѣ «себя, при видѣ необыкновенныхъ успѣховъ наше-«го Брюллова, провозглашеннаго Микель-Анджe-«ломъ XIX вѣка. Описать вамъ красоту этой кар-«тины я не въ силахъ; но скажу, что фанатизмъ, «произведенный ею въ любителяхъ, въ знаменитѣй-«шихъ здѣшнихъ художникахъ, даже въ простомъ «народѣ, превосходитъ всякое понятіе. Въ театрѣ «импровизировали ему стихи; оглушенный рукопле-«сканіями, онъ принужденъ былъ спрятаться въ «углу ложи. Народъ толпится, чтобъ только его «увидѣть. Стѣны домовъ всѣ исписаны его именемъ, «которое уже безсмертно.»

Изъ числа напечатанныхъ и импровизированныхъ въ честь нашему великому живописцу Италіянскихъ и Латинскихъ стиховъ, предѣлы повременнаго изданія дозволяютъ намъ удѣлить любопытству читателей только двѣ коротенькія пьесы, — Сонетъ Графа Кастельбарка и Латинскую надпись монаха Розани.

ALL' ESIMIO PITTORE C. BRULLOFF,

SULL' AMMIRABILE QUADRO, LA CADUTA DI POMPEJA.

Spirito sublime, ad inusata via
Ergesti il volo: in te pittura estese
L'antica possa, e fece in te palese
Che le angustie dell'arte il genio obblia.

È veritade, è storia, è fantasia
Quello che il tuo pennel magico rese!....
Come il balen, come il vulcano accese,
A tal che d' ambo il vario lume dia?
Tema, pietade, amor, rabbia e spavento
Sui volti hai pinto, e tanti affetti uniti
In me destasti a togliermi l'accento.
Ed Italo non sei? E strani liti
Hanno prodotto in te sì gran portento?
È ver, ma Italia a tua maestra additi.

Cesare di Castelbarco.

«Брюлловъ выставилъ еще два портрета, написанные имъ весьма скоро, въ которыхъ рѣдкою кистію своею далеко уклонился онъ отъ рода тщательной отдѣлки въ живописи, и которымъ однако же сообщилъ удивительный эффектъ, не впадая въ легкость, отзывающуюся нерадѣніемъ. Это два мастерскія творенія (chefs-d'oeuvre), совершенно плоды кисти Фанъ-Дайка (Вандика).» *Примѣчаніе сочинителя Сонета.*

=

Excidii praesaga feri transcurrere coelum
Fulmina; sub pedibus terram subitoque moveri,
Undantem et latè Vesevum effervere in agros,
Quassari atque ipsam, video, considere et urbem.
Ecce ruit praeceps, comitumque oblita suorum,
Tnrba, per insolitos discurrit devia calles!
Diffugit ecce senex, juvenis, divûmque sacerdos,
Sponsa, maritus, equi, mixti cum milite, currus!
Tale magisterium, tanta vis insita rebus,
Ut quicumque oculus valet dignoscere verum,
In tabula, Brulloffe, tua nihil amplius optet;
Tempus et ad Mortem, quae secum immota superstat
Pompejanae urbis tumulo, jam destruo, clamat:
«Falce ego nequidquam, frustra tu falce trucidas!»

Joannes Baptista Rosani,
e Scholis Piis.

IV.

ПРОМЫШЛЕНОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1.

ДО КАКОЙ СТЕПЕНИ ВОЗВЫСИЛИСЬ НАШИ МАНУФАКТУРЫ?

Мы были свидѣтелями на Выставкѣ сего года чрезвычайныхъ успѣховъ нашихъ фабрикъ во всѣхъ почти родахъ мануфактурной промышлености. Наши сукна, бумажныя и шелковыя матеріи, парчи, ленты, шали; наши стекло и хрусталь, фарфоръ и бронза, металлическія издѣлія, химическіе продукты, лакированныя вещи, люстры изъ композиціи, мебель въ отличномъ вкусѣ, клеенки и прочее, обращали на себя изумленный взоръ посѣтителей, прельщали отдѣлкою, красивыми формами, вкусомъ и всѣми качествами, отличающими лучшія въ каждомъ родѣ произведенія. При семъ ослѣпительномъ видѣ, всякъ какъ будто недоумѣвалъ, чтобы все это было дѣло ума и рукъ отечественныхъ. Кто бы подумалъ, за двадцать лѣтъ передъ симъ, видѣть такіе успѣхи нашихъ мануфактуръ на новомъ поприщѣ промышлености? Давно ли еще мы не могли употреблять другой одежды, какъ изъ иностраннаго сукна и тканей? Давно ли убранства нашихъ домовъ выписывались изъ-за границы? Давно ли даже самыя простыя стальныя вещи, не говоря уже о машинахъ и математическихъ инструментахъ, доставлялись намъ изъ чужихъ

краевъ? Однимъ словомъ, за двадцать лѣтъ передъ симъ, не болѣе, Россія была Англійскою колоніею въ семъ отношеніи. А нынѣ, какъ все измѣнилось! Мы уже почти не употребляемъ другихъ суконъ, кромѣ своихъ. Нашъ прекрасный полъ, при всемъ пристрастіи къ иностранному, не стыдится наряжаться въ Русскія матеріи; домы знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ особъ украшаются убранствами Русскаго художества; на столахъ ихъ бронза, стекло и фарфоръ отечественные; множество машинъ, инструментовъ, орудій и другихъ издѣлій производятся въ нашихъ мастерскихъ. Многія сотни тысячъ рукъ, и, можетъ быть, милліоны, заняты полезною работою; повсюду дѣятельность, предпріимчивость, развитіе ума, изобрѣтенія и усовершенствованія; въ Государствѣ остаются знатные капиталы, выходившіе прежде за границу. Кто не порадуется, кто не подивится такому счастливому перевороту, совершившемуся въ столь короткое время!

Нѣтъ нашего намѣренія преувеличивать похвалу, ни льстить выше мѣры самолюбію. Успѣхи нашихъ мануфактуръ хотя и удивительны быстротою, однако еще не даютъ имъ права стать на ряду съ лучшими иностранными. Сознаемся безъ пристрастія, что мы еще далеко не достигли до той степени совершенства, на которую вознеслись образованнѣйшія націи: на лѣствицѣ мануфактурной промышлености мы не поднялись еще даже до половины; еще больше ступеней у насъ впереди, нежели сколько позади. Но можно ли, по справедливости, упрекать въ томъ нашихъ фабрикантовъ?.... Десять или двадцать лѣтъ, не болѣе; а тамъ — вѣки! Заря просвѣщенія въ Искусствахъ, въ Химіи, Механикѣ, Металлургіи, а тамъ — полный свѣтъ въ полудни! Первые опыты въ производствахъ; а тамъ — долголѣтній навыкъ! Скудость капиталовъ, а тамъ — преизобиліе! Совершенное незнаніе силы и могущества сообществъ, а тамъ — чудеса сей силы! Крайнее недовѣріе, а тамъ — полное обезпеченіе кредита!..... Сколько причинъ, дающихъ иностранцамъ преимущество предъ нами!

Но какъ суровость климата на Сѣверѣ примѣтно смягчилась, такъ съ теченіемъ времени измѣнятся и стихіи нашего вещественнаго благосостоянія. Время и неослабное стремленіе по предположенному пути довершатъ столь успѣшно начатое, и приблизятъ къ желаемой цѣли. Только не ослабѣвать! Все вокругъ насъ идетъ впередъ; остановиться значитъ отступить. На дальнемъ пути первые шаги всегда быстры; чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе. Отъ того и первые успѣхи нашихъ мануфактуръ были столь быстры; далѣе путь круче, трудностей больше. Не великаго искусства дѣло обтесать изъ мрамора подобіе человѣка; но дать ему жизнь, изваять Аполлона, — можетъ только рѣзецъ Фидіаса, Кановы.

Слышны также жалобы на дороговизну нашихъ товаровъ. «Безъ высокихъ пошлинъ, говорятъ, большая часть нашихъ «фабрикъ рушились бы.» Справедливо! Но не такъ же ли возвысились фабрики иностранныя? и даже, возвысясь уже, не продолжаютъ ли ограждать себя высокими пошлинами? Англія, болѣе всѣхъ проповѣдующая выгоды свободной торговли, — Франція, Австрія, Пруссія и Сѣверная Америка, оградили рынки свои тарифами. Исторія всѣхъ мануфактурныхъ Государствъ свидѣтельствуетъ, что только подъ защитою тарифовъ могли возникнуть и укрѣпиться отечественныя мануфактуры. Да и чѣмъ, какъ не благонадежною прибылью, можно возбудить трудолюбіе и предпріимчивость? Выгода, вѣрная и значительная выгода, есть сильнѣйшая пружина дѣятельности человѣческой, а особливо въ первомъ начинаніи.

«Потребители, т. е., многочисленнѣйшій классъ народа, «страждутъ отъ дороговизны, между тѣмъ, какъ малѣйшее «число фабрикантовъ и заводчиковъ въ короткое время не«помѣрно обогащается.» Не мѣсто здѣсь разсматривать сіе возраженіе во всей подробности. Скажемъ только, что такое стѣсненное положеніе не можетъ быть продолжительно. Большія выгоды и скорое обогащеніе фабрикантовъ необ-

ходимо польстятъ другихъ приняться за то же; родится совмѣстничество; цѣны неминуемо понизятся; выдѣлка улучшится: это послѣдствіе неизбѣжное. Не видимъ ли мы и нынѣ уже, какъ наши сукна и другія шерстяныя матеріи, наши бумажныя и шелковыя ткани, и вообще почти всѣ издѣлія, чувствительно понизились въ цѣнѣ противъ того, что были за 15 лѣтъ предъ симъ? Давно ли мы покупали сахаръ, рафинадъ, по 80 рублей и дороже за пудъ? Теперь лучшій 36 рублей. Большія прибыли, полученныя первыми нашими сахарными заводчиками, побудили многихъ къ заведенію такихъ же фабрикъ; въ немногіе годы цѣны упали, а выдѣлка улучшилась до совершенства. Вотъ будущая исторія всѣхъ мануфактуръ!

Но надобно продолжить покровительство тарифа, не смѣю сказать навсегда, по крайней мѣрѣ надолго, — по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, какъ и другія націи. Оставимъ Правительству пещись о нашихъ общественныхъ выгодахъ: оно знаетъ, нужно ли, и когда, и въ какой мѣрѣ, уменьшить строгость тарифа.

2.

ПОЛЬЗА КОМПАНІЙ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ПРОМЫШЛЕНОСТИ.

Хотите ли видѣть, что могутъ произвесть великаго, общеполезнаго, совокупныя силы частныхъ людей, дѣйствующихъ для одной цѣли? Поѣзжайте въ Англію. Тамъ увидите землю, вдоль и поперегъ изрытую судоходными каналами, изъ коихъ нѣкоторые текутъ поверхъ глубокихъ овраговъ и рѣкъ по величественнымъ водопроводамъ; —

увидите рѣчки прежде мелкія, засоренныя мелями, камнями и порогами, а нынѣ вычищенныя, углубленныя, снабженныя шлюзами и запасными водоемами, и чрезъ то содѣланныя судоходными; увидите желѣзныя дороги съ пароходными экипажами, въ разныхъ направленіяхъ пересѣкающія однѣ другія, соединяющія между собою города мануфактурные съ торговыми портами, или рудокопни и углекопни съ заводами и фабриками; увидите подземные водопроводы, коими вода изъ рѣкъ, очищенная и процѣженная въ огромныхъ цѣдильняхъ, проведена по всѣмъ улицамъ города, въ каждый домъ, во всѣ этажи домовъ, въ кухни, конюшни, прачешныя, и всюду; увидите великолѣпные доки, гдѣ тысячи кораблей покойно и безопасно стоятъ въ глубокихъ бассейнахъ, и гдѣ устроены длинные ряды огромнѣйшихъ пакгаузовъ со всѣми удобствами для выгрузки и погрузки товаровъ; увидите цѣлые города, освѣщенные газомъ отъ одного или нѣсколькихъ газовыхъ заведеній; увидите Англійскій Банкъ, богатѣйшій въ свѣтѣ, нерѣдко помогавшій казнѣ многими сотнями милліоновъ; — увидите Остъ-Индскую Компанію, общество нѣсколькихъ купцовъ, имѣющихъ въ своемъ подданствѣ цѣлое Государство, въ пять разъ обширнѣйшее всей Великобританіи, со ста милліонами подданныхъ; увидите Страховыя Общества, принимающія на страхъ богатства цѣлаго Свѣта; множество другихъ огромнѣйшихъ, общеполезныхъ заведеній, которыя исчислять было бы слишкомъ продолжительно. Спросите: кто предпринялъ, кто совершилъ всѣ сіи работы, кто устроилъ сіи заведенія? — Частные люди, совокупными силами дѣйствовавшіе! Кому принадлежатъ онѣ нынѣ? — Частнымъ Обществамъ!

Вотъ, какія чудеса могутъ произвесть совокупные способы нѣсколькихъ или многихъ лицъ, духъ сообщества!

Англія издавна постигла ту тайну, что только совокупными способами можно совершить великія предпріятія. Тамъ капиталисты ищутъ умовъ, умы капиталовъ; тѣ и

другіе соединяются, и дѣло дѣлается, котораго бы одинъ человѣкъ, одними своими способами, произвесть не могъ. Аркрайтъ, бѣдный ремесленникъ, придумалъ новый способъ пряденія; онъ не имѣлъ ни какихъ средствъ произвесть въ дѣйство свою счастливую выдумку; но онъ обратился къ капиталисту, открылъ ему свой проектъ, и съ помощію его капитала устроилъ машину, которая и донынѣ служитъ основаніемъ системы бумажнаго пряденія. Оба они обогатились, и Англія обязана Аркрайту источникомъ неистощимыхъ богатствъ. Но къ чему послужила бы остроумная его выдумка, безъ помощи чужихъ капиталовъ, которыхъ онъ не имѣлъ? Она умерла бы въ самомъ зародышѣ, безъ всякой пользы ему и отечеству. И думаете ли вы, что всѣ сіи великія дѣла предприняты для общественной пользы? Ни мало! Частная тѣхъ лицъ выгода была единственною цѣлью; но въ натурѣ вещей такъ устроено, что частная польза тогда бываетъ обширна и прочна, когда она соединена съ пользою общественною.

Такъ растутъ капиталы, и съ умноженіемъ ихъ умножаются новыя предпріятія, которыя, въ свою череду, усиливаютъ капиталы, и такъ далѣе, до неограниченности. Отъ того Англія, можно сказать, покрыта огромными заведеніями, которыя годъ отъ году увеличиваютъ ея силу, богатство и благосостояніе, общественное и частное.

Отъ чего Россія такъ бѣдна искусственными и торговыми заведеніями? Одна Американская Компанія; одно Страховое отъ огня Общество (и то не всеобъемлющее); одно Общество дилижансовъ; одно Общество пароходовъ: вотъ почти всѣ наши совокупныя учрежденія, и тѣ, кромѣ Американской Компаніи, весьма недавнія! Все, что есть великаго, дальновиднаго, огромнаго, многостоящаго, — все произведено Казною. Но, можетъ быть, ни одно Государство не имѣетъ столько нужды въ общественныхъ заведеніяхъ, какъ Россія. Обширность Имперіи, отдаленность внутреннихъ сообщеній, многочисленность морей, къ ней прилегающихъ, разно-

родность произведеній, неистощимые источники богатствъ, сокрытыхъ въ нѣдрахъ земли, рѣкъ, озеръ и морей; безлюдность необозримыхъ степей, коихъ рука трудолюбія еще не касалась; сопредѣльность съ полуобразованными народами, нуждающимися во всемъ, что относится до удобствъ житейскихъ: — сколько предметовъ къ полезной предпріимчивости! На Сѣверѣ, — сельдяные, тресковые и китоловные промыслы, звѣроловство, кораблестроеніе; на Югѣ, — винодѣліе, шелководство, разведеніе полезныхъ растеній, торговля хлѣбомъ; на Востокѣ, — горы и пески, богатые дорогими металлами, обширнѣйшія полосы земли почти ненаселенной и еще неизвѣданной; во внутреннихъ Губерніяхъ, — мѣстами тѣснота и недостатокъ въ способахъ промышленности, а мѣстами безлюдность съ избыткомъ всего, потребнаго для жизни и благосостоянія; вездѣ земледѣліе, скотоводство, винодѣліе, садоводство варварскихъ вѣковъ, безъ тѣхъ улучшеній, которыя каждый клочекъ земли, каждую голову скота, каждое зерно хлѣба, каждую ягоду винограда, каждый плодъ плодовыхъ деревъ, каждое растеніе, каждое ископаемое, дѣлаютъ цѣннѣе. Сколько хлѣба пропадаетъ у насъ отъ дурнаго устройства нашихъ винокурень и пивоварень, и можетъ ли что быть хуже нашего вина и пива? Сколько теряется сала отъ дурнаго салотопленія! Сколько погибаетъ скота отъ дурнаго корму и обиходу! И какой скотъ! Почти всюду лошади и коровы мелкія, овцы грубошерстыя. Сколько погибаетъ рыбы, тамъ отъ недостатка рукъ, здѣсь отъ....! При величайшемъ изобиліи сельдей въ собственныхъ нашихъ моряхъ, возможно ли, что мы продовольствуемся сельдями отъ иностранцевъ! Куда посылаемъ мы грузы трески и другихъ рыбъ, коими моря наши преизобилуютъ? Гдѣ нашъ купеческій флотъ изъ необъятнаго пространства лѣсовъ, гніющихъ на корнѣ? Отъ чего такая несоразмѣрность въ цѣнахъ хлѣба въ разныхъ губерніяхъ, отъ 2 и 3 рублей до 20 рублей? Прекраснѣйшая въ Свѣтѣ наша пшеница зачѣмъ идетъ за моря въ зернѣ, а не мукою? Зачѣмъ Американцы питаются Прусскимъ и Польскимъ хлѣбомъ, а не нашимъ? Зачѣмъ..... Но было бы безъ конца

исчислять всѣ недостатки нашего хозяйства и общественныхъ заведеній.

И долго еще ничего не будетъ, если не оживитъ насъ духъ сообществъ. Къ несчастію, нѣсколько Компаній, первоначально образовавшихся въ Россіи, отъ худаго ли внутренняго ихъ устройства и управленія, или отъ стеченія непредвидѣнныхъ случайностей, скоро рушились съ потерею капиталовъ, — потерею конечно маловажною для каждаго участника, ибо она раздѣлилась на многихъ по малымъ количествамъ, — однако же это было причиною, что съ тѣхъ поръ самое названіе «Компанія» сдѣлалось уже нетерпимо. Недовѣріе обуяло умы всѣхъ. Всякой предпринимаетъ про себя, какъ умѣетъ; всякой дѣйствуетъ отдѣльно, скрытно, и, какъ говорится, изъ-за угла; большая часть ничего не предпринимаетъ, по недовѣрію ко всему.

Легкомысліе и нерасчетливая довѣрчивость есть конечно порокъ, и въ денежныхъ дѣлахъ порокъ гибельный; но и безразсудная недовѣрчивость есть также порокъ. И та, и другая, происходятъ отъ невѣжества. Всякое коммерческое предпріятіе можно расчитать почти безошибочно, почти также, какъ искусный Архитекторъ расчитываетъ количество матеріала, потребнаго для строенія. Страховыя Компаніи опредѣляютъ почти съ математическою точностію число пожаровъ, число кораблекрушеній, число смертностей, и проч. Во всякомъ коммерческомъ предпріятіи неудачи должны также итти въ счетъ. Но если бы случились и такія неудачи, которыя бы повлекли за собою разрушеніе Компаніи, то и тогда потеря не можетъ быть слишкомъ чувствительна, во-первыхъ потому, что она разлагается на многихъ, а во-вторыхъ потому, что и такіе случаи, при учрежденіи Компаніи, должны быть предусмотрѣны. Эльберфельдская заморская Компанія, потерпѣвшая убытки отъ разныхъ непредвидѣнныхъ случайностей, принуждена была прекратить свои дѣйствія, и не успѣла закрыться, какъ въ то же время открылась другая подобная, но съ бо̀льшими осторожностями и съ ограниченіемъ круга дѣятельности.

Здѣсь мы не ожидаемъ возраженія, будто у насъ нѣтъ капиталовъ. Они есть: безпрестанные взносы знатныхъ суммъ въ Банки и Ломбарды, ежегодныя постройки новыхъ домовъ для дохода, свидѣтельствуютъ, что капиталовъ есть достаточно для многихъ полезнѣйшихъ предпріятій. Но чего у насъ еще нѣтъ, — *довѣрія*, не слѣпаго и легкомысленнаго, а разсудительнаго и расчетливаго, основаннаго на знаніи дѣла, на умѣніи вникнуть во всѣ подробности, все опредѣлить, расположить и устроить, какъ должно, со всѣми возможными предосторожностями. Сказать однимъ словомъ: у насъ недостаетъ «практическаго просвѣщенія.»

3.

О БѢЛЕНІИ ПОЛОТЕНЪ.

Волокнистый матеріялъ, ленъ, пенька, хлопчатая бумага, изъ котораго приготовляются многоразличнѣйшія ткани, употребляемыя нами на платье, бѣлье, столовое и постельное, производитъ Природа въ суровомъ видѣ, сѣраго, желтоватаго и зеленоватаго грязнаго цвѣтовъ, разнаго по различнымъ кряжамъ земли. Выдѣлываемыя изъ такого матеріяла ткани бываютъ также суровыя, непріятныя на видъ. Мытьемъ, бученіемъ въ щелокахъ, стилкою на снѣгу, на солнцѣ, на травѣ, и мочкою, онѣ мало по малу теряютъ свою суровость, и дѣлаются болѣе или менѣе бѣлыми, чистыми. Такое бѣленіе называется простымъ, *естественнымъ*. Не говоря уже о трудности онаго, для чего надобно выжидать весенняго солнца и ясной погоды, оно имѣетъ еще ту невыгоду, что при малѣйшей неосторожности въ

бученіи и стилкѣ, ткань теряетъ свою природную прочность.

Новѣйшіе успѣхи Химіи открыли способъ, производить бѣленіе химическими кислотами гораздо скорѣе, чище и дешевле, не вредя притомъ ни сколько прочности ткани: такое бѣленье и называется *химическимъ*. Правда, что и тутъ потребна большая осторожность: ибо употребляемыя для сего кислоты (купоросная и соляная) чрезвычайно ѣдки, и въ рукахъ неискуснаго въ своемъ дѣлѣ мастера могутъ тотчасъ переѣсть или пережечь ткань; но, по пословицѣ, всякое дѣло мастера боится.

Неискусство нашихъ бѣлильщиковъ, испортившихъ много полотенъ и столоваго бѣлья, было причиною, что у насъ вообще не терпятъ химическаго бѣленія. Однако же Англійская бумажная пряжа и каленкоръ, Шотландскія и Ирландскія полотна, также большая часть Голландскихъ, выбѣливаются химическимъ способомъ, и отличаются пріятнѣйшею бѣлизною, чистотою и прочностію: — доказательство, что сей способъ бѣленія, при знаніи дѣла, совершенно безвреденъ.

Знаніе дѣла! — Гдѣ оно не нужно? И что можно произвесть хорошаго, отличнаго, превосходнаго, безъ знанія дѣла, безъ большаго навыка, безъ должной внимательности и осторожности?

Хорошее бѣленіе есть дѣло величайшей важности для нашего отечества. Ленъ и пенька наши домашніе продукты, и производятся въ большомъ изобиліи. Льняныхъ полотенъ, столоваго бѣлья, фламскаго и паруснаго полотна, выдѣлывается у насъ величайшее множество; большія количества двухъ послѣднихъ отпускаются и за границу. Многія сотни тысячъ рукъ заняты сею работою, отъ которой пріобрѣтаютъ свое содержаніе. Всѣ сіи издѣлія требуютъ хорошей бѣлки.

Бѣленіе бумажной пряжи и миткаля не представляетъ большой трудности: матеріялъ сей самъ по себѣ отъ природы родится довольно бѣлымъ; но ленъ и пенька имѣютъ природную суровость, которую истребить чрезвычайно трудно.

У насъ, въ Россіи, бѣленіе пряжи и полотенъ производится почти вообще естественными способами: мытьемъ, бученіемъ въ щелокѣ и стилкою на снѣгу, на травѣ и на солнцѣ. Кому случалось видать сіе производство, тотъ конечно согласится со мною, что сей способъ бѣленія есть самый многотрудный и мѣшкатный, и если бы у насъ цѣнились трудъ и время, то онъ оказался бы и самымъ дорогимъ; но какъ все дѣло производится не наемными руками, то трудъ и время не цѣнятся ни во что.

Есть и у насъ не мало бѣлильщиковъ, кои производятъ бѣленіе химическими способами; но сколько случалось и самому испытать, и отъ другихъ слышать, что они по большей части портятъ товаръ, то есть, отнимаютъ у него природную его крѣпость и прочность. Отъ того наши бумажные платки и ткани, наши льняныя полотна и столовое бѣлье, выбѣленныя такими бѣлильщиками, чрезвычайно скоро рвутся.

Не рѣдко пріѣзжали къ намъ и иностранные бѣлильщики; нѣкоторые бывали даже и нарочно выписываемы. Чувствуя всю важность хорошаго бѣленія для Россіи, я тщательно развѣдывалъ, съ какимъ успѣхомъ производили они свое дѣло, и сколько могъ узнать, бѣленіемъ ихъ вообще не были довольны. Бумажныя матеріи они еще порядочно выбѣливали, ибо это дѣло нетрудное; но льняныя и пеньковыя по большей части портили: доказательство, что и въ чужихъ краяхъ хорошіе бѣлильщики рѣдки.

Журналъ Мануфактуръ и Торговли указалъ намъ Русскаго бѣлильщика, Г. Кочетова, отзываясь объ немъ съ

величайшею похвалою. Я поспѣшилъ къ нему, и засталъ его за работою. Наружность ничего не обѣщаетъ: самъ онъ человѣкъ простой, безъ всякаго свѣтскаго и ученаго образованія, изъясняется сбивчиво. Заведеніе бѣдное, тѣсное, неудобное, на чужомъ мѣстѣ, на взморьѣ, при малѣйшемъ возвышеніи воды подверженное наводненію; четыре маленькія комнаты, изъ коихъ въ одной производятся химическіе препараты, въ другой настоящее бѣленіе, третья сушильня, а четвертая для отдѣлки готоваго товара. Стѣны досчатыя, набитыя для тепла опилками. Нѣсколько котловъ и чановъ поставлены въ углу праздно, за неимѣніемъ мѣста; однако же въ химическихъ снарядахъ, паровомъ котлѣ, въ проводныхъ трубахъ, въ регуляторахъ, большая точность. Ветхая хижина, гдѣ самъ онъ живетъ съ семействомъ, полуразвалившаяся, вросла въ землю до половины. Но когда онъ показалъ мнѣ готовый товаръ, тутъ же при мнѣ снятый съ сушила и выколоченный, удивленіе мое равнялось тому сильному предубѣжденію, которое внушила мнѣ наружность. Живѣйшая бѣлизна льняныхъ и бумажныхъ полотенъ, скатертей и салфетокъ, такая же бѣлизна пряденой бумаги и льняныхъ нитокъ, равнялась совершенно Англійской лучшей.

Оставалось испытать прочность. Я далъ ему выбѣлить половину мотка льняныхъ суровыхъ нитокъ, оставя у себя другую половину такую же, и нѣсколько аршинъ суроваго полотна, отрѣзаннаго отъ цѣлаго куска. Черезъ недѣлю онъ принесъ мнѣ все выбѣленное, какъ нельзя лучше. При сравнительномъ испытаніи крѣпости выбѣленныхъ издѣлій съ суровыми, оказалось, что первыя ни сколько не утратили своей прочности.

Г. Кочетовъ бѣлитъ, какъ и всѣ, хлористыми составами; но онъ дошелъ до сего собственными двадцатилѣтними изысканіями, безчисленными опытами, а не наукою; наконецъ успѣлъ до такой степени, что всякая суровость, всякая краска ему покоряется, и онъ управляетъ самыми ѣд-

кими по своей волѣ. Есть ли въ искусствѣ его что либо тайнаго, новаго, не знаю: мнѣ извѣстно только, что бѣленіе его предъ всѣми отлично. Самъ онъ отзывается скрытно, говоря: «Что бы ни твердили, но есть тутъ нѣчто, до чего другіе не дошли.» Особенно удивительно то, что въ его бѣлильномъ заведеніи почти не слышно хлору, между тѣмъ, какъ въ другихъ подобныхъ задыхаешься отъ удушливаго газа, и многіе заплатили жизнію за свое неискусство.

Г. Кочетовъ представилъ образцы своего бѣленія на первой Выставкѣ, 1829 года, пряденую бумагу, ленъ и пеньку, и издѣлія изъ оныхъ. Они заслужили отличное одобреніе знатоковъ, и Кочетовъ удостоенъ награды малою золотою медалью. Образцы сіи я сохранилъ у себя для любопытства, и они въ продолженіе четырехъ лѣтъ не измѣнили ни сколько ни бѣлизны своей, ни прочности. Публика видѣла ихъ вторично на послѣдней Выставкѣ, въ 1833 году.

Г. Кочетовъ имѣетъ свидѣтельство отъ почетнѣйшихъ фабрикантовъ и купечества, удостовѣряющее въ его искусствѣ, и что его бѣленіе не уступаетъ лучшему иностранному. Многія знатныя особы и купцы, торгующіе бѣлымъ товаромъ, отдавали ему отбѣливать полотна, столовое бѣлье, дорогіе вуали и прочее, и сколько мнѣ случалось слышать, оставались всегда довольными. На послѣдней выставкѣ было столовое бѣлье фабрики Матіаса въ Москвѣ, и полотно мануфактуры Гг. Яковлевыхъ въ Ярославлѣ, выбѣленныя превосходно Кочетовымъ. Мнѣ случалось видѣть у него товаръ, дурно выбѣленный на другихъ бѣлильныхъ заведеніяхъ, отданный ему перебѣливать. Подержанное всякое бѣлье, особенно столовое, также вуали самые дорогіе, пожелтѣвшіе и въ пятнахъ, отбѣливаетъ Кочетовъ заново.

Но что жъ? — Кочетовъ все еще остается въ томъ же бѣдномъ пепелищѣ, полуобрушившемся, на чужой землѣ, въ тѣснотѣ, борющійся со всѣми недостатками! Близъ пяти лѣтъ, какъ имя его извѣстно, какъ искусство его дознано,

и не нашелся ни одинъ, кто бы устроилъ ему заведеніе въ полномъ видѣ, съ достаточными снарядами, безъ чего онъ не можетъ распространить своего производства. Кочетовъ уже старъ; искусства его никто не знаетъ; послѣ него оно потеряется невозвратно.

Дѣло идетъ о важномъ для нашего отечества пріобрѣтеніи. Желательно, чтобъ составилась Компанія на акціяхъ, для устройства въ надлежащемъ видѣ бѣлильнаго заведенія съ нужными снарядами и удобствами. Есть всѣ вѣроятія, что употребленный на сіе капиталъ, впрочемъ обезпеченный тѣмъ же заведеніемъ, въ немногіе годы окупится.

4.

НА КАКОЙ СТЕПЕНИ НАХОДИТСЯ ЗЕМЛЕДѢЛІЕ ВЪ РОССІИ?

Не болѣе какъ за 50 лѣтъ, трехпольное землепашество господствовало во всей почти Европѣ. Истощенная безпрестанными посѣвами зерноваго хлѣба, земля не приносила и половины тѣхъ продуктовъ, какіе могла бы дать въ полнотѣ своей плодотворной силы. Каждый годъ $^1/_3$ часть поля лежала безполезно подъ паромъ: это называлось *отдыхомъ*; но сіе отдохновеніе весьма мало подкрѣпляло истощенныя силы земли; на другой же годъ надлежало удобрять ее тукомъ. Не знали инаго удобренія, кромѣ позема отъ скота; но его было недостаточно при скудномъ скотоводствѣ, а недостатокъ кормовыхъ травъ не дозволялъ умножить и улучшить скотоводство.

Чувствовали невыгоды такой системы землепашества, но не умѣли пособить. Правда, въ Англіи, Ломбардіи и Фланд-

дріи, давно уже земледѣліе приняло другой, улучшенный видъ. Тамъ разложили землю химически; старались поправить недостатки ея *соотвѣтственными* удобреніями, употребляя къ тому, по мѣрѣ надобности, песокъ, глину, мергель, илъ, древесные листья и щепы, сбойну и кости; расположили посѣвы такъ, чтобы предъидущій благопріятствовалъ послѣдующему, попеременнымъ оборотомъ зерноваго хлѣба, огородныхъ овощей и кормовыхъ травъ; раздѣлили пахотное поле на шесть, на восемь и болѣе полей, или участковъ, собирая продукты отъ каждаго, и тѣмъ совершенно уничтожили праздныя, паровыя поля; урыхлили землю тщательнымъ обработываніемъ и очистили отъ негодныхъ травъ; съ умноженіемъ кормовыхъ травъ умножили и улучшили скотоводство, а отъ него получили болѣе позему для лучшаго удобренія полей; совокупили хлѣбопашество съ огородничествомъ, и тѣмъ умножили многоразличность земныхъ произведеній; извлекли плодотворную силу изъ глубокихъ нѣдръ земли, и тѣмъ какъ бы расширили поверхность земную; призвали въ помощь Науки, Физику, Химію, Минералогію, и сдѣлали изъ Сельской Экономіи пріятную и полезнѣйшую практическую науку, которою охотно занимаются особы и высшихъ классовъ. Всѣми такими улучшеніями усугубили доходъ земледѣльца вдвое и болѣе противъ того, сколько получается обыкновеннымъ хлѣбопашествомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ умножили богатство и благосостояніе общественное и частное.

Поздно уже достигли сіи улучшенія до прочихъ Государствъ. Германія обязана симъ Г. Теру: онъ познакомилъ ее съ Англійскимъ земледѣліемъ, и самъ показалъ примѣръ. Выгоды, полученныя имъ отъ новаго способа вѳздѣлыванія земли по Англійской системѣ плодопеременнаго землепашества, возбудили всеобщее соревнованіе. Подъ его руководствомъ, четырехъ-польное землепашество сдѣлалось Нѣмецкою земледѣльческою системою.

Система сія начала мало по малу переходить изъ Германіи и въ Россію. Въ Остъ-Зейскихъ губерніяхъ она съ

каждымъ годомъ распространяется, и доставляетъ хозяевамъ значительныя выгоды. Во внутреннихъ губерніяхъ Россіи нѣкоторые просвѣщенные и попечительные помѣщики старались ввести ее, съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Но какъ всякое нововведеніе въ началѣ трудно, такъ и сія система весьма медленно распространяется.

Старинное трехпольное землепашество, которому слѣдовали наши предки съ незапамятныхъ временъ, остается и донынѣ всеобщимъ, — землепашество самое невыгодное, безпрерывно истощающее землю, лишающее насъ ежегодно цѣлой трети земныхъ продуктовъ, — потеря неисчислимая для всего обширнаго Государства! — ограничивающее нашу производимость почти однимъ зерновымъ хлѣбомъ, при неурожаѣ котораго подвергаемся мы опасности голода, не имѣя чѣмъ замѣнить хлѣба; недающее возможности умножить наше скотоводство, и вообще сокращающее нашъ земельный доходъ въ половину и менѣе.

И такъ, мы въ семъ отношеніи не подались впередъ ни на одинъ шагъ. *Земледѣліе наше остается на низшей степени,* въ состояніи младенчества. Однако же примѣтны повсюду порывы къ улучшеніямъ; начинаютъ болѣе и болѣе чувствовать невыгоды своего положенія, дѣлаютъ опыты, и стараются перейти къ лучшему. Уменьшеніе доходовъ, оскудѣніе, сильно къ тому побуждаютъ. *Мы стоимъ на чертѣ перехода.*

Но чтобъ переходъ сей былъ успѣшный, съ самымъ малымъ рискомъ; чтобы онъ, вмѣсто обогащенія, не привелъ въ разореніе; чтобы предпринимаемыя улучшенія были приспособлены къ нашему климату, къ нашей почвѣ, къ различнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, — нужно практическое указаніе, нуженъ примѣръ, и примѣръ близкій, чтобы всякъ могъ собственными глазами удостовѣриться въ выгодности нововведенія. Тогда только можно ожидать подражанія. Такъ было и въ другихъ земляхъ.

Если бы въ нѣсколькихъ Губерніяхъ помѣщики согласились учредить образцовыя фермы, на общій счетъ, и при нихъ практическія школы земледѣлія, выписать изъ Англіи, или хотя изъ Германіи, искусныхъ экономовъ, устроить лучшія орудія и всякія сельскія заведенія по лучшей методѣ, то успѣхъ новаго земледѣльческаго хозяйства скоро поощрилъ бы всѣхъ къ подражанію, ибо выгода собственная есть сильнѣйшая пружина дѣйствій человѣческихъ.

Доколѣ сего не будетъ, долго еще наше земледѣліе останется на степени младенчества, къ неисчислимой потерѣ для Государства!

Яценковъ.

О СОСТАВНЫХЪ ЧАСТЯХЪ ПОЧВЪ И ВЛІЯНІИ ИХЪ НА РАСТЕНІЯ.

Вліяніе почвы на растенія, воздѣлываемыя человѣкомъ для собственныхъ нуждъ, явственно обнаруживается преимущественно на пахатныхъ поляхъ. Внимательному сельскому хозяину часто представляется случай замѣтить, что двѣ полосы земли, по видимому ни сколько не отличающіяся одна отъ другой, обработанныя съ одинаковымъ стараніемъ, при всѣхъ прочихъ обстоятельствахъ равныхъ, не одинаково вознаграждаютъ труды земледѣльца; что извѣстные посѣвы на такомъ-то полѣ лучше прозябаютъ, чѣмъ другіе; что унавоживаніе не всегда есть вѣрнѣйшее и наилучшее средство возвысить плодородіе поля; что не всѣ удобряющія вещества равно пригодны для всякаго рода почвъ. Изыскивая причины сихъ явленій, не трудно убѣдиться, что плодородіе извѣстнаго участка земли главнѣйше зависитъ: 1) отъ составныхъ частей почвы; 2) отъ внутренняго ихъ сложенія;

3) отъ физическихъ свойствъ верхняго, воздѣлываемаго слоя земли, и нижняго, который мы назовемъ *подпочвою.* Изслѣдованіе почвъ въ сихъ трехъ отношеніяхъ очень важно въ практическомъ земледѣліи для каждаго, кто, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, увѣренъ, что эта прочная основа дальнѣйшаго развитія государственныхъ производительныхъ силъ можетъ и должна постепенно усовершаться, опираясь на указанія опытныхъ наукъ; что наши праотцы, передавая потомкамъ свои замѣчанія о земледѣліи, способы обработывать землю и орудія, потребныя для земледѣльческихъ работъ, могли, подобно намъ, ошибаться въ замѣчаніяхъ, принимать плохіе способы за возможно лучшіе, и почитать свои несовершенныя земледѣльческія орудія за окончательно улучшенныя.

Составныя части почвъ можно раздѣлить на *общія* и *случайныя.* Къ первымъ принадлежатъ кварцовый песокъ, глина и известнякъ; ко вторымъ, гніющіе, или уже перегнившіе остатки растительныхъ и животныхъ тѣлъ, нѣкоторыя соли, напримѣръ, поваренная, въ мѣстахъ приморскихъ, или лежащихъ близъ соляныхъ озеръ, селитра, и проч.; вода и воздухъ: два послѣдніе дѣйствователя всегда находятся въ воздѣлываемыхъ слояхъ земли, и рѣшительно необходимы для прозябанія растеній.

Общія составныя части почвъ содѣйствуютъ питанію прозябеній не только механически, — допуская атмосферный воздухъ свободно проникать въ землю, но и химически, — собственнымъ разложеніемъ и образованіемъ новыхъ соединеній, отъ совокупнаго дѣйствія теплоты, свѣта, влажности и воздуха.

Разсмотримъ главнѣйшія свойства каждой изъ составныхъ частей почвъ, сколько нужно для практическаго земледѣльца.

Подъ именемъ песку мы привыкли разумѣть всякое землистое вещество, представляющееся намъ въ болѣе или

менѣе крупныхъ зернахъ, и происшедшее отъ разрушенія какой бы то ни было каменной породы, напримѣръ, гранита, известняка, слюды и проч. Кварцовый песокъ получается преимущественно изъ русль множайшихъ рѣкъ въ видѣ довольно крупныхъ зеренъ, большею частію желтоватаго цвѣта. Кислоты сѣрная (купоросное масло), селитряная (острая водка) и соляная ни сколько не дѣйствуютъ на него; цвѣтъ его зависитъ отъ окисла желѣза.

Обыкновенная глина есть тѣсное соединеніе глинозема съ кремнеземомъ. Въ чистомъ состояніи не вскипаетъ съ кислотами; но если кусокъ глины опустимъ въ крѣпкую сѣрную кислоту, то глиноземъ растворится, а кремнистая земля осядетъ на дно сосуда въ видѣ бѣлыхъ клочьевъ. Цвѣтъ глины зависитъ также отъ большаго или меньшаго количества находящагося въ ней желѣзнаго окисла.

Известь или, собственно говоря, известнякъ состоитъ изъ чистой извести, соединенной съ особеннымъ газомъ, извѣстнымъ въ Химіи подъ именемъ углекислаго. Известнякъ съ кислотами вскипаетъ, т. е., будучи облитъ кислотою, покрывается въ томъ мѣстѣ, гдѣ дѣйствуетъ прилитая жидкость, небольшими пузырьками, похожими на пузырьки, образующіеся на поверхности кипящей воды. Если известнякъ опустимъ въ селитряную, или соляную кислоту, то получимъ прозрачный растворъ; въ сѣрной кислотѣ онъ даетъ нерастворимый въ водѣ осадокъ, состоящій изъ соединенія извести съ сѣрною кислотою (гипсъ, сѣрнокислая известь).

Пользуясь этими простыми свѣдѣніями, можно всегда опредѣлить относительное количество каждой изъ составныхъ частей почвы извѣстнаго участка земли. Для сего поступимъ слѣдующимъ образомъ.

Возьмемъ извѣстное количество земли, которой составныя части хотимъ изслѣдовать, и высушивъ на солнцѣ, или въ

теплой печи, отвѣсимъ изъ него 100 лотовъ или золотниковъ, по произволу; отвѣшенное количество высушенной земли положимъ въ чистый желѣзный уполовникъ и, мѣшая по временамъ лопаткою, станемъ нагрѣвать докрасна, до тѣхъ поръ, пока все, что отъ дѣйствія огня чернѣетъ и обращается въ уголь, совершенно сгоритъ. При накаливаніи остатки растительныхъ и животныхъ веществъ, находящіеся въ почвѣ, разлагаются, сгораютъ и обращаются въ воздухообразныя тѣла, улетающія въ атмосферу; но вмѣстѣ съ тѣмъ и известнякъ теряетъ угольную кислоту, и переходитъ въ негашеную известь (кипѣлку). Прокаленную массу, уже невскипающую съ кислотами, должно выставить на воздухъ, избирая преимущественно такія мѣста, гдѣ гніютъ растительныя вещества или бродятъ пиво, квасъ, и проч., и по временамъ переворачивать. Спустя нѣсколько дней, известь, поглощая угольную кислоту изъ воздуха, опять составитъ известнякъ, и оставшаяся земля снова будетъ вскипать съ кислотами.

Предположимъ, что, взвѣсивъ остатокъ, уже прокаленный и пролежавшій на воздухѣ, вмѣсто 100 взятыхъ нами лотовъ найдемъ только 93: и такъ во 100 частяхъ (по вѣсу) взятой земли находилось 7 частей остатковъ животныхъ и растительныхъ веществъ, которыя, перегнивая, составляютъ черноземъ.

Для опредѣленія количества известняка, обольемъ въ стекляномъ сосудѣ оставшуюся землистую массу разведенною продажною *соляною кислотою*, и оставимъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока, по прилитіи новаго количества той же кислоты, не замѣтимъ ни малѣйшаго вскипанія. Соляная кислота, вступая въ соединеніе съ известью, заставляетъ угольную кислоту отдѣляться въ видѣ газа, и даетъ растворимое въ водѣ вещество. Глина и кремнистая земля осядутъ на дно сосуда въ видѣ болѣе или менѣе крупнозернистаго порошка. Когда растворъ совершенно освѣтлится, сольемъ его въ стаканъ, а осадокъ, промывъ нѣсколько

разъ чистою водою надъ цѣдилкою изъ пропускной бумаги, сложенной вдвое или втрое, высушимъ на солнцѣ или въ печи, и взвѣсимъ. Положимъ, что собранное на цѣдилкѣ вѣситъ только 59 золотниковъ, и такъ въ 93 лотахъ, оставшихся отъ прежняго пріема, находилось 34 части по вѣсу известняка.

Дабы опредѣлить относительное количество глины и кварцоваго песку, взболтаемъ собранный на цѣдилкѣ осадокъ съ чистою водою и оставимъ въ покоѣ. Песокъ, какъ тяжелѣйшее тѣло, первый осядетъ на дно сосуда. Коль скоро замѣтимъ, что поверхъ слоя песку начинаетъ садиться другой слой, совершенно отличный отъ перваго какъ бы мучнистымъ сложеніемъ и болѣе или менѣе бѣлымъ цвѣтомъ, сольемъ еще неосвѣтлившуюся жидкость въ другой сосудъ, и наливъ воды на осѣвшій песокъ, снова взболтаемъ, дадимъ постоять, и сцѣдимъ, когда на днѣ сосуда въ другой разъ покажется зернистый осадокъ. Повторивъ этотъ пріемъ раза два или три, мы отдѣлимъ песокъ отъ глины, содержавшейся въ землѣ, подвергнутой изслѣдованію. Положимъ, что высушенный, осѣвшій песокъ вѣситъ 32 лота; слѣдовательно глины было 27 частей по вѣсу.

И такъ взятая нами земля содержала въ себѣ:

Остатокъ растительныхъ и животныхъ веществъ (чернозема)	7 ч.
Известняка (извести въ соединеніи съ угольною кислотою)	34 ч.
Глины	27 ч.
Кварцоваго песку	32 ч.
	100 частей по вѣсу.

Подобными пріемами опредѣляя составныя части другой почвы, мы получили бы и другіе выводы; вообще относительныя количества землистыхъ веществъ, входящихъ въ составъ воздѣлываемыхъ почвъ, очень различны и измѣняются по мѣстности; можетъ быть, нѣтъ и двухъ смежныхъ

полей, которыя не отличались бы одно отъ другаго составомъ верхняго слоя земли.

Тѣмъ не менѣе химическими разложеніями доказано, что всѣ плодороднѣйшія почвы вообще состоятъ изъ кремнистой земли, известняка и глины, перемѣшанныхъ съ маленькими голышами, хрящемъ и остатками растительныхъ и животныхъ веществъ, болѣе или менѣе измѣнившихся въ своемъ составѣ отъ совокупнаго дѣйствія влажности, воздуха и теплоты.

Бергманъ показалъ, что самыя плодородныя почвы въ Швеціи содержатъ въ себѣ:

Голышевыхъ, или кремнистыхъ круглячковъ	30 ч.
Кремнистой земли	26
Глинистой	14
Известняка	30
	100 част. по вѣсу.

Покойный Шапталь, разлагая очень плодородную почву, образовавшуюся изъ наносовъ рѣки Луары, во Франціи, нашелъ въ ней

Кварцоваго песку	32
Известковаго	11
Кремнистой земли	10
Углекислой извести	19
Глины	21
Остатковъ растительныхъ веществъ .	7
	100

По разложенію того же Ученаго, почва одного поля въ Турени, давшаго превосходный сборъ конопли, содержала въ себѣ:

Крупнозернистаго песку	49
Углекислой извести	25
Кремнистой земли	16
Глины	10
	100

Гумфри Деви, оказавшій столько важныхъ услугъ земледѣльческой Химіи, нашелъ въ почвѣ близъ города Дрейтона, въ Англіи:

Кремнистой земли	32
Углекислой извести	28
Глины	29
	89

Относительно почвъ, содержащихъ въ себѣ поваренную соль, замѣчено, что онѣ вовсе не годятся подъ зерновой хлѣбъ, коль скоро соли находится больше 4 частей на 100 по вѣсу.

Практическія наблюденія и опыты ученыхъ агрономовъ показали, что почва тѣмъ менѣе плодородна, чѣмъ болѣе преобладаетъ въ ней которая нибудь изъ трехъ землистыхъ составныхъ частей, и что почва, состоящая только изъ глины, или песку, или разрыхленнаго известняка, вовсе безплодна. Очевидно, что такія почвы всегда можно удобрить и сдѣлать плодоносными, прибавляя достаточное количество обѣихъ недостающихъ земель. Такимъ образомъ мнѣніе Г. Дютроше объ удобряющемъ свойствѣ кварцоваго песку на вязкихъ, глинистыхъ почвахъ ни сколько не должно казаться страннымъ. Многіе сельскіе хозяева въ Лифляндіи опытами убѣдились въ благодѣтельномъ дѣйствіи пережженной глины на песчаныхъ и сыпучихъ почвахъ. Шотландскіе, Англійскіе и Голландскіе земледѣльцы давно уже съ величайшимъ успѣхомъ удобряютъ вязкія и холодныя почвы известію, довольно долго лежавшею на открытомъ воздухѣ.

Выводы, полученные изъ химическаго разложенія почвъ, наиболѣе отличающихся плодородіемъ, опыты агрономовъ и практическія наблюденія, кажется, достаточно убѣждаютъ, что хорошая пахатная земля должна непремѣнно состоять изъ смѣси кварцоваго песку, глины и разрыхленнаго известняка. Разумѣется, что относительное количество каждой изъ составныхъ частей можетъ и необходимо должно измѣняться соотвѣтственно климату страны, мѣстности и воздѣ-

лываемымъ растеніямъ. Такъ въ странахъ, имѣющихъ влажный климатъ, плодоносная почва должна содержать песку и глины больше, чѣмъ другая подобная ей въ странахъ сухихъ; на отлогихъ поляхъ, съ которыхъ вода легко стекаетъ, глина, удерживая влагу, можетъ не вредить плодородію почвы, между тѣмъ, какъ въ удолахъ та же глина, препятствуя водѣ просачиваться внутрь земли въ сырую погоду, а въ сухую трескаясь и какъ бы задушая растенія, дѣлаетъ поле безплоднымъ. Наблюденія показали, что овесъ, ячмень и рожь растутъ лучше на песчаныхъ, чѣмъ на глинистыхъ почвахъ.

Частая вспашка, наземы, дожди и морозы, содѣйствуя разрыхленію почвы, могутъ наконецъ обратить песокъ, глину и известнякъ въ тончайшій порошокъ, и тѣмъ самымъ сдѣлать прежде хорошее поле почти вовсе безплоднымъ. Опыты Г. Деви показали, что почва, содержащая на 20 частей по вѣсу 19 ч. землистыхъ веществъ въ тончайшемъ порошкѣ, не можетъ приносить даже скуднаго сбора. Такая почва очень мягка, и при первомъ довольно сильномъ дождѣ обращается въ грязь, которая, при наступленіи хорошей погоды ссыхаясь и затвердѣвая, препятствуетъ воздуху проникать внутрь земли, отъ чего корни растеній необходимо страждутъ и наконецъ погибаютъ.

Въ Природѣ часто встрѣчаются почвы, состоящія только изъ двухъ земель. Смѣсь глины съ кремнистою землею составляетъ глинистыя почвы, которыя вообще мало плодородны, если глина составляетъ половину или болѣе по вѣсу. Известковыя, или легкія почвы, происшедшія чрезъ разрушеніе известняковыхъ породъ, большею частію состоятъ изъ известковаго песку. Онѣ вообще рыхлы, легки и плодоносны, особенно въ странахъ, имѣющихъ влажный климатъ, и притомъ когда верхній, воздѣлываемый слой имѣетъ значительную толщину и слегка покатъ. На такихъ почвахъ очень хорошо растутъ виноградъ, рожь и преимущественно многія кормовыя травы. Смѣсь изъ глины и извести составляетъ мергелевыя, или рухляковыя почвы,

которыя съ величайшею пользою употребляются для удобренія другихъ земель, хотя сами бываютъ почти безплодны, когда въ составъ ихъ глина входитъ больше, чѣмъ на половину. Относительное количество обѣихъ составныхъ частей рухляковыхъ почвъ очень непостоянно. Мергель называется жирнымъ, когда содержитъ глины больше, нежели извести, и тощимъ, или известковымъ, когда известь находится въ избыткѣ. Послѣдній содержитъ иногда кварцовый песокъ и раковинки, болѣе или менѣе уже измѣнившіяся. Отъ совокупнаго дѣйствія воздуха, воды и особенно стужи, мергель, содержащій въ надлежащемъ количествѣ глину и известь, скоро распадается въ порошокъ, превосходно и на долго удобряющій песчаныя и известковыя почвы.

Основываясь на химическомъ составѣ, можно раздѣлить почвы на 8 слѣдующихъ главныхъ классовъ:

1. Глинистыя.
2. Иловатыя.
3. Песчано-иловатыя.
4. Иловато-песчаныя.
5. Песчаныя.
6. Мергелевыя, или рухляковыя.
7. Известковыя.
8. Черноземныя.

Въ практическомъ отношеніи должно обращать еще вниманіе на влажность и теплопроводимость [1] почвы; такимъ образомъ въ каждомъ классѣ можно составить два подотдѣленія:

a) Почва теплая и невлажная.
b) Почва холодная и влажная.

Влажность почвы зависитъ не только отъ водокрѣпкости [2] землистыхъ веществъ, входящихъ въ составъ ея, но еще отъ степени склоненія къ той или другой странѣ

1 Подъ именемъ теплопроводимости здѣсь разумѣется свойство почвъ, удобнѣе или труднѣе поглощать теплоту, удерживать ее и издавать.

2 Свойство нѣкоторыхъ тѣлъ удерживать воду и не пропускать ея въ низшіе слои.

свѣта, отъ состава и сложенія подпочвы—слоя, остающагося неприкосновеннымъ при паханіи, отъ климата страны, отъ времени года, наконецъ отъ продолжительности дней и ночей. Дѣйствіе влажности такъ измѣняется теплотою, что два поля, имѣющія одинаковую, значительно влажную почву, но лежащія, одно въ странѣ теплой, а другое въ холодной, приносятъ не равно обильныя жатвы: первое лучшую, а послѣднее иногда даже скудную.

Теплопроводимость почвы имѣетъ вліяніе на плодородіе извѣстнаго участка земли, потому, что теплота вообще ускоряетъ химическое разложеніе органическихъ и влажныхъ началъ, составляющихъ пищу растеній, и сверхъ того дѣйствуетъ, какъ возбуждающее средство на посѣянныя сѣмена и на корни. Легко уразумѣть, что почвы, влажная и сухая обнаженная и покрытая растеніями, не одинаково удерживаютъ и издаютъ теплоту. Благодѣтельное вліяніе теплопроводимости воздѣлываемаго слоя на посѣвы можно замѣтить особенно въ томъ случаѣ, когда теплые дни смѣняются очень холодными ночами. Поелику черныя тѣла поглощаютъ теплоты больше, нежели свѣтлыя, то бурыя, и вообще темноцвѣтныя почвы естественно должны быть теплѣе свѣтлоцвѣтныхъ.

Теплота и холодность, влажность и сухость почвы, очень сильно измѣняютъ плодородіе поля, какъ то можно увидѣть изъ слѣдующаго.

1. Глинистая почва, теплая и не слишкомъ влажная, пригодна для самыхъ лучшихъ полевыхъ посѣвовъ, и даетъ вѣрную жатву; напротивъ, холодная и влажная даетъ такъ называемый вязкій суглинокъ, на которомъ можно засѣвать, и то съ невѣрною надеждою на хорошій сборъ, только овесъ, кормовой горошекъ и нѣкоторые другіе неважные посѣвы. Вообще холодная и влажная глинистая почва очень рѣдко даетъ обильныя жатвы, и при обработываніи представляетъ земледѣльцу множество препятствій.

2. Иловатая почва, теплая и не слишкомъ влажная, даетъ превосходные посѣвы; холодная и влажная, вообще посредственные; но влажность и холодность ея уже не столько вредны для воздѣлываемыхъ растеній, ибо при хорошемъ удобреніи и обработываніи можно съ выгодою засѣвать на иловатой почвѣ, кромѣ овса, гороха, кормоваго горошка, даже озимую пшеницу.

3. На теплой и не слишкомъ влажной песчано-иловатой почвѣ хорошо растутъ рожь и ячмень; сверхъ того она приноситъ хорошіе сборы даже пшеницы, гороха, овса, картофеля и многихъ кормовыхъ травъ; холодная и влажная даетъ очень скудные сборы пшеницы, ржи и ячменя.

4. Теплая и сухая иловато-песчаная почва составляетъ очень хорошія поля подъ рожь и картофель; влажная и холодная не менѣе плодоносна.

5. Холодная и влажная песчаная почва вообще даетъ лучшія жатвы, чѣмъ теплая и сухая.

6. Подъ именемъ мергельныхъ, или рухляковыхъ почвъ, должно разумѣть такія, которыя, по причинѣ значительнаго количества извести, въ нихъ находящейся, при паханіи легко разрыхляются, и послѣ дождя, при наступленіи сухой погоды, скоро высыхаютъ, хотя могутъ поглощать влажность изъ воздуха. Плодородіе этихъ почвъ зависитъ отъ относительнаго количества извести и глины, входящихъ въ составъ ихъ; песчано-мергельныя вообще приносятъ очень скудныя жатвы.

7. Известковыя почвы большею частію принадлежатъ къ числу трудно обработываемыхъ и мало плодородныхъ.

8. Черноземныя почвы, состоящія изъ перегнившихъ, или еще гніющихъ растительныхъ и животныхъ веществъ, достаточно влажныя и неглубоко поднятыя, вообще очень

плодоносны; напротивъ черноземъ, довольно сухой и какъ бы киснущій въ высшей степени, самъ по себѣ безплоденъ. Къ послѣднему отдѣленію должно отнести большую часть болотныхъ и турфяныхъ почвъ.

А. Максимовичъ.

Санктпетербургъ.

АНГЛІЙСКІЙ СПОСОБЪ РАСЧИСЛЕНІЯ МѢРЫ ДОСОКЪ.

Отпускъ лѣсу за границу составляетъ важную статью Россійской внѣшней торговли. По Видамъ, обнародованнымъ отъ Правительства, въ послѣднія девять лѣтъ отпущено изъ всего Государства лѣсныхъ товаровъ всякаго рода на сумму безмала 80 милліоновъ, что составитъ среднимъ числомъ въ годъ болѣе 8 милліоновъ рублей.

Въ концѣ сей статьи прилагается подробная Вѣдомость сихъ отпусковъ.

Большая часть лѣсу, особливо пиленыхъ досокъ, отпускается въ Англію. Какъ весьма немногимъ извѣстно расчисленіе мѣры, по которому назначается цѣна доскамъ при закупкѣ ихъ здѣсь по Англійскимъ приказамъ и продажѣ въ Англіи, то мы постараемся сообщить обстоятельное о томъ свѣдѣніе, для пользы и торговцевъ лѣсомъ, и лѣсопильныхъ заводовъ, и самыхъ помѣщиковъ, отпускающихъ свой лѣсъ для распиловки.

Англійское расчисленіе досокъ мѣрными дюжинами.

Для употребленія въ Англіи, приготовляются въ Россіи, изъ сосноваго дерева, доски, называемыя *чистыми*, т. е.,

безъ оболони [1], которая отпиливается прочь. Длина ихъ, по длинѣ бревна, бываетъ разная, отъ 12 до 20 футовъ; толщина отъ $1^1/_4$ до 4 дюймовъ, и *непремѣнная* ширина въ 11 дюймовъ, Англійской мѣры.

По такой разности въ мѣрѣ, Англичане придумали умственную, *постоянную* мѣру, которая служитъ какъ-бы мѣриломъ или аршиномъ для измѣренія досокъ, и приведенія ихъ въ *мѣрныя* доски.

Мѣрная доска полагается длиною въ 12 футовъ, толщиною въ $1^1/_2$ дюйма, и шириною въ 11 дюймовъ.

Такая-то *мѣрная* доска служитъ мѣриломъ для измѣренія всякихъ досокъ, какой бы онѣ ни были длины и толщины, съ тѣмъ однако же, что *ширина* должна быть всегда *неизмѣнна*, т. е., въ 11 дюймовъ.

12 *мѣрныхъ* досокъ составляютъ *мѣрную дюжину*, standart-dozen; 10 такихъ дюжинъ, или 120 мѣрныхъ досокъ, называются *мѣрною сотнею*, standart-hundert.

За сію-то *мѣрную дюжину*, и *мѣрную сотню*, назначается цѣна, при закупкахъ въ Россіи по Англійскимъ приказамъ и при продажѣ досокъ въ Англіи; также платится и фрахтъ (плата за провозъ на кораблѣ), который въ договорахъ съ кораблехозяевами назначается за *мѣрную сотню*.

А какъ длина и толщина досокъ бываетъ разная, ширина же *всегда* въ 11 дюймовъ, то, по симъ разностямъ въ длинѣ и толщинѣ, для скораго и удобнаго исчисленія въ *мѣрныя дюжины*, употребляется слѣдующій расчетъ.

1 *Оболонь* называется сокращенно *болонь*, и происходитъ вѣроятно отъ слова *оболочка*.

Число досокъ.	Длина. Фут.	Толщина. Дюй.	
100	20	3	Даютъ . . . . . 2000 футовъ. Къ тому прибавить еще 2000 » И того . 4000 футовъ. Изъ сего количества, полагая въ доску 12 футовъ длины, $1\frac{1}{2}$ дюйма толщины, и 11 дюймовъ ширины, составится *мѣрныхъ досокъ* . . . . 333 и 4 фута. А изъ нихъ *мѣрныхъ дюжинъ* 27 9 д., 4 ф.
100	20	$2\frac{1}{2}$	Даютъ . . . . 2000 футовъ. Прибавить $\frac{2}{3}$ . . $1333\frac{1}{3}$ » И того $3333\frac{1}{3}$ » Составятъ *мѣрныхъ досокъ* 277 и $9\frac{1}{3}$ фут. » *дюжинъ* 23. 1 д., $9\frac{1}{3}$ »
100	20	$2\frac{1}{4}$	Даютъ . . . . 2000 футовъ. Прибавить $\frac{1}{2}$ . . 1000 » И того 3000 » Составятъ *мѣрныхъ досокъ* 250 » *дюжинъ* 20 и 10 досокъ.
100	20	2	Даютъ . . . . 2000 футовъ. Прибавить $\frac{1}{3}$ . . $666\frac{1}{3}$ » И того $2666\frac{1}{3}$ » Составятъ *мѣрныхъ досокъ* 222 и $2\frac{1}{3}$ фут. » *дюжинъ* 18. 6 д. $2\frac{1}{3}$ »
100	20	$1\frac{1}{2}$	Даютъ . . . . 2000 фут. Составятъ *мѣрныхъ досокъ* 166 и 8 фут. » *дюжинъ* 13. 10 д. 8 »

Число досокъ.	Длина. Фут.	Толщина. Дюй.	
100	16	4	Даютъ . . . . 1600 футовъ. Прибавить . . . 1600 » и еще изъ 1600, $^2/_3$ $1066^2/_3$ » И того $4266^2/_3$ » Составятъ *мѣрныхъ досокъ* 355 и $6^2/_3$ фут. » *дюжинъ* 29.7 д. $6^2/_3$ »
100	18	$2^3/_4$	Даютъ . . . . 1800 футовъ. Прибавить $^5/_6$ . . 1500 » И того 3300 » Составятъ *мѣрныхъ досокъ* 275 » *дюжинъ* 22 и 11 досокъ.
100	18	$1^1/_4$	Даютъ . . . . 1800 футовъ. Убавить $^1/_6$ . . . 300 » Останется 1500 » Составятъ *мѣрныхъ досокъ* 125 » *дюжинъ* 10 и 5 досокъ.

Такую таблицу долженъ имѣть при себѣ всякой, торгующій досками въ заграничный отпускъ. По ней онъ тотчасъ узнаетъ, сколько *мѣрныхъ* досокъ и *мѣрныхъ* дюжинъ содержится въ каждой сотнѣ досокъ, различныхъ размѣровъ по длинѣ и толщинѣ.

Кромѣ чистыхъ досокъ, отпускаются изъ Россіи въ Англію, только въ небольшомъ количествѣ, изъ сосноваго же лѣсу, пиленыя доски, называемыя *батансы* и *диленсы*.

Батансами называются доски изъ отпиленыхъ боковъ бревна.

Длина и толщина *батансовъ* бываетъ разная, какъ и чистыхъ досокъ, а ширина въ 7 дюймовъ.

Диленсами называются концы или отрѣзки отъ чистыхъ досокъ, употребляемые для лучшей укладки въ корабляхъ длинныхъ досокъ, чтобы не оставалось порожнихъ мѣстъ. Они бываютъ длиною отъ 4 до 10 футовъ, а шириною и толщиной противъ чистыхъ, отъ которыхъ были отрѣзаны.

Цѣна *батансамъ* и *диленсамъ* бываетъ дешевле чистыхъ досокъ одною третьею долею, т. е., ежели цѣна за чистыя доски 12 рублей, то за *батансы* и *диленсы* 8 рублей за дюжину.

О РАСПИЛОВКѢ БРЕВЕНЪ.

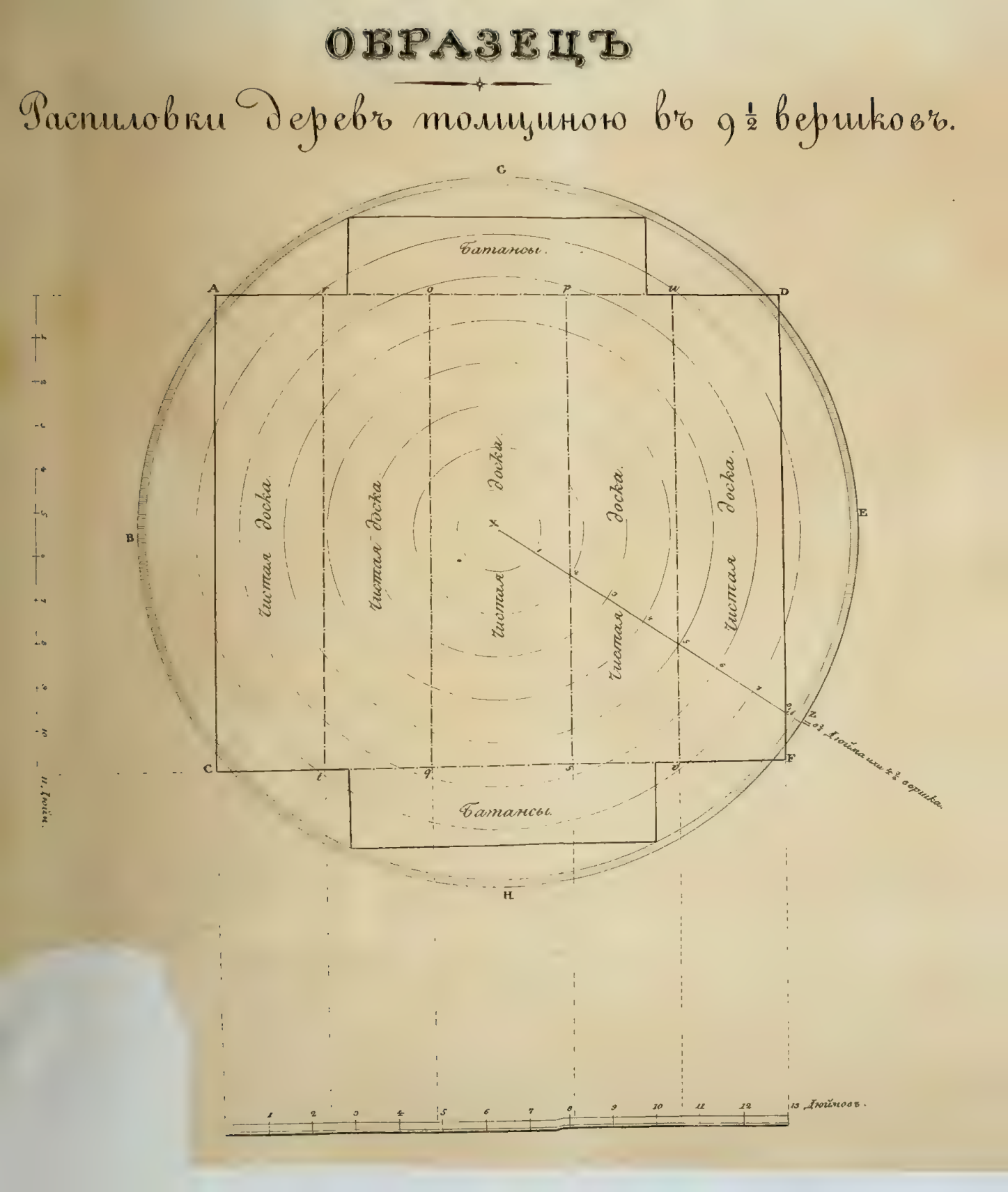
Распиловка лѣсу требуетъ расчетливости, чтобъ получить изъ бревна наиболѣе выгоды. Часто помѣщики, не зная сего, присылаютъ къ порту, для распиловки и отпуска досокъ за границу, такой лѣсъ, который не даетъ никакой прибыли, или самую малую.

Лѣсъ съ большою оболонью, называемый *мендовый*, также тонкій въ отрубѣ, мало даетъ чистыхъ досокъ, и потому невыгоденъ. Доски съ оболонью называются *нечистыя:* онѣ къ отпуску за море не годятся.

Для отпуска за границу идетъ лучшій лѣсъ, называемый *краснымъ*, имѣющій самую тонкую оболонь, и чѣмъ онъ толще въ отрубѣ, тѣмъ болѣе даетъ чистыхъ досокъ и болѣе выгоды. Лучшій красный лѣсъ бываетъ толщиною въ $9^1/_2$ вершковъ и болѣе, и съ самою малою оболонью.

ОБРАЗЕЦЪ

Распиловки деревъ толщиною въ 9 ½ вершковъ.



Большая оболонь показываетъ, что лѣсъ еще не пришелъ въ полный свой возрастъ, или росъ на влажномъ грунтѣ. Она гораздо слабѣе сердцевины, не проникнута смолистымъ веществомъ, и потому скорѣе подвергается гнилости. Ее отпиливаютъ прочь *.

При распиловкѣ бревна, прежде всего надобно отпилить съ двухъ противуположныхъ сторонъ оболонь, такъ, чтобы отпиленные бока остались шириною въ 11 дюймовъ, — неизмѣнная ширина доски. Потомъ также отпилить другія двѣ противуположныя стороны подъ прямымъ угломъ. Такимъ образомъ изъ круглаго бревна сдѣлается толстый четвероторонній брусъ, двѣ противуположныя стороны коего будутъ имѣть въ ширину 11 дюймовъ.

Сей брусъ распиливается уже въ доски, параллельно съ тѣми боками, которые имѣютъ въ ширину 11 дюймовъ, отъ чего всѣ распиленныя доски будутъ имѣть сію же ширину.

Толщина досокъ зависитъ отъ произвола; но и тутъ нужна расчетливость, чтобъ получить изъ бревна наиболѣе выгоды.

Мы представимъ здѣсь самый выгоднѣйшій способъ распиловки, взявъ въ примѣръ бревно толщиною въ $9^1/_2$ вершковъ.

Для объясненія прилагается при семъ рисунокъ, изображающій отрубъ такого бревна съ вершины.

Оттѣненный ободъ показываетъ оболонь, которая предполагается здѣсь самая тонкая, въ $^1/_8$ долю дюйма.

Проведенная изъ центра къ окружности линія x, z, есть полупоперечникъ круга отруба, величиною въ $8^3/_8$ дюйма, или въ $4^3/_4$ вершка; слѣдовательно поперечникъ, т. е.,

* Здѣсь не безполезно замѣтить, что деревянная мостовая въ С.-Петербургѣ, сдѣланная изъ сосновыхъ торцевъ, была бы гораздо прочнѣе, если бы для сего употреблялся красный лѣсъ, безъ оболони, которую нужно бы отпиливать прочь.

толщина бревна въ отрубѣ будетъ $16^3/_4$ дюйма, или $9^1/_2$ вершковъ.

A, *B*, *C* и *D*, *E*, *F*, суть два противуположные сегмента круга, которые отпиливаются такъ, что по отпиловкѣ, бока *A*, *C* и *D*, *F* должны имѣть въ ширину 11 дюймовъ, какъ то показано въ боковомъ масштабѣ.

C, *G*, *D* и *C*, *H*, *F*, суть два другіе противуположные сегмента, которые также отпиливаются подъ прямыми углами.

По отпиловкѣ бревна со всѣхъ четырехъ сторонъ, останется толстый четвероторонній брусъ *A*, *D*, *F*, *C*, коего два бока *A*, *C* и *D*, *F*, будутъ шириною (какъ выше сказано) въ 11 дюймовъ, а другіе два бока *A*, *D* и *C*, *F* въ 13 дюймовъ, какъ то показываетъ нижній масштабъ.

Сей брусъ распиливается въ доски, параллельно съ боками *A*, *C* и *D*, *F*. А какъ сіи бока имѣютъ въ ширину 11 дюймовъ, то и всѣ доски будутъ имѣть ту же ширину, каковая и требуется для заморскаго отпуска.

Что касается до толщины досокъ, то, хотя оная зависитъ отъ произвола, но самая выгодная распиловка есть слѣдующая:

Средняя доска, *o*, *p*, *q*, *s*, оставляется толщиною въ 3 дюйма; а прочія четыре, *A*, *r*, *C*, *t*; — *r*, *s*, *t*, *q*; — *p*, *u*, *s*, *v*; — *u*, *D*, *v*, *F*, — отпиливаются толщиною въ $2^1/_2$ дюйма каждая, какъ то можно усмотрѣть по нижнему масштабу.

Такимъ образомъ, изъ бревна въ $9^1/_2$ вершковъ толщиною, получится пять досокъ, изъ коихъ одна въ 3 дюйма, и четыре въ $2^1/_2$ дюйма каждая толщиною; ширина же всѣхъ сихъ досокъ будетъ равная, въ 11 дюймовъ.

Отпиленные бока также не пропадаютъ: изъ нихъ дѣлаются *батансы*, которые также отпускаются въ продажу, хотя и дешевле цѣною.

Слѣдующій расчетъ покажетъ, сколько досокъ получится такою распиловкою изъ ста бревенъ.

100 бревенъ сосноваго краснаго лѣсу, длиною 3 саженъ, толщиною въ $9^1/_2$ вершковъ въ отрубѣ съ вершины, могутъ дать годныхъ для продажи въ Англіи досокъ:

Чистыхъ въ 11 дюймовъ ширины:

100 досокъ, длиною въ 20 футовъ, толщиною въ 5 дюйма, изъ коихъ окажется мѣрныхъ дюжинъ . . . . . 27. 9 д. 4 фут.

400 досокъ той же длины, толщиною въ $2^1/_2$ дюйма, изъ коихъ окажется мѣрныхъ дюжинъ . . . . . 92. 7 $1^1/_3$

И того . . 120. 4 $5^1/_3$

Батансовъ:

200 досокъ, длиною въ 20 футовъ, шириною въ 7 дюймовъ, и толщиною въ 2 дюйма, изъ коихъ окажется мѣрныхъ дюжинъ . , ... 24. 8 $3^2/_3$

Всего . 145 дюж. 9 фут.

100 бревенъ такихъ же, но толщиною въ отрубѣ съ вершины 7 вершковъ, дадутъ досокъ:

Чистыхъ, въ 11 дюймовъ ширины:

200 досокъ, длиною въ 20 фут., толщиною въ $2^1/_2$ дюйма, изъ коихъ окажется мѣрныхъ дюжинъ . . . . . 46. 3 д. $6^1/_3$ фут.

Батансовъ:

200 досокъ, вышеозначенной мѣры . . 24. 8 $3^1/_3$

Всего . . 70. 11 $9^2/_3$

Примѣч. 1. Лѣсъ не красный, называемый *мендовый* такого количества досокъ чистыхъ дать не можетъ, по причинѣ толстой оболони.

Примѣч. 2. Россійская мѣра вершка, противъ Англійскаго дюйма, состоитъ въ слѣдующей соразмѣрности:

$9^1/_2$ вершковъ	=	около $17^1/_2$ дюймовъ.
7	=	$12^1/_2$
6	=	$10^3/_4$

Вѣдомость,

показывающая цѣнность отпусковъ лѣса изъ Россіи за границу, съ 1824 по 1832 годъ включительно, по Видамъ Государственной Внѣшней Торговли.

Въ 1824:	по Бѣлому морю	786,448 р. асс.
	Балтійскому морю	6,449,474.
	Сухопутной Европейской границѣ	2,004,985.
	Черному и Азовскому морямъ	32,692.
		9,273,599.
Въ 1825:	по Бѣлому морю	868,671.
	Балтійскому морю	7,413,922.
	Сухопутной Европейской границѣ	3,593,178.
	Черному и Азовскому морямъ	6,452.
	Каспійскому морю	125.
		11,882,348.
Въ 1826:	по Бѣлому морю	707,262.
	Балтійскому морю	4,647,565.
	Сухопутной Европейской границѣ	2,562,418.
	Черному и Азовскому морямъ.	1,726.
	Каспійскому морю	185.
		7,919,156.
Въ 1827:	по Бѣлому морю	889,207.
	Балтійскому морю	5,682,691.
	Сухопутной Европейской границѣ	2,029,211.
	Черному и Азовскому морямъ	53,428.
		8,654,537.
Въ 1828:	по Бѣлому морю	700,317.
	Балтійскому морю	5,039,503.
	Сухопутной Европейской границѣ	2,712,460.
	Черному и Азовскому морямъ.	420.
		8,452,700.

Въ 1829:	по Бѣлому морю	828,173.
	Балтійскому морю	5,691,792.
	Сухопутной Европейской границѣ	1,743.046.
	Черному и Азовскому морямъ	30.
		8,263,041.
Въ 1830:	по Бѣлому морю	1,091,683.
	Балтійскому морю	4,642,414.
	Сухопутной Европейской границѣ	2,493,831.
	Черному и Азовскому морямъ	37,125.
		8,265,053.
Въ 1831:	по Бѣлому морю	636,482.
	Балтійскому морю	5,110,967.
	Сухопутной Европейской границѣ	1,529,492.
	Черному и Азовскому морямъ .	96,048.
		7,372,989.
Въ 1832:	по Бѣлому морю	764,148.
	Балтійскому морю	4,323,106.
	Сухопутной Европейской границѣ	1,984,657.
	Черному и Азовскому морямъ .	21,301.
		7,096,654.

Всего отпущено въ теченіе девяти лѣтъ на 77,180,077.

Примѣчаніе 1. Отпускъ лѣса въ 1831 году былъ менѣе противъ прошлыхъ двухъ годовъ по случаю безпокойствъ въ Литвѣ, откуда бываетъ главнѣйшій отпускъ онаго.

Примѣчаніе 2. Отпускъ лѣсу изъ Россіи за границу въ послѣдніе годы значительно увеличился противъ первыхъ годовъ текущаго столѣтія, какъ то можно видѣть изъ слѣдующаго счета:

Въ 1802	году отпущено на	1,442,013 рублей.
1803	. . . . .	2,021,508.
1804	. . . . .	1,279,275.

Нужно однако же замѣтить, что въ сіи годы денежный курсъ на Лондонъ, въ С.-Петербургѣ, былъ отъ 31 до 34¼ пенсовъ за рубль, а напротивъ въ послѣдніе девять лѣтъ онъ понизился до 10½, и даже до 9½ пенсовъ за рубль.

ПРИБЫЛЬ САХАРНЫХЪ ЗАВОДЧИКОВЪ ОТЪ БУМАГИ, КОЕЮ ОБВЕРТЫВАЮТСЯ САХАРНЫЯ ГОЛОВЫ.

Сахаръ, головами, продается обыкновенно на вѣсъ вмѣстѣ съ бумагой, въ которую онъ завернутъ, и веревочкой, которою обвязанъ. На каждую голову употребляется 4 листа бумаги, изъ коихъ 2 листа, верхніе, синіе, а два нижніе бѣлые или сѣрые. Бумага для сего употребляется почти всегда толстая, тяжелая; веревочки также довольно толстыя.

Я пробовалъ взвѣсить сію обверточную бумагу и съ веревочками. Три головы сахару вѣсили ровно одинъ пудъ; 12 листовъ бумаги, коими онѣ были обвернуты, вмѣстѣ съ веревочками, вѣсили $2^1/_4$ фун. Я заплатилъ за пудъ сахару 36 р.; слѣдовательно, въ томъ числѣ за бумагу и веревочки 2 р., т. е. слишкомъ 5%.

Въ одной стопѣ бумаги считается 480 листовъ. Если купить 40 пудъ сахару въ головахъ, то, полагая въ трехъ головахъ 1 пудъ, выйдетъ 120 головъ, изъ коихъ каждая обвернута четырьмя листами бумаги и обвязана веревочками; слѣдовательно, на 40 пудъ, или на 120 головъ, употреблена цѣлая стопа бумаги. Сія бумага и съ веревочками, по моему испытанію, будетъ вѣсить 2 пуда и 10 фунтовъ. За 40 пудъ сахару, по 36 р. за пудъ, заплатится 1440 руб.; въ томъ числѣ за бумагу съ веревочками 80 р., которые составляютъ чистую потерю.

Потеря сія будетъ гораздо больше, если бумага толще и тяжеле, каковую предпочтительно употребляютъ нѣкоторые изъ сахарныхъ заводчиковъ.

Въ Парижѣ поручено было одному Химику испытать такую бумагу, употребляемую на обвертку сахара и другихъ товаровъ, продающихся вмѣстѣ съ бумагою. Вотъ что оказалось:

По заказу нѣкоторыхъ фабрикантовъ и купцовъ дѣлается нарочно самая тяжелая бумага, въ массу которой, для большей тяжести, примѣшивается мѣлъ, толченый известковый камень, и иногда желтая охра. Тяжесть сей бумаги бываетъ различна: иная вѣситъ болѣе одного фунта въ листѣ, или стопа 525 фунтовъ (15 пудъ нашего вѣсу), другая въ половину того. Сія послѣдняя мало покупается, по причинѣ ея легкости. (Annales de l'industrie, Tome VII, N° 2, 1832.)

Если наши сахарные заводчики, въ подражаніе Французскимъ, станутъ употреблять такую бумагу, то мы будемъ платить за 40 пудъ сахару, по вышеприведенному расчету, 533 р. 33 к. лишнихъ за одну бумагу, которая намъ ни къ чему не нужна *.

Мы часто слышимъ жалобы нашихъ сахарныхъ заводчиковъ на дешевизну сахара, которая не даетъ имъ ни какого барыша, и даже причиняетъ убытокъ. Но намъ кажется, что барышъ болѣе 5 процентовъ отъ одной бумаги съ веревками довольно великъ, при частыхъ оборотахъ ихъ товара.

Яценковъ.

ЗОЛОТЫЯ РУДЫ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ.

Лѣтъ за шесть передъ симъ открыты въ Сѣверной Америкѣ (въ Сѣверной Каролинѣ) первыя золотыя руды, близъ рѣки Потомака. Нынѣ извѣдано, что онѣ продолжаются и въ Виргиніи и Георгіи, даже до Алабамы и Тенессе. Во многихъ мѣстахъ пріиски уже разработываются съ великимъ успѣхомъ. Въ 1830 году выбито 460,000 доллеровъ золотой монеты изъ золота, добытаго изъ рудниковъ Каролины, Виргиніи и Георгіи. Но большая часть золота въ слиткахъ отправляется въ Европу.

* Не худо замѣтить, что во Франціи сахарныя головы обертываются только двумя листами бумаги, а не четырьмя, какъ у насъ.

КОЛИЧЕСТВО КОРОВЬЯГО МАСЛА, ПОТРЕБЛЯЕМАГО ВЪ ЛОНДОНѢ.

Сочтено, что каждый человѣкъ въ Лондонѣ круглымъ числомъ употребляетъ въ недѣлю полфунта коровьяго масла, или 26 фунтовъ въ годъ. Полагая народонаселеніе Лондона въ 1,450,000 душъ, ежегодное потребленіе масла будетъ 37,700,000 ф., слишкомъ милліонъ пудъ нашего вѣсу. Къ тому должно прибавить около 10 милліоновъ фунтовъ для флота, что составитъ всего около 48 милліоновъ фунтовъ, или 1,252,500 пудъ нашего вѣсу. Полагая по 10 пенсовъ за фунтъ (около 1 руб. ассиг.), составитъ 49 милліоновъ руб. ассиг. И такъ если положить, по расчету Г. Маршала, что одна корова въ Англіи даетъ въ годъ 168 фунтовъ масла (4 пуда 24 фунта нашего вѣса): то нужно болѣе 285,000 коровъ, чтобъ получить достаточное количество масла для продовольствія столицы. *London Magazine.*

ТОНЧАЙШІЯ НИТКИ ДЛЯ КРУЖЕВЪ.

Городъ Валансіеннь (въ сѣверной Франціи) издавна славился своими кружевами. Въ нынѣшнемъ году, на бывшей тамъ частной Выставкѣ мануфактурныхъ произведеній того департамента, Г. Леперсъ представилъ коллекцію самыхъ тонкихъ нитокъ для кружевъ, возбудившую удивленіе знатоковъ. Одинъ килограмъ такихъ тончайшихъ нитокъ стоитъ 6,400 франковъ (1 фунтъ Россійскій, 2560 р.), длина его 728,960 метровъ (безъ-мала 638 верстъ). Дороговизна такихъ нитокъ не удивитъ никого, кто знаетъ, что въ цѣломъ пучкѣ льна часто не найдешь ни одной жилки, годной для пряжи оныхъ. Тонина сихъ кружевныхъ нитокъ превосходитъ все, что можетъ себѣ представить воображеніе; но при такой тонинѣ, онѣ имѣютъ довольно крѣпости, такъ, что можно ихъ мотать и плесть въ кружева. Къ сожалѣнію, сія отрасль промышлености, занимавшая прежде

множество рукъ въ Валансіеннѣ, день ото дня упадаетъ, особливо съ того времени, какъ начали выдѣлывать тюль и бобинетъ машинами. *Journal des Débats.*

ГЛУБОКАЯ СТАРОСТЬ ДЕРЕВЪ.

Декандоль говоритъ, что деревья въ настоящемъ смыслѣ слова не умираютъ отъ старости. Онъ, можетъ-статься, симъ полагаетъ, что они могли бы расти вѣчно, если бъ всегда имѣли нужную для себя пищу, и не были разрушаемы бурями или другими случаями. Баобабское дерево, по искусному исчисленію Адансона, можетъ имѣть отъ рожденія 5000 лѣтъ; но оно растетъ въ другомъ климатѣ, нежели нашъ, и не подвержено гибельнымъ перемѣнамъ холода и жара. Въ Англіи находятся дубы, вязы и тисовыя деревья, которыя и донынѣ еще царствуютъ въ ея рощахъ во всемъ прежнемъ великолѣпіи, хотя вѣроятно запомнятъ еще времена Давида и Соломона. Декандоль полагаетъ, что тисовыя деревья Фаунтень-Аббея близъ Рипона имѣютъ 1200 лѣтъ, а тѣ, которыя растутъ на кладбищѣ прихода Гробуръ въ Графствѣ Суррейскомъ, 1450 лѣтъ; и что тисовое дерево Фортингальское въ Пертѣ живетъ уже 2500 лѣтъ, а дерево на мызѣ Брабурнъ въ Кентскомъ Графствѣ 3000 лѣтъ. Это кажется невѣроятнымъ, но оно основано на весьма точныхъ наблюденіяхъ. *Blackwood's Magazine.*

ЗИМНІЕ САДЫ.

Письмо изъ Берлина.

Бьюсь объ закладъ, что вы не отгадаете, откуда я пишу къ вамъ это письмо.

Представьте себѣ большую залу, въ 15 саженъ длины и около 5 саженъ ширины, украшенную гирляндами, душистыми цвѣтами въ горшкахъ и живыми деревьями въ кадкахъ и въ грунтѣ, съ двумя фонтанами чистой воды, освѣщенную красивыми лампами и разноцвѣтными шкаликами. Музыка гремитъ: многолюдное общество мужчинъ и дамъ, въ прекраснѣйшихъ лѣтнихъ нарядахъ, — не забудьте, что на дворѣ 20 градусовъ морозу! — иные садятся, другіе расхаживаютъ, и болѣе 30 паръ вертятся въ танцахъ. Въ сторонѣ буфетъ съ разными лакомствами и прохладительными напитками.

Вы навѣрное скажете, что это воксалъ или какой нибудь загородный увеселительный домикъ. Не отгадали!..... Это просто оранжерея, устроенная для зимнихъ баловъ.

Не правда ли, что пріятно, зимою, когда на улицѣ снѣгъ трещитъ подъ ногами, и теплая шуба едва согрѣваетъ, провести вечеръ въ прекрасномъ саду, въ умѣренной температурѣ, среди прелестныхъ цвѣтовъ и зеленѣющихся деревъ, гдѣ все припоминаетъ вамъ лѣтнюю прогулку, все приводитъ въ забвеніе суровость нашего климата? Мужчины въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ, дамы въ легкомъ, эѳирномъ платьѣ, въ волосахъ, съ полуобнаженною грудью..... Прійдетъ ли тутъ на мысль зима въ 20 градусовъ?

Но вы захотите знать устройство этого зимняго сада? Ничего не можетъ быть проще. Въ одной сторонѣ этой огромной залы двѣ обыкновенныя изразцовыя печи; въ каждой изъ нихъ пустой цилиндръ изъ листовой мѣди. Нѣсколько поодаль отъ печей три большіе резервуара съ водою: они жестяные и съ крышками. Отъ резервуаровъ проведены трубы къ цилиндрамъ въ печахъ: нижнія трубы почти наровнѣ съ поломъ, а верхнія фута на два повыше нижнихъ. Вотъ все устройство!

Теперь, какъ производится отопленіе? Резервуары наполняются водою, отъ чего всѣ трубы и цилиндры въ печахъ также наполняются ею. Потомъ разводятъ огонь въ печахъ.

Пламя, обходя вокругъ цилиндровъ, скоро разгорячаетъ ихъ и согрѣваетъ находящуюся въ нихъ воду. А какъ теплая вода легче холодной, то первая поднимается къ верху, а послѣдняя опускается внизъ. Теплая вода идетъ чрезъ верхнія проводныя трубы въ резервуары; напротивъ того, холодная изъ резервуаровъ течетъ чрезъ нижнія трубы въ цилиндры, и въ нихъ опять нагрѣвается. Такимъ образомъ производится безпрестанное притеченіе холодной воды изъ резервуаровъ въ цилиндры, и теплой изъ цилиндровъ въ резервуары. Это кругообращеніе воды продолжается до тѣхъ поръ, пока вся вода въ резервуарахъ достигнетъ до степени кипѣнія, до чего однако не допускаютъ, чтобъ не произвесть пара. Нагрѣтыя отъ горячей воды трубы распространяютъ во всей залѣ умѣренную теплоту, отъ 14 до 15 градусовъ по Реомюру, даже въ самые жестокіе морозы. Замѣчательно, что эта теплота не влажная; но можно довести ее до влажной, если продолжить огонь въ печи до того, чтобы вода въ резервуарахъ закипѣла, ибо тогда пойдутъ пары.

Хозяинъ увѣрялъ меня, что достаточно топить одинъ разъ въ сутки: разогрѣтая вода въ трубахъ и резервуарахъ сохраняетъ теплоту долго, когда уже огонь въ печи погаснетъ.

Я думаю, что этотъ способъ отопленія можно приспособить не только къ оранжереямъ, но и къ большимъ публичнымъ заламъ. Онъ гораздо экономнѣе нашихъ печей. Чтобъ отопить такую огромную залу, какъ эта, а съ нею еще длинный коридоръ и нѣсколько небольшихъ кабинетовъ, мало было бы шести или восьми обыкновенныхъ печей. Но это не мое дѣло: пусть ваши Архитекторы посудятъ. Для этого посылаю планъ и рисунокъ. Я зашелъ тутъ же въ маленькій кабинетъ, гдѣ, нашедши бумагу, перо и чернила, написалъ это письмо для вашего любопытства, подъ шумомъ танцевъ и музыки, изъ — *зимняго сада.*

Описаніе плана зимняго сада въ Берлинѣ.

Длина большой залы 100 футовъ, ширина 33 фута, средняя вышина 12 футовъ.

Аппаратъ для топленія находится у передней стѣны.

E. B. двѣ обыкновенныя изразцовыя печи, съ цилиндрами изъ мѣдныхъ листовъ.

A. D. C. три резервуара съ водою, также мѣдные.

Цилиндръ въ печи E. находится въ сообщеніи съ резервуарами A. D. посредствомъ мѣдныхъ трубъ *m*, *m*; *n*, *n*.

Цилиндръ въ печи B. находится въ сообщеніи съ резервуаромъ C. посредствомъ мѣдныхъ трубъ *o*, *p*.

Нижнія трубы *n*, *n*, *p* идутъ почти наравнѣ съ поломъ; а верхнія *m*, *m*, *o*, отстоятъ отъ нижнихъ на два фута выше.

Цилиндръ въ печи E. длиною 3 фут. 4 дюйма, а въ поперечникъ 10 дюймовъ.

Цилиндръ въ печи B., длиною 2 фут. 6 дюймовъ, въ поперечникѣ 10 дюймовъ.

Впрочемъ сіи цилиндры могутъ быть и меньшаго размѣра.

Резервуары A. D. C. вышиною 4 фута, въ поперечникѣ 2 фута. Они закрыты крышкою, и имѣютъ внизу краны, дабы, въ случаѣ надобности, можно было выпустить изъ нихъ всю воду.

Проводныя трубы *m*, *m*, *n*, *n*, *o*, *p*, въ поперечникѣ два дюйма.

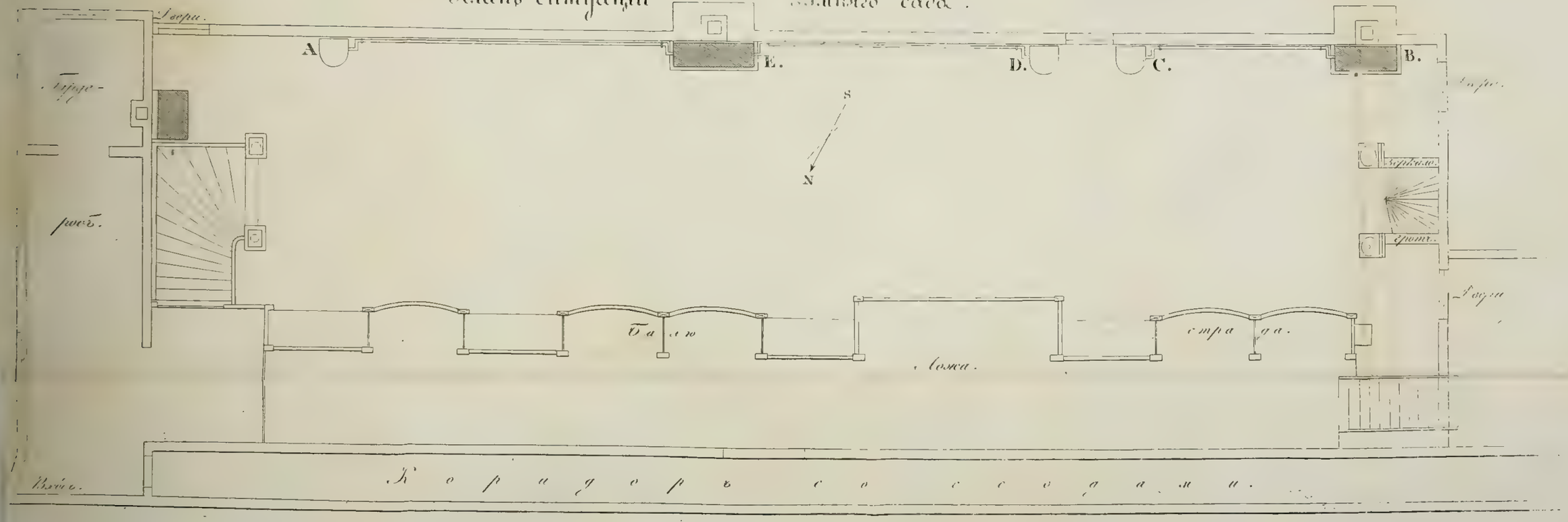
Въ ситуаціонномъ планѣ назначены разныя части зданія.

Планъ зимняго сада

въ Берлинѣ.

Видъ Аппарата въ разрѣзѣ по линіи A.B.

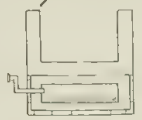
План ситуаціи зимняго сада.



Внутренній видъ западной стороны.

Видъ цилиндра въ печи Е.

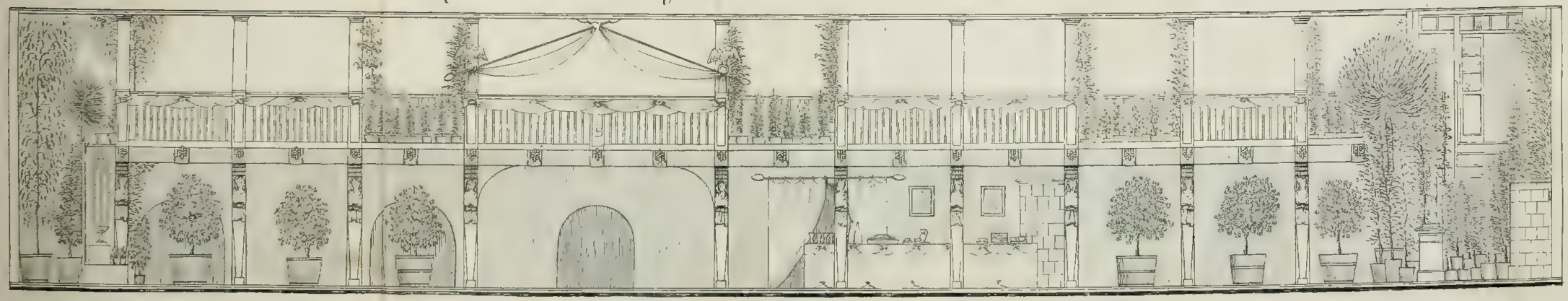
Видъ цилиндра въ печи В.



Видъ цилиндра съ трубою.

Внутренній видъ восточной стороны.

Внутренній видъ зимняго сада съ Сѣверной стороны.



Масштабъ въ $\frac{1}{96}$ долю настоящей величины.

Дюймы: 1/96 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 24 36 48 Футовъ.

V.

КРИТИКА.

1. Россія и Баторій, *Историческая Драма въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе* Барона Розена. *СП.-бургъ, 1833.*
2. Торквато Тассо, *большая Драматическая Фантазія, въ стихахъ, сочиненіе* Н. К. *СП.-бургъ, 1833.*
3. Торквато Тассо, *Драма. СП.-бургъ, 1833.*

*** Прошлый годъ въ Русской Словесности былъ очень поэтическій. Нѣсколько хорошихъ, даже отличныхъ сочиненій въ стихахъ прояснили туманный ея небосклонъ. Слѣдуя плану этого Журнала, мы долженствовали бъ посвятить критическое его отдѣленіе исключительно твореніямъ, вышедшимъ въ свѣтъ со дня его существованія; но литературный 1834-й годъ еще не начинался, и мы воспользуемся небольшимъ промежуткомъ времени между 1-мъ числомъ Января и первыми сочиненіями, которыя безъ-сомнѣнія ознаменуютъ этотъ мѣсяцъ своимъ появленіемъ, чтобъ бросить обратный взглядъ на стихотворныя произведенія, дающія истекшему году право занимать весьма почетное мѣсто въ лѣтописяхъ нашей Словесности.

«Россія и Баторій», Драма Барона Розена, преимущественно обратила на себя лестное вниманіе. Она написана хорошими стихами; языкъ ея плавенъ, звученъ, силенъ, примѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ; предметъ чрезвычайно важенъ. Но, говорятъ, Поэтъ рѣшился передѣлать ее по новому плану: я уважаю его рѣшеніе, — оно совершенно законное, и возлагаетъ на критика обя-

занность не говорить ни слова о содержаніи поэмы, пока она не будетъ передѣлана, то есть, усовершенствована. Но мы можемъ говорить вообще объ Исторической Драмѣ и о предметѣ, который онъ избралъ, и разсматривать историческую и поэтическую его сторону, не дѣлая отнюдь ни какихъ примѣненій къ его творенію.

Я не знаю границъ, въ которыхъ должна удерживаться Историческая Драма, ибо границы эти нигдѣ не опредѣлены, и, при нынѣшней распутицѣ литературныхъ правилъ, даже опредѣлить ихъ невозможно. Но воображеніе поэта должно дѣйствовать: слѣдственно Исторія должна быть нарушена. Все искусство состоитъ, кажется, въ образѣ нарушенія: никто не имѣетъ права порицать поэта, когда, для занимательности своей повѣсти, измѣняетъ онъ Исторію такъ, что ни сама Исторія, ни сопряженныя съ нею пользы человѣчества, не могутъ за то прогнѣваться. И такъ, коль скоро Историческая Драма вѣрно, или по крайней мѣрѣ довольно вѣрно, осуществляетъ мысль данной эпохи или даннаго событія, Исторія должна простить ей остальное; коль скоро Драма не исказила, не запятнала ни одного чистаго и добродѣтельнаго историческаго характера, пользы человѣчества ничего не теряютъ отъ вымысла поэта. И это послѣднее условіе считаю я даже важнѣйшимъ, нежели первое, ибо вся польза, которую человѣчество получаетъ отъ Исторіи, заключается въ образцахъ прекрасныхъ и возвышенныхъ характеровъ, предлагаемыхъ намъ къ удивленію и подражанію, чтобъ облагородить въ нашихъ глазахъ собственный нашъ родъ, чтобъ возбудить въ насъ соревнованіе къ доблести, чтобъ принести облегченіе умственнымъ страданіямъ обществъ. Драма, которая, для занимательности поэтическаго вы-

мысла, нарушаетъ это условіе, есть не поэма, но оскорбленіе величества рода человѣческаго и чаша яду для высшей общественной нравственности. Поэтому, я даю поэту весьма обширное поле: онъ можетъ значительно измѣнять Исторію, чтобъ забавлять мое воображеніе; но покорно прошу его уважать прекрасные историческіе характеры, ибо это святыня слабой и тлѣнной нашей природы. Если онъ станетъ произвольно взваливать на нихъ гнусные поступки и злодѣянія и чернить память великихъ покойниковъ Исторіи, то я не усматриваю ни какого поощренія для честности и добродѣтели, не вижу ни какой выгоды быть человѣкомъ. Ужъ лучше тогда быть историческою лошадью, ибо никто еще, для риѳмы, не сказалъ о прославленномъ конѣ Александра Великаго, что онъ былъ дурной рысакъ и слѣпъ однимъ глазомъ! Нѣтъ ничего унизительнѣе для изящнаго художества, ничего недостойнѣе великаго таланта, какъ добровольно клеветать знаменитый историческій характеръ: кого Исторія передала поэту чистымъ, изъ того можетъ онъ, ежели хочетъ, сдѣлать образецъ всего прекраснаго и высокаго, но онъ не въ правѣ пятнать его славу оскорбительнымъ вымысломъ. Для гнусныхъ дѣйствій есть довольно мерзавцевъ въ Исторіи, и ихъ никто не пожалѣетъ, когда поэтъ, чтобъ усилить мое отвращеніе къ злодѣянію, припишетъ имъ одну лишнюю подлость. Это главный догматъ литературнаго моего вѣроисповѣданія, и, по моему мнѣнію, онъ основанъ на существѣ высшей общественной нравственности. Онъ показываетъ также, что я не принадлежу къ числу Гюгопоклонниковъ.

Простое соединеніе двухъ собственныхъ именъ, «Россія и Баторій», уже представляетъ уму много

историческаго и много поэтическаго: оно тотчасъ возбуждаетъ въ насъ прекрасное, патріотическое понятіе, – Россіи въ борьбѣ съ Баторіемъ, и торжества народнаго ея духа надъ усиліями завоевателя, даже въ такое время, когда уныніе и бездѣйствіе овладѣли верховною властію, распоряжающею ея судьбами. Это поэтическая сторона эпохи. Другая, то есть, положительная ея сторона, можетъ болѣе или менѣе казаться сходною съ историческою истиною, смотря по мѣсту и времени, въ какихъ происходитъ дѣйствіе. Если дѣйствіе происходитъ во Псковѣ, то Исторія въ правѣ немножко поморщиться на Поэзію. Чтобъ примирить ихъ въ этомъ случаѣ, надобно предположить, что Баторій вознамѣрился завоевать Россію, и что Россія, представляемая Псковомъ, спасла сама себя, – однимъ словомъ, что Псковъ разрушилъ всѣ планы Баторія. На то Исторія въ состояніи возразить, что мысль эпохи совсѣмъ не та. Война между Баторіемъ и Россіею была война возмездія, а не съ цѣлію покорить государство. Баторій стремился не въ центръ Россіи, но въ западный ея уголъ. Занятый своимъ романическимъ планомъ крестоваго похода противъ Турокъ, враговъ Христіанства, безъ денегъ и не рѣдко безъ пороху, съ 35,000 войска, онъ не могъ и думать о порабощеніи Россіи. Онъ болѣе успѣвалъ своимъ счастіемъ и стеченіемъ обстоятельствъ, чѣмъ матеріяльною силою. Пока Баторій стремился на Новгородъ, можно еще было предполагать въ немъ честолюбиваго завоевателя; но когда онъ сообразилъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, что этотъ городъ слишкомъ силенъ для его арміи, и изъ Порхова поворотилъ на Псковъ, война для него была уже кончена. Тогда онъ рѣшительно оставилъ всѣ свои прежнія намѣренія, и взятіемъ Пскова хотѣлъ только выиграть нѣсколько выгоднѣйшихъ статей

въ трактатѣ, приблизиться къ областямъ, въ которыхъ Швеція уже начинала съ нимъ войну, и принудить Царя къ скорѣйшему заключенію мира, о которомъ давно уже шли переговоры, чтобъ обратить силы свои противъ Шведовъ, а потомъ противъ Турокъ. И такъ, во Псковѣ, дѣло уже было не между Россіею и Баторіемъ, но просто между скорѣйшимъ или медленнѣйшимъ подписаніемъ трактата, – вопросъ болѣе дипломатическій, чѣмъ стратегическій, – и Пскову нечего было спасать Россію, потому, что она находилась внѣ всякой опасности. Псковъ могъ только спасти отечество отъ тягостныхъ условій трактата, но, понесчастію, отъ нихъ онъ не спасъ его. Россія согласилась на всѣ требованія врага, и трактатъ былъ подписанъ, хотя Псковъ не былъ взятъ. Въ такомъ положеніи дѣлъ, я вижу только Псковъ и Баторія въ личной борьбѣ, но Россія и Баторій уже сошли со сцены.

Но я готовъ употребить мое посредничество, чтобъ сблизить Исторію съ Поэзіею въ этомъ спорномъ дѣлѣ. Для театральнаго эффекта Поэзія можетъ украсить суховатый историческій фактъ блистательною и утѣшительною мечтою, и Исторія не должна гнѣваться, когда ее такъ великолѣпно украшаютъ. Этотъ вымыселъ не только необходимъ для сцены, но даже весьма удаченъ. И сколько чудесныхъ поэтическихъ видовъ открываетъ тогда намъ такъ одушевленная воображеніемъ эпоха! Псковитяне и Баторій съ одной стороны, – ибо я нахожу еще болѣе поэтическимъ для сцены и лестнѣйшимъ для народнаго духа поставить всѣ силы и весь геній Баторія передъ однимъ городомъ Псковомъ, и сокрушить ихъ объ его стѣны, чѣмъ передъ цѣлою Россіею, – съ другой стороны Россія и Баторій; съ третьей Царь Іоаннъ Грозный и Баторій; съ

четвертой Царь Іоаннъ и несчастный Царевичъ, падшій невинною жертвою этой политической и домашней бури. Сколько великихъ, истинно драматическихъ и живописныхъ характеровъ, – Царь, Царевичъ, его супруга, Царица, Борисъ Годуновъ, Шуйскіе, Баторій, Замойскій, Курбскій, и даже самый Іезуитъ, Поссевинъ! Сколько драмы повсюду! Отечественныя бѣдствія, сила Русскаго патріотизма, бореніе страстей въ царскихъ палатахъ, казни, страхъ, ужасъ, сыноубійство! Поэзія несется волнами. Здѣсь есть довольно предметовъ, – не для одной, – для нѣсколькихъ полныхъ Драмъ. Россія въ борьбѣ съ Баторіемъ во Псковѣ можетъ составить обильный происшествіями сюжетъ для большой драматической Поэмы; другой такой же сюжетъ, и еще могущественнѣйшій, еще болѣе драматическій, ожидаетъ Поэта въ сыноубійствѣ. Отъ его искусства зависитъ еще разнообразить каждый изъ нихъ счастливымъ сочетаніемъ событій, заимствованныхъ изъ другаго сюжета, – или въ драму между Россіею и Баторіемъ ввести сыноубійство въ видѣ бѣглаго эпизода, въ видѣ одной изъ тѣхъ ужасныхъ, кровавыхъ молній, которыя, потрясая и раздирая умъ, сердце и воображеніе, приготовляютъ ихъ къ дальнѣйшимъ ощущеніямъ, сильнымъ, великимъ, торжественнымъ, – или въ страшную драму между отцемъ и сыномъ ввести величественную картину отечества въ отчаяніи, забытаго своимъ вождемъ и борющагося собственными своими силами съ опаснымъ врагомъ. Я не усомнюсь сказать, что нуженъ талантъ почти сверхъ-естественный, чтобъ въ полной мѣрѣ и достойнымъ образомъ исчерпать всю поэзію этой эпохи. Двѣ высокія внутреннія драмы души предстоятъ здѣсь къ развитію, и каждая изъ нихъ требуетъ едва ли не генія Шиллерова: – Курбскій, великій измѣнникъ, подъ Псковомъ передъ

лицемъ Россіи, – мучитель и сыноубійца въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что хотя послѣдняя заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе поэтическихъ красотъ, болѣе предметовъ для тонкихъ философскихъ соображеній и сильныхъ картинъ страсти, за то первая въ состояніи быть поучительнѣе и принести болѣе утѣшенія; но я не могу оставить заведенной мною рѣчи о поэтической сторонѣ этой эпохи, не упомянувъ о томъ, что представляется моему воображенію самымъ глубокимъ, самымъ неисчерпаемымъ источникомъ поэзіи.

Многіе наши сочинители въ стихахъ и прозѣ думаютъ, что прекрасно изобразили характеръ Іоанна Грознаго, когда представили его загадочнымъ и непонятнымъ. Не понимать-то и мы умѣемъ: обязанность писателя и поэта развить создаваемый имъ характеръ такъ, чтобъ мы поняли его насквозь. Мнѣ однако жъ кажется, что въ Іоаннѣ нѣтъ ничего загадочнаго, ни темнаго. По крайней мѣрѣ, мое объ немъ понятіе весьма опредѣлительно, и я готовъ изложить его откровенно. Я не знаю въ новѣйшей Исторіи ни одного характера величественнѣе въ ужасномъ родѣ, болѣе драматическаго, болѣе живописнаго, чѣмъ Грозный. Царь Іоаннъ былъ тиранъ въ полномъ значеніи слова, привыкшій къ крови, любившій кровь, какъ всѣ, которые однажды ея вкусили. Онъ презиралъ человѣка, ибо безъ этого нельзя быть тираномъ. Но онъ не былъ ни Неронъ, ни Бухарскій Ханъ, который рубитъ головы только для того, чтобъ показать, что онъ можетъ рубить ихъ, когда захочетъ. Одаренный благородною страстію къ славѣ, высокимъ умомъ и неукротимымъ нравомъ, онъ считалъ страхъ и строгость необходимымъ средствомъ правительства; но пылкость его почти всегда превращала это сред-

ство въ ужасъ и тиранство. Онъ съ удовольствіемъ проливалъ кровь, поздравлялъ себя съ успѣшнымъ дѣйствіемъ чрезмѣрной строгости, приписывалъ слѣдствія внушеннаго ею страха своему уму, и купался въ преступленіяхъ, пока думалъ, что онъ дѣйствуетъ прекрасно, и что цѣлый свѣтъ судитъ объ немъ точно такъ же, какъ его льстецы и онъ самъ. Письма Курбскаго въ первый разъ открыли ему глаза. Но письма Курбскаго, измѣнника, презираемаго Іоанномъ, не могли еще сдѣлать въ немъ того потрясенія, какое произвело поведеніе Баторія. Этотъ умный, образованный, благородный Венгерецъ, настоящій рыцарь безъ страха и безъ упрека, стяжавъ своими доблестями два престола, наполнялъ всю Европу самою прекрасною славою, тогда какъ Іоаннъ наполнялъ ее ужасомъ и омерзѣніемъ. Баторій, увлекаемый рыцарскимъ духомъ, который многихъ еще оживлялъ въ то время, душевно гнушался поведеніемъ Іоанна. Не будучи Полякомъ, и слабо поддерживаемый тѣми, для которыхъ жертвовалъ всѣмъ, онъ не имѣлъ ни какого повода раздѣлять народные ихъ предразсудки и ненавидѣть Россію. Но онъ, по убѣжденію своего сердца, ненавидѣлъ Іоанна Мучителя, былъ личный ему врагъ, и, въ то же время, какъ оружіемъ велъ войну съ Россіею за выгоды буйной и неблагодарной Польши, которою весьма былъ недоволенъ, онъ объявилъ отъ своего имени нравственную войну Грозному. Онъ заставилъ Курбскаго писать къ нему изъ Полоцка, – Баторій и самъ былъ скоръ на строку, – онъ самъ писалъ къ нему, обнажалъ передъ его глазами всю его жизнь, изображалъ его преступленія и тиранство самыми рѣзкими красками, закидывалъ его своими посланіями, вызывалъ его на поединокъ, какъ врага человѣчества, печаталъ объ немъ книги въ Германіи и посылалъ ихъ

къ нему, чтобъ поразить сердце его ужасомъ, испугать, усовѣстить. Карамзинъ, судя поверхностно и не вникая въ тогдашній духъ Европы, называетъ письма Баторія *грубыми!*..... Не со стороны ихъ грубости историкъ и поэтъ должны смотрѣть на нихъ, но со стороны цѣли и духа, съ какими были они писаны, и дѣйствія, какое произвели. Тогда только Іоаннъ, умный отъ природы и пристрастный къ славѣ, почувствовалъ всю отвратительность своихъ поступковъ, которые до тѣхъ поръ, вмѣстѣ съ своими льстецами, почиталъ онъ неподражаемыми. Онъ содрогнулся при мысли, что вся Европа знаетъ объ его преступленіяхъ, и что имя его повсюду въ омерзѣніи. Онъ не могъ не сравнивать прекрасной славы, которою пользовался Баторій, возникшій такъ высоко съ нижнихъ ступеней общества, съ отвращеніемъ, какое поселяла къ нему въ сердцахъ Европейскихъ Государей картина грязной и кровавой его жизни, его, потомка столькихъ властелиновъ, одного изъ могущественнѣйшихъ и благороднѣйшихъ Самодержцевъ въ мірѣ! Онъ, кажется, даже завидовалъ Баторію. И тогда именно началась эта величественная, чудесная, истинно драматическая борьба въ душѣ мучителя, эта несравненная внутренняя трагедія, кончившаяся страшнымъ, раздирающимъ уныніемъ. Грозный сталъ гнушаться самимъ собою. Онъ стыдился самого себя передъ Баторіемъ; набожныя понятія вѣка пробудились въ его груди, и онъ вообразилъ себѣ этого героя орудіемъ небеснаго мщенія; онъ тайно призналъ его выше себя, и когда посланецъ принесъ къ нему новое отъ него письмо, новый язвительный упрекъ его совѣсти, и спрашивалъ объ отвѣтѣ, онъ сказалъ только: — *Кланяйся брату, Королю*! Никогда не могъ я безъ нетерпѣнія читать въ Карамзинѣ строкъ, гдѣ описывается это происшествіе, которое называетъ онъ

«неслыханнымъ униженіемъ». Какъ! это униженіе? униженіе, самая торжественная минута жизни Іоанна, гдѣ религія, добродѣтель, совѣсть и чувство долга человѣка, одержали такой верхъ надъ закоснѣлостью въ преступленіи, надъ гордостью властелина, надъ порывистымъ, бурнымъ нравомъ мучителя? Ежели это униженіе, то я не знаю въ земномъ существованіи человѣка ни какой славы свѣтлѣе и возвышеннѣе этого униженія. Въ этомъ отвѣтѣ вижу я душу Іоанна во всемъ ея величіи: это такой яркій, радужный психологическій феноменъ, какой только можетъ создать самое пылкое воображеніе великаго поэта. Если бъ оно не находилось въ Исторіи, я не желалъ бы для своего безсмертія ничего другаго, какъ выдумать и развить подобное положеніе человѣческой души: я былъ бы Шекспиромъ. Сколько здѣсь драмы!..... Перенесенное на сцену мощнымъ талантомъ, это безподобное положеніе въ состояніи явиться самымъ патетическимъ, растрогать, изумить и уничтожить зрителя. Надобно только обнять его во всемъ пространствѣ, сильно схватить душею, и смѣло, мгновенно, перекинуть въ душу слушателя! И не здѣсь конецъ высокаго: умъ и сердце мучителя восторжествовали надъ его самолюбіемъ, надъ всѣми его понятіями; но среди печали, унынія, угрызеній совѣсти, онъ тотъ же человѣкъ, какъ былъ прежде. Онъ не въ силахъ управлять своимъ огненнымъ, волканическимъ нравомъ. При первомъ сопротивленіи его волѣ, онъ забываетъ обо всемъ, и убиваетъ всякого, кто ему противится. Онъ *даже* убиваетъ собственнаго своего сына, котораго обожаетъ, и, убивъ, повергается въ отчаяніе. Послѣ раздирающей сцены, о которой говорили мы выше, сыноубійство поразило бы зрителя, какъ громомъ, исторгло бы у всего собранія длинный, пронзитель-

ный стонъ. Отецъ и сынъ возбуждали бы въ насъ сочувствіе, и даже приверженность, ибо человѣкъ не можетъ смотрѣть безъ сочувствія, безъ любви, на душевныя страданія другаго человѣка. И посреди отчаянія своего о сынѣ, посреди клятвъ и обѣтовъ, Іоаннъ еще долженъ имѣть припадки вспыльчивости и жестокости, вспомоществуемые привычнымъ его презрѣніемъ къ человѣку, раболѣпствующему передъ его своенравіемъ, которые приводили бы его въ новое, еще сильнѣйшее отчаяніе, и дѣлали бъ его истинно, безпредѣльно несчастнымъ. Такимъ точно представляетъ его намъ Исторія, хотя, понесчастію, ни одинъ историкъ не представилъ его такимъ, ни одинъ даже не замѣтилъ единственной въ своемъ родѣ, подлинно драматической, нравственной войны Баторія съ сѣвернымъ Тиберіемъ, – и такимъ я понимаю характеръ его для театра. Тутъ нѣтъ ничего темнаго, ни загадочнаго: напротивъ, все ясно для того, кто знаетъ человѣческое сердце и умѣетъ владѣть трагическими эффектами. Россія и Баторій одно дѣло, – Баторій и Іоаннъ Грозный другое. Первое, то есть, осада Пскова, можетъ быть предметомъ только прекраснаго историческаго Романа; второе есть подлинно поэтическое, высокое и доселѣ новое. Я не набиваюсь никому съ моими понятіями, ибо всякъ въ состояніи выдумать многое гораздо умнѣе моего, – но говорю, что если бъ я изображалъ характеръ Грознаго, я бы смотрѣлъ на него съ этой точки, и еще окружилъ бы его игрою другихъ страстей, супружеской, родительской, сыновней любви, всѣхъ возможныхъ любвей, чтобъ ярче и сильнѣе отразить его отъ поверхности нѣжныхъ чувствованій, и зрителя ослѣпить его лучами. Царица, Царевны и Царевичъ Ѳеодоръ не были безъ сердца, безъ слезъ, безъ состраданія: они пособили бы мнѣ растрогать слу-

шателей. Не знаю, какъ бы я все это исполнилъ; но чувствую, что оно такъ должно быть въ Драмѣ, которой нѣтъ въ Природѣ безъ сильныхъ страстей и сильной интриги. Но довольно о драматической эпохѣ и объ Исторической Драмѣ вообще: перейдемъ къ драматической Фантазіи.

Два рѣдкія явленія озарили нашъ горизонтъ въ прошедшее лѣто, и оба остались почти непримѣченными, что по-истинѣ должно быть огорчительно для тонкости нашего взора и образованности нашего вкуса. Картина Карла Брюллова, выставленная въ Академіи Художествъ, картина, подъ которою Фанъ-Дайкъ и Тиціанъ не постыдились бы подписать свое имя, и которая въ Италіи всю публику привела бы въ восторгъ и сладостный трепетъ, – эта картина не оставила между нами послѣ себя даже громкаго эха: весьма немногіе постигли все ея достоинство; бо̀льшая часть посѣтителей сказала, что она хороша, но неокончена, – тогда, какъ нельзя прибавить къ ней ни одной черты, не испортивъ высокой ея изящности; прочіе предпочли ей подлѣ стоявшіе портреты. Торквато Тассо, большая драматическая Фантазія, сочиненіе, принадлежащее къ самой высокой Поэзіи, которое, бывъ написано по-Французски, заставило бъ всю Европу, по гласу Парижскихъ Журналовъ, вопить отъ удивленія, – объ этомъ сочиненіи никто почти у насъ не знаетъ!..... Одинъ только Баронъ Розенъ, сочинитель предъидущей Драмы, благородно отдалъ ему справедливость въ Сѣверной Пчелѣ, разобравъ ее съ жаромъ поэта и безпристрастіемъ благомыслящаго дарованія, которое умѣетъ ловко преклонить колѣно предъ соперникомъ несравненно выше его; но прекрасный огонь его похвалы потухъ въ сырости осеннихъ нашихъ тумановъ, и не сообщился публикѣ.

Первыя творенія Музы Байрона встрѣтили точно такую же холодность въ Англійской публикѣ. Одинъ знаменитый писатель, нынѣ государственный человѣкъ*, совѣтовалъ ему даже никогда не писать стиховъ. Вальтеръ-Скоттъ взялъ перо въ защиту Байрона, и убѣдилъ Англію, что она имѣетъ нового великаго Поэта. Я желалъ бы, чтобы Вальтеръ-Скоттъ воскресъ изъ могилы, и оказалъ другую подобную услугу намъ, Русскимъ: по скромной недовѣрчивости къ собственнымъ нашимъ силамъ, мы не смѣемъ подумать, чтобы между нами возникъ необыкновенный поэтическій геній, — молодой Кукольникъ, точно такъ же, какъ, смотря на картину Брюллова, мы не смѣли предполагать, чтобъ имѣли своего Микель-Анджело. Г. Кукольникъ, надѣюсь, извинитъ меня, что я нарушилъ его безъименность: молва приписываетъ ему эту удивительную Фантазію, и, назвавъ его, я вѣроятно не ошибся, хотя не имѣю чести знать его лично.

Послѣ прекраснаго разбора, напечатаннаго въ Сѣверной Пчелѣ, я не стану разбирать вновь этой Фантазіи, которая, за исключеніемъ немногихъ ошибокъ, происходящихъ отъ неопытности сочинителя, можетъ назваться Драмою въ полномъ смыслѣ слова. Еще нѣсколько болѣе силы въ завязкѣ интриги, и она была бы образцовою Драмою, ибо соединяетъ въ себѣ всѣ ея условія, сильныя страсти, мучительную ихъ борьбу, возвышенныя положенія души, предметы живѣйшаго состраданія, ужасъ, поэзію всѣхъ родовъ, и чудесные драматическіе эффекты, несмотря на простоту повѣсти, а это именно есть доказательство и клеймо настоящаго таланта. Я ограничусь указаніемъ на ея красоты: считаю даже долгомъ указать ихъ, какъ самъ ихъ чувствую

* Лордъ Бругамъ.

и какъ имъ удивляюсь, будучи почти не въ силахъ повѣрить, чтобъ это было произведеніе такого молодаго человѣка, и притомъ первое его произведеніе. Отчетъ въ этомъ отдаю я себѣ только при помощи собственнаго признанія поэта, который говоритъ въ предисловіи, что сюжетъ его Фантазіи былъ любимою мечтою съ дѣтскихъ лѣтъ, и созрѣлъ въ немъ вмѣстѣ съ возрастомъ. Очень вѣроятно, ибо онъ весь проникнутъ его душею, задуманъ сильно и смѣло, вылитъ на бумагу въ прекрасныхъ формахъ, и не представляетъ, въ своей отдѣлкѣ, почти ничего юношескаго. Это поэзія души пылкаго поэта. Желательно, чтобы Г. Кукольникъ такъ же долго обдумывалъ и будущія свои творенія, и, упитавъ предметъ ихъ всѣмъ своимъ чувствомъ, всѣмъ воображеніемъ, передавалъ намъ его вмѣстѣ съ своею душею. Какой языкъ!..... Онъ далеко уступаетъ въ гибкости и величавой красѣ языку «Россіи и Баторія», но я люблю въ немъ и эту жесткую энергію Шиллеризма, и эту Италіянскую звучную степенность, и даже эту Латинскую непоколебимую твердость. Совѣтую молодому Поэту не терять навыка къ этому оригинальному языку, но усовершать его постепенно, стараясь однако жъ не утрировать и не впадать въ манерность.

Изгнанный изъ Феррары, гдѣ дерзнулъ онъ влюбиться въ сестру Герцога Альфонса, Тассъ приходитъ въ Соренто, къ сестрѣ своей, Корнеліи Серсале, и не застаетъ ея дома. Дѣти и служанка принимаютъ его за нищаго и за сумасшедшаго. Первая сцена уже исторгаетъ пріятную слезу читателя. Я не нахожу ея неумѣстною, и даже причисляю ее къ красотамъ сочиненія, равно какъ и поединокъ Тасса, не только не унижающій его въ моихъ глазахъ, но еще облагороживающій, ибо онъ совершен-

но согласенъ съ духомъ кавалерскихъ нравовъ того вѣка. Истинный поэтъ, особенно Италіянскій, очень легко можетъ казаться немножко сумасшедшимъ: этотъ недостатокъ иногда встрѣчается и у весьма посредственныхъ. Корнелія возвращается изъ церкви: она тоже не понимаетъ его поэтической души, и Тассъ, въ отчаяніи, уходитъ изъ ея дома. Вотъ нѣкоторыя мѣста этого прекраснаго явленія:

ТАССЪ. Но что жъ скажу? Чувствъ много, мало словъ,
И тѣ, какъ наше счастье, слабы, бѣдны!
Что нашъ языкъ? печальный отголосокъ
Торжественнаго грома, что въ душѣ
Гремитъ святымъ, какимъ-то мощнымъ звукомъ!
Но ты молчишь? ты съ горькимъ состраданьемъ,
Какъ на безумнаго, на Тасса смотришь?
Безумный! Да! — О, если бъ ты могла
Безумье то почувствовать въ себѣ,
Которымъ я всю жизнь мою терзался!
Вообрази блистательное солнце:
Вокругъ него чернѣютъ тучи; громъ
Катается въ тяжелой атмосферѣ,
И солнце то, — что жаркими лучами
Могло бъ весь свѣтъ обрушить въ груды пепла, —
Презрѣнныя затягиваютъ тучи!.....
При всемъ желаніи благотворить
И согрѣвать существованье міра,
Оно должно смотрѣть на разрушенье
И помощи своей подать не можетъ!
О, такъ и я, въ сообществѣ людей,
Стоялъ, какъ солнце, въ мрачныхъ, черныхъ тучахъ;
Куда я лучъ любви ни посылалъ,
Какъ отъ скалы онъ быстро отражался,
И, — возвратясь ко мнѣ, — мою же грудь
Жегъ пламенемъ позорной неудачи!
Ты не жила на свѣтѣ!..... поживешь!.....
Узнаешь ты, какъ люди черны, злобны;
Какъ сердце ихъ упитано порокомъ;

Родъ человѣческій безплодной нивѣ
Подобенъ;.... иногда на ней цвѣтутъ
Цвѣты, но никогда плоды не зрѣютъ!.....
..... Долго я
Учился..... О! теперь мнѣ только жалко,
Что я всю жизнь на книгахъ основалъ;
Теперь ужъ мнѣ понятно, почему
Ученые такъ мрачны и печальны!
А прежде, – я ученіе считалъ
Великимъ благомъ! Надъ Платономъ часто
Я ночи проводилъ безъ сна, въ забвеньи
Развязывалъ его святыя мысли
И новый міръ на старомъ воздвигалъ!
О, я постигъ всю мудрость человѣка,
Мечталось мнѣ – и тайну бытія
Я подсмотрѣлъ. Теперь я буду счастливъ;
Я знаю все, что было, есть и будетъ;
Я разгадалъ людей, ихъ умъ, ихъ страсти;
Я буду жить и весело, и мирно,
Подъ куполомъ небесъ и славы! – Что же?
Надъ книгой было хорошо *(съ горькой усмѣшкой)*, а
въ жизни?!....
..... Поэзія мечта
И дѣльному занятію мѣшаетъ!
Но что же дѣльнаго и въ жизни цѣлой?
Что жизнь сама? – Безсонница страстей!
Не лучше ли, – чтобы заснуть спокойно
И утонуть въ пріятныхъ сновидѣньяхъ, –
Не лучше ли, я говорю, сдружиться
Съ единственнымъ, прекраснымъ на землѣ,
Которое душъ нашихъ не погубитъ,
Не обольститъ, коварно не обманетъ?
Поэзія есть благовѣсть святая
О неизвѣстной, вѣчной красотѣ!
И колокольный звонъ – бездушный звукъ,
Но какъ онъ святъ и важенъ для того,
Кто любитъ въ храмѣ помолиться Богу!
Не онъ ли намъ о небѣ говоритъ?
Не онъ ли намъ объ адѣ вспоминаетъ?

И колоколъ — вещественный языкъ
Каръ безконечныхъ, безконечныхъ благъ,
Иному другъ, иному тяжкій врагъ!
Не то ли и Поэзія святая?

Въ концѣ перваго акта, Тассъ блуждающій по міру, окруженъ, ночью, на берегу морскомъ, шумною толпою Италіянскихъ нищихъ. Безподобная сцена, исполненная чувства и поэтическихъ красотъ! Тассъ пристаетъ къ нищимъ, и идетъ съ ними въ Феррару, на свадьбу Герцога Альфонса. Двѣ сестры Герцога, Лукреція, женщина гордая и развратная, и Леонора, молодая невинная дѣвица, обѣ влюблены въ Тасса. Тассъ нѣкогда пренебрегъ страстную любовь Лукреціи, и она поклялась погубить его, тѣмъ болѣе, что одинъ онъ знаетъ настоящую тайну ея неприличнаго поведенія. Сцена между двумя сестрами прекрасна. Тассъ, получающій милостыню изъ рукъ своего друга, Константини, обрисованъ съ большимъ искусствомъ. То же самое должно сказать о сценѣ въ прохожей дворцовой залѣ. Тассъ прощенъ, и опять принятъ у Герцога. Встрѣча его съ Леонорою, послѣ свиданія съ Лукреціею, — съ Леонорою, которая обѣщала брату быть холодною въ обращеніи съ Тассомъ, и хочетъ сдержать свое слово, — принадлежитъ къ отличнѣйшимъ отрывкамъ драматической Поэзіи.

ТАССЪ. Не такова младая Леонора,
Высокій образъ доброты сердечной,
Поэзія, пріявшая тѣлесность.

ЛЕОНОРА

(входитъ; увидѣвъ Тасса, содрогается и въ изнеможеніи берется за спинку стула).

Торкватъ! ТАССЪ. Торкватъ у вашихъ ногъ.
Вы сонъ его любви, вы — небо Тасса,

Вы тотъ вѣнецъ, мучительный и сладкій,
Которымъ жизнь увѣнчана моя.
Я весь въ огнѣ, въ какомъ-то вдохновеньи,
Проникнутый восторгомъ и почтеньемъ,
Цѣлую прахъ, на коемъ ты стоишь,
Владычица желаній, чувствъ и мыслей.
Какъ радуга, твой взоръ напоминаетъ,
Что примиренъ нашъ міръ несчастный съ небомъ;
Какъ громъ небесъ, такъ голосъ звучный твой
Присутствіе свидѣтельствуетъ Бога.
О! улыбнись, заря моей надежды,
Проговори, благовѣститель счастья!

(Леонора хочетъ уйти, но въ безсиліи падаетъ на стулъ, отворачивая отъ Тасса голову).

О Боже всемогущій! за всѣ кары,
Которыми безчеловѣчный жребій
Преслѣдовалъ несчастнаго пѣвца, —
Такая мнѣ награда?! Съ отвращеньемъ
Ты приняла несчастнаго Торквата,
За то, что онъ любилъ тебя такъ страстно....

(Леонора протягиваетъ руку....)

Ты хочешь говорить.... о, дай мнѣ жизнь!
Скажи одно спасительное слово.....

(Леонора снова отъ него отворачивается.)

О, ты сестра Лукреціи! я вижу....
Ты увлекла несчастнаго Торквата,
Чтобъ онъ, какъ рабъ, за пышной колесницей
Твоихъ побѣдъ торжественно ходилъ;
Чтобъ умножалъ презрѣнное число
Обманутыхъ надеждами любимцевъ!

(Леонора падаетъ безъ чувствъ.)

Чтобъ гимны пѣлъ во славу Леоноры,
И недостойное потомства имя
Самимъ собой преступно обезсмертилъ.
О, я предамъ безсмертію Тебя,
И огненнымъ ужаснымъ языкомъ
Я разскажу всю повѣсть злодѣяній,
Которыми Поэта умерщвляли.

(Приходитъ въ помѣшательство.)
Прощеніе, Альфонсъ, достойно казни!
Какой постыдный, черный заговоръ!
Лукреція, Альфонсъ и Леонора,
Гонзаго, Константини, всѣ вельможи,
Весь Дворъ — одинъ питаютъ злобный умыслъ,
Какъ погубить скорѣе и вѣрнѣе
Несчастнаго Торквата.... (*Гаскано входитъ въ залу.*)

ТАССЪ (*схвативъ за руку Гаскано.*)
Ахъ, Гаскано!
Спасай меня! Кругомъ, вездѣ убійцы....

Тассъ, оклеветанный мстительною Лукреціею, опять навлекаетъ на себя гнѣвъ Герцога. Онъ заключенъ въ больницѣ сумасшедшихъ. Я пропускаю множество прекрасныхъ мѣстъ, и спѣшу къ чудесной, единственной сценѣ, достойной величайшаго поэтическаго генія: къ истинной, выспренней поэзіи ужаса. Этъ — видѣніе Тасса, который провелъ уже семь лѣтъ въ больницѣ сумасшедшихъ. Ему грезится, будто онъ видитъ передъ собою своего генія. Онъ говоритъ съ нимъ, и, въ страшномъ разстройствѣ чувствъ, самъ отвѣчаетъ себѣ вмѣсто него, и продолжаетъ говорить.

Узкая и тѣсная комната въ больницѣ Св. Анны, съ рѣшетчатыми окнами; небольшая кровать, у окна столъ съ бумагами. Сильная буря. Громъ и молнія. Тассъ одинъ сидитъ, совершенно одѣтый, на кровати; вѣтеръ чрезъ отворенное окно шелеститъ бумагами.

ТАССЪ. Ага! Онъ здѣсь! коварный, черный демонъ!
Іерусалимъ онъ хочетъ унести;
Но не найдетъ. (*Молнія.*) Вотъ онъ! Какъ онъ печаленъ!

(Какое-то нестройное видѣніе показывается у окна возлѣ столика. Молнія.)

Какъ пасмурно онъ смотритъ на бумаги!

(Видѣніе принимаетъ невѣрный видъ человѣка. Молнія.)

Съ какой тоской, внимательнымъ прискорбьемъ
Читаетъ онъ мои стихи. Быть можетъ —

(Видѣніе принимаетъ совершенный видъ чернаго духа съ крыльями. Молнія.)

Ты геній мой, моей судьбы властитель,
И потому такъ мраченъ и суровъ.

(Мости входитъ, кладетъ книги у дверей и съ любопытствомъ смотритъ на странное положеніе Тасса.)

ТАССЪ. Спрошу его. Быть можетъ онъ откроетъ
Мнѣ жребій тотъ, который для меня
Онъ вынулъ и исполнить долженъ. Смѣло!

(Сильный ударъ молніи упадаетъ близъ больницы.)

Величественный духъ! Кто ты?

ДУХЪ (коего слова, кажется, раздаются въ воздухѣ; Тассъ всѣ слова духа повторяетъ шопотомъ.)

Твой геній!

ТАССЪ. Какую тайну ты приносишь? ДУХЪ. Славу!

ТАССЪ. Зачѣмъ же ты такъ мраченъ? ДУХЪ. Я читаю
Твои стихи, и каждый божій день
Я вижу, что мои совѣты дерзко
Ты пренебрегъ. ТАССЪ. Какіе, добрый геній!

ДУХЪ. На небесахъ я принялъ чудный даръ
И влилъ въ тебя. И городъ славы вышней,
Іерусалимъ освобожденный, сладко
Ты сочеталъ въ небесныхъ, чудныхъ звукахъ,
И ангелы святые съ умиленьемъ
На небесахъ твоимъ внимали звукамъ,
И ангеломъ тебя, Поэтъ, назвали.
Ты благо жилъ. Душа твоя кипѣла
Высокими страстями, неземными.
Ты отъ земли, какъ небо, отдѣлялся,
Какъ небо, землю ты собой объемля,
Очистившись отъ грѣшныхъ заблужденій,
Ты снова сталъ возлюбленникомъ Бога.
И что жъ? — Поэтъ! Ты возлюбилъ не Бога,

Источникъ мудрости и вдохновеній;
Ты отъ отца неблагодарнымъ сердцемъ,
Какъ грѣшникъ, отклонился; полюбилъ
Обманчивость земнаго совершенства!

ТАССЪ. Я человѣкъ! ДУХЪ. Такъ! Жребій человѣка
Горѣть въ страстяхъ и въ вѣтренныхъ желаньяхъ!
Таковъ обыкновенный человѣкъ.
Но тотъ, кому Господь вливаетъ силу
Прославиться великими дѣлами
На благо человѣческому роду,
Тотъ долженъ истребить въ себѣ всѣ чувства,
О тѣлѣ, о душѣ своей забыть,
И помнить только о святомъ завѣтѣ,
Для коего онъ призванъ въ міръ. Смотри!

(Комната исполняется свѣтомъ; вдали видѣнъ Капитолій; народъ толпится. Старшины Рима несутъ Виргиліевъ вѣнецъ.)

Вотъ что судьба готовила для Тасса!

ТАССЪ *(бросаясь обнять его.)*

Величественный духъ!

(Тассъ обнимаетъ воздухъ. Упавшая за самымъ окномъ съ ужаснымъ трескомъ молнія нѣсколько моментовъ ярко освѣщаетъ комнату и потрясаетъ зданіе. Тассъ, ослѣпленный и не будучи въ силахъ удержаться на ногахъ, невольно падаетъ на колѣни, закрывъ руками глаза.)

Лоретская Пречистая Марія!
Спаси меня и заступи отъ бѣса!
Онъ приходилъ мое разстроить счастье,
Оклеветать меня передо мной;
Но если онъ, правдивымъ языкомъ,
Предсказывалъ мнѣ будущую славу!
О, подтверди святымъ твоимъ знаменьемъ
Его слова, тогда и я повѣрю,
Что грѣшенъ я безмѣрно; что несчастья
Мнѣ въ наказанье небо посылаетъ,
И если мнѣ свободу возвратятъ,
Пойду къ Тебѣ въ Лоретто въ власяницѣ
И босыми ногами....

(Подъемлетъ голову, но увидѣвъ надъ собой золотой вѣнецъ въ сіяніи, падаетъ ницъ.)

Силы неба!

(Небо расчищается и утро начинаетъ свѣтить въ окна.)

МОСТИ *(подбѣгаетъ къ Тассу и поднимаетъ его.)*
Великій! Что съ тобой? ТАССЪ. О юный другъ!
Ты все видалъ? МОСТИ. Нѣтъ! ничего не видѣлъ.
ТАССЪ. Такъ слышалъ? МОСТИ. Нѣтъ! я ничего не слышалъ.
ТАССЪ. Я позабылъ; для глазъ обыкновенныхъ
Невидимъ онъ. МОСТИ. Кого же вы видали?
ТАССЪ. Не черный демонъ то, но свѣтлый геній.

Если это не поэзія, не самая высокая драматическая поэзія«, то во мнѣ нѣтъ души. Этой сцены нельзя читать безъ трепета. Представленная на театрѣ, она заставила бы всѣхъ облиться холодныхъ потомъ. Но одинъ Тальма былъ бы въ состояніи представлять ее: въ его рукахъ она произвела бы такой же ужасный, и гораздо высшій, эффектъ, какъ прославленная сцена лунатизма въ Макбетѣ. Но горе посредственному актеру, который возьмется играть ее безъ поэзіи въ душѣ, въ лицѣ, въ глазахъ и даже въ голосѣ!..... То есть, жаль Поэта, жаль тѣхъ, которые будутъ смотрѣть на подобную игру.

Сцена Тасса, гуляющаго въ саду съ сумасшедшими, вся усѣяна превосходными стихами, и основана на расчетѣ большаго театральнаго эффекта. Она больно, язвительно раздираетъ сердце. Но я хочу скорѣе привести читателей къ постели опасно больной Лукреціи, при которой сидитъ Леонора, – невинность подлѣ преступленія. Мученія коварной изображены съ рѣдкимъ искусствомъ: она не смѣетъ даже молиться Богу, и проситъ сестру научить ее,

Какъ я должна упасть къ Его ногамъ,
Какъ я должна Всесильному молиться?

ЛЕОНОРА *(падаетъ на колѣни.)*

О, Всеблагій! Ты слышишь этотъ голосъ
Полу-смиренный, полу-гордый. — Боже!
Сними кору съ прекраснѣйшаго сердца,
Отчаянье надеждой замѣни!
Влей благодать въ тоскующую душу.
Ты милосердъ, — она преступна; — кто же,
Какъ не преступный, ищетъ милосердья!
Кому же, какъ не грѣшнику, оно
Святымъ твоимъ закономъ суждено?
Она была невинна, непорочна,
Была красой прекраснѣйшаго стада.
Найди ее, о Всемогущій Пастырь!
Возрадуйся своей овцѣ заблудшей!
Я зрю тебя! — И небо улыбнулось,
И ангелы твои возвеселились,
Что въ свѣтлый кругъ ихъ — идетъ новый ангелъ.
Святой отецъ! Еще одна молитва!
Позволь и мнѣ, изгнанницѣ твоей,
Въ свою обитель возвратиться! Срокъ
Давно прошелъ. — Пойдемъ! Онъ насъ зоветъ,
Сестра, зоветъ. — О добрый, милосердый,
Отецъ и Царь! — Нѣтъ словъ, а сколько чувствъ!
Лукреція, какія слезы льются!

(Бросаются другъ къ другу въ объятія и заливаются слезами.)

Должно отдать справедливость молодому Поэту, что, въ знаніи пружинъ драматическаго эффекта или въ счастливомъ ихъ выборѣ, превзошелъ онъ многихъ опытныхъ драматурговъ. Идея этой сцены весьма проста, но крайне трогательна, и нѣжное, умилительное впечатлѣніе, помѣщенное между двумя разнородными ужасами, доказываетъ отличный художническій вкусъ Г. Кукольника. Но развязка приближается. Общій другъ Тасса, Герцога и Лукре-

ціи, Константини, имѣетъ въ рукахъ доказательство Преступленія умирающей сестры Альфонса. Отъ Тасса, изъ больницы сумасшедшихъ, гдѣ Лукреція желала навсегда заключить тайну своего поведенія и его свидѣтеля, успѣлъ онъ получить описаніе всего дѣла. Онъ старается усовѣстить больную, и довести ее до признанія, что она оклеветала Тасса предъ Герцогомъ. Онъ смѣло уличаетъ ее. Стыдъ Лукреціи, ея отчаяніе, борьба ея страстей, и ревность къ сестрѣ, являющаяся подъ личиною заботливости ея о личномъ счастіи соперницы, эта жгучая ревность, которая не оставляетъ сердца, источеннаго порочною любовію даже въ послѣднія минуты жизни, изображены молодымъ поэтомъ съ такою силою, такими глубокими, рѣзкими, огненными чертами, что нельзя не прійти въ изумленіе передъ могуществомъ таланта, сообщающаго уже столько блеска нашей Словесности и обѣщающаго сообщить его еще болѣе. Константини показываетъ Лукреціи бумагу, въ которой заключается доказательство ея срама и злобы.

Прочтите!

Лукреція, съ нѣкотораго времени уже въ сильномъ волненіи, отталкиваетъ бумагу.

Что же?

ЛУКРЕЦІЯ. Невиненъ онъ, невиненъ!—Константини!
Невиненъ! ради Бога, перестаньте!
Невиненъ онъ! Преступницу оставьте!
Но скройте стыдъ.... Сегодня я умру,
Невинности его я буду жертвой....
Бѣгите отъ ужасной.... — Леонора!
Твое присутствіе меня убьетъ.... —
У ногъ твоихъ, ужасный Константини,
Прошу.....

(Падаетъ на колѣни.)

АЛЬФОНСЪ *(входитъ.)* Что это? ЛУКР. Я сама не знаю!
Какой-то демонъ въ персяхъ; на устахъ
Слова, которыхъ я не понимаю
Сама; они уста мнѣ обожгли....
Невиненъ онъ! Клянусь, Торкватъ невиненъ.

(Падаетъ въ изнеможеніи.)

АЛЬФ. Я ничего, мой другъ, не понимаю....

КОНС. Все тотчасъ объяснится, только прежде
Спасти ее намъ должно. *(Подымая Лукрецію)* Герцогиня!

ЛУКРЕЦІЯ *(въ сильной горячкѣ.)*
Торкватъ! Прощайте, вы свободны! АЛЬФ. Боже!
Она въ умѣ немного повредилась.

ЛУКР. Прости меня, божественный Поэтъ,
Прости мнѣ клевету! — Вторая Федра,
Тебя преслѣдуя, себя сгубила;
Жизнь раннюю порокомъ отравила.
Какъ геній, ты мнѣ жизнь благовѣщалъ,
Какъ чистый жрецъ меня благословлялъ,
И посвящалъ въ Весталку вдохновенья
Ничтожное и слабое творенье.
Но я сама, нечистою душой,
Отвергла даръ и чистый и живой!
О удержи напрасные упреки!
(Бѣжитъ и останавливается.)
О добрый духъ! Другъ грозный и жестокій!
Забыла я давно твои черты....
Но гдѣ же ты, несчастный, гдѣ же ты!
Въ темницѣ ты; во гробъ безъ возвращенья
Повергла я любимца вдохновенья!
Онъ счастливъ! Такъ! Небесное чело,
Безъ солнца, тамъ прекрасно расцвѣло.
Не ропщетъ онъ на яростную львицу,
Онъ и забылъ ее; свою цѣвницу
Онъ строитъ для достойнѣйшей жены,
Кѣмъ краткіе его такъ сладки сны;
Врагамъ своимъ и жребію послушной,
Не съ нами онъ, не здѣсь; въ темницѣ душной,

Гдѣ ангелы небесный ароматъ,
Невидные, невидимо курятъ....

(Впадаетъ въ глубокую задумчивость.)

АЛЬФ. Лукреція! ЛУКР. Ты здѣсь? Какъ благъ Господь!
Нечаянно ты исповѣдь услышалъ,
Ту тайну, отъ которой я дрожала,
Которую ни ласки, ни угрозы,
Ни муки не могли бы вырвать. — Стыдно
Мнѣ бъ было признаваться въ столь преступной,
Презрѣнной клеветѣ; но добрый геній
Всѣхъ васъ закрылъ въ моихъ очахъ преступныхъ.
Я видѣла Торквато только. Правда
Изъ устъ моихъ нежданно излилася,
И мѣсто то, гдѣ тайну я хранила,
Наполнило прекраснѣйшее чувство,
Котораго назвать я не умѣю.
О милый братъ, о другъ единый мой!
Прости его, прости! Поэтъ Великій
Не долженъ быть такъ долго наказуемъ
За то, что онъ и чище насъ и лучше.
О милый братъ! Еще одно прошенье! —
Кончаюсь я; ты видишь, смерть косою
Въ моихъ глазахъ убійственно сверкаетъ, —
Позволь ему изъ роковой темницы
Прійти къ одру преступницы несчастной.
Позволь хоть передъ нимъ мнѣ оправдаться....
Что я?.... Не оправдаться, — примириться,
Просить прощенья, плакать о грѣхахъ....
О призови, Альфонсъ великодушный,
Великаго Торквата! АЛЬФ. Константини!
Просите Тасса. —

(Константини уходитъ; Альфонсъ и Леонора отводятъ Лукрецію въ глубину спальни и сажаютъ на кровать. Продолжительное молчаніе.)

ЛЕОН. Лукреція! Ты страшно какъ-то дышишь;
Вокругъ тебя весь воздухъ пламенѣетъ.
ЛУКР. О! тяжко мнѣ! Мой ангелъ, Леонора!
Не оскверняй себя порочнымъ чувствомъ,

И не питай земной любви къ поэту!
Мы женщины; тщеславье или страсть
Чаруютъ насъ. Мы — непорочнымъ сердцемъ
Мужчинъ любить не можемъ; заблужденье,
Тщеславье или страсть, — вотъ наши узы!
Не унижай, другъ милый, Леонора,
Прекраснѣйшаго сердца — честолюбьемъ
Или преступной страстью! — Я прошу —
Молю, — забудь великаго Поэта! —
Волшебница! онъ твой! ты не исполнишь
Моей мольбы.... Темнѣетъ свѣтъ.... Сестра!
Забудь его.... Мнѣ душно, кровь клокочетъ....
Забудь его!... О стыдъ и униженье.... (Тассъ входитъ.)
Невиненъ онъ! Я всѣхъ васъ обманула!....
Забудь его!... Вотъ мой судья приходитъ.

(Тассъ подбѣгаетъ и падаетъ у ея кровати на колѣни; Лукреція хватается за сердце.)

Ахъ! сердце, сердце.... (*Съ пронзительнымъ крикомъ.*)
Га! разорвалось!.... (*Умираетъ.*)

Вотъ, гдѣ драма! настоящая, сильная, великая драма! И вслѣдъ за этимъ горькимъ, мучительнымъ, ужаснымъ зрѣлищемъ, молодой поэтъ, съ истиннымъ инстинктомъ генія, чтобъ еще сильнѣе растравить рану зрителя, чтобъ переломить въ его сердцѣ ножъ, уже возженный въ его грудь, вдругъ перемѣняетъ сцену. Въ комнатѣ Смотрителя за дворцомъ, дѣвушка лѣтъ шестнадцати беззаботно поетъ одна и пляшетъ:

РОЗИНА (*одна, пляшетъ и поетъ.*)

Когда дѣвица жить начнетъ,
Всё веселиться, прыгать хочетъ;
О мужѣ-скукѣ не хлопочетъ,
И всё поетъ.

И на яву, и въ сладкомъ снѣ,
То музыка, то пляска снится;

Какъ ноги, голова кружится
И вся — въ огнѣ.

Но если скука — мужъ придетъ,
Она всѣ радости разлюбитъ,
Одну тоску свою голубитъ
И не поетъ.

Но такъ и быть! Я полюбила скуку, —
И какъ она прекрасна и мила!

Эта скука есть молодой Мости, который присутствовалъ мрачному видѣнію Тасса. Скоро приходитъ и Мости съ радостнымъ извѣстіемъ, что Тассъ прощенъ совершенно, что Лукреція умерла отъ страсти. Розина невинно спрашиваетъ у него:

О Джуліо! что это значитъ: страсть?
МОСТИ. Огонь въ крови, огонь въ душѣ и сердцѣ;
Пріятное затмѣніе разсудка,
Очаровательное горе.... РОЗИНА. Мости!
Испанка я, — и вашъ языкъ прелестный
Мнѣ дикъ и новъ; и многихъ, многихъ словъ
Еще не понимаю; что сказалъ ты,
Я, признаюсь, не поняла. Какъ? горе
Очаровательно! — Какъ хочешь, милый,
А мнѣ смѣшно. — Огонь въ душѣ! Прекрасно!
Вотъ страсть!

(Слышенъ колокольный звонъ.)

МОСТИ. Что это? РОЗИНА, Умеръ кто нибудь;
Вѣдь это такъ обыкновенно! Полно
Печалиться; и мы съ тобой умремъ.

(Звонъ становится сильнѣе.)

Развеселить тебя? Я протанцую,
Спою твою любимую октаву. *(Начинаетъ пѣть.)*

Душа велѣла *жизнь* любить,
А *жизнь* и *душу* ненавидѣть....

Удивительно! удивительно!

Послѣ подобныхъ доказательствъ необыкновеннаго таланта, всякой изъ насъ смѣло можетъ возгордиться такимъ блистательнымъ явленіемъ въ Русской Словесности, – какъ Г. Кукольникъ. Въ Драмѣ все казалось конченнымъ: Тассъ свободенъ, Лукреція умерла, добродѣтель восторжествовала, и я боялся уже подобнаго пятаго акта, какъ въ Гернани, когда молодой поэтъ неожиданно и очень счастливо нашелъ еще средство удержать интересъ за своимъ героемъ и Леонорою, и перенести всѣ мои чувства вмѣстѣ съ ними въ Римъ. Этотъ послѣдній актъ приноситъ величайшую честь поэтическимъ дарованіямъ юнаго нашего Гете. Несмотря на нѣкоторые недостатки, онъ поистинѣ величественъ, и, что всего болѣе меня удивило, – величественъ безъ надменности, безъ хвастливыхъ фразъ и высокопарности, которыя почти всегда принимаются молодыми писателями за высокое. Сочинитель не могъ лучше заключить своей Фантазіи, какъ поставивъ вдохновеннаго поэта передъ лицемъ города, заключающаго въ себѣ всю поэзію земнаго величія человѣка.

Тассъ стоитъ на крыльцѣ Пантеона. Народъ, считая его бродягою, наружность котораго не понравилась ему съ перваго взгляда, требуетъ, чтобы прогнали его оттуда, даже хочетъ сбросить его съ крыльца. Между тѣмъ, кто-то сказалъ, что это Тассъ, великій Поэтъ, и чернь, съ тою же легкомысленностью, съ какою преслѣдовала за мигъ передъ тѣмъ, кричитъ: Вѣнчать его!..... Восторженный народъ поднимаетъ на руки, и, среди радостныхъ кликовъ, уноситъ со сцены поэта, уже изнемогающаго подъ бременемъ душевной и тѣлесной скорби.

Тассъ передъ Капитоліею: видъ могучаго зданія, отягощеннаго воспоминаніями всѣхъ вѣковъ и всѣхъ

почти народовъ, взволновалъ его сердце въ слабой и разстроенной груди: онъ получаетъ лирическое вдохновеніе, и произноситъ стихи, достойные имени Тасса.

НАРОДЪ. Торквато Тассъ! Поэту честь и слава!
ТАССЪ. Благодарю, друзья, благодарю!
Отъ радости я изнемогъ!.... Мнѣ дурно....
О! дайте сѣсть... Пусть сладкій воздухъ Рима
Мнѣ возвратитъ слабѣющія силы.

(Приносятъ кресла. Тассъ садится и погружается въ мечтанія. Народъ пребываетъ въ благоговѣйномъ безмолвіи. Тассъ продолжаетъ тихимъ, но внятнымъ голосомъ.)

И это все для нищаго пѣвца!
Для бѣднаго пѣвца Іерусалима!....
Какъ оглянусь, мнѣ кажется, я прожилъ
Какую-то большую эпопею,
Трагедію огромную я прожилъ.... —
День настаетъ; готовится развязка,
И утромъ я засну вечернимъ сномъ.... —
Настанетъ время, и меня не будетъ,
И всѣ мои мечты и вдохновенья
Въ одно воспоминанье перельются!
Въ Италіи моей уснетъ Искусство,
Поэзія разлюбитъ край Торквата, —
И перейдетъ на Западъ и на Сѣверъ!.... —
Тогда въ снѣгахъ, въ туманномъ, хладномъ сердцѣ
Пробудится о мнѣ воспоминанье....
Тотъ юноша, холодный и суровый,
Отъ всѣхъ храня всѣ мысли и всѣ чувства,
Какъ друга своего, меня полюбитъ,
Какъ полюбилъ меня тотъ семилѣтній
И странный другъ въ больницѣ сумасшедшихъ.
Шесть лѣтъ со мной онъ будетъ безъ разлуки.
Еще дитя, въ училищѣ, за книгой,
Онъ обо мнѣ начнетъ мечтать и думать
И жизнь мою разскажетъ передъ свѣтомъ. —
Какъ біографъ, холодный и пристрастный,
Онъ не пойдетъ годъ отъ году искать
Всѣхъ горестей моихъ и всѣхъ несчастій,

Чтобъ въ безобразной кучѣ ихъ представить.
Нѣтъ! Онъ въ душѣ угрюмой воскреситъ
Всю внутреннюю жизнь Торквата Тасса —
И выставить ее въ науку людямъ....
И эти люди прибѣгутъ смотрѣть,
Какъ жилъ Торкватъ; — большая половина
Трагедію прослушаетъ безъ вздоха!
Всегда, вездѣ одни и тѣ же люди....
Но, можетъ быть, — кто знаетъ? — поколѣнья
Измѣнятся.... Постойте!.... Вижу я:
Весь Западъ въ хладный Сѣверъ переходитъ....
О! сколько тамъ пѣвцовъ и музыкантовъ,
Художниковъ и умныхъ и искусныхъ!
Италіи моей уже не видно....
Но мѣсто то, гдѣ чудная лежала,
Покрылъ высокій холмъ, — могильный холмъ,
Но все еще великій и прекрасный!
Въ немъ есть врата, и любопытный Сѣверъ
Тѣснится въ нихъ, то входитъ, то выходитъ...
И всякій разъ изъ чуднаго холма
Какой нибудь кладъ дорогой уноситъ....
Но снова все туманится и тмится,
И я опять *одинъ* на цѣломъ свѣтѣ!

(Впадаетъ въ глубокую задумчивость.)

МОСТИ. Въ горячкѣ онъ? скажи мнѣ, Риги, правду!

РИГИ. Нѣтъ, Джуліо! Онъ къ смерти очень близокъ;
А я читалъ, что будто передъ смертью
Предвидятъ все чувствительные люди....

ТАССЪ. Опять народъ, опять весь свѣтъ кипитъ!
Вотъ вижу я: въ толпѣ кудрявыхъ Тевтовъ
Поднялись два гиганта и въ вѣнцахъ!
Одинъ — меня узналъ и сладкой лирой
Привѣтствуетъ! Благодарю, поэтъ!
Другой мечту прекрасную голубитъ;
Какъ пламенно свою мечту онъ любитъ;
И правъ поэтъ! Прекрасная мечта!
Но мнѣ дика простая красота
Безъ вымысловъ наряда, украшеній,
И страненъ звукъ Германскихъ вдохновеній!

Друзья мои! Вотъ истинный поэтъ!
Послушайте, какъ стихъ его рокочетъ,
То пламенно раздастся, то умретъ,
То вдругъ скорбитъ, то пляшетъ и хохочетъ.
Вокругъ него морозъ, свирѣпый хладъ,
(Огни гаснутъ, разсвѣтаетъ.)
А все на немъ цвѣтетъ вѣнецъ лавровый. —
Откуда онъ? — Невѣдомый нарядъ!
Подъ шубой весь и въ шапкѣ соболевой!
Анакреонъ, Горацій, Симонидъ
Вокругъ стоятъ съ подъятыми очами,
И Пиндаръ самъ почтительно глядитъ,
Какъ онъ гремитъ полночными струнами!
Что жъ онъ поетъ? Его языкъ мнѣ новъ.
Въ немъ громъ гремитъ въ словахъ далекогласныхъ,
Тоска горюетъ тихо, — а любовь
Купается въ созвучьяхъ сладострастныхъ!
Какъ сей языкъ великолѣпенъ, гордъ!
Какъ риѳмъ его лобзаніе роскошно!
Какъ гибокъ онъ — и вмѣстѣ какъ онъ твердъ!
Благословенъ языкъ земли полночной!
Не разберу я, къ сожалѣнью, словъ;
Онъ, кажется, поетъ про честь, про славу,
Про сладкую къ отечеству любовь,
Про новую, полночную Державу....
Но снова все туманится и тмится,
И я опять одинъ на цѣломъ свѣтѣ.
(Погружается въ совершенное забытіе.)

Вотъ настоящая Поэзія! Замѣтимъ здѣсь случайное сходство весьма простительнаго истинному таланту инстинкта тщеславія у двухъ нашихъ молодыхъ, но уже великихъ, художниковъ, Карла Брюллова и Н. Кукольника, которые, трудясь въ двухъ противоположныхъ концахъ Европы и въ двухъ различныхъ родахъ, въ одно и тоже время возъимѣли одинаковую мысль, — помѣстить себя въ своихъ твореніяхъ. Это простое слѣдствіе ощущенія въ душѣ сво-

ей присутствія генія, и противъ подобнаго чувства ни какая ложная скромность устоять не можетъ. Я не стану укорять за то ни того, ни другаго, но боюсь вліянія опаснаго ихъ примѣра. Будетъ бѣда, какъ всѣ мы ощутимъ въ себѣ присутствіе генія, и, въ доказательство этой истины, начнемъ подчивать публику собственными нашими портретами!..... Г. Кукольникъ притомъ еще отличный пророкъ: онъ весьма ловко предсказалъ, что большая часть читателей и слушателей не пойметъ его сочиненія. Но, на этомъ поприщѣ, неожиданно столкнулся онъ со мною: я тоже имѣю большое притязаніе на даръ прорицанія. И чтобъ доказать ему, что еще лучше его умѣю предсказывать будущность, я объявлю ему отдаленную судьбу его творенія. Прошу только послушать: «Придетъ время, что соберется на землѣ большой «кругъ записныхъ знатоковъ Словесности, цѣловаль-«никовъ изящнаго, страшныхъ судей стиховъ и про-«зы. Тамъ, въ этомъ кругу, будетъ читана ваша Фан-«тазія. Ее разругаютъ впрахъ!.... Нѣкоторые, только «изъ состраданія къ вашей юности, будутъ защи-«щать васъ, и скажутъ: – Конечно! она слаба, но «въ ней есть много изряднаго: зачѣмъ же огорчать «молодаго человѣка?..... Другіе согласятся съ этимъ «мнѣніемъ, не дорожа своимъ собственнымъ. Всѣ «эти судьи будутъ зѣло понимать Поэзію и Драму!» Увидите, юный Поэтъ, что мое предсказаніе сбудется еще въ концѣ этого столѣтія, не то въ началѣ будущаго. Въ противномъ случаѣ позволяю вамъ всенародно прокричать среди Невскаго Проспекта, что я не гожусь въ пророки.

Я довольно уже ограбилъ ваше сочиненіе, и совѣщусь привести еще одно мѣсто, красоту котораго непремѣнно желалъ бы показать читателямъ этого журнала, именно, импровизацію Тасса во время вѣн-

чанія его въ Капитоліи. Тассъ умираетъ въ самую торжественную минуту его жизни, когда безсмертный лавръ коснулся его чела. Картина превосходная и чрезвычайно трогательная: ею и должна была окончиться чудесная эта Фантазія. Ежели поэту позволяется нарушать Исторію, то только такимъ образомъ: ни какой историческій характеръ не исковерканъ, и одна лишняя красота пріобрѣтена для Поэзіи. Но Поэтъ, къ сожалѣнію, не исчерпалъ всей горькой, мучительной прелести своего прекраснаго и невиннаго вымысла. Здѣсь не достаетъ одного слова, одного только слова, но такого, которое нанесло бы послѣдній ударъ зрителю, которое долго еще раздавалось бы въ его сердцѣ послѣ выхода изъ театра, — и это слово должно происходитъ изъ устъ, изъ глубины души Леоноры, присутствующей при торжествѣ и кончинѣ злополучнаго своего любовника. Она только закрываетъ лице руками. Этого мало! Одно или два слова, произнесенныя любовницею со всѣмъ жаромъ страсти и пронзительностью отчаянія, усовершило бы эффектъ и разразило зрителя. Это необходимо.

Обнаруживъ одинъ недостатокъ въ произведеніи Г. Кукольника, я скажу и о другихъ, откровенно, и съ тѣмъ же чувствомъ убѣжденія, съ какимъ хвалилъ достойное похвалы. Почти непостижимо, отъ чего всѣ пояснительныя сцены такъ слабы у поэта, который съ такимъ могуществомъ дарованія начерталъ и отдѣлалъ сцены, посвященныя чувству и страсти. Онѣ вообще слишкомъ длинны; нѣкоторыя изъ нихъ даже вовсе ненужны. Во второмъ актѣ, 2-й выходъ, то есть, монологъ Лукреціи, долженствовалъ бы быть гораздо короче и сильнѣе, хотя послѣдніе шесть стиховъ очень хороши и кстати; 3-й выходъ очень слабъ, даже недостоинъ занимать

свое мѣсто; первый выходъ втораго явленія совершенно безполезенъ: гораздо лучше начать явленіе прямо съ шествія Альфонса и съ нищихъ. Когда интересъ усиливается, когда красоты и эффекты толпятся отвсюду, надо ускорять ходъ дѣйствія. Luca, fa presto! Не заставляйте насъ долго дожидаться Тасса и Леоноры: безъ нихъ нѣтъ интереса. Напротивъ, четыре послѣдніе стиха втораго акта недостаточны для изображаемаго ими положенія, которое слѣдовало развернуть обстоятельнѣе и живописнѣе. Первое явленіе третьяго акта также длинно, слишкомъ длинно, и всѣ объясненія между Герцогомъ и его Секретаремъ заслуживаютъ подобный же упрекъ, кромѣ другой ошибки, о которой скажемъ немедленно. Явленіе четвертое послѣдняго акта безъ всякой пользы перенесено въ домъ Кардинала д' Эстъ, — Поэтъ вѣроятно хотѣлъ сказать, Кардинала д' Эсте: тѣмъ напрасно только замедляется быстрота дѣйствія, и развлекается вниманіе. Luca, fa presto! Оно должно быть соединено съ послѣднимъ выходомъ пьесы.

Ошибка особеннаго рода, о которой упомянулъ я выше, состоитъ въ томъ, что нашъ молодой Поэтъ совсѣмъ неспособенъ къ секрету, и всегда напередъ перескажетъ вамъ, что будетъ. Съ подобною болтливостью нельзя вести ни какой интриги. Весь эффектъ разстраивается, когда напередъ знаешь слѣдствіе или существо дѣла. Ни Тассъ, во время своего видѣнія, не долженъ говорить, что онъ предвидитъ свое торжество; ни Герцогъ поручать своему Секретарю оправданіе Тасса; ни послѣдній объявлять, что надѣется оправдаться. Все это должно дѣлаться, но не надо говорить зрителю, для чего дѣлается, ибо, какъ скоро заранѣе упомянете вы мнѣ *торжество*, *оправданіе* я, по врожденной мнѣ смышлености театральнаго

зрителя, тотчасъ знаю, что оправданіе и торжество послѣдуютъ непремѣнно, и, вмѣсто того, чтобъ слушать вашу пьесу, пойду по ложамъ отпускать знакомымъ дамамъ комплименты на счетъ превосходнаго эффекта ихъ беретовъ и турбановъ. Это тоже важная часть драмы, и я совѣтую вамъ неумолимо мучить мое любопытство скрытностью, недоумѣніемъ, секретомъ, ежели хотите приковать взоры мои къ сценѣ и отвлечь ихъ отъ прелестныхъ беретовъ и турбановъ перваго яруса. Я большой до нихъ охотникъ, наравнѣ съ прочими кресельными моими друзьями.

Но всѣ исчисленные мною недостатки и погрѣшности такъ поверхностны, что, не нарушая зданія поэмы, они могутъ быть исправлены нѣсколькими почерками пера, и *ubi tanta nitent in carmine, paucis non ego offendar maculis.*

Скоро послѣ выхода этой возвышенной Фантазіи, появилась Драма подъ тѣмъ же заглавіемъ, «Торквато Тассо». Авторъ ея неизвѣстенъ, по крайней мѣрѣ мнѣ. Онъ избралъ предметомъ своимъ Тасса человѣка, тогда, какъ Г. Кукольникъ изобразилъ отвлеченное, лирическое лице, Тасса поэта. Самый сюжетъ безъименнаго сочинителя уже представлялъ гораздо менѣе живописнаго.

Разборъ эпохи Іоанна и Баторія и предъидущей пьесы могъ удостовѣрить всякаго, что я изъявляю свое мнѣніе по личному моему воззрѣнію на предметъ и родъ изящнаго сочиненія, и не спрашиваю совѣта ни у Риторики, ни у Піитики, о томъ, что должно мнѣ нравиться, а что нѣтъ. Я не умѣю чувствовать по даннымъ правиламъ, и признаюсь откровенно, что у меня, въ моемъ скудномъ собра-

ніи понятій, нѣтъ ни одного готоваго удивленія ни для какого въ свѣтѣ великаго литературнаго имени. Я такъ дерзокъ, что даже о Шекспирѣ, о Корнелѣ, Расинѣ, Шиллерѣ, Байронѣ, Гёте, Пушкинѣ, сужу по собственнымъ моимъ впечатлѣніямъ, а не по ихъ славѣ, и въ тѣхъ только мѣстахъ удивляюсь имъ болѣе или менѣе, гдѣ они поражаютъ меня большею или меньшею возвышенностію своего ума надъ чертою нуля, то есть, надъ моимъ собственнымъ умомъ. Все, что я вижу не выше этой черты, называю обыкновеннымъ; что ниже, слабымъ, – и повергаюсь ницъ съ благоговѣніемъ только тамъ, гдѣ высота чужаго ума выходитъ за предѣлы градусовъ моего критическаго термометра, въ которомъ, какъ я сказалъ, мой умъ образуетъ точку замерзанія. Кто разогрѣетъ его силою своихъ мыслей и подвинетъ вверхъ на извѣстное число градусовъ, тотъ для меня хорошій писатель и художникъ; кто заморозитъ его своею безчувственностью и отсутствіемъ теплыхъ, пылкихъ мыслей, кто заставитъ его опуститься ниже нуля, и произведетъ въ моемъ сердцѣ ознобъ, насморкъ въ моихъ понятіяхъ, того я объявляю скучнымъ и несноснымъ, хоть бы онъ былъ знаменитъ, какъ вся Исторія. По-этому, для меня нѣтъ образцовъ въ Словесности: все образецъ, что превосходно, и я такъ же громко восклицаю «великій Кукольникъ!» передъ его видѣніемъ Тасса и кончиною Лукреціи, какъ восклицаю «великій Байронъ!» передъ многими мѣстами твореній Байрона. Мой умъ стоитъ на точкѣ замерзанія: всей умственной атмосферѣ планеты позволяется свободно на него дѣйствовать, позволяется производить въ немъ осцилляцію, поднимать и понижать, какъ угодно, – я только обязуюсь вѣрно показывать градусы, на которыхъ онъ остановится. И въ нынѣшнемъ состояніи литературныхъ ученій, когда страшный умственный пе-

реворотъ перековалъ въ кинжалъ даже тотъ аршинъ, которымъ люди такъ удобно мѣряли изящныя красоты подобно атласнымъ лентамъ, я не вижу возможности другаго критическаго мѣрила. Безпристрастною критикою называю я то, когда по чистой совѣсти говорю тѣмъ, которые хотятъ меня слушать, какое впечатлѣніе лично надо мною произвела данная книга. Но степень моего впечатлѣнія не есть правило для другихъ. Критика въ наше время сдѣлалась картиною личныхъ ощущеній всякаго, – всякаго, одареннаго отъ природы яснымъ чувствомъ средствъ и способовъ, которыми изящное можетъ производить полное и пріятное дѣйствіе надъ сердцемъ и воображеніемъ человѣка. О правилахъ нѣтъ и рѣчи. Одно только условіе въ этомъ чувствѣ средствъ и способовъ, условіе à priori, – нравственность. Вкусъ, – это прихоть беременной женщины, которая есть общество. Слѣдственно, по прочтеніи критики, и спорить не объ чемъ: одно средство, изъявить, независимо отъ обнаруженнаго уже мнѣнія, другое, различное мнѣніе, съ такимъ же чистосердечіемъ, но безъ опроверженій, ибо опровергать чужія ощущенія ровно столько же смѣшно, сколько неудобоисполнимо. Въ ученой критикѣ другое дѣло! Тамъ можно доказывать, основываясь на несомнѣнныхъ данныхъ; но въ литературной, какъ скоро я вѣрно и совѣстно обнаружилъ передъ вами, безъ малѣйшей утайки, все количество пристрастія, какое прочитанная книга внушила мнѣ въ свою пользу, взлѣзайте на башню и кричите міромъ: – Ахъ, какой безпристрастный критикъ!... Я сниму шляпу, и поклонюсь.

И такъ, я говорю, что Драма безъименнаго прозо поэта, – она состоитъ изъ стиховъ и прозы, – можетъ быть читана съ большимъ удовольствіемъ,

даже послѣ Фантазіи Г. Кукольника. Въ ней несравненно менѣе драмы, нежели въ Фантазіи, но болѣе, нежели въ другихъ нашихъ оригинальныхъ Драмахъ послѣднихъ годовъ. Здѣсь по крайней мѣрѣ встрѣтилъ я игру страстей. Сначала, два первыя дѣйствія обѣщаютъ довольно сильную завязку интриги, но въ третьемъ узы ея ослабѣваютъ, и Драма превращается въ историческое повѣствованіе въ лицахъ. Она опять пробуждается въ пятомъ, посчастію, очень короткомъ дѣйствіи. Драматическіе эффекты совершенно выпущены въ ней изъ виду. За то есть нѣсколько трогательныхъ сценъ. Разговоры ведены искусно, съ соблюденіемъ всѣхъ приличій: ничто въ Драмѣ не поражаетъ васъ неумѣрностью, – и это много *! Характеръ Тасса незначителенъ: Тассъ-человѣкъ, и самъ не весьма важное лице. Авторъ поставилъ его подъ защитою довольно слабаго чувства, – сожалѣнія о несчастномъ положеніи его въ свѣтѣ. Тассъ съ сильными страстями былъ бы гораздо занимательнѣе. Почтительная любовь его къ Ленорѣ и любовь Леноры, подавленная всею тяжестію гордости ея рода, для драматическихъ пружинъ слишкомъ слабы. Сочинитель хотѣлъ подкрѣпить дѣло страстною любовію Маркизы Скандіано, но Тассъ къ ней холоденъ, и мы холодны къ ней вмѣстѣ съ Тассомъ, ибо все наше соучастіе должно стремиться въ ту же сторону, какъ и его сердце, – къ Ленорѣ. Это жалкая жертва, но не очень интересная. Характеры Альфонса, Леноры, Графа Чинерозы и даже Джіодоли, созданы хорошо въ своемъ родѣ, и нарисованы рѣзко и смѣло немногими чертами. Въ этомъ отношеніи безъименный авторъ явилъ по крайней мѣрѣ

* Только изъ монахинь не надобно было дѣлать Статсъ-дамъ Папы. Монахини въ Ватиканѣ, вмѣстѣ съ кавалерами, дамами и монахами, большая несообразность.

столько искусства, что позволяетъ намъ предвидѣть въ немъ будущаго хорошаго драматурга. Только, одно замѣчаніе. Хотя Маркиза Скандіано удѣлила Автору предметъ одной весьма милой и другой очень хорошей сцены, но характеръ ея неправдоподобенъ, потому, что не основанъ на изображеніи предъидущей ея жизни, – что однако жъ отнюдь не значитъ, чтобы онъ не былъ истиненъ. Онъ очень часто встрѣчается въ Природѣ, но не все правдоподобно, что истинно: правдоподобіе въ Драматическомъ Искусствѣ важнѣе истины, и всегда зависитъ отъ хорошей обрисовки обстоятельствъ. Лучшая драматическая сцена, помоему мнѣнію, есть свиданіе Тасса съ сестрою. Вообще, въ цѣлой пьесѣ примѣчательно много драматическаго таланта.

Языкъ вездѣ чистъ и плавенъ. Я не назначаю опредѣленнаго мѣста въ Драмѣ ни стихамъ, ни прозѣ. Стихи и проза, коль скоро хороши, хороши повсюду, – а проза безъименнаго Автора даже очень хороша. Образцы ничего не доказываютъ въ этомъ отношеніи. Слово *образецъ* соотвѣтствуетъ не слову *прекрасное*, но слову – *подражатель*, а я никого не принуждаю къ подражанію: напротивъ, совѣтую всякому быть оригинальнымъ, и слушаться только собственнаго своего вдохновенія.

Я желалъ бы привести изъ этой Драмы хоть одно мѣсто, но ни одно не поразило меня своею силою. Все вообще довольно пріятно; ничто не приводитъ въ удивленіе.

Сравнивая относительное достоинство двухъ этихъ пьесъ между собою, и приспособленіе всякой изъ нихъ къ сценѣ, или представленію на театрѣ, можно вывести слѣдующую выкладку. Драма безъимен-

наго сочинителя во многихъ мѣстахъ можетъ пріятно растрогать слушателей и быть выслушанною до конца. Фантазія Г. Кукольника, исправленная въ нѣкоторыхъ мелкихъ погрѣшностяхъ противъ интриги, и разыгранная отличными актерами, возбудила бы рыданіе, ужасъ, сильное и торжественное потрясеніе души: иначе, она слишкомъ высока для сцены.

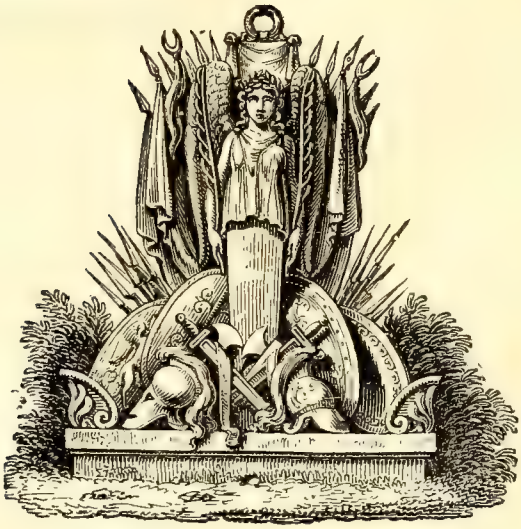
ТЮТЮНДЖЮ-ОГЛУ.

=

* * * Недостатокъ мѣста лишаетъ насъ удовольствія распространиться еще о двухъ примѣчательныхъ явленіяхъ въ нашей Поэзіи, «Стихотвореніяхъ Н. Языкова», и «Поэтическихъ опытахъ дѣвицы Кульманнъ». Въ особенности сожалѣемъ, что намъ не удалось сказать о послѣднемъ, а объ немъ можно было сказать много, очень много. Истинное поэтическое дарованіе въ молодой женщинѣ есть одно изъ любопытнѣйшихъ и свѣтлѣйшихъ метеоровъ человѣческой природы: ея поэзія — блистательныя ленты души; всѣ ея мысли — продолженіе сердца, созданнаго нарочно для одной только страсти. Стихотворенія Н. Языкова, равно какъ собраніе поэтическихъ трудовъ И. И. Козлова, вышедшее также въ прошломъ году, состоятъ изъ пьесъ, вообще прежде уже напечатанныхъ, отдѣльно или по разнымъ Журналамъ. Пріобрѣтенный ими успѣхъ освобождаетъ насъ отъ подробнаго ихъ разбора, и мы прощаемся, прощаемся навсегда со Словесностью 1833 года и всѣхъ прошедшихъ годовъ. Насъ ожидаетъ бу-

дущность, въ первый день которой раждается на свѣтъ дитя, — какъ вы изволите видѣть, — плотное, жирное, здоровое, нарѣченное отцомъ своимъ Библіотека для Чтенія Поздравьте его съ рожденіемъ, и, если его наружность можетъ въ нашемъ суевѣрномъ вѣкѣ быть принята въ хорошую примѣту, ожидайте отъ Словесности благополучно начинающагося года поколѣнія изящныхъ великановъ. Что да сбудется!

Т.-О.



VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ДЕКАБРЬ, 1833.

Горе отъ ума, *Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе* Александра Сергѣевича Грибоѣдова. *Москва, въ типографіи Августа Семена,* 1833, *въ*-8, *стр.* 178.

Наконецъ «Горе отъ ума» вышло изъ печати!.... Здѣсь не мѣсто разбирать это прекрасное твореніе: сверхъ того, разбирая его, пришлось бы разбирать не сочиненіе умнаго и несчастнаго Грибоѣдова, но пристрастіе девяти десятыхъ частей Россіи къ этому сочиненію, и отвращеніе, обнаруживаемое одною десятою частію. «Горе отъ ума» имѣетъ повсюду столь же пламенныхъ обожателей, какъ враговъ. И самое то обстоятельство, что оно заслужило себѣ пламенныхъ противниковъ, уже неоспоримо доказываетъ высокое его достоинство: въ Словесности не всякой, кто хочетъ, имѣетъ жестокихъ враговъ. Есть поэты и прозаики, которые мечутся, какъ угорѣлые, прибѣгаютъ къ наглости и оскорбительнымъ обвиненіямъ, стараются даже обидѣть, чтобъ только похвастать враждою нѣкоторыхъ своихъ собратій, — и вмѣсто вражды получаютъ отъ нихъ одинъ смѣхъ. Это ужъ вѣрный признакъ посредственности ихъ произведеній! Но когда книга удостоивается сильной вражды, будьте увѣрены, что она необыкновенна во всѣхъ отношеніяхъ.

Комедія Грибоѣдова безъ-сомнѣнія не чужда недостатковъ по части искусства, но общее восхищеніе, съ какимъ Россія ее приняла, загладило ея грѣхи и сдѣлало ея красоты народною собственностью. Теперь о красотахъ ея должно говорить такъ, какъ Англичанинъ и Испанецъ говорятъ о красотахъ Шекспира и Кальдерона; о недостаткахъ, съ тѣмъ же уваженіемъ, съ какимъ они разсуждаютъ о погрѣшностяхъ, примѣчаемыхъ въ твореніяхъ этихъ двухъ писателей. Кто безусловно поноситъ «Горе отъ ума», тотъ оскорбляетъ вкусъ всего народа и судъ, произнесенный всею Россіею. Это народная книга: нѣтъ Русскаго, который бы не зналъ наизусть по крайней мѣрѣ десяти стиховъ изъ этой Комедіи.

«Горе отъ ума» было сравниваемо почти со всѣми лучшими произведеніями этого рода въ Европейской Словесности, исключая съ тѣмъ, съ которымъ геній самаго Автора хотѣлъ

поставить его на ряду, и дѣйствительно поставилъ. «Горе отъ ума» занимаетъ въ нашей Словесности, по своему роду и духу, именно то мѣсто, которымъ «Свадьба Фигаро», извѣстная Комедія Бомарше, овладѣла во Французской. Подобно «Свадьбѣ Фигаро», это Комедія политическая: Бомарше и Грибоѣдовъ, съ одинаковыми дарованіями и равною колкостію сатиры, вывели на сцену политическія понятія и привычки обществъ, въ которыхъ они жили, мѣряя гордымъ взглядомъ народную нравственность своихъ отечествъ. Если «Горе отъ ума» уступаетъ творенію Французскаго комика въ искусности интриги, съ другой стороны оно возстановляетъ равновѣсіе свое съ нимъ въ отношеніи къ внутреннему достоинству поэтическою частью и неподражаемою прелестью разсказа.

Въ этомъ изданіи примѣчаются нѣкоторые маловажные пропуски противъ рукописныхъ экземпляровъ, которыми наводнена Россія: память нынѣшнихъ читателей легко пополнитъ подобныя мѣста при чтеніи, а будущее поколѣніе читателей отнюдь ничего не потеряетъ: эти пропуски ни мало не уменьшаютъ достоинства книги, и слава Сочинителя не затмится, пожертвовавъ въ пользу роднаго общества нѣсколькими лишними колкостями, излитыми его перомъ въ минуту разсѣянности или сплина.

Аскольдова могила, *Повѣсть временъ Владиміра I. Сочиненіе* М. Загоскина. *Москва*, 1833, *три части*, *въ* - 12, *стр.* IX и 246—292—334.

Всякой видитъ, по одному заглавію, что предметъ этого Историческаго Романа, названнаго Повѣстью по скромной формѣ, предписанной покойнымъ Вальтеромъ Скоттомъ, принадлежитъ временамъ, безпредѣльно романическимъ, — эпохѣ Варяговъ, эпохѣ введенія Христіанской Вѣры въ Россію. Нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ періодъ нашей Исторіи не представляетъ такихъ богатыхъ и такихъ разнообразныхъ сюжетовъ для Романа, какъ нашъ періодъ Норманнскій. Но нельзя также не согласиться, что, кромѣ всѣхъ другихъ дарованій, нужна еще почти исполинская ученость въ романистѣ, чтобъ быть Вальтеромъ Скоттомъ подобнаго періода. Здѣсь писатель долженъ знать не только всѣ историческія тайны стариннаго Сѣвера, не только имѣть точное свѣдѣніе объ этнографическихъ его подробностяхъ и быть коротко знакомымъ со Скандинавскою Словесностію, чтобъ удачно изобразить нравы, образъ мыслей, и даже тонъ разговора Варяговъ, но еще обнять и проникнуть до самой глубины

всѣ вообще части Россійской Исторіи въ нравственномъ и филологическомъ ея отношеніяхъ, чтобъ отдѣлить, отъ общей массы нынѣшняго народнаго быта и языка, обычаи, понятія и выраженія, принадлежащія позднѣйшимъ эпохамъ, и составить себѣ запасъ чистыхъ, безъ всякой примѣси, несомнѣнныхъ матеріяловъ, изъ которыхъ могъ бы онъ создать болѣе или менѣе вѣрную картину того отдаленнаго времени.

Г. Загоскинъ, съ появленія «Юрія Милославскаго» сдѣлавшійся любимымъ романистомъ публики, не побоялся всѣхъ этихъ трудностей, дѣла: за то и дѣло мастера не испугалось. Въ краткомъ и скромномъ предисловіи, онъ изъявляетъ опасеніе, что мы не захотимъ прочитать всей его книги, и проситъ насъ по крайней мѣрѣ прочитать главы, на которыя самъ указываетъ. Онъ, видно, имѣетъ объ насъ весьма дурное мнѣніе. Чтобъ пристыдить его, скажемъ, что мы прочитали весь его Романъ съ большимъ удовольствіемъ, отъ доски до доски. Сдѣлайте одолженіе, почтеннѣйшій Михайла Николаевичъ, не указывайте намъ, что мы должны читать въ вашей книгѣ: мы сами отыщемъ въ ней мѣста, которыя намъ понравятся. Какъ бы не такъ! Ни одинъ изъ нынѣшнихъ нашихъ писателей не умѣетъ такъ искусно поддѣлываться подъ просторѣчіе, ни одинъ такъ удачно не рисуетъ комическихъ характеровъ Русскаго чернаго народа, какъ Загоскинъ. Въ его «Аскольдовой могилѣ» не надобно искать результатовъ исторической или философической учености: его Норманны и Русины X вѣка по-временамъ говорятъ о Татарскихъ *богатыряхъ* и даже о *колядованіи*, обычаѣ, занесенномъ въ Малороссію Польскимъ католицизмомъ (calendae januarii); его Варяги въ состояніи даже поклясться вамъ званіемъ своимъ «природныхъ Варяговъ», то есть, такъ сказать, *природныхъ тѣлохранителей*; но его характеры занимательны, основаніе его повѣсти утѣшительно, разсказъ исполненъ во многихъ мѣстахъ прелести въ своемъ родѣ, и обыкновенные читатели Романовъ прочтутъ эту новую книгу Г. Загоскина съ истиннымъ наслажденіемъ. Ученымъ не должно давать ея въ руки: Романы пишутся не для Ученыхъ. Они находятъ прекраснымъ важное, вѣрное, то есть, скучное: мы, простые чтецы, находимъ прекрасными и анахронизмы, когда они введены въ разсказъ такъ мило, какъ въ «Аскольдовой могилѣ». Мы даже въ состояніи прослезиться при хорошенькомъ анахронизмѣ: пусть же Ученые попробуютъ испытать отъ него подобное удовольствіе!..... Они поставятъ NB! тамъ, гдѣ у насъ капетъ пріятная слеза. Ахъ,

не говорите мнѣ объ Ученыхъ!..... На зло имъ я прочитаю еще разъ «Аскольдову могилу» съ большимъ удовольствіемъ.

Кальянъ, *стихотворенія* А. Полежаева. *Москва,* 1833, *въ типогр. Лазаревыхъ, стр.* 132, *въ*-12, *съ портретомъ.*

Одинъ молодой человѣкъ съ большими усами и чувствительнымъ сердцемъ пристрастился къ кальяну, громя Кавказскихъ Горцевъ сѣвернымъ оружіемъ и Кавказскихъ Горинокъ сѣверными усами. Въ кальянѣ открылся ему новый свѣтъ, свѣтъ мечтаній, призраковъ, видѣній, чудовищъ, печали, скуки и счастія: словомъ, свѣтъ поэтическій. Однажды, поутру, онъ велѣлъ набить себѣ кальянъ, и сталъ писать стихи. Какъ скоро взволнованная табачнымъ дымомъ вода заурчала, воображеніе, понятія, мысли заурчали въ его головѣ. Прежде всего представилось ему Герменчукское кладбище: онъ начерталъ его картину сѣрымъ дымомъ кальяна на сѣромъ и туманномъ воздухѣ Кавказа. Потомъ, пришла къ нему толпа Делавиньевыхъ Троянокъ: онѣ плакали, онъ курилъ кальянъ, и дѣло тѣмъ окончилось. Потомъ, явился къ нему Брутъ, разсказывать свои видѣнія: онъ вдохнулъ изъ кальяна большой клубъ дыма, и — пуфъ! — пустилъ въ лице гордому республиканцу длинною струею: Брутъ закашлялся, и ушелъ. Потомъ, предстала передъ него тѣнь Наполеона: онъ предложилъ ей покурить кальянъ. Корсиканскій герой не вынесъ горечи наркотическаго дыма, добываемаго изъ мучительной машины наслажденія, и они разстались. Наконецъ, привалилъ демонъ вдохновенія, духъ вреда, страшный Ариманъ, съ огромною стаею адскихъ духовъ и всякаго разбора чудовищъ:

Фигуры, тѣни, лица, маски,
Темны, прозрачны и безъ краски,
Густою цѣпью по стѣнѣ
Онѣ мелькаютъ въ видѣ пляски.....
Ни па̀, ни такты, ни шаговъ
У очарованныхъ духовъ:
То нитью легкой и протяжной,
Подобно тонкимъ облакамъ,
То массой черной, сто-этажной,
Плывутъ, какъ волны по волнамъ.

Начинается шумъ, ревъ, вопль, бряцаніе тяжелыми цѣпями: мертвецы, возставшіе изъ могилъ, пріѣзжаютъ на балъ на совахъ и филинахъ:

И вдругъ и трескъ,
И громъ, и блескъ,
И Ариманъ,
Какъ ураганъ,
Въ тройной коронѣ
Изъ черныхъ змѣй,
Предсталъ на тронѣ
Среди тѣней.

Молодой человѣкъ, покойно курившій кальянъ, былъ не въ состояніи выдержать долѣе подобной суматохи: пуфъ!!!.... онъ пустилъ въ нихъ изо всей силы струю табачнаго дыма, и Ариманъ мигомъ исчезъ съ своими чудовищами. Съ чертями нѣтъ другаго средства!

Какъ скоро демонъ вдохновенія исчезъ, молодой человѣкъ съ кальяномъ сталъ сочинять мелкіе стишки, между которыми «Цыганка» и «Сонъ дѣвицы» довольно ему удались.

Повѣсти и Разсказы Петра Сумарокова. *Москва,* 1833, *въ тип. Лазаревыхъ, три части, въ* - 12, *стр.* XXI *и* 313 —337—316.

Въ этихъ трехъ частяхъ семь повѣстей. Но это еще не конецъ.

Ганъ Исландецъ. *Романъ, сочиненія Виктора Гюго. Переводъ съ Французскаго* (*въ четырехъ частяхъ*). *С. П-бургъ, въ типогр. Гинца* 1833, *въ* - 12, *стр.* 224—291—195—291. *Съ четырьмя картинками, литографированными въ Парижѣ, у Энгельманна.*

Довольно хорошій переводъ перваго Романа автора «Церкви Парижской Богоматери». Повѣсть страшная, очень страшная, но весьма занимательная, и, — что удивительнѣе, весьма благопристойная: этого давно уже не случалось съ великимъ Викторомъ Гюго.

О Государственномъ Кредитѣ, *сочиненіе писанное въ началѣ* 1832 *года. Москва,* 1833, *въ типографіи А. Семена, стр. X и* 293, *въ* - 8.

Книга весьма хорошая, и хорошо написанная. Она состоитъ изъ трехъ отдѣленій: въ первомъ сочинитель излагаетъ теорію государственнаго кредита, въ двухъ послѣднихъ примѣняетъ ее къ Исторіи Французскихъ и Англійскихъ финан-

совъ. Мы съ удовольствіемъ нашли въ неизвѣстномъ ея сочинителѣ человѣка образованнаго, начитаннаго, нечуждаго высшимъ наукамъ и твердо знающаго свой предметъ, что у насъ не всегда соединяется въ одномъ и томъ же пишущемъ лицѣ. Онъ изложилъ ясно и систематически всѣ здравыя понятія, обращающіяся нынѣ въ Европѣ по части теоріи государственныхъ займовъ, и мы совѣтуемъ всякому читать его книгу со вниманіемъ: она была необходима для огромнаго большинства нашей публики, и Авторъ оказалъ истинную услугу образованности изданіемъ подобнаго сочиненія.

Мы не нашли въ ней ничего новаго, ничего такого, что бы не было извѣстно тѣмъ, которые знаютъ Политическую Экономію, читали лучшія по этой Наукѣ сочиненія, и постоянно читаютъ иностранные газеты и Журналы. Кто, съ любовію предмета и желаніемъ просвѣтиться по части финансовъ, внимательно слѣдуетъ за преніями Англійскаго Парламента, лучшей школы въ этомъ отношеніи, тотъ не встрѣтитъ въ возвѣщаемой нами книгѣ ни какихъ новыхъ видовъ, которые могли бъ измѣнить его образъ мыслей, если онъ составленъ изъ здравыхъ и основательныхъ понятій о дѣлѣ, но первый отдастъ справедливость ея достоинству и пользѣ. Отдавая въ полной мѣрѣ эту справедливость содержанію сочиненія, мы очень сожалѣемъ, что Авторъ громко объявилъ въ предисловіи притязанія свои на преобразованіе имъ самой теоріи государственнаго кредита, изложилъ въ десяти полновѣсныхъ пунктахъ свои новые виды съ ощутительнымъ презрѣніемъ къ проницательности всѣхъ знаменитыхъ политическихъ экономистовъ, публицистовъ и деньго-слововъ. Ни одинъ изъ этихъ десяти пунктовъ не доказанъ неоспоримо содержаніемъ сочиненія, а большая ихъ часть есть слѣдствіе оптическаго обмана, въ которомъ находится самъ Авторъ, смѣшавъ начало факта съ самымъ фактомъ. Латинское слово *кредитъ* значитъ *довѣренность*, а въ политическомъ и гражданскомъ смыслѣ, *способность дѣлать долги*; но сочинитель принимаетъ слово *кредитъ* въ значеніи *дѣйствія дѣлать долги*, и вооружается противъ своихъ предшественниковъ, упрекая ихъ въ непонятливости и близорукости. На этомъ основаніи, онъ хочетъ доказать, что государственный *кредитъ*, то есть, *довѣренность* капиталистовъ къ данному правительству, не основывается на *довѣренности*, потому, что обыкновенные гражданскіе законы не примѣняются къ правительственнымъ должникамъ. Въ томъ никто не сомнѣвается, что государственные займы не подлежатъ дѣйствію судовъ, и не опираются на *гражданской* довѣренности; но они опираются на *политической* довѣренности.

Англичане даютъ теперь деньги одни Донъ-Педру, другіе Донъ-Мигелю, ибо одни имѣютъ болѣе довѣренности къ успѣху дѣлъ Донъ-Педра, другіе къ успѣху дѣлъ его брата. Въ замѣнъ довѣренности Авторъ свойствомъ государственнаго кредита полагаетъ *произволъ*: на произволѣ однако жъ нельзя основать ни какой теоріи. Мы считаемъ даже ненужнымъ опровергать дальнѣйшіе новые виды Автора, происходящіе изъ того же смѣшенія значеній слова *кредитъ*: они кажутся намъ простою игрою словъ. Другая подобная запутанность въ мысляхъ Автора произошла также отъ сліянія въ одно понятіе двухъ разнородныхъ вещей, — биржевой игры въ фонды, настоящаго финансоваго фараона, съ банкирскими оборотами по части фондовъ, — и онъ предпринялъ защиту биржевыхъ игроковъ противъ всѣхъ публицистовъ. Продажа и покупка фондовъ по нуждѣ лицъ продающихъ и покупающихъ не есть игра въ фонды: онѣ полезны и необходимы, потому, что естественны и приводятъ капиталы въ движеніе. Но когда соберется шайка плутовъ безъ дѣла и занятія, которая вдругъ отклонитъ значительный капиталъ въ фондахъ отъ полезнаго по торговлѣ и промышлености употребленія, и станетъ смущать естественный ходъ биржевыхъ дѣлъ насильственнымъ движеніемъ большихъ массъ облигацій, выдумывая хитрости и ложные слухи для пониженія или возвышенія ихъ курса, ежедневно безпокоя и потрясая общество своими происками, разоряя легковѣрныхъ, ввѣрившихъ имъ свое достояніе, распространяя тревогу въ торговыхъ и банкирскихъ сношеніяхъ, роняя самыя лучшія и самыя прибыльныя для отечества коммерческія соображенія, и тѣмъ стѣсняя кругъ дѣйствія частныхъ банковъ, которые не смѣютъ по поводу ихъ пускаться на далекія спекуляціи и поминутно претерпѣваютъ значительныя потери,—тогда нравственность, порядокъ и благосостояніе общества не должны одобрять подобныхъ дѣйствій, и это именно называется «пагубною» биржевою игрою, которая есть прямой бичъ торговли. Мы охотно уступаемъ сочинителю всѣ новые его виды, изложенные въ предисловіи, потому, что сквозь нихъ не видно ничего существеннаго, и душевно благодаримъ его за самое сочиненіе, которое безъ-сомнѣнія будетъ читано всѣми съ удовольствіемъ и пользою, и распространитъ у насъ точнѣйшія понятія объ этой важной части Государственнаго Хозяйства.

Излагая съ большимъ искусствомъ и примѣчательною силою логики теорію государственнаго кредита, какъ отвлеченное понятіе, какъ фактъ независящій отъ политическихъ событій, авторъ простираетъ иногда слишкомъ далеко

слѣдствія своихъ посылокъ: это ужъ злоупотребленіе Логики. Объяснивъ пользы займовъ и преимущества ихъ предъ другими средствами пріобрѣтенія денегъ для казны въ данныхъ случаяхъ, онъ сдѣлалъ изъ общественнаго долга нѣчто въ родѣ идеальной красоты или философскаго камня. Хочешь ли быть богатымъ? — дѣлай долги; умнымъ? — дѣлай долги; глубокомысленнымъ? — дѣлай долги; счастливымъ, могущественнымъ? — дѣлай долги, дѣлай ихъ, какъ можно болѣе, и будешь счастливъ и могущъ. Хочешь ли быть героемъ? — опять дѣлай долги, дѣлай ихъ храбро, геройски, по большому масштабу, какъ дѣлали великіе люди. Кто не дѣлаетъ долговъ, тотъ не герой въ наше время. Наполеонъ упалъ, — потому, что Наполеонъ не хотѣлъ дѣлать долговъ!..... Тутъ авторъ очевидно остался въ накладѣ по своей системѣ, отъ того, что хотѣлъ безусловно отвлечь понятіе государственнаго кредита отъ политическихъ соображеній, которымъ этотъ кредитъ служитъ пищею и опорою. Отвращеніе Наполеона къ долгамъ, не къ кредиту, происходило изъ высокихъ политическихъ соображеній, достойныхъ его ума и проницательности. Онъ боялся не долговъ, но кредиторовъ; боялся того празднаго, шумнаго и опаснаго класса, который Французы называютъ rentiers; людей, носящихъ все свое достояніе въ портфели, людей праздныхъ, безпокойныхъ, нагло вторгающихся въ политику, присвоивающихъ себѣ право судить о дѣлахъ правительства и вмѣшиваться въ его мѣры, потому, что у нихъ въ карманѣ есть нѣсколько векселей правительства, и что они считаютъ судьбу свою сопряженною со всякимъ малѣйшимъ распоряженіемъ власти. Послѣдствія вполнѣ оправдали предчувствія Наполеона: Франція устроила свой кредитъ, надѣлала пропасть долговъ, умножила свои капиталы и богатства; но за то она накликала на себя пронырливый классъ rentiers, — въ одномъ Парижѣ считается ихъ слишкомъ 300,000 человѣкъ, — классъ, содержащій ее въ безпрерывной горячкѣ, терзающій общество, утомляющій правительство. Государства, которыя дѣлаютъ займы за границею, конечно остаются въ убыткѣ въ вещественномъ отношеніи, но они обильно вознаграждаютъ его себѣ нравственнымъ образомъ, избавляясь отъ этого класса, рано или поздно грозящаго всегда проникнуть въ нѣдра отечественной политики, и заразить ихъ своимъ нечистымъ дыханіемъ. Чтобъ судить безпристрастно о данномъ фактѣ, должно разсматривать его со всѣхъ сторонъ. Долги имѣютъ свои пользы, но также имѣютъ и свои непріятности, которыхъ никакъ не можетъ устранить медленное дѣйствіе Коммиссій Погашенія, устроенныхъ самымъ лучшимъ и надежнымъ образомъ.

Простирая до самой крайности пристрастіе свое къ огромнымъ государственнымъ долгамъ, Авторъ даже увѣренъ, что *враги кредита* (онъ хотѣлъ сказать: «враги долговъ», сдѣланныхъ въ слѣдствіе пріобрѣтеннаго кредита), *суть ни кто другіе, какъ враги властей вообще.* Полноте! А Наполеонъ?..... Объ немъ, по крайней мѣрѣ, нельзя сказать того, чтобъ онъ былъ врагомъ властей вообще! Но Сочинитель, произнося это грозное обвиненіе, имѣлъ, кажется, въ виду Edinburgh Review знаменитый Журналъ партіи Виговъ. Пятнадцать лѣтъ читаемъ мы этотъ Журналъ, и никогда еще не находили въ немъ статей противъ *кредита,* котораго никто не можетъ быть врагомъ. Эдинбургскій Журналъ писалъ много противъ *злоупотребленія кредита,* противъ огромныхъ долговъ, и въ особенности противъ образа, какимъ противная партія, Тори, дѣлала долги и заключала займы; но можно ли называть его «врагомъ властей вообще»? Партіи Тори и Вигъ суть вѣковыя преданія Англійской аристократіи, отнюдь несходныя съ политическими партіями другихъ народовъ. Чтобъ исторгнуть власть у своихъ противниковъ, Эдинбургскій Журналъ старался поколебать славу Питта и увѣрить Англичанъ, что Тори ведутъ ихъ въ пропасть погибели: онъ успѣлъ въ этомъ, единственно неподражаемою силою своей діалектики, не будучи самъ убѣжденъ въ истинѣ своихъ прорицаній. Между Тори и Вигами дѣло идетъ объ утвержденіи власти въ извѣстныхъ фамиліяхъ той или другой стороны съ ея приверженцами, а отнюдь не о спасеніи или ниспроверженіи «властей вообще». Они нерѣдко мѣнялись мнѣніями, смотря по обстоятельствамъ, и еще будутъ мѣняться. Иностранцы, которые принимали проповѣди Edinburgh Review за наличныя деньги, добровольно попали въ мистификацію.

Несмотря на эти мелкіе недостатки, книга, о которой мы говоримъ, достойна всего вниманія публики: она въ особенности можетъ просвѣтить многихъ на счетъ финансоваго положенія Англіи, которое Авторъ очень хорошо постигъ и развернулъ, хотя не сказалъ объ немъ ничего новаго для знающихъ дѣло.

МАЗЕПА, Историческій Романъ, Ѳ. В. Булгарина, поступитъ въ продажу къ 15 Января.

МЕЧТЫ и ЖИЗНЬ. Подъ этимъ заглавіемъ Н. А. Полевой печатаетъ свои Повѣсти и Были, которыя вѣроятно выйдутъ въ непродолжительномъ времени.

БИРОНОВСКІЕ ПРАЗДНИКИ, новый Романъ И. И. Лажечникова. Первая часть этого сочиненія уже написана.

НОВОСЕЛЬЕ, *часть II.* Успѣхъ, пріобрѣтенный вышедшею въ прошломъ году первою частію «Новоселія», побудилъ А. Ф. Смирдина издать въ нынѣшнемъ году вторую, согласно обѣщанію. Она уже печатается, и выйдетъ въ срокъ, къ 19 числу Февраля. Кромѣ многихъ другихъ статей, въ этой части будетъ заключаться: *В. А. Жуковскаго*, Роллaндъ Оруженосецъ, Баллада; *А. С. Пушкина*, Анжело, Поэма; *Ѳ. В. Булгарина*, Мудреныя приключенія Квартальнаго Надзирателя; *Кн. А. А. Шаховскаго*, Три женитьбы вопреки разсудку; *Барона Брамбеуса*, Похожденія одной ревижской души—Счастливецъ—Фокусы; *И. М. Ястребцова*, Любовь къ ближнему; *Барона Розена*, Руская добросовѣстность; *И. И. Козлова*, Бренда; *В. А. Ушакова*, Село Дятлево; *Козака Луганскаго*, Сказка о ворѣ и бурой коровѣ; и проч.

*** Новый нраво-описательный Романъ Ѳ. В. Булгарина, подъ заглавіемъ: *Памятныя записки Титулярнаго Совѣтника Чухина, или простая исторія обыкновенной жизни*, скоро поступитъ въ печать. Онъ будетъ состоять изъ двухъ частей.

*** Н. И. Гречь въ непродолжительномъ времени тоже намѣренъ издать написанный имъ въ 4 частяхъ Романъ, *Черная женщина.*

VII.

СМѢСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. Г. Бабуринъ, Московскій купецъ и фабрикантъ, открылъ на нашей землѣ вещество, которое можетъ замѣнить на фабрикахъ чернильные орѣшки. Оно содержится въ растеніи, похожемъ съ виду на траву, называемую въ просторѣчіи кувшинникомъ, растущую во всѣхъ рѣкахъ и поймахъ, покрытыхъ водою, и извлекается изъ его зеренъ. Лучшее время для собиранія этихъ зеренъ есть Августъ мѣсяцъ. Академія Наукъ, подвергнувъ ихъ химическому испытанію, нашла въ нихъ дубильное начало, которое дѣйствительно можетъ отчасти замѣнить чернильные орѣшки. Дальнѣйшіе опыты обѣщаютъ увѣнчать это открытіе еще важнѣйшими слѣдствіями для пользы нашихъ фабрикъ.

КОРОЛЕВСКО-ФРАНЦУЗСКІЙ ИНСТИТУТЪ. Государь Императоръ, ревнуя къ пользѣ просвѣщенія и желая познакомить иностранцевъ съ богатствами нашей почвы, скрывающей въ нѣдрахъ своихъ сокровища всѣхъ родовъ, Высочайше повелѣть соизволилъ, препроводить въ Парижскую Академію Наукъ полное собраніе Россійскихъ минераловъ. Оно доставлено въ Академію Посломъ нашимъ въ Парижѣ, при письмѣ Г. Министра Финансовъ, Графа Е. Ф. Канкрина, въ которомъ Его Сіятельство говоритъ, что Государю Императору угодно было показать этимъ участіе, принимаемое Имъ въ распространеніи круга Наукъ и сношеній между Учеными всѣхъ странъ. Этотъ великолѣпный даръ принятъ съ должною признательностію знаменитымъ сословіемъ, которое умѣетъ цѣнить всю его важность.

— Извѣстный испытатель Природы, Ге-Люссакъ, замѣтилъ, что Одесскій хлѣбъ, который несравненно превосходнѣе хлѣба, родящагося во всѣхъ другихъ странахъ Европы, обязанъ симъ превосходствамъ большему количеству клейстернаго вещества (gluten), въ немъ заключающагося.

Обыкновенный Французскій хлѣбъ содержитъ въ себѣ 30 сотыхъ этого вещества, а Одесскій по крайней мѣрѣ 40. Г. Ге-Люссакъ, подъ названіемъ Одесскаго хлѣба, разумѣетъ пшеницу, вывозимую изъ Россіи чрезъ Одессу.

— Сверленіе артезіанскихъ колодезей представляетъ явленія разнообразныя и иногда весьма удивительныя. Г. Гернкаръ-де-Тюри сообщилъ Академіи, что въ Конеліано, близъ Тріеста, изъ артезіанскаго колодезя вдругъ появился огненный фонтанъ, вышиною футовъ въ 30 и шириною въ 6, который билъ около четверти часа. Нынѣ сообщены Академіи Наукъ нѣкоторыя подробности о явленіи, хотя не столь удивительномъ, но весьма достойномъ замѣчанія. Въ Бажской общинѣ, въ осьми верстахъ отъ Перпиньяна, сверлили колодезь. Когда буравленіе дошло въ глубину до 145 футовъ, изъ отверзтія началъ бить водяной фонтанъ, образовавшій настоящій ручей, шириною въ два фута, а глубиною, среднимъ числомъ, въ четыре дюйма. Этотъ ключъ бьетъ съ такою силою, что кусокъ свинца въ восемь фунтовъ вѣсомъ, опущенный въ пробуравленное отверзтіе, былъ немедленно вытолкнутъ. Посредствомъ вертикальныхъ трубокъ ключъ сей билъ все выше и выше. Во время отправленія извѣстій объ этомъ явленіи, полагали, что высота фонтана можетъ дойти до 50 футовъ. Вода этого источника чиста, прозрачна, безцвѣтна, прѣсна; температура ея около 15° по Реомюру.

— Издавна замѣчена большая разница между лучами теплоты солнца и теплоты, происходящей отъ земныхъ источниковъ теплотвора: разность эта состоитъ въ томъ, что первые могутъ проникать сквозь стекло, ни сколько не ослабѣвая, между-тѣмъ, какъ другіе проходятъ сквозь то же вещество въ количествахъ почти незамѣтныхъ. Этотъ опытъ сдѣлать весьма немудрено. Надобно только стать къ солнцу или къ камину, поставивъ передъ лицемъ широкое стекло: теплота солнца будетъ такая же, какъ и прежде, а жаръ отъ камина совсѣмъ нечувствителенъ. Это показываетъ, что работники на стеклянныхъ заводахъ не напрасно, какъ многіе полагали, держатъ передъ лицемъ кусокъ стекла, когда хотятъ посмотрѣть въ печь. Изъ многократныхъ опытовъ, произведенныхъ по сему предмету со стекломъ и другими прозрачными тѣлами, Г. Меллони заклю-

чаетъ, что явленіе сіе зависитъ не отъ существенной разности между теплотою солнечною и земною, но отъ того, что теплота того и другаго происхожденія состоитъ, какъ и свѣтъ, изъ различныхъ лучей, и что лучи одного рода находятся не въ одинаковой пропорціи въ обѣихъ теплотахъ.

— Академія Надписей и Словесности, по предложенію Правительства, занимается теперь преимущественно изслѣдованіемъ всего относящагося къ древнему быту Мавританіи, часть которой, нынѣшній Алжиръ, поступила, какъ извѣстно, во владѣніе Франціи. Греческіе, Латинскіе, Арабскіе и Испанскіе писатели обѣщаютъ обильную жатву любопытныхъ свѣдѣній объ этой, доселѣ малоизвѣстной, странѣ, и труды ученаго сословія безъ-сомнѣнія принесутъ важную пользу Географіи и Исторіи.

ПЯТЬ ГЛАВНЫХЪ ГОРОДОВЪ ЕВРОПЫ. Помѣщаемъ здѣсь, для любопытства нашихъ читателей и соображеній лицъ, занимающихся Статистикою и Политическою Экономіею, сравнительную таблицу числа домовъ и народонаселенія пяти главнѣйшихъ городовъ Европы, Лондона, Парижа, Петербурга, Неаполя и Вѣны.

	Число домовъ.	Народонаселеніе.
Лондонъ	174,000.	1,000,000.
Парижъ	45,000.	939,762.
Петербургъ	9,500.	449,368.
Неаполь	40,000.	360,000.
Вѣна	7,500.	300,000.

Не имѣя достовѣрныхъ свѣдѣній о подробностяхъ народонаселенія Лондона, Неаполя и Вѣны, мы должны ограничиться сравненіемъ ихъ только по двумъ городамъ, Петербургу и Парижу: оно представляетъ много достойнаго примѣчанія.

	Петербургъ	Парижъ
Духовенства.....	2,118.	—
Дворянъ	34,079.	—
Чиновниковъ	—	20,280.
Учащихся	—	47,000.
Военныхъ	39,437.	36,500.
Иностранцевъ	7,199.	—

Купцовъ.....	10,828.	—
Мѣщанъ	36,739.	—
Разночинцевъ	66,366.	—
Rentiers	—	372,200.
Слугъ.....	94,007.	97,600.
Мужиковъ	131,153.	—
Gens sans aveu....	—	75,000.
Ремесленниковъ.....	24,179.	327,942.

Поверхность города Парижа заключаетъ въ себѣ 34,396,800 квадратныхъ метровъ; самая большая длина города, 6,000 метровъ, или 6 верстъ. Народонаселеніе его въ 1791 году было 610,620; въ 1804 году, 547,756; въ 1817 году, 713,966; въ 1825 году, 890,431; въ прошломъ 1833 году оно дошло до 939,762 душъ, не считая военныхъ, которыхъ обыкновенно находится въ Парижѣ отъ 25 до 36 тысячъ человѣкъ.

ТОРГОВЛЯ БАЛТІЙСКАГО МОРЯ. Движеніе кораблей на Балтійскомъ Морѣ, на которомъ торговля съ Россіею составляетъ главный предметъ купеческаго судоходства, заслуживаетъ въ особенности вниманіе нашихъ Политическихъ Экономистовъ. Вотъ сравнительная таблица числа судовъ, переходившихъ черезъ Зундъ въ теченіе трехъ послѣднихъ годовъ въ первыя полугодія, то есть, съ 1 Января по 1 Іюля:

Въ 1831	7,195.
— 1832	5,572.
— 1833	4,473.

Торговля Балтійскаго Моря очевидно уменьшается годъ отъ году. Разница перехода кораблей черезъ Зундъ, между первыми полугодіями прошлаго 1833 года и третьяго 1832 года, простирается до 1100 судовъ, а между 1833 и 1831 до 2722 судовъ, что составитъ круглымъ числомъ по 1360 судовъ въ годъ менѣе. Надобно думать, что спекуляціи Лондонской, Гамбургской и Амстердамской Биржъ обратились въ другую сторону, ибо въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ истекшаго года однихъ Голландскихъ судовъ прошло черезъ Зундъ 691 менѣе, нежели въ тѣ же мѣсяцы 1832 года, когда Голландскіе берега были заперты блокадою; Ганноверскихъ, Норвежскихъ и Мекленбургскихъ, 275 менѣе; Англійскихъ 134 то же менѣе. Напротивъ того, Пруссія значительно увеличила свою Атлантическую торговлю:

Прускихъ купеческихъ кораблей прошло 116 болѣе, чѣмъ въ 1832 году. Число Русскихъ переходовъ уменьшилось только 15 судами.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. Въ теченіе прошлаго года на здѣшнихъ театрахъ играны были четыре новыя Русскія пьесы, и около пятнадцати вновь переведенныхъ съ разныхъ иностранныхъ языковъ. Между первыми въ особенности должно упомянуть о Драмѣ безъименнаго сочинителя, подъ названіемъ *Торквато Тассо*, разборъ которой помѣщенъ въ V-мъ отдѣленіи этого Журнала. *Суженый неряженый*, бенефисное сочиненіе почтеннаго ветерана нашей драматургіи, Кн. А. А. Шаховскаго, было, кажется, предназначено познакомить насъ съ особеннымъ родомъ драматическихъ сюжетовъ, которымъ пресловутый Ансело надѣляетъ Парижскую публику, — съ картинами такъ называемыхъ «временъ Регентства». *Подмосковныя проказы*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, увѣнчался одинъ полнымъ, и даже заслуженнымъ, успѣхомъ. *Молодая маркитантка*, романтическое представленіе въ двухъ суткахъ, заимствованное изъ прекрасной повѣсти, недавно вышедшей въ Русскомъ переводѣ, есть четвертое и послѣднее оригинальное произведеніе, заслуживающее занять на нѣкоторое время мѣсто въ репертуарѣ, ибо о пятомъ, *Утро столѣтняго старика*, мы умалчиваемъ изъ учтивости.

Драма *Гусситы подъ Наумбургомъ*, переведенная съ Нѣмецкаго, и Трагедія извѣстнаго Дюма, *Италіянка, или Ядъ и кинжалъ*, суть единственныя двѣ важныя пьесы, пріобрѣтенныя въ теченіе года отъ иностранной сцены для нашего театра. Прекрасная Драма Скриба, *Родольфъ, или Братъ и сестра*, была также переведена и разыграна, но не разслышана. Еще одна большая пьеса: *Ричардъ Дарлингтонъ*, Драма съ палачемъ, — слѣдственно прекрасная Драма. Она говоритъ сама въ свою пользу. Вотъ, кажется, все, что было по части Драмъ?..... Да! еще была Драма, *Нищая*, или *Нищая* Драма: хорошо не упомню названія. Но болѣе Драмъ не было, — то знаю навѣрное!

Двѣ переводныя Комедіи, *Неравный бракъ, или Семейство Рикебуръ, — Отецъ и сынъ* (L'escroc du grand monde) и десятокъ переводныхъ Водевилей, между которыми

слѣдуетъ отличить: *Артистъ,* — *Астрономическія бредни,* — *Два мужа,* — *Поцѣлуй по векселю,* — *Женская ненависть,* — *Каминъ 1748 года,* — *Луиза, или Свадьба по судейскому приговору,* — и *Мнимая Г-жа Меласъ,* — довершаютъ кругъ нашихъ сценическихъ новостей.

По части музыкальныхъ представленій были всего три новыя, и то бенефисныя Оперы: *Вампиръ*, Маршнера, Седенова *Сумбурщица жена* (La métamorphose des femmes — Le donne cambiate), и Метастазіевы *Китайскія дѣвицы* (Le Chinese), для которыхъ бенефиціантъ, Г. Солива, сложилъ музыку. Посчастію, три прекрасные Балета великолѣпіемъ и разнообразностью зрѣлища нѣсколько вознаградили музыкальный неурожай истекшаго года: *Марсъ и Венера,* — *Нина, или Сумасшедшая отъ любви,* — и *Амуръ въ деревнѣ,* представленный при открытіи небольшаго, но прелестнаго Михайловскаго театра, построеннаго А. П. Брюлловымъ, братомъ знаменитаго Живописца, восхитили публику. *Фюльбертъ,* Балетъ въ одномъ дѣйствіи, спасся только блистательными дарованіями ногъ Г-жъ Пейссаръ и Зубовой, и Гг. Алексиса и Дидье.

О Драматическихъ Интермедіяхъ мы намѣрены говорить въ журнальныхъ интермедіяхъ, между выходомъ въ свѣтъ книжекъ «Библіотеки для Чтенія», но въ самомъ Журналѣ не скажемъ объ нихъ ни слова.

ВАЖНОЕ СОБЫТІЕ ВЪ РОМАНТИЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. Новѣйшая Французская Словесность, по страсти искать новыхъ пружинъ и производить новыя впечатлѣнія, а можетъ-быть и съ отчаянія, свернула съ прежняго пути въ сторону. Прощайте, висѣлицы! Прощайте, тюрьмы и эшафоты! Теперь ужъ не увидимъ мы болѣе на сценѣ ни палачей, ни вѣдьмъ, ни чертей, ни прелюбодѣяній, ни злодѣяній, ни Наполеоновъ, ни игроковъ, ни пытки. Адъ уже вышелъ изъ моды. Угадайте же, что теперь владычествуетъ во Французской Словесности? Мертвецы? — Фи! это старина, дурной вкусъ! — Разбойники? — нѣтъ! Ужасъ? — это ужъ слишкомъ вяло! Бьюсь объ закладъ, что вы не угадаете, что такое заступило ихъ мѣсто. Женщины!.... Женщины овладѣли всѣмъ, — умомъ, ученостью, Повѣстью, Разсказомъ, Романомъ, Философіею, антиквар-

ствомъ, сценою, и даже властію. Дамы господствуютъ и берутъ верхъ надъ мужчинами въ Испаніи и Португаліи; дамы вырываютъ перо изъ грязныхъ рукъ мужчинъ; дамы прогнали со сцены палачей и чертей. И этотъ неожиданный переворотъ произошелъ не по обыкновенной уступчивости нашей братьи, мужчинъ, не по свойственной Французамъ вѣжливости къ прекрасному полу, не по какому-нибудь стеченію непредвидимыхъ обстоятельствъ. Отнюдь нѣтъ! Это слѣдствіе обширнаго, глубоко соображеннаго заговора дамъ противъ мужчинъ, явное и страшное возстаніе красавицъ противъ своихъ обожателей, которые, взявшись забавлять ихъ своими твореніями, только пугали ихъ воображеніе, пресыщали ихъ скукою и ужасомъ, забрызгивали ихъ бальные наряды кровью и грязью изъ своихъ перьевъ.

Прежде всего, огромная толпа умныхъ и миленькихъ дамъ, съ прекрасными именами, — толпа Юлій, Эмилій, Эвелинъ, Алинъ, Виргиній, Анаисъ, Изабеллъ, Софій, Гортензій, Розъ, Меланій, Лизъ, Элизъ, Эрнестинъ, Дженни, и прочая, и прочая, — собралась въ условленномъ мѣстѣ, однажды, ввечеру, передъ баломъ, выславъ мужей и прислужниковъ въ театръ, смотрѣть, когда угодно, страшную, отвратительную Драму Виктора Гюго. Сами онѣ, по данному знаку, вооружились золоченными, раздушенными перьями, и ударили всѣми силами на неучтивый, оборванный, развратный полкъ сказочниковъ и повѣствователей, командуемый Гг. Бальзакомъ, Жаненомъ, Жакобомъ-Библіофиломъ, Мишель-Ремономъ; ударили, и разбили его въ прахъ, разсѣяли, уничтожили, выстрѣливъ въ него цѣлыми шестью томами Повѣстей, сочиненныхъ самими заговорщицами и изданныхъ подъ заглавіемъ *Вечерніе часы, книга женщинъ*, (Les heures du soir, livre des femmes, 6 vol. in-8. 1833). Въ этой книгѣ лучшая Повѣсть есть сочиненіе дамы, которая уже издала нѣсколько Романовъ и скрывается подъ вымышленнымъ именемъ Георгія Занда. Содержаніе этой Повѣсти весьма просто. Это исторія Сира Ліонеля, который любитъ Люцинію, потомъ разлюбляетъ ее, потомъ снова въ нее влюбляется; но все это написано съ умомъ, съ чувствомъ, съ приличіемъ, Хвалятъ также Повѣсти Г-жъ Анаисы Сегаласъ, Татю,

Элизы Меркеръ, и наконецъ Г-жи Менессье, дочери Карла Нодье, женщины необыкновенной, которая пишетъ прелестные романсы, сочиняетъ для нихъ прелестную музыку, и сама прелестно поетъ ихъ.

Послѣ такого важнаго пораженія романистовъ, другая грозная колонна въ розовыхъ лентахъ и черныхъ блондахъ ударила на сонливыхъ и скучныхъ Ученыхъ.

Г-жа Викторина де-Шатне издала недавно, въ 4 т., книгу объ Азіи, твореніе важное, которое, по отзыву Французскихъ журналистовъ, могло бы выйти подъ именемъ Абель-Ремюза или Шампольона. Г-жа де-Шатне представляетъ полную картину Азіи, ея различныя вѣроисповѣданія, философическія системы, преданія, происхожденіе и переселеніе народовъ, въ ней обитающихъ, ея Исторію и Литературу, съ глубокой древности до нашего времени. Составленіе подобнаго творенія предполагаетъ разысканія, которыя могли бы устрашить самаго трудолюбиваго и терпѣливаго мужчину. Г. Сильвестръ де-Саси отзывается съ большею похвалою объ этой книгѣ въ Journal des Savans.

Другая дама, — и, что еще замѣчательнѣе, — дѣвушка шестнадцати лѣтъ, Элоиза Пилларъ, написала Похвальное Слово знаменитому Кювье, которое удостоено одною Академіею похвальнаго отзыва.

Третья женщина, Г-жа Ли, издала *Біографическія Записки о Баронѣ Кювье*. Г-жа Ли супруга извѣстнаго Англійскаго путешественника. Любовь къ Наукамъ познакомила ее съ знаменитымъ Французскимъ Естествоиспытателемъ, и это знакомство превратилось по-времени въ нѣжную дружбу, которая продолжалась до самой кончины Барона Кювье. Г-жа Ли была весьма хорошо знакома со всѣмъ его семействомъ, и потому знала всю частную жизнь его. Записки, ею изданныя, весьма занимательны, тѣмъ болѣе, что кромѣ подробностей о самомъ Кювье, онѣ содержатъ въ себѣ разборъ всѣхъ его сочиненій.

Наконецъ, еще одна дама, которая скрываетъ свое имя и написала уже нѣсколько Романовъ: *Осмондъ*, *Элиза Риверсъ*, *Маргерита Линдсей*, *Браки и сцены большаго свѣта*, издала нынче еще Романъ *Les voisins de l'autre côté*.

Замѣчательно то, что во всѣхъ этихъ Романахъ развита одна господствующая мысль. Сочинительница, какъ видно, придерживается Англійскаго методизма, и во всѣхъ своихъ твореніяхъ излагаетъ нравственное ученіе этой секты, объясняя его примѣрами жизни вымышленныхъ ею лицъ. Какъ бы то ни было, но женщина, которая въ состояніи проникнуться одною идеею до того, чтобы развивать ее во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, должна быть женщина необыкновенная.

Королевско-Французскій Институтъ затрепеталъ всѣмъ своимъ составомъ, смѣкнувъ, какою опасностію грозитъ всѣмъ пяти Академіямъ подобное вторженіе свѣтлой любезной учености въ мрачную область педантства. Многіе Члены привязали платками академическіе парики свои къ головамъ, боясь, чтобы чернобровыя и бѣлокурыя ихъ соперницы не сорвали этихъ завѣтныхъ париковъ и не надѣли ихъ себѣ на чепчики, когда Гг. Академики будутъ дремать въ конференцъ-залѣ. Литераторы, записные клеветники добродѣтели беззащитнаго пола, тираны своихъ любовницъ и своихъ читателей, ультра-мужчины во всѣхъ отношеніяхъ, видя упадокъ мужской славы и власти, съ досады, съ отчаянія, написали на счетъ дамъ презлой Водевиль, подъ названіемъ *Женское Царство*, Le royaume des femmes, въ которомъ Царь женщина, Министры женщины, Генералы женщины, солдаты, гренадеры, драгуны, уланы, барабанщики, флейщики, тамбуръ-мажоры, шпіоны, доносщики, измѣнники, — женщины. Какая глупая шутка!..... Какъ будто женщины измѣняютъ кому нибудь! Въ этомъ Женскомъ Царствѣ мужчины исправляютъ, — и, говорятъ, довольно удачно, — должность сплетницъ, кумушекъ, тетушекъ, модистокъ, горничныхъ, кухарокъ, нянчатъ ребятишекъ, доятъ коровъ, щупаютъ куръ, играютъ въ куклы, капризничаютъ, — только не рождаютъ дѣтей. Литераторы новой школы и всѣ вообще мужчины, основывали расчеты свои преимущественно на этой пьесѣ: они надѣялись однимъ ударомъ разрушить планы дамскаго заговора, остановить стремленіе враждебнаго пола къ овладѣнію Словесностью и Науками, предать посмѣянію обнаруженное имъ желаніе первенствовать во всемъ и учить своихъ мужей и любовниковъ уму, остро-

умію и вкусу. Они съ нетерпѣніемъ ожидали перваго представленія этого Водевиля, для котораго театръ нанялъ несмѣтное число актрисъ и фигурантокъ. Но и тутъ побѣда осталась на сторонѣ дамъ, къ крайнему разстройству мужчинъ, къ крайнему пострамленію ихъ пріятелей, романтиковъ: ни одна дама не поѣхала въ театръ, и мужчины остались съ ними дома, у ихъ ногъ, въ гостиныхъ и уборныхъ. Водевиль упалъ, за неимѣніемъ слушателей. Два романтика, изъ числа самыхъ отчаянныхъ и неистовыхъ, застрѣлились; пятеро, въ изступленіи, обрили усы и бакенбарды; одинъ, не зная, куда съ стыда дѣваться, сдѣлался даже умнымъ и разсудительнымъ писателемъ.

Торжествуя такую блистательную побѣду, Герцогиня Абрантская, храбрая супруга покойнаго Маршала Жюно и одна изъ главнѣйшихъ заговорщицъ, рѣшилась тотчасъ воздвигнуть нетлѣнный памятникъ своему полу, чтобъ передать позднѣйшимъ вѣкамъ вѣсть объ этомъ необычайномъ событіи, и еще болѣе унизить мужчинъ въ глазахъ вселенной. Она объявила во всѣхъ газетахъ, что издаетъ великолѣпное твореніе, подъ заглавіемъ *Знаменитыя женщины всѣхъ народовъ, ихъ жизнеописанія и портреты*: Les femmes célèbres de tous les pays, leurs vies et portraits. Оно будетъ состоять изъ 60 тетрадей: подписная цѣна каждой тетради 4 франка; каждый мѣсяцъ будетъ выходить по одной тетради, содержащей въ себѣ кромѣ текста, 4 отлично литографированные портрета, работы лучшихъ Парижскихъ и Лондонскихъ художниковъ.

Послѣ этого всѣ романтики, мужья и женихи, пришли въ совершенное уныніе. Одинъ только Тальони, извѣстный Парижскій балетмейстеръ, ловко нашелся въ этомъ случаѣ. Видя, что женщины рѣшительно побѣждаютъ, онъ, по обычаю многихъ умныхъ людей, присталъ къ торжествующей сторонѣ, сочинилъ Балетъ, *Бунтъ въ сералѣ*, La révolte au sérail, въ которомъ наши прелестныя подруги, созданныя быть нашими утѣшительницами, бьютъ насъ, разбиваютъ, обращаютъ въ бѣгство, преслѣдуютъ съ саблею въ рукѣ, съ барабаннымъ боемъ, по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, которое мы, на бѣду свою, выдумали и усовершенствовали. И предводи-

тельница мятежнической арміи въ этомъ походѣ противъ мужескаго пола — родная дочь балетмейстера, знаменитая красавица и танцовщица, дѣвица Тальони!..... Не возможно было избрать для командованія дѣйствующею арміею искуснѣйшаго генерала и явнѣйшаго врага нашего пола.

Вотъ, какъ Г. Тальони сочинилъ балетъ свой. Г Тальони потребовалъ женщинъ, какъ можно болѣе женщинъ, лентъ, кружевъ, тюрбановъ, шелковыхъ чулокъ, множества голыхъ плечъ, множество рукъ, одѣтыхъ такъ же какъ и плеча. Ему дали женщинъ, сколько ему хотѣлось; женщинъ молоденькихъ, хорошенькихъ, стройныхъ, развертливыхъ, незастѣнчивыхъ. Любезный Тальони! тебѣ надобно женщинъ? Вотъ тебѣ женщины! Вотъ еще женщины! И женщины являются къ нему, какъ идеи къ Нѣмецкому поэту, скачками и прыжками, съ земли и съ неба, справа и слѣва, хлопьями какъ снѣгъ, ливмя какъ дождь, каскадомъ какъ потокъ. А! ты хочешь идей, поэтъ? А! ты хочешь женщинъ, хореграфъ? Вотъ тебѣ идеи, вотъ тебѣ женщины; теперь изволь привести ихъ въ порядокъ, расположить, какъ тебѣ угодно, извлечь изъ нихъ пользу: только тогда будешъ ты поэтомъ и хореграфомъ.

Надобно признаться, что получивъ всѣ эти идеи, Г. Тальони употребилъ ихъ, какъ нельзя лучше. Теперь, что жъ ему изъ нихъ сдѣлать? Хороводъ? шабашъ вѣдьмъ? сельскую картину? Нѣтъ, нѣтъ! онъ сдѣлаетъ изъ нихъ армію. Да, женскую армію; это надежнѣе.

Сказано, сдѣлано. Барабаны бьютъ тревогу. По ружью женщинамъ въ руки, — и онѣ учатся по темпамъ. На плечо! — На караулъ! — Маршъ! — Правой! лѣвой! — Правой! лѣвой! — Ура, генералъ-дѣвица Тальони!

Затѣмъ оставалось сдѣлать самое пустое: придумать содержаніе Балета. И, что всего замѣчательнѣе, Тальони человѣкъ необыкновенный только потому, что у него дочь Г-жа Таліони, сочинилъ балетъ прелестный!

Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи. Тамъ есть нѣкто Магометъ, Царь Гренадскій, Магометъ. Разумѣется, что если бъ Г. Таліони нашелъ имя приличнѣе, танцовальнѣе этого, онъ бы назвалъ своего Царя иначе. Въ службѣ Ца-

ря Гренадскаго состоитъ знаменитый Исмаилъ. Въ этотъ день Исмаилъ одержалъ знаменитую побѣду надъ Кастильцами, — вѣчными непріятелями Мавровъ, какъ говоритъ Г. Тальони въ своей программѣ. Тутъ поэма Г. Тальони пріостанавливается, — и, право, эта поэма стоитъ Флоріанова Гонзальва Кордуанскаго, котораго, во время оно, такъ расхваливали.

Декорація представляетъ дворецъ Алгамбрскій; на среднемъ планѣ видите вы *Львиный дворъ*, надъ нимъ тянется легкая, прелестная галерея. Раздаются звуки военной музыки, побѣдитель Исмаилъ входитъ, и начинается празднество.

Празднество прелестное. Весь гаремъ прибѣгаетъ на сцену; всѣ женщины предаются радости. Но между ними недостаетъ одной, — любимой Султанши Зульмы. Зульма *не могла утѣшиться объ отшествіи* Исмаиловомъ; *въ скорби своей*, она сидѣла одна взаперти. Султанъ приказываетъ позвать Зульму, и Зульма является. — О боги! Зульма узнаетъ Исмаила, Исмаилъ узнаетъ Зульму. Тутъ начинаются пляски пуще прежняго, и драма забыта: дѣвица Тальони и Г. Перро танцуютъ *pas-de-deux*.

Вы можете вообразить, что Г. Тальони, человѣкъ смышленый, продолжаетъ эти танцы, какъ можно болѣе. Онъ не самолюбивъ; онъ не дорожитъ своею драмой. Что ему за надобность, что Султанъ скучаетъ, сидя на тронѣ, — когда дочь его танцуетъ? Что ему за надобность, что придворные Царя Гренадскаго ногъ подъ собой не слышатъ, стоя на одномъ мѣстѣ такъ долго, — когда Г-жи Нобле и Монтессю танцуютъ? Что ему за надобность, что драма его вдругъ останавливается, — когда онъ можетъ пустить кого-нибудь танцовать? По мнѣ, Г. Тальони правъ: его дѣло, главная, единственная его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы всѣ эти прелестныя женщины танцовали, танцовали, какъ можно болѣе. По окончаніи дивертиссемента, Магометъ взлѣзаетъ на слона, и отправляется въ мечеть благодарить Аллаха за побѣду.

Во второмъ дѣйствіи вы видите купальню. Прелесть и великолѣпіе! Подъ кіоскомъ, окруженнымъ легкими колоннами, стоитъ бѣлая мраморная ванна, и въ ней ку-

паются восемь танцовщицъ. Вода прозрачна; купальщицы бѣлы какъ мраморъ бассейна; вы видите роскошныя ихъ плеча, которыя то появляются, то вмигъ исчезаютъ. Тутъ опять Г. Тальони останавливаетъ свою драму, чтобы заставить танцовать весь гаремъ. Первая Одалыка, выходящая изъ купальни, — дѣвица Тальони. Невольницы обсушиваютъ и одѣваютъ ее. Опять и опять танцы, но танцамъ долженъ же быть конецъ, и Г. Тальони призываетъ къ себѣ на помощь волшебство. Бѣдная невольница продаетъ Зульмѣ очарованный букетъ.

Зульма хочетъ, чтобы подруги ея были свободны, чтобы онѣ вооружились, и букетъ превращается въ пукъ копій; полки образуются; начинается ученье; Зульма командуетъ этою легкою пѣхотою. Но въ самомъ пылу ихъ воинственныхъ упражненій, является начальникъ евнуховъ. Испуганный Массуфъ бѣжитъ къ Султану *донести о происходящемъ.* Магометъ приходитъ съ вооруженною стражею. Но, о чудо! копья превратились въ лиры. Всѣ эти женщины, которыя только-что дѣлали на-караулъ, поютъ и играютъ; Массуфъ въ смущеніи; успокоенный Магометъ уходитъ. Но тутъ лиры превращаются въ копья, стѣны сераля рушатся, на рѣкѣ, которую Г. Тальони называетъ Хенилемъ, являются позлащенныя суда; вся женская армія садится на корабли и ввѣряется дуновенію вѣтровъ. Ничто не можетъ быть великолѣпнѣе блестящаго солнца, освѣщающаго Хениль, позлащенныхъ кораблей, нагруженныхъ женщинами, — и зрители спрашивали себя: что же будетъ послѣ этого?

Послѣ этого было третье дѣйствіе, ночь. Мы посреди Алпухаръ, цѣпи горъ, лежащей близъ Хениля. Вся армія Зульмы покоится подъ открытымъ небомъ; мѣстами пылаютъ бивачные огни, по стану ходятъ патрули, вдали раздаются оклики часовыхъ; женщины — саперы строятъ палисады; главный штабъ и генералы, подавая солдатамъ образецъ бдительности, ложатся послѣдніе; главнокомандующій Зульма спитъ, какъ и простые солдаты, на голой землѣ. Между-тѣмъ, какъ ни хорошо охранялся этотъ лагерь, но въ него пробирается мужчина. Мудрено ли: это станъ женскій! Этотъ молодой человѣкъ, — Исмаилъ.

Онъ видитъ Зульму. Онъ похищаетъ волшебный ея букетъ, и пробуждаетъ ее поцѣлуемъ. Исмаилъ принесъ отъ Султана мирныя предложенія.

Исмаилъ уходитъ. На востокѣ брежжетъ заря. Станъ подымается. Главнокомандующій Зульма дѣлаетъ смотръ своей арміи. Ничто не можетъ быть прелестнѣе этихъ эволюцій.

Мужество женской арміи устрашаетъ Магомета: онъ сдается на капитуляцію, и соглашается заплатить контрибуцію, приноситъ великолѣпные дары: златыя ткани, богатыя ожерелья, блестящія покрывала, браслеты съ драгоцѣнными каменьями. При этомъ видѣ, солдаты и офицеры оставляютъ ряды, всѣ стремятся къ подаркамъ. Неосторожные воины! Вѣроломный Магометъ приказываетъ своимъ стражамъ захватить покинутое оружіе, — и бѣдныя Одалыки въ плѣну. Зюльма лишилась цвѣтка, которому обязана была своимъ могуществомъ. Вдругъ, Исмаилъ приноситъ похищенный имъ букетъ. Тутъ раздается громъ, земля потрясается, горы рушатся, являются великолѣпно освѣщенные сады и дворецъ Хенералифскій, и геній покровитель женщинъ соединяетъ Зульму съ Исмаиломъ; восхищенные зрители аплодируютъ.

Этотъ великолѣпный, истинно волшебный Балетъ привлекаетъ теперь всю Парижскую публику, которая не можетъ наглядѣться на блистательныя военныя эволюціи, марши и контрмарши, ученья съ оружіемъ и барабаномъ, тысячи очаровательныхъ женщинъ. Дамы торжествуютъ, и плещутъ бѣленькими, нѣжными ручками. Да здравствуютъ дамы! Ура, спасительницы! Дамы избавятъ Европу отъ неистовствъ романтизма, безвкусія мужчинъ и всеобщей скуки. Кто бы, еще въ началѣ этого года, могъ предвидѣтъ такую благодѣтельную революцію!.....

НОВАЯ КОМЕДІЯ СКРИБА. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, неистощимый водевилистъ Г. Скрибъ вздумалъ написать Комедію въ пяти дѣйствіяхъ, и эта Комедія не стоила даже и посредственныхъ его Водевилей. Нынче онъ снова принялся за комедіи, и въ этотъ разъ съ большимъ успѣхомъ. Его *Бертранъ и Ратонъ, или Искусство производить заговоры*,

привлекаетъ теперь въ первый Французскій театръ лучшую Парижскую публику.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ вышелъ въ Парижѣ Романъ, Струэнзе, и этотъ Романъ подалъ Г. Скрибу основную идею его Комедіи. Въ первыхъ явленіяхъ Авторъ весьма искусно объясняетъ положеніе всѣхъ честолюбцевъ, которые вертятся около Струензе, одни чтобы воспользоваться его могуществомъ, другіе чтобъ его ниспровергнуть. Тутъ вы узнаете вдовствующую Королеву Марію-Юлію, которая почти явно стремится овладѣть верховною властію, отнявъ ее у слабаго Христіана VII, истощеннаго распутствомъ; отставнаго Полковника Голера, который готовъ вступить въ заговоръ, потому, что правительство не приняло услугъ его, намѣреваясь впрочемъ измѣнить заговорщикамъ, если это окажется выгоднымъ; Графа Бертрана Ранцау, стараго придворнаго, тонкаго дипломата, который играетъ только на-вѣрняка и мастеръ употреблять другихъ для достиженія своей цѣли. Графъ скоро овладѣваетъ и вдовствующею Королевою и недовольнымъ Полковникомъ; завербовываетъ купца, Ратона Бургерштафа, который воображаетъ себя государственнымъ человѣкомъ, и даже сына его, который влюбленъ вь благородную дѣвицу и, оскорбленный дворяниномъ, не можетъ получить удовлетворенія.

Съ другой стороны этому тонкому заговорщику противопоставленъ только Графъ Фалкенридъ, товарищъ его по министерству, политикъ близорукій, который ищетъ связей и хочетъ выдать дочь свою за знатнаго молодаго человѣка, Барона Коллера, пустаго вертопраха, извѣстнаго только тѣмъ, что онъ хорошо танцуетъ; но дѣвица Фалкенридъ любитъ бывшаго секретаря отца ея, Эрика Бургерштафа, сына купца Ратона Бургерштафа.

Въ первыхъ двухъ актахъ обрисовываются характеры всѣхъ этихъ лицъ; сверхъ того въ первомъ приготовляется дѣйствіе, начинающееся во второмъ. Отъ Двора мы переходимъ въ домъ Г. Ратона Бургерштафа, и знакомимся съ двумя новыми лицами: женою Ратона, женщиною благоразумною, которая смѣется надъ глупымъ честолюбіемъ своего мужа, и Іоганномъ, прикащикомъ, лицемъ, которое въ другихъ мѣстахъ не существуетъ, а въ Парижѣ весьма обыкновенно.

Это молодой человѣкъ, который мѣшается во всѣ возмущенія только потому, что любитъ шумъ и тревогу. Въ этотъ день, Іоганъ потираетъ себѣ съ радости руки; онъ видѣлъ на улицахъ волненіе, слышалъ мятежные крики; онъ надѣется, что будетъ хоть небольшое возмущеніе, и что купцы принуждены будутъ запереть лавки. Графъ Ранцау сказалъ Эрику, что отца его, противъ котораго Графъ самъ возбудилъ подозрѣніе правительства, хотятъ взять подъ стражу, и Г-жа Бургерштафъ уговариваетъ мужа скрыться съ Іоганномъ въ домѣ одного изъ ихъ пріятелей.

Дорогой, двое полицейскихъ чиновниковъ учтиво приглашаютъ Ратона пожаловать съ ними къ судьѣ; онъ бы и не прочь, но Іоганнъ на это не согласенъ. Іоганнъ начинаетъ кричать: Помогите! помогите! хозяина моего берутъ подъ стражу! хозяина моего хотятъ засадить въ тюрьму! И вотъ Г. Ратонъ дѣлается угнетенною невинностью, потомъ народнымъ героемъ, потомъ народнымъ предводителемъ: потомъ, его освобождаютъ, отводятъ домой при восклицаніяхъ мятежной толпы, которая оскорбляетъ всякаго, кто кажется ей дворяниномъ или кто ѣдетъ въ каретѣ. Это волненіе заставило дѣвицу Фалкенридъ, дочь министра, укрыться въ магазинѣ Г. Ратона, и отдаться подъ покровительство Эрика, который подоспѣлъ во время, чтобъ защитить ее отъ мятежной толпы. Г. Ратонъ охотно покорствуетъ новой своей важности, и даже, говоритъ онъ съ скромностію, примет народное торжество, которое ему готовятъ.

Когда народъ разошелся, Г. Ратонъ обратилъ вниманіе на Графа Ранцау, который, по обѣщанію своему, принесъ Іоганну дипломъ на чинъ поручика. Г. Ратонъ принимаетъ также подъ свое покровительство молодую Графиню, и позволяетъ сыну проводить ее домой. Графу Ранцау нужно пятнадцать аршинъ бархату, но Г. Ратону некогда ихъ отмѣривать: онъ занятъ приготовленіями къ пиру, который намѣревается дать своимъ товарищамъ, купцамъ, и идетъ въ завѣтный погребъ достать вина; но Графъ, которому хотѣлось бы снова возбудить въ народѣ волненіе, запираетъ его въ погребу. Народъ приходитъ, чтобъ вести Г. Ратона на торжество, и нигдѣ его не находитъ. Отъ этого распространяется слухъ, будто онъ похищенъ по приказанію Двора, и мятежники кричатъ: измѣна! къ оружію!

Новое возстаніе прекращается. Министры отдыхаютъ. Но въ народѣ захватили двухъ возмутителей, агентовъ вдовствующей Королевы, и Полковникъ Голеръ, чувствуя, что его поведеніе можетъ быть узнано, доноситъ правительству о заговорѣ, въ которомъ онъ самъ былъ главнѣйшимъ зачинщикомъ; онъ объясняетъ, что Министровъ, которые въ этотъ день всѣ обѣдали у Графа Фалкенрида, намѣревались взять подъ стражу. Полковника, въ награду за этотъ доносъ, назначаютъ командиромъ гвардіи, и рѣшаютъ позволить мятежникамъ приступить къ исполненію своего предпріятія и потомъ захватить ихъ на дѣлѣ. Но Графъ Ранцау увѣдомляетъ объ этомъ заговорщиковъ.

Между тѣмъ Эрикъ, гордясь своими эполетами, снова вызываетъ соперника своего Коллера на дуэль и приходитъ къ нему въ домъ Министерства. Тамъ не находитъ онъ никого, кромѣ дѣвицы Фалкенридъ, и между ними происходитъ трогательное объясненіе. Эрикъ хочетъ уйти, но домъ окруженъ войсками, и Эрикъ принужденъ спрятаться въ комнатѣ дѣвицы Фалкенридъ. Полиція ищетъ одного изъ заговорщиковъ, который долженъ быть тутъ; отворяютъ комнату молодой Графини, и Эрикъ, чтобъ спасти честь ея, объявляетъ, что онъ заговорщикъ. Его судятъ и приговариваютъ разстрѣлять въ теченіе 24 часовъ.

Графъ Ранцау пользуется и этимъ обстоятельствомъ. Теперь доказано, что заговоръ существуетъ, и вдовствующая Королева, которая необходимо подвергнется подозрѣнію, должна, для собственной своей безопасности, спасти осужденнаго; притомъ народъ, который возмутился для освобожденія отца, конечно возмутится для того, чтобы избавить сына отъ смерти. Суды протестуютъ противъ осужденія Эрика Военною Коммиссіею, и Графъ Ранцау пользуется случаемъ показать себя приверженцемъ народа. Онъ подаетъ въ отставку, когда повелѣніе объ отрѣшеніи его отъ должности было уже почти подписано. Между-тѣмъ какъ Министры и Королева Матильда, супруга Христіана VII, предаются радости, думая, что они совершенно обезопасены открытіемъ заговора, и готовятся къ великолѣпному балу, вдовствующая Королева Марія-Юлія, по совѣту Графа Ранцау, приходитъ къ слабому Христіану и заставляетъ его подписать повелѣніе о задержаніи Королевы

Матильды и Струэнзе. Но кто же исполнитъ это повелѣніе, когда начальникъ гвардіи, Полковникъ Голеръ взялся задержать по другому повелѣнію Королеву Марію-Юлію? — «Тотъ же Голеръ, говоритъ Графъ Ранцау; я заставлю его.» У вдовствующей Королевы есть письменныя доказательства участія Голера въ заговорѣ. Ранцау показываетъ ему эти бумаги, и говоритъ: «Полковникъ, выбирайте между повелѣніями Короля и Струэнзе; но ежели Струэнзе восторжествуетъ, то эти бумаги уничтожатъ завтра же ваши сегоднишнія заслуги.» Голеръ рѣшается.

Между-тѣмъ при Дворѣ балъ; Графъ Фалкенридъ и дочь его уѣзжаютъ первые. Во дворцѣ ожидаетъ молодую Графиню Г-жа Бургерштафъ; мужъ ее пошелъ возмущать народъ, а она проситъ Графиню спасти Эрика. Графиня рѣшается пожертвовать даже честію, чтобы избавить несчастнаго Эрика отъ смерти. Она пишетъ къ Королевѣ письмо, въ которомъ объясняетъ, какимъ образомъ Эрикъ попалъ въ ея комнату. Но отецъ ея видитъ это письмо и хочетъ вырвать его изъ рукъ ея. Тутъ начинается трогательная борьба между отчаяніемъ дочери и неумолимымъ эгоизмомъ отца; между тѣмъ день занимается, слышенъ барабанный бой. Это знакъ казни Эрика!

Вдругъ, подымаются ужасные крики. Коллеръ вбѣгаетъ въ бальномъ платьѣ. Что же такое случилось? «Происшествія, совершенно невозможныя!» говоритъ Коллеръ,—потому, что онъ предупредилъ ихъ: «революція, Королева Матильда и Струэнзе подъ стражею!» Приходитъ Графъ Ранцау и подтверждаетъ эти извѣстія. Баронъ Коллеръ, который за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ занялъ его мѣсто, успѣлъ во время своего министерства только протанцовать менуэтъ. Народъ врывается во дворецъ; съ нимъ Г. Ратонъ и Эрикъ; Эрикъ, который также сражался, но думалъ только о своей любезной, Г. Ратонъ, который, какъ предводитель народа, не видитъ уже границъ своему могуществу. Между-тѣмъ, приносятъ Королевскую прокламацію. Это конечно награды, жалуемыя Королемъ его вѣрнымъ подданнымъ. Г. Ратонъ принимаетъ на себя прочесть эту бумагу народу. Статья первая: Графъ Ранцау назначается Первымъ Министромъ. Статья вторая: Г. Ратонъ Бургерштафъ назначается..... поставщикомъ лентъ для Регентши.

Бургерштафъ въ отчаяніи! Онъ надѣялся самъ быть министромъ: для произведенія и поддержанія мятежа, онъ сыпалъ деньги, разорялся: онъ банкрутъ! Объ немъ и не думаютъ!.... Это ужасъ!... Но такъ кончаются всѣ революціи: всякъ узналъ, въ Ратонѣ, Гг. Лафитта и Одри-де-Пюираво.

НОВАЯ ДРАМА ВИКТОРА ГЮГО. У извѣстной Англійской Королевы, Маріи, которую Исторія представляетъ намъ самою добродѣтельною и безпорочною женщиною, по мнѣнію Г. Гюго, есть любовникъ, Фабіано Фабіани, подлый временщикъ, котораго она осыпала почестями, отличіями, богатствами, для котораго пренебрегаетъ она и мнѣніемъ народа, и ропотомъ знати. Страсть ея не знаетъ ни границъ, ни приличій; это не нѣжное сердечное чувство, но неудержимое влеченіе, какъ любовь Федры къ Ипполиту, съ тою только разницею, что Викторъ Гюго не принялъ на себя труда развить эту страсть, какъ сдѣлалъ Расинъ. Какъ бы то ни было, но Фабіани измѣняетъ Королевѣ; онъ обольщаетъ бѣдную сиротку, Іоанну, которая, какъ послѣ открывается, есть дочь казненнаго Герцога Тальбота. Враги любимца,—а врагами его были всѣ придворные,—открываютъ эту интригу и доносятъ объ ней Королевѣ. Сердце женщины возмущается; она хочетъ смерти измѣнника; но Королева не въ состояніи заставить Суды приговорить его къ казни за непостоянство въ любви. Чтобъ достигнуть своей цѣли, Марія, съ помощію Испанскаго посла, Симона-Ренара, употребляетъ бѣднаго ремесленника Гильберта, жениха Іоанны, которую обольстилъ Фабіани. Гильбертъ, чтобы удовлетворить собственной мести, соглашается обвинить любимца въ намѣреніи умертвить Королеву, а себя объявить его сообщникомъ. Уже Фабіани, для потѣхи зрителей, убилъ, въ самомъ началѣ пьесы, жида. Жидъ, умирая, отдалъ бумаги, касающіяся рода Іоанны. Теперь, послѣ самой неблагопристойной сцены, гдѣ Королева, лежа на диванѣ, объясняется съ своимъ любовникомъ; когда спрятанный Гильбертъ, высунувшись изъ-за кулисъ, уличилъ Фабіани въ измѣнѣ и мнимомъ намѣреніи убить Государыню; когда Фабіани схваченъ и преданъ Суду; когда Іоаннѣ возвращены отцовскія имѣнія и титулы, Королева призываетъ палача, бесѣдуетъ съ нимъ, шутитъ объ его сѣди-

нахъ. Ну, Королева!.... Но цыганъ, жидъ и палачъ суть верхъ прекраснаго у Г. Гюго. И сверхъ того, Королева, въ присутствіи всего Двора, въ присутствіи даже посла Филиппа II, за котораго сбирается она выйти замужъ, осыпаетъ своего любовника упреками, ругательствами, низкою бранью, и всенародно сознается въ своемъ срамѣ. На какой планетѣ происходитъ все это?... Любимецъ Королевы и Гильбертъ осуждены на смерть. Тутъ любовь снова пробуждается въ сердцѣ женщины, и она хочетъ спасти еще милаго ей измѣнника. Всеобщая ненависть къ Фабіани такъ велика, что Королева не можетъ употребить для избавленія его отъ смерти никого, кромѣ своей соперницы; но Іоанна, нынѣ Герцогиня Тальботъ, уже забыла минутную свою склонность къ гнусному обольстителю; она снова любитъ жениха своего, ремесленника, которому измѣнила, и, пользуясь пропускнымъ видомъ, даннымъ ей Королевою, спасаетъ не Фабіани, но Гильберта. Вся перипетія драмы основана на измѣнчивости характера Королевы, на безпрерывныхъ *маршахъ* и *контрмаршахъ* въ страсти. Несмотря на нѣсколько сильныхъ сценъ, все неправда, невѣроятность, совершенное отсутствіе логики, вкуса, приличія, знанія людей, — все сумасбродство, настоящій бредъ таланта въ лихорадкѣ!

Изъ этой Драмы уже сдѣлали въ Парижѣ пародію, которую будутъ скоро играть на одномъ изъ меньшихъ театровъ. Заглавіе серіозной Драмы Виктора Гюго: Marie Tudor. Заглавіе насмѣшливой пьесы: Marie, tu dors?...

AIMER, MOURIR! — **ЛЮБИТЬ, УМЕРЕТЬ!** — новая Драма, представленная въ первый разъ въ Парижѣ, въ Декабрѣ, 1853. Двое молодыхъ людей, пообѣдавши порядкомъ, вздумали написать Драму, и эта Драма, — можетъ-быть, безъ намѣренія Авторовъ, — лучшая пародія того, что называютъ *новѣйшею Драмою.* Вы сейчасъ сами увидите.

Я не стану обращать вашего вниманія на избранное Авторами заглавіе: *Любить, умереть!* Это сокращенная исторія всѣхъ героевъ новѣйшей Драмы; одни умираютъ не любивъ, другіе умираютъ полюбивъ; этотъ умеръ, потому, что онъ любимъ; тотъ, потому, что не любимъ; третій сбирается любить, и умираетъ; четвертаго сбираются полюбить, а

онъ умираетъ; всѣ, которые любятъ, умираютъ; всѣ, которые умираютъ, любили, любимы, были или будутъ любимы. Молодые Авторы поняли сущность новѣйшей Драмы, и заключили ее въ двухъ-словномъ своемъ заглавіи: *Любить, умереть!*

Первое дѣйствіе этой Драмы происходитъ въ Африкѣ. Вы въ острогѣ. Нынче ни одна Драма не обойдется безъ каторжника, безъ казни, безъ палача. Тутъ вы сразу видите штукъ двадцать каторжниковъ. А объ казни не безпокойтесь: будетъ! Замѣтьте только столбъ, поставленный посреди театра; этотъ столбъ Испанская гильотина. Къ столбу приводятъ осужденнаго. Этотъ осужденный здоровый каторжникъ, который въ прошлую ночь сбирался бѣжать, и за то осужденъ на смерть. Осужденный является съ патеромъ. Иначе нельзя: патеръ, такъ же лице необходимое въ новѣйшей Драмѣ! Осужденный кается на колѣняхъ въ своихъ грѣхахъ и любви къ свободной жизни. Послѣ исповѣди, священникъ предаетъ осужданнаго палачу. Палачъ привязываетъ его къ столбу, и казнь начинается. *Разъ, два, три.....и!* Дама, которая сидѣла подлѣ меня, говоритъ Ж. Жаненъ, съ крикомъ отворачивается.

— Успокойтесь, сударыня: развѣ вы не видите, что осужденный не можетъ умереть?

Между-тѣмъ палачъ продолжаетъ поворачивать колесо и стягивать шею осужденнаго, у котораго уже глаза закатываются. *Разъ, два, три.....и!*

— Да отчего же, сударь? сказала дама.

— Онъ не можетъ умереть, сударыня, отъ того, что еще не любилъ.

И дѣйствительно: въ ту минуту, какъ палачъ хотѣлъ въ послѣдній разъ повернуть колесо, является курьеръ изъ Мадрита съ письмомъ къ начальнику острога. Начальникъ дѣлаетъ знакъ палачу; палачъ развертываетъ осужденнаго, а начальникъ, учтиво кланяясь ему, говоритъ: Вы свободны, *сеньоръ* Блазъ..... Да, да! онъ сеньоръ Блазъ; только, повѣрьте, не Жиль-Блазъ. Авторы шутятъ.

Перейдемъ ко второму дѣйствію. Мы въ Испаніи. Испанія отечество новѣйшей Драмы. Испанія подарила намъ *Сида*, и, черезъ двѣсти лѣтъ, *Гернани*. Посему наши Авто-

ры не могли обойтись безъ Испаніи. А на театрѣ, гдѣ Испанія, тамъ на площади балконъ, на балконѣ зеленые рѣшетчатые ставни, за зелеными рѣшетчатыми ставнями бѣленькая женщина, которая ждетъ блѣднолицаго юноши. Такъ и у нашихъ Авторовъ. Ночь;—о, ночь, день новѣйшей Драмы! — женщина, которую вы видите на балконѣ, Инеса; Инеса ждетъ своего любезнаго Фернандо. На рѣкѣ является лодка;—(о, текучая вода—материкъ новѣйшей Драмы!)—на этой лодкѣ Фернандо; Фернандо пріѣхалъ проститься съ Инесою; въ это утро старый нищій; — замѣтьте стараго нищаго! — совѣтовалъ ему бѣжать. Спасайтесь, Донъ Фернандо, сказалъ старый нищій: начальникъ полиціи, суровый Донъ Блазъ, хочетъ взять васъ подъ стражу. Фернандо спасается, и хочетъ проститься со своей любезною Инесою!

Покуда онъ прощается, день занимается и колокола звонятъ къ заутрени; церковь отворяется; народъ и полицейскіе шпіоны входятъ на сцену; суровый Донъ Блазъ садится за столъ и завтракаетъ въ трактирѣ, посреди театра.

Дона Фернанда берутъ въ церкви подъ стражу.

Когда Фернанда взяли подъ стражу, Донъ Блазъ, который еще не отзавтракалъ, велитъ позвать Инесу, и, завтракая, говоритъ Инесѣ,—замѣтьте, что онъ никогда прежде не говаривалъ съ Инесою:

— Инеса, я люблю тебя, ты любишь Фернанда. Если ты не упрямишься и не перестанешь любить Фернанда, Фернандо умретъ; если ты будешь любить меня, Фернандо не умретъ. Люби меня!

Инеса такъ любитъ Фернанда, что выходитъ замужъ за Донъ Блаза. Донъ Фернанда отправляютъ въ ссылку.

Донъ Блазъ, окончивъ свой завтракъ, утирается, и цѣлуетъ руку Инесы.

Въ третьемъ дѣйствіи, Инеса вышиваетъ. Вышивая, она вздыхаетъ; вздыхая, она смотритъ на мужа своего, Донъ Блаза; смотря на своего мужа, она думаетъ о любовникѣ. Вдругъ тюрьма, находящаяся черезъ улицу отъ ихъ дома, загорается. Въ этой тюрьмѣ томится опять Донъ Фернандо. Фернандо, пользуясь пожаромъ, снимаетъ съ себя оковы, и убѣгаетъ изъ тюрьмы. Прежде всего, онъ идетъ къ Дону Блазу требовать отъ него Инесы. Донъ Блазъ, вмѣсто того, чтобы возвратить ему Инесу, стрѣляетъ ему въ грудь изъ

пистолета; но Фернандо умереть еще не можетъ: онъ еще не довольно любилъ.

Выслушайте четвертое Дѣйствіе. Театръ представляетъ кабакъ. Кабакъ, тюрьма, острогъ, — все это въ новѣйшей Драмѣ одно безъ другаго не бываетъ. Въ кабакѣ, толпа контрабандистовъ пьетъ портвейнъ. Одинъ изъ нихъ переодѣвается монахомъ, чтобъ перевезти запрещенныя кружева. Контрабанда отвозится, для большей безопасности,—куда вы думаете? Въ домъ суроваго Дона Блаза. Въ домѣ начальника полиціи у контрабандистовъ есть покровитель. Вотъ почему вы видите посреди кабака большой сундукъ; но въ этомъ сундукѣ спрятался Донъ Фернандо. Контрабандисты, унося сундукъ, находятъ, что кружева очень тяжелы.

Въ пятомъ дѣйствіи вы видите комнату Инесы; посреди комнаты Инесы, сундукъ, въ которомъ лежитъ Фернандо. Инеса приходитъ, ложится на кушетку, и засыпаетъ, именно для того, чтобъ не видать Фернанда. Тогда Фернандо вылѣзаетъ изъ сундука; онъ смотритъ на Инесу; Инеса просыпается и обнимаетъ Фернанда. Вдругъ стукъ у дверей: это мужъ, это Донъ Блазъ возвращается. Инеса трепещетъ, Фернандо прячется въ сундукъ, Донъ Блазъ входитъ.

Прежде всего бросается въ глаза Донъ Блазу сундукъ. Что это такое? говоритъ онъ женѣ. Она отвѣчаетъ весьма наивно: Сундукъ! Удивительно, этотъ, столь естественный отвѣтъ, кажется Дону Блазу неудовлетворительнымъ. Онъ беретъ крючекъ, и хочетъ отпереть сундукъ; сундукъ не отпирается. Вдругъ на улицѣ раздается шумъ: клевреты Донъ Блаза убиваютъ одного изгнанника, негра. Донъ Блазъ идетъ полюбоваться на это, и говоритъ, что онъ сейчасъ воротится. Инеса, оставшись одна съ сундукомъ, выпускаетъ изъ сундука Донъ Фернанда. — Бѣги, Фернандо! — Фернандо обнимаетъ Инесу, и уходитъ черезъ потаенный выходъ, *неизвѣстный Донъ Блазу* въ собственномъ его домѣ. Донъ Блазъ является, видитъ, что сундукъ пустъ, и говоритъ женѣ: — Въ этомъ сундукѣ былъ мужчина; этотъ мужчина твой любовникъ! Ступай исповѣдываться; духовникъ твой въ передней.—Инеса уходитъ.

Тутъ Фернандо возвращается: Фернандо нашелъ алгвазиловъ Донъ Блаза въ тайномъ выходѣ, неизвѣстномъ

Донъ Блазу, и возвращается въ комнату Инесы, крича во все горло: *Инеса!* Донъ Блазъ отвѣчаетъ ему кинжаломъ, и, заколовъ его надлежащимъ образомъ, кладетъ его на постель Инесы, и прикрываетъ своимъ краснымъ плащемъ.

Инеса приходитъ съ духовникомъ. Донъ Блазъ говоритъ Инесѣ: — Оставляю тебя съ твоимъ любовникомъ! — Потомъ онъ уходитъ съ духовникомъ, который не почелъ нужнымъ сказать ни слова, и приказываетъ заколотить двери и окна. Инеса, я Думаю, теперь ужь умерла съ голоду подлѣ своего любовника.

Эта Драма была написана очень серіозно. Но, во время представленія, два шалуна стали хохотать во все горло, увѣряя партеръ, что Авторы хотѣли сдѣлать рѣзкую пародію новѣйшей драмы, и публика вдругъ принялась хохотать при самыхъ ужасныхъ сценахъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О БѢГЛЫХЪ ЛЮДЯХЪ *отъ 10 Іюня 146 года до Рождества Христова.* Напрасно человѣческое общество надѣется скрыть свои грѣхи и происки отъ отдаленнаго потомства, полагаясь въ этомъ случаѣ на истребительную силу времени. Время, какъ нарочно, послѣ многихъ тысячъ лѣтъ, нерѣдко выбрасываетъ изъ нѣдръ своихъ давно пожранныя имъ доказательства мелкости истлѣвшаго въ землѣ человѣка, — ничтожные лоскутки бумаги, забытые тѣми же лицами, которыя сдѣлали на нихъ свои отмѣтки или признанія, но важныя свидѣтельства для потомства, жаждущаго узнать все относящееся къ быту его предковъ. Найденные въ Египетскихъ муміяхъ папирусы уже обнаружили намъ множество сдѣлокъ лихоимства, ябедничества, ссоръ и подлоговъ покойныхъ подданныхъ Фараона и Птоломея. Недавно нашли еще въ одной гробницѣ родъ оторваннаго отъ Прибавленій къ Мемфисскимъ Академическимъ Вѣдомостямъ лоскутка, на которомъ ученый и трудолюбивый Летроннь прочиталъ Объявленіе о поимкѣ людей, бѣжавшихъ отъ своихъ господъ за полтора вѣка до Р. Х. Этотъ любопытный папирусъ заключаетъ въ себѣ множество рѣдкихъ свѣдѣній для Политической Экономіи древнихъ Египтянъ: вотъ онъ, въ переводѣ съ Греческаго подлинника, писаннаго въ царствованіе Эвергета II.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

25 года, мѣсяца Эпифи въ 26 день (10 Іюня, 146 года до Р. Х.)

— *Рабъ посланника города Алабанды* (что въ Малой Азіи), *Аристогина Хриситпова, бѣжалъ изъ Александріи. Оный рабъ, по имени Эрмонъ, по прозванію Нилъ, Сирскій уроженецъ изъ Бамбука, отъ роду 18 лѣтъ, ростъ средній, ноги прекрасныя, безъ волосъ на бородѣ, но съ небольшою въ срединѣ ея впадинкою, съ рубцомъ надъ лѣвымъ уголкомъ рта, на правой рукѣ наколоты варварскія* (Сирскія) *письмена; на немъ поясъ, въ которомъ были три золотыя монеты, цѣною въ 3 мны, и 10.....* (въ 210 р. асс.), *а на желѣзномъ кольцѣ у пояса стклянночка съ духами и банный приборъ для натиранія тѣла; сверхъ сего, плащъ и передникъ. Кто приведетъ его къ хозяину, тотъ получитъ въ награду 2 талента и 3,000 драхмъ мѣдью* (175 руб. асс.); *кто укажетъ мѣсто его пребыванія, лишь бы только не въ священной оградѣ, получитъ 1 талентъ и 2,000 драхмъ мѣдью* (93 руб. 33 коп. асс.); *буде же у человѣка зажиточнаго и могущаго уплатить пеню, то 3 талента 5,000 драхмъ мѣдью* (268 руб. 33 коп. асс.). *Желающіе могутъ объявить о томъ и мѣстной полиціи.*

— *Также ушелъ изъ Александріи, вмѣстѣ съ упомянутымъ, рабъ дворцоваго Оберъ-каммерлакея, Калликрата, по имени Віонъ: ростъ малый, плеча широкія, ноги толстыя, глаза голубые; на немъ рубаха и невольничья шинелька. Онъ унесъ съ собою женскій ящикъ цѣною въ 6 талентовъ и 5,000 драхмъ* (478 руб. 33 коп. асс.). *Кто приведетъ его, получитъ такую же награду, какъ и за выше-прописаннаго. Объявить и объ немъ, если угодно, мѣстной полиціи.*

Это объявленіе, которое, какъ видно, было разослано по всѣмъ городамъ и прибито къ угламъ улицъ, по соображеніи его съ другими, уже извѣстными папирусами, послужило Г. Летронню къ рѣшенію важнаго для Исторіи и древней Политической Экономіи вопроса, — именно, къ опредѣленію настоящей цѣны Египетскихъ и Греческихъ денегъ. По его изслѣдованіямъ, считая нашъ ассигнаціонный рубль равнымъ франку, 1 Египетская *мѣдная драхма* равнялась

$1^1/_6$ копѣйкѣ; 60 такихъ драхмъ составляли 1 *серебряную драхму* = 70 коп.; четыре серебряныя драхмы составляли 1 *тетрадрахму* = 2 р. 80 коп.; двѣ съ половиною тетрадрахмы составляли 1 *декадрахму*, то есть, десять драхмъ или золотниковъ серебра, родъ Египетскаго долера, равный 7 рублямъ асс., или франкамъ. Золотыя монеты были слѣдующія: *золотая драхма*, или золотникъ,=8 р. 75 коп.; *золотая тетрадрахма* (полу-имперіялъ) = 35 руб.; *золотая октодрахма* (статиръ, имперіалъ) = 70 руб. Кромѣ монетъ, были, какъ извѣстно, въ употребленіи счетныя суммы, подобно Англійскимъ фунтамъ стерлинговъ, Славянскимъ гривнамъ, и Индѣйскимъ лакамъ рупій. Счетныя суммы были слѣдующія: 1) *Мна*, или *мина*, состоящая, по Римскому положенію, изъ 96 драхмъ, или золотниковъ; по Египетскому, изъ 100 драхмъ; это наша древняя гривна серебра, pondus, marca. Она равнялась цѣною золотой октодрахмѣ, или статиру, то есть, имперіялу въ 70 руб. цѣною, который, такъ же какъ у Византійцевъ и у насъ, носили иногда на шеѣ въ видѣ украшенія или знака отличія, и называли *мною*, *миною* или гривною, потому, что достоинство ея было равно мнѣ, или гривнѣ серебра. 2) *Талентъ мѣди*, равный цѣною мнѣ, или гривнѣ серебра, и золотой октодрахмѣ, статиру, или имперіялу = 70 р. 3) *Талентъ золота*, равный 6 талентамъ или 360,000 драхмамъ мѣди, и слѣдственно 60-ти мнамъ, или гривнамъ серебра, также 60-ти октодрахмамъ, статирамъ, или имперіяламъ = 4,200 р. асс. Изъ этого слѣдуетъ, что во II вѣкѣ до Р. Х., относительная цѣна мѣди къ серебру была, какъ 1 : 60, серебра къ золоту, какъ 1 : 12 $^1/_2$; что въ Египтѣ считали все на мѣдныя деньги; что законные проценты были по 12 со ста; указная цѣна раба, полагая въ-четверо противъ награды, 700 руб. асс.; справочная цѣна быка 245 руб., и настоящее достоинство прославленной казны Птоломеевъ не выше 49,000,000 рублей асс. *Journal des Savans.*

МЕМНОНОВЪ КОЛОССЪ. Г. Летронне издалъ также въ прошломъ году весьма любопытное и ученое сочиненіе объ извѣстной колоссальной статуѣ Мемнона, издававшей гармоническіе звуки при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, и которая теперь смирно стоитъ въ деревенскомъ ячменѣ,

посѣянномъ на великолѣпной площади древней стовратной столицы Египта, Ѳивъ. (La statue vocale de Memnon, considérée dans ses rapports avec l'Egypte et la Grèce. Paris, 1833, un vol. in-4°.) Статуя эта почти равна вышиною Александровской колоннѣ, безъ капителя, и имѣетъ видъ великана, сидящаго на стулѣ. Древніе путешественники, герои, богомолы, поэты, Цари, ѣздили въ Верхній Египетъ, чтобъ видѣть ее и убѣдиться собственными ушами въ подлинности извѣстія о музыкальныхъ ея свойствахъ. Нижняя часть ея почти сплошь покрыта надписями посѣтителей всѣхъ вѣковъ и вѣроисповѣданій, и нынѣшніе грѣшные путешественники еще вырѣзываютъ на ней гвоздемъ имена свои подъ знаменитыми именами Германика, Адріана и Сабины. Многіе изъ Древнихъ, кромѣ имени, оставили на ней свидѣтельство, что дѣйствительно сами они слышали звуки внутри каменнаго великана въ минуту восхожденія солнца; другіе начертали свои мысли въ стихахъ, неуступающихъ въ достоинствѣ поэтическимъ вдохновеніямъ проѣзжихъ, исписывающихъ алмазомъ окошечныя стекла гостинницъ. Новѣйшіе путешественники, у которыхъ дѣло никогда не станетъ за причиною, всѣ вообще приписывали таинственные звуки Мемнонова колосса плутовству Египетскихъ жрецовъ и потаенному механизму, устроенному внутри статуи. Но одинъ Англичанинъ, недавно посѣщавшій Мемнона, клянется, что самъ онъ слышалъ какой-то шумъ, похожій на урчаніе желудка, въ огромномъ каменномъ тѣлѣ героя, когда лучи солнца начали согрѣвать камень. Г. Летроннь пожелалъ поддержать эту мысль, или открытіе, историческими изслѣдованіями, и написалъ книгу, которая, не смотря на глубокую его ученость, на множество Греческихъ и Латинскихъ текстовъ, представляетъ почти занимательность волшебнаго Романа, — столько собралъ онъ новыхъ фактовъ и удивительныхъ показаній о самой статуѣ и о феноменѣ, которымъ она прославилась! Во-первыхъ, онъ доказалъ, что всѣ мы, разсуждая о колоссѣ Мемнона, не знаемъ, что говоримъ, ибо это изображеніе не Мемнона, но Аменофиса III, которое Греки, по своей легкомысленности и невѣжеству, прозвали Мемнономъ отъ того, что оно находилась въ части города, именуемой *Мемноніонъ*. Съ Греками никогда не добьешься толку!.... Во-вторыхъ, онъ замѣтилъ, что почти всѣ надписи, свидѣ-

тельствующія о звукѣ, составлены одинаково: «Такой-то «сынъ такого-то, въ первомъ часу слышалъ Мемнона *удач-«но.»* Послѣднее слово показываетъ, что не всякой день можно было хорошо слышать эти звуки, — важный атестатъ о честномъ и добропорядочномъ поведеніи въ этомъ дѣлѣ бѣдныхъ языческихъ жрецовъ; ибо, если бъ внутренняя гармонія происходила отъ ихъ плутовства, ничто не препятствовало имъ плутовать въ каждое ясное утро, а въ ясныхъ утрахъ въ Верхнемъ Египтѣ нѣтъ недостатка. Притомъ, подлѣ этого колосса стоитъ другой, почти равной ему величины: почему же этотъ другой не издавалъ звуковъ?.... Почему и тотъ пересталъ издавать ихъ, въ самое то время, когда жрецы болѣе всего нуждались въ его чудесахъ, чтобъ удержать народъ въ Вѣрѣ отцевъ, и остановить успѣхи Христіанства?...

Г. Летронь излагаетъ исторически, что до Рождества Христова никто не называлъ этого колосса Мемнономъ, и никто не говорилъ объ утренней его музыкѣ. Страбонъ еще упоминаетъ объ немъ безъ имени, и онъ первый говоритъ объ его звучности, но съ явною недовѣрчивостью. Колоссъ этотъ, состоявшій прежде изъ одного цѣльнаго камня, былъ поврежденъ землетрясеніемъ въ 27 году до Р. Х., и потерялъ верхнюю свою часть. Съ тѣхъ поръ, въ остальной его части послышалось звучное дрожаніе массы, согрѣтой первыми лучами утра; мало-по-малу слава его распространилась; около временъ Нерона она сдѣлалась несомнѣнною; всѣ заговорили о статуѣ, которую наобумъ стали называть Царемъ Мемнономъ и смѣшивать съ миѳологическимъ Мемнономъ, сыномъ Авроры, или Зари; всѣ пустились путешествовать въ Египетъ, и когда, спустя два вѣка, Императоръ Септимій-Северъ, восхищенный ея музыкальнымъ дарованіемъ, приказалъ ее исправить, звуки вдругъ умолкли. Съ того времени, никто уже не странствовалъ къ Мемнону, и на колоссѣ прекращаются надписи, которыя Г. Летронь собралъ и объяснилъ съ большимъ тщаніемъ и искусствомъ. Разбирая всѣ несомнѣнныя свидѣтельства, онъ показываетъ, что эта таинственная гармонія колосса есть только сплетня энтузіастовъ, преувеличившихъ смыслъ подлинныхъ описаній: тѣ, которые посѣщали памятникъ, говорятъ только объ урчаніи, шумѣ, а не о гармоніи. Очевидно, что это урчаніе, шумъ или внутренній трескъ, были слѣдствіемъ поврежденія

колосса землетрясеніемъ; что запертый въ полости каменной массы воздухъ, согрѣваясь лучами солнца, выходилъ съ шумомъ въ какую нибудь разщелину, и что онъ пересталъ выходить, какъ скоро разщелина была задѣлана.

Между стихотворными надписями древнихъ посѣтителей, весьма немногія заслуживаютъ вниманіе по своему содержанію. Какая-то Римская барыня, Юлія Бальбилла, сопровождавшая Императрицу Сабину, большая охотница стряпать вирши, исписала всю икру великана дурными стихами. Другая путешественница, по имени Требулла, удивляясь очаровавшей ее мелодіи, весьма сожалѣетъ, что у Мемнона нѣтъ головы: она увѣрена, что Мемнонъ игралъ еще лучше, когда носилъ на плечахъ голову. Мы бы теперь этого не сказали: по нынѣшнимъ нашимъ понятіямъ, люди безъ головы способнѣе другихъ быть отличными музыкантами.

Лучшая поэтическая надпись принадлежитъ одному древнему подьячему, Прокурору Кесаря, Асклепіодоту: «Вѣдай, «о богиня моря, ясная Заря, Ѳетида, что сынъ твой Мем«нонъ еще живъ; что, согрѣтый твоимъ материнскимъ взо«ромъ, еще оглашаетъ онъ своими звуками Ливійскій хре«бетъ горъ Египетскихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ могучій Нилъ «разсѣкаетъ Ѳивы великовратныя. Вѣдай по крайней мѣрѣ «о томъ, ибо втораго твоего сына, неумолимаго Ахилла, ни«кто уже не слышитъ ни на Троянской равнинѣ, ни на по«ляхъ Ѳессаліи.» Римскій Прокуроръ, кажется, опечаленъ упадкомъ миѳологическаго вѣрованія въ собственной колыбели Миѳологіи.

Г. Летронн не ограничился надписями колосса: онъ присовокупилъ къ нимъ многія другія, снятыя со стѣнъ великолѣпныхъ гробницъ Фараоновъ. Въ числѣ послѣднихъ самая примѣчательная есть слѣдующая: «Я, Дадухъ пресвятѣйшихъ «таинствъ Элевсинскихъ, Никагоръ Минукіановъ, Аѳиня«нинъ, посѣщалъ сіи подземныя гробницы несравненно поз«же божественнаго Платона Аѳинскаго, — да будетъ надо «мною и здѣсь покровъ Платоновъ! — и удивлялся имъ, и «благословлялъ за то боговъ, равно какъ благочестивѣйшаго «Императора Константина (Великаго), способствовавшаго мнѣ «въ этомъ своею милостью.»

Сочиненіе ученаго Французскаго Академика достойно вниманія всѣхъ любителей Древностей и Исторіи.

ГАЛЛІЯ И ФРАНЦІЯ. Таково заглавіе новаго сочиненія извѣстнаго Александра Дюма (Gaule et France, par Alexandre Dumas, 1833), одного изъ начальниковъ новой романтической школы и автора нѣсколькихъ хорошихъ драмъ. Оно написано въ умѣренно-разрушительномъ духѣ, и «Юная Франція» провозгласила его образцомъ глубокихъ соображеній, удивительной скромности и безконечной учености. Между-тѣмъ, хладнокровная и безпристрастная Критика разобрала его анатомически, и подлинными выписками обнаружила ту неоспоримую истину, что вся ученость Г. Дюма взята живьемъ изъ сочиненій Шатобріана и Августина Тьерри, съ прибавленіемъ только принятыхъ возгласовъ и напыщенныхъ фразъ безъ смысла, которыми живетъ и дышитъ нынѣшнее молодое поколѣніе Французовъ, болѣе и болѣе отстающее отъ основательнаго изученія главныхъ пособій къ изслѣдованіямъ и систематически погружающееся въ невѣжество. Вотъ, на чемъ основана слава удивительной учености знаменитаго романтика! Эдинбургскій Журналъ весьма справедливо замѣтилъ, что молодымъ Французскимъ писателямъ болѣе всего недостаетъ классныхъ познаній, и что все ученіе неистоваго романтизма опирается на дурномъ воспитаніи его проповѣдниковъ. Тѣмъ, которые, увлекаясь односторонними похвалами многихъ Журналовъ, желали бъ читать прославленную историко-политическую книгу «ученаго» Дюма, совѣтуемъ лучше прочитать разборъ ея въ *Journal des Débats* (26 nov., 1833).

ПОСЛѢДНЕЕ СОЧИНЕНІЕ Г. БЕББЕДЖА, *знаменитаго Англійскаго Профессора. Разсужденіе объ экономіи машинъ и мануфактуръ.* Вотъ книга, весьма любопытная, весьма занимательная, и притомъ появляющаяся весьма кстати. Чтобы оправдать эту похвалу, достаточно было бы выписать оглавленіе; но мы не боимся говорить съ нѣкоторою подробностію о книгѣ, въ которой ученый Профессоръ, живущій посреди величайшаго во всемъ свѣтѣ промышленаго движенія, разбираетъ весьма важные вопросы о вліяніи, производимомъ машинами. Намъ хотѣлось бы обратить вниманіе читателей и переводчиковъ на эту книгу, гдѣ найдутъ они самыя простыя и ясныя свѣдѣнія о практиче-

ской Механикѣ и о началахъ Политической Экономіи, которыя весьма полезно распространять во всѣхъ классахъ народа.

Первое дѣйствіе машинъ, самая неоспоримая выгода, ими приносимая, достойная вниманія Философовъ, есть увеличеніе общественнаго благосостоянія и уменьшеніе тѣлесныхъ трудовъ. Благодаря машинамъ, работникъ уже не обременяется физическими трудами, которые погашаютъ его умственныя способности и равняютъ его съ рабочимъ скотомъ. Разсудокъ его возвышается по мѣрѣ того, какъ тѣло перестаетъ сгибаться подъ тяжестію работъ самыхъ утомительныхъ, и онъ дѣлается способнымъ къ принятію умственнаго образованія. Машины увеличиваютъ силу человѣка, сберегаютъ время, и потому суть одно изъ самыхъ важныхъ средствъ просвѣщенія.

Опытъ весьма простой показываетъ, какъ много трудовъ и работы сберегаетъ самое малое усовершенствованіе въ способахъ производства. Чтобъ тащить камень въ 1800 фунтовъ вѣсомъ, по дурно обтесанной, горизонтальной каменной плоскости, нужна сила, равная 758 фунтамъ. Чтобы тащить тотъ же камень, по деревяннымъ брусьямъ, надобно 652 ф., силы; тотъ же камень на деревянной подставкѣ, тащимый по деревянной площади, требуетъ только 606 ф. силы; но ежели намылить обѣ деревянныя плоскости, то потребуется уже только 182 ф. Наконецъ тотъ же камень, катимый на каткахъ, уступаетъ силѣ въ 28 фунтовъ, а ежели эти катки положены между двумя намыленными деревянными плоскостями, то достаточно и 22 фунтовъ!

Любители промышлености найдутъ въ первой части книги Г. Беббеджа занимательныя подробности о самыхъ любопытныхъ машинахъ, о средствахъ собирать силу, о лучшемъ распредѣленіи силы, о различныхъ употребленіяхъ паровъ; объясненіе нѣкоторыхъ дѣйствій пороха, свѣдѣнія объ искусствѣ печатальщика, литейщика, и наконецъ о томъ, какъ надлежитъ производить наблюденія, обозрѣвая какую-нибудь фабрику.

Во второй части, подъ заглавіемъ *Политическая и частная экономія мануфактуръ*, разсматриваются предметы весьма важные: раздѣленіе работы вообще, раздѣленіе умственной работы, дѣйствія излишняго производства, стачка работниковъ и хозяевъ однихъ противъ другихъ, дѣйствіе

пошлинъ и законныхъ ограниченій свободы промышлености, дѣйствіе Наукъ на будущность промышлености, и проч.

Мы хотѣли бы сдѣлать нѣкоторыя выписки изъ книги Г. Беббеджа; но въ ней такъ много любопытнаго, что мы затрудняемся въ выборѣ. Возьмемъ наудачу слѣдующія. Хотите ли, напримѣръ, знать важность производства, по видимому, самыхъ маловажныхъ вещицъ? Послушайте показаніе Г. Остлера, фабриканта стекляныхъ бусъ, сдѣланное имъ въ назначенной Парламентомъ Слѣдственной Коммиссіи. «Лѣтъ за 18 предъ симъ, сказалъ онъ, встрѣтилъ я на Биржѣ человѣка, порядочно одѣтаго, который спросилъ меня, не могу ли я дѣлать ему *эмалевые глаза для куколъ*. Признаюсь, я былъ такъ глупъ, что обидѣлся подобнымъ предложеніемъ, которое, какъ мнѣ казалось, не соотвѣтствовало важности званія фабриканта. Онъ свелъ меня въ комнату не уже, но вдвое длиннѣе этой: тамъ былъ только узкій проходъ между огромными запасами разныхъ частей куколъ, наваленными до самаго потолка. Здѣсь только руки и ноги куколъ, сказалъ мой проводникъ: туловища въ другой комнатѣ. Но этого было уже довольно, чтобы показать мнѣ, какъ много эмалевыхъ глазъ ему надобно.» Послѣ разныхъ неудачныхъ попытокъ, Г. Остлеръ наконецъ нашелъ средство дѣлать требуемыя отъ него вещи. «Въ 18 лѣтъ, присовокупилъ онъ, эмалевые глаза чрезвычайно подешевѣли, и теперь они не стоятъ и половины того, что стоили тогда. Положимъ, что дѣти начинаютъ играть въ куклы только съ двухъ лѣтъ, перестаютъ играть семи лѣтъ, и ломаютъ въ годъ только одну куклу: можно расчислить, что производство эмалевыхъ глазъ для куколъ, пускаетъ въ обращеніе нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ.»

Многіе боятся, что при устроеніи чугунныхъ дорогъ обыкновенные пути сообщенія будутъ совершенно оставлены. Вотъ примѣръ, который можетъ успокоить ихъ на этотъ счетъ. Когда стали помышлять о заведеніи парохода между Лондономъ и Маргатомъ, подрядчики дилижансовъ, ходившихъ по этой дорогѣ, подали въ Нижній Парламентъ прошеніе противъ пароходовъ, которые, по ихъ мнѣнію, должны разорить ихъ. Время доказало, что это опасеніе было совершенно неосновательно, потому, что число дилижансовъ въ короткое время увеличилось, и это произошло, по

всей вѣроятности, отъ заведенія пароходовъ, которое чрезвычайно усилило число путешественниковъ. Нынѣ боятся, что распространеніе чугунныхъ дорогъ и паровыхъ машинъ оставитъ безъ работы множество лошадей и разоритъ лежащіе по дорогамъ трактиры. Это опасеніе, вѣроятно, такъ же неосновательно, какъ и страхъ содержателей Маргатскихъ дилижансовъ.

Извлекаемъ изъ книги Беббеджа описаніе одного изъ самыхъ смѣлыхъ произведеній человѣческой промышлености.

«Нѣкоторыя изъ высокихъ Швейцарскихъ горъ покрыты превосходнымъ строевымъ лѣсомъ, находящимся въ мѣстахъ совершенно неприступныхъ. Долгое время дикія отлогости и глубокія ущелья горы Пилатской были покрыты непроходимыми лѣсами, которые росли и погибали безъ всякой пользы для человѣка, когда одинъ иностранецъ, охотившійся въ этихъ мѣстахъ за дикими козами, обратилъ на эти лѣса вниманіе Швейцарскихъ помѣщиковъ; но самые предпріимчивые изъ нихъ объявили, что, къ несчастію, нѣтъ ни какой возможности добывать этотъ лѣсъ. Уже въ 1816 году Г. Руппъ и трое Швейцарскихъ помѣщиковъ, болѣе смѣлыхъ въ своихъ надеждахъ, купили у Аншпахской общины за 56,000 фр. нѣкоторое количество этихъ земель, покрытыхъ лѣсомъ, и начали строить наклонную площадь, которая окончена въ 1818 году.

«Эта площадь состоитъ изъ 25,000 огромныхъ сосенъ, очищенныхъ отъ коры и соединенныхъ весьма искусно безъ помощи желѣза. Около 160 работниковъ полтора года строили эту площадь, и она стоила 100,000 франковъ. Наклонная площадь сія, длиною въ 12 верстъ, примыкала къ Люцернскому озеру; она сдѣлана была въ видѣ ящика, шириною въ шесть футовъ, глубиною отъ трехъ до шести; дно состояло изъ трехъ деревъ; въ среднемъ сдѣланъ продольный жолобъ, въ который изъ разныхъ мѣстъ проведены были ручейки для уменьшенія тренія. Вся наклонная площадь поддерживалась двумя тысячами подпоръ, и въ разныхъ мѣстахъ весьма замысловато прикрѣплена къ отвѣснымъ гранитнымъ скаламъ. Мѣстами она шла прямо, а иногда ломаною линіею: наклонность измѣнялась отъ 18 до 20 градусовъ. Иногда она прилѣплена была къ бокамъ камней или скалъ, иногда лежала на ихъ вершинѣ. Въ одномъ мѣстѣ она прохо-

дила подъ землею, а нѣсколько подалѣе тянулась надъ пропастью, поддерживаемая 120 футовыми подмостками.

Смѣлость этой работы и замысловатое устроеніе разныхъ частей ея возбуждали всеобщее удивленіе. До начатія работы надобно было вырубить нѣсколько тысячъ деревъ, чтобы сдѣлать просѣку въ этой непроходимой чащѣ. По мѣрѣ того, какъ работники подвигались впередъ, по мѣстамъ разставляемы были люди, чтобы показывать имъ дорогу на возвратномъ пути и отыскивать въ ложбинахъ мѣста, въ которыхъ надобно поставить столбы для поддержанія наклонной площади. Самъ Г. Руппъ принужденъ былъ не разъ спускаться на веревкѣ въ пропасти въ нѣсколько сотъ футовъ глубиною. Въ первые мѣсяцы по начатіи предпріятія, онъ сильно заболѣлъ лихорадкою, которая препятствовала ему наблюдать за работами; но ничто не могло уменьшить его неусыпной дѣятельности. Онъ каждый день отправлялся въ носилкахъ на гору для управленія работами, что было совершенно необходимо, потому, что въ числѣ его работниковъ были только два хорошіе плотника; остальные были собраны со всѣхъ сторонъ безъ разбора, и не имѣли свѣдѣній, нужныхъ для совершенія столь гигантскаго предпріятія. Сверхъ того, Г. Руппъ долженъ былъ бороться съ предразсудками мужиковъ, которые думали, что онъ водится съ нечистымъ духомъ, обвиняли его въ безбожіи, и для забавы всячески препятствовали совершенію его предпріятія, которое они почитали нелѣпымъ и невозможнымъ. Наконецъ, всѣ эти препятствія были преодолѣны, и Г. Руппъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ деревья его съ быстротою молніи спускались съ горы. Величайшія сосны, длиною во 100 футовъ, толщиною въ верхушкѣ въ 10 дюймовъ, пробѣгали въ двѣ минуты съ половиною пространство въ 12 верстъ, и во время бѣга казались длиною въ нѣсколько футовъ.

Спускъ деревъ былъ устроенъ весьма просто. Съ самаго низа наклонной площади и до самаго верха, стояли люди въ одинаковыхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго. Когда все было готово, низшій работникъ кричалъ слѣдующему: *Пускай*! Команда эта, передаваемая однимъ часовымъ другому, доходила до вершины наклонной площади минуты въ три. Тогда работники, стоявшіе на самомъ верху, кричали пер-

вому часовому: *Идетъ!* — и этотъ крикъ повторялся, предшествуя дереву, летящему по плоскости. Какъ скоро дерево доходило до низу и погружалось въ Люцернское озеро, первый работникъ опять кричалъ: *Пускай!* Такимъ образомъ каждыя пять или шесть минутъ спускаемо было по дереву, если только въ помостѣ наклонной площади не случалось поврежденія, что, правду сказать, бывало довольно часто; но изломанное въ ту жъ минуту починивалось.

Чтобы показать, какую ужасную силу пріобрѣтали деревья скоростію своего паденія, Г. Руппъ устроилъ такъ, чтобы нѣкоторыя изъ нихъ упали съ наклонной площади: они погрузились толстымъ концемъ въ землю на 18, и даже на 24 фута; и когда одно изъ нихъ ударилось объ другое, то раскололось съ верху до низу, какъ-будто разбитое громомъ.

Это гигантское и превосходное произведеніе искусства, предпринятое и совершенное однимъ человѣкомъ, теперь уже не существуетъ. На Пилатской горѣ остались только слабые слѣды наклонной площади.

Людямъ, которые думаютъ, что машины доведены уже до послѣдней степени могущества, мы совѣтуемъ прочесть главу, въ которой Г. Беббеджъ говоритъ о вліяніи Наукъ на будущее развитіе промышлености. Они увидятъ, чего воображеніе смѣлое и ученое можетъ не безъ основанія ожидать отъ силъ Природы, которыхъ человѣкъ еще не успѣлъ поработить себѣ.

ЧИСЛИТЕЛЬНАЯ МАШИНА Г. БЕББЕДЖА. Обязанность этой чудной машины состоитъ въ вычисленіи и печатаніи весьма пространныхъ и весьма сложныхъ астрономическихъ и навигаціонныхъ таблицъ, на составленіе которыхъ, посредствомъ обыкновеннаго способа, потребовалось бы очень много труда и времени; да и притомъ онѣ не имѣли бы надлежащей точности. Кромѣ таблицъ логариѳмовъ, машина Г. Беббеджа будетъ еще вычислять произведеніе чиселъ и всѣ астрономическія таблицы для опредѣленія положенія солнца, луны и планетъ. Чтобы дать понятіе объ этой удивительной машинѣ, мы опишемъ дѣйствія, произведенныя маленькою пробною машиною, сдѣланною изобрѣтателемъ. Цифры, по мѣрѣ того, какъ машина ихъ вычисляла,

являлись не въ квадратикахъ или другимъ подобнымъ образомъ, но выходили изъ боковъ машины: напримѣръ, число 983 являлось цифрами предъ глазами человѣка, который ихъ списывалъ.

Пока машина вычисляла одну таблицу, пріятель изобрѣтателя принялся записывать числа. Онъ писалъ весьма скоро, и потому сначала обгонялъ машину; но потомъ, когда цифры начали являться по пяти вдругъ, онъ едва могъ поспѣвать за нею. При другомъ опытѣ, *тридцать два* числа одной таблицы были вычислены въ *двѣ минуты* и *тридцать секундъ*; а какъ въ нихъ было *восемьдесятъ двѣ* цифры, то изъ этого слѣдуетъ, что машина производила въ минуту тридцать три цифры, или *одну цифру* менѣе чѣмъ въ *двѣ секунды*. Эта быстрота хода машины могла бы продолжаться, сколько угодно, и немногіе писцы въ состояніи были бы равняться съ нею.

Нѣкоторые думали, что изобрѣтеніе этой машины принадлежитъ не Г. Беббеджу, что это идея не новая: въ такомъ случаѣ можно сказать, что изобрѣтеніе телескопа есть не что иное, какъ слѣдствіе изобрѣтенія очковъ. Это даже было бы справедливѣе, чѣмъ думать, что машина Г. Беббеджа мало различествуетъ отъ ариѳметическихъ машинъ Паскаля и нѣкоторыхъ другихъ. Эти машины имѣли совсѣмъ иной предметъ: онѣ ограничивались производствомъ обыкновенныхъ дѣйствій Ариѳметики. Правда, что машина Г. Беббеджа также можетъ производить эти дѣйствія: она можетъ извлекать корни чиселъ, и подходить къ корнямъ уравненій, и даже къ ихъ невозможнымъ корнямъ; но назначеніе ея не въ томъ. Предметъ ея, отличный отъ предмета всѣхъ другихъ числительныхъ машинъ, состоитъ въ примѣненіи Механики къ дифференціальной методѣ, чего никогда не было дѣлано. Результаты, которые она можетъ доставить, и работы, которыя она, какъ надѣются, совершитъ въ нѣсколько лѣтъ, поставляютъ ее выше всего, что усилія генія Механики доселѣ производили.

ЛИВЕРПУЛЬ И МАНЧЕСТЕРЪ. Важнѣйшая изъ Англійскихъ чугунныхъ дорогъ есть, безъ сомнѣнія, та, которая лежитъ между Ливерпулемъ и Манчестеромъ, и этою важностію обязана она нераздѣльному союзу, соединяющему эти

два города. Манчестеръ со своими окрестностями на 25 или 30 верстъ кругомъ не что иное, какъ огромная фабрика. Ливерпуль не производитъ ровно ничего, но онъ продаетъ то, что производятъ его сосѣди. Ливерпульскіе *чичероне* говорятъ, что городъ ихъ вторая Венеція, возвышающаяся надъ водами; это не правда. Ливерпуль контора, не что иное какъ контора, но контора, величайшая и наилучше расположенная во всемъ свѣтѣ. Всѣ дѣла производятся тамъ на небольшомъ пространствѣ, въ которомъ заключается великолѣпная Биржа, ратуша и всѣ конторы (bureaux) *. Въ четыре часа по полудни все кончено: каждый запираетъ свою келью (тамошнія конторы вполнѣ заслуживаютъ это названіе), и отправляется въ свой городской или загородный домъ. Ливерпуль и Манчестеръ окружены двойною, или даже тройною, линіею каналовъ: каналъ Герцога Бриджватерскаго, каналъ изъ Лидса въ Ливерпуль, каналы Санкейскій, Лигскій, Больтонскій, Бюрійскій, Мерсейскій и Ирвелльскій, не говоря уже о небольшихъ рѣкахъ, которыя при устьѣ своемъ образуютъ родъ бухтъ, и выше могутъ почитаться ручьями, хотя, благодаря человѣческому искусству, вездѣ судоходны, именно, объ Ирвесѣ, Мерсеѣ и Виверѣ; и судоходство по нимъ производится съ быстротою, у насъ совершенно незвѣстною. Но со времени заключенія мира, благосостояніе сихъ двухъ городовъ такъ увеличилось, что за десять лѣтъ предъ симъ эти пути сообщенія и превосходная дорога оказались недостаточными, потому, что контора и фабрика хотѣли сблизиться. 20 Мая 1824 года сто пятьдесятъ купцевъ подписали объявленіе, въ которомъ доказывали недостаточность средствъ сообщенія, и положено было устроить чугунную дорогу. Работы начались въ Іюнѣ 1826 года, а 15 Сентября 1830 года дорога торжественно открыта. Извѣстно, по какому несчастному случаю Ливерпульскій представитель, Министръ Торговли Г. Госкиссонъ, погибъ при этомъ торжествѣ. Нынѣ устроиваютъ подземелье, по которому чугунная дорога проведена будетъ до самой середины Ливерпуля.

* Чтобы видѣть, какъ важны дѣла, производимыя въ этомъ небольшомъ пространствѣ, довольно сказать, что земля продавалась тамъ недавно по 10,000 руб. за квадр. сажень. Въ самыхъ лучшихъ частяхъ Парижа и Лондона земля никогда не продается и за половину этой цѣны.

Главная отрасль Англійской торговли, та, въ которой она не имѣетъ соперниковъ, и которая открываетъ ей порты всего свѣта, состоитъ изъ всякаго рода бумажныхъ произведеній. Сложная цѣнность вывоза изъ Англіи земледѣльческихъ и мануфактурныхъ произведеній простиралась въ послѣднее десятилѣтіе почти ежегодно отъ 900 до 920 милліоновъ рублей. Бумажныхъ товаровъ было въ томъ числѣ на 420 или 450 милліоновъ; а большая часть Англійскихъ бумажныхъ произведеній дѣлается въ Манчестерѣ и его окрестностяхъ *. Это одно уже могло бы объяснить коммерческую важность Ливерпульскаго порта **, но къ этому надобно еще прибавить, что Ливерпуль лежитъ по близости чугунныхъ и желѣзныхъ заводовъ Стаффордшейрскихъ и Шропшейрскихъ, и фабрикъ Бирмингамскихъ и Шеффильдскихъ; что, по узкости Англіи подъ 53° широты, у него подъ рукою оба берега, западный и восточный; что онъ служитъ центральнымъ пунктомъ сношеній Ирландіи съ Великобританніею; что онъ почти смеженъ и съ Шотландіею и съ Валлисомъ; что онъ главная квартира Англійскихъ пароходовъ. Вспомнивъ все это, вы поймете, что Ливерпуль долженъ производить огромную торговлю: и дѣйствительно, она уступаетъ только Лондонской. Одиннадцать тысячъ судовъ въ 1,400,000 тоннъ ежегодно устанавливаются въ девяти его бассейнахъ. Двѣ-пятыхъ всего Великобританскаго вывоза производится черезъ Ливерпуль. Болѣе пятой части всѣхъ Великобританскихъ таможенныхъ доходовъ собирается въ Ливерпулѣ (около 100 милліоновъ); а со времени измѣненія хартіи Индѣйской Компаніи, Ливерпульскіе купцы надѣются овладѣть большею частію торговли съ Азіею, которая доселѣ вся производилась черезъ Лондонъ. Они всѣми силами стараются сравнить Ливерпульскую торговлю съ Лондонскою, и надобно сказать, что они идутъ къ этой цѣли скорыми шагами.

* Съ 1801 по 1831 годъ, народонаселеніе Графства Ланкастерскаго, гдѣ находятся Ливерпуль и Манчестеръ, вознеслось отъ 672,731 души до 1,336,854, т. е., оно удвоилось, между-тѣмъ среднее увеличеніе народонаселенія во всей Великобританіи было 20 на 100.

** Съ 5 Декабря 1830 по 5 Января 1831 года, бумажныхъ произведеній вывезено изъ Ливерпуля на 37.500.000 руб.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И РАЗЛИЧНЫЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ РЕЗИНЫ. Каучукъ, называемый въ просторѣчія резиною, или гумми-эластикумъ, сдѣлался извѣстнымъ въ Европѣ въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія. Его привозили тогда въ разныхъ видахъ изъ Южной Америки, какъ предметъ любопытства; но тогда не знали, что это такое и какимъ образомъ получается: извѣстно было только то, что это вещество принадлежитъ къ растительному царству. Это продолжалось до путешествія, въ Южную Америку, совершеннаго въ 1735 году Французскою Коммиссіею для измѣренія градуса меридіана. Эти Ученые не ограничили своихъ изысканій однимъ только главнымъ предметомъ ихъ путешествія, но собрали множество свѣдѣній по части Естественной Исторіи. Происхожденіе каучука обратило на себя ихъ вниманіе: они открыли въ Бразиліи, въ Эсмеральдѣ, дерево, называемое туземцами *геве* (*hévé*), котораго сокъ, высохнувъ, составляетъ каучукъ. Въ послѣдствіи это дерево найдено также въ Кайеннѣ и по берегамъ Амазонской рѣки, а потомъ дознано, что каучукъ можно получать изъ другаго дерева, растущаго въ Южной Америкѣ и называемаго *jatiopha elastica*.

Когда на одномъ изъ этихъ деревъ сдѣлаютъ надрѣзъ, изъ него начнетъ вытекать молочнистый сокъ, котораго относительный вѣсъ составляетъ 0,9335, и который на воздухѣ сгущается, образуя вещество чистаго бѣлаго цвѣта, безвкусное и непахучее. Черный цвѣтъ продажнаго каучука происходитъ отъ образа сушенія его. Это производится слѣдующимъ образомъ: глиняную форму покрываютъ тонкимъ пластомъ этого молочнистаго сока, и потомъ сушатъ его, подвергая форму дѣйствію огня, производящаго много дыма. Первый пластъ покрываютъ вторымъ, поступая такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока каучукъ получитъ нужную толщину. Когда всѣ эти пласты достаточно высушены, внутреннюю глиняную форму разбиваютъ молоткомъ, и куски вынимаютъ сквозь отверзтіе въ оболочкѣ. Такимъ образомъ, бутылки каучука, которыя мы видимъ въ торговлѣ, состоятъ изъ множества тонкихъ пластовъ молочнистаго сока и столькихъ же пластовъ сажи.

Жители Южной Америки, гдѣ родится это дерево, дѣлаютъ изъ его сока разныя употребленія. Они собираютъ

его въ дождливое время, потому, что хотя его можно получать и во всякое время, но въ это онъ бываетъ обильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Индѣйцы дѣлаютъ изъ него сапоги, совершенно непромокаемые, а жители Квито приготовляютъ ткань, имѣющую то же свойство. Эта ткань вѣроятно походитъ на ткани подобнаго рода, приготовляемыя во Франціи и въ Англіи и у насъ въ Петербургѣ.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Южной Америки изъ каучука дѣлаютъ также родъ свѣчъ, которыя горятъ весьма хорошо: при горѣніи онѣ издаютъ запахъ, пріятный для тѣхъ, кто привыкъ къ нему, но вообще неправящійся Европейцамъ. Подобная свѣча, въ полтора дюйма длиною, горитъ двѣнадцать часовъ.

Со времени открытія каучука въ Америкѣ, въ Азіи найдено нѣсколько деревъ, которыя даютъ точно такой же сокъ, и также принадлежатъ тропическимъ странамъ: они суть *ficus indica*, *artocarpus integrifolia*, и *urceola elastica*. Жидкость, доставляемую этими деревьями, сушатъ иначе, чѣмъ въ Америкѣ: посему каучукъ, такимъ образомъ получаемый, имѣетъ лимонный цвѣтъ, и, въ противоположность добываемому въ Америкѣ, называется бѣлымъ каучукомъ.

Каучукъ имѣетъ нѣкоторыя особенныя и весьма замѣчательныя свойства, которыя, со времени ввезенія его въ Европу, сдѣлались предметомъ изслѣдованія для Химиковъ. Онъ гибче и упруже всѣхъ извѣстныхъ веществъ, и тягучесть его такъ велика, что разорвать каучукъ трудно. Химики долго искали средства растворять каучукъ, чтобъ привести его снова въ жидкое состояніе. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, найдены два растворяющія средства: эѳиръ и терпентинное масло, по испареніи коихъ, каучукъ сохраняетъ всѣ свои свойства. Самый тонкій пластъ раствора каучука, наложенный на какую-либо ткань, дѣлаетъ ее совершенно непроницаемою для воздуха и сырости, не лишая притомъ гибкости. Г. Ганкокъ, въ Фульгамѣ, нашелъ средство дѣлать изъ каучука полную одежду, совершенно гибкую и производящую спасительныя дѣйствія надъ людьми, которые страждутъ ревматизмами, потому, что подобное платье содержитъ тѣло въ безпрерывной испаринѣ. Каучукъ употребляютъ также на дѣланіе поясовъ, подтяжекъ, галошъ, разныхъ хирургическихъ инструментовъ, которые,

по своей гибкости, непроницаемости и прочности, лучше всѣхъ прочихъ.

Вотъ увеличеніе ввоза каучука въ послѣдніе годы въ Англію.

	фунтовъ:		фунтовъ:
1829	23.000.	1831	82.000.
1830	51.000.	1832	98.000.

Цѣна каучука въ Англіи измѣняется отъ 1 шил. 6 п. (1 р. 85 к.) до 2 ш. 3 п. (2 р. 80 к.) за фунтъ.

ВОДЯНОЙ ПАУКЪ. Это насѣкомое весьма замѣчательно тѣмъ, что оно погружается въ воду или плаваетъ на ея поверхности въ эластическомъ и непромокаемомъ шарѣ. Ничего не можетъ быть нѣжнѣе, замысловатѣе этого судна: оно состоитъ изъ небольшаго количества воздуха, заключеннаго въ прозрачной газовой ткани которая служитъ насѣкомому безопаснымъ и покойнымъ жилищемъ. Пловучій домъ его прикрѣпляется тонкими нитками къ листьямъ водяныхъ растеній. На концѣ этихъ нитокъ насѣкомое придѣлываетъ родъ мѣшечка, довольно похожаго на мыльный пузырь, и раздувающагося по волѣ паука. Клейкая матерія, которою онъ покрытъ снаружи, дѣлаетъ его непроницаемымъ, а внутри онъ убирается пухомъ. Видите ли,—корабликъ плаваетъ. Это значитъ что паукъ ищетъ добычи. Но вотъ онъ является съ торжествомъ, цѣпляется за свои канаты, прячется въ свое таинственное судно, и погружается въ воду. Онъ еще не сытъ: онъ раздуваетъ свои легкія, и корабликъ его всплываетъ. Посмотрите какъ бѣдный паукъ заботится, безпокоится! Съ нимъ случилось несчастіе: въ подводномъ кораблѣ его оказалась течь. Онъ однако жъ не лишается мужества; у него есть всѣ нужныя орудія, чтобъ исправить поврежденіе. Какъ опытный инженеръ, онъ сначала заботится о томъ, чтобы задѣлать отверзтіе, потомъ, посредствомъ своего хобота, вытягиваетъ и выливаетъ воду. Но корабль его починенъ, плыветъ легче прежняго, и паукъ снова пускается за добычею. Онъ часто по цѣлымъ днямъ остается подъ водою, и выходитъ оттуда только тогда, когда сквозь прозрачныя стѣнки своего жилища увидитъ добычу.

ГРИНВИЧСКАЯ ОБСЕРВАТОРІЯ. Извѣстно, что всѣ сидеральныя и гидрографическія вычисленіи дѣлаются въ Англіи по меридіану Гринвичской обсерваторіи, основанной въ 1675 году, Королемъ Карломъ II, по указаніямъ одного Француза, Сенъ-Пьера. Посему, весьма важно, чтобы минута прохожденія солнца черезъ этотъ меридіанъ была въ точности извѣстна. Для этого, устроенъ нынѣ новый, весьма простой приборъ. На одной изъ башенъ обсерваторіи поставленъ высокій шестъ съ крестомъ на верху. За нѣсколько минутъ до полудня, къ кресту подымаютъ шаръ въ восемь футовъ въ діаметрѣ, и въ ту минуту, какъ солнце проходитъ чрезъ меридіанъ, шаръ спускаютъ. Въ другихъ обсерваторіяхъ употребляютъ для этого разныя средства; въ однихъ поднимаютъ флагъ, въ другихъ стрѣляютъ изъ пушки; но флагъ, по направленію вѣтра, можетъ быть не видѣнъ, а выстрѣлъ не слышенъ; между тѣмъ, какъ этотъ огромный шаръ, заранѣе выставленный и внезапно падающій видѣнъ во всякое время.

ПРИБЫЛЬ АНГЛІЙСКАГО БАНКА. Само собою разумѣется, что всякой разъ, когда, по случаю пожара, кораблекрушенія, или какого либо другаго происшествія, банковыя облигаціи (bank-notes) бываютъ истреблены, отъ этого происходитъ для Банка вѣрный и чистый барышъ; но немногіе, можетъ быть, знаютъ, что со времени основанія Банка, т. е., съ 1694 года, не представлено, и слѣдственно, по всей вѣроятности, истреблено билетовъ на 122,000,000 руб. Во время ста-тридцати-девяти-лѣтняго существованія Банка, облигацій его выпущено на 500,000,000 руб.

ПЛОДОРОДНОСТЬ НѢКОТОРЫХЪ РАСТЕНІЙ. Сиръ Генри Портеръ, Великобританскій Консулъ въ Караккасѣ, прислалъ Земледѣльческому Обществу въ Лондонѣ нѣсколько образчиковъ хлѣба *Викторія*, удивительно плодороднаго и растущаго весьма скоро. Съ акра земли собирается этого хлѣба въ зернѣ до двухъ или трехъ тысячъ фунтовъ, и менѣе чѣмъ въ семь мѣсяцевъ (съ 15 Февраля по 1 Августа) его жнутъ два раза, между-тѣмъ какъ туземный хлѣбъ въ Англіи и Франціи даетъ только отъ осьми до девяти сотъ фунтовъ зерна съ акра и собирается одинъ разъ въ годъ.

Г. Кроссли сообщилъ тому же Обществу, что онъ посредствомъ особаго способа произвелъ необычайное количество луку и готовъ сообщить свою методу всякому желающему. Вотъ его опыты: въ первый разъ онъ посѣялъ 2 унціи луку, и собралъ 3,496 унцій; въ другой разъ посѣялъ 12 унцій и собралъ 8000 фунтовъ.

Наконецъ Г. Дьюсонъ читалъ въ томъ же Обществѣ записку о способахъ, посредствомъ коихъ на одной и той же землѣ, съ Декабря по Іюль, можно собирать картофель два раза. Въ возможности этого Г. Девсонъ убѣдился неоднократными опытами.

ЛУЧШІЙ СПОСОБЪ СОХРАНЕНІЯ ДЖИНУ. Въ прошломъ Ноябрѣ мѣсяцѣ море выбросило на берега Франціи глыбу сросшихся устрицъ и улитокъ. Разбивая ее, открыли въ серединѣ дерево, обложенное толстымъ въ поларшина слоемъ налипшихъ раковинъ. По внимательномъ осмотрѣніи, убѣдились, что это дерево бочка, и, очистивъ ее, нашли внутри столѣтній джинъ, получившій отъ качки волнами океана огненную крѣпость и почти эѳирный вкусъ. Бордосскій Префектъ тотчасъ купилъ всю бочку. Старшины города Лондона, узнавъ о такомъ важномъ для Наукъ открытіи, отправили къ нему депутатовъ, съ предложеніемъ, уступить этотъ джинъ тремъ Королевствамъ Великобританніи, на вѣсъ серебра. Префектъ не рѣшается.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

Французскія.

VOYAGE A PRAGUE ET A LÉOBEN, par M. le vicomte de *Valsh.*

VOYAGE EN SYRIE et dans le désert, par *Damoiseau.* 1 vol.

VOYAGE DE L'ARABIE PÉTRÉE, par Léon *Delaborde* et *Linaut.* 1 vol. folio.

LA SUISSE PITTORESQUE et ses environs, tableau général descriptif, historique et statistique des 22 cantons, etc., par Alexandre *Martin.* 1 vol. in-4., orné de 160 gravures en acier. Souscription.

FRANCE PITTORESQUE, description pittoresque, topographique et statistique des départemens et des colonies, tableau complet de la France, par M. *A. Hugo.* 3 vol. in-4., avec 120 cartes et 720 vignettes. Souscription.

HISTOIRE (la plus complète qui ait paru jusqu'à ce jour) **DE LA RÉVOLUTION FRANÇAISE**, par M. *Tissot*, de l'Académie Française. 5 vol. in-8. Souscription.

HISTOIRE PARLEMENTAIRE de la révolution française, par MM. *Buchez* et *Roux*, ouvrage destiné à tenir lieu de toutes les collections de journaux et autres documens relatifs à cette époque. 20 vol., paraissant chaque mois. Souscription.

NOUVEL ATLAS national de la France, dressé sur l'échelle de 1,350,000e, par M. *Charle*, avec des augmentations de M. *Darmet*, folio.

HISTOIRE DE L'EMPEREUR NAPOLEON, par M. *A. Hugo*, septième et dernière livraison.

HISTOIRE GÉNÉRALE DES ILES BRITANNIQUES, par Walter Scott, James Mackintosh et Thomas Moore, traduite par M. *Defauconpret.* 12 vol. in-8. Souscription.

DICTIONNAIRE BIOGRAPHIQUE, universel et pittoresque, contenant 3000 articles de plus que le plus complet dictionnaire de ce genre. 48 livraisons, paraissant le mardi depuis le 15 octobre. Souscription.

DICTIONNAIRE PITTORESQUE d'histoire naturelle et de phénomènes de la nature, par une Société de savans et de naturalistes, avec 400 planches. Souscription.

COURS COMPLET D'AGRICULTURE, ou nouveau Dictionnaire d'Agriculture théoretique et pratique, d'Économie rurale et de Médecine vétérinaire. Ouvrage, en 15 vol., par une Société de savans. Souscription, sans rien payer d'avance.

TRAITÉ SUR L'ÉCONOMIE DES MACHINES et des manufactures, par Babbage, traduit par M. *Biot.* 1 vol.

BERTRAND ET RATON, comédie en cinq actes, par M. *Scribe.*

L'IRONIE, roman, par M. *Gustave Drouineau.* 2 vol.

CONFESSIONS POÉTIQUES, par le même.

LE BRASSEUR ROI, roman, par M. le vicomte d'*Arlincourt.* 2 vol.

LES RÉVERBÈRES, roman, par M. *Touchard-Lafosse* 6 vol., les deux dernières livraisons.

LE VAL-DUONEGRO, ou les Frères du poignard invisible, suivi des **RUINES DE DIRCKENFELD**, histoire du XVe siècle, par M. *Lévesque.* 1 vol.

LA THÉODICÉE, ou le Triomphe du Christianisme, poème en dix chants, par M. *Bosset.*

NAPOLINE, poème, par Mme Emile de *Girardin* (Mlle Gay). 1 vol.

LES FRANCS-TAUPINS, roman, par M. *Jacob*, bibliophile. 3 vol.

MATER DOLOROSA, roman, par M. Henri *Berthoud.* 2 vol., sous presse.

LA NONNE DE GNADENZELL, roman, par *Spindler*, auteur du « Juif ». 2 vol.

RAOUL DE PELLEVE, roman, par l'auteur du *Duc de Guise à Naples*. 2 vol.

LE CIMETIERE D'IVRY, ou le cadavre, roman, par MM. *Artaud* et *Poujol*. 2 vol.

SCENES DU JEUNE AGE, par Mme *Gay*. 2 vol.

EXPEDITION SENTIMENTALE, par *E. D.* 1 vol.

ZOHRAB LE PRISONNIER, mœurs persanes, de *Morier*, trad. de l'anglais. 2 vol.

ETUDES DES MŒURS au XIXe siècle, par M. *de Balzac*. 12 volumes, dont deux inédits et paraissant pour la première fois.

ENCYCLOPEDIE PITTORESQUE, à deux sous la livraison; nouveau journal d'instruction et d'agrément, paraissant deux fois par semaine. 104 livraisons par an.

L'ECHO BRITANNIQUE (nouveau journal), choix d'articles de tout genre, sciences, arts, mœurs, usages, industrie etc., extraits de journaux anglais. Prix 6 francs par an.

LA MODE DE PARIS, nouveau journal de toilette et de nouveautés parisiennes. Point de politique. Prix 6 francs par an.

LE NAVIGATEUR, nouvelle Revue maritime; naufrages, pirateries, voyages, incendies, évènemens de mer, histoire de la marine et littérature maritime. Prix 6 francs par an.

LE SELAM (livre d'étrennes, un de plus jolis keepsakes publiés en France, avec de charmantes vignettes anglaises), composé d'articles inédits de MM. *J. Janin*, *Dumas*, *Brucker*, *Barthélemy*, *Méry*, *Nodier*, etc.

L'AMULETTE, étrennes à nos jeunes amis, par C. *Nodier*, *E. Sue*, *F. Soulié*, *L. Gozlan*, le bibliophile *Jacob*, le comte *de Pastoret*, *J. Lacroix*, *E. Cabanon*, *Desbordes-Walmore*, *Menessier-Nodier*, etc., etc.

VERT ET BLANC (livre d'étrennes des royalistes, composé d'articles inédits des auteurs pour la plupart peu connus dans la littérature, à l'exception de MM. *Michaud*, *J. Janin*, *Merle*, *Morice*, *Emile Deschamps* et la princesse *de Craon*). 1 vol., avec une gravure.

Англійскія.

THE ANNUAL Biography and Obituary. 1 vol.

PHILOSOPHICAL TRANSACTIONS of the Royal Society of London for the year 1832. 2 parts.

ELEMENTS OF MATERIA MEDICA and Therapeutics, including the recent discoveries and analyses. By *Anthony Todd Thomson*, M. D. 1 vol.

SURGICAL ESSAIS. By *Bransby Cooper*. 1 vol.

THE INFIMITIES OF GENIUS, illustrated by referring the anomalies in the literary character to the habits and constitutional particularities of men of genius. By *R. R. Madden*. 2 vols.

TREATISE ON HAPPINESS, containing observations on health, property, the mind and the passions, with the virtues and vices, the defects and excellencies, of the human life. 2 vols.

THE PROVINCE OF JURISPRUDENCE determined. By *John Austin*. 1 vol.

PRINCIPLES of Political Economy. By G. P. Scrope. 1 vol.

A TREATISE ON THE ROADS. By Sir *Henry Parnell*. 1 vol.

ON THE RESISTANCE OF WATER in the ship and canal navigation. By *John Macneill*. 1 vol.

THE NATURAL HISTORY of humming-birds. By Sir *William Jardine*. 1 vol.

THE POETRY OF BIRDS. By a Lady. With 22 coloured plates. 1 vol.

HAMDEN IN THE NINETEENTH CENTURY, conversation on the errors and the improvements of the society. 2 vols.

TAXATION, REVENUE, EXPENDITURE, power, statistics and debt of the whole British Empire; their origine, progress and present state, with an estimate of the capital and ressources of the Empire. The whole founded on, and executed by, official tables and authentic documents. By *Pablo Pebrer*, 1 vol. thick.

THE GENIUS OF JUDAISM. 1 vol.

LIVES of the most eminent soveraigns of moderne Europa, written by a Father for the instruction and amusement of his eldest son. 1 vol.

MEMORIALS of the professional life and times of sir William Penn, Admiral and General of the Fleet. By *Granvile Penn*. 2 vols.

LIVES of eminent persons. 1 vol.

NAVAL HISTORY of England. By *Robert Southey*. 2 vols.

A MORAL AND POLITICAL SKETCH of United States of North America. By *Achille Murat*, ci-devant Prince Royal of the Two Sicilies, and citizen of United States. 1 vol.

THREE YEARS IN NORTH AMERICA. By *James Stuart*. 2 vols.

PRATICAL NOTES, made during a Tour in Canada and a portion of United States. By Adam Fergusson.

REFLEXIONS on the domestic and foreign Policy of Great Britain since the war. By a British Merchant. 1 vol.

TWENTY FIVE YEARS in the Rifle Brigade. By late *William Surrey*, Quartermaster. 1 vol.

SIX WEEKS on the Loire, with a peep into La Vendée. By a Lady. 1 vol.

RECORDS OF A VOYAGE to the western coast of Africa, in his Majesty's ship Dryad, for the suppression of the slave trade. By *Peter Leonard*, Surgeon. 1 vol.

TOURS IN UPPER INDIA, and in parts of Himalaya mountain, with account of the Courts of the native Princes. By Major *Archer*. 2 vols.

THE GOVERNMENT OF INDIA. By Major-General Sir *John Malcolm.* 1 vol.
SKETCHES OF GREECE AND TURKEY, with the present condition and futur prospects of the Turkish Empire. 1 vol.
TURKEY AND ITS RESSOURBES; its municipal organisation and free stade; the state and prospects of English commerce in the East; the new administration of Grece, its revenues, etc. 1 vol.
DOMESTIC MANNERS and social condition of white, coloured and negro population of the West Indies. By Mrs. *Carmichael.* 2 vols.
REMINISCENCES OF SPAIN. By *C. Cuching.* 2 vols.
REMINISCENCES of an old traveller. 1 vol.
LETTERS from Switzeland and Italy. By the austor of Letters from the East. 1 vol.

LECTURES ON POETRY and general Literature. By *James Montgomery.* 1 vol.
HISTORY of the American Stage. By *William Dunlap.* 2 vols.
EVENINGS IN GREECE. By *Thomas Moore.* Poetry.
THE DREAM, and other poems. By Mrs. *Coningham.* 1 vol.
POEMS. By *Bratley Coleridge.* 1 vol.
THE BARD OF THE SEA-KINGS, a Novel. By *E. L. Montagu.* 1 vol.
LOVE AND PRIDE, a Novel. By the author of Sayings and doings. 3 vols.
CHILDE ROELIFF'S pilgrimage, a Novel. 3 vols.
FRANCES BERRAIN, a Novel. 3 vols.
THE WHIGS OF SCOTLAND, a historical tale. 2 vols.
DRAMATIC SCENES from real life. By Lady *Morgan.* 2 vols.
THE PARSON'S DAUGHTER, a Novel. By *Hook.* 3 vols.
POLISH TALES. By the authoress of Hungarian Tales. 3 vols.
THE NEW ROAD TE RUIN, a Novel. By Lady *Stepney.* 3 vols.
TRAITS AND STORIES of the Irish peasantry. Second series. 3 vols. Dublin.
RECOLLECTIONS of a Chaperon. Novels. By Lady *Dacre.* 3 vols.
THE WONDOROUS TALE OF ALROY; The rise of Iskander. By the author of Vivian Grey and Contadini Fleming. 3 vols.

=

МОДЫ.

=

Русскія. При Императорскомъ Дворѣ дамы нынче являются въ торжественныхъ случаяхъ не иначе, какъ въ Русскомъ національномъ платьѣ, великолѣпномъ и прелестномъ. Двѣ приложенныя здѣсь картинки представляютъ

принятые на этотъ конецъ костюмы, №1 для Статсъ-Дамъ, №2 для Фрейлинъ. Для первой книжки Журнала, мы предпочли ихъ изображенію Французскихъ модныхъ костюмовъ, надѣясь тѣмъ обрадовать Русскія сердца: всякой, мы увѣрены, съ восхищеніемъ увидитъ это новое и очаровательное доказательство болѣе и болѣе утверждающейся у насъ народности.

Французскія. Въ Парижѣ также примѣчается рѣшительный возвратъ къ старинному. Всѣ цвѣта прошлаго столѣтія въ большой модѣ. Новая матерія, по имени *старо-новая*, nouvelle-ancienne, одерживаетъ верхъ надъ прочими: это тафта съ тканными цвѣтными узорами во вкусѣ нашихъ прабабушекъ. Другая модная матерія называется *Персидская тафта*, tafetas persan: она бываетъ бѣло-молочнистаго или лимоннаго цвѣтовъ, съ букетами розъ, рѣдко набросанными. Бальныя платья дѣлаются всѣ изъ бѣлаго крепа или тюля, съ шитыми цвѣтами въ томъ же родѣ. На вечерахъ, бархатныя платья, высокія до самой шеи, считаются *отлично благородными*, — parfaitement comme-il-faut.

Новый фасонъ атласныхъ капотовъ отличаеся только тѣмъ отъ прежняго, что спереди въ юбкѣ и въ лифѣ дѣлаются въ серединѣ три равныя складки, каждая шириною въ вершокъ. Остальная часть лифа спереди и сзади совершенно гладка: только внизу лифа, сзади, стягиваютъ матерію подъ кушакомъ въ видѣ мелкихъ морщинъ.

Кушаки изъ атласныхъ лентъ: они завязываются маленькимъ бантомъ спереди, съ коротенькими концами. Атласные шитые эшарпы и прошлогоднія длинныя пелерины вытѣснили собольи и пуховые хвосты, boa, которые совсѣмъ не въ модѣ. Всѣ почти дамы носятъ мѣховыя муфты, атласныя, гладкія, или печатныя узорчатыя, или шитыя, съ двумя бантами изъ лентъ по концамъ.

Шиньоны, вообще низкіе, очень легкіе и весьма простые, носятся на маковкѣ и обвиваются внизу косою, чтобъ дать имъ видъ пошире. Блондовые турбаны въ большомъ употребленіи: они чрезвычайно красивы. Вмѣсто блондъ, можно дѣлать турбанъ изъ газоваго эшарпа; но одного эшарпа мало. Большія щеголихи дѣлаютъ турбаны изъ турецкихъ шалей, и являются въ нихъ даже на балѣ.

У себя дома, онѣ носятъ атласные сапожки, черные или того же цвѣта, какъ и платье.

Впрочемъ, все остается попрежнему.

La même chose

La même chose

La même chose

La même chose

La même chose

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
AP50
.B5
t.1